

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

1 (163)

Январь — Февраль — Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,
чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д.и.н. *Е. С. Голубцова*, д.и.н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д.и.н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*, д.и.н. *В. И. Кузицин*,
д.и.н. *А. И. Павловская* (ответственный секретарь),
к.и.н. *О. И. Савостьянова*, д.и.н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

И. А. Стучевский

«ПРИТЕСНЕНИЕ» «ПЕРВОГО ЖРЕЦА»
АМУНА АМЕНХОТЕПА И ВТОРЖЕНИЕ ВОЙСК
«ЦАРСКОГО СЫНА КУША» ПАНЕХСИ

О «притеснении» (th₃), которое испытал «первый жрец» Амуна Аменхотеп от каких-то врагов, сообщают тексты, собранные Т. Е. Питом в его изданиях документов, связанных с судебными разбирательствами по делам о разграблении царских погребений и храмов¹. Как и строки 6,4—6,11 папируса Майер А², эти документы содержат сведения о грабежах в Фивах, о военных действиях, перенесенных далеко на север — вплоть до города Хардаи (Кинополиса), в 335 милях вниз по течению Нила от Фив, а может быть, и до некоторых районов Дельты. В папирусе Британского музея 10052, 10, 18—20 рассказывается, например, о том, как при разрушении Хардаи некто, захваченный в плен, а впоследствии, через много лет, привлеченный к ответу по делу о грабежах в царском некрополе, был куплен сначала человеком по имени Бутехамун, а затем перекуплен каким-то «чужеземцем» за два дебена серебра, а после гибели последнего куплен вновь садовником по имени Каро³. В папирусе Британского музея 10383, 2, 5 сообщается о том, что некий жрец-«уаб» и стражник дома фараона покинул дворец фараона в Мединет Абу, «когда прибыл Панехси» и подверг «притеснению» его господина⁴, — по мнению Я. Черны, «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, Аменхотепа⁵, а согласно убеждению Эд. Ф. Венте — какого-то высокопоставленного чиновника или жреца из штата дворцового и храмового комплекса в Мединет Абу⁶. В папирусе Британского музея 10052, В, 24, как и в строках 6,4—6,11 папируса Майер А, упоминается испытанное Аменхотепом «притеснение» (th₃)⁷.

¹ Peet T. E. The Great Tomb-Robberies of the Ramesside Age, Papyri Mayer A and B. — JEA, 1915, II; *idem*. The Mayer Papyri A and B. L., 1920; *idem*. Fresh Light on the Tomb-Robberies in the Twentieth Dynasty at Thebes. — JEA, 1925, XI; *idem*. The Chronological Problems of the Twentieth Dynasty. — JEA, 1927, XIV, p. 57—73; *idem*. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty. I—II. Oxf., 1930.

² *Idem*. The Mayer Papyri A and B; *idem*. The Supposed Revolution of the High Priest Amenhotep under Ramesses IX. — JEA, 1926, XII, pt 3—4, p. 254—255; *idem*. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty, v. II, pl. XXIV. Эти строки мы уже анализировали в другой статье: Стучевский И. А. «Первый жрец» Амуна Аменхотеп и Рамсес IX. — ВДИ, 1981, № 3.

³ Pap. Brit. Mus. 10052, 10, 18—20; см. Peet. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty, v. II, pl. XXXI; см. также Spiegelberg W. Studien und Materialien zum Rechtswesen des Pharaonenreiches. Hannover, 1892.

⁴ Pap. Brit. Mus. 10383, 2, 5; см. Peet. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty, v. II, pl. XXII.

⁵ Černý J. Egypt: From the Death of Ramesses III to the End of the Twenty-first Dynasty. — In: Cambridge Ancient History, v. II, Chapter XXXV. Cambr., 1965, p. 28.

⁶ Wente Ed. F. The Suppression of the High Priest Amenhotep. — JNES, 1966, XXV, № 2, p. 84.

⁷ Pap. Brit. Mus. 10052, В, 24; см. Peet. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty, v. II, pl. XXXIII.

В папирусе Британского музея 10053 говорится о каком-то направленном против «первого жреца» выступлении враждебного характера (hrwj)⁸. В ряде папирусов о грабителях царских гробниц сказано, что они были убиты во время войны в северной стране или их убил Панехси⁹. Как полагает Я. Черны, во всех подобных случаях имелись в виду мобилизованные Аменхотепом жители Фив, павшие в борьбе с войсками Панехси¹⁰. В одной записи папируса Майер А содержится заявление суду допрошенного грабителя о том, что он покинул Фивы из страха перед mdwt 'n: «когда Панехси совершал mdwt 'n»¹¹. (Точное значение этих mdwt 'n до сих пор не установлено, но, как резонно считает Я. Черны, «во всяком случае это были враждебные действия, которые принуждали людей бежать из их домов»¹².)

Как указывается в одном тексте, чужеземцы, организованные в отряды во главе с начальниками лучников (hrjw-pdt), захватили храм и дворец в Мединет Абу¹³.

Первоначальное мнение, будто бы беспорядки в Фивах вызвал сам верховный жрец Амуна-Ра Аменхотеп, якобы поднявший восстание против фараона¹⁴, опровергнуто еще в 20-х годах нашего столетия¹⁵ и в настоящее время уже никем не разделяется. Однако представление об Аменхотепе как о косвенном «возбудителе» смут живет и по сей день. Многие исследователи все еще считают возможным предполагать, что именно чрезмерное возрастание могущества Аменхотепа в Фивах побудило Рамсеса XI использовать войско Панехси для сокрушения опасного соперника. Даже А. Гардинер, который, исходя из хронологических соображений (впрочем, так им и не разъясненных), не считал Панехси ответственным за устранение Аменхотепа, даже он тем не менее полагал, что последний был «наказан» за свое чрезмерное властолюбие¹⁶.

В работах Я. Черны и В. Хелька мысль об использовании фараоном Панехси для «наказания» Аменхотепа выражается достаточно четко. Так, Я. Черны писал: «Пинехас (Панехси.— *И. С.*) со своей армией выступил против верховного жреца Амона, оккупировал Фивы и их окрестности и претендовал на высшее руководство армией и сельскохозяйственными ресурсами этой части страны... Несомненно, что Рамсес XI признавался в период оккупации Фив Пинехасом, и потому его интервенция была направлена не против обоих, царя и верховного жреца, но только против последнего.... Царь, одобрил ли он интервенцию Пинехаса или нет, должен был признать ее; равно возможно, однако, что *Рамсес XI сам обратился к Пинехасу как к единственному фактору, способному сдержать или потеснить Аменхотепа*. Пережил ли Аменхотеп „подавление“, невозможно узнать. Не существует, однако, доказательства того, что он был когда-либо вновь верховным жрецом Амуна-Ра»¹⁷ (курсив наш.— *И. С.*).

По словам В. Хелька, «незадолго до 12 года нараставшее противоборство между царем и верховным жрецом Карнака окончилось открытым разрывом. Верховный жрец 'imn-htp столь прочно сосредоточил управление внутри Фиваиды в руках храмового персонала, что даже причитав-

⁸ Pap. Brit. Mus. 10053; см. *Peet. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty*, v. II, pl. XXXIII; см. также *Spiegelberg W. Die Empörung des Hohenpriesters Amenhotp unter Ramses IX.*—ZAS, 1923, B. 58, Hft. 1, S. 47; *Sethe K. Die angebliche Rebellion des Hohenpriesters Amenhotp unter Ramses IX.*—ZAS, 1924, B. 59, Hft. 1, S. 61.

⁹ Pap. Mayer A, 13, B, 2; A, 13, B, 3; см. *Peet. The Mayer Papyri A and B.*

¹⁰ *Černý. Egypt...*, p. 28.

¹¹ Pap. Mayer A, 4, 5; *Peet. The Mayer Papyri A and B.*

¹² *Černý. Egypt...*, p. 28.

¹³ Pap. Mayer A, 2, 20; см. *Peet. The Mayer Papyri A and B.*

¹⁴ *Spiegelberg. Die Empörung des Hohenpriesters Amenhotp...*, S. 47—48.

¹⁵ *Sethe. Die angebliche Rebellion des Hohenpriesters Amenhotp...*, S. 60—61; *Peet. The Supposed Revolution...*, p. 254 f.

¹⁶ *Gardiner A. H. Egypt of the Pharaohs. Oxf.*, 1961, p. 301.

¹⁷ *Černý. Egypt...*, p. 30.

шиеся царю поступления более не выделялись¹⁸. *Против этой претензии на самостоятельность Рамсес XI использовал свое последнее средство воздействия — отряды вице-короля Куша P3-nhsj (курсив наш.— И. С.). Это привело к „войне верховного жреца 'Imn-htp(a)“, которая еще годы позднее вспоминалась как событие, которое глубоко укоренилось в памяти населения Фив. Фиванцы стояли на стороне верховного жреца и сражались против P3-nhsj... Мединет Абу как укрепленный пункт сопротивления верховного жреца был взят штурмом, и борьба распространилась вплоть до Среднего Египта, где должен был пасть Хардаи. Население устремилось в Фивы, спасаясь от победоносных солдат P3-nhsj, которые в свою очередь стали грабить гробницы и храмы. Верховный жрец 'Imn-htp, очевидно, в этих сражениях погиб, так как более он не упоминается. В 12-й год правления Рамсеса XI P3-nhsj, однако, был господином Фиваиды и в частности контролировал управление государственным имуществом»¹⁹. Так же, как и В. Хельк, расценивает действия Панехси и Г. Фехт, попытавшийся связать события, приведшие к устранению Аменхотепа, с содержанием изданного М. А. Коростовцевым московского ператического папируса № 127 из собрания Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина²⁰.*

Как мы видим, четко сформулированная Я. Черны и особенно В. Хельком трактовка событий, связанных с вторжением в Фиваиду войска Панехси, рассматривает «царского сына Куша» как орудие мщения фараона, направленное против зарвавшегося, честолюбивого верховного фиванского жреца. Какие, однако, основания имеются у исследователей для такого вывода? Думается, что в пользу подобного умозаключения наряду с прочими соображениями может свидетельствовать прежде всего факт упоминания в документах в качестве пострадавшей стороны исключительно Аменхотепа, а не какого-либо другого фиванского должностного лица. Позволительно ли, однако, на этом основании предполагать, что Аменхотеп как опасный соперник фараона был отстранен воинством Панехси от власти в Фивах с санкции или по крайней мере с молчаливого одобрения Рамсеса XI? Думается, что подобное предположение нельзя считать самоочевидным. Не исключено, что у Панехси были определенные личные счеты именно с Аменхотепом, обусловленные какими-то нам неизвестными соображениями, продиктованными конкретными обстоятельствами междоусобной борьбы за власть в среде фиванского чиновничества. Вполне возможно, что именно эти обстоятельства, а не исключительная позиция Аменхотепа в Фивах сделали для Панехси неудобным сотрудничество с «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, от чего последний и пострадал более, чем какой-либо другой деятель фиванской администрации.

Дальнейшее развитие событий во всяком случае весьма наглядно показало, что отнюдь не Аменхотеп, а Панехси был опаснейшим врагом фараона. Особо отметим, что Г. Кеес, Ю. фон Бекерат, а также Эд. Ф. Венте и К. А. Китчен предполагают наличие союза между Аменхотепом и Панехси, а это уже само по себе не может не подкрепить наше мнение об исключительной спорности оценки Панехси как орудия мщения Рамсеса XI, якобы сокрушившего опасного противника фараона. Данная концепция о союзе, у истоков которой стоит такой крупный авторитет,

¹⁸ Как мы уже указали, данный тезис В. Хелька противоречит содержанию им же опубликованной и впервые точно переведенной надписи о награждении Аменхотепа в 10-й год царствования Рамсеса IX; см. *Helck H. W. Die Inschrift über die Belohnung des Hohenpriesters 'Imn-htp. — Mitteilungen des Instituts für Orientforschung zu Berlin, 1956, B. IV, Hft. 2, S. 30*; см. также *Стучевский И. А. Аменхотеп — первый жрец Амуна-Ра, царя богов, — слуга фараона. — ВДИ, 1976, № 3, с. 6—18.*

¹⁹ *Helck H. W. Geschichte des alten Ägypten. Leiden — Köln, 1968, S. 203 f.*

²⁰ *Fecht G. Der Moskauer «literarische Brief» als historisches Dokument. — ZAS, 1962, B. 87, S. 19, 21—22.*

как Г. Кеес, получила значительное распространение²¹. Основным содержанием этой концепции является мысль о том, что и Рамсес XI, и Аменхотеп, и Панехси были союзниками в общей борьбе против некоей всем им враждебной силы, а именно силы социального характера, которую они все были заинтересованы сокрушить. Как утверждал Г. Кеес, врагами Аменхотепа были не Панехси и его воины, а «шайки ливийцев», взбунтовавшие городские низы и низшее жречество, недовольное Аменхотепом за его стремление ликвидировать в Фивах грабежи, анархию и коррупцию администрации. Восстановив порядок в древней столице Египта и в Хардаи, где также вспыхнул мятеж, Панехси, по мнению Г. Кееса, якобы указал своему преемнику Херихору на единственно возможное в то время средство подавления социальных беспорядков — установление военной диктатуры.

Стремление представить Панехси союзником Аменхотепа чувствуется и в высказываниях А. Аркелла, который в работе совсем иной направленности в сущности повторил основную мысль Г. Кееса, настаивая на том, что «царский сын Куша» боролся не с верховным фиванским жрецом, а с ливийцами из Гераклеополя²². Будучи зачинателем нового подхода к событиям, в которых решалась судьба Аменхотепа, Г. Кеес тем не менее в согласии с традиционным мнением полагал, что фиванский первосвященник скорее всего погиб в борьбе со своими противниками в Фиваиде²³. Последователь Г. Кееса в характеристике деятельности Аменхотепа Ю. фон Бекерат²⁴ (к взглядам которого присоединились Эд. Ф. Венте²⁵, М. Биэбрайе²⁶ и К. А. Китчен²⁷), высказал предположение, что стараниями Панехси и его воинства власть Аменхотепа в Фивах была на какой-то срок восстановлена.

Следует отметить, что ни М. Биэбрайе, ни К. А. Китчен не подтверждают свое мнение о судьбе Аменхотепа какими-либо дополнительными аргументами, просто ссылаясь на высказывания Ю. фон Бекерата и Эд. Ф. Венте. Лишь Эд. Ф. Венте попытался как-то подкрепить предположение Ю. фон Бекерата, интерпретируя соответствующим образом содержание изданной и переведенной им надписи Аменхотепа на стене, окружавшей святилище-молельню времени Тутмоса III к югу от VII пилона. Насколько эта попытка оказалась несостоятельной, мы уже имели возможность показать²⁸, и, таким образом, становится очевидным, что для предположения о восстановлении власти Аменхотепа в Фивах благодаря помощи войска Панехси нет иной опоры, кроме субъективного, не подтвержденного серьезным доказательством суждения Ю. фон Бекерата. Доказать, что Панехси был союзником Аменхотепа, восстановившим (согласно мнению Ю. фон Бекерата) или не восстановившим (согласно мнению Г. Кееса) власть последнего в Фивах, так же невозможно, как невозможно подкрепить реальными фактами и противоположное убеждение многих исследователей, будто бы Панехси был врагом Аменхотепа, которого Рамсес XI использовал для «наказания» строптивого и властного жреца. Не подлежит сомне-

²¹ Kees H. Herihor und die Aufrichtung des thebanische Gottesstaates. — Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften in Göttingen: Phil.-hist. Kl., Neue Folge, Fachgruppe 1, B. 2. Göttingen, 1936—1938, S. 1—20; *idem*. Das Priestertum im ägyptischen Staat des neuen Reich bis zur Spätzeit. Leiden — Köln, 1953, S. 129; *idem*. Die Hohenpriester des Amun von Karnak von Herihor bis zum Ende der Aethiopenzeit. Leiden, 1964, S. 2—6.

²² Arkell A. I. A History of Sudan. From the Earliest Times to 1821. 2 ed. L., 1961, p. 108.

²³ Kees. Die Hohenpriester des Amun von Karnak..., S. 7.

²⁴ Von Beckerath J. Tanis und Theben. Historische Grundlagen der Ramessidenzeit in Ägypten. Glückstadt — Hamburg — New York, 1951, S. 93.

²⁵ Wente. The Suppression..., p. 84—85.

²⁶ Bierbrier M. I. A Second High Priest Ramessesnakht. — JEA, 1972, v. 58, p. 199.

²⁷ Kitchen K. A. The Third Intermediate Period in Egypt (1100—650 B. C.). Warminster, 1973, p. 247, not. 23, 25.

²⁸ См. Стучевский. «Первый жрец» Амуна Аменхотеп...

нию, как справедливо отметил Эд. Ф. Венте, что и взгляды Г. Кееса, и взгляды его последователей, включая прежде всего самого Эд. Ф. Венте, формировались под воздействием вполне обоснованного, с нашей точки зрения, стремления покончить с укorenившимся представлением об опасности, якобы угрожавшей фараону от чрезмерно усилившегося верховного фиванского жреца Аменхотепа²⁹. Однако эта в целом заслуживающая поддержки и одобрения новая тенденция в характеристике взаимоотношений Аменхотепа и Рамсеса XI была реализована в трудах Г. Кееса, Ю. фон Бекерата и Эд. Ф. Венте без достаточно серьезной аргументации, и поэтому с их конечным выводом согласиться невозможно. Нам кажется, что основное заблуждение и сторонников традиционной оценки роли Панехси в «деле» Аменхотепа, и последователей Г. Кееса и Ю. фон Бекерата проистекает от их согласия в одном вопросе — о характере отношения Панехси к фараону, поскольку и те и другие исходят из общего тезиса, будто бы Рамсес XI если и не подтолкнул непосредственно Панехси к вторжению в Египет, то во всяком случае весьма одобрительно к подобному вторжению отнесся, поскольку видел в войске наместника Нубии единственное реальное средство для укрепления фараоновской власти на юге страны. Между тем никаких твердых данных для утверждения об одобрительном отношении Рамсеса XI к поступкам Панехси нет, и поэтому нельзя считать обоснованным ставшее традиционным стремление рассматривать Панехси как орудие целенаправленной политической акции фараона, вне зависимости от того, считать ли эту акцию враждебной Аменхотепу или нет.

Совершенно очевидно, что предположение о существовании союза (или по крайней мере «взаимопонимания») между Рамсесом XI и Панехси было порождено не столько конкретными фактами, сколько прежде всего общей оценкой исторических событий, в которых принимали участие фараон Рамсес XI, наместник Нубии и верховный фиванский жрец. С точки зрения «традиционалистов» Панехси должен был действовать в союзе и согласии с Рамсесом XI (или хотя бы при его молчаливом одобрении) якобы потому, что таким образом легко объяснялась функция «царского сына Куша» как «отомстившего» за фараона опасному конкуренту царской власти на юге страны — Аменхотепу³⁰. В данном случае чрезмерно акцентированное противопоставление по традиционной схеме — фараон и фиванский первосвященник — создавало и соответствующую трактовку действий Панехси, превращавшегося в глазах исследователей в защитника интересов Рамсеса XI³¹. С точки зрения Г. Кееса и его последователей (Ю. фон Бекерата и Эд. Ф. Венте), Панехси потому мог быть использован Рамсесом XI для оказания поддержки фиванскому верховному жрецу, что последний якобы был жертвой не столько бесчинств воинства «царского сына Куша», сколько какого-то социального движения, в котором приняты участие городские низы Фив, погрязшие в коррупции жрецы и представители светской администрации и лишь в некоторой степени отдельные недисциплинированные воины Панехси, втянутые в общую стихию анархии, грабежей и насилия³². И в данном случае политическая роль и функция Панехси, характер его взаимоотношений с фараоном (позицию которого в Фивах он якобы укрепил, оказывая поддержку Аменхотепу в борьбе против восставших)³³ определяются исходя всего лишь из общей субъективной оценки исторической обстановки, а не на основе конкретных фактов.

Как справедливо указывают Я. Черны и В. Хельк, именно кушитская

²⁹ *Wente. The Suppression. . .*, p. 74.

³⁰ См., например, *Cerný. Egypt. . .*, p. 30.

³¹ См. *Helck. Geschichte des alten Ägypten*, S. 203.

³² См. *von Beckerath. Tanis und Theben. . .*, S. 93; *Wente. The Suppression. . .* p. 85, not. 45.

³³ *Von Beckerath. Tanis und Theben. . .*, S. 93—94.

армия Панехси была главной виновницей тех беспорядков в Фивах и на обширных территориях Верхнего и Среднего Египта, от которых, в частности, пострадал Аменхотеп, испытавший жестокое «притеснение» (th₃). Именно Панехси принес жителям Фив смерть и разорение, грабежи и хищения, и поэтому фиванцы сопротивлялись захватчику до конца³⁴. Впоследствии еще многие годы они сочувственно вспоминали о своем верховном жреце — жертве агрессии, относясь в то же время с враждебностью к истинному виновнику своих бедствий — царскому сыну Куша³⁵.

Неприязнь к Панехси явственно чувствуется в записях допросов лиц, заподозренных в соучастии в грабежах и привлеченных (уже при Херихоре и после изгнания Панехси из Фив) к судебной ответственности. Объяснить вслед за Г. Кеесом эту неприязнь, выражающуюся, в частности, в написании при имени «Панехси» (P₃-nh₃sj) знака, детерминирующего обычно понятие «враг», всего лишь естественной реакцией фиванских бунтовщиков, усмирённых Панехси жестокими методами³⁶, показалось трудным уже Ю. фон Бекерату. Последний предложил воспринимать этот знак при имени «Панехси» не как признак враждебности к его обладателю, но как естественный детерминатив при слове, имеющем буквальное значение «кушит»³⁷.

Натянутость подобного толкования нам представляется совершенно очевидной, и уж во всяком случае оно не кажется более убедительным, чем объяснение Г. Кееса. Последнему можно было бы возразить, что все записи производившихся при Херихоре допросов осуществлялись, естественно, не обвиняемыми, которых позволительно было бы считать лицами, пострадавшими от применявшихся Панехси жестоких методов наведения порядка, но людьми, весьма ценившими утвердившееся в Фивах спокойствие³⁸ и потому неспособными относиться с враждебностью к тому, кто подобное спокойствие установил, даже если бы для этого и потребовалось использование суровых мер.

Не более убеждает и объяснение Эд. Ф. Венте, будто бы враждебность к Панехси, проявляющаяся в документах эры «Возрождения» (обратим внимание, что Эд. Ф. Венте в отличие от Ю. фон Бекерата существование этой враждебности не ставит под сомнение), порождалась всего лишь соперничеством Херихора и его сына Пианхи с Панехси³⁹. Эта враждебность не только пропагандировалась в Фивах сверху, но и находила явно живой отклик снизу, в народных массах, и потому не следует, по нашему мнению, видеть причину ее возникновения только в личной антипатии Херихора (Пианхи) к Панехси. Неприязнь к Панехси в Фивах явилась, конечно, следствием агрессивных действий «царского сына Куша», затронувших интересы как фиванской (в том числе жреческой) администрации, так и рядовых жителей древнего города. Панехси не «наказывал» Аменхотепа за его своеволие и не «спасал» его от взбунтовавшихся низов, но, главное, Панехси не действовал с одобрения или по поручению Рамсеса XI⁴⁰. В наименьшей степени Панехси думал об укреплении в Фивах

³⁴ В. Хельк с полным основанием мог писать: «Я не вижу (причин), почему грабящие чужеземцы не могут быть идентифицированы с солдатами P₃-nh₃sj» (см. *Helck. Die Inschrift...*, S. 175, Anm. 6).

³⁵ *Cerný. Egypt...*, p. 30—31, not. 4; *Helck. Geschichte des alten Ägypten*, S. 203.

³⁶ *Kees. Herihor...*, S. 1—20.

³⁷ *Von Beckerath. Tanis und Theben...*, S. 101.

³⁸ Все соответствующие записи датируются годами особой, новой эры «Возрождения» (эры «Повторения рождений» — whm-m₃swt); в тексте же допроса Ахаутинофра из папируса Майер А (строки 6,4—6,11), как мы уже указывали, прямо упоминается восстановленный порядок в качестве даты, определяющей время привлечения Ахаутинофра к судебному разбирательству. (Под порядком в данном случае подразумевается, конечно, переход власти к Херихору после изгнания Панехси из Фив.)

³⁹ *Wente. The Suppression...*, p. 85.

⁴⁰ Совершенно голословным представляется нам тезис Г. Кееса, будто бы «переход Панехси через границу Верхнего Египта мог последовать только по приказу царя» (*Kees. Die Hohenpriester des Amun...*, S. 6).

власти фараона или власти «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов. Вторгаясь со своим войском в Египет, Панехси, как мы полагаем, добивался прежде всего осуществления своих собственных честолюбивых целей. Вполне естественно, что до поры до времени он маскировал эти цели видимостью лояльности к фараону, но делать на этом основании вывод о наличии какого-то союза, стовора или даже хотя бы только молчаливого соглашения между Рамсесом XI и «царским сыном Куша», по нашему мнению, не следует. В распоряжении исследователей, признающих существование какой-то договоренности между фараоном и Панехси, имеются не столько твердые факты, сколько субъективные соображения, вращающиеся вокруг ставшей традиционной проблемы «соперничества» земного владыки Египта и фиванского первосвященника. В зависимости от того, насколько «острым» считается это соперничество, Панехси воспринимается или как «мститель» за Рамсеса XI (и потому враг Аменхотепа), или как ставленник фараона, получивший задание навести порядок в древней столице государства (и заодно восстановить в Фивах власть Аменхотепа). Реальный Панехси, по-видимому, не был ни тем и ни другим. Он был, как нам представляется, прежде всего честолюбцем, попытавшимся реализовать свои мечты о верховном господстве в Египте в благоприятный, как ему казалось, момент. Ничто не характеризует Панехси как союзника только Рамсеса XI или как союзника фараона и Аменхотепа. По всем признакам Панехси действовал исключительно на свой страх и риск как враг и последнего Рамсеса, и фиванского первосвященника.

Источники, как мы полагаем, способны подтвердить наш последний вывод. В самом деле, на какие конкретные факты помимо отмеченных выше общих соображений, так или иначе воздействующих на концепцию исследователя, можно сослаться в подтверждение тезиса о сочувственном отношении Рамсеса XI к вторжению войска Панехси в Египет? В данном случае можно сослаться всего лишь на два факта: на сообщение Туринского папируса 1895 + 2006 о сборе зерна с земли фараона *xata*, осуществленном по распоряжению Панехси писцом фиванского некрополя Тутмосом в 12-й год правления Рамсеса XI⁴¹, и на свидетельство письма Рамсеса XI, отправленного им Панехси в Фивы (где оно было обнаружено) в 17-й год царствования⁴².

В Туринском папирусе 1895 + 2006 Панехси наделен титулами и званиями, обычными для высокопоставленного чиновника фараона, лояльного к своему суверену. В письме от 17-го года правления Рамсеса XI Панехси фигурирует как «царский сын Куша», «царский писец войска», «начальник житницы», «начальник лучников фараона», которому отдается приказ фараона — «его господина» — побеспокоиться о том, чтобы вместе с царским «стольником» исполнить порученное им обоим дело — обеспечить все необходимое для сооружения и украшения переносного наоса великой богини, а также проследить о доставке этого наоса фараону. Кончается письмо строгим царским наказом Панехси: «...Не пренебрегай! Смотри, я написал для твоего уведомления это письмо, чтобы сообщить тебе о царском благополучии. Год 17-й, четвертый месяц периода „ахет“, день 15-й».

Можно ли, однако, на основании данных обоих вышеупомянутых документов быть уверенным в преданности Панехси Рамсесу XI и в благосклонности к Панехси фараона? Полагаем, что такое умозаключение

⁴¹ Pap. Turin 1895—2006 (Turin taxation papyrus; см. *Gardiner A. H. Ramesside Administrative Documents. L., 1948, p. 36, l. 4—5; idem. Ramesside Texts Relating to the Taxation and Transport of Corn.—JEA, 1941, 27, p. 23; Helck. Zur Verwaltung...*, S. 341; см. также *Лурье И. М., Ланис И. А. Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства.—ВДИ, 1961, № 4, с. 203—207.*

⁴² Pap. Turin, Cat. 1896 rt; *Pleyte W., Rossi F. Papyrus de Turin. L., 1869—1876, pl. 66—67; Helck. Zur Verwaltung. . . S. 342; Breasted J. H. Ancient Records of Egypt. V. IV. Chicago, 1906, § 595—600, p. 288—289; Cerný. Egypt..., p. 30.*

вряд ли было бы оправданно. В обоих документах мы сталкиваемся скорее с соблюдением традиционного этикета, требующего применения в соответствующих текстах определенных эпистолярных формул, чем с доказательством дружественного отношения друг к другу Панехси и Рамсеса XI. Для Панехси было, несомненно, выгодным представлять свое вторжение в Египет и захват Фив как деяние, санкционированное фараоном, лояльным исполнителем воли которого в целях маскировки «царский сын Куша» до поры до времени стремился себя изображать. В то же время Рамсес XI как фараон не мог писать своему подданному Панехси иначе, чем он написал, и поэтому весьма вероятно, что за внешней формой письма — наказа Рамсеса XI — скрывалась фактическая зависимость последнего от Панехси во всем, что касалось осуществления в Фивах каких-либо царских распоряжений. В отличие от надписей, составленных «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, Аменхотепом, в которых выражения лояльности к Рамсесу IX согласовывались с содержанием соответствующих текстов (ничем не подтверждающих гипотезу о враждебном отношении верховного фивапского жреца к фараону), в документах, характеризующих деятельность Панехси в Фивах, существуют лишь предписываемые традиционным этикетом выражения лояльности, без какого-либо обоснования их реального значения. Более того, подобные выражения находятся в явном противоречии с показаниями многих источников, датированных по годам эры «Возрождения», в которых враждебное отношение Рамсеса XI к Панехси проявилось с достаточной определенностью.

Как мы знаем, начиная с 19-го года правления Рамсеса XI в Фивах утвердилась практика датирования документов по годам новой эры — так называемой эры «Возрождения» (эры «Повторения рождений», *whm-mšwt*). Заслуга хронологической расшифровки этой эры, как известно, принадлежит прежде всего Т. Питу. Именно Т. Пит окончательно установил, что содержащаяся на обратной стороне папируса Abbot пометка: «Год 1-й, второй месяц периода „ахет“, день 2-й...» соответствует году 19-му⁴³. Пометка, вызвавшая длительные споры о том, правление какого фараона в данном случае подразумевалось⁴⁴, имела в виду определенную часть царствования Рамсеса XI — эру «восстановления порядка после периода иностранного нашествия»⁴⁵. Т. Пит показал также, что 1-й и 2-й годы эры «Повторения рождений» фигурируют и в записях других текстов, в которых в качестве привлеченных к ответу грабителей упоминаются те же лица, что и в папирусе Abbot, — в папирусах Британского музея 10052 (год 1-й) и 10403 (год 2-й), а также в папирусе Майер А⁴⁶. (Различные годы этой же эры, вплоть до 10-го, упоминаются в документах, относящихся ко времени господства в Фивах Херихора и его сына Пианхи⁴⁷).

⁴³ Pap. Abbot, Dockets, 8, A. 1, A. 19 (см. *Kitchen. The Third Intermediate Period...*, p. 17, 248, not. 30).

⁴⁴ См., например, *Botti G. Who Succeeded Ramesses IX — Neferkere? — JEA, 1928, 14, p. 48 ff.*; *Cerný J. Zu den Ausführungen von Sethe über die whm-mšwt Datierungen in den thebanischen Grabberaubungsakten der 20 Dynastie. — ZAS, 1930, B. 65, S. 129—130.* История интерпретации эры «Возрождения» подробно освещена в работе Ю. фон Бекерата, см. *von Beckerath. Tanis und Theben...*, S. 89. Как писал А. Гардинер, под годами *whm-mšwt* якобы следует понимать «короткую эру..., в течение которой Херихор, верховный жрец Амуна-Ра в Карнаке, на время присвоил себе царскую власть»: *Gardiner. Egypt of the Pharaohs*, p. 446.

⁴⁵ *Peet. The Chronological Problems...*, p. 67, 71—72; см. также *Cerný J. A Note on the «Repeating of Births».* — *JEA, 1929, 15, parts 3—4, p. 194—195, 198*; см. также *Peet. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty, v. I, p. 128—132; v. II, pl. 23.*

⁴⁶ См. *Cerný. A Note on the «Repeating of Births», p. 194—198; von Beckerath. Tanis und Theben...*, S. 89; *Kitchen. The Third Intermediate Period...*, p. 177, not. 74.

⁴⁷ Например, годы 4-й и 5-й зафиксированы в Pap. Turin, Cat. 1903/180; год 5-й зафиксирован в «Путешествии Ун-Амуна в Библ»; год 6-й — в Pap. Vienna № 3, Pap. Ambras, в надписях на гробах Сети I и Рамсеса II (см. *Gauthier H. Le livre des rois d'Egypte. T. III. Le Caire, 1913, p. 232 f.*; *Cerný. A Note on the «Repeating of Births», p. 194—198; von Beckerath. Tanis und Theben...*, S. 89); год 7-й — на стеле

Не вдаваясь во все детали проблемы, связанной с интерпретацией эры «Возрождения», хотелось бы сейчас обратить внимание на один ее аспект, который имеет непосредственное отношение к тезису, выдвинутому нами выше. Документы, датированные по годам новой эры, провозглашенной в 19-й год правления Рамсеса XI (т. е. непосредственно после 17-го года, когда к Панехси было направлено царское письмо), свидетельствуют о враждебном отношении фараона к «царскому сыну Куша». Последний вывод становится неизбежным, стоит только разобраться в том, кто и с какой целью провозгласил введение эры «Повторения рождений».

Как известно, по данному вопросу было высказано два, казалось бы, прямо противоположных и взаимно исключающих утверждения. Если, по мнению Г. Кееса, творцом эры «Повторения рождений» был Херихор, ознаменовавший введением новой эры установление своего господства в Фивах как центре особого «государства бога» Амуна ⁴⁸, то, с точки зрения Ю. фон Бекерата, лишь энергичный Рамсес XI может считаться инициатором провозглашения эры, которая должна была объявить о намерении фараона восстановить, «возродить» былое могущество царской власти ⁴⁹.

В подтверждение своей интерпретации политического смысла новой эры «Возрождения» Ю. фон Бекерат ссылаясь на прецеденты, показывающие, что эра «Повторения рождений» обычно провозглашалась фараоном в целях политической пропаганды, как своеобразное знамя царствования ⁵⁰.

Критикуя концепцию Ю. фон Бекерата, Г. Кеес выдвигал ряд контраргументов; так, если Ю. фон Бекерат для обоснования своей точки зрения привлекал абидосскую посвятельную стелу частного лица от 27-го года правления Рамсеса XI, в которой отсутствует датировка по годам эры «Повторения рождений» ⁵¹, и изданную Ч. Ф. Нимсом ⁵² надпись от 7-го года этой эры, в которой Херихор не упоминается, но фигурирует как здравствующий правитель Рамсес XI ⁵³, то Г. Кеес в свою очередь утверждал, что особая датировка абидосской стелы могла быть следствием смерти Рамсеса XI и воцарения нового фараона Смендеса ⁵⁴ (предположение, несомненно, ошибочное ⁵⁵), в то время как изданная Ч. Ф. Нимсом надпись была якобы посвящена разбору столь ничтожного внутреннего дела

Пианхи (см. *Nims Ch. E. An Oracle Dated in «The Repeating of Births».*— JNES, 1948, VII, № 3, p. 157—162); год 10-й — в Pap. Brit. Mus. 10326 (см. *Wente Ed. F. Late Ramesside Letters.* Chicago, 1967, № 9).

⁴⁸ Kees. Herihor..., S. 1—20; Kees. Die Hohenpriester des Amun..., S. 6—16. Близкие к взглядам Г. Кееса мысли были высказаны еще в 1930 г. Я. Черны, который тогда предположил, что «в 19-й год своего правления Рамсес XI был принужден могучей теократической партией капитулировать и по крайней мере часть своей власти передать Херихору в Фивах и Смендесу в Танисе. Таким образом, возникло своего рода соправительство (Mitregentschaft), и это состояние впоследствии нашло выражение в датировке по whm-mšwt» (см. *Černý. Zu dem Ausführungen von Sethe über die whm-mšwt Datierungen...*, S. 129).

⁴⁹ Von Beckerath. Tanis und Theben. . . , S. 91—95. Эру «Повторения рождений» трактовали как время восстановления власти фараона после периода анархии также Т. Пит и Г. Лефевр (см. *Peet. The Supposed Revolution. . .*, p. 257—259; *Lefebvre G. Histoire des Grands Prêtres d'Amon de Karnak jusqu'à la XXIIe dynastie.* P., 1929, p. 199).

⁵⁰ Основатель XII династии Аменемхет I включил выражение whm-mšwt в состав своего имени, а зачинатель могущества фараонов XIX династии Сети I употребил то же словосочетание в датировках в 1-й и 2-й годы своего царствования, причем преномен Сети I — «Менмаатра Сетепенра» — совпадает с преноменом Рамсеса XI; см. *Gardiner. Egypt of the Pharaohs*, p. 127, 249, 301, 304.

⁵¹ Von Beckerath. Tanis und Theben. . . , S. 91.

⁵² Nims. An Oracle. . . , p. 157—162.

⁵³ Von Beckerath. Tanis und Theben. . . , S. 111.

⁵⁴ Kees. Die Hohenpriester des Amun von Karnak. . . , S. 6.

⁵⁵ В абидосской стеле от 27-го года царствования Рамсеса XI (Cat. d'Abydos № 1173) потому нет ссылок на эру «Повторения рождения», что последняя была эрой прежде всего фиванской и как таковая могла не учитываться в других городах Египта. На это обстоятельство обратил внимание В. Хельк (см. *Helck. Die Inschrift. . .*, S. 177).

из сферы хозяйственных интересов фиванского жречества, что в ней Херихор мог не упоминаться ⁵⁶.

Наиболее весомые соображения в пользу своего понимания эры «Повторения рождений» были высказаны Г. Кеесом в его последней большой, обобщающей работе, посвященной истории фиванского жречества, где Г. Кеес с полным основанием проводил мысль о том, что при Рамсесе XI фактическая власть в стране принадлежала не фараону, а его окружению, прежде всего Смендесу (Несубанебджеду), который, вероятно, и помог Херихору в его утверждении в Фивах при поддержке войск, расквартированных в Среднем Египте ⁵⁷.

Высказанные Г. Кеесом в полемике с Ю. фон Бекератом соображения по существу положили конец кажущейся непримиримости их взглядов, определив становление реалистической трактовки роли Рамсеса XI в бурных событиях, последовавших за вторжением в Египет войск Панехси. В итоге наиболее распространенной стала точка зрения, которую готовы разделить и мы, что фактическим и наиболее заинтересованным «создателем» эры «Повторения рождений» был Херихор, но установилась эта эра (главным образом в Фивах) под прикрытием фиктивного тезиса, выдвигаемого в целях политической маскировки, будто бы она была порождением фараоновских предначертаний. Как справедливо писал В. Хельк, «определяющим период *whm-mšwt* является... как раз то, что он празднует изгнание *P3-nhsj*, который с ее (т. е. эры.— *И. С.*) введением исчез со страниц истории и был детерминирован в качестве „павшего врага“» ⁵⁸. По словам Г. Фехта, «Рамсес к этому времени вряд ли был более чем слабой фигурой... Я могу тем самым заключить, что создание эры восходит к инициативе *Hgj-Hgw*» ⁵⁹.

Мы полагаем, что приведенные выше суждения в главном правильно оценивают реальную суть проблемы. Можно согласиться с Ю. фон Бекератом в том, что эра «Повторения рождений» имела (по своему происхождению) общегосударственный характер. Но в то же время нужно признать справедливость и существующего мнения, что фактическим «творцом» этой эры был Херихор.

Наиболее существенное, что в данном случае следует учитывать, — это политическую целенаправленность новой эры, а также то, что эра «Повторения рождений» вводилась Херихором от имени Рамсеса XI для доказательства своей лояльности фараону, как идеологическое прикрытие его фактического господства в Фивах. Эра «Повторения рождений» была провозглашена в 19-й год царствования Рамсеса XI, по-видимому, вскоре после изгнания Панехси из Фив. Поскольку Херихору в начале его фиванской карьеры было выгодно маскировать свои честолюбивые устремления, он изображал свои действия в Фивах, а именно изгнание Панехси и его кушитского войска, как осуществление предначертаний фараона. Херихор явно ставил себе в заслугу (перед Рамсесом XI) свою борьбу с Панехси, а это означает, что, по мнению Херихора, который, несомненно, хорошо разбирался в расстановке политических сил своего времени, вытеснение Панехси из Фив было событием желательным и полезным для фараона. Провозгласив начало новой эры «Повторения рождений», Херихор стремился представить себя исполнителем воли Рамсеса XI, для которого он, изгнав Панехси, восстановил законный порядок в Фивах и во всем Египте. С точки зрения Херихора, Панехси был бесспорным врагом фараона, а это в свою очередь свидетельствует о том, что распространенное мнение о наличии какого-то союза Рамсеса XI с Панехси (в целях ли покарать Аменхотепа или для того, чтобы, наоборот, спасти Аменхотепа от бунтовщиков-фиванцев) не только не подтверждается конкретными

⁵⁶ *Kees. Die Hohenpriester des Amun von Karnak. . .*, S. 14—15.

⁵⁷ *Ibid.*, S. 8—9.

⁵⁸ *Helck. Die Inschrift. . .*, S. 177, Anm 7.

⁵⁹ *Fecht. Der Moskauer «literarische Brief». . .*, S. 26—27.

фактами, но и прямо опровергается самим введением эры «Повторения рождений» — такой новой эры, которая должна была знаменовать собой восстановление в Фивах (и во всей стране) законных прав царской власти, поцранных ее врагом Панехси. Никто, конечно, никогда не узнает всех тонкостей сложного переплетения интриг, в котором приняли участие Рамсес XI, Аменхотеп, Панехси, Херихор (и, возможно, Несубанебджед-Смендес и многие другие, не известные нам лица). Никто никогда, по-видимому, не определит, как в разное время складывались взаимоотношения Рамсеса XI и Панехси. Но можно, как нам представляется, утверждать, что, когда Панехси, вторгнувшись в Египет, захватил Фивы и всю южную и центральную часть Нильской долины, он поступил как враг фараона. Ничто не подтверждает широко распространенного предположения, будто бы Панехси, по крайней мере первоначально, действовал с ведома и одобрения Рамсеса XI⁶⁰ (если не считать, конечно, априорной презумпции, что совершенно исключительное положение Аменхотепа в Фивах делало для фараона вмешательство Панехси крайне желательным). В то же время все свидетельствует о том, что для Херихора враждебное отношение фараона к акции Панехси было столь очевидным, что устранение последнего он мог поставить себе в заслугу в качестве доказательства своей верности и преданности монарху. По всей вероятности, вторжение Панехси, захват Фив и всего Верхнего и Среднего Египта (а возможно, и части Дельты) были осуществлены «царским сыном Куша» по собственной инициативе. По-видимому, Панехси, опираясь на свое кушитское войнство, попытался воспользоваться военной слабостью фараоновской власти на юге Египта для достижения своих далеко идущих целей. Не исключено, что он мечтал о царской короне (как о ней мечтали и другие деятели того бурного времени, например Смендес и Херихор). Естественно, что подобные честолюбивые притязания не стоило раскрывать раньше срока, и поэтому они маскировались фиктивной лояльностью Панехси к Рамсесу XI, что и нашло свое отражение в уже упоминавшихся нами документах от 12-го и 17-го годов правления последнего Рамессеида (точно так же несколько позднее маскировалась фиктивной лояльностью к фараону и деятельность Херихора).

Попытка Панехси захватить власть в Стране пирамид не увенчалась успехом, ибо он столкнулся с силами, во главе которых в Верхнем Египте оказался Херихор, сплотившимися вокруг Рамсеса XI как знамени легитимности. По всей вероятности, Херихор мог опираться на военные контингенты, оказавшиеся в его распоряжении с ведома фараона (или с ведома Несубанебджеда-Смендеса — фактического правителя Дельты⁶¹; не исключено, что проявившиеся в дальнейшем особо тесные связи домов Херихора и Несубанебджеда восходят своими корнями уже к этому времени). Что касается верховного фиванского жреца Аменхотепа, то он, по всем данным, погиб в годы агрессии Панехси, причем логика событий заставляет видеть его членом той коалиции, которая под лозунгом верности Рамсесу XI сплоченно выступила против Панехси — подлинного смертельного врага фиванского первосвященника, от которого он претерпел жестокое, по-видимому, стоившее ему жизни «притеснение».

В какой-то степени агрессия Панехси напоминает вторжение в Египет

⁶⁰ *Kees. Die Hohenpriester des Amun von Karnak. . .*, S. 6; *Černý. Egypt. . .*, p. 30; *Fecht. Der Moskauer «literarische Brief». . .*, S. 24.

⁶¹ Наше предположение, что Херихор выступил во главе войска против Панехси с ведома и при поддержке Рамсеса XI и, возможно, Несубанебджеда-Смендеса, несколько не опровергает тот факт, что, захватив власть в Фивах после изгнания оттуда Панехси, Херихор стал стремиться умалить авторитет царствующего фараона. В политике подобные метаморфозы вполне возможны. Не приходится поэтому удивляться и тому, что Пиахи, преемник Херихора на посту фиванского первосвященника, находясь в стране Куш, где он вел войну с Панехси, в одном из своих писем в Фивы весьма пренебрежительно отозвался о Рамсесе XI (см. *Pap. Berlin* № 10487; *Černý J. Late Ramesside Letters. Bruxelles, 1939, № 21; Wentz. Late Ramesside Letters, № 21*).

кушитского войска примерно четыре столетия спустя во главе с кушитским правителем Пианхи. Однако в то время как Пианхи был царем независимого кушитского государства, Панехси формально был всего лишь высокопоставленным египетским чиновником — «царским сыном Куша», наместником южной египетской провинции. Впрочем, не так уж невероятно, что предположение Ю. фон Бекерата о кушитском происхождении Панехси, само имя которого означает «кушит», соответствует истине⁶². Если это было действительно так, тогда Панехси скорее всего принадлежал к египтизированной кушитской знати. Как известно, с Панехси вел борьбу не только Херихор, но и его наследник Пианхи⁶³. По-видимому, окончательно разгромить Панехси обоим не удалось, и последний сохранил свою власть в Нубии, до конца своих дней, о чем свидетельствует его погребение, обнаруженное в Анибе⁶⁴.

В связи с вопросом о вторжении войска «царского сына Куша» Панехси в Египет заслуживает внимания статья Г. Фехта⁶⁵, специально посвященная интерпретации папируса № 127 из собрания Государственного Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, впервые опубликованного, переведенного и прокомментированного М. А. Коростовцевым⁶⁶. Дело в том, что еще до выхода работы М. А. Коростовцева, на основе лишь его краткого доклада, помещенного в «Трудах XXV Международного конгресса востоковедов»⁶⁷, Г. Фехт попытался сделать далеко идущие исторические выводы, в частности приписать авторство текста этого папируса Аменхотепу.

Как известно, папирус ГМИИ № 127 был приобретен В. С. Голенищевым в Каире в 1891 г. вместе с двумя папирусами, содержащими тексты «Путешествия Ун-Амуна в Библ» (папирус ГМИИ № 120) и «Ономастикона Аменемопе» (папирус ГМИИ № 169). Все три папируса, как указывает М. А. Коростовцев, палеографически идентичные, возможно, записанные рукой одного переписчика (А. Гардинер относил их ко времени XXI династии), были найдены феллахами в глиняном кувшине неподалеку от местности El-Hibe, где в период XXI династии находилось северное укрепление «Фиванской теократии». Связь с Фивами всех трех папирусов не вызывает сомнения, и, поскольку палеографически текст папируса ГМИИ им. А. С. Пушкина № 127 идентичен с текстом «Путешествия Ун-Амуна в Библ», сообщающем о событии, имевшем место во времена Херихора и Несубанебджеда-Смендеса, можно полагать, что и папирус № 127 был записан примерно в те же самые годы.

Между тем в папирусе ГМИИ № 127 рассказывается о каком-то вражеском нашествии с юга («враги приплыли с юга»), от которого пострадал, в частности, автор текста, оформленного в виде копии письма, «которое послал „отец бога“ храма в Илиополе Урмали, сын Хеви, приветствуя собрата своего, царского писца в (Доме) Уср-Маат-Ре-Нехт (по имени) Прэмоса (из) Ираклеополя»⁶⁸. Основываясь на том, что имя «Хеви» — это сокращенная форма имени «Аменхотеп»⁶⁹, не видя полного текста

⁶² Von Beckerath. Tanis und Theben. . . , S. 101. С предположением Ю. фон Бекерата, что и Херихор как приближенный Панехси был кушитом, мы согласиться не можем, поскольку ничто не подтверждает тезиса о близости Херихора к воинству «царского сына Куша».

⁶³ Этот Пианхи иногда воспринимается как предок кушитского царя Пианхи. Однако у такой гипотезы нет иного обоснования, кроме тождественности имен преемника Херихора и кушитского завоевателя Египта.

⁶⁴ Helck. Geschichte des alten Ägypten, S. 205.

⁶⁵ Fecht. Der Moskauer «literarische Brief». . . , S. 12—31.

⁶⁶ Коростовцев М. А. Иератический папирус № 127 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1961.

⁶⁷ Korostovtsev M. A. An Unpublished Ancient Egyptian Literary Text.— In: XXV International Congress of Orientalists. Papers Presented by the USSR Delegation. Moscow, 1960.

⁶⁸ Коростовцев. Иератический папирус. . . , с. 5.

⁶⁹ Sethe K. Über einigen Kurznamen des Neuen Reiches.— ZAS, 1908, B. 44, S. 87—92.

папируса и не зная, что в этом тексте уже в первой строке, после слова «Урмаи» и перед именем «Хеви», выписан термин s_3 («сын»), Г. Фехт попытался обосновать гипотезу, будто бы именно верховный фиванский жрец Аменхотеп, носивший наряду с прочими также гелиопольский жреческий титул «Урмаи» или «Урмау» ($Wg-m_3.w$), и был автором всех тех описаний различных бедствий, вызванных вражеским нашествием (по мнению Г. Фехта, вторжением войска Панехси), которые составляют содержание текста папируса ГМИИ № 127⁷⁰. Вся статья Г. Фехта пронизана стремлением исторически интерпретировать данный текст исключительно под таким углом зрения. Коль скоро, однако, «героем» папируса был не «Хеви», но «сын Хеви» (может быть, он носил имя «Урмаи» или же какое-то другое имя, пропущенное в тексте папируса, если считать, что слово «урмаи» обозначало жреческий титул), предположения и доказательства Г. Фехта не достигают цели. Концепция Г. Фехта могла быть принята только при допущении, что в первой строке текста папируса ГМИИ № 127 слово s_3 («сын») является лишним, выписанным по ошибке⁷¹, или же что в данном случае неожиданно была использована необычная для времени XX—XXI династий инверсионная форма написания родственных связей («Урмаев сын Хеви») ⁷², что, как и первое допущение, маловероятно, да к тому же и не решает проблемы, поскольку фиванский верховный жрец Аменхотеп (Хеви) не был сыном Урмаи или же какого-то жреца-«урмаи», для которого этот титул был основным. Остается признать, что «героем» текста папируса ГМИИ № 127 был некто «сын Хеви», и нет никаких оснований для того, чтобы видеть в нем «сына первого жреца Амуна-Ра, царя богов, Аменхотепа».

Содержание этого письма очень интересно. Несмотря на наличие литературных штампов⁷³, в письме, вполне возможно, действительно говорится о вторжении в Египет Панехси⁷⁴, от которого пострадал некий гелиопольский жрец — «сын Хеви», подробно рассказавший о пережитых бедствиях и скитаниях своему адресату. Палеографическая близость или идентичность текста папируса ГМИИ № 127 тексту папируса ГМИИ № 120, содержащему отчет о «Путешествии Ун-Амуна в Библ» (оба папируса к тому же несколько тысячелетий покоились в одном глиняном кувшине, пока не были найдены феллахами и проданы В. С. Голенищеву), делает подобное предположение весьма вероятным.

Нам сейчас может, однако, заинтересовать не подробное сопоставление событий, описанных в письме «сына Хеви», с реальными обстоятельствами вторжения в Египет войска Панехси, но одна деталь в концепции Г. Фехта, связанная с интерпретацией письма, которая показывает, насколько традиционные, укоренившиеся представления иногда влияют на анализ конкретного документа.

Дело в том, что Г. Фехт ищет и находит в тексте папируса ГМИИ № 127 «доказательство» существования направленного против Аменхотепа союза Панехси с Рамсесом XI. Г. Фехт обращает внимание на упоминание в папирусе в качестве врагов «Урмаи» двух лиц, весьма неопределенно названных как «он» и «его господин». Оба эти лица, по словам Г. Фехта, могут быть поняты или «как офицер P_3-nhsj и он сам, или, гораздо более вероятно, — как P_3-nhsj „и его господин“, и царь Рамсес XI⁷⁵» (курсив наш. — И. С.).

Последний вывод является для Г. Фехта основным, поскольку он полагал, что «царь и его высшие чиновники все же ответственны за состоя-

⁷⁰ Fecht. Der Moskauer «literarische Brief». . . , S. 19—21.

⁷¹ Wente. The Suppression. . . , 73, not. 3.

⁷² См. Kitchen. The Third Intermediate Period. . . , p. 247, not. 24.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Fecht. Der Moskauer «literarische Brief»...

⁷⁵ Ibid., S. 21.

ние (и развитие) событий в стране... сам царь стоит на стороне противника Wг-mꜣj»⁷⁶.

Приведенная здесь формулировка, очевидно, опирается на распространенную точку зрения, согласно которой Рамсес XI должен был одобрять и поддерживать врагов Аменхотепа. В самом тексте папируса ГМИИ № 127, разумеется, ничто такую формулировку реально не обосновывает, поскольку ни Рамсес XI, ни Панехси, ни Аменхотеп в папирусе не упоминаются. Лишь склонность Г. Фехта интерпретировать исследуемый им текст в соответствии с традиционной исторической схемой заставила его в туманно обозначенных врагах «Урмаи» («он» и «его господин») обнаружить именно Панехси и Рамсеса XI. Гораздо более вероятно, несомненно, допущение, не отвергаемое полностью и самим Г. Фехтом, что в данном случае подразумеваются какой-то «офицер Pꜣ-nḥsj и он сам». Подобное допущение тем более следует признать предпочтительным, что оно в сущности могло бы наилучшим образом согласовываться с общей концепцией Г. Фехта.

Дело в том, что Г. Фехт противоречит сам себе, когда, с одной стороны, объявляет Рамсеса XI врагом Аменхотепа, а с другой — пытается доказать, будто бы Аменхотеп за помощью против Панехси обратился к своему брату Усермаатранахту — приближенному нескольких фараонов XX династии, в том числе, по предположению Г. Фехта, и Рамсеса XI⁷⁷. Вся последняя гипотеза конструировалась Г. Фехтом на основе очень искусственной трактовки первых строк текста папируса ГМИИ № 127, в которых сказано, что автор письма приветствовал «I (2) собрата своего (šnj-f), царского писца в (доме) Уср-Маат-Рэ-Нэхт (по имени) Прэмосе (из Ираклеополя)»⁷⁸ (курсив наш. — И. С.). Как пытался доказать Г. Фехт, в данном случае переписчиком были якобы допущены перестановка и сокращение слов, вследствие чего адресатом «Урмаи» (Аменхотепа) следует считать не Прэмосе в (доме) Уср-Маат-Рэ-Нэхт, но «брата его» (т. е. Аменхотепа) — Усермаатранахта (Уср-Маат-Рэ-Нэхта) из Пер-Рамсеса, или же «брата его» — Усермаатранахта, сына Рамсесунахта. В то же время интерпретация Г. Фехта не объясняет упоминания Гераклеополя (Ираклеополя).

Если, однако, как полагает Г. Фехт, «Урмаи» (Аменхотеп) действительно просил у своего брата Усермаатранахта помощи, если он рассказывал своему брату о постигших его несчастьях, чтобы найти протекцию у Рамсеса XI, то совершенно непонятно, учитывая требования придворного этикета и обычный стиль просьб о помощи, как он решился называть в письме Рамсеса XI главным виновником своих бедствий — «господином» того (якобы Панехси), кто причинил ему столько зла⁷⁹. По-видимому, Г. Фехт не заметил, что идентификация противников Аменхотепа как Панехси («он») и Рамсес XI («его господин») никак не согласуется с его же собственным объяснением смысла первых строк исследуемого им текста. Эти строки (в трактовке Г. Фехта) могли бы во всяком случае показаться более убедительными, если бы под врагами автора текста папируса ГМИИ № 127, обозначенными как «он» и «его господин», Г. Фехт понимал какого-то сподвижника Панехси и его самого (подобное понимание, правда, Г. Фехт полностью не отвергал, однако считал его почему-то менее вероятным).

Изданный М. А. Коростовцевым иератический папирус ГМИИ № 127, — бесспорно, очень интересный историко-литературный памятник. Его содержание, весьма вероятно, отражает факт вторжения в Египет воинства Панехси, вторжения, принесшего автору письма, некоему гелиопольскому жрецу («сыну Хеву»), много горя. Однако абсолютно ничто не свидетель-

⁷⁶ Ibid., S. 19.

⁷⁷ Ibid., S. 16, 21.

⁷⁸ Коростовцев. Иератический папирус. . . , с. 5.

⁷⁹ Fecht. Der Moskauer «literarische Brief». . . , S. 24.

ствует о том, что этот автор был верховным фиванским жрецом Аменхотепом или его сыном, и также абсолютно ничто не говорит о том, что врагами Аменхотепа (якобы автора текста письма) были вступившие в соглашение друг с другом Панехси и Рамсес XI.

К. А. Китчен коснулся вопроса о возможности сближения «сына Хевии» из папируса ГМИИ № 127 с сыном Аменхотепа — Рамсесунахтом II⁸⁰, якобы упомянутым в одном документе, недавно рассмотренном М. Биэбрайе⁸¹. Как писал К. А. Китчен со ссылкой на статью М. Биэбрайе, «наследником Аменхотепа в Фиванском понтификате, кажется, мог стать при Рамсесе X или XI Рамсес-нахт II (его сын?)»⁸².

Проследить в деталях, как произошел в Фивах переход власти «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, от Аменхотепа к его непосредственному преемнику было бы, конечно, очень интересно. Но, к сожалению, это вряд ли осуществимо из-за полного отсутствия конкретных сведений в источниках. В документах после Аменхотепа сразу же упоминается в качестве фиванского верховного жреца Херихор, и большинство исследователей по этой причине склоняется к мысли, что именно Херихор и наследовал сыну Рамсесунахта (вне зависимости от того, полагают ли они, что Аменхотеп погиб в борьбе с Панехси⁸³ или в борьбе с фиванскими мятежниками⁸⁴, или же, напротив, считают, что Аменхотеп был на какой-то срок восстановлен тем же Панехси на престоле верховных жрецов Фив⁸⁵). Если Г. Фехт как будто и не исключал, что «между Аменофисом и Нгi-Нгw находился в должности некий верховный жрец, о котором ни один памятник никаких сведений не содержит»⁸⁶, то он же и заявлял, что все же для него наиболее вероятен вывод, «что Нгi-Нгw непосредственно следовал за верховным жрецом Аменофисом»⁸⁷.

Совершенно особняком в вопросе о преемнике Аменхотепа стоит М. Биэбрайе, мнение которого по этому поводу было сочувственно встречено К. А. Китченом⁸⁸. В обоснование своей гипотезы о существовании второго верховного фиванского жреца по имени Рамсесснахт (т. е. Рамсесунахта II), который якобы мог быть сыном Аменхотепа или иным его ближайшим родственником⁸⁹, М. Биэбрайе ссылается на текст изданного Я. Черны и А. Садек⁹⁰ фиванского граффити № 1860а, в котором содержится следующая запись: «1 Год 8-й, третий месяц периода „ахет“, день 6-й. День это закрытия 2 гробницы первым жрецом Рамсесснахтом, 3 царским стольником Парахерименемфом, князем города 4 Именмесом... [в присутствии] начальника рабочего отряда Аменнахта 5...так же...»⁹¹.

Поскольку по имеющимся данным отец Аменхотепа Рамсесунахт упоминается в источниках начиная с первых лет царствования Рамсеса IV и по 2-й год правления Рамсеса XI, в то время как его сын Аменхотеп впервые точно засвидетельствован в качестве фиванского первосвященника в карнакской надписи в связи с событием, датированным 10-м годом правления Рамсеса IX, М. Биэбрайе признал возможным сделать вывод,

⁸⁰ Kitchen. The Third Intermediate Period. . . , p. 247, not. 24.

⁸¹ Bierbrier. Op. cit.

⁸² Kitchen. The Third Intermediate Period. . . , p. 247, not. 27.

⁸³ Maspero G. Les mômies royales de Deir el-Bahari. P., 1889, p. 648; *Lejeuvre. Histoire des Grands Prêtres.* . . , p. 200; *Gardiner. Egypt of the Pharaohs,* p. 302—303; *Cerný. Egypt.* . . , p. 30—32; *Helck. Geschichte des alten Ägypten,* S. 203.

⁸⁴ Kees. Die Hohenpriester des Amun von Karnak. . . , S. 8—9.

⁸⁵ Von Beckerath. Tanis und Theben. . . , S. 95—96; *Wente. The Suppression.* . . , p. 85.

⁸⁶ Fecht. Der Moskauer «literarische Brief». . . , S. 25.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Следует отметить, что в работе К. А. Китчена, носящей обобщающий характер, чувствуется желание ее создателя учесть абсолютно все последние, даже спорные, высказывания по интересующей его проблематике.

⁸⁹ Bierbrier. Op. cit., p. 199.

⁹⁰ Cerný J., Sadek A. A Graffiti de la montagne Thebaine. Cairo, 1970, p. 17, 21.

⁹¹ Bierbrier. Op. cit., p. 195.

что Рамессеснахт (Рамсесунахт) из граффити № 1860а — это отец Аменхотепа (т. е. Рамсесунахт I), а год 8-й в датировке этого граффити относится ко времени одного из фараонов — предшественников Рамсеса IX (кроме Рамсеса IV, так как последний, согласно утверждению Г. Пита, царствовал всего лишь шесть лет)⁹².

Однако, допуская известную обоснованность отмеченного выше заключения, М. Биэбрайе все же выступил против него, так как счел невозможным совмещение с Рамсесунахтом I (отцом Аменхотепа) других должностных лиц, зафиксированных в граффити № 1860а. По словам М. Биэбрайе, такому заключению противодействует отсутствие надежного свидетельства о существовании начальника рабочего отряда по имени Аменнахт в годы царствований Рамсесов VI, VII или VIII при наличии некоторых данных о деятельности начальника рабочего отряда с таким именем при Рамсесах X или XI. Из последнего факта якобы неизбежно вытекает вывод, что «должен был быть второй — верховный жрец Рамессеснахт»⁹³ (т. е. Рамсесунахт II). Справедливо не соглашаясь с мнением В. Хелька о том, что будто бы автором опубликованной переведенной и прокомментированной Эд. Ф. Венте карнакской надписи⁹⁴ являлся не Аменхотеп, но его отец Рамсесунахт (Рамсесунахт I)⁹⁵, М. Биэбрайе, однако, излишне поспешно утверждает, что Эд. Ф. Венте якобы доказал, что данная надпись сообщает о восстановлении Аменхотепа на престоле фиванских первосвященников после восьми месяцев «подавления» (suppression), и потому «наследование сыном или близким родственником (Аменхотепа.— И. С.) его должности не невозможно»⁹⁶. А коль скоро это так, то М. Биэбрайе кажется, что его гипотеза о существовании Рамсесунахта II «не опровергается какого-либо рода свидетельством»⁹⁷.

Мы рассмотрели все аргументы, использованные М. Биэбрайе для обоснования его точки зрения. Как мы видим, они довольно гипотетичны. В сущности М. Биэбрайе опирается всего лишь на две предпосылки, одна из которых весьма сомнительна, а другая, как мы уже имели возможность показать, ошибочна⁹⁸. В самом деле, какая может быть уверенность в том, что начальник рабочего отряда из фиванского некрополя, по имени Аменнахт, существовал только во времена последних Рамессидов — Рамсеса X или Рамсеса XI?

Почему нельзя допустить, что начальник рабочего отряда с таким же очень обычным и распространенным именем не мог жить и в более ранние годы, при Рамсесе V—VIII? Отсутствие соответствующего документального подтверждения может оказаться явлением временным, вследствие чего ссылка на подобный аргумент *ex silentio* вряд ли заслуживает безоговорочного признания. Твердая убежденность М. Биэбрайе в том, что Эд. Ф. Венте якобы подтвердил предположение Ю. фон Бекерата о восстановлении власти Аменхотепа в Фивах, также свидетельствует лишь о не критическом отношении М. Биэбрайе к выводу автора, доказательств которого он, по-видимому, специально не проверял. Как мы уже отмечали, Эд. Ф. Венте ни в коей мере не подкрепил реальными фактами точку зрения Ю. фон Бекерата о восстановлении (на какой-то срок) власти Аменхотепа в Фивах⁹⁹, и потому ссылка на статью Эд. Ф. Венте никак не может помочь М. Биэбрайе в подтверждении его тезиса о существовании благоприятных условий для того, чтобы верховным фиванским жрецом после

⁹² Peet T. E. A Historical Document of Ramesside Age.— JEA, 1924, 10, p. 116—119.

⁹³ Bierbrier. Op. cit., p. 199.

⁹⁴ Wente. The Suppression. . . , p. 73—87.

⁹⁵ Helck W. Eine Briefsammlung aus der Verwaltung des Amuntempels.— JARCE, 1967, 6, S. 138—139.

⁹⁶ Bierbrier. Op. cit., p. 199.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ См. Стучевский. «Первый жрец» Амуна Аменхотеп...

⁹⁹ Там же.

Аменхотепа стал его сын (или ближайший родственник) Рамессеснахт (Рамсесунахт II).

Исходя из своей гипотезы, М. Биэбрайе попытался сделать далеко идущие выводы — он не только «ввел» в научный оборот новое историческое лицо — Рамсесунахта II, но и высказал предположение, что все события, связанные со «смутой» в Фивах, произошли где-то до 8-го года правления Рамсеса XI, коль скоро «сын» (или «родственник») Аменхотепа — Рамессеснахт II (Рамсесунахт II) якобы упоминается в качестве «первого жреца» Амуна-Ра в граффити № 1860а, датированном 8-м годом царствования последнего Рамесседа. Как, однако, согласовать это предположение с известными хронологическими данными, показывающими, что в 12—17-й годы правления Рамсеса XI в Фивах господствовал Панехси и именно в этот же период времени Аменхотеп, еще в должности «первого жреца» Амуна-Ра, испытал «притеснение» (th;) ? Может быть, допустить, что «смута» в Фивах произошла значительно ранее 12-го года царствования Рамсеса XI? Но тогда пришлось бы признать, что «сын» Аменхотепа Рамсесунахт II долгие годы занимал свой пост при господстве в Фивах Панехси (или же прийти к выводу, что в последние годы длительного пребывания Панехси у власти в Фивах в древней столице Египта вообще не было никакого верховного жреца). Почему же, однако, в таком случае в документах, посвященных разбору дел о грабежах в храмах и в некрополе, датированных первыми годами эры «Повторения рождений» (и следовательно, очень близко примыкающих по времени к 17-му году царствования Рамсеса XI), постоянно в качестве пострадавшей стороны упоминается один только Аменхотеп и ни разу не называется его «сын» Рамсесунахт II? Все поставленные нами вопросы, на которые невозможно найти ответ, согласуемый с гипотезой М. Биэбрайе, по нашему мнению, свидетельствуют только об одном — об ошибочности основного тезиса этого исследователя: ничто реально не доказывает существование «первого жреца» Амуна-Ра, Рамсесунахта II («сына» или «родственника» Аменхотепа).

К какому общему выводу можно прийти, рассмотрев все имеющиеся материалы об Аменхотепе и о характере его взаимоотношений с верховными земными владыками Египта? По-видимому, достаточно убедительным будет заключение, что «первый жрец» Амуна-Ра, Аменхотеп, был крупной политической фигурой своего времени, обладавшей, в особенности в первые годы царствования Рамсеса XI, значительной, хотя и вряд ли исключительной, властью в Фивах. Однако ничто не свидетельствует о том, что широко распространенное мнение о конфронтации Аменхотепа с последними Рамесседами имеет реальное основание. Аменхотепа можно представить себе деятелем, который предпочитал сохранять лояльность фараону, не посягая на основы государственной системы, но едва ли тем могущественным и опасным соперником царского единоначалия, каким его все еще изображают многие современные исследователи.

THE «PERSECUTION» OF AMENHOTEP,
«FIRST PRIEST» OF AMUN, AND THE INCURSION
OF THE TROOPS OF PANEHSI,
«KING'S-SON OF KUSH»

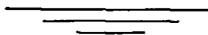
I. A. Stuchevsky

The author evaluates the political events resulting from this incursion, which took place in the reign of Ramses XI. After considering different views on the relations between political figures active at that time — the pharaoh Ramses, the «king's-son of Kush» Panehsi, the «first priest of Amun-Ra» Amenhotep, and Herihor — the author concludes that Panehsi did not punish Amenhotep for his high-handedness, did not save him from

the rebellious mob and, most important, did not act with the approval or on the orders of Ramses. In breaking into Egypt at the head of his troops Panehsi was pursuing his own ambitious political aims, which for the time being he concealed behind a show of loyalty to the pharaoh.

Respecting the real meaning of the so-called new era of «Rebirth», introduced by Herihor in Thebes in the 19th year of the reign of Ramses XI, the author suggests that the actual and most interested «creator» of this era was Herihor himself, though, for purposes of camouflage, in the proclamation of the new era its introduction was presented as the realisation of the pharaoh's plans. Having announced the opening of the new era, Herihor was eager to present himself as the executor of the wishes of Ramses, for whom he had driven Panehsi out of Egypt and restored law and order in Thebes and all Egypt.

Analysis of papyrus № 127 in the Pushkin Museum collection, in which perhaps the Panehsi incursion into Egypt is described, led the author to reject the interpretation proposed by G. Fecht: in the author's opinion Amenhotep, «first priest of Amun-Ra», could not have been the creator of this document. In conclusion, the author justifies his negative attitude towards the suggestion of M. Bierbrier that there existed a «first priest of Amun-Ra» named Ramesunakht II who supposedly succeeded Amenhotep in the post of Theban High Priest.

Ю. Г. Виноградов, П. О. Карышковский

КАЛЛИНИК, СЫН ЕВКСЕНА.
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОЛЬВИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IV В. ДО Н.Э. II

Установив в первой части работы (ВДИ, 1982, № 4) идентичность мероприятия по кассации долгов, упомянутого Макробием⁹⁷, тому, которое названо в стк. 8 декрета в честь Каллиника, и отождествляя $\eta \kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \tau\omicron\upsilon\varsigma \chi\alpha\lambda\kappa\omicron\upsilon\beta$ стк. 10 того же документа с переходом ольвиополитов от литья к чеканке медных обол, мы приходим к такой последовательности известных нам фактов: принятие декрета Каноба о денежном обращении — осада Ольвии македонским военачальником и вызванные ею меры — отмена обложения на военные нужды и редукция полноценной меди — эмиссия золотых монет — принятие декрета в честь Каллиника. Для установления абсолютной хронологии этих событий следует остановиться на дате осады Ольвии Зопирионом.

Макробий, единственный автор, сообщающий об осаде, не приводит никаких хронологических данных; даже предположение о том, что перечисленные им мероприятия «не могли быть приняты сразу» и, следовательно, «осада была продолжительна и весьма сложна»⁹⁸, не представляется убедительным — вполне вероятно, что ольвиополиты приступили к преобразованиям еще при возникновении конфликта, когда они только готовились к войне⁹⁹. Именно так поступили эфесяне, освободившие рабов, расширившие круг граждан и смягчившие долговые обязательства именно при угрозе захвата города Митридатом Эвпатором¹⁰⁰.

⁹⁷ Б. В. Фармаковский (Отчет о раскопах в Ольвии в 1925 г. — СГАИМК, I, 1926, с. 199, прим. 1) предположил, что слова *factis tabulis novis* можно понимать как указание на составление новых списков граждан, однако, как указывал еще Ф. А. Струве (Новые надписи ольвийские. — ЗООИД, 1860, 6, с. 5 сл.), дискутируемое выражение — *terminus technicus* и имеет только одно значение — «кассация долгов» (см. также Желбелев С. А. СП, с. 47, прим. 3; Asheri, p. 36 sqq.; ср. p. 122).

⁹⁸ Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976, с. 429 (ср. Латышев. Ук. соч., с. 66). Дройзен (История эллинизма. I. М., 1890, с. 215) полагал, что Зопирион выступил в поход осенью, но это маловероятно. Если даже приписывать вместе с Курцем известную роль в его разгроме *tempestatibus procellisque* и видеть в них осенние непогоды, то это указывает на финальный момент войны. Отводя на продвижение от Дуная до Ольвии приблизительно 15 дневных переходов и столько же на обратный путь (по Геродоту, между Истром и Борисфеном 10 дней пути, но имеется в виду движение конницы, так что Дарий достиг Тиря примерно на 6-й, а Борисфена на 15-й день; ср. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 18, 21, 172 сл., 176) и считая наиболее вероятным выступление в поход в конце весны — обычное время начала кампаний Александра, можно допускать, что осада продолжалась 3—4 месяца.

⁹⁹ Бертье-Делагард. ОС, с. 88, прим. 2; *Belin de Ballu E. Olbia: cité antique du littoral nord de la mer Noire. Leiden. 1972, p. 69.*

¹⁰⁰ Syll.³, 742 = Asheri. XL; cf. *Reinach T. Mithridates Eupator, König von Pontos. Lpz., 1895, S. 175 f.*

Хотя относящиеся к экспедиции Зопириона сообщения Юстина и Курция считают восходящими к одному утраченному источнику¹⁰¹, они не только не совпадают в деталях, но и приурочены к разным моментам. Согласно Юстину (XII, 1, 4), Александру доставили письмо с описанием военных событий в Греции, Италии и Скифии после смерти Дария, убитого летом 330 г. до н. э., а Курций утверждает (X, 1, 43), будто царь получил послание по возвращении из Индии, незадолго до отправления на Запад распоряжения о возвращении в греческие города политических изгнанников, которое было обнародовано на Олимпийских играх 324 г. Юстин подчеркивает при этом синхронность событий в Скифии и в Италии (XII, 1, 16: *dum haec in Italia aguntur, Zorygion... Scythis bellum intulit*), а Курций считает разгром Зопириона поводом к выступлению фракийцев (X, 1, 45: *qua cognita clade Seuthes Aodrysas ... ad defectionem compulerat*) и относит ко времени, когда царь покорял Индию. В соответствии с таким противоречием между источниками разделились и мнения исследователей — Дройзен и Латышев высказались в пользу датировки Юстина¹⁰², а Мюлленгоф и Низе выступили в защиту даты Курция¹⁰³; в дальнейшем оба мнения имели своих сторонников¹⁰⁴.

Датировка Курция, принимаемая большинством современных зарубежных ученых¹⁰⁵, не может быть обоснована ссылкой на связь между гибелью Зопириона и выступлением Севта, поскольку не исключено, что последнее началось в 331 г. до н. э.¹⁰⁶ Во всяком случае летом 330 г. афиняне сочли нужным почтить специальным постановлением сына Севта Ребулу (IG, II², 349=Michel, 1469). С другой стороны, заметка Курция, вообще не слишком точного в хронологических показаниях, легко могла попасть не на свое место¹⁰⁷. Поэтому сторонники более поздней даты

¹⁰¹ По-видимому, к труду историка Клитарха, современника Птолемея Лага; ср. *Jacoby F. Kleitarchos.*— RE, XI (1922), Sp. 630.

¹⁰² Дройзен. Ук. соч., с. 245; Латышев. Ук. соч., с. 65; оба относят поход к 331 г. до н. э.

¹⁰³ Müllenhoff K. *Deutsche Altertumskunde.* 3², В., 1892, S. 139 f. (327 или 326 г.); Niese B. *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten.* I. Gotha, 1893. S. 171, 499 ff. (326 или 325 г.).

¹⁰⁴ Промежуточную позицию занял Тарн, относящий поход к 329—328 г. (*Tarn W. Alexander the Great.* I. Cambr. Mass., 1948, p. 70 f.; *ibid.*, 2, 1950, p. 326 ff.; ср. САН VI², 1953, p. 394, 464). Хронологическая неувязка между показаниями источников привела к гипотезе о двух походах Зопириона — против скифов и против гетов; для первого принимается дата Юстина, для второго Курция (*Suceveanu A. O proteza despre Zorygion.*— SCIV, 1966, 17, № 4, p. 635—644). Выказывалось и предположение о том, что Зопирион выступил после смерти Александра и был военачальником Лисимаха (*Кене Б. В. Музей кн. В. В. Кочубея и т. д. Т. I.* СПб., 1857, с. 12). Этот взгляд не заслуживал бы упоминания, но утверждали даже, будто он чеканил в Ольвии (!) статеры с типами Лисимаха (*Severeanu G. Le statère d'or de Pharzoios.* — BNSR, 1924, 19, № 49/50, p. 6).

¹⁰⁵ Beloch K. J. *Griechische Geschichte* 2. IV. 1. В., 1925, S. 44 f.; *Berve. Op. cit.*, 2, S. 164; Glotz G., Cohen R. *Histoire grecque.* IV. 1. P., 1938, p. 188—189; САН XI², 1954, p. 81 (А. Alföldi); Bengtson H. *Die Strategie in der hellenistischen Zeit* 2. I. München, 1964, S. 40 f.; II, S. 403; ср. *Pârvan. Getica*, p. 49 sq.; *Vulpe R. Histoire ancienne de la Dobroudja.* Bucarest, 1938, p. 77, 411; *idem. Studia thracologica.* București, 1976, p. 52, 125; *Pippidi D. M., Berciu D. Din istoria Dobrogei.* I. București, 1965, p. 131, 133, 196; *Pippidi. Contribuții* 2, p. 153; *Youroukova Y. Coins of the Ancient Thracians.* L., 1976, p. 22.

¹⁰⁶ Жебелев. СП., с. 44; Михайлов Г. Към историята на Тракия през IV—III в. пр. н. э. — ИАИ, 1955, 19, с. 151 сл.; Карышковский П. О. Монеты западнопонтийских династий, найденные в Северном Причерноморье. — СА, 1962, № 4, с. 51 сл.

¹⁰⁷ О небрежности Курция можно в данном случае судить по тому, что у Юстина (XII, 1, 4) Александр узнает о судьбе Зопириона из послания Антипатра, переписка которого с царем не вызывает сомнений (*Pridik E. De Alexandri Magni epistularum commercio.* Dorpat., 1893; о данном письме — p. 116, nota 2), тогда как, по Курцию, он получает об этом письмо от Кена (X, 1, 43), о смерти которого в Индии сказано на своем месте (IX, 3, 20; ср. *Arr., Anab.* VI, 2, 1). Опираясь на сообщение Курция об этом письме и на слова Юстина (XIII, 4, 14), согласно которому при разделе сатрапий после смерти Александра Susiana gens Соено adsignatur, БERVE допускает, что кроме известного Кена, сына Полемократа, существовал еще другой Кен (*Berve. Alexander-*

стремятся укрепить ее соображениями о преемственности македонских наместников Фракии — ведь, согласно тому же Курцию (X, 1, 44), Зопирион был Thraciae praepositus. Должность στρατηγός τῆς Θρακίας была учреждена Филиппом; в 336 г. ее занимал Александр, сын Аэропа, замененный вскоре Мемноном; в 331 г. последний взбунтовался (Diod., XVII, 62, 5—6), но не был, по-видимому, лишен власти (ibid., 63, 1) и впоследствии прибыл в Индию во главе фракийских всадников (Curt., IX, 4, 21)¹⁰⁸. Из этих данных заключают, что Зопирион был преемником Мемнона во Фракии и сменил последнего перед самым отъездом на Восток, после чего и предпринял поход в Скифию, приходящийся, таким образом, на 325 г. до н. э.¹⁰⁹ Вся эта аргументация противоречит, однако, Юстину: Зопирион для него Alexandri Magni dux (II, 3, 4; XXXVII, 3, 2), praefectus eius (XII, 1, 4)¹¹⁰, наконец, praefectus Ponti ab Alexandro Magno relictus (XII, 2, 16)¹¹¹, и уже Низе предполагал, что он был оставлен Александром не в коренных фракийских областях, а на причерноморском побережье Фракии, города которого были подданными или союзниками Александра¹¹².

Сторонники поздней датировки Зопирионова похода основывают ее на краткой заметке Курция. Присмотримся, однако, к показаниям Юстина. Так как Александр узнал о судьбе своего военачальника осенью 330 г., то экспедиция в Скифию завершилась не позже весны, в крайнем случае — лета того же года. Однако оба события, сообщения о которых достигли царя одновременно с вестью о гибели Зопириона в Скифии — bellum Agidis, regis Spartanorum, in Graecia, bellum Alexandri, regis Epiri, in Italia (Just., XII, 1, 4), продолжались по несколько лет. Спартанский царь Агид впервые поднял оружие против македонского владычества зимой 333/32 г. до н. э., а в 331 г. весь Пелопоннес, кроме аркадского Мегалополя, находился на его стороне; в решающей битве недалеко от этого города он потерпел поражение и был убит¹¹³. Александр Эпирский, дядя своего прославленного тезки, высадился в Япигии зимой 335—334 г. до н. э. или даже несколько ранее и погиб в долине Кратиса зимой 331/30 г.¹¹⁴ Трагический финал обоих событий приходится на вторую

reich. . . 2, № 439—440). Однако в рукописях Юстина читается Senio, Scyno или Scippo, так что имя Кена является в данном случае лишь одной из произвольных конъектур. Дройзен (ук. соч., Примечания, с. 62) склонялся к вполне вероятной мысли, что слова а Сосно у Курция «представляют собой небрежный перевод ΑΠΟ ΚΟΙΝΟΥ греческого оригинала, где они должны были означать κοινόν греческого союза».

¹⁰⁸ Lenk B. Thrake.— RE, VI A, 1936, Sp. 427 f.; cf. Berve. Alexanderreich..., 1. S. 227 f., 311 f.; 2, Nr. 37 (Alexander der Lynkestier); Nr. 499 (Memnon).

¹⁰⁹ Berve. Alexanderreich..., 2, Nr. 340 (Zopyrion); cf. Beloch. Op. cit., S. 44 f.; Niese. Op. cit., S. 105. Anm. 7. Жебелев, признающий Зопириона стратегом всей Фракии, но отстаивающий хронологию Юстина, находит выход в том, что объявляет Мемнона, упоминаемого Диодором и Курцием, двумя лицами.

¹¹⁰ Вопреки встречающейся интерпретации (Латышев. Ук. соч., с. 63; Niederle L. Slovanské starožitnosti. I. Praha, 1904, p. 305, not. 4) следующие далее слова in Scythiam указывают не на переданную под власть Зопириона территорию, а на место его гибели.

¹¹¹ Такое обозначение поддерживается Трогом (prol. XII), согласно которому он in Ponto periit, и разъясняется Априаном (Success. Alex., frg. 1^a, 7), указывающим, что после смерти Александра Лисимаху достались не только Фракия и Херсонес (т. е. бывшая область Мемнона), но и соседние племена καὶ ὅσα Θρακί᾽ σύνορα ἔθου ἔστε κατὰ θάλασσαν. Они входили, надо думать, вместе с городами в область Зопириона.

¹¹² Niese. Op. cit., S. 171. О западнопонтийских городах при Филиппе см. Данов Хр. Древна Тракия. София, 1968, с. 427 сл.: Pippidi D. M. Les macédoniens en Scythie Mineure de Philippe IIe à Lysimaque.— In: Ancient Macedonia. 2. Thessaloniki. 1977, p. 388 suiv.; Suceveanu A. Un callatien dans l'armée d'Alexandre le Grand.— Dacia. 10, 1966, p. 340 suiv.

¹¹³ Шофман. Ук. соч., с. 427 сл., 434 сл.; Niese. Op. cit., S. 102—107, 497 ff.; Ehrenberg V. Sparta.— RE, III A, 1929, Sp. 1418 ff.; Schäfer A. D. Demosthenes und seine Zeit². 3. Lpz., 1887, S. 201 ff.

¹¹⁴ Klotzsch C. Epirotische Geschichte. B., 1911, S. 61, 72, 81 ff.; De Sanctis G. Storia dei romani. 2. Torino, 1907, p. 291 sqq., 295, nota 3. О гибели царя именно зимой прямо пишет Тит Ливий (VIII, 24, 7).

половину 331 или скорее даже на 330 г. до н. э.¹¹⁵, и современные румынские исследователи, специально занимавшиеся походом Зопириона, датируют его в сравнительно широких пределах: 334—331, не исключая, однако, и 330 г. до н. э. (Илиеску) или 335/34 — 331 г. до н. э. (Сучевяну)¹¹⁶. Нельзя не согласиться, что такое заключение выглядит формально верным. Верно ли оно, однако, по существу?

Юстин сообщает о Зопирионе (XII, 2, 16), что он *ab Alexandro Magno relictus, otiosus se ratus si et ipse nihil gessisset, ... Scythis bellum intulit*. Эту мотивировку при буквальном истолковании источника называли наивной, даже детской¹¹⁷, но заключали в полном соответствии с нею, будто причина похода сводится к личным качествам Зопириона, который, «не желая оставаться в бездействии», руководствовался «единственно желанием отличиться»¹¹⁸. Логическим продолжением такого хода мысли является заключение, будто Зопирион «несомненно» выступил против скифов «без приказа Александра и без одобрения Антипатра»¹¹⁹. Такой вывод стоит, однако, в прямом противоречии с масштабами задуманного предприятия — ведь в распоряжении Зопириона находились вооруженные силы, лишь немногим уступавшие тем, с которыми сам царь двинулся на завоевание Востока, и вдвое превышавшие контингенты, оставленные Антипатру¹²⁰. Самовольная мобилизация 30-тысячного войска превосходила и полномочия, и возможности наместника неширокой полосы причерноморского побережья Фракии, и это заставляет с особенным вниманием отнестись к той части сообщения Юстина, где подчеркнуто, что Зопирион был оставлен Александром и опасался обвинения в бездейственности, «если и сам он (*et ipse*) ничего не совершит»¹²¹. Но коль скоро Зопирион, которого Юстин постоянно именует военачальником Александра, выступает перед нами как исполнитель царской воли — ведь донесение о его поражении было воспринято царем как сообщение о гибели части македонского войска, так что скорбь (*dolor*) по этому поводу была смягчена лишь одновременно доставленными известиями о гибели соперников Александра (*Just.*, XII, 1, 5) — то крайне трудно допустить, что последний не был поставлен Антипатром в известность о неудаче Зопириона сразу же после катастрофы. Отсюда предстает вероятным, что разгром Зопирионова войска имел место не во времена первых военных успехов Александра, а произошел тогда же, когда сошли со сцены Агид Спартанский и Александр Эпирский т. е. осенью 331 или зимой 331/30 г. до н. э. Вполне возможно, что оставленный наместником Понта военачаль-

¹¹⁵ Решающее значение для датировки сопоставляемых Юстином событий имеют показания Эскина. В речи против Ктесифонта, произнесенной, по словам самого оратора, накануне Пифийских игр (*Aeschin.*, In Ctesiph. 254), которые отмечались по обычаю в месяце букатий дельфийского календаря (август/сентябрь) на третьем году очередной олимпиады (в данном случае 112 Ол.), т. е. в конце лета 330 г. до н. э., он говорит о событиях в Пелопоннесе как о только что завершившихся (§ 165) и упоминает о «совсем недавно» отправленном посольстве афиян с выражением соболезнования овдовевшей супруге эпирского царя (§ 242).

¹¹⁶ *Iliescu*. *Op. cit.*, p. 72 sq.; *Suceveanu*. *O ipoteza...*, p. 639, 641 (автор относит к указанному в тексте годам первый из предполагаемых им двух походов Зопириона).

¹¹⁷ *Жебелев*. СП, с. 46; *Pippidi*. *Les macédoniens...*, p. 390.

¹¹⁸ Так интерпретируют показания Юстина о побуждениях Зопириона Латышев (ук. соч., с. 64) и Жебелев (СП, с. 46). Соответственно в переводе второго (там же, с. 41) Зопирион не желал оказаться «бездельником», а в переводе первого (SC, II, с. 61; ВДИ, 1949, № 1, с. 254) прослыть «ленивым».

¹¹⁹ *Дройзен*. Ук. соч., с. 215; так считает и Шофман (ук. соч., с. 429).

¹²⁰ *Just.*, I, с.: *adunato XXX milia exercitu; id. XXXVII, 3, 2; cum XXX milibus armatorum*. У Александра после переправы в Азию было 30 000 пехоты и 5000 всадников (*Diod.*, XVII, 17, 3—4; *Arr.*, *Anab.* I, 11, 3). У Антипатра оставалось 12 000 пехих и 1 500 конных воинов (*Diod.*, I, с. 17, 5). Эти цифры реальны и согласуются между собой (*Дельбрюк Г.* История военного искусства. М., 1937, с. 161, 163; *Гафуров Б. Г.*, *Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980, с. 98—99), так что недоверие к показанию Юстина о численности войск Зопириона (*Жебелев*. СП, с. 44; *Шофман*. Ук. соч., с. 430, прим. 107) остается голословным и неубедительным.

¹²¹ В переводе под ред. М. Е. Грабарь-Пассек читаем даже «если он не совершит никаких подвигов» (ВДИ, 1954, № 3, с. 213).

ник выступил против скифов одновременно с началом последней кампании своего царя против персов, т. е. весной 331 г. до н. э.

Относя, таким образом, осаду Ольвии к лету или осени 331 г. до н. э., мы вправе заключать, что отмена вызванного войной поголовного обложения граждан и тесно связанной с ним в тексте источника редукции полновесной медной монеты произошли сразу же после того, как ольвиополиты избавились от нависшей опасности, и датируются самым началом 20-х годов. С другой стороны, чеканка золота рассматривалась в это время как важнейшая прерогатива македонских монархов¹²², так что выпуск собственных золотых статеров — и притом в городе, никогда ранее не осуществлявшем эмиссии золотой монеты, — вряд ли вообще возможен до получения ольвиополитами известий о смерти Александра и о вызванном ею новом подъеме антимакедонской борьбы в Элладе¹²³. В самом деле даже при выпуске разменной монеты греческие города не упускали из виду политической стороны этого мероприятия¹²⁴, так что чеканка золотых статеров с именем и эмблемой города, лишь недавно отстоявшего себя от македонского войска, была бы слишком яркой демонстрацией, чтобы допустить ее в те годы, когда Александр вынашивал планы вторжения на Понт (Arr., Anab. IV, 15, 6)¹²⁵. Поэтому выпуск ольвийского золота следует относить к тому времени, когда Афины и немалая часть полисов Эллады были охвачены антимакедонским восстанием, т. е. ко второй половине 323 и первой половине 322 г. до н. э. К этому моменту близок и декрет в честь Каллиника, приходящийся скорее всего на вторую половину второго десятилетия IV в.

Приведенные выше даты подтверждаются нумизматическими наблюдениями. Основу для хронологических заключений составляют в этом случае серебряные статеры, прочно связывающие все прочие ольвийские эмиссии второй половины IV в.¹²⁶ Чеканка этих монет началась не позже времени принятия декрета о деньгах, который относится по палеографическим признакам к 350—330 гг. до н. э., но низкая тарификация кизикинов принуждает предпочесть вторую половину этого периода, датируя и надпись и монеты первой половиной или серединой 30-х годов. Ко времени, предшествующему войне с Зопирионом, мы склонны относить редкие статеры без сокращений имен (рис. 4, 12)* и с монограммами (рис. 4, 13), сближающиеся по трактовке прически с монетами Халкидской лиги и особенно Филиппа II¹²⁷ или с редкими милетскими тетрадрахмами третьей

¹²² Berve. Alexanderreich..., I, S. 318 f.; Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus. Lpz., 1937 (Klio, Beiheft 39), S. 193 f.; Hampl F. Der König der Makedonen. Diss. Lpz., 1934, S. 64 ff.

¹²³ Литература об этих событиях очень велика; см. Niese. Op. cit., S. 200 ff.; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, с. 82 слл.; Гафуров, Цибукидис. Ук. соч., с. 352 слл.

¹²⁴ Приступая к чеканке меди, граждане Сеста отмечают: $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \nu\omicron\mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\nu\ \tau\eta\varsigma\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\omega\varsigma\ \chi\alpha\rho\alpha\kappa\tau\eta\rho\alpha$, и лишь затем указывают на выгоду этого (OGIS, I, 339 = Michel, 327. 44—45; $\nu\omicron\mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\theta\alpha\iota = \nu\omicron\mu\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\sigma\theta\alpha\iota$, OGIS, p. 540 sq., nota 22). Ср. Fritze H. Sestos: die Menas-Inschrift und das Münzwesen der Stadt.—Nomisma, 1907, I, S. 1, ff.

¹²⁵ О том, что по крайней мере часть припонтийских греков принимала эти планы всерьез, свидетельствует приводимый Мемноном (de Her. XI/XII, fr. 4, 2) анекдот о гераклеюмском тиране Дионисии, который едва не обезумел от восторга при получении известия о смерти Александра и воздвиг в городе по этому поводу статую Эвтимии (т. е. Радости).

¹²⁶ Карышковский П. О. О классификации серебряных статеров Ольвии.—КСИМК, 1956, 66, с. 69 слл.; он же. Дополнения до истории монетной справы Ольвии.—МАСП, 1960, 3, с. 234 слл.; он же. Ольвиске срібло, с. 45 слл. Разработанная в этих статьях классификация материала представляется нам верной, но абсолютная хронология требует пересмотра.

* Здесь и ниже указаны номера рисунков в первой части статьи. Там же, с. 33, стк. 9, следует читать $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{\iota}\alpha\nu[\tau\iota]$, стк. 5 $\tau\omicron\nu\ \delta\eta\mu\omicron\nu$.

¹²⁷ Selman. Op. cit., pl. XLVI, 4—5, 10—12; Kleiner. Op. cit., Taf. I, 5, 10. Еще большее сходство обнаруживается у ранних тетрадрахм Александра с орлом на реверсе (ibid., Taf. I, 13).

четверти IV в. до н. э.¹²⁸ Эти ольвийские статеры чеканились одновременно с выпуском последних литых оболов (рис. 3, 6) и объединяются с ними общим дифферентом — колосом. Наиболее небрежно исполненные экземпляры этого литья (рис. 3, 7; ОКМ, II, 11) выпущены, быть может, уже во время войны с Зопирионом¹²⁹. Вскоре после этого ольвиополиты стали «чеканить медь», т. е. заменили выпускавшуюся примерно с середины IV в. полноценную литую монету (рис. 3, 1 сл.)¹³⁰ чеканеными оболлами с условной стоимостью (см. выше); курс новых оболлов пытались закрепить параллельной эмиссией серебряных статеров. Монеты этого выпуска датированы Зографом рубежом 30-х и 20-х годов — по «детальному, четкому, несколько резкому и не лишнему ювелирных черт стилю» (АМ, с. 127) они сближаются с первыми чеканеными оболлами и отмечены одинаковыми сокращениями имен ΑΡΙΣ и ΜΟΞΙ (АМ, XXXII, 2, 4; рис. 3, 3; 4, 2, 3). После этого, судя по известным монетам, чеканка статеров была приостановлена, но оболлы нового типа выпускались еще в течение нескольких лет до конца 20-х годов¹³¹.

Новый этап истории монетного дела Ольвии связан с появлением собственной золотой чеканки. Бертье-Делагард считал, что золотые статеры были выпущены «если не одновременно, то очень скоро» после начала эмиссии серебра (ОС, с. 85), а Зограф полагал даже, будто штемпеля золотого статера вырезаны «скорее всего одной рукой» со штемпелями монет с сокращением ΑΡΙΣ (АМ, с. 127). Мы не находим столь разительного сходства между ними; к тому же дифферент (снова колос) и сокращение имени (лигатура из букв Ε и Κ) объединяют золотой статер (рис. 4, 16; ОКМ, VIII, 201) не с той монетой, на которую указывает Зограф (АМ, XXXII, 2), а с несколько иным по стилю серебряным статером (рис. 4, 14) и сопутствующими последнему драхмами, некоторые из которых изго-

¹²⁸ *Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines. II/III, t. 4, P., 1910, col. 1053/54, pl. CXLVIII, 7.*

¹²⁹ Весьма вероятно, что в условиях войны ольвиополиты прибегли к обычному в таких ситуациях выпуску неполноценной монеты с принудительным курсом: среди статеров известны отлично выполненные свинцовые экземпляры (*Гиль X. X. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. — ЗРАО, 1895, 7, табл. XX, 74*), в которых естественно видеть эмиссию, относящуюся ко времени осады. Примеры такого рода известны (*Arist.*), Осесон. II, 2, 16b; 19c; 23a); ср. *Марков А. К. Древняя нумизматика. 2. СПб., 1903, с. 194 сл.; Babelon. Op. cit., t. I, col. 371 suiv.*

¹³⁰ Начало выпуска этих монет не может быть отодвинуто к 370 г. (*Жариковский П. И. Ольвийский «асси».* — Праці ОДУ, 1959, 149, № 7, с. 51 сл.). В первой их подгруппе, кроме наиболее часто встречающихся монет без дифферентов, имеются редкие экземпляры с обозначениями А, В, Г (рис. 3, 4), Δ (АМ, XXXI, 4) и Ε (рис. 3, 5; ОКМ, I, 7), причем среди них нередко встречаются монеты, отлитые в одной форме (*Гилевич А. М. Клад «ассов» из Ольвии.* — НЭ, 1972, 10, с. 74 сл.), и экземпляры, резко отличающиеся по стилю (например, табл. I, I и III, 9). Вторую подгруппу (отличительный дифферент — колос) составляют всего два варианта (рис. 3, 6—7), так что Зограф правильно относил начало этой группы к середине IV в. до н. э. (АМ, с. 124). Об относительной непродолжительности всей этой эмиссии позволяет заключать и состав клада, найденного весной 1981 г. на Нижнем Ингуле, в нескольких километрах от Николаева (*Елисеев В. Ф., Елисеева А. И. Клад ольвийских «ассов» из с. Погорелое.* — В кн.: *Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Киев, 1981, с. 82*). В кладе находился небольшой «асс» с Горгоной (АМ, XXXI, 5), относящийся еще к рубежу V и IV вв., и 21 монета с Деметрой: шесть экземпляров без дифферентов (МО, VIII, 1, 3; X, 1, 3; XI, 3; XII, 1, 2; XIV, 1, 2, 4), две таких же монеты с иным расположением крыльев орла (МО, XIII, 2, 3; XIV, 3), две монеты с дифферентами в виде ветки (?) и буквы Δ (МО, X, 2; АМ, XXXI, 4), одна с изображением колоса под дельфином (МО, XI, 1), восемь с колосом, но с зеркально повернутым типом реверса (ОКМ, II, 14) и одна такая же монета с буквой Γ под колосом (рис. 3, 7; ОКМ, II, 11). Клад не только подтверждает подлинность монет этого последнего варианта, но и отражает все главные этапы эмиссии литых оболлов с Деметрой — в нем не представлены только редчайшие экземпляры с обозначениями Α (*Гилевич. Ук. соч., табл. IV, 14*) и Β (МО, IX, 1), указывая тем самым на относительную непродолжительность этой эмиссии.

¹³¹ Известны еще оболлы с сокращениями ΚΛΕ (рис. 4, 4; ОКМ, VI, 137), ΗΡΩΝ (рис. 4, 5; ОКМ, VII, 139), ΠΑΚ (рис. 4, 6), ΒΑΤΩ (*Кене. Ук. соч., с. 165, № 116, рис. в тексте*); существуют также экземпляры с поврежденными сокращениями ΣΩ — — и ... ΣΚΗ (Φύσχις?).

товлоны, как отмечено выше, общими штемпелями с золотой монетой (рис. 4, 21). Ко времени эмиссии этой серии относится, по-видимому, также изменение внешнего облика того номинала меди, который заменил полновесные «ассы» — вместо традиционных изображений Деметры и городской эмблемы на этой новой меди представлены голова бородатого речного божества и обычное скифское оружие — лук в горите и секира (рис. 4, 18)¹³². Весьма существенно, что среди этих монет, обычно называемых «борисфенами», встречаются экземпляры, перечеканенные из оболов с Деметрой без уничтожения прежних изображений, которые порой явно просматриваются под новыми штемпелями (рис. 4, 19)¹³³. Из этого следует, что «борисфены» следовали непосредственно за монетами с Деметрой, и становится вполне вероятным, что обе категории монет представляли один номинал¹³⁴. Время этой переделки одновременно чеканке золота и приходится на конец 20-х годов.

Уточнив время и обстоятельства издания декрета в честь Каллиника, обратимся к оценке причин и целей реформ времени осады города Зопирином в современной историографии. Большинство исследователей, начиная с Латышева, в полном согласии с консеквативным акцентом, поставленным Макробием или его источником в интересующем нас пассаже (осажденные Зопирином борисфениты — тем, что они освободили рабов и т. д., сумели отразить врага), считало, что преобразования имели целью в тяжелое для государства время мобилизовать все возможные силы на оборону путем предоставления определенных льгот неполноправным юридически (рабы и ксены) и экономически (несостоятельные должники) категориям населения¹³⁵.

Однако с 30-х годов стала пробивать себе дорогу и другая концепция, суть которой заключается в том, что перечисленные Макробием реформы были следствием острого социального конфликта: власти были вынуждены пойти на уступки обездоленным слоям населения, чтобы спасти положение и отразить врага. Впервые такая мысль промелькнула в одной из последних работ Б. В. Фармаковского, назвавшего мероприятия ольвиополитов «форменной революцией»¹³⁶. Самую крайнюю форму эта точка зрения обрела в научно-популярных работах Л. М. Славина, писавшего: «Возможно, что эти чрезвычайные мероприятия... были следствием восстания рабов и бедной части населения Ольвии»¹³⁷. После него к концеп-

¹³² Карышковский. Ольвийские «борисфены», с. 73 сл. Первая группа этих монет, объединяющая крупные экземпляры со строгими, несколько сухо моделированными чертами речного божества, с секирой, обух которой украшен рядом шиповидных выступов (там же, с. 64, сл., табл. 1), насчитывает десять именных сокращений (там же, табл. XII, 1—11), так что выпуск монет этой группы, начавшийся одновременно с началом чеканки золота, продолжался в связи со всем изложенным до конца предпоследнего десятилетия IV в. Как показывают общие лигатуры на «борисфенах» и на некоторых серебряных статерах (там же, табл. I, 1, 5, 6, 10; ср. табл. XI, 1—4; также рис. 4, 15—20), в течение этого десятилетия — приблизительно между 323/22 и 313/12 гг. до н. э. — продолжался выпуск серебряных монет первой группы (Карышковский. О классификации..., с. 69 сл.).

¹³³ Карышковский. Ольвийские «борисфены», с. 74, табл. XI, 5, 6.

¹³⁴ Это подтверждается данными метрологии: оболы с Деметрой весят в среднем 9,98 г, а для равных групп «борисфенов» средние веса колеблются между 10,08 и 9,80 г (там же, с. 75, табл. 3).

¹³⁵ Латышев. Ук. соч., с. 66; Minns. Op. cit., p. 459; Блаватская. Ук. соч., с. 90—91; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36, с. 24; Каллистов Д. П. Северное Причерноморье. — В кн.: Древняя Греция. М., 1956, с. 365; Книпович Т. Н. Ольвия и Тира. — В кн.: Очерки истории СССР. М., 1956, с. 330; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 16. Этот список можно было бы увеличить.

¹³⁶ Фармаковский. Ук. соч., с. 199.

¹³⁷ Славин Л. М. Ольвия. Київ, 1938, с. 12; он же. Древний город Ольвия. Киев, 1951, с. 12—13. В последнем издании своей брошюры (Здесь был город Ольвия. Киев, 1967, с. 9) он развил эту мысль «Ольвийские рабы неоднократно восставали против своих эксплуататоров. Иногда рабы объединялись с беднейшей частью свободного населения. Такие восстания происходили здесь в 330-х гг. до н. э., в конце III — начале

ции «социального конфликта» присоединились Л. А. Ельницкий¹³⁸ и В. Ф. Гайдукевич¹³⁹, но первая попытка расширить аргументационную ее базу была предпринята Е. И. Леви, поставившей разрушения, которые, казалось, имели место в общественном центре Ольвии — на агоре — в последней четверти IV в. в связи с предполагаемыми социальными волнениями времени осады Зопириона¹⁴⁰. Следует учитывать, впрочем, что эта гипотеза была высказана в то время, когда раскопки агоры шли полным ходом и были в стадии, далекой от завершения. Впоследствии, когда был полностью раскрыт теменос, выяснилось, что в последней четверти IV в. на агоре происходили не стихийные разрушения, а сознательная, планомерная и санкционированная государством реконструкция центра религиозной и политической жизни Ольвийского полиса¹⁴¹.

Оба автора настоящей статьи также высказались в свое время в пользу того, что преобразования времени осады Зопириона были не просто превентивными мерами, но и проявлением социального конфликта. Один из них подчеркивал, что «...реформы, осуществленные ольвиополитами во время осады города Зопирионом, хотя и были направлены прежде всего на усиление обороноспособности Ольвии, но по своим результатам представляли решительный шаг по пути утверждения в ней демократии... и были необходимой политической предпосылкой того интенсивного роста производительных сил, расширения торговых связей, интенсификации городского строительства и благоустройства, которые... приходятся на последнюю четверть IV и на первые десятилетия III в. до н. э.»¹⁴². В связи с демократизацией политического строя рассматривались и такие явления, как подтверждение исополитии с Милетом, изменения в области денежного обращения (редукция полноценной меди, переход к золотому стандарту), а также посвящения Гераклу и Народу и даже Дионису¹⁴³. Второй из авторов, кроме перечисленных сопоставлений¹⁴⁴, привлекал в данном контексте и изучаемые на этих страницах декреты¹⁴⁵.

Как же теперь, после проведенного исследования, должны быть оценены шансы обеих концепций? Прежде всего следует заметить, что вторая не исключает, но лишь дополняет первую: ликвидация социального конфликта имела в момент военной угрозы главной целью консолидацию всех сил полиса на оборону¹⁴⁶. Однако, коль скоро авторы считают вполне вероятным, что предложение Каллиника об отмене долгов было вотировано после того, как конфликт между должниками и кредиторами уже воз-

II вв.». Интересно, что в статье академического характера (Периодизация исторического развития Ольвии.— ПИСП, М., 1959, с. 86—107) автор сначала (с. 97) солидаризируется с традиционной точкой зрения, а затем (с. 101) в сдержанной форме повторяет свою собственную, прежнюю.

¹³⁸ ВДИ, 1949, № 4, с. 263, прим. 1 (комментарий к переводу Макробия).

¹³⁹ Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья.— АГСИ, 1955, I, с. 49 сл.

¹⁴⁰ Леви Е. И. Ольвийская агора.— МИА, 1956, № 50, с. 112.

¹⁴¹ Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964, с. 39 сл., прим. 5. Раскопками последующих лет выяснено, что в постзопирионовское время агора,— по крайней мере, в северной ее части — впервые перекрывается вымосткой из известняковых плит; ср. Леви Е. И. и др. АО 1973 г., М., 1974, с. 300. На старых позициях остался, однако, В. В. Рубан (О датировке поселения Козырка II.— ПДКСП, Киев, 1979, с. 78 сл.).

¹⁴² Карышковский. Монеты западнопонтийских династий..., с. 54.

¹⁴³ Карышковский П. И. З історії Ольвії в VI ст. до н. е.— Праці ОДУ, 1956, 146, № 5, с. 167—174.

¹⁴⁴ Надо, впрочем, признать, что наиболее показательным для демократизации в религиозной сфере оказывается только культ обожествленного Демоса (IOSPE, I², 179), поскольку Геракл по преимуществу в дорийских полисах, а дионисийскую религию часто использовали тираны; см. Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden.— JDAI, 1977, 92. S. 115—133.

¹⁴⁵ См. Гребенский. Ук. соч., с. 210.

¹⁴⁶ В этом отношении выглядит наиболее приемлемой позиция Д. Б. Шелова (Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, с. 58; Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975, с. 48).

ник к началу осады Ольвии македонским полководцем, предпочтение следует отдать второй точке зрения, требующей теперь, однако, уточнений. Из стк. 8 документа явственно следует, что Каллиник правозаче через экклесию только предложение о кассации долгов, — таким образом, он во всяком случае не был инициатором двух других мероприятий, упомянутых Макробием, иначе и они были бы, вне сомнения, поставлены ему в заслугу составителем псефизмы. Сложнее определить степень его причастности к отмене налогов и к «чеканке меди». Хотя проведение этих акций приписывается всему народу, нельзя считать исключенным, что Каллиник по крайней мере содействовал их практическому осуществлению, — в противном случае само упоминание о них вряд ли нашло бы место в начертанном на базе его статуи декрете.

Ничто не заставляет нас, таким образом, предполагать до обнаружения дополнительных данных, что освобождение рабов и дарование гражданства ксенам были не обычными превентивными мерами, хорошо известными из греческой практики¹⁴⁷, а следствием статуса в среде жителей Ольвийского государства. Собственно говоря, нам удалось найти в греческой истории лишь один пример, косвенно свидетельствующий о том, что в подобной критической ситуации отпуск на волю рабов мог явиться прямым следствием конкретного эпизода социальной борьбы. По сообщению Полиэна (I, 43, 1), в 414 г. до н. э., во время осады Сиракуз афинянами в городе вспыхнуло восстание рабов, которые собрали многочисленный отряд, в условиях военной угрозы представлявший, с точки зрения стратегов во главе с Гермократом, серьезную опасность. Последний пошел на хитрость, пообещав всем им дать свободу, сделать гоплитами и обеспечить равным с остальными довольствием, самого же их предводителя сделать стратегом-соправителем (*συνάρχοντα*). Однако рабы, как и следовало ожидать, были обмануты и приведены к повиновению.

Здесь уместно добавить, что, не видя в освобождении всех или части ольвийских рабов во время осады города Зопирионом результата открытого вооруженного выступления этих последних, мы не имеем оснований смягчать остроту социальных противоречий в Ольвии. Вместе с тем нельзя отрицать, что, даже будучи осуществлено в условиях военной опасности, освобождение рабов не только укрепляло обороноспособность полиса, но и служило в данной конкретной ситуации гарантией демократизации всей его общественной жизни. Вместе с тем не приходится считать, будто эта мера сама по себе и даже вместе с другими известными

¹⁴⁷ Из прецедентов в ситуации, аналогичной ольвийской, упомянем следующие: 1) включение в состав общины Аргоса в конце VI в. до н. э. перойков (по Геродоту — VI, 77, 83) или рабов (по Плутарху — *Mul. virt.*, 4, p. 245 c—f); разноречивая традиция об этом событии нашла отражение также в: *Arist.*, *Pol.* V, 2, 8, p. 1303 a; *Paus.*, II, 20, 8 sq.; *Polyaen.*, VIII, 33; *Suid.*, s. v. Τελεσιλλὰ; *Luc.*, *Amor.* 30, 2; 2) освобождение афинянами в 490 г. до н. э. 9000 рабов, пожелавших сражаться при Марфоне (*Paus.*, VIII, 15, 7; ср. I, 32, 3; X, 20, 2); 3) освобождение афинских рабов и наделение гражданством метеков и ксенов, принявших участие в морском сражении при Аргинусах (*Xen.*, *Hell.* I, 6, 24; *Diod.*, XIII, 97, 1; *Schol. Aristoph. Ran.* 33, 693); 4) аналогичная акция в 338 г. до н. э. в панической ситуации после Херонеи (*Lycurg.*, in *Leocr.* 41; *ps.-Plut.*, *Nur.* 8, P. 849 A); 5) освобождение рабов и дарование политики метекам (?) во время обороны беотийских Фив от Александра в 335/34 г. до н. э. (*Diod.*, XVII, 11, 2); 6) освобождение и наделение гражданством рабов, особо отличившихся при осаде Родоса Деметрием Полиоркетом в 304 г. до н. э. (*Diod.*, XX, 100, 1); 7) призыв в войско стратегом Ахейского союза Дизем в критической ситуации войны с Римом 12 000 отпущенников из числа доморожденных и воспитанных вместе со свободными (*Polyb.*, XL, 3—5; *Paus.*, VII, 15, 7; 16, 8); 8) эфесцы в 85 г. до н. э., объявив войну Митридату Эвпатору и предвидя осаду, наделяют гражданскими правами взявшихся за оружие исотелов, паройков, гиеродулов, отпущенников и ксенов и предоставляют государственным рабам свободу и статус паройков (*Syll.*³, 742. 44—49 = *Asheri*, XL: ср. *Busolt G.* *Griechische Staatskunde*. I. München, 1920. S. 288, 289, Anm. 1; *Westermann W. L.* *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*. Philadelphia, 1955, p. 18; *Welwei K. W.* *Unfreie im antiken Kriegsdienst*. I (1974). II (1977); *Garlan Y.* *War in Ancient World*. L., 1975, p. 80 f.; *idem.* *Les esclaves en Grèce ancienne*. P., 1982, p. 180, 185—188).

Макробию действиями ольвиополитов была актом изначального утверждения демократического строя в Ольвии, — напротив, все такие акции могли быть осуществлены только в условиях реального существования демократических порядков еще до осады города¹⁴⁸. Приходится признать, что о времени становления ольвийской демократии мы не располагаем абсолютно надежными данными¹⁴⁹.

Одновременно с освобождением рабов в Ольвии была осуществлена также *ἡρεῶν ἀποκοπή* — частичная или полная отмена долгов (процентов либо основной суммы долга)¹⁵⁰. В большинстве известных случаев такая мера вызывалась обострением противоречий между богатыми и неимущими, кредиторами и должниками. Однако для интересующей нас конкретной ситуации — кассации долгов в условиях крайней военной опасности — мы находим в хрестоматии Ашери (I—VI, VIII—X, XII, XV, XIX, XXIII—XXVII, XXIX—XXXIII, XXXV—XXXVII) всего четыре примера, один из которых составляет предмет настоящей статьи. Не останавливаясь подробно на событиях в ликийской Ариканде, осажденной в 197 г. до н. э. полководцем Антиоха III Митридатом, малоимущие слои которой, страдавшие под долговым бременем, решили сдать город врагу в надежде выпросить себе *ἡρεῶν ἀποκοπή* (Asheri, XXXII), у нас остаются два прецедента из истории Эфеса. В 300/299 г. до н. э. эфесцы, вступив в так называемую «гражданскую» войну, декретировали ряд привилегий ипотечарным должникам, отмененных после окончания войны (Syll.³, 364 = Asheri, XXI, XXII). В упомянутом выше декрете Эфеса (Syll.³, 742.28—44 = Asheri, XL) перед угрозой осады города Митридатом Эвпатором наряду с прочими мероприятиями (см. выше) провозглашается кассация почти всех храмовых, государственных и частных долгов и прекращение начатых по ним процессов¹⁵¹. Ни в том, ни в другом случае нет и намека на уже случившиеся социальные волнения.

Было бы, однако, неправомерным отрицать на основании приведенных примеров возможность такой ситуации, когда отмена долгов в момент воен-

¹⁴⁸ Не касаясь здесь сложного и во многом спорного вопроса об отношении Александра к греческим городам (к постановке и историографии проблемы см. *Мариневич Л. П.* Александр Македонский и полисы Малой Азии. — ВДИ, 1980, № 2, с. 29—51; ср. *Ранович*. Ук. соч., с. 49—58), следует заметить, что ситуация в Ольвии существенно отличалась от положения в тех центрах греческого мира, где переход из-под персидского владычества под власть Александра сопровождался свержением тиранических или олигархических режимов и утверждением демократии (Эфес, Хиос, Тенедос, города Лесбоса). Напротив, ольвийские демократы были, подобно своим афинским современникам, противниками македонской гегемонии и успешно отстаивали свободу и независимость своего полиса от Зопирионова войска.

¹⁴⁹ Следуя недавно сформулированной гипотезе, наличие на ольвийских «ассах» букв от А до Е (см. выше) должно было бы указывать на пятилетнее пребывание у власти олигархов непосредственно перед началом чеканки серебра; однако утверждение о том, что «обозначение монетных выпусков буквами в алфавитном порядке следует связывать с ликвидацией демократических институтов и установлением олигархической формы правления» (*Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1978, с. 44—45, 48, 132), в такой универсальной форме представляется весьма шатким. Нет оснований считать установление демократии и примирение Калиником сограждан. Не исключено, что демократический строй (в неизвестной нам пока форме) установился в Ольвии в начале IV в. до н. э. после свержения тирании и скифского протектората; см. *Виноградов*. Сянопа и Ольвия, ч. II, с. 63—73.

¹⁵⁰ Л. М. Славин последовательно отстаивал тот взгляд, что в Ольвии были только снижены размеры задолженности «незажиточных слоев» государственной казне (Периодизация..., с. 97; ср. *Древний город Ольвия*, с. 13; *Ольвия*, с. 12), тогда как некоторые исследователи полагали, что произошла полная и безоговорочная ликвидация всех видов задолженности (*Pippidi D. M.* *Scythica Minora*. Bucureşti — Amsterdam, 1975. p. 186 *suiv.*).

¹⁵¹ Как подметил еще Омоль (Homolle Th. — BCH. 1926. 50. p. 79. not. 1; c. Asheri, p. 72 sqq.), одной из причин предпринятых эфесцами реформ было стремление нейтрализовать пропаганду понтийского царя, который для укрепления своих позиций в покоренных городах сам постоянно прибегал к подобной практике; точно так же поступил он и в данном случае (*App.*, Mithr. 48). О пропаганде Митридата см. теперь: *Gaggero E. S.* La propaganda antiromana di Mitridate VI Eupatore in Asia Minore e in Grecia. — In: *Contributi di storia antica in onore di Albino Garzetti*. Genova. 1977. p. 89—123.

ной угрозы была спровоцирована уже имевшимися налицо раздорами. В этом, кроме нашего случая, убеждает очень интересный и поучительный отрывок из «Полиоркетики» Энея Тактика (XIV, 1), который имеет смысл привести целиком. «С теми, кто хочет изменения существующего в городе порядка, — пишет Эней (пер. В. Ф. Беляева; курсив наш. — Ю. В., П. К.), — следует поступать так, как об этом сказано выше. Всю массу граждан следует заблаговременно приводить к большому единomyслию, добиваясь этого наряду с разного рода другими мерами также и облегчением положения должников, сокращением или полным уничтожением процентов, а при чрезвычайной опасности и прощением части или даже всего долга, если это будет необходимо, так как *весьма часто такие люди таят в себе опасность*. Следует также облегчить положение тех, кого нужда поставила в затруднительные обстоятельства».

Итак, рекомендация теоретика осадного дела, как и применение ее на практике ясно показывают, что перед политиком, намеревавшимся предпринять такие акции, стояла двойная, но при этом единая цель: приведение к согласию (*ὁμόνοια*)¹⁵² защитников города и тем самым сплочение и мобилизация всех сил для обороны путем смягчения социальных противоречий¹⁵³, вне зависимости от того, назревали ли они в недрах общества или успели вылиться наружу. Недаром глава о единomyслии идет у Энея сразу вслед за описанием мер, предпринимаемых против активных врагов существующего порядка. Уже само это предписание вызвано к жизни, несомненно, неоднократно имевшими место конфликтами¹⁵⁴, один из которых пока единственно, по-видимому, засвидетельствован декретом в честь Каллиника.

Что касается причин, приведших к обострению противоречий между различными социальными слоями населения Ольвии в момент крайней военной угрозы, то ясно, что они зрели в глубине ольвийского общества давно, и сама осада послужила лишь катализатором их разрешения. Хорошо известно, что в практике греческих полководцев при осаде вражеского города обычной и первоочередной мерой было опустошение его сельскохозяйственной территории, что давало, с одной стороны, необходимый провиант осаждающим¹⁵⁵, а с другой, — лишало осажденных продовольственной базы снабжения. Для иллюстрации этой практики достаточно сослаться хотя бы на классический пример спартанской тактики в первые годы Архидамовой войны (Thuc., II, 18—23, 47) или на действия Ламаха под Гераклеей (Just., XVI, 3).

То, что и Зопирион был знаком с военным опытом своей эпохи, доказано теперь археологически: на поселениях ольвийской хоры, возникших в начале IV в. до н. э. и просуществовавших до середины следующего столетия, прослеживаются два горизонта, а может быть, даже и слой разрушений, датируемый на основании выше- и нижележащих слоев как раз

¹⁵² Отметим употребление здесь Энеем того же социально окрашенного термина *ὁμόνοια*, что и в изучаемом декрете и в других аналогичных документах (см. выше; ср. *Pippidi. Scythica Minora*, p. 182 suiv.).

¹⁵³ Это заключение высказано *expressis verbis* АшерИ (р. 98). Автор полагает, что свобода и гражданство, возможно, покупались соответственно рабами и ксеами и тем самым пополнялась казна и рос оборонный фонд, а также, что *concordia* среди осажденных немыслима без государственного финансирования для возмещения убытков рабовладельцам и кредиторам. Трудно сказать, имело ли это место в Ольвии. Если да, то во всяком случае после снятия осады и из полисных средств, так как сткк. 9—10, повествующие об отмене чрезвычайного налога, показывают, что государство пеклось об улучшении материального положения неимущих, среди которых на первом месте должны были стоять должники.

¹⁵⁴ Какая опасность таилась в подобных недовольных элементах, наглядно показывает приведенный выше случай с Арикандой (*Asheri. XXXII*).

¹⁵⁵ Ср. *Polyaen.*, III, 10, 9: Тимофей, осаждавший в 365 г. до н. э. Самос, наряду с прочим захватил одну местность специально для обеспечения своего войска продовольствием.

временем Зопирионова похода¹⁵⁶. Ясно, что разорение полей не только создавало продовольственный кризис — обычное явление в условиях блокады города, но особенно ущемляло малоимущих граждан, лишившихся, таким образом, основного, порой единственного источника доходов. Это неизбежно вело к неуплате долгов и тем самым обостряло отношения между должниками и кредиторами. Помимо этого, осада вообще парализовала нормальную жизнь города и лишала полис постоянных источников пополнения государственного бюджета, прежде всего таможенных пошлин и прочих торговых сборов, засвидетельствованных упомянутым договором между Милетом и Ольвией. Это привело к тому, что городские власти вынуждены были прибегнуть к чрезвычайным мероприятиям, одним из которых было введение особых податей (*τὰ τέλη*) для создания оборонного фонда. Эти сборы, распространявшиеся, как следует из декрета, поголовно на все население (см. выше), не могли не ухудшить прежде всего положение неимущих, в интересах которых нововведенный налог был отменен после окончания войны. Не исключено, что и замена полноценных литых оболочек обычной разменной монетой, также облегчавшая участь пострадавшей от войны бедноты, осознавалась современниками Каллиника как важное социальное мероприятие, достойное упоминания в числе деяний ольвийского демоса¹⁵⁷.

Здесь следует подчеркнуть, что вообще весь изучаемый документ носит отпечаток ярко выраженной демократической окрашенности. Это следует не только из декретирования отмены прямого налога, от которого страдали прежде всего бедняки, но и из самой тональности декрета. Насколько позволяет судить сохранность отдельных клаузул, вся деятельность Каллиника состояла: а) в помощи городу при раздаче каких-то работ и тем самым (?) в увеличении доходов государства (сткк. 3 — 4); б) во внесении предложения об отмене долгов, направленного на ликвидацию волнений среди населения (сткк. 5—8). Декрет ни единым словом — из сохранившихся, конечно, — не намекает, что эвергет сам издал какой-либо закон, сам предпринял какую-то акцию и т. п. Напротив, демос сам: а) отменил налоговое обложение, причинявшее ущерб неимущим (сткк. 9—10), и б) ввел у себя чеканку медной монеты (стк. 10). Очень вероятно, что эти мероприятия экономического порядка были проведены в жизнь если не по инициативе, то, во всяком случае, при участии Каллиника, но содержание постановления никак не обнаруживает его авторитарных полномочий. В Ольвии нет, пожалуй, ни одного официального документа, более четко выражающего демократические принципы. Это снимает, с одной стороны, теоретически возможное предположение

¹⁵⁶ Рубан В. В. Из истории приольвийских поселений правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э. — АИСЗП, Киев, 1978, с. 80—82; *он же*. О датировке поселения Козырка II, с. 78—80. В докладе, прочитанном на III Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья (Цхалтубо, май 1982 г.), Я. В. Доманский, проанализировавший результаты раскопок В. В. Рубана, высказал сомнения в том, что на исследованных поселениях действительно прослеживаются следы разрушений. Тем не менее и он не сомневается в том, что Зопирион грабил ольвийскую хору для фуражировки своего войска. Археологические данные в значительной мере смягчают сомнения Бертье-Делагарда, утверждавшего, будто «осады Зопириона в действительности не было и не могло быть», так как скифы не допустили бы его «пройти от Дуная все степи и, дойдя до Ольвии, войти в связь с морем и флотом» (ОС, с. 88, прим. 2). Однако по всему содержанию заметки Макробия видно, что речь идет именно об осаде (*Жебелев*. СП, с. 47, прим. 1).

¹⁵⁷ Проведение редукции полновесной монеты сразу же после отмены долгов позволяет догадываться, что эта отмена, провозглашенная в момент военной угрозы, не была полной и универсальной; она именно закреплялась двумя последующими решениями народа — снятием, как можно догадываться, задолженности по налогу, тяготеющей над бедными гражданами, и сущестственным смягчением вообще всех оставшихся в силе долговых обязательств путем десятикратного понижения реальной стоимости медных денег, которыми, надо полагать, расплачивались малосостоятельные ольвийские должники со своими займодавцами. Вполне понятно, что оба мероприятия были названы составителями декрета после указания на отмену долгов.

о Каллинике как некоем подобии тирана, а с другой, — достаточно убедительно свидетельствует о радикально демократическом режиме, установленном в полисе после снятия осады Зопириона и о сопряженном с этим обновлением всех или большей части сфер полисной жизни: внутри- и внешнеполитической, социально-демографической, финансово-экономической, религиозной и архитектурно-градостроительной¹⁵⁸. Однако обновленная Ольвия конца IV в. до н. э. заслуживает особого исследования.

Возвращаясь в заключение к экспедиции Зопириона и признавая, что она не была «простой авантюрой смелого и недисциплинированного военачальника»¹⁵⁹, но занимала определенное место в военно-политических планах Александра, мы вправе задуматься над ее смыслом. Согласно Юстину, война велась в Скифии и была направлена против скифов. Действительно, Македония столкнулась со скифами во время конфликта Филиппа с Атеем (339 г. до н. э.)¹⁶⁰, а в начале правления Александра они удерживали под своим контролем дельту Дуная (Агг., *Anab.* I, 3, 2) и представляли, по словам Плутарха (*de Alex. fort.* I, 3, p. 327 d), угрозу для своих соседей. Северный поход Александра (335 г. до н. э.) не задел скифов¹⁶¹, но вполне вероятно, что Зопирион, оставленный Александром в качестве наместника Понта, тогда же получил указание устранить эту угрозу. Такое предположение не объясняет, однако, почему он выступил против скифов лишь в тот момент, когда Александр развернул последнюю кампанию против персов (сражение при Гавгамелах происходило, по Арриану, в сентябре — октябре 331 г. до н. э.), да и для простой демонстрации силы и попутного грабежа не понадобилось бы 30-тысячного войска (согласно тому же источнику, Александр переправился на северный берег Дуная, имея 5 500 воинов, — Агг., *Anab.* I, 3, 6), похода до берегов Борисфена¹⁶², разорения хоры и осады далекого греческого города. Трудно поэтому избежать предположения о том, что, отправляясь на Восток, Александр предвидел возможность возвращения в Европу через скифские степи — ведь царь и его военачальники считали Яксарт (Сыр-Дарью) верхней частью течения Танаиса, пограничной реки между

¹⁵⁸ К событиям, связанным с Зопирионовой осадой, В. И. Денисова отнесла недавно опубликованную и датированную ею последней четвертью IV в. надпись коллеги пяти ольвийских стеностроителей (*τεχυοτοται*), позаботившихся о ремонте или реконструкции стены и башен (Денисова В. И. Новый эпиграфический документ из Ольвии. — СА, 1982, № 1, с. 95—104). Недоумение вызывают причины, по которым издатель, привлекая палеографические аналогии, оставил без внимания однажды уже разработанную авторами данной статьи хронологическую схему развития ольвийской лапидарной палеографии IV в., опубликованную к тому же отнюдь не в малодоступном издании (ВДИ, 1976, № 4, с. 23—27). Согласно этой схеме, от которой мы не видим никаких оснований отказываться, надпись стеностроителей должна быть помещена в конце второй подгруппы позднеклассического шрифта, т. е. незадолго до середины IV в. (ср. *Виноградов*. Синопа и Ольвия, ч. II, с. 66). Заметим попутно, что недоумение издателя (с. 103) по поводу того, почему должность тейхопов не упоминается в других ольвийских документах IV—III вв., развеивается тем простым обстоятельством, что в соответствии с обычным словоупотреблением греческих надписей, ни Александр, сын Стесандра, вместе с Никархом, сыном Калликла, ни Клеомброт Пантаклов, ни тем более Протоген, упомянутые в публикации, не были стеностроителями-магистратами, но лишь частными лицами — эвергетами, занимавшимися ремонтом и воздвижением стен на собственные средства.

¹⁵⁹ *Belin de Ballu*. Op. cit., p. 69 suiv.

¹⁶⁰ *Шелов Д. Б.* Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. — МИА, № 177, 1974, с. 54 слл.; *он же.* Царь Атей. — НСФ., 1965, 2, с. 16 слл.; *Каришковский П. И.* Скифы на Дунае. — УИЖ, 1971, № 9, с. 54 слл.; *Pippidi*. Les macédoniens, p. 381 suiv., *Alexandrescu P.* Ataias. — StCl., 9, 1967, p. 85 sq.; *Pârvan*. Getica, p. 51 sq.

¹⁶¹ *Pârvan*. Getica, p. 43 sq.; *Vulpe*. Histoire..., p. 76 suiv.; *Berciu, Pippidi*. Op. cit., p. 134, 196; ср. *Hammond N. G. L.* Alexanders Campaign in Illyria. — JHS, 94, 1, 1974, p. 66 ff.

¹⁶² Аммиан Марцеллин упоминает (XXII, 8, 40) о посвященных Александру алтарях на берегу Борисфена, сооружение которых следовало бы, пожалуй, связывать с походом Зопириона; *Diehl E.* Olbia. — RE, XVII (1937). Sp. 2422; *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 106; ср. ВДИ, 1949, № 4, с. 263, прим. 1 (комментарий к Макробию); в комментарии к Аммиану — ВДИ, 1949, № 3, с. 289, прим. 10 — это известие объявлено вымыслом).

азиатскими и европейскими скифами ¹⁶³. Не исключено, таким образом, что в его первоначальные намерения входило соединение с Зопирионом в глубине скифских просторов, объективная трудность которого не представлялась вначале непреодолимой ¹⁶⁴.

Здесь уместно отметить, что впервые сформулированное Белохом представление о походе Зопириона как о важной составной части стратегических замыслов Александра встретило фронтальное возражение со стороны Вл. Илиеску ¹⁶⁵. Автор ограничивает цель похода Зопириона стремлением его включить в управляемую им область «земли к северу от Дуная или по крайней мере северопонтийские города» и начисто отвергает приписываемые Александру планы превращения Черного моря «в македонское озеро» ¹⁶⁶. При этом единственным путем реализации таких планов провозглашается одновременное наступление Зопириона и царя хорасмиев Фарасмана, предложившего, согласно Арриану (Anab. I, 15, 4—5) покорить Александру народы, живущие у Черного моря. Это предложение было получено Александром после раскрытия заговора Гермояла, т. е. в 328 или в начале 327 г. до н. э. ¹⁶⁷, а поскольку Илиеску относит выступление Зопириона к 334—331 гг. до н. э. (см. выше), такое соединение сил было уже невозможным; к тому же Александр обычно сам возглавлял и тщательно готовил свои военные акции, а в это время его занимал предстоящий поход в Индию. Наконец, Илиеску считает, что сама идея подчинения всех «скифских» земель не могла иметь в эпоху Александра экономической базы и должна рассматриваться как плод модернизаторской мысли современных историков.

Нетрудно видеть, что критические замечания румынского исследователя не затрагивают изложенных выше соображений — речь может идти лишь о первоначальных замыслах Александра, нереальность которых обнаружилась только в ходе их выполнения. Хотя нет оснований принимать, что экспедиция Зопириона была недостаточно тщательно подготовлена, скифские просторы были слишком огромны, скифские племена слишком многочисленны, а их военные возможности слишком велики; к тому же завоевание западной половины державы Ахеменидов затянулось на несколько лет. В то время, когда Александр достиг той реки, которую он вначале принимал за верхнее течение Танаиса, отделяющего Европу от Азии ¹⁶⁸, войско Зопириона давно перестало существовать, так что царь, столкнувшись с серьезным сопротивлением при попытке углубиться за великую среднеазиатскую реку и убедившись в невозможности возвращения на Запад северным путем ¹⁶⁹, был вынужден видоизменить свои планы подчинения Скифии, но не хотел просто оставить их. Теперь он завязывает переговоры не только с ближайшими, но и с отдаленными племенами «европейских» скифов (Arr., Anab. IV, 1,1; 15, 1 —

¹⁶³ Ельницкий. Ук. соч., с. 105; Томпсон Дж. О. История древней географии. М., 1953, с. 190. Эту путаницу отлично воспроизвел Курций (VII, 6, 12—13). Ср. Габуров, Цибукидис. Ук. соч., с. 249, 409, прим. 31.

¹⁶⁴ Veloch. Op. cit., S. 45 f.; Tarn. Op. cit., I, p. 70 f.; Pippidi. Les macédoniens..., p. 389 suiv.; idem. Contribuții ², p. 153 sq. Если возвращение таким путем действительно принималось в расчет, то можно предполагать, что если перед выступлением на Восток Александр и не имел сложившегося плана создания «всемирной монархии» (ср. Шофман. Ук. соч., с. 246 слл.; ср. ВДИ, 1969, № 4, с. 96 слл.), то он и не собирался ограничиваться захватом одной только Малой Азии.

¹⁶⁵ Iliescu Vl. Bemerkungen zum pontisch-orientalischen Plan Alexanders des Großen. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры, 1. Ереван, 1979, S. 101—105.

¹⁶⁶ Pippidi. Contribuții ², p. 153.

¹⁶⁷ Габуров, Цибукидис. Ук. соч., с. 277—280; ср. Ковалев С. И. Заговор «пажей». — ВДИ, 1948, № 1, с. 34 слл.

¹⁶⁸ По И. Н. Хлопину (Хронология похода Александра Македонского в Среднюю Азию. — ВИ, 1979, № 2, с. 98, 102, 104) — летом 328, а не 329 г. до н. э., как обычно полагают.

¹⁶⁹ Габуров, Цибукидис. Ук. соч., с. 249 сл.; Шофман. Ук. соч., с. 127 сл.; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 137 сл.; Tarn. Op. cit., I, p. 69 f.; 2, p. 326 ff.

5; Curt., VII, 6, 11—12; VIII, 1, 7—10)¹⁷⁰, интересуясь при этом прежде всего выяснением их военного потенциала (Arr., Anab. IV, 1, 2). На данном этапе своей деятельности Александр вынашивал планы покорения Индии, но предполагал, что после этого он «вернется в Элладу и оттуда уже через Геллеспонт и Пропонтиду со всеми сухопутными и морскими силами ворвется на Понт» (ibid., IV, 15, 6). В дальнейшем, в Индии и уже после возвращения в завоеванное царство Ахеменидов, царь колебался, обратить ли оружие против Аравии, Карфагена, Ливии, Сицилии и Италии, либо «плыть в Эвксинский Понт, к скифам и к Меотиде» (ibid., V, 27, 7; VII, 1, 2—3)¹⁷¹.

Неизменное внимание к скифской проблеме на протяжении всей деятельности Александра позволяет понять и вызывавшее недоумения некоторых исследователей проникновение Зопириона до стен Ольвии¹⁷². Уже при столкновении Филиппа с Атеем некоторые греческие города оказались на стороне скифов. Согласно восходящему к Диону Хрисостому известию Иордана (Get. 65) Одесс был даже осажден македонянами¹⁷³, а разрушение городской стены и части жилых кварталов Истрии, установленное в ходе археологических раскопок, дает основание предполагать, что этот город был взят Филиппом силой оружия¹⁷⁴. Македонский царь, нелишне заметить, стремился поставить западнопонтийские греческие города в такую же зависимость от своего государства, в какой находились города Фессалии и северного побережья Эгейского моря¹⁷⁵. Такая политика не встречала поддержки среди демократически настроенных кругов полисов Западного Понта¹⁷⁶, и нет оснований предполагать, что позиция ольвийских демократов была иной¹⁷⁷. Демонстративный филэллинизм Александра в начале его деятельности сопровождался двумя походами в Элладу, и вряд ли приходится сомневаться, что соотечественники и современники Каллиника хорошо знали о трагической судьбе разрушенных по приказу царя Фив¹⁷⁸, да и Милет, метрополия ольвиополитов, оказал Александру вооруженное сопротивление¹⁷⁹. Можно поэтому предполагать, что во время наступления Зопириона общая опас-

¹⁷⁰ Александр придавал этим переговорам немалое значение и информировал о них Антипатра (Plut., Alex. 46).

¹⁷¹ Ср. Wilken U. Die letzten Pläne Alexanders des Großen.— SBPAW, Phil.-hist. Kl., 1937, 24, S. 192—207. Разумеется, было бы наивно искать конкретную экономическую основу таких планов.

¹⁷² Minns. Op. cit., p. 459; Бертъе-Делагард. ОС, с. 88, прим. 2.

¹⁷³ Блаватская. Ук. соч., с. 86 сл.; ср. Iliescu VI. Die Beziehungen zwischen dem Skythenkönig Atheas und den griechischen Städten der westlichen Schwarzmeerküste.— In: Actes du I Congrès international des études balcaniques. 2, Sofia, 1969, S. 174 ff.

¹⁷⁴ Coja M. Zidul de aparare al cetatii Histria.— SCIV, 1964, 15, № 3, p. 383—398; Iliescu. Die Beziehungen..., S. 176; Данов. Ук. соч., с. 427 сл.; Шелов. Скифо-македонский конфликт, с. 61. Впрочем, Пиппиди склонен связывать разрушение истрийских стен с борьбой этого города против Лисимаха в конце IV в. до н. э. (Pippidi. Les macédoniens..., p. 381 suiv.).

¹⁷⁵ Блаватская. Ук. соч., с. 84 слл.; Данов. Ук. соч., с. 427 слл.; Iliescu. Die Beziehungen..., S. 171 ff.; Pippidi. Les macédoniens..., p. 381 suiv.

¹⁷⁶ Блаватская. Ук. соч., с. 91; Маринович. Ук. соч., с. 42—44.

¹⁷⁷ Хотя несомненно, что проксенические декреты древних греческих полисов выражали не столько междугосударственные связи, сколько служили средством правовой защиты для купцов-иностранцев в наиболее часто посещаемых ими центрах (Жебелев С. А. Торгово-консульская служба в древнегреческих колониях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1982, № 2, с. 145 слл.), все же нельзя не отметить, что относящиеся к третьей четверти IV в. до н. э. ольвийские проксенические декреты в честь афинян, гераклеотов и византийца (НО, 5, 6, 9) показывают, что Ольвия развивала торговые связи именно с теми полисами, где были сильны антимакедонские настроения, — роль Афин в борьбе против Филиппа общеизвестна; Византий успешно отстоял свою независимость от его покушений (Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, с. 113 слл.); имеются данные и о враждебности гераклеотов по отношению к Александру (Метн., XI—XII, frg. 4, 2).

¹⁷⁸ Вскоре после восстановления Кассандром разрушенных двумя десятилетиями ранее Фив ольвиополиты даровали проксению фиванцу (НО, 14).

¹⁷⁹ Arr., Anab. I, 18, 3—19, 6; Diod., XVII, 22; ср. Маринович. Ук. соч., с. 45 слл., где указана необходимая литература.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Средиземноморье и Ближний Восток		Северо-Западное Причерноморье	
359	Захват власти Филиппом II в Македонии		
356	Победа Филиппа II на олимпийских играх		
349—348	Осада и взятие Олифа Филиппом II	350 (?) 350—345	Начало проникновения скифов Атея в Добруджу Начало последней эмиссии полноценных литых медных оболлов в Ольвии
345—342	Начало эмиссии золотых статеров Филиппа II	342 (?)	Осада Одесса Филиппом II
340—339	Осада Византия Филиппом II	339	Война Филиппа II со скифами. Гибель Атея
338	Битва при Херонее	340 (?)	Начало эмиссии серебряных статеров в Ольвии
338—337	Коринфский конгресс	340—335	Ольвийский декрет о денежном обращении
336, весна	Отправление Пармениона и Аттала в Малую Азию		
336, осень	Убийство Филиппа II. Воцарение Александра		
335, осень	Поход Александра в Грецию. Разрушение Фив	335, весна	Поход Александра к устьям Дуная
334, весна	Отправление Александра в Малую Азию. Назначение Антипатра наместником. Битва при Гранике		
334—333	Завоевание Малой Азии Александром		
334 (?)	Начало похода Александра Эпирского в Италию		
333, осень	Битва при Иссе		
333—332	Начало антимакедонского выступления спартанского царя Агида (на Крите)		
332	Осада и взятие Тира Александром		
332—331	Начало эмиссии золотых статеров Александра. Александр в Египте		
331, весна	Выступление Александра в последний поход против Дария	331, лето	Поход Зопириона против скифов. Осада Ольвии и осуществление ольвиополитами демократических реформ. Временная эмиссия свинцовых статеров в осажденной Зопирионом Ольвии
331, осень	Битва при Гавгамелах. Бегство Дария в восточные сатрапии	331, осень	Гибель Зопириона в «Гетской пустыне»
331—330	Александр занимает Вавилон, Сузы, Персеполь. Гибель Александра Эпирского в Южной Италии. Агид Спартанский закрепляется в Пелопоннесе	331—330	Восстание фракийцев (одризов) под руководством Севта. Выступление фракийского наместника Мемнона против Антипатра
330, лето	Свержение и убийство Дария. Битва при Мегалополе: победа Антипатра над Агидом		
330, осень	Получение Александром в Парфии письма Антипатра с сообщениями о гибели Александра Эпирского, Агида и Зо-	330	Возобновление эмиссии серебряных ольвийских статеров. Прекращение выпуска литой полноценной меди и

Средиземноморье и Ближний Восток		Северо-Западное Причерноморье	
	пириона		начало эмиссии чеканенных обол (серия магистрата АΡΙΣ)
330—320	Прекращение эмиссии электровых статов Кизика	325—320 330—320	Ольвийский декрет в честь Каллиника, сына Евксена Подтверждение договора об исполнении между ольвиополитами и Милетом
329—327 329—328	Александр в Средней Азии Временная приостановка посмертной эмиссии золотых статов Филиппа II		
328 (?)	Александр на «Танаисе» (Сыр-Дарье) и попытки его перенести военные действия в глубину Азии. Переговоры с Фарасманом, царем хорсмиев	328 (?)	Александр принимает посольство «европейских» скифов и направляет ответное посольство в Скифию
327—325 324	Александр в Индии Провозглашение на олимпийских играх распоряжения Александра о возвращении политических эмигрантов в греческие города. Планы новых походов в Западное Средиземноморье, Аравию и в Северное Причерноморье	324	Александр принимает в Вавилоне новое посольство «европейских» скифов
323, май 323—322	Смерть Александра в Вавилоне Ламийская война. Начало эмиссии золотых статов Филиппа III Арридея; возобновление выпуска посмертных статов Филиппа II и начало эмиссии посмертных статов Александра	323 323—322	Лисимах вводит в Истрию и Каллатию свои войска Эмиссия золотых статов, серебряных статов и драхм в Ольвии. Изменение типов чеканенных обол (серия магистрата ЕΚ)
321—319 317—307 316	Регентство Антипатра в Македонии Правление Деметрия Фалерского в Афинах Кассандр восстанавливает Фивы		
		313	Восстание каллатийцев против Лисимаха. Поход Лисимаха в Добружу и вытеснение скифов на северный берег Дуная
		312—302	Попытка изменения весовой системы ольвийского серебра. Эмиссия золотых гемидрахм, серебряных статов и триоболов. Временная приостановка эмиссии медных обол («борисфенов»)
310	Прекращение посмертной эмиссии золотых статов Филиппа и продолжение выпуска посмертных статов Александра	310—300	Прекращение эмиссии серебряных монет Истрии
306	Принятие царского титула Антигоном и другими диадохами	306	Принятие царского титула Лисимахом
301	Битва при Иссе	300 (?)	Договор об исполнении между Истрией и Милетом

ность сблизила ольвиополитов с их соседями, и притом настолько, что македонский военачальник считал необходимым приступить к осаде непокорного города¹⁸⁰. Этим он рассчитывал, надо полагать, создать приморский плацдарм в тылу той части скифов, против которой был направлен его первый удар. Не приходится говорить о значении такого плацдарма, если Зопирион действительно имел приказ двигаться на Восток до соединения с царем и предполагал, что до места встречи не слишком далеко, но если даже перед ним была поставлена более ограниченная задача, подчинение Ольвии придавало всему задуманному предприятию немалое значение, в особенности в случае отступления скифских воинов в глубину степей без решительного сражения. Ольвия оказалась таким образом перед серьезной опасностью, и только победа демократических сил, осуществивших отмену долгов и не остановившихся перед освобождением рабов, обеспечила политическую самостоятельность города, укрепила его связи с местными племенами и прочно утвердила внутри полиса демократические порядки. Все это не осталось без влияния на события во Фракии и в Греции¹⁸¹ и было одной из существенных предпосылок возобновления старинного договора с метрополией¹⁸². Представляется вероятным, что Каллиник, сын Евксена, сыграл во время этих событий одну из главных ролей, так что назначенная ему беспрецедентная награда не представлялась его согражданам не соответствующей его заслугам, очень сдержанно охарактеризованная в посвященном ему декрете. Трудно, наконец, воздержаться от предположения, что последовавшая вскоре эмиссия великолепных по исполнению золотых статов, наглядно противопоставивших τὸν τῆς πόλεως χαρακτήρα (рис. 4, 16) олимпийской символике монет Филиппа (рис. 4, 10) и крылатой Nike широко распространившихся золотых статов Александра (рис. 4, 11)¹⁸³, была не только экономическим предприятием, но и политической демонстрацией города, устоявшего перед македонским войском, значительно превышавшим своей численностью все его население¹⁸⁴.

KALLINIKOS SON OF EUXENOS.
FROM THE POLITICAL, ECONOMIC AND SOCIAL HISTORY
OF OLBIA IN THE SECOND HALF OF THE FOURTH CENTURY B. C.

Yu. G. Vinogradov, P. O. Karyshkovsky

According to the lone testimony of Macrobius (*Sat.* I 11, 3), when Alexander the Great's general Zopyrion laid siege to Olbia the citizens of that town resorted to extreme measures: emancipation of slaves, enfranchisement of foreigners and cancellation of debts, which measures enabled them to withstand the siege. The authors take up the much discussed question as to how this information should be assessed and also consider the foreign and domestic political events in Olbian history which have some relevance to Zopyrion's campaign against the Scythians in ca. 331 B. C. Review of the context in which Macrobius's brief note on the «Borysthenitae» is set encourages a high assessment of the authenticity of his source's information and the accuracy with which he has transmitted it.

¹⁸⁰ Тари полагал даже (*Op. cit.*, 1, p. 70 f.; 2, p. 326 f.), что главной целью Зопириона было подчинение городов Северо-Западного Причерноморья; с этим согласен также Пиппиди (*Les macédoniens...*, p. 389 *suiv.*).

¹⁸¹ Жебелев. СП, с. 43 сл.; ср. *Карышковский*. Монеты западнопонтийских династов, с. 49 слл.

¹⁸² *Syll.*³, 286. Ср. Жебелев. СП, с. 38 сл., 47; *Seibert*. *Op. cit.*, S. 179 f.; *Данов Х. М.* Към старата история на Созопол.— ИБИД, 1948, 22/23, с. 180 сл., 186 сл.

¹⁸³ О политическом смысле, заключенном в монетных типах македонских царей, см. *Kleiner*. *Op. cit.*, S. 9 f., 17 f.; *Seltman*. *Op. cit.*, p. 199 f., 204 f.

¹⁸⁴ *Виноградов, Карышковский*. Ук. соч., с. 31; ср. *Карышковский*. 3 історії Ольвії..., с. 172 сл.

By their combined efforts the authors succeeded in joining together two inscribed fragments (*IOSPE I*²² 25 + 31) which, having lain in the Odessa Archaeological Museum as two disparate documents for more than 75 years, are now seen to be parts of a single Olbian decree. The inscription was cut on the base of a statue put up in honour of the Olbian citizen Kallinikos son of Euxenos. Palaeographic, numismatic and historical considerations point to a date in the mid-twenties of the 4th century. The demos rewards Kallinikos with a statue and 1000 gold staters — a sum so large (amounting to 8.5 kg. in metal weight) as to be unique in the annals of Greek epigraphy — for certain undertakings of a financial character, but mainly for bringing the warring factions in the city together in concord (εἰς ἐμὲν[οιαν]) by putting through the ecclesia a motion for cancellation of debts. The exceptionally large monetary award, the dedication of the statue to Zeus Soter and the coincidence of the reference in the decree to cancellation of debts with the testimony of Macrobius could not but lead the authors to conclude that in the extremely tense atmosphere of siege there had been a flare-up of conflict between debtors and creditors. Kallinikos's proposal to cancel debts was designed to liquidate this conflict and so strengthen the city's defence capability.

When the siege had been effectively repulsed Kallinikos, according to the decree, moved to abolish a tax which had been hard on those without means — τὰ τε τέλη τὰ ἐπιβεβλη[μένα οἷς ἀποροῦν]τες ἐβλάπτοντο ἀφείργεν. The authors suggest that this was an extraordinary direct wartime tax. Correlation of the measures mentioned in the decree with the exigencies of the siege laid by Zopyrion is supported by numismatic data. In the final clause of the motivation section of the decree it is said that the demos cut back the minting of copper in proportion to the reckoning (τὴν κοπή[ν τοῦ χαλκοῦ κατὰ λόγον ἔχεν?]), i. e. brought it into correspondence with the gold and silver circulating on the market. Study of the coinage and money circulation in Olbia at this time leads to the conclusion that the copper mentioned in the decree refers to reduced-weight struck copper pieces, the so-called «borysthens», which soon after 330 replaced the full-weight cast-bronze obols. This is connected with the first minting of gold in Olbian history, an ephemeral measure adopted for propaganda purposes.

From the nature of the measures taken by the Olbiopolitae, as attested in the decree, and from the whole tone of the decree, the authors deduce a strong tendency towards the democratisation of Olbian society immediately after Zopyrion's siege was lifted. This tendency was accompanied by a heightened economic activity, clearly reflected in the archaeological, epigraphical and numismatic data. Finally, the authors assess Zopyrion's campaign against the Scythians, not as the irresponsible adventure of an undisciplined officer, but as an integral part of the military and political plans of Alexander.

А. И. Немировский

НАДПИСЬ ИЗ САТРИКА — ОПОРНЫЙ ПУНКТ РАННЕРИМСКОЙ ИСТОРИИ

Наши представления о политической истории Рима конца VI в. до н. э. до сих пор основывались на античной традиции. Путем сопоставления свидетельств Ливия, Дионисия Галикарнасского, Цицерона, Плутарха исследователи пытались установить канву исторических событий и понять характер отношений Рима с его соседями. В ряде случаев можно было опереться на договоры — для конца VI в. до н. э. на первый римско-карфагенский договор, для начала V в. до н. э. — на договор Рима с Латинским союзом, так называемый — *foedus Cassianum*. Но они дошли не в виде оригинальных эпиграфических памятников, а в переводах Полибия (*Polyb.*, III, 22) и Дионисия Галикарнасского (*Dion. Hal.*, VI, 95). Всегда оставались сомнения если не в аутентичности этих документов, то в их датах.

Не только во времена Т. Моммзена и Э. Пайса, но сравнительно недавно велись атаки против традиционной даты изгнания Тарквиниев и установления республики. К. Ханнел и Э. Гьерстад снизили нижнюю дату царского периода Рима на многие десятилетия¹. А. Альфельди рассматривал всю ливианскую традицию о римско-латинских отношениях в раннюю эпоху как фальсификацию Фабия Пиктора, из патриотических соображений представившего ничтожную этрусскую колонию Рим в не подошедшей ему роли вершителя судеб обширного латинского союза².

Подобный пересмотр истории римско-латинских отношений и, вместе с тем, всей ранней истории Рима и Лация встретил достаточно сильную оппозицию со стороны исследователей, склонных в большей мере доверять античным авторам и сохранившимся в их произведениях документам. Однако некоторые ученые признали соображения А. Альфельди убедительными и с теми или иными оговорками приняли его концепцию³.

Тем временем археология с неторопливой последовательностью извлекала из почвы Праттика ди Маре (древнего Лавиния)⁴, Рима⁵, Корко-

¹ *Hannell K.* Das altrömische eponime Amt. Lund, 1946; *Gjerstad E.* Legends and Facts of Early Roman History. Lund, 1962.

² *Alföldi A.* Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1963, p. 319 ff.

³ Обзор точек зрения на датировку первого римско-карфагенского и первого римско-латинского договоров см. *Bengtson H.* Die Staatsverträge des Altertums. München — Berlin, 1962, S. 16 ff.

⁴ *Ильинская Л. С.* История и культура античной Италии и Рима в свете археологических открытий последнего десятилетия. — ВДИ, 1973, № 1, с. 177.

⁵ Мы имеем в виду этрусские тексты. Наиболее значительный из них — надпись на фигурке льва из слоновой кости: *arazsilqetenasspurianas* (*Pallottino M.* — SE, XLVII, 1979, p. 319 sqq.). В отличие от издателя надписи М. Паллоттино мы даем следующий словораздел: *araz: silq: etenas: spurianas* и считаем слово *silq* своеобразной римско-этрусской формой обычного этрусского *zilq* в значении «претор», а слово *etenal* как *annalis*. Перевод надписи: «Лев годичного претора Спурианус». Таким образом, надпись свидетельствует о функционировании центуриатной системы Сервия Туллия не только в военном, но и в политическо-правовом аспектах.

ле⁶ и Сатрика документы, очистившие римскую традицию от подозрений в фальсификации и давшие возможность с большим доверием отнестись к ее свидетельствам. В задачу настоящей статьи и входит рассмотрение одного из этих документов — надписи из Сатрика (рис. 1).

Место и характер находки. Место находки надписи — город Сатрик, находившийся в 50 км к югу от Рима, почти на границе с Кампанией. Город назван первым в архаическом перечне 30 «славных городов» Лация, участвовавших в дележе мяса жертвенного животного на Альбанской горе (Plin., N. h. III, 68). Однако первое упоминание Сатрика в связи с событиями политической истории Рима и Лация относится лишь к 499 (или к 496) г. до н. э. (Dion. Hal., V, 61, 3). Молчание о древнем и значительном по масштабам того времени городе (это также видно по его территории, охваченной раскопками) можно объяснить либо лакунами в римской анналистической традиции, либо тем, что Сатрик, как и некоторые другие города Лация, переменил свое имя.

Сатрик занимал выгодное географическое положение, находясь на одной из главных дорог, соединяющих Этрурию с Кампанией. Видимо, это было одной из главных причин процветания Сатрика в эпоху этрусской экспансии на юг и колонизации Кампании. О сильном этруском влиянии свидетельствуют найденные при раскопках города обломки архитектурной терракоты того же типа, как и в городах собственно Этрурии, а также фрагменты этрусских надписей⁷. Около 500 г. до н. э. Сатрик был захвачен вольсками, и у Тита Ливия он упоминается как город, принадлежавший вольскам (Liv., II, 39, 3). В войнах с Римом Сатрик дважды подвергался захвату и разрушению, после второго разрушения в 346 г. до н. э. он более не отстраивался.

⁶ В Корколе (Тиволи) найдены фрагменты архаической латинской надписи, по всей видимости, относящейся к алтарю Юпитера. Полное восстановление текста невозможно, но читаются отдельные слова (*Prosdoci mi A. L. Studi sul latino arcaico.* — SE, XLVII, 1979, p. 197 sq.).

⁷ *Andren A. Architektural Terracotas from Etrusco-Italic Temples.* Lund, 1940.

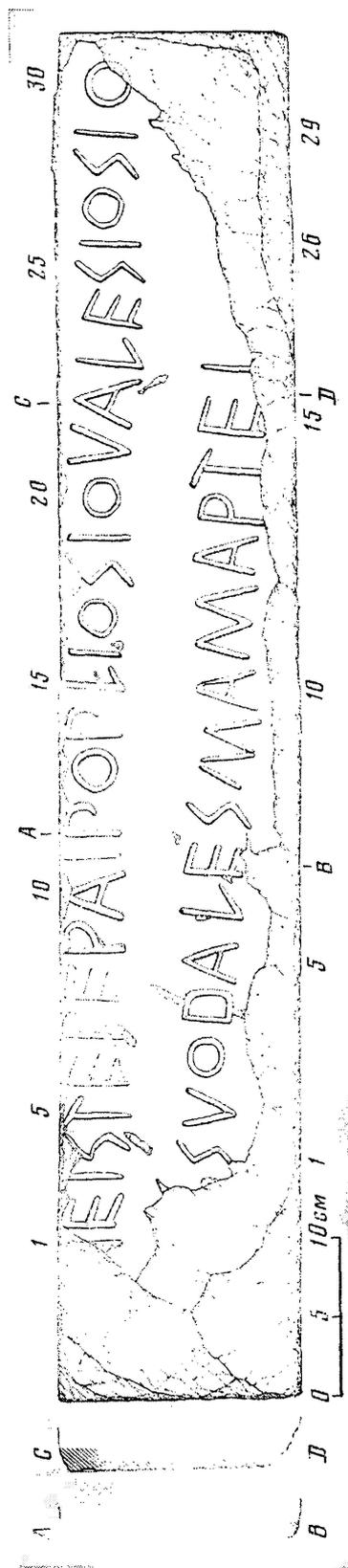

Рис. 1. Надпись из Сатрика

Достопримечательностью Сатрика был его храм Матер Матуты. Когда в 346 г. до н. э. воины римского консула М. Валерия Корва взяли город, все в нем было предано огню, кроме этого храма (Liv., VII, 27, 8). Впрочем, избежав земного огня, он не ушел от небесного, будучи в 206 г. до н. э. сожжен молнией (Liv., XXVIII, 11, 2). Это последнее в древности упоминание о знаменитом святилище. Значительно больше удалось узнать о храме в новое время, когда в 1896 г. начались раскопки отождествленных с Сатриком руин близ Казале ди Конка⁸. Были извлечены терракотовые украшения: антефиксы в виде пальмовых листьев, головок менад, терракотовые скульптуры: «Сатиры и менады», «Тифон», «Гарпия». Эти находки ныне заполняют один из залов музея «Вилла Джулия» в Риме⁹. Анализ стиля двух групп антефиксов позволил установить существование двух храмов Матер Матуты в Сатрике. Первый из них, сооруженный около 550 г. до н. э., был разрушен примерно в 530 г. до н. э. Второй храм был отстроен около 500 г. до н. э. Публикация материалов раскопок конца XIX в. не была исчерпывающей, и сохранившиеся в музее «Вилла Джулия» фотографии не отражают состояния памятника на отдельных этапах раскопок. К тому же памятник не был засыпан землей, блоки были сдвинуты с места и частично исчезли.

Новые раскопки храма в Сатрике, осуществляемые Датским археологическим институтом в Риме, поставили своей целью повторное исследование участка храмовой территории, выявленного первыми раскопками. Было обнаружено скопление из трех туфовых блоков, по-видимому, часть пронаоса храма или, может быть, храмовой пристройки. Впоследствии эта структура была отнесена археологами ко времени, предшествующему сооружению второго храма. Один из блоков содержал надпись, предварительная публикация которой появилась в феврале 1978 г. в сообщениях центра этрусско-италийской археологии¹⁰. Наряду с открывателем надписи датским археологом К. Стиббе в публикации участвовали итальянские эпиграфисты К. Де Симоне и М. Паллоттино. Исторический аспект надписи из Сатрика рассматривался в ходе работы конференции Института римских изысканий (1979) в рамках темы социально-юридического развития архаического Рима. Одновременно в различных итальянских журналах появились статьи, посвященные этой надписи. Их авторы М. Паллоттино, Э. Перуцци и А. Просдочими, признавая исключительный лингвистический и исторический интерес находки, сильно расходились в ее понимании¹¹. В 1980 г. вышло коллективное исследование монографического характера, дававшее всестороннюю характеристику нового текста¹².

Эпиграфический и лингвистический аспекты текста. Надпись сделана на цокольной стороне туфовой плиты длиной 67 см, шириной 36 см, высотой 17. Сама плита, по всей видимости, служила базой для бронзовой статуи — случай в архаическую эпоху Италии достаточно редкий. В этрусской и среднеиталийской эпиграфических зонах для этой эпохи могут быть указаны лишь несколько примеров надписей на каменных постаментах¹³. Обычным было посвящение на корпусе статуи (воин из Капестрано, Марс из Тоди, химера из Ареццо). По мнению К. Стиббе, плита с надписью служила базой для фигуры стоящего или лежащего льва,

⁸ Публикация раскопок: *Bernabei F., Cozza A.* — NSc, 1896, p. 23 sqq.; *Bernabei F., Mengarelli R.* Ibid., p. 190 sqq.; *Mengarelli R.* — NSc, 1898, p. 166 sqq.

⁹ *Stefani E.* The National Museum of Villa Giulia at Rome. Roma, 1949, p. 17 ff.

¹⁰ *Archeologia Laziale. Quaderni del Centro di studio per l'archeologia etrusco-italica.* Roma, 1978, p. 56.

¹¹ *Pallottino M.* Lo sviluppo socio-culturale di Roma Arcaica. — SR, 1979, p. 1—14; *Peruzzi E.* On the Satricum inscription. — PP, XXXII, p. 346 ff.; *Prosdocimi A. L.* Studi sul latino arcaico. — SE, XLVII, 1979, p. 183.

¹² *Stibbe C., Colonna G., De Simone C., Versnel H.* Lapis satricanus. Roma, 1980 (далее — LS).

¹³ *Colonna.* LS, p. 49.

поскольку такие фигуры распространены по соседству в этруском ареале и на территории фалисков¹⁴.

Занимающая докельную часть плиты надпись состоит из двух почти горизонтальных строк правостороннего направления, без словораздела (*scriptio continua*). Правостороннее направление является нормой для латинских архаических текстов монументального письма и для большей части латинских архаических граффити, тогда как для большинства этруских, фалиских, венецианских, ретских, умбрских, самнитских, френтанских, кампанских надписей того же времени характерно левостороннее направление письма¹⁵.

Открошившийся угол плиты унес часть текста, создав проблему восстановления надписи. В том случае, если бы вторая строка надписи начиналась непосредственно под первой, следовало бы предполагать наличие двух лакун:

... ieisteteraipoplipsiovalesiosio
... suodalesmamartei

Из этого предположения первоначально исходил М. Паллоттино¹⁶, но оно не было поддержано другими исследователями, настаивавшими на том, что лакуна имеется лишь в первой строке. Наиболее солидные доводы против лакуны во второй строке привел Дж. Колонна¹⁷. Он указал на многочисленные параллели «симметричного порядка» строк, при котором вторая, более короткая строка занимает центральное положение по отношению к первой строке. Правда, в Греции такое симметричное расположение впервые засвидетельствовано в греческих надписях конца V в. до н. э., а в латинских надписях — в середине IV в. до н. э. Но возможность такого расположения строк в более ранних надписях не может быть исключена.

Проблема разделения сплошного текста на слова возникает лишь для первых десяти букв первой строки, ибо остальные естественно складываются в четыре слова: *Popliosio Valesiosio suodales Mamartei*. Э. Перуцци считал первое *i* первой строки надписи частью буквы *d*, чтобы предложить следующее дополнение: (*en aide*)*iste Tera*¹⁸. Слово *terra* (архаическая *tera*) крайне редко персонифицируется, что уже делает его трактовку сомнительной. Но больше всего против нее говорит то, что черточка, которую Перуцци считает окончанием буквы *d*, имеет прямую, а не несколько закругленную форму, как *d* в слове *suodales* рассматриваемой надписи. А. Просдочими отнес первое *i* к какому-то слову лакуны, насчитывающей от 4 до 6 букв, а следующие буквы — *eiste* — понял как архаическую форму латинского местоимения среднего рода *istud* — «это». Оставшиеся пять букв до бесспорного слова *Popliosio* он, как и Э. Перуцци, понимал в значении «земля», но без персонификации и посвящения земле. Такая трактовка основывается на том, что глагол со значением «поставили», «посвятили» находится в не дошедшей до нас части первой строки. Возможность лакуны во второй строке А. Просдочими отверг¹⁹. Дальше всех в понимании словораздела первых одиннадцати букв текста продвинулся К. Де Симоне. Соединяя эти буквы в различных комбинациях, он получил осмысленное сочетание *steterai*, которое исключило поиски глагола в не сохранившейся части текста²⁰. *Steterai* (классическая латин-

¹⁴ *Stibbe*, LS, p. 35.

¹⁵ *Colonna*, LS, p. 49. В приложении к своей статье об эпиграфическом аспекте надписи из Сатрика Дж. Колонна приводит уникальный перечень архаических латинских надписей VI—V вв. до н. э. на керамике и металле (*Colonna*, LS, p. 53—70).

¹⁶ *Pallottino*. Op. cit., p. 3.

¹⁷ *Colonna*, LS, p. 42.

¹⁸ *Peruzzi*. Op. cit., p. 346.

¹⁹ *Prosdocimi*. Op. cit., p. 185. Возможность лакуны во второй строке отверг К. Де Симоне.

²⁰ *De Simone*, LS, p. 72 sqq.

ская форма — *stetere*) — перфект глагола *sisto*, который соответствует умбскому *sestu* в Игувинских таблицах, *statai* в оскской надписи из Аньоне. Ритуальное применение глагола *sisto* в архаической латыни засвидетельствовано Фестом (476 L.). После выделения *steterei* остаются начальные буквы *iei*, — как полагает К. Де Симоне, окончание неизвестного слова в номинативе множественного числа. Как мы видим, дискуссии касаются части текста до имени *Popliosio*. Любое прочтение не меняет общего смысла текста, представляющего собой посвящение Марсу от *suodales* Публия Валерия. Из этого содержания мы будем исходить в последующем анализе исторического значения надписи.

Заключения о языке надписи надежно могут быть сделаны на основании слов *Popliosio Valesiosio suodales Mamartei*. Первые два позволили М. Паллоттино прийти к выводу, что надпись — образец сабинского языка, тем более что античная традиция считает родоначальника Валериев, Валеца, сабинянином, переселившимся в Рим вместе с Титом Татием, соправителем Ромула (*Val. Max.*, II, 4, 5; *Plut.*, *Popl.* 1)²¹. Сабинское происхождение предка Валериев не говорит о том, что Валерии начала республики были сабинянами, они были римлянами и должны были говорить на латинском языке. Окончание *-osio* чуждо классическому латинскому языку, но его отсутствие в архаических латинских надписях вовсе не указывает на его сабинский характер. В архаических надписях на родственном латинскому фалистском языке встречается форма *Kaisiosio*²². В архаической латыни засвидетельствована близкая форма *Metioeo Fufetioeo* (*Enn.*, *Ann. frg.* 126). Слово *suodales*, не представленное в классических латинских текстах, тем не менее является латинским, а не сабинским. Это явствует из классической латинской формы *sodales*²³. Таким образом, гипотезе о сабинском языке надписи может быть достаточно убедительно противопоставлена гипотеза «латинская». И это имеет важное значение для понимания содержания текста.

Датировка надписи. Датировка надписи связана с хронологией двух строительных периодов храма в Сатрике, о которых шла речь выше. Плита с надписью предшествовала второму строительному периоду и, по мнению К. Стиббе, может быть датирована несколькими годами ранее 500 г. до н. э.²⁴ На это же время указывают палеографические особенности текста, проанализированные Дж. Колонной²⁵. Сравнение с написанием букв на каменной стеле с форума показывает, что надпись из Сатрика выполнена несколько позже, чем эта стела, датируемая, несмотря на расхождения между исследователями, временем между первой четвертью и концом VI в. до н. э.²⁶ Надпись на алтаре Юпитера из Корколе, документирующая развитие лапидарного письма, относится к середине V в. до н. э. Такую же дату — конец VI в. до н. э. — может дать упоминание в надписи Публия Валерия, если считать его знаменитым Публием Валерием, чья деятельность, согласно традиции, уложилась в шесть

²¹ *Pallottino*. Op. cit., p. 13.

²² *De Simone*. LS, p. 82.

²³ *De Simone*. LS, p. 84.

²⁴ *Stibbe*. LS, p. 38.

²⁵ Дж. Колонна исходит из буквы R в написании P, из четырехлинейной формы буквы M, из более близкой к квадрату форме буквы D (*Colonna*. LS, p. 43).

²⁶ Дж. Гаммурини исходит в своей датировке стелы из упоминания в ее тексте *gesei*, которого он считал «царем жертвоприношений» (*Gammurini G. Iscrizione arcaica del Foro Romano. Firenze — Roma, 1901, p. 22*). В. И. Модестов, соглашаясь с гипотезой Гаммурини в трактовке сооружения, частью которого была стела, как «могилы Ромула», датировал стелу 550 г. до н. э., т. е. царской эпохой, а не раннереспубликанской, как Гаммурини. Датировка Ф. Коарелли (первая четверть VI — конец V в. до н. э.) исходит из его тезиса, что место, считавшееся в современной научной литературе «могилей Ромула», на самом деле было монументальным алтарем Вулкана и, следовательно, его постройка должна быть отнесена ко времени Сервия Туллия, отцом которого считался Вулкан (*Coarelli F. Il Comizio dall'origini alla fine della Repubblica. — PP, XXXII, 1977, p. 166 sqq.*).

лет между 509 г. до н. э., первым его консульством, и 503 г. до н. э., датой его смерти.

Но можем ли мы назвать более точную дату надписи в указанных пределах? Эту задачу пытался решить Э. Перуцци²⁷. Он исходит из двух моментов: 1) из упоминания в надписи одного лишь Публия Валерия, которого он считает идентичным Валерию Попликоле; 2) из обстоятельств, в которых могла быть принесена жертва Марсу. В этой связи Э. Перуцци останавливается на этрусско-римской войне 509 г. до н. э., когда в битве у Арсийского леса погиб один из консулов, Юний Брут, и Публий Валерий, оставшись без коллеги, повел остатки войска в Рим и добился там триумфа (Liv., II, 7, 4). Что касается посвящения Марсу, то Перуцци связывает его с легендарным свидетельством о выкрике бога Сильвана после битвы у Арсийского леса, не принесшей победы ни одной из сторон: «Этрусски потеряли больше на одного человека, чем римляне».

Аргументация Перуцци уязвима во многих отношениях. Из текста надписи явствует, что жертву принесли *suodales* Публия Валерия. Они могли это сделать не обязательно в 509 г. до н. э., а в любом другом году, когда в Риме были два консула и один из них находился вне Рима.

Но, допустим, посвящение относится к тому году, когда П. Валерий был консулом *sine collega*. Что бы могло заставить его (или его *suodales*) покинуть Рим, где имелись святилища и Алтари Марса и отправиться в далекий по масштабам тех лет город Лация? Ведь 509 г. до н. э. был для Римской республики очень напряженным. В это время трижды менялись консулы и угрожал заговор молодежи, в раскрытии которого П. Валерию принадлежит главная роль (Plut., Popl. 5). Наконец, что заставило бы *suodales* П. Валерия поставить статую Марсу, когда о победе сообщил Сильван?

Последнюю трудность Э. Перуцци обходит ссылкой на произведение Катона Старшего, где между именами богов Mars и Silvanus нет союза, основываясь на чем имя Silvanus нередко понимается как архаический эпитет Марса или его синоним (Cato, Agr. 83). Но это толкование само по себе спорно²⁸. Ни одна из латинских надписей не засвидетельствовала для Марса эпитет «Сильван». Давно уже установлено, что Сильван отсутствовал в религиозном календаре ранней Римской республики и, как следствие этого, не имел жрецов и праздников²⁹. Напротив, Фавн получил официальное признание, был связан с праздником Луперкалий, почитался в храме на *insula Tiberina*. Очевидно, поэтому Дионисий, излагая эпизод в Арсийском лесу, приписывает услышанный воинами голос не Сильвану, а Фавну (Dion. Hal., V, 49). Плутарх же предпочитает не уточнять, кому принадлежал этот голос (Plut., Popl. 9). На наш взгляд опора на легендарное и не связанное с сакральной практикой свидетельство Ливия не укрепляет спорную датировку Э. Перуцци.

В датировке надписи, на наш взгляд, следует исходить из места ее находки и системы отношений Рима с латинами, сложившейся после 509 г. до н. э., т. е. после заключения первого римско-карфагенского договора, зафиксировавшего господство Рима над латинскими городами. Победа, одержанная Валерием, должна иметь отношение к Сатрику, наряду с другими латинскими городами пытавшемуся освободиться от римского господства. Когда могло это произойти? Ни в 509, ни в 508—507 гг. до н. э., судя по античной традиции, не было каких-либо конфликтов между Римом и латинами. Однако из последующих событий явствует, что именно в эти годы Рим потерял власть над латинскими городами и, будучи ослаблен войной с коалицией этрусских государств, не мог ее восстановить. В самый разгар осады Рим а Порсенной произошло объедине-

²⁷ Peruzzi. Op. cit., p. 347—350.

²⁸ Scholz U. Studien zum altitalischen und altrömischen Marskult und Marsmythos. Heidelberg, 1970, S. 14.

²⁹ Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912, S. 216.

ние латинов с куманцем Аристодемом, будущим тираном Кум (Liv., II, 14, 5; Dion. Hal., VII, 5—9). Порсенна вынужден был отправить часть своего войска во главе с Ларсом Аррунтом под Арицию, взявшую на себя верховенство в Латинском союзе. В битве под Арицией этруски были наголову разбиты.

Каково было отношение римлян к этому столкновению? Сочувствовали ли они успеху латинов, с которыми были связаны языком, религией, многими годами пребывания в Латинском союзе? Радовались ли они поражению ненавистных этрусков? Напротив, Рим открыл свои ворота этрускам, уцелевшим от разгрома, дал им возможность залечить раны и предоставил место для поселения, получившее название «этрасский квартал» (Liv., II, 14, 6). Вряд ли это было жестом гуманности. Рим видел в этрусках будущих союзников, с помощью которых он надеялся восстановить свое положение в Латинском союзе. Для этрусков также не играло роли, кто управлял Римом. Они были заинтересованы в том, чтобы дружественное государство контролировало Лаций и держало в руках дорогу, соединяющую затибрские этрусские государства с колонизованной этрусками Кампанией. Порсенна перестал оказывать покровительство Тарквинию Гордому, и тот перебежал в латинский город Тускул. Тогда же был заключен договор о дружбе между Римом и Порсенной (*paх fida*), направленный своим острием против латинских городов (Liv., II, 5, 17).

Такое развитие отношений между Римом и латинами дает *terminus post quem* для надписи из Сатрика: битва при Ариции 506/505 гг. до н. э.; *terminus ante quem* — смерть П. Валерия Попликолы в 503 г. до н. э.

Историческое значение надписи. В давность отошли дискуссии, умели ли писать римляне при царях и первых «бородатых» консулах. После находки (в 1888 г.) так называемой «Надписи Дуэноса» и, в особенности, архаической латинской надписи на границе Форума и Комиция (в 1899 г.) уже никто не оспаривал грамотности римлян в VI в. до н. э. Затем последовали находки архаических граффити с Форума, Регии, Слоаса Махима, Палатина, Эсквилина, равно как из различных мест древнего Лация: Ардеи, Фиканы. Ныне число архаических латинских текстов, включая граффити, приближается к 40. Однако большое историческое значение имела лишь надпись, найденная на границе между Форумом и Комицием, — притом ее содержание и датировка были предметами споров. «Дуэнова надпись» на керамических сосудах странной формы рассматривалась как имеющая отношение к заговорам, приворотным зельям и колдовству³⁰.

Среди указанных архаических текстов латинская надпись из Сатрика занимает особое место. Чтение и содержание ее не вызывает сомнений, а сравнительно точная дата будет впоследствии использоваться для датировки других латинских надписей. Надпись, по всей видимости, кладет конец сомнениям относительно исторической реальности основателя Римской республики, четвережды консула и триумфатора П. Валерия Попликолы и политической роли рода Валериев в первые годы республики³¹. Отныне Попликола — не «герой государственно-правовых и этиологических легенд», как он назван в новейшей энциклопедии классической древности³², а реальное лицо. Можно думать, что это изменит характер изложения римской истории как в общих, так и специальных работах, где Валерию Попликоле, Л. Юнию Бруту и др. отводилось место в разделе римских легенд.

³⁰ В последнее время предложено считать слово *duenos* = *bonus* обозначением общественной верхушки (*Colonna G. Duenos.* — SE, XLVIII, 1979, p. 168 sqq.).

³¹ Преобладание рода Валериев в анналистической традиции объяснялось политической пропагандой I в. до н. э., когда фальсифицированная история римской старины ставилась на службу интересам оптиматов.

³² *Der Kleine Pauly*, B. V, 1975, col. 1108.

Очевидно, заново будет рассмотрена проблема достоверности фастических комментариев понтификов. Историки, вероятно, задумаются над оценкой труда Валерия Анциата, служившего источником Ливию, Дионисию Галикарнасскому, Плутарху при изложении событий начала Римской республики. До сих пор эта оценка основывалась на критических замечаниях Ливия по адресу Валерия Анциата (*Liv.*, XXX, 19, 11; XXXVIII, 32, 8). С легкой руки Б.-Г. Нибура Валерий Анциат был объявлен фальсификатором, в целях прославления своего рода не останавливавшимся перед внесением в римское прошлое не существовавших лиц³³. И лишь немногие исследователи, опираясь на характер сведений о роде Валериев, высоко оценивали Валерия Анциата как историка³⁴.

Возвращаясь к концепции А. Альфельди о системе отношений Рима с латинами, мы должны будем подчеркнуть ее неприемлемость. Предположение, что Рим в царскую эпоху и в начале республики не обладал властью над латинами, на наш взгляд, опровергается текстом рассматриваемой надписи, свидетельствующим о попытке вернуть эту власть. События в Сатрике, о которых ныне мы можем догадываться, очевидно, привели к еще большему накалу в отношениях между Римом и латинами и сделали неизбежной вскоре вспыхнувшую войну. Победителями в ней, как свидетельствует *foedus Cassianum*, вышли латины, добившиеся равноправия с Римом.

Огромное значение имеет появление в надписи из Сатрика слова *sodales*. В архаических латинских надписях и граффити оно встречается впервые. Однако его употребляли римские авторы применительно к событиям этрусско-римской древности. Эти случаи употребления слова *sodalis* заслуживают специального рассмотрения.

Император Клавдий изложил в одной из речей этрусскую версию прихода к власти Сервия Туллия, который, согласно этой версии, до прихода в Рим носил этрусское имя Мастарны и был «вернейшим *sodalis* Целия Вивенны и его спутником во всех превратностях»³⁵. Поскольку ниже в речи говорится об остатках отряда Целия Вивенны, приведенных Мастарной в Рим, ясно, что термин *sodales* мог быть приложен ко всем сподвижникам этрусского предводителя, наиболее приближенным из которых был Мастарна, овладевший Римом. Наличие этрусской версии воцарения Сервия Туллия было подтверждено фреской из Вульчи, изображающей схватку воинов, один из которых носит имя *Macstarna*, другой — *Caele Vipennas*, третий — *Sneve Tarxunias Rumaх* (Гней Тарквиний Римский)³⁶. Можно думать, что весь рассказ Клавдия основан на этрусских источниках и термин *sodalis* имел какой-то этрусский эквивалент.

Не менее важно употребление слова *sodalis* в контексте событий времени Валерия Попликолы — заговора аристократической молодежи. Сведения об этом заговоре сохранились у ряда латинских авторов³⁷, но один лишь Ливий использовал в рассказе слово *sodalis*: «В Риме было некоторое количество юношей далеко не низкого происхождения, которым царская власть предоставляла больше простора для их страстей. Это были ровесники и соговарицы (*sodales*) юных Тарквиниев, привыкшие жить по-царски» (*Liv.*, II, 3, 2).

Далее следуют описание достоинств царской власти, вложенное в уста одного из *sodales*, описание сбора заговорщиков, их ареста в результате

³³ Niebuhr B. G. *Römische Geschichte*. В., 1832, S. 143.

³⁴ Базицер О. *Ludi saeculares*. Древнеримские секулярные игры. Варшава, 1901, с. 93 сл.

³⁵ *Fontes Iuris Romani antiqui*, ed. Bruns⁷, 52, 19.

³⁶ Последняя работа монографического характера, обобщающая результаты предшествующих исследований о фреске из гробницы Франсуа (Вульчи): *Hus A. Vulci étrusque et étrusco-romaine*. Р., 1971. Исходя из родословной фамилии, которой принадлежал склеп, А. Юс датирует фреску III в. до н. э.

³⁷ *Liv.*, II, 3—4; 6; *Dion. Hal.*, V, 8; *Plut.*, *Popl.* 3—6; *Val. Max.*, V, 8; *Flor.*, I, 9, 5.

доноса раба, сцена казни юношей, в том числе сыновей Л. Юния Брута. В этом живописном и патетическом рассказе тонет слово *sodales*, как теперь можно думать, взятое из надежных источников. Представляет интерес явствующая из сообщения Ливия связь *sodales* с каким-то этрусским институтом времени Тарквиниев.

Должно быть обращено внимание и на связь *sodales* с архаическими римскими и италийскими общественными институтами, а также с местом, которое они занимали в архаической военной организации. В удивлявшем римских авторов последующих эпох походе против Вей членов одной семьи (*unius familiae*) Фабиев, согласно Ливию, участвовала толпа когнатов и *sodales* (Liv., II, 49, 5). Сервий, касаясь того же похода, говорит: «Фабиев было 306 из одной семьи. Они со своими принесшими клятву (*coniurati*) рабами и клиентами выступили против Вей» (Serv., Aen. VI, 845). Сопоставление двух свидетельств об одном событии говорит о том, что *sodales* и *coniurati* — синонимы, и исключает тождество понятий *sodales* и *clientes*.

Этот вывод может быть подкреплён анализом сообщения Дионисия Галикарнасского о переселении в Рим знатного человека сабинского происхождения Тита Клавдия. Дионисий говорит о сопровождавшей его массе «друзей» φίλοι и клиентов πελάται³⁸. Ясно, что «друзья» — это те же, кого Ливий называет *sodales*, а Сервий — *coniurati*. В сообщении Плутарха о том же событии тоже фигурируют друзья и клиенты (Plut., Popl. 21, 3). Так же и Сервий, говоря о переселении в Рим Клавдия, различает в числе его спутников «друзей» и «клиентов» (Serv., Aen. VII, 706).

Итак, *sodales*, *amici* (φίλοι), *coniurati* — синонимические термины, указывающие на существование определенного архаического института военного братства у римлян, сабинян и этрусков. Гай, объясняя значение слова *sodales*, пишет: «*sodales* — это те, кто принадлежит к одной и той же коллегии, как это называется у греков, — гетерии» (ἑταίρεια — Dig. 47, 22, 4). Гай здесь имеет в виду закон XII Таблиц, предоставлявший возможность заключать между собою любые соглашения, лишь бы они ни в чем не вредили общегосударственному закону, и полагает, что соответствующий закон XII Таблиц, точная формулировка которого, к сожалению, неизвестна, заимствован из законодательства Солона.

Следует указать, что в римской литературе термин *sodales* применяется не только к группам, сопровождавшим военных предводителей, но и к религиозным братствам. По мнению Тацита, еще Тит Татий учредил для поддержания священнодействий сабинян коллегию *sodales Tatius*³⁹. Братствами подобного же рода были *Luperci*, *Salii*, *fratres Arvales*. Их рассмотрение не входит в нашу задачу, поскольку, по нашему убеждению, слово *sodales* в надписи из Сатрика не употреблено в специфическом религиозном значении. Такое значение могло бы иметь здесь лишь в том случае, если бы можно было рассматривать *Popliosio Valesiosio sodales* как коллегию, учрежденную для почитания Публия Валерия Попликолы. Но Плутарх, перечисляя оказанные Попликоле посмертные почести, не упоминает о создании религиозного братства в честь основателя Римской республики. К тому же, если бы такое братство было создано, оно проявило бы себя не в Сатрике, а в Риме, в римском храме Марса или в стенах города, у Веллии, где был похоронен Валерий Попликола и где долгое время хоронили членов его рода (Plut., Popl. XXIII, 5).

Кроме Валерия Попликолы в его время не было другого Валерия, столь знаменитого, чтобы с его именем могло быть связано какое-либо товарищество. Поэтому следует отказаться от тех допущений, которые предложил Х. Версел при рассмотрении проблемы идентификации Поп-

³⁸ *Dion. Hal.*, V, 40; 3: συγγενεῖάν τε μεγάλην ἐπαγόμενος καὶ φίλους καὶ πελάτας συχὸς οὗς αὐτοῖς μεταστάτας ἐφεστίους...

³⁹ *Tac.*, Ann. I, 54 — в рукописях не *Titios*, а *Tatios*. В другом месте Тацит приписывает учреждению той же коллегии Ромулу, но в честь царя Татия (Ann. II, 95).

лиоса Валезиоса надписи из Сатрика: 1) Поплиос Валезиос — сабинянин, 2) Поплиос Валезиос — представитель местной сатриканской знати, 3) Поплиос Валезиос — член римского рода Валериев, но не обязательно Валерий Попликола или его сын ⁴⁰.

Обратимся к тому значению института *suodales*, которое связано с его военным аспектом. Некоторую помощь здесь может оказать античная этимология слова, сохраненная Фестом (*Fest.*, 382—383 L.). Фест, или его источник, исходит в этимологизации из характера древнего учреждения. Им предложены три варианта: 1) *quod una sederent et essent*, т. е. те, кто вместе сидит и ест; 2) *quod ex suo datis vesci soliti essent* — питаются из того, что сами дают; 3) *quod inter se invicem suaderent, quod utile esset* — дают друг другу полезные советы.

Несмотря на ошибочность этих этимологий ⁴¹, они донесли до нас смысл спартанских ἀνδρεία, впоследствии получивших название *σοσστία* ⁴². Аристотель, анализируя эти учреждения, приходит к выводу, что лакедемоняне заимствовали их у критян (*Pol.* 1272 b). Однако многочисленные этнографические параллели позволяют думать, что перед нами учреждение, присущее очень многим народам на определенной стадии общественного развития.

Suodales этимологически и семантически соответствуют греческим ἑταῖροι, известным уже Гомеру и сохранявшим свое значение в тех греческих государствах, где существовала царская власть. Такого же рода учреждения мы находим также у иберийцев, германцев, кельтов в то время, когда у римлян эти институты уже исчезли или, точнее, выродились. Аквитанской параллелью архаическому римскому институту *suodales* были *soldurii* (*Caes.*, B. G. III, 22). Цезарь так описывает их положение: «Они пользуются благами жизни вместе с теми, кому отдали свою дружбу, и если этих последних постигнет насильственная смерть, то солдурии разделяют их участь или сами лишают себя жизни».

В кельтском мире то же значение имел термин *ambacti* — «обступившие». Называя их «клиентами», Цезарь неточно передает специфику положения этой прослойки (*Caes.*, B. G. II, 15). У германцев *suodales* соответствуют тем, кого Тацит называет «*comites*» и следующим образом описывает их положение: «Выйти живым из боя, в котором пал вождь, — бесчестие и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать его, совершая доблестные деяния, помышлять только о его славе, — священная их обязанность. Вожди (*principes*) сражаются за победу, сподвижники же (*comites*) за вождя (*pro principe*)» (*Germ.* 14).

Так в варварском мире раскрывается тот аспект клятвенной верности, который применительно к архаической эпохе Рима передавался словом — *coniurati*. По всей видимости, в рассказе Ливия о заговоре римской молодежи в пользу Тарквиниев оказались искаженными побудительные причины заговора. Речь могла идти не об «осуществлении страстей» и «избалованности» (это голос поколения, пережившего заговор Катилины), а о выполнении клятвы верности, забвение которой покрывало позором.

Явствующая из античной традиции связь *suodales* с каким-то сходным этрусским институтом заставляет нас задуматься над его этрусским эквивалентом. Анализ надписей с упоминанием *etera*, так же как и само сходство слов *etera* и ἑταῖρος, дал возможность Ж. Эргону поставить знак равенства между *etera* и *socialis* еще в то время, когда не было ничего известно об архаическом институте *suodales* ⁴³. Ныне эта гипотеза — уже аксиома,

⁴⁰ *Versnel.* LS, p. 116.

⁴¹ Из современных этимологий наиболее убедительна та, которую предложил К. Де Симоне (*De Simone*, LS, p. 84). Он связал *suodales* с лат. глаголом *suesco* (привыкать) от недошедшей формы **swed-sko*, с греческим ἔθος (привычка) и с ведийским — *svadhā* (особенность, обычай). В славянских языках параллели — сват и др.

⁴² *Willels R. F.* *Aristocratic Society in Ancient Crete.* L., 1955, p. 22 ff.

⁴³ *Heurgon J.* *L'Etat étrusques.* — *Historia*, 1957, № 6, p. 96; *idem.* *Classes et ordres chez les Etrusques.* — *Recherches sur les structures sociales dans l'antiquité classique.*

вследствие чего стало необходимым использование данных о латинских *suodales* для проникновения в детали этрусской социально-политической организации. Этрусские *etera* были людьми, непосредственно завязавшими от этрусской знати. Это видно из содержания эпитафий фамильных этрусских гробниц, в которых *etera* погребались наряду с членами семьи Венете, Петруни (CIE, 3763, 3854 и др.).

С другой стороны, этрусские *etera* появляются в сочетании со словами *zilath*, *camthi*: *zilath eterav* (TLE, 169), *camthi eteras* (TLE, 145). Отсюда явствует, что существовали *etera*, подчиненные главам семей или связанные с ними клиентскими отношениями и одновременно находившиеся под контролем выборного должностного лица — *Zilath* соответствует римскому «претор», но сочетание *zilath eterav* скорее всего может быть поставлено в связь с латинским *princeps iuventutis*. Надо думать, что введение фамильных дружин *etera* = *suodales* под контроль государства — явление сравнительно позднее, результат реформ, подобных реформе Сервия Туллия, и их продолжения — законов XII Таблиц.

Обращаясь к сакральному аспекту надписи, следует сказать, что перед нами древнейшее латинское посвящение Марсу, одному из наиболее загадочных италийских божеств. Античные авторы, которым мы обязаны сведениями о почитании Марса в Риме, обычно употребляют классическую форму его имени *Mars*, *Martis*. Но им известны и другие формы имени божества — *Mamers*, *Mavors*, которые они считают италийскими. Так, Фест под словом *Mamertini* объясняет, что *Mamers* на языке осков то же, что *Mars* у римлян (Fest., 150 L.). В написанной на архаическом латинском языке гимне Арвальских братьев встречаются вокативные формы имени бога *Marmar*, *Marmor*, на основании которых восстановлены косвенные падежи **mamartis*, **mamorti*. Но при этом всегда оставались сомнения в правильности исходных форм. Ведь текст песни арвальских братьев дошел до нас как часть протоколов этой коллегии, датированных 27—30 мая 218 г. до н. э., и если архаичность песни бесспорна, то за правильность теонимов трудно поручиться. Тем более что песня имела форму заклинания, когда возможно удвоение имени. Путаницу вызывает и то обстоятельство, что у италиков наряду с теми формами имени бога, которые римские авторы считали италийскими, появляются латинские формы имени божества. Например, у умбров в Игувинских таблицах божество *Serfus* как будто имеет типичный латинский эпитет *Martius*. Отсюда противоречивые суждения о происхождении Марса и его распространении в Италии. По мнению одних, это типично латинский бог, с которым римляне познакомили италиков в середине IV в. до н. э.⁴⁴, по мнению же других, *Mars* с древнейших времен божество всех италийских племен, один из великих богов индоевропейских завоевателей⁴⁵.

Отныне мы имеем архаическую латинскую форму имени римского бога войны *Mamars*. Ее облик столь необычен для Лация, что один из первых исследователей надписи из Сатрика заключил, что это не латинская, а сабинская форма⁴⁶. Однако имеются данные в пользу латинизма имени *Mamars*, *Mamers*, на которые в свое время указал Ф. Альтгейм: это преномен *Mamarsco*, происшедший от имени бога; название римской тюрьмы *Mamertinum*; имя легендарного кузнеца *Мамурия Ветурия*⁴⁷. Впрочем, основываясь на том, что имя *Mamurius* встречается в этрусской эпиграфике,

Р., 1970, р. 41. Прав был также и К. Ольцпа, толковавший *etera* как «молодой человек» (*Olszcha K. Etruskische lauth und etera*. — *Glotta*, XLVI, 1968, S. 19). Все другие толкования: «сын, принадлежащий к роду матери», «приемный сын», «младший сын», «наследник», «раб», «пенест», «клиент», «чужестранец», «представитель низшей категории зависимого населения», «знатный человек» — оказались, таким образом, ошибочными.

⁴⁴ Radke G. Die Götter Altitalien. Münster, 1965, S. 202.

⁴⁵ Scholz. Op. cit., S. 49.

⁴⁶ Pallottino. Op. cit., p. 13.

⁴⁷ Altheim Fr. Geschichte der lateinischen Sprache. Frankfurt a. M., 1950, S. 230 ff.

В. Шульце высказал мнение, что Мамурий, так же как и Мамарк, не имеют никакой связи с римским Марсом ⁴³.

Теперь возражения В. Шульце отпадают. Предположение Ф. Альтгейма подтвердилось. Но это не означает, что прав Г. Радке, считающий, что широкое распространение формы *Mamars* за пределами Рима и Лация — свидетельство того, что римляне познакомили Италию со своим Марсом. Умбрская форма имени Марса — *Mart* — отличается от римской. Распространение имен *Mamarse* и *Mamarse* в Орвието, Вульчи, Тарквиниях, Вейях не означает того, что в Этрурии почитался Марс. Этрусский Марс по своему характеру мало чем напоминает римского Мамарса или умбрского Марта.

А. И. Немировский.

AN INSCRIPTION FROM SATRICUM:
ITS IMPORTANCE FOR EARLY ROMAN HISTORY

A. I. Nemirovsky

The dedication to Mars from the temple of Mater Matuta at Satricum is an important document for the history of the earliest years of the Roman Republic. In the first line of the inscription there is mention of Publius Valesius, whom the author identifies with P. Valerius Poplicola, the first consul of Rome. This dates the inscription in 505/504 B. C. and connects it with the Roman-Latin quarrel which culminated in the Latin War. The inscription refers to the successful outcome of an expedition aimed at strengthening the Roman position in Satricum, a town on the road out of Latium into Campania. This served the interests of both Rome and the Etruscans, with whom Rome had renewed friendly relations. The campaign was carried out not by the Roman militia but by a group of «comrades» led by Publius Valerius. The first mention of the word *suodales* in this archaic text sheds light on the social and military situation in Rome and the neighbouring Etruscan cities. (The Latin *suodales* corresponds to the Etruscan *etera*, as proposed by J. Heugon before the inscription had been found.) The inscription provides valuable confirmation of the general credibility of the annalistic tradition as a source for the study of the early Roman Republic and of Rome's treaties with Carthage and the Latin towns, preserved also in the Greek authors.

⁴³ *Schulze W.* Zur Geschichte lateinischen Eigennamen. B., 1904, S. 360 ff.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(1972—1982 гг.)

К 60-летию СССР наука в союзных республиках Средней Азии пошла с большими и общепризнанными достижениями и в деле изучения древней истории этого обширного региона, являющегося, в свете новых открытий, одним из крупных очагов сложения и развития мировой цивилизации.

В наши дни археологические исследования на территории Средней Азии ведутся в возрастающем объеме и осуществляются силами многочисленного коллектива ученых Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Киргизии, Каракалпакии, действующих в тесном содружестве и при активном участии ученых Москвы, Ленинграда и других научных центров страны. Итоги их исследовательской работы широко освещаются в литературе, выходящей в свет в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Душанбе, Фрунзе, Ашхабаде и Нукусе. Стало традицией деятельное участие ученых центральных научных учреждений страны во многих коллективных трудах, издаваемых в Средней Азии, и ученых среднеазиатского региона в трудах, издаваемых в Москве, Ленинграде и других городах.

Наш обзор литературы последнего десятилетия по древней истории знакомит читателя с основной частью книжной продукции, выпущенной в свет научными учреждениями и организациями среднеазиатских республик ¹.

Минувшее десятилетие было временем дальнейшего и довольно быстрого накопления все большего количества материалов по истории первобытного общества на земле Средней Азии. Значительно расширились представления об ареале распространения стоянок различных стадий каменного века и локальных особенностях палеолитических культур данного региона, включая некоторые районы Памира и Припамирья. Не менее активно шел процесс обогащения наших знаний о времени мезолита и неолита, а также об эпохе бронзы. В этих условиях создавались благоприятные условия для появления в свет ряда сводных обобщающих работ археологов Средней Азии.

¹ Вводя речь о книжной продукции, необходимо отметить расширение возможностей исследовательских публикаций по древней истории Средней Азии, в частности, благодаря систематическому изданию таких серийных сборников, как «История материальной культуры Узбекистана» и «Афрасиаб» (Ташкент), «История материальной культуры Таджикистана», «Материальная культура Уструшаны», «Археологические работы в Таджикистане» (Душанбе), «Материальная культура Туркменистана», «Памятники Туркменистана», «Каракумские древности» (Ашхабад) и др. В этих сборниках также опубликовано много статей, посвященных проблемам истории материальной культуры древности. Статьи и работы ученых Средней Азии печатаются также на страницах центральных журналов и периодических изданий («Советская археология», «Вестник древней истории», «Краткие сообщения Института археологии АН СССР») и в таких сборниках, как «Средняя Азия в древности и средневековье».

В аспекте методологии исследования памятников древнего каменного века заслуживает внимания труд Р. Х. Сулейманова (Самарканд) по детальному и многостороннему статистическому изучению стоянки в пещере Оби-Рахмат времени перехода от мустье к верхнему палеолиту². Продолжается работа и над восходящими к палеолиту памятниками каменного века, обнаруженными в черте современного города Самарканда³, а также в долине Зарафшана⁴. В масштабе всей Средней Азии итоги изучения памятников эпохи палеолита в связи с проблемой антропогена данного региона подводятся в работе В. А. Ранова и С. А. Несмеянова⁵.

Проблемы изучения мезолита юга Узбекистана в связи с результатами изучения культурных напластований пещеры Мачай освещаются в книге У. И. Исламова (Самарканд)⁶. Аналитически рассмотрены культурные отложения в гротах Обишир I и Обишир II (высокогорный район р. Сох в Южной Фергане) в книге того же автора, существенно обогащающей наши представления о жизни и быте племен горной Ферганы эпохи мезолита⁷. М. Р. Касымову принадлежит первая сводная работа по итогам изучения кремнеобрабатывающих мастерских и шахт каменного века Средней Азии⁸. К этой теме примыкают также публикации Т. М. Мирсаатова⁹.

Особенно важно, что в своей совокупности многочисленные памятники каменного века Средней Азии позволили установить как общие черты, так и особенности развития культур первобытного общества различных зон данного региона, более детально проследить локальный процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящему, наметить параллели и отличия этого процесса сравнительно с другими областями всего Среднего Востока.

Существенно обогатился и запас сведений о памятниках эпохи бронзы в пределах Средней Азии, в том числе еще недавно совсем мало известных памятниках времени поздней бронзы и раннего железа. Особого внимания заслуживают наметившиеся связи древнейшей земледельческой протогородской культуры юга Туркменистана, Узбекистана и юго-запада Таджикистана с высоко развитыми цивилизациями северо-востока Ирана и других стран древнего Востока. Более четкими стали и представления исследователей о местной основе раннегородской цивилизации в Средней Азии. Уточнены и расширены представления о сфере хозяйственных занятий населения эпохи бронзы, о присущих ему древнейших формах религии и обрядов.

Археолог А. А. Аскарлов (Самарканд) на основе открытия и изучения остатков поселения Сапалли-тепе (Сурхандарья) выступил с большой работой, освещающей историю земледелия эпохи бронзы на юге Узбекистана. В книгу входят следующие разделы: «Истоки происхождения культуры Сапалли и генетическая взаимосвязь ее периодов», «Производящее хозяйство и ремесло», «Общество», «Опыт палеоэтнографической реконструкции общины Сапалли»¹⁰. Книга содержит сопоставления с класси-

² Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972, 172 с. В некоторый урек автору, как и авторам указанных ниже книг, следует поставить нечеткое разделение и смещение понятий «грот», «навес», «пещера».

³ Сулейманов Р. Х., Исхаков М. М., Ташходжаев Ш. Древний Самарканд. — В кн.: Археологические памятники. Ташкент, 1980, 83 с.

⁴ Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1978, 148 с.

⁵ Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973, 161 с.

⁶ Исламов У. И. Пещера Мачай. Ташкент, 1975, 136 с.

⁷ Он же. Обиширская культура. Ташкент, 1980, 178 с.

⁸ Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972, 160 с.

⁹ Мирсаатов Т. М. Шахты Учтута. Ташкент, 1973, 108 с.; он же. Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1977, 141 с.

¹⁰ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, 231 с.; он же. Сапаллитепе. Ташкент, 1973, 172 с.

ческими памятниками Передней и Южной Азии и Северной Африки, к чему нередко прибегают и другие исследователи древней истории Средней Азии¹¹. А. А. Аскаркову (в соавторстве с Л. И. Альбаумом) принадлежит и монографическое описание Кучук-тепа (Сурхандарьинская область Узбекистана) — остатков поселения, начальный этап истории которого восходит к первой половине VIII в. до н. э., а завершающий — к концу VI—V вв. до н. э., охватывая, таким образом, время поздней бронзы и раннего железа¹². Последнее, впрочем, ставится другими исследователями под сомнение, поскольку было бы точнее говорить в данном случае не об эпохе раннего железа, а о периоде перехода к нему от эпохи поздней бронзы¹³.

В круг многочисленных публикаций советских ученых по открытым на земле Туркмении замечательным памятникам древнеземледельческой культуры эпохи бронзы входит исследование И. С. Масимова, специально посвященное керамическому производству по данным раскопок Алтын-депе¹⁴. Автор приходит к выводу, что население квартала гончаров конца III — начала II тыс. до н. э. уже занимало определенную ступень в социальной организации Алтын-депе времени преддверия образования классового общества.

Памятникам эпохи камня и бронзы Кетмень-Тюбинской котловины (к северо-востоку от Ферганской долины), прилегающей к районам Центрального Тянь-Шаня, уделено большое внимание в сборнике статей по истории и археологии этого региона (статьи А. К. Абеткова, Д. Ф. Винника, Н. Г. Галочкиной, М. Кубатбекова, И. Кожомбердыева, М. Б. Юнусалиева и др.)¹⁵. Издан каталог собраний материалов эпохи камня и бронзы одного из старейших музеев Средней Азии — Музея истории народов Узбекистана (Ташкент)¹⁶.

С проблемой изучения антропогенеза первобытного общества в значительной мере связаны и вопросы о ранних этапах этногенеза и этнической истории Средней Азии, привлекающей к себе все большее внимание исследователей. Среди работ этого направления следует назвать недавно вышедший в свет труд Т. К. Ходжайова¹⁷. Аналитически используя литературу вопроса и на основе собственных краниологических наблюдений и изысканий Т. К. Ходжайов выделяет три области Средней Азии, где какой-то части населения уже с середины I тыс. до н. э. (т. е. значительно раньше появления здесь гуннов) были присущи черты монголоидов (первая область — Устюрт, Хорезмский оазис и низовья Сырдарьи, вторая — северо-западная часть долины р. Зарафшан, третья — Тянь-Шань). Важны попытки автора выяснить соотношение в этих областях европеоидных и монголоидных элементов. Для работы Т. К. Ходжайова характерна постановка ряда важных и до наших дней недостаточно выясненных вопросов исторической антропологии Средней Азии (расовый тип

¹¹ По мнению Г. Е. Маркова, рецензировавшего книгу А. А. Аскаркова, такие сопоставления закономерны и справедливы в качестве исходного рубежа, но не более того, учитывая «большое своеобразие среднеазиатских культур, сложившихся во многих случаях в сравнительно менее благоприятных условиях среды и в иных исторических условиях» (ОНУ, 1979, с. 66).

¹² Аскарков А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучук-тепа. Ташкент, 1979, 112 с.

¹³ См. рецензию Э. В. Ртвеладзе на книгу «Поселение Кучук-тепа» (ОНУ, 1979, № 11, с. 47).

¹⁴ Масимов И. С. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане (По материалам раскопок поселения Алтын-депе). Ашхабад, 1976, 112 с.

¹⁵ Кетмень-Тюбе. Археология. История. Фрунзе, 1977, 91 с.

¹⁶ Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Сост. В. И. Спришевский. Ташкент, 1974, 66 с.

¹⁷ Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент, 1980, 166 с. Из цикла работ по исторической антропологии см. также Рысмазаров Н. Черты наших предков (Вопросы происхождения каракалпаков по данным антропологии). Нукус, 1972, 98 с.; Ходжайов Т. К. Древние народы Южного Приаралья. Ташкент, 1978, 320 с. (на узб. яз.).

населения Согда и других регионов, различные антропологические варианты среднеазиатского междуречья, европеоидные типы городского и оседлоземледельческого населения Северной Бактрии и т. д.).

Вполне естественно и неослабное внимание исследователей к изучению истории оросительного дела на территории Средней Азии, начало чему было положено еще В. В. Бартольдом и некоторыми местными учеными и краеведами. В истекшем десятилетии обширная литература вопроса пополнена книгами А. Р. Мухамеджанова (Самарканд), в которых, наряду с данными о времени средневековья, содержатся краткие очерки возникновения и развития оросительных систем в низовьях Зарафшана и на землях Бухары начиная с середины I тысячелетия до н. э.¹⁸ К циклу работ по истории создания и развития древних оросительных систем Средней Азии примыкает и исследование А. И. Билалова, основанное на изучении ирригационных сооружений такой крупной области, как Уструшана, где зачатки земледельческого хозяйства возникли уже в пределах III—II тыс. до н. э.¹⁹

Весьма ощутим в истекшем десятилетии был и вклад археологов, историков, искусствоведов Средней Азии в изучение ее истории античного времени. Вошедшее в научный обиход в широком и, думается, несколько условном понимании определение «среднеазиатская античность» применительно к среднеазиатскому региону охватывает собою период крупных этнических передвижений, интенсивного процесса формирования населения его народов и появления сведений о них в письменных источниках (саки, бактрийцы, хорезмийцы, парфяне, согдийцы и др.), период распространения железа, образования первых государственных объединений, зарождения и роста городов и т. д.²⁰

Аналитически рассматриваются сведения античных авторов о Средней Азии в работах И. В. Пьянкова (Душанбе). Особо должны быть отмечены выполненные им новые, уточненные и хорошо комментированные переводы таких ценных источников по истории Средней Азии, как известия античных авторов о Маракандах (предполагаемый Самарканд)²¹ и известия о Средней Азии, содержащиеся в фрагментах сочинений Ктесия²². И. В. Пьянковым рассматриваются вопросы текстологии, различий по рукописям, источники известий античных авторов о Средней Азии.

Одно из центральных мест в изучении истории античности Средней Азии занимает так называемая кушанская проблема в наиболее широком, временном и пространственном ее понимании. Здесь особенно плодотворно сказываются совместные усилия ученых центральных научных учреждений СССР и ученых республик Средней Азии, о чем свидетельствует их приметный вклад в работу состоявшейся в 1968 г. в Душанбе Международной конференции по истории, археологии и культуре Средней Азии в кушанскую эпоху. В двухтомнике трудов конференции (М., 1974—1976) опубликовано более 35 статей советских ученых, занимающихся изучением кушанской проблемы. Из новейших исследований по коренным проблемам истории кушан применительно к территории Узбекистана следует отметить две работы члена-корреспондента АН Туркменской ССР В. М. Мас-

¹⁸ Мухамеджанов А. Р. История орошения низовьев Зарафшана (С древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1972, 376 с.; *он же*. История орошения Бухарского оазиса (С древнейших времен до начала XX в.). Ташкент, 1978, 294 с.

¹⁹ Билалов А. И. Из истории ирригации Уструшаны. Душанбе, 1980, 192 с. Следует отметить обстоятельность приложенного к книге указателя источников, дореволюционной и советской литературы по истории ирригации в Средней Азии.

²⁰ Проблема истории и археологии античного периода Средней Азии и Казахстана было посвящено Всесоюзное научное совещание 23—25 августа 1979 г.: см. Античная культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы докладов). Ташкент, 1979; об итогах его работы см. ОНУ, 1979, № 10, с. 61—63.

²¹ Пьянков И. В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов. Собрание отрывков и комментарий. Душанбе, 1972, 60 с.

²² *Он же*. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975, 192 с.

сона по вопросам периодизации и хронологии кушанской эпохи и вопросам типологии и культуругенеза²³.

К числу наиболее важных находок последнего времени относится найденная на Айртаме в 1979 г. часть каменного блока с горельефом. На его лицевой стороне на прямоугольном постаменте были высечены фигуры женщины и мужчины (сохранилась нижняя часть женской фигуры в длинных драпирующихся одеждах и ноги мужской фигуры). В верхней части постаumenta в основании скульптурных изображений вырезана надпись бактрийским («кушано-бактрийским») письмом, заставляющим вспомнить знаменитую надпись из Сурх-Котала (Северный Афганистан). Айртамская надпись — первая подобного рода монументальная надпись на территории правобережной Бактрии. Как и надпись из Сурх-Котала, она повествует о строительных работах и содержит имя кушанского царя Канишки с датой по году его правления («год правления 4, когда...»). Пока Б. А. Тургуновым, В. А. Лившицем и Э. В. Ртвеладзе опубликовано предварительное чтение надписи, дошедшей до нас в поврежденном состоянии²⁴.

Обобщающий характер носит книга Г. А. Пугаченковой, посвященная искусству эпохи кушан, бытовавшему в пределах Бактрии античного времени²⁵. Автор справедливо предостерегает от понятийного толкования «кушанского искусства» как искусства собственно кушан, т. е. лишь в его узкоэтническом или династическом значении. Это искусство — плод художественной культуры всех народов, населявших территорию кушанской державы. Отсюда разнобразие и обилие вариантов при наличии «некоего объединяющего внутреннего субстрата». Выявление последнего отнесено Г. А. Пугаченковой к числу важнейших проблем и задач кушановедения, тем более, что открытие все новых и новых памятников «кушанского искусства» продолжает вносить порой весьма существенные коррективы в уже, казалось бы, достаточно сложившиеся взгляды исследователей. Этой стороне дела и посвящено в основном исследование Г. А. Пугаченковой. Заключает книгу Г. А. Пугаченковой глава «Искусство Бактрии и его место в художественной культуре античного мира» (с. 188—226). В бактрийском искусстве (едва известном каких-нибудь четверть века тому назад) перед нами предстает яркое и целостное явление художественной культуры античного Востока, одним из важнейших очагов которой была Бактрия. К числу ведущих факторов формирования бактрийского искусства эпохи кушан автор относит старобактрийские (и шире — староиранские, ахеменидские) традиции, эллинистические влияния, скифский элемент, новобактрийские творческие тенденции (наиболее ярко определившиеся в эпоху кушан) и, наконец, культурные контакты с сопредельными загиндукушскими областями, с Пенджабом и Восточной Парфией.

Эта работа Г. А. Пугаченковой и многие другие ее публикации последнего десятилетия внесли новый ощутимый вклад в изучение культурного наследия среднеазиатской античности.

К числу сводных работ по нумизматике Средней Азии античного времени принадлежит публикация Э. В. Ртвеладзе и Ш. Р. Пидаева монетных находок в Южном Узбекистане²⁶.

Среди трудов ученых Средней Азии, посвященных ее древней истории, высок удельный вес публикаций, авторы которых обращаются к проблеме сложения и развития городов региона, стремясь к наибольшей, по воз-

²³ *Массон В. М.* Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы периодизации и хронологии). — ОНУ, 1981, № 4, с. 30—38; *он же.* Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы типологии поселений и культуругенеза). — Там же, № 6, с. 36—43.

²⁴ *Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В.* Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме. — ОНУ, 1981, № 3, с. 38—48.

²⁵ *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, 248 с. Как указано во введении (с. 7), текст книги был завершен автором в начале 70-х гг.

²⁶ *Ртвеладзе Э. В. и Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1981, 120 с.

возможности, полноте освещения истории города в его целостной, многофункциональной системе, к выявлению социальной стратификации населения и градостроительной структуры как взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов общественного организма городов, к изучению статута и роли ремесленного сословия и его организаций.

Теоретическим основам общей проблемы становления городов Средней Азии, как производственных центров, посвящена книга Э. В. Сайко. Особое внимание уделяется в ней ремеслу и важнейшим этапам его развития, начиная от производства орудий труда внутри рода, племени и домашнего ремесла в системе производящего хозяйства и вплоть до сложения ремесла как первой формы собственно промышленности с определенным уровнем развития специализированной деятельности и усугублением процесса социальной дифференциации, ремесла, порождающего город, как новый элемент общественного организма²⁷.

Перу старейшего среднеазиатского археолога М. Е. Массона принадлежит книга о крупных древних и средневековых городах низовьев р. Кашкадарьи, написанная на материалах возглавлявшейся автором Кешской археолого-этнографической экспедиции ТашГУ им. В. И. Ленина. Первая глава книги («Наутака — главный город одноименной области античного времени в низовьях Кашкадарьи») посвящена попытке отождествить место нахождения упоминаемого античными авторами — историками походов Александра Македонского в Среднюю Азию — города Наутаки с городищем Ер-курган на правом берегу р. Кашкадарьи²⁸.

В ряду поселений городского типа античного времени на юге Узбекистана выделилось и получило в результате раскопок широкую известность городище Дальверзин-тепе на берегу р. Сурхандарьи, систематические раскопки на котором с конца 70-х гг. продолжаются и поныне. Результатам изучения руин Дальверзин-тепе уже посвящена обширная литература. В числе новейших публикаций следует назвать альбом художественных сокровищ Дальверзин-тепе и сопровождающую его статью руководителя работ на городище Г. А. Пугаченковой²⁹. Статья специально посвящена характеристике художественного наследия обитателей Дальверзин-тепе, в ней рассматриваются особенности архитектуры жилых и общественных зданий, черты религиозного синкретизма в монументальной скульптуре, терракотах, монетах, стиль и техника настенной живописи, керамических изделий, предметов украшений из слоновой кости и т. д. Она содержит также пока что предельно краткое описание уникального для Северной Бактрии и еще ждущего своего детального описания богатейшего клада золотых изделий, обнаруженного на Дальверзин-тепе, значительная часть которых находит аналогии в ювелирном и изобразительном искусстве Гандхары, восходя ко второй половине I в. Особенность клада — присутствие в нем редчайших золотых брусков с выбитыми пунсоном надписями письмом кхарошти, обозначающими их вес, а в некоторых случаях с надписями дарственного характера. Г. А. Пугаченкова полагает, что владельцем клада мог быть один из представителей кушанской знати — участник похода на Индию при Куджула Кадфизе или Вима Кадфизе, откуда он и вывез изделия, составившие содержание клада³⁰.

²⁷ Сайко Э. В. Становление города как производственного центра (Формирование экономической основы — ремесла. Средняя Азия). Душанбе, 1973, 112 с.

²⁸ Массон М. Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи с древнейших времен. Ташкент, 1973, с. 5—19.

²⁹ Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Автор текста и составитель альбома Г. А. Пугаченкова. Л., 1978 (на англ. и русск. яз.), 102 с. Из новейшей литературы см. также сборник статей «Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана». Ташкент, 1978, 238 с.

³⁰ Некоторые данные об отдельных предметах из этого клада см. также в новой книге: Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982, с. 218 сл.

Успешно продолжалось изучение древней истории таких старейших городов Средней Азии, как Бухара, Самарканд, Ташкент и других. Вслед за «Историей Самарканда» (Ташкент, 1969) и посвященным ему сборником статей³¹ последовало издание книг по истории Бухары³² и Хорезма (города Кят, Ургенч, Хива)³³, начальные этапы истории которых нашли свое освещение в главах, принадлежащих перу Я. Г. Гулямова, Т. К. Кадыровой, Г. А. Пугаченковой и Д. А. Фахритиновой.

В процессе подготовки к 2000-летию Ташкента, которое будет отмечаться в 1983 г., в черте города развернулись работы археологов, позволившие уточнить раннее прошлое Ташкента, начиная с рубежа I в. до н. э. — I в. н. э. Эти работы нашли отражение в нескольких сборниках, посвященных истории одного из старейших городов Средней Азии³⁴. Впервые установлено, что находящееся в черте Ташкента городище Шаштепе содержит культурные слои конца II—I вв. до н. э., причем наличие здесь сложной из пахсы и сырцового кирпича оборонительной стены цитадели свидетельствует о городском (или переходном к нему) характере поселения указанного времени³⁵.

Весьма отраднo все возрастающее внимание исследователей к проблеме изучения сельских поселений античного времени на территории Средней Азии, без чего невозможно воссоздание целостной и всеохватывающей картины жизни населявших ее народов. До недавнего времени сведения в этом направлении носили весьма фрагментарный характер и, как правило, не выходили за рамки публикаций отдельных памятников древности и по частным вопросам.

С тем большим удовлетворением следует сказать о возрастающем вкладе ученых Средней Азии в изучение этой проблемы. Из новейшей литературы укажем на книгу Ш. Р. Пидаева, работающего в Самарканде³⁶. В орбите интересов автора — поселения кушанского времени в пределах Сурхандарьинской области (юг Узбекистана), где усилиями археологов зафиксировано наличие около 110 остатков поселений, относящихся к категории сельских (с учетом трудностей, в ряде случаев, точного разграничения между типичными земледельческими и горными поселениями и поселениями полугородского и полусельского типа). Раскопки и рекогносцировки на территории этих поселений позволили получить первые сведения об устройстве сельских жилых домов, о строительных материалах и технических приемах их сооружения, о культуре, быте и занятиях жителей, экономической и социальной структуре данной группы селений, большинство которых прекратило свое существование в конце III—IV в. н. э. Для позднекушанского времени отмечается частота монетных находок — показатель развития товарно-денежных отношений.

С этой же проблемой связана книга археолога С. К. Кабанова, известного своими многолетними работами по фиксации и обследованию поселений сельского типа кушанского и более позднего времени в земледельческих оазисах долины р. Кашкадарьи (район Южного Согда)³⁷.

³¹ Из истории искусства великого города (К 2500-летию Самарканда). Сб. ст. Ташкент, 1972, 336 с.

³² История Бухары с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, 79 с.

³³ История Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1976, 59 с.

³⁴ Древний Ташкент. Ташкент, 1972, 144 с.; Древности Ташкента. Ташкент, 1976, 131 с.; Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, 183 с.; У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982, 199 с.

³⁵ Аскарлов А. А., Филанович М. И. Новые данные о зарождении городской культуры на территории Ташкента. — ОНУ, 1980, № 6, с. 23—30.

³⁶ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978, 144 с.

³⁷ Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища. Ташкент, 1981, 128 с. См. также Кабанов С. К. Нахлеб на рубеже древности и средневековья. Ташкент, 1977, 136 с.

В Туркмении первичному обследованию подверглась большая группа парфянских памятников в подгорной полосе Копетдага между Ирчманом и Гяурсом. На одном из них (в местности Гарры-Кяриз севернее 57-го километра шоссе Ашхабад — Красноводск) на протяжении ряда лет велись раскопки, итогом которых явилось первое подробное описание сельского парфянского поселения. В. Н. Пилипко видит в Гарры-Кяризе поселение агнатической группы с входящими в общину «домами-семьями», относящееся ко второй половине III в. до н. э. — I в. н. э., и с полным основанием подчеркивает, что «исследование сельских поселений коренных областей Парфии имеет большое значение... для изучения собственно парфянской культуры, так как обитатели мелких селений в глубинных районах страны были менее всего подвержены иноземному культурному влиянию»³⁸.

Как и раньше, продолжалась работа по изучению различных аспектов истории Согда. Вышла в свет сводная работа В. А. Мешкериса по согдийской коропластике³⁹. Для познания истоков народных верований таджиков ценно историко-этнографическое исследование О. Муродова⁴⁰.

В последние годы во всех республиках Средней Азии развернулась работа по составлению археологических карт и научной паспортизации памятников истории культуры. Наряду с научными учреждениями в ней активно участвуют республиканские общества охраны памятников истории и культуры. Примером плодотворности этой работы может служить описание Ю. Ф. Буряковым, М. Р. Касымовым и О. М. Ростовцевым памятников Ташкентской области⁴¹.

Отдельно должен быть отмечен выход в свет книги воспоминаний старейшего археолога Средней Азии Михаила Евгеньевича Массона — явление тем более примечательное, что и в масштабах всей страны мемуарная литература в сфере истории изучения древнего мира отечественной наукой представлена, к сожалению, крайне скупо⁴².

Обзор литературы последнего десятилетия по археологии и древней истории, вышедшей в свет в республиках Средней Азии, отчетливо свидетельствует о большом и все возрастающем вкладе ученых этого крупного региона СССР в изучение богатейшего историко-культурного прошлого одной из важнейших областей советского Востока.

Б. В. Луцин

³⁸ Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975, с. 7.

³⁹ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977, 125 с.

⁴⁰ Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зарафшана. Душанбе, 1979, 116 с.

⁴¹ Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1973, 115 с.

⁴² Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976. К 80-летию М. Е. Массона в Ашхабаде был издан посвященный ему сборник статей «История и археология Средней Азии» (1978, 272 с.).

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В МОЛДАВСКОЙ ССР

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эры в истории народов нашей многонациональной Родины, открыла путь для создания государственности в союзных республиках, в том числе и в Молдавии. В 1924 г. была образована Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика в составе Украинской ССР. Были созданы условия для становления национальной культуры и науки и соответственно науки исторической. Но в Молдавии этому развитию были присущи некоторые особенности, обусловленные тем, что вследствие сложившихся исторических условий мощный подъем национальной культуры и науки в республике начался лишь в послевоенные годы, так как большая часть территории Молдавии (области между Прутом и Днестром) воссоединилась с Советской Родиной лишь в 1940 г., и постановлением VII сессии Верховного Совета СССР от 2 августа 1940 г. была образована Молдавская ССР. Однако необходимо было время, чтобы подготовить квалифицированные кадры ученых, и в том числе историков, творчески мыслящих, которые могли бы формировать историческую науку Молдавии. Сегодня в республике существуют собственные исследовательские и преподавательские кадры, основной задачей которых в области исторической науки является изучение исторического процесса во всем его многообразии, а значит и исследование истории античного мира. Внимание ученых направлено на всесторонний анализ конкретного исторического материала, на творческое изучение наследия классиков марксизма-ленинизма применительно к древней истории. Все более широкий характер приобретает исследовательская работа и в области древней истории Молдавии.

Прежде всего необходимо кратко остановиться на организационных формах, в которых происходило развитие молдавской школы в области древней истории, а также на тех факторах, которые оказали большое влияние на развитие исторической науки в Молдавии. Ярким проявлением заботы Советского Правительства о развитии науки и культуры в Молдавии было решение об организации в Кишиневе государственного университета. В Постановлении ЦК Компартии Молдавии и Совета Народных Комиссаров республики от 4 марта 1946 г. указывалось, что Кишиневский государственный университет создается «для подготовки высококвалифицированных педагогических кадров, специалистов народного хозяйства, проведения научно-исследовательской работы и подготовки молодых научных работников»¹.

Молодой учебно-научный центр республики с первого же года стал развертывать исторические исследования. С 1960 г. преподавание истории древнего мира в университете велось на двух языках — молдавском и

¹ Хронологическое собрание законов Молдавской ССР, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства Молдавской ССР. Т. I. 1940—1947. Кишинев, 1960, с. 132—133.

русском. Значительную роль в изучении древней истории сыграл преподавательский состав кафедры всеобщей истории и созданной в 1969 г. кафедры истории древнего мира и средних веков. Лекционные курсы по истории древнего Востока и античного мира, по классической филологии, археологии СССР, нумизматике, а также спецкурсы по истории Молдавии, происхождению христианства и его ранней истории читались такими специалистами, как Н. Б. Бреговская, Н. С. Гринбаум, С. Д. Мисько, член-корреспондент АН МССР Н. А. Мохов, И. Т. Никулицэ, А. А. Нудельман, В. И. Потлог, Е. С. Унтила. Они же руководили исследовательской работой студентов-дипломников, занимавшихся проблемами античности. Большое значение придавалось изучению произведений основоположников марксизма-ленинизма, усвоению концепций материалистического понимания истории в разработке конкретных проблем античности². Кишиневский государственный университет имени В. И. Ленина был пионером в области развития важных направлений по проблемам истории. Его сотрудники, помимо высокого уровня преподавания лекционных курсов, много внимания уделяли научно-исследовательской работе. Исследовалась специальная литература и источники по истории Северного Причерноморья в античную эпоху, разрабатывалась проблема взаимоотношений северопонтийских городов с областями Восточного Средиземноморья в эллинистическую эпоху, рассматривались некоторые вопросы греческой публицистики IV в. до н. э. Этим проблемам был посвящен ряд статей Н. Б. Бреговской³. Значительное место занимала критика буржуазных концепций по вопросам древней истории. Эта тема привлекла внимание В. И. Потлога, который занимался также вопросами отражения античной истории в трудах Дмитрия Кантемира⁴.

Основным центром научных исследований в Молдавии в настоящее время является Институт истории АН МССР. Вначале это был небольшой сектор в составе Института истории, языка и литературы, который с 1946 г. был включен в состав Молдавской исследовательской базы АН СССР. Постепенно сектор увеличивался численно и росли масштабы его работы. На сегодняшний день в Академии наук Молдавской ССР действуют Институт истории, Отдел этнографии и искусствоведения, и ряд секторов археологии, входящих в состав этого отдела. Издается большая научная продукция в виде монографий, тематических сборников, статей в «Ученых записках» и «Известиях АН МССР». Важным показателем развития исторических знаний по античности, этнографии и нумизматике, является увеличение числа монографических исследований и защищенных докторских и кандидатских диссертаций.

В исследовательской работе по древней истории Молдавии важное место занимает подготовка и написание коллективом историков и археологов многотомной «Истории Молдавии». В 1951 г. вышло двухтомное издание, в котором излагалась политическая и социально-экономическая история Молдавии начиная с древности и до новейшего периода⁵. Несмотря на то, что этот обобщающий сводный труд обладал некоторыми недостатками (немногочисленность конкретно-исторических фактов, недостаточная разработка проблемы этногенеза молдавского народа, перегруженность цитатами), он послужил тем не менее базой для последующей углубленной раз-

² Гринбаум Н. С. Из высказываний В. И. Ленина об античности. — Уч. зап. КПИ, т. 1, 1949, с. 93—106; *он же*. К вопросу об отношении Маркса и Энгельса к античной культуре. — Там же, т. 4, 1955, с. 147—158.

³ Бреговская Н. Б. Экономические и политические связи северопонтийских городов с государствами Балканской и Малоазийской Греции в эпоху эллинизма. — Уч. зап. КГУ, т. 35, 1958, с. 103—116; *она же*. Северное Причерноморье и внешняя политика эллинистических государств. — Там же, т. 48, 1962, с. 141—162.

⁴ Потлог В. И. Дмитрий Кантемир как историк. — Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук, Кишинев, 1973.

⁵ История Молдавии (от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Кишинев, 1951.

работки проблем истории Молдавии. Как известно, в древности области современной Молдавии были зоной, по которой проходили, кочевали и оседали многие племена и народности, оставившие многочисленные памятники различных археологических культур. Сбор и анализ археологического материала, а также анализ письменных источников стали настоящей необходимостью для изучения истории и материальной культуры многих племен, которые долго оставались неизученными на археологической карте СССР.

Систематические археологические исследования в республике начали проводиться с 1950 г. сначала под руководством ученых Москвы, Киева, Одессы, Львова, но затем в раскопки включились и выросшие местные кадры археологов. В результате широких обследований памятников раннежелезного века, проводимых экспедицией во главе с Г. Д. Смирновым, а с 1946 г. под руководством А. И. Мелюковой, был получен большой и ценный археологический материал. Выявлением и изучением памятников раннего железа занимались также Славяно-днестровская экспедиция, возглавляемая Г. Б. Федоровым, и Молдавская археологическая экспедиция, руководимая Т. С. Пассек. Почти все районы МССР были обследованы в результате археологических разведок П. П. Бырни, В. А. Дергачева, Н. А. Кетрару, В. Л. Лапушняна, Л. Л. Полевого, И. А. Рафаловича, Г. Ф. Чеботаренко, перу которых принадлежит ряд работ по материальной культуре населения Днестровско-Прутского междуречья в I тыс. до н. э.⁶

В ходе исследований памятников раннего железного века выяснилось, что начиная с X в. до н. э. по V в. до н. э. в лесостепной Молдавии существовала культура фракийцев с различными вариациями и особенностями: здесь присутствовали по меньшей мере три группы памятников — Кишиневская (X—IX вв. до н. э.), Шолданештская и Сахарно-Солонченская (вторая половина VIII — начало VI в. до н. э.). Днестр являлся восточной границей культуры фракийского гальштата. Анализ археологического материала показал, что с IV в. до н. э. на территории между Прутом и Днестром отмечено присутствие северофракийских племен, которых мы знаем под именем гетов. Были выявлены городища, селища и могильники, относимые к гетской культуре IV—III вв. до н. э.⁷ В 1977 г. вышла в свет монография И. Т. Никулицэ «Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях», где на основе проведенных им многочисленных раскопок была дана классификация массового материала, описан уровень общественно-экономического развития гетов и их основные занятия. В итоге исследования автор пришел к выводу, что к IV—III вв. до н. э. геты выделились в отдельную группу племен, отличающуюся от южных фракийцев. В книге И. Т. Никулицэ было рассмотрено также воздействие на культуру гетов культуры южнофракийских племен, скифов, кельтов, эллинов. Археологическими исследованиями было показано, что в конце III в. до н. э. в северо-восточную часть Пруто-Днестровского региона втор-

⁶ Лапушнян В. Л. Раскопки памятников культуры фракийского гальштата в Молдавии. — В сб.: Археологические исследования в Молдавии (далее АИМ) (1968—1969), Кишинев, 1972, с. 88—104; *он же*. Исследование могильника у с. Селище. — АИМ (1970—1971), Кишинев, 1973, с. 100—112; Рафалович И. А., Лапушнян В. Л. Работы Рутской археологической экспедиции. — Там же, с. 110—173; *они же*. Могильники и раннеславянское городище у с. Селище. — АИМ (1973), Кишинев, 1974, с. 104—139; Лапушнян В. Л., Никулицэ И. Т., Романовская М. А. Памятники раннего железного века. — В серии: Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4, Кишинев, 1974; Никулицэ И. Т. Гальштатское поселение в Ханском микрорайоне. — АИМ (1974—1976), Кишинев, 1981, с. 71—83.

⁷ Никулицэ И. Т. Раскопки гетского могильника у с. Ханска. — Уч. зап. КГУ, т. 95, Кишинев, 1968; *он же*. Исследование гетского могильника Лутэрия у с. Ханска. — В сб.: Далеков про плоз Молдавии, Кишинев, 1969; Никулицэ И. Т., Татаренко С. С. Результаты раскопок гетского поселения у с. Ханск в 1971 г. — АИМ, 1973; Никулицэ И. Т., Рафалович И. А. Жилища гетов и ранних славян у с. Ханска. — АИМ, 1974.

гаются племена, которых исследователь отождествляет с бастарнами, сарматами, кельтами. В этот период и еще ранее, начиная с эпохи эллинизма, на всей территории Молдавии прослеживаются тесные связи с античным миром, засвидетельствованные археологическим материалом (фрагменты родосских, косских и синопских амфор, фибулы, стекло и т. д.)⁸.

Помимо изучения археологических памятников гетов молдавскими археологами исследовались памятники доскифского и раннескифского периодов⁹, а также ряд сарматских некрополей. Как известно, в начале нашей эры из степей Северного Причерноморья на запад начинают продвигаться сарматские племена — роксоланы, язиги и аланы. Движение сарматов к Дунаю, как показывают археологические данные, не привело к уничтожению прежнего населения Пруто-Днестровского бассейна: вследствие наличия больших незаселенных пространств скотоводы-кочевники сарматы уживались с оседлыми земледельцами этого района¹⁰. Погребения западносарматской культуры исследовались В. С. Бейлекчи, В. А. Дергачевым, Н. А. Кетрару, Г. Б. Федоровым, Э. А. Рикманом, Г. Ф. Чеботаренко. Проводились археологические поиски памятников своеобразной культуры, складывавшейся в начале нашей эры в Северо-Западном Причерноморье и получившей название черняховской. Инвентарь погребений и сам обряд захоронения свидетельствуют о пестром этническом составе носителей этой культуры. Археологические исследования показывают, что памятники черняховской культуры отмечены влиянием провинциальной римской культуры и возникают они на территории Днестровско-Прутского междуречья уже во II в. н. э. Большая археологическая работа по сбору и анализу памятников данной культуры была проведена П. П. Бырней, Н. А. Кетрару, В. И. Маркевичем, Л. Л. Полевым, И. А. Рафаловичем, Г. Ф. Чеботаренко, Т. А. Щербаковой¹¹. Было выявлено около тысячи поселений и могильников. Исследованию отдельных наиболее значительных памятников сарматов и черняховцев были посвящены монографии Г. Б. Федорова и Э. А. Рикмана¹². Археологические исследования 60—70-х гг. XX в. дали большое количество находок, происходящих из позднеантичных центров Северо-Западного Причерноморья и дунайских провинций Римской империи. Этот материал позволяет говорить о довольно развитой внешней торговле племен Пруто-Днестровского бассейна с греческим и римским миром, он дает возможность судить и об уровне общественного развития племен, носителей черняховской культуры. Приход на Дунай гуннов в конце IV в. н. э. привел к почти полному вытеснению носителей черняховской культуры из Днестровско-Карпатских земель. Дальнейшая их история связана с поселением здесь в V — начале VI в. славянских племен.

Помимо изучения и публикации собственно археологического материала осуществлялось также написание обобщающих работ по археоло-

⁸ Лапушнян, Никулцэ, Романовская. Памятники...

⁹ Чеботаренко Г. Ф. Скифские курганы у с. Балабаны.— АИМ, 1973.

¹⁰ История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976.

¹¹ Рафалович, Лапушнян.— Работы Реутской археологической экспедиции...; *они же*. Могильники и раннеславянское городище...; Т. А. Щербакова, Г. Ф. Чеботаренко. Усадьба на поселении первых веков н. э. у с. Будешты.— АИМ, 1974; Федоров Г. Б., Рошаль М. Г. Раскопки черняховского могильника у с. Балцаты.— АИМ, 1981; Щербакова Т. А. Могильник первых веков н. э. у с. Етулия.— Там же; Рафалович И. А. Сосуд со штампованными знаками из Данчешского могильника черняховской культуры.— Там же.

¹² Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. М., 1964; *он же*. Несколько интересных находок первых веков н. э. у с. Кобуска Веке.— В сб.: Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964; Рикман Э. А. Погребальные обряды Будештского могильника.— Там же; *он же*. Памятники сарматов и племен черняховской культуры.— В серии: Археологическая карта МССР, вып. 5. Кишинев, 1975; *он же*. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках н. э. М., 1976.

гии, представляющих интерес и для истории Молдавии в древности. Такой сводной работой явилась опубликованная в 1973 г. книга Г. Б. Федорова и Л. Л. Полевого «Археология Румынии», написанная на основе изучения археологических публикаций и музейных фондов Социалистической Республики Румынии и на основании собственных раскопок авторов на территории Пруто-Днестровского междуречья, материал которых в качестве аналогии румынскому представляет большой интерес. Так, в работе были рассмотрены вопросы, общие для советской археологической науки и археологической науки Румынии: культура фракийского галыштата и роль скифов, кельтов, бастарнов в ее развитии; судьбы причерноморских греческих центров и их влияние на племена Добруджи; история Нижнего Подунавья в римский период; развитие этого района после оставления Дакии Римом и др. Как подчеркивали авторы, целью этого издания было дать объективную картину истории материальной культуры на территории Румынии и систематизированно изложить фактологические сведения по различным эпохам.

Накопление археологического материала и его изучение сделали необходимым издание специальных публикаций, что было целесообразно также и с целью ознакомления научной общественности с важнейшими результатами изысканий. Публикация археологических памятников, начиная от эпохи каменного века и до позднего молдавского средневековья, стала производиться в периодических сборниках: «Археологические исследования в Молдавии» и «Археологическая карта Молдавской ССР». Эти сборники достаточно полно отражают научный уровень исследования различных археологических культур. В них собраны те факты, которые пополняют и расширяют наши знания о расселении племен и народов на территории Молдавии.

Археологические исследования на территории Пруто-Днестровского междуречья дали также большое число монетных находок, которые свидетельствуют о широких связях племен этого региона с греко-римским миром. До недавнего времени эти земли в нумизматическом плане были одним из наименее изученных регионов СССР. Сбором, анализом и обобщением монетного материала, найденного на археологических памятниках МССР, много лет занимается А. А. Нудельман. Им был опубликован ряд специальных статей по вопросам денежного обращения в античности на землях Молдавии, а также была дана сводная топография находок монет античной эпохи и периода феодализма на территории Днестровско-Прутского междуречья (IV в. до н. э. — XIV в.)¹³. Анализ находок монет и монетных кладов, проведенный А. А. Нудельманом, показал, что начало монетного обращения и его развитие в античную эпоху (с IV в. до н. э. — IV в. н. э.) прослеживается в трех этнокультурных и хронологических группах монет: греческой, варварской и римской. Исследования А. А. Нудельмана открывают новые возможности для дальнейшего комплексного изучения древней истории Молдавской ССР.

Историческая наука Молдавии проявила живейший интерес к проблемам этногенеза и этнической истории молдавского народа, на протяжении веков создававшего свои культурные ценности, вошедшие в общую сокровищницу многонациональной культуры народов Советского Союза. Вопросы этнической истории молдавского народа рассматривались в работах члена-корреспондента АН МССР Н. А. Мохова, Л. Л. Полевого, И. А. Ра-

¹³ Нудельман А. А. Монеты из раскопок и сборов 1971—1972 гг. — АИМ, 1973; *он же*. Монеты из раскопок и сборов 1972—1973 гг. — АИМ, 1974; *он же*. Монета и денежное обращение на территории Днестровско-Прутского междуречья (IV в. до н. э. — XVII в.) — в кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974; *он же*. Топография кладов и находок единичных монет. — В серии: Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 8, Кишинев, 1976; *он же*. Монеты и монетное обращение на территории Днестровско-Прутского междуречья в античную эпоху и в период феодализма. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук., М., 1982.

фаловича, Э. А. Рикмана и др.¹⁴ Сложность этногенеза молдавского народа, как писал в своей монографии «Очерки истории формирования молдавского народа» Н. А. Мохов, объясняется специфическими историко-географическими условиями региона между Карпатскими горами и Черным морем. В древности здесь происходили большие миграции народов с Востока на Запад. Автор указал на сложность этнической структуры населения в областях к востоку от Карпатских гор и до Днестра в IV в. н. э. Говоря о формировании молдавского народа и его языка, Н. А. Мохов подчеркнул необходимость освещения вопроса о романизации населения Нижнего Подунавья. Вопросы этногенеза молдавского народа нашли исследование и в других более частных работах. Об одном культурно-хозяйственном факторе восточнороманского этногенеза — отгонном скотоводстве — говорится в статье И. А. Рафаловича «Романизованное население Нижнего Подунавья накануне славянской колонизации»¹⁵, где автор проследил существование отгонного скотоводства наряду с земледелием у фракийских племен в доримский период, его сохранение в римской Дакии и развитие отгонного скотоводства у восточных романцев вплоть до VI в., времени начала их контактов со славянами. Миграционные взаимодействия различных этносов в древности на территории Молдавии отразили и антропологические исследования. В частности, работы М. С. Великановой показали происходившее в Днестровско-Прутском бассейне в первые века нашей эры перемещение сарматского населения из степей Северного Причерноморья, а также присутствие здесь носителей черняховской культуры во II—IV вв. н. э.¹⁶

В исследовательских и учебно-педагогических учреждениях республики велась работа и в области античной этнографии. Был опубликован ряд сборников, статей по этнографии и искусству Молдавии в древности¹⁷. Читатель получил возможность ознакомиться с собранными воедино памятниками древнего искусства, а также ремесленных промыслов — прядения, ткачества, гончарного производства и др. В этих работах был приведен большой материал, свидетельствующий о своеобразии памятников материальной культуры Днестровско-Прутского междуречья, района, где соприкасались многие различные культуры и где особенно имело место влияние одних народов на другие.

Характеристика исследовательской работы ученых Молдавии по древней истории будет неполной, если не отметить работы филологического характера. В такой области исторической науки, как древняя история, филология неразрывно связана с собственно историческими исследованиями. Здесь следует сказать о деятельности кафедры классической фи-

¹⁴ Мохов Н. А. Формирование молдавского народа и образование молдавского государства. Кишинев, 1959; *он же*. Молдавия эпохи феодализма (От древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев, 1964; *он же*. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978; Рикман Э. А. О романизации населения карпато-дунайских областей в первой половине I тыс. н. э. — В кн.: Карпатский сборник, М., 1976; *он же*. Этническая история...; *он же*. Некоторые вопросы романизации населения левобережья Нижнего Дуная в первой половине I тыс. н. э. — В сб.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978.

¹⁵ Рафалович И. А. Романизованное население Нижнего Подунавья накануне славянской колонизации. — В сб.: Социально-экономическая и политическая история Юго-восточной Европы, Кишинев, 1980.

¹⁶ Великанова М. С. Палеоантропология Пруто-Днестровского междуречья. М., 1975; *она же*. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутском междуречье в I—II тысячелетиях. — В сб.: Славяно-волошские связи, Кишинев, 1978.

¹⁷ Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964; Рикман Э. А. Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинев, 1969; сб. «Далекое прошлое Молдавии»; Рикман Э. А., Рафалович И. А., Хынку И. Г. Очерки истории культуры Молдавии (II—XIV вв.). Кишинев, 1971; Этнография и искусство Молдавии. Кишинев, 1972; сб. «Древняя культура Молдавии».

дологии Кишиневского университета, сотрудниками которой, Н. С. Гринбаумом и С. Д. Мисько, разрабатывались вопросы по методике преподавания древних языков в высшем учебном заведении, а также велась исследовательская работа по изучению особенностей языка и стиля древнегреческих авторов, возникновения древнегреческих литературных жанров, стилей¹⁸. Например, в монографии Н. С. Гринбаума «Язык древнегреческой хоровой лирики» автор установил связь языка хоровой лирики с архаическим дорийским языковым ареалом крито-микенского периода, подчеркнув объективный характер исторического формирования литературных жанров.

Комплексное изучение различных видов источников и сопоставление данных письменных источников с данными археологии, нумизматики, лингвистики, этнографии и антропологии открывает большие возможности для воссоздания древней истории Молдавии. Ученые Молдавии приступили к созданию больших обобщающих исторических работ, что является отличительной чертой историко-археологических исследований последних десятилетий. В 1965 г. вышла из печати новая редакция «Истории Молдавской ССР», подготовленная коллективом Института истории АН МССР при участии научных сотрудников Института языка и литературы АН МССР и Кишиневского государственного университета¹⁹. В этой работе учеными была дана более глубокая и научно обоснованная трактовка отдельных проблем, были поставлены и решены многие важные вопросы. При создании труда был учтен новый археологический материал, добытый раскопками последних лет, благодаря чему, например, по-новому было объяснено формирование и развитие черняховской культуры на территории Молдавии. Более полное освещение в томе получила также история первобытнообщинного строя, процесс его разложения и возникновения классового общества на территории Молдавии в древности.

Сотрудниками Института истории АН МССР была написана «История народного хозяйства Молдавской ССР»²⁰. В свете марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях в этой работе было показано начиная с древности поступательное развитие производства на территории республики, в тесной взаимосвязи с факторами природной среды, социальных отношений, политической истории. Авторы прослеживают, как постепенно общественное производство освобождалось от давящего воздействия факторов географической среды и перешло от приспособления к активному воздействию на них. На основе комплексного изучения памятников фракийского гальштата, земледельческого хозяйства гетских племен, скотоводческого характера занятий скифов и сарматов, а также хозяйственной деятельности носителей черняховской культуры, их тесных контактов с античными центрами Северо-Западного Причерноморья в книге были раскрыты особенности и изменения, имевшие место в экономической истории края на протяжении веков.

Исследование древней истории населения Молдавии продолжается и далее. В печати находится ряд изданий, посвященных важным вопросам истории Молдавии в эпоху первобытнообщинного строя, рабовладельчес-

¹⁸ Гринбаум Н. С. Применение поговорок в преподавании латинского языка.— Уч. зап. КПИ, т. 2, 1954, с. 125—130; он же. К оценке творчества Алкея.— Там же, т. 4, 1955, с. 227—232; он же. Из опыта преподавания латинского языка в молдавском вузе.— Там же, т. 6, 1957, с. 117—127; он же. Язык Пиндара (Из истории вопроса).— Там же, т. 8, с. 165—171; он же. О последовательности изучения временных форм латинского глагола.— Уч. зап. КГУ, т. 50, 1963, с. 140—156; он же. Язык Пиндара в надписи Аттики.— Там же, т. 107, с. 13—23; он же. Язык Пиндара. Именное словосложение.— Там же, т. 107, с. 23—35; он же. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973; Гринбаум Н. С., Мисько С. Д. Язык и стиль древнегреческих писателей. Кишинев, 1965.

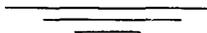
¹⁹ История Молдавской ССР. Т. I. Кишинев, 1965.

²⁰ История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.). Кишинев, 1976.

кой формации и раннего феодализма. Это — «Первобытные древности Молдавии», «Славяно-волошские связи и этногенез молдавского народа», «Археологические исследования в Молдавии (1977—1978 гг.)».

Этот краткий по необходимости обзор достижений молдавской исторической и археологической науки показывает, каких больших успехов добились молдавские историки и археологи в изучении древней истории. В настоящее время исследуются все исторические периоды, собран большой археологический материал, ведется комплексное изучение крупных исторических проблем, начата плодотворная работа по написанию много-томной истории Молдавии. Публикация исторических, археологических, филологических и других работ, относящихся к тематике древней истории (а наш обзор имеет в виду этот исторический период), показывает, что молдавские ученые вносят большой вклад в изучение древней истории и, в частности, в изучение древней истории Молдавии.

Н. А. Чаплыгина

Сапрыкин С. Ю.

ЗОЛОТАЯ ПЛАСТИНА ИЗ ГОРГИППИИ

В 1906 г. в Эрмитаж поступила золотая пластинка со штампованным изображением божества на колеснице¹ (рис. 1). Она случайно была найдена во время земляных работ при постройке училища в гор. Анапе, затем ее приобрел Н. И. Веселовский и передал в Эрмитаж. Если не считать краткого ее описания в «Отчете Археологической комиссии за 1906 г.» и еще более лаконичной аннотации в каталоге «Художественное ремесло эпохи Римской империи» (I в. до н. э. — IV в. н. э.) (Каталог выставки. Л., 1970, № 140, рис. 140), пластинка эта не привлекла к себе широкого внимания исследователей. Между тем детали и особенности изображения, а также ближайшие аналогии и памятники позволяют всесторонне и тщательно проанализировать сюжет изображения и, как представляется, с большим основанием, чем это было до сих пор, ставить вопрос о персонификации и значении всего изображения.

Золотая четырехугольная пластинка, которая, по всей видимости, служила украшением жреческого венка или покрывала, использовавшегося во время религиозных церемоний, с четырех сторон украшена ободком из точек. По форме она стоит в одном ряду с золотыми пластинами их погребений Куль-Оба, Большая Близница, курганного некрополя Нимфея и других мест Северного Причерноморья², Фракии³, Македонии и т. д. Работа, несомненно, местная. В центре пластины рельефное изображение солнечного бога на колеснице, запряженной четверкой коней. Изображение построено по типу «сегнерова колеса» — четырехконной упряжки, в которой сохранены наиболее важные части: головы и передние ноги коней, нижняя часть колесницы. Этим приемом достигалась иллюзия движения квадриги. Головы и шеи коней оттиснуты очень тщательно, так что заметна грива каждой лошади. Четко обозначены копыта и согнутые передние ноги скачущих в галопе коней. Фигура бога, стоящего на колеснице, помещена между конями, причем голова, руки и верхняя часть туловища чеканены тщательно, а ноги выполнены небрежно, что приводит к схематизму и упрощению изображения. Божество представлено стоящим фронтально, с широко расставленными ногами, при этом левая нога чуть отставлена в сторону и согнута в колене, а левая рука упирается в бок. В правой руке, поднятой над головой, зажат продолговатый предмет наподобие плети. Фигура задрапирована в плащ, развевающийся за

¹ ОАК за 1906 г. 1909, с. 127, рис. 179.

² Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л., 1966, рис. 96, 252, 253; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913, табл. IX, 1—2; Gaidukevič V. F. Das Vosporanische Reich. Berlin — Amsterdam, 1974, Taf. 83, b; Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 197.

³ Fol A., Marazov J. Thrace and the Thracians. L., 1977, p. 109.

Рис. 1. Пластина из Горгишпи с изображением солнечного бога. Золото

Рис. 2. Монеты Боспора конца I в. до н. э.— начала I в. н. э.
Медь

спиной, а на голове, окаймленной спадающими на плечи длинными прядями волос, помещен лучезарный венец солнечного бога.

От всей колесницы изображена только нижняя половина: два колеса и часть корпуса повозки, украшенного снизу резьбой. Композиция дана фронтально, поэтому колеса и корпус повозки находятся на одной линии, фигура бога оказывается как бы на переднем плане, а остальные детали немного сзади. Это подчеркивает значимость и религиозный характер изображения. Прямо над головой бога солярные символы — шестилучевая звезда (Солнце) и полумесяц, расположенные на одной линии с фигурой; аналогичные шестилучевые звезды вставлены в качестве ступиц в колеса. Таким образом, описанные детали изображения не оставляют ни малейшего сомнения в том, что это солярное божество. Поэтому уже Н. И. Веселовский определил бога на пластинке как Гелиоса, а О. Я. Неверов в упомянутом выше каталоге выставки художественных изделий из Эрмитажа — как Гелиоса-Нерона ⁴.

Последняя идентификация подразумевает изготовление пластины не ранее середины I в. н. э. Однако некоторые данные позволяют не согласиться с такой датировкой. Солнечное божество и солярные символы на пластине удивительно совпадают с медными монетами Боспора, имеющими на лицевой стороне изображение головы Гелиоса в лучезарном венце, а на обороте одна — шестилучевую, а другая — восьмилучевую звезду, полумесяц и монограммы соответственно ВАЕ и ВАМ (рис. 2). Монета с последней монограммой и шестилучевой звездой на обороте в типологическом отношении наиболее близка анапской пластине ⁵. В нумизматической литературе со времени А. Л. Бертье-Делагарда было высказано мнение, что монеты с ВАЕ и ВАМ следует датировать самым концом I в. до н. э. — первым десятилетием I в. н. э. ⁶ Действительно, монеты с ВАМ одним из своих типов и номиналом: голова бородатого Ареса вправо —

трофеем с оружием, справа = 6 ед. — вплотную примыкают к самой ран-

ней серии боспорской меди с монограммой ВАР, царской монограммой Аспурга. Это, по убедительному мнению Н. А. Фроловой, свидетельствует о том, что серии медных монет с монограммами ВАЕ, ВАМ, ВАР выпускались последовательно. Монеты с ВАЕ и ВАМ чеканились с 8 г. до н. э., года гибели царя Полемона I, и до 13 г. н. э., когда Аспург официально получил титул царя и начал ставить на монеты свою монограмму ВАР ⁷. Ввиду того что монеты с ВАЕ, ВАМ, ВАР в типологическом отношении взаимосвязаны, можно говорить о том, что медь с ВАЕ и ВАМ выпускалась Аспургом, не имевшим еще царского титула, а правившим в качестве архонта, как полагал уже В. В. Латышев и предполагал А. Л. Бертье-Делагард ⁸. Отсюда следует, что дата выпуска означенных монет с типом Гелиоса и полумесяца с Солнцем дает надежный *terminus post quem* для горгиппийской пластины, которая могла быть, таким образом, изготовлена в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э., во время правления Аспурга либо до получения царского титула, либо тотчас по получении им такового.

⁴ ОАК за 1906 г., с. 127; Художественное ремесло эпохи Римской империи, № 140.

⁵ *Giel Chr. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands*. Moskau, 1886, S. 27, Taf. V, 9, 10; Зограф А. Н. Античные монеты. М.— Л., 1951, с. 197, табл. XLIV, 20; XLIV, 4.

⁶ Бертье-Делагард А. Л. О монетах владетелей Боспора Гиммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, XXIX, 1911, с. 157 сл.; Ростовцев М. И. Медь Динамии и Аспурга.— ИТУАК, № 54, 1918, с. 50 сл.; Фролова Н. А. О времени правления Динамии.— СА, 1978, № 2, с. 56 сл.; А. Н. Зограф (ук. соч., с. 194—198) согласен с этим лишь в отношении монет с ВАЕ, а серию с ВАМ приписывал Митридагу III (ср. Minns E. Scythians and Greeks. Camb., 1913, p. 603).

⁷ Бертье-Делагард. Ук. соч., с. 158; Фролова. Ук. соч., с. 55 сл.

⁸ Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства.— В кн.: ПОНТИКА. СПб., 1909, с. 104; Бертье-Делагард. Ук. соч., с. 179.

А это исключает возможность усматривать в божестве на пластине образ Нерона-Гелиоса.

Изображение на пластине из Горгиппии можно сопоставить с находками из богатых сарматских погребений Таманского п-ова и прилегающих к нему районов. В Буеровой могиле (III—II вв. до н. э.) на Тамани были найдены остатки погребального венка из золотых лавровых листьев с круглой золотой бляшкой в центре (*προστεπίδιον*), с тисненным сильно геометризованным изображением Гелиоса на квадриге (МАР, № 37, 1918, с. 44). Близкий ему венок был обнаружен в 1870 г. также на Тамани. В середине его золотая пластинка с погрудным изображением Гелиоса в лучистом нимбе в фас, под которым передние части четырех коней (ОАК за 1875 г., с. 21, № 10, рис.). А в одном из курганов Юз-Оба под Керчью, относящихся к III в. до н. э., была найдена золотая пластинка — часть погребального венка, на которой среди составленного из мелких кружков ободка представлен Гелиос в лучевой короне, едущий на четырехкопной колеснице прямо навстречу зрителю (ОАК за 1863 г., с. X; ОАК за 1875 г., № 64). Перечисленные пластинки близки анапской, но на них отсутствуют солярно-лунарные знаки. Весьма вероятно, что пластинка из Анапы также являлась центральной частью погребального или жреческого венка, фигурировавшего, может быть, в культе обожествленного царя, которого воспринимали в образе Солнца.

Из знаменитогоклада, обнаруженного близ ст. Ахтанизовская, происходят золотые бляшки с лучистыми розетками, при этом на одной — восьмилучевая звезда (Солнце), а другая сработана в виде полумесяца. Среди вещей из Федуловского клада обнаружен серебряный фалар с изображением лика солнечного бога в обрамлении длинных волос и в лучистом нимбе между двух коней (бига) — композиция, повторяющаяся в общих чертах на нашей пластине (рис. 3)⁹. Аналогичные изображения солнечного бога встречаются на серебряных фаларах из богатого захоронения у ст. Старо-Титаровской, причем дореволюционные исследователи определяли их как воспроизведение «Аполлонова лика в сиянии»¹⁰. Вообще на множестве вещей из этих кладов и погребений, а также из аристократических сарматских захоронений Янчокракского, Северского, Курчанского и других курганов встречаются астральные и солярные символы в виде рельефного знака крутящегося солнечного колеса, всевозможных розеток, свастики, лучистых дисков и т. п., а также символических изображений коней и львов, связанных, как известно, с солнечной семантикой¹¹. Все это свидетельствует о том, что изображение солярных знаков и солнечного бога на колеснице на пластине из Анапы по своему семантическому значению уходит корнями в греко-сарматскую, точнее, иранскую почву, которая была питательной средой как для скифо-сакских, так и для меото-сарматских религиозных воззрений. Более того, перечисленные погребения и клады стоят в одном ряду с захоронениями так называемого сарматского «Золотого кладбища» (II—I вв. до н. э. — I в. н. э.), которое с большой долей вероятности связывается с аспурггианами¹², племенами сарматского происхождения¹³. А это означает, что наша пластинка, как,

⁹ Спицын А. А. Фалары Южной России. — ИАР, 1909, выг. 29, с. 22 сл., рис. 14, 17, 45; Смирнов К. Ф. Северский курган. М., 1953, с. 22.

¹⁰ Карейша В. Д. — ЖМВД. СПб., 1846, ч. 16, с. 284 сл.; Спицын. Ук. соч., с. 23; Герц К. К. Археологическая топография Таманского п-ова. СПб., 1893, с. 21.

¹¹ Спицын. Ук. соч., с. 22 сл.; Гущина И. И. Янчокракский клад. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 43—50; Смирнов. Ук. соч., с. 22 сл. О культе коня у индоиранских народов см. Roes A. L'animal au signe Solaire. — RA, 1938, v. XII, p. 164; Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 28 сл.

¹² Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Прага, 1925, с. 573; Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове. — СА, 1973, № 4, с. 77 сл.

¹³ Об аспурггианах см. Strabo, XI, 2, 11; Ptol., V, 19, 17. См. также Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 316; Ламшев. Ук. соч., с. 103.

Рис. 3. Фалар из Федуловского клада

впрочем, и близкие ей монеты с типом Гелиоса и полумесяца с солнцем, генетически могут примыкать к памятникам, связанным с аспургианами. Последнее подтверждается следующим обстоятельством.

На царских и городских медных монетах времени Асандра, как впоследствии на монетах с ВАЕ и ВАМ времени Динамии и Аспурга, мы находим изображение шести- или восьмилучевой звезды (Солнца), которая, как мы убедились, широко известна у сарматов¹⁴. При раскопках поселения у пос. «За Родину» Темрюкского р-на была обнаружена укрепленная резиденция боспорского вельможи Хрисалиска, сторонника Асандра, который, по убедительному предположению Н. И. Сокольского, содействовал Асандру, а затем сыну его Аспургу в захвате власти. Асандр [был этнархом, т. е. предводителем племени или группы племени, и при свержении Фарнака в 47 г. до н. э. опирался на население Таманского п-ова, среди которого немалую часть составляли аспургиане¹⁵. Хрисалиск и его окружение, жившие в крепости, как раз были аспургианами¹⁶. Из множества находок в «доме Хрисалиска» выделяются курильница в виде головы быка с рельефным изображением солнечного диска и полумесяца, а также плита с очень грубым схематичным изображением богини судьбы Тихи, в руках которой жезл, украшенный символом Солнца в виде восьмилучевой звезды¹⁷. Голова быка с солярными знаками и Солнце на скипетре у богини уходят своими корнями в ассиро-вавилонскую и индоиранскую религиозную символику¹⁸, особенно тесно соприкасаясь, как будет указано ниже, с божествами зороастрийского пантеона Ахура-Маздой, Митрой, Зарваном (богом огня), Анахитой (богиней плодородия, воды и луны). Все это типично для ираноязычных аспургиан, сарматов по происхождению, религиозные воззрения которых родственны иранским. Вот почему на монетах времени Асандра, Динамии и Аспурга, которые пользовались поддержкой местных племен, мы встречаем семантические изображения Луны и Солнца в стиле сарматского искусства и религиозных представлений. А это позволяет утверждать, что подобные же астрально-солярные символы на горгипсийской пластине ставят ее в один ряд с памятниками сарматского круга, а возможно, и аспургиан.

Изображения солнечного божества на движущейся по небу колеснице обычны для греков¹⁹, среди которых бог солнца Гелиос был одним из наиболее почитаемых. Однако шестилучевая звезда и полумесяц на анапской пластине выделяют ее из общей массы изображений Гелиоса на колеснице.

Восьмилучевая звезда встречается на монетах Пантикапея в последние десятилетия правления Спартокидов и при Митридатe VI²⁰. На реверсе золотых и серебряных монет этого царя, чеканенных в Понте и предназначенных для обращения в малоазийских владениях, помещалась восьмилучевая звезда и полумесяц, которые служили династической эмблемой Ахеменидов (рис. 4,5). Митридат VI возводил свой род к этой династии,

¹⁴ Орешников А. В. Каталог собрания древностей графа А. С. Уварова. М., 1887, с. 66, № 462—464; Зограф. Ук. соч., с. 190, табл. XLIV, 7, 13.

¹⁵ Luc., Macrobi. 17; Strabo, XIII, 4, 3; Cass. Dio, XLII, 9, 46; App., Mithr. 120; Сокольский Н. И. Крепость аспургиан на Боспоре.— КСИА, 1975, вып. 43, с. 26—28, рис. 2, 4; рис. 4; он же. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976, с. 107—112, рис. 56.

¹⁶ Сокольский. Таманский толос..., с. 107 сл.

¹⁷ Он же. Крепость аспургиан на Боспоре, рис. 2, 4; рис. 4, с. 26; аналогичная курильница найдена в Пантикапее: Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1979, с. 52, рис. 44.

¹⁸ Prinz H. Altorientalische Symbolik. В., 1915, S. 73, Taf. X, 1—3; XV; изображения борющихся быка и льва воспринимались на Переднем Востоке как мифологическое воплощение противоборства Луны и Солнца; ср. Leonhard P. Paphlagonia. В., 1915, S. 252; Desneux J. Sur quelques representations du «Lion à la Proie» en glyptique et en numismatique antique. Bruxelles, 1960, p. 7 suiv.

¹⁹ Farnell L. R. The Cults of the Greek States. V. V. Oxf., 1910, p. 450—453.

²⁰ Зограф. Ук. соч., с. 187, табл. XLIII, 18; Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора. М., 1956, табл. VIII, 93.

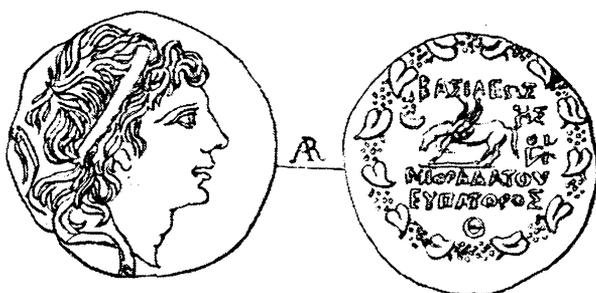
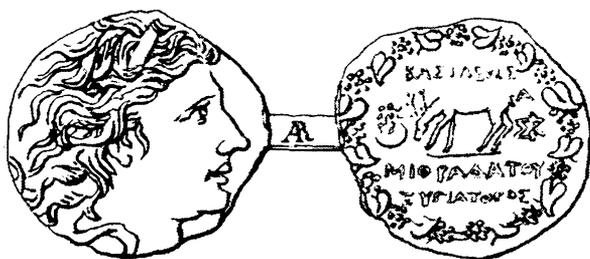

Рис. 4—5. Монеты Митридата VI Евпатора. Тетрадрахмы. Серебро

поэтому подобная символика на его монетах не случайна ²¹. Преемники Митридата на боспорском престоле, стремясь подчеркнуть принадлежность к роду Евпатора и Ахеменидов, также приняли эту эмблему. Головной убор бюста Динамии украшен восьмилучевыми звездами, а на реверсе ее золотого статера (17/16 г. до н. э.) представлены звезда и полумесяц (рис. 6). В одном ряду с ним стоят упоминавшиеся выше медные монеты с типами Гелиоса, звезды и полумесяца с монограммами] ВAE и ВAM. Исследователи убеждены, что такое изображение на боспорских монетах было династической эмблемой Ахеменидов ²². На памятниках глиптики времени Митридата VI и его преемников встречаются подобные же династические эмблемы: из некрополя Пантикапея происходит золотой перстень с гранатом, на котором полумесяц и солнце в виде восьмилучевой звезды; аналогичные сердоликовые печати обнаружены на горе Митридат в катакомбе в 1891 г. и при раскопках городища в 1945—1953 гг. ²³ В 1909 г. в земляной гробнице на Глинице был найден золотой двойной полый перстень с ахеменидской эмблемой Митридата ²⁴. Из коллекции

²¹ Reinach Th. Mithridate Eupator, roi de Pont. P., 1890, p. 289.

²² Орешников. Ук. соч., с. 68; Зограф. Ук. соч., с. 194; Кобылина. Ук. соч., с. 24.

²³ Неверов О. Я. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея. — СА, 1968, № 1, с. 237; Максимова М. И. Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов. — МИА, № 103, 1962, с. 193, рис. 6.

²⁴ Неверов. Ук. соч., с. 237. Ср. перстни-печати из Колхиды с аналогичной символикой (Лордкипанидзе М. Н. Каталог гемм, найденных в Самтавро в 1940—1941 гг., 1946—1948 гг. Тбилиси, 1954, с. 72, табл. II, 15), которая отражает почитание здесь Митридата VI.

ГИМ происходят перстни-печати с изображением полумесяца, шести- и восьмиконечных звезд²⁵. Как отмечают М. И. Максимова и О. Я. Неверов, в раннеимператорскую эпоху имя знаменитого понтийского царя и митридатовские традиции были очень популярны на Боспоре, что нашло отражение в памятниках искусства этого времени²⁶. Поскольку сюжет и детали изображения на пластине из Горгиппии перекликаются с изображениями династических эмблем на монетах Митридата VI, можно высказать предположение, что шестилучевая звезда и полумесяц, представленные на ней, также имеют означенную ахеменидскую символику.

Символические изображения Луны и Солнца проникали двумя основными путями на Юг России: через посредство сарматских и меотских племен, для которых Солнце и Луна имели, как мы видели, особое значение; через Малую Азию и Колхиду в правление Митридата VI Евпа-

Рис. 6. Золотой статер царицы Динамии.
Боспор

тора и его преемников, для которых подобные изображения имели родовой характер, а их распространение объяснялось политическими мотивами. Но в обоих случаях родиной этих символов, их первоосновой были иранские религиозные представления и космогония, одинаково понятные сарматским племенам и варваризованным грекам, поддерживавшим наследников Митридата VI. Вот почему мы с полным правом имеем основание говорить, что звезда (Солнце) и полумесяц на анапской золотой пластине могли в равной мере восприниматься и как династическая ахеменидская эмблема, и как обычные солярные символы.

О почитании Солнца и Луны на Переднем Востоке вообще и древнем Иране в частности свидетельствуют письменные и археологические источники. Геродот (I, 131) указывает, что персы почитают солнце, луну, огонь, воду и ветры, а весь небесный свод называют Зевсом, т. е. Ахуро-Маздой (Ормуздом). Этому небесному владыке при Ксерксе посвящали колесницу, влекомую восемью белыми конями (Herod., VII, 40). Ахеменидские цари также приносили коней в жертву Зевсу-Гелиосу (Хеп., Сугор. VIII, 3, 12). В основе древнеиранской космологии в соответствии с основами зороастрийской религии лежали Солнце, Луна и звезды²⁷. Ахуро-Мазда (Зевс-Ормузд) — бог добра, света и правды — был верховным богом иранской зороастрийской религии. Одними из основных и весьма древних божеств иранского пантеона были также бог солнца Митра и богиня Анахита, покровительница любви, красоты и природы. Почитание этих божеств объяснялось популярностью их культов среди широких народных масс²⁸. Символом Ахуро-Мазды был солнечный диск между распахнутых крыльев. На Бехистунской скале тиару

²⁵ Захаров А. Н. Геммы Государственного Исторического музея. М., 1928, табл. V, 260, 261.

²⁶ Неверов. Ук. соч., с. 238; Максимова. Ук. соч., с. 193.

²⁷ Mole M. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. P., 1963, p. 402.

²⁸ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 326.

этого бога венчает шар со звездой, а зубчатая корона Дария украшена изображениями восьмиконечных звезд в поле круга наподобие часто встречающихся в персидском искусстве розетт, символов бога Солнца ²⁹. Как главное божество иранского пантеона Ахуро-Мазда выступал покровителем царской династии Ахеменидов. До реформы Зороастра Митра был верховным богом, поэтому впоследствии его культ оставался одним из центральных в официальной религии. Как отмечает Ж. Дюшен Гийемен, Ахемениды поклонялись Ахуро-Мазде как божеству, включавшему в себя и черты Митры ³⁰, так как их объединяло, вероятно, общее покровительство светлomu началу. Не случайно, согласно вышеприведенному свидетельству Ксенофонта, иранские цари жертвовали коней Ахуро-Мазде-Митре, синкретическому божеству, названному эллинским писателем именами близких ему богов ³¹.

В индоиранской мифологии большинство солнечных символов связано с Митрой, поэтому Солнце и Луна нередко сопутствуют его изображениям ³². Луна выступает также в качестве символа богини Анахиты ³³. Полагают, что астрально-солярные знаки на рельефах Митры могли быть результатом влияния культа бога огня Зрвана ³⁴, а также следствием воздействия халдейской астрологии на примитивные формы маздеизма. Ведь Митру отождествляли с солнечным богом древних вавилонян Шамашем ³⁵. На ассиро-вавилонских печатях мы находим Солнце и Луну в виде звезды и полумесяца, которые сопутствуют изображениям божеств, по преимуществу Шамашу ³⁶. Аналогичные знаки нанесены на ассирийский рельеф из Зенджирли (VII в. до н. э.) с фигурой Асархаддона, что можно рассматривать как попытку воплотить бессмертие обожествленного властителя. Такие же символы венчают плиту с надписью и рельефом, посвященную Шамашу (IX в. до н. э.), из Сиппара ³⁷. А на базальтовом рельефе из цитадели Халеба (IX—VIII вв. до н. э.) мы видим двух крылатых демонов, очевидно, покровителей дня и ночи, над фигурами которых изображены Луна и восьмиконечная звезда (Солнце), композиционно составляющие основу всего изображения. Это говорит как о древнем происхождении указанных символов, так и о том, что зороастрийская религия персов могла заимствовать их у народов древней Месопотамии.

Солярный бог Митра часто изображался на колеснице, запряженной четверкой коней. В авестийских и ведических текстах Солнце представлялось в виде четырехконной колесницы, а колесо Солнца называлось глазом бога Митры-Варуны. У индоевропейских народов колесница выступала не только как символ солнца, но и как образ восходящей зари, плодородия, богатства, справедливости и могущества ³⁸. Причину того, почему

²⁹ Ghirshman R. Perses, proto-iraniens, médes, Achéménides. P., 1963, p. 235 suiv.

³⁰ Duchesne-Guillemain J. La religion de l'Iran ancien. P., 1962, p. 174 suiv.

³¹ В древней Бактрии и у индо-сакских царей некоторые монеты II—I вв. до н. э. несут изображение Зевса с атрибутами Гелиоса, что свидетельствует о близости их культов в иранском мире (см. Пугаченкова Г. А. Халчян. Ташкент, 1966, с. 184).

³² Шукуров Ш. М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 107.

³³ Там же.

³⁴ Cumont F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra. V. I. Bruxelles, 1899, p. 301; Wüst E. Mithras.— RE, B. 15, 2. Hbb., 1932, Sp. 2140.

³⁵ Wüst. Op. cit., Sp. 2134. О влиянии семитских религиозных представлений на народы Переднего Востока свидетельствует рельеф из Дафны (Египет), где запечатлен семитский солнечный бог (Шамаш?) в египетском храме, вокруг которого астрально-солярные символы, в том числе полумесяц и солнечный диск над ним (см. Müller M. Stele from Daphne, Cairo Museum. Egyptological Researches.— AJA, 60, 2, 1956, pl. 65, fig. 15, p. 169).

³⁶ Prinz. Op. cit., S. 73, Taf. X, 1—3; XV u. a.; Cagni L. Ancient Near-Eastern Seals in the Nayeri Collection.— East and West, N. S., v. 26, № 1—2, 1976, p. 71 f., fig. 5, 6, 9.

³⁷ Marqueron J.-C. Mesopotamie. Genève, 1965, fig. 58, 124.

³⁸ Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.— ВДИ, 1974, № 4, с. 84 сл.; она

Митру изображали в лучевой короне на колеснице в сопровождении символов Солнца и Луны, прекрасно вскрыл Ф. Кюмон. «Почитатели Митры, писал он, — чтили Солнце, которое каждый день совершало путь по небу на колеснице и в сумерки спускалось в океан. Когда оно появлялось вновь на горизонте, лучи его света разгоняли духов мрака, а это создавало впечатление, что его свет приносит жизнь. Параллельно возник культ Луны, которая путешествовала по небу на биге, запряженной белыми быками»³⁹. Это согласуется с археологическими данными: на рельефе из долины Свата (Пакистан) представлен бог Митра в лучистом нимбе с жезлом в руке и в обрамлении лучистой розетты — солнца⁴⁰, подобной тем, которые во множестве встречаются в сарматских аристократических захоронениях Северного Кавказа (см. выше). Изображение головы Митры в лучистом нимбе можно сопоставить с изображением на анапской пластине, а последнюю — с замечательным эллинистическим серебряным медальоном из раскопок Ай-Ханума (Афганистан)⁴¹, на котором запечатлены Кибела и Аттис в колеснице, запряженной парой львов, подъезжающих к фигуре, очевидно, божества или обожествленного правителя, совершающего акт либации. Над всей композицией в небе голова Митры в лучистой сияющей короне, а рядом изображение звезды (солнца) и полумесяца, точь-в-точь как на нашей пластине. Последнее не оставляет сомнения в том, что на горгипийской пластине, как, впрочем, и на фаларах из Федуловского клада и ст. Старо-Титаровской, а также, вероятно, на указанных выше медных монетах с монограммами ВАЕ и ВАМ, запечатлен образ Гелиоса-Митры с некоторыми чертами Ахуро-Мазды, синкретического греко-иранского божества. Продолговатый предмет, который бог на анапской пластине держит в правой руке, по всей видимости, — кнут Гелиоса⁴² или жезл Митры. Впрочем, из-за схематичности изображения с уверенностью судить об этом трудно. С культом Гелиоса-Митры или Ахуро-Мазды могут быть связаны курильницы в виде головы быка типа найденных в Пантикаее и в «доме Хрисалиска» (см. выше).

Предложенная идентификация божества на пластине из Горгиппии подтверждается следующим. Среди статуй и рельефов святилищ, сооруженных Антиохом III Коммагенским на западной и восточной террасе погребального комплекса в Нимруд-Даге, мы встречаем изображение знатного перса в характерной *tiara orphē*, украшенной звездами или солнцами, как тиара бюста царицы Боспора Динамии⁴³, а также фигуру льва, покрытую знаками солнца с полумесяцем под шеей⁴⁴. Известно, что обычно лев выступает на памятниках в качестве солярного символа, прославляющего могущество и величие властителя, а украшенный солнцами он еще более подчеркивает «исключительность царской власти»⁴⁵. На одной из ранних серий боспорских монет с ВАЕ помещено изображение льва с восьмиконечной звездой или солнцем, семантика которого перекликается с изображением на коммагенском рельефе⁴⁶. Вообще на монетах с мо-

же. Конь в религии и искусстве саков и скифов. — В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 100.

³⁹ Cumont F. Les mysteres de Mithra. Bruxelles, 1902, p. 99.

⁴⁰ Agrawala R. S., Taddei M. An Interesting Relief from the Swat Valley. — East and West, N. S., v. 16, № 1—2, 1966, p. 87 f., fig. 4.

⁴¹ Bernard P. Ai-Khanoum: une cite hellénistique en Afganistan. — Encyclopaedia Universalis. P., p. 139.

⁴² Невзоров О. Я. Гностические геммы, перстни и амулеты Юга СССР. — ВДИ, 1979, № 1, с. 97, № 34.

⁴³ Schlumberger D. L'orient hellénisé. P., 1970, p. 45 suiv., fig. 19; Постовцев М. И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. — Древности, XXV, 1914, с. 1—4.

⁴⁴ Humann K., Puchstein O. Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. B. I, Tl. 1. B., 1890, S. 329 f.; Schlumberger. Op. cit., p. 48, fig. 20.

⁴⁵ Об этом см. Schlumberger. Op. cit., p. 47 suiv.; Постовцев. Бронзовый бюст..., с. 7.

⁴⁶ Зограф. Ук. соч., табл. XLIV, 18.

нограммами ВАЕ, ВАМ, которые чеканены после смерти Динамии в 12 г. до н. э. и относятся, вероятно, к началу правления Аспурга, не получившего еще титула царя (см. выше), постоянно встречаются изображения солярных богов или их атрибуты: Зевс-Аммон, Серапис, Гелиос-Митра, Аполлон, Персей и т. п. Подобные сюжеты имели ярко выраженную династическую направленность — стремление подчеркнуть божественную сущность власти Митридата VI и его преемников⁴⁷. Солнечный бог, одинаково популярный в греческих городах и среди варварского ираноязычного населения, воспринимался как носитель высшей справедливости, обеспечивавший порядок и незыблемость обязательств⁴⁸. Это объясняет причину заимствования Митридатом VI и его преемниками звезды (Солнца) и полумесяца в качестве эмблемы, поскольку она, как мы убедились, тесно переплеталась с астрально-солярной символикой. Особенно близко к сердцу эти идеи воспринимались местными племенами, которые почитали иранских солярных богов.

Предложенную идентификацию божества на анапской пластине можно вновь подтвердить ссылкой на культовый комплекс в Нимруд-Даге. В надписи на мавзолее Антиох III называет Зевса-Ормузда (Ахуро-Мазду), Аполлона-Митру-Гелиоса-Гермеса, Артана-Геракла-Ареса, что, по мнению исследователей, является отражением синкретизма греческих и иранских богов⁴⁹. Вообще в Греции довольно рано начали сопоставлять Гелиоса с Митрой. Это доказывает, что греко-иранское население Боспора на рубеже нашей эры также могло отождествлять этих богов.

Ф. Кюмон отмечал, что солярный культ был связан не только с Митрой, но и с Адонисом, Паном, Озирисом, Меном, Белом (Баалом), Сабазием, Аттисом и другими богами. Солярное божество, как правило, носило корону из лучей солнца и лунный месяц, что свидетельствовало о небесном могуществе. Аналогичные мотивы проникали на рубеже нашей эры в Северное Причерноморье⁵⁰. Отсюда следует, что изображения Луны и Солнца на монетах Боспора и золотой пластине из Анапы, а также солнечного нимба на сарматских фаларах могут отражать представление о могуществе и всесильности богов. А если учесть, что облику Гелиоса на монетах с монограммами ВАЕ и ВАМ, как отмечали исследователи, приданы черты Митридата VI, то можно смело говорить о попытке обожествления династии этого царя на Боспоре.

Интерес вызывает расположение изображений Солнца и Луны на пластине. Они помещены над головой Митры-Гелиоса, так что лучи от его короны упираются прямо в эти знаки. Подобная композиция представляется неслучайной. Аналогичное расположение астрально-солярных символов мы видим на надгробном рельефе из Аргоса: голову женщины, вероятно умершей, украшает полумесяц с Солнцем, а со всех сторон помещены астральные и зодиакальные знаки. Изображения Солнца и Луны на надгробных памятниках по всей территории Римской империи, как показал Ф. Кюмон, были связаны с заимствованными еще с Востока представлениями о связи Луны и Солнца с потусторонней жизнью, бессмертием души и, как следствие, обожествлением умершего⁵¹. Таково, без сомнения, значение солярной символики над головой женщины на аргосском рельефе.

⁴⁷ *Брабиц В. М.* Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. — *НЭ*, II, 1960, с. 44 сл.

⁴⁸ *Cumont F.* Il Sole vindico dei delitti e il simbolo dei mani alsate. — *Memorie della Pontifica Acad. Romana di archeologia*, seria III, v. 1, 1923, p. 65; *Максимова М. И.* Надгробие из Херсонеса. — *СА*, XIX, 1954, с. 229.

⁴⁹ Об этом подробнее см.: *Duchesne-Guillemin.* Op. cit., p. 254 и указанную там литературу; *Wüst.* Op. cit., Sp. 2136; *Schlumberger.* Op. cit., p. 47 suiv.

⁵⁰ *Cumont F.* Les religions orientales dans le paganisme romaine. P., 1906, p. 85 suiv.; *Kobylyna M. M.* Divinités orientales sur le littoral nord de la Mer Noire. Leiden, 1976, p. 14 suiv.

⁵¹ *Cumont F.* Recherches sur le symbolisme funéraire des romains. P., 1942, p. 180 suiv., 201 suiv., 242, fig. 62.

Расположение знаков на анапской пластине и фигуру бога уместно поставить в связь с изображениями сасанидских властителей Ирана и некоторых хорезмийских царей на монетах, печатях и предметах торевтики. Отличительная их особенность — полумесяц и звезда (или диск Солнца в виде шара), которые увенчивают кулахи (короны) владык⁵². Подобная традиция древняя, она прослеживается в нумизматике Парса (II в. до н. э.), ряде парфянских портретов, в частности Фраата IV (конец I в. н. э.), а в основе восходит к ахеменидским временам⁵³. К. Эрдманн в работе о сасанидских коронах отмечает, что подобная символика отражает поклонение основным божествам зороастрийского пантеона Ахура-Мазде, Митре и Анахите⁵⁴, а также попытку обожествить носителя такой короны. Ведь не надо забывать, что многие сасанидские цари провозглашали себя «поклоняющимися Мазде владыками», что нашло отражение в соответствующих изображениях в сцене инвеституры, когда Ахура-Мазда или Митра как покровители власти шахиншахов вручали им инсигнии власти⁵⁵. В науке уже высказывалось мнение о совпадении схемы построения сасанидских инвеститурных рельефов и сцен, украшающих отдельные памятники из южнорусских курганов. Это дало возможность даже искать прародину сасанидских рельефов в степях юга России⁵⁶. Такое взаимовлияние не отрицается и сейчас, но высказывается мысль о вероятной посреднической роли здесь парфян⁵⁷. Как бы то ни было, это подтверждает предложенную идентификацию божества на анапской пластине и говорит о сугубо иранской основе всего изображения. В связи со всем вышеуказанным мы склонны полагать, что на этой пластине запечатлена сцена обожествления властителя, очевидно, выходящая из среды аспургиан, который претендовал на власть над всем Боспором. Ввиду того, что пластина эта теснейшим образом связана с монетами серии ВАЕ и ВАМ, чеканенных Аспургом, стремившимся любой ценой получить престол и титул царя, не исключено, что в образе Митры-Гелиоса мы видим именно этого повелителя.

В этом убеждают следующие обстоятельства общего характера. Мы, конечно, понимаем всю условность иконографического сближения, но портретные черты Аспурга на монетах и лик Гелиоса-Митры на пластине очень близки: те же широкие черты лица, пухлые щеки и длинные локоны, выдающие полуварварское происхождение. Но более существенно, что пластина происходит из Горгиппии, города, в окрестностях которого жили аспургиане (Strabo, XI, 2, 11; XII, 3, 29). Этот город имел при Аспурге очень привилегированное положение, как о том свидетельствуют два рескрипта царя; из одного из них, между прочим, можно понять, что горожане оставались на стороне Аспурга, когда он совершал путешествие в Рим к императору, в то время как другие города высказали ему нерасположение⁵⁸. В первые годы правления Аспурга существовала серьезная оппозиция его власти, связанная, очевидно, с притязаниями других претендентов на престол и недовольством широких торгово-ремесленных

⁵² Ghirshman R. Iran, parthes et Sassanides. P., 1962, p. 248—251, fig. 314—329; Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, с. 28 сл.; он же. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969, с. 155, 162; он же. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 116 сл.; Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 28 сл.; Göbl R. Der sassanidische Siegelkanon. Braunschweig, 1973, Taf. 5—7.

⁵³ Луконин. Иран..., с. 29; Вайнберг. Ук. соч., с. 28.

⁵⁴ Erdmann K. Die Entwicklung der sassanidischen Krone. — Ars Islamica, XV, 1951; Луконин. Культура Сасанидского Ирана, с. 155.

⁵⁵ Frye R. The Heritage of Persia. L., 1963, p. 236 f.; Луконин. Культура Сасанидского Ирана, с. 147 сл.

⁵⁶ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, 49, 1913, с. 1—3; Ghirshman. Iran, parthes et Sassanides, p. 133 suiv.

⁵⁷ Раевский Д. С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 85.

⁵⁸ Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга. — СА, 1965, № 2, с. 201—204; она же. Аспург и Боспор. — СА, 1965, № 3, с. 28—30, 36.

слоев городов. В подобной ситуации Аспургу было необходимо официально ввести культ божественного правителя по примеру своего прадеда Митридата VI Евпатора. Это позволило бы ему предстать законным наследником престола, обеспечило бы поддержку как варварского, так и эллинского населения государства. Естественно, для этих целей более всего подходил культ солнечного бога, поскольку он перекликался с традициями Митридата VI, остававшимися еще популярными на Боспоре. Горгиппийцы могли сыграть при этом особую роль, тем более что почитание ими Гелиоса имело важное значение, как о том свидетельствует их серебряная драхма конца II в. до н. э. с ликом этого божества⁵⁹. Проявляя расположение к власти Аспурга, Горгиппия могла стать инициатором установления культа обожествленного правителя, ставшего вскоре популярным по всему царству. Как отмечал В. Д. Блаватский, Аспургу, обожествленному властителю, посвящали храмы в различных городах Боспора. Остатки одного из них были обнаружены при раскопках Пантикапея⁶⁰. О том, что Горгиппия пользовалась особым покровительством царя, свидетельствуют изображения на местной черепице характерного именного тамгообразного знака Аспурга, встречающегося только на его монетах и донцах мисок из раскопок укрепленного поселения у с. Владимировки, входившего, несомненно, в систему обороны территории, подвластной аспургианам⁶¹. Все эти факты убеждают нас в существовании культа Аспурга, которого в Горгиппии и прилегающих к ней местностях, заселенных аспургианами, а возможно, и в других районах царства отождествляли с Гелиосом-Митрой или Зевсом-Ахуро-Маздой. Подобное обожествление было в духе преемников Митридата VI и Фарнака, использовавших в своих целях противоположность интересов эллинского населения городов и варварского ираноязычного населения степей. Оно свидетельствует также о синкретизме греческой и местной религий, начавшемся в позднеэллинистический период и углубившемся в правление понтийской династии Митридатидов.

Таким образом, золотая пластина из Анапы представляет собой важный источник по истории Боспора рубежа нашей эры. Она свидетельствует о культе обожествленного правителя Аспурга, которого представляли в образе Митры-Гелиоса. В своей политике Аспург придерживался митридатовских традиций, пытаясь опираться как на местные племена, так и на эллинские города царства.

A GOLD PLAQUE FROM GORGIPPIA

S. Yu. Saprykin

On this plaque is a representation of the sun god in his chariot drawn by four horses and over his head the moon and a six-rayed star, the sun. The plaque is dated in the last century B. C. or 1st A. D. Iconographically it belongs to the group of monuments associated with the Aspurgiani and apparently reproduces the image of Helios-Mithras with perhaps some features of Ahuramazda. The position of the solar symbols over the head suggests a deification, probably of one of the successors of Mithridates VI Eupator, since these symbols were the dynastic emblem of the Achaemenids, forerunners of the Pontic king. The association of the plaque with monuments of the Iranian-speaking Aspurgiani, and especially with a group of coins from the time of the queen Dynamis and Aspurgus, allows the inference that the figure represented on our plaque is Aspurgus in the role of sun god as the incarnation of justice. This would accord with Mithridatic traditions of the Bosporean kings, successors of the great Mithridates.

⁵⁹ Гиль Х. Х. Новые приобретения моего собрания.— ЗРАО, V, 1892, № 54; Шелов. Ук. соч., табл. IX, 115.

⁶⁰ Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея.— СА, XVII, 1953, с. 176; Блаватская. Рескрипты..., с. 208.

⁶¹ Цветаева Г. А. Кирпичи с тамгой из Горгиппии.— КСИА, вып. 143, 1975, с. 100; Онайко Н. А. Раскопки античного поселения у с. Владимировки.— АО за 1977 г. М., 1978, с. 135; Онайко Н. А., Дмитриев А. В. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска.— КСИА, вып. 168, 1981, с. 93—99; Фролова. О времени правления Динамии, с. 54; ср. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975, с. 58, 68.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ДЕШИФРОВКА ПРОТОСИНАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Протосинайская (ПС) письменность — письмо примерно 30 кратких надписей и фрагментов, найденных близ древних медных и малахитовых рудников на Синае, разрабатывавшихся древними египтянами в XIX — XIV вв. до н. э. Первые 16 надписей были найдены экспедицией Флиндерса Петри зимой 1904—1905 г., остальные — последующими экспедициями и в результате раскопок в Палестине и Египте.

ПС надписи с самого своего появления вызвали чрезвычайно большой интерес. Это объясняется отчетливо рисуночным характером многих знаков, их сходством со знаками финикийского алфавита и египетскими иероглифами, наличием очень ограниченного набора знаков, не более 30—35. Число знаков позволило сразу же определить письменность как алфавитную¹ и связать ее с семитским консонантным алфавитом. Ранняя датировка ПС надписей (XIX или XVII, впоследствии — XV в. до н. э.) предопределила их важность для решения проблемы возникновения алфавитного письма и также способствовала росту интереса к ним.

Большую роль сыграл и очевидный успех первой дешифровки А. Гардинера, опубликованной в 1913 г. Ему удалось прочесть лишь одно слово — b'lt «госпожа»², но это прочтение сразу позволило определить и язык письменности — семитский, и характер письма — консонантный алфавит.

С тех пор ПС письменность привлекается во всех работах по истории алфавита или истории письменности, причем ей отводится очень значительная роль. ПС письмо нередко считают предком всех алфавитов мира и даже первым алфавитным письмом, возникшим на базе словесно-слоговой письменности, т. е. его создание рассматривается как изобретение самого принципа алфавита. Исследование ПС письма породило «акрофоническую» теорию происхождения алфавита, существующую и до сих пор, хотя и подвергающуюся жестокой критике. Но даже и противники «акрофонической» теории не оспаривают центрального положения этой письменности в истории алфавита, ее ранней датировки и связи с другими алфавитными системами; они лишь считают ПС письменность не дешифрованной (отвергая даже чтение А. Гардинера) и поэтому оставляют решение вопроса о ее роли в истории алфавитного письма будущему.

После работы А. Гардинера полная дешифровка ПС казалась очень близкой. Было предложено не меньше пяти различных ее вариантов такими крупнейшими учеными, как К. Зете, Х. Гримме, В. В. Струве,

¹ Только И. Ш. Шифман, исходя из¹ количества знаков, определяет ПС письменность как слоговое письмо (*Шифман И. Ш.* Возникновение знаний о языке у финикийцев. — В кн.: История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980, с. 59), хотя и без всякой аргументации.

² *Gardiner A.* The Egyptian Origin of the Semitic Alphabet. — JEA, 1913, III, p. 1—16, pl. I—V.

В. Ф. Олбрайт и др.³, причем все они оставались в рамках акрофонической теории с незначительными модификациями: за исходные принимались различные египетские иероглифы или знаки иератического (и даже демотического) письма, варьировали семитские названия знаков, как ближайший родственник алфавит рассматривались финикийский, протоханаанский или южносемитский. Однако все эти попытки не принесли почти никаких новых результатов. К прочтенному А. Гардинером слову b'lt добавились еще два надежных — tnt «дар» и 'rb' «четыре», но и эти чтения не получили общего признания. Надежно интерпретированы лишь 7—8 знаков⁴.

Это вызвало резкую критику акрофонической теории по целому ряду направлений. Было показано, что египетские знаки, принимаемые за исходные, принадлежат к различным хронологическим периодам (в том числе и более поздним, чем предполагаемая дата ПС). Отмечалась произвольность выбора семитских названий букв⁵ и неточности в соответствиях со знаками более поздних семитских алфавитов, а также ненадежность и неубедительность предлагаемых чтений текстов⁶. Тем не менее, и сейчас ряд ученых полностью поддерживает акрофоническую теорию и даже добивается известных результатов в интерпретации текстов⁷.

Новая теория происхождения алфавита, рассматривающая консонантный алфавит как слоговое (квазиалфавитное) письмо, где каждый знак обозначает слог «согласный + любой гласный», отрицает рисуночный характер знаков и связь между их названием и формой и считает ПС письмо полностью недешифрованным⁸. Однако чтение слова b'lt, предложенное А. Гардинером, является очевидным и общепризнанным⁹. Между тем признание этого чтения заставляет сделать определенные выводы о характере ПС письма. Так, например, М. Шницер, критически оценивающий как дешифровку А. Гардинера, так и работы В. Олбрайта, полагает, что чтение b'lt приводит к следующим выводам: 1) ПС письмо является алфавитной письменностью, 2) буквы имеют своими прототипами египетские знаки, 3) буквы пиктографического (т. е. рисуночного. — А. Л.) происхождения созданы по акрофоническому принципу, 4) ПС письмо

³ *Sethe K.* Die neuentdeckte Sinaischrift und die Entstehung der semitischen Schrift. — Nachrichten der Göttinger Gesellschaft für Wissenschaften, 1917, S. 437—475; *Смрпуе В. В.* Происхождение алфавита. Пр., 1923; *Grimme H.* Altsinaitische Forschungen. Paderborn, 1937; *Cowley A.* The Sinaitic Inscriptions. — JEA, XV, 1929, p. 200—218; *Leibowitch J.* Les inscriptions protosinaitiques. Le Caire, 1934; *Albright W. F.* The Proto-Sinaitic Inscriptions and their Decipherment. Camb. Mass., 1966; *Van den Branden A.* Les inscriptions protosinaitiques. — Oriens Antiquus, I, 1962, p. 197—214.

⁴ *Szyzycer M.* Les Inscriptions protosinaitiques. — In: Le déchiffrement des écritures et des langues. P., 1975, p. 85—93; *Garbini G.* Storia e problemi dell'epigrafia semitica. Napoli, 1979, p. 85—89.

⁵ Например, В. Олбрайт, интерпретируя ПС знак «рыба», дает ему название digg «рыба» и фонетическое значение d (*Albright. The Proto-Sinaitic Inscriptions...*, fig. 1), не учитывая следующих факторов: 1) семитская буква d носит название dalt «дверь»; 2) существует буква n — nḥn «рыба»; 3) известна также буква s — samk «рыба». А. Ван ден Бранден пишет о знаке из двух горизонтальных линий (наш № 10, см. табл. 1): знак соответствует египетскому детерминативу двойственного числа. Создатель алфавита рассматривал этот знак как своеобразный указатель увеличения в числе и передал это понятие словом zaud («увеличение»), откуда значение z (*Van den Branden. Nouvel essai...*, p. 177).

⁶ *Garbini G.* I Fenici. Storia e Religione. Napoli, 1980, p. 13—19.

⁷ *Van den Branden A.* Nouvel essai du déchiffrement des inscriptions protosinaitiques. — Bibbia e Oriente, 1979, 121, p. 155—251; *Rainey A.* Notes on some Proto-Sinaitic Inscriptions. — Israel Exploration Journal, 1975, 25, p. 106—116; *Demsky A. A.* Proto-Canaanite Abecedarial Dating from the Period of the Judges and its Implication for the History of the Alphabet. — Tel-Aviv, 1977, 4, p. 14—27.

⁸ *Гельб И.* Западносемитские силлабарии. — В кн.: Тайны древних письмен. М., 1976, с. 263—300; *Дьяконов И. М.* Предисловие к кн.: *Фридрих И.* История письма. М., 1979, с. 10—16.

⁹ Даже И. Гельб, противореча самому себе, признает правильность чтения b'lt (ук. соч., с. 278).

должно фиксировать семитский язык¹⁰. Таким образом, М. Шницер повторяет все основные положения А. Гардинера.

Однако безуспешность попыток дешифровки предполагает ошибочность, по крайней мере части выводов А. Гардинера. Признание чтения *b'lt* при строгом подходе доказывает лишь консонантно-алфавитный характер письма и семитский характер языка. Остальные предположения о происхождении знаков от египетских иероглифов и об акрофоническом принципе создания букв должны быть отвергнуты¹¹.

Неудачи дешифровки и ненадежность предлагаемых чтений ПС надписей во многом объясняются состоянием имеющегося материала. Все известные надписи очень кратки, фрагментарны, сильно выветрены и плохо читаются. Сохранили текст целиком лишь две-три краткие надписи с именами. Не для всех текстов есть надежные воспроизведения. Общий объем имеющегося материала не превосходит 400—450 знаков, что, по-видимому, вообще не позволяет надеяться на успешную дешифровку текстов¹².

Действительно, согласно уравнению Шеннона, для дешифровки необходимо иметь текст объемом в 1,5—2 раза больше, чем полный репертуар знаков дешифруемого письма. Для алфавитного письма даже типа финикийского (объемом в 22 буквы) это составит 35—45 знаков, а типа южно-семитского или угаритского (в 29—30 знаков) — 45—60 знаков. Но ни одна из известных ПС надписей не содержит надежного сплошного текста больше чем в 10—15 знаков, а общий объем даже самой крупной не достигает и 40 знаков.

Это заставляет предложить иной принцип дешифровки, не связанный с интерпретацией текстов. В качестве исходной гипотезы выдвигается достаточно известное и обоснованное предположение о генетическом родстве ПС с другими семитскими консонантными алфавитами Ближнего Востока II тыс. до н. э.: угаритским (У), финикийским (Ф) и южносемитским (ЮС). Каждый из этих алфавитов рассматривается как система, характеризующаяся многими признаками: числом и порядком знаков, формой, фонетическими значениями и названиями букв. Все эти признаки используются в качестве внешнего (по отношению к ПС письму) материала, позволяющего определить фонетическое значение букв, т. е. дешифровать алфавитное письмо¹³.

Необходимым условием дешифровки является выяснение репертуара знаков. Следует отметить, что репертуар знаков ПС не пересматривался систематически со времен Х. Гримме. Хотя прорисовки надписей, сделанные Х. Гримме, вскоре были полностью отвергнуты, никто из исследователей не дал новой сводки знаков. Они ограничивались составлением списка знаков, объединяя некоторые знаки как варианты или добавляя новые, преимущественно из вновь найденных текстов, обнаруженных на Синае или открытых при раскопках в Палестине или Египте. В результате существуют значительные расхождения даже в числе знаков.

¹⁰ *Szyner. Les Inscriptions protosinaïtiques...*, p. 91.

¹¹ Сам А. Гардинер в слове *b'lt* возводил к иероглифам лишь буквы *b* и *ç*, а *l* и *t* он определял по сходству с Ф буквами, не предлагая египетских соответствий.

¹² Так, М. Шницер пишет: «В общем виде попытки полной дешифровки протосинайского письма кажутся мне обреченными на провал по той простой причине, что протосинайские надписи малочисленны, фрагментарны и в плохой сохранности» (*Szyner. Les inscriptions protosinaïtiques...*, p. 91).

¹³ Для пояснения принципа дешифровки прибегнем к аналогии, поставив однотипную задачу на известном материале: определить фонетическое значение знака «Н» и его принадлежность к определенной системе письма. Для отдельного знака решение невозможно, даже если известно, что это — буква одного из европейских алфавитов начала XX в. н. э. Если добавить к исходному материалу знаки «А», «В», «М», «I», «О» и «Р», их нельзя отнести к определенной системе, хотя уже можно установить фонетическое значение для знаков «А», «М», «I» и «О». Присоединив еще знаки «Г» и «Ω», можно решить задачу, определив «Н» как эту греческого алфавита, и установить фонетическое значение всех букв.

	№1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
	345	346	347	348	349	350	351	352	353	354	356	357	358	359	360
№1	Ⲁ				Ⲁ	Ⲁ?	Ⲁ?	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ?	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
2	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
3	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ?
4	Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ
5	Ⲁ?	Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ?
6	Ⲁ	Ⲁ			Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ?
7	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+
8		Ⲁ			Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ				Ⲁ			
9		Ⲁ?		Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ?		Ⲁ			Ⲁ
10		=			=?		=		=				Ⲁ?		=
11	Ⲁ			Ⲁ		Ⲁ	Ⲁ?		Ⲁ	Ⲁ?	Ⲁ				
12	Ⲁ?			Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ					Ⲁ	Ⲁ		
13				Ⲁ	Ⲁ		Ⲁ?	Ⲁ	Ⲁ?						
14		Ⲁ					Ⲁ					Ⲁ			
15		Ⲁ			Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ				Ⲁ?				
16									Ⲁ			Ⲁ			
17															Ⲁ
18									Ⲁ?						
19		Ⲁ?					Ⲁ						Ⲁ		
20												Ⲁ?			
21															
22		Ⲁ?							Ⲁ?						
	Ⲁ?						Ⲁ	Ⲁ?		Ⲁ?	Ⲁ?	Ⲁ			

Таблица I. Репертуар знаков протосинайского письма (Нумерация надписей дается по работе: A. Van den Branden, *Nouvel Essai du Déchiffrement des Inscriptions Protosinaïtiques*. «Bibbia e Oriente», 124, 1979, p. 155—251.

А. Гардинер насчитывал 32 знака; позднее Х. Гримме, В. В. Струве и другие исследователи, исходившие из Ф алфавита, сводили их к 20—22 буквам; с открытием У исследователи стали исходить из полного алфавита, имевшего знаки для всех прасемитских фонем, т. е. из 27—30 знаков. Так, В. Олбрайт насчитывал уже 23 буквы, а А. Ван ден Бранден — 25, причем оба предполагали существование еще трех-четырех знаков, не засвидетельствованных в надписях. Допускается иногда существование

№16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30
 361 362 363 364 365 365 374 375

	ϕ ϕ		ϕ	ϕ? ϕ ϕ ϕ			Α Δ	
□ □?		□ □	□ □ □ □		□			9
σ?	σ	ρ	ρ ρ ρ ρ ρ			ω	6	7?
ω		ω?	ω	ω	ω		ω ω	
ρ	ρ ρ	ρ ρ	ρ ρ ρ		ρ ρ?		ρ ρ	ρ
ω		ω		ω				ω
=	=	=	=			≠	=	
ϕ			ψ?					
	ω?					ϕ		
	ρ ρ	ρ		ρ ρ				
	ϕ?			ω ρ				
				ϕ ϕ?			ϕ	
	ϕ		ρ	ρ				
		ψ ψ	ψ?					
					ρ ρ?			
					ψ?			ψ?
		E?						
			L					γ? γ?
		ρ	I? ρ? ϕ?			ρ τ		?
			ψ?					

Продолжение табл. I

и гораздо большего числа знаков¹⁴. Это определяет необходимость составления новой их сводки.

Трудности составления репертуара знаков проистекают из плохого состояния текстов, часто с трудом читаемых, и недостаточной надежности воспроизведений. Так, зачастую В. Олбрайт и А. Ван ден Бранден по-разному читают один и тот же знак. К сожалению, непосредственная

¹⁴ Так, по мнению Дж. Гарбини, «существует еще 13 знаков, отличающихся от 23 выделенных (В. Олбрайт.— А. Л.), которые рассматриваются как простые графические варианты выделенных» (*Garbini. I Fenici...*, p. 14).

проверка чтения текстов оказалась невозможной для автора данной статьи. Однако чтобы выявить существующие знаки письменности и составить их репертуар, не требуется абсолютная надежность чтения *всех* знаков. Для этой цели необходимо чтение того или иного слова, необходимое для интерпретации надписи; важно лишь выяснить наличие того или иного знака в данном тексте. Поэтому репертуар составлен без уточнения чтений: в случае разногласий исследователей в чтении (не в интерпретации!) того или иного знака в сводную таблицу знаков (см. табл. I) вносятся оба знака с пометкой о сомнительности чтения — (?). Чтобы дать представление о надежности выделения того или иного знака, в таблицу сведены данные всех надписей, причем из каждого текста дается одна форма, несколько обобщенная или наиболее ясно читаемая. В случае необходимости для текста даются в качестве вариантов две наиболее различающиеся формы. Ввиду того, что направление письма в ПС надписях варьируется, иногда изменяясь даже в пределах одного текста, причем направление письма для некоторых знаков остается спорным, знаки, различающиеся лишь положением по отношению к строке, отмечались не систематически¹⁵. Единичные формы, не повторяющиеся хотя бы в двух-трех надписях, вынесены отдельно (см. табл. I) даже при вполне надежном чтении.

Проблема различения знака и варианта знака в недешифрованном письме, где не может быть использован критерий значения и неосуществима проверка путем чтения текста или слова, представляет очень значительные трудности. Особенно сложно сделать это теоретически, указать критерии различения знака и варианта и дать определение этих понятий. Однако на практике эта процедура значительно легче. Знакомство с любым алфавитом на его ранней стадии наглядно показывает, что знаки легко различаются и возможность их смешения возникает большей частью при повреждениях текста и лишь очень редко — из-за небрежного написания. Знак легко отличается от близких по форме букв какой-нибудь характерной чертой; именно эта черта сохраняется и в вариантах знака, тогда как другие черты, не играющие такой смысловоразличительной роли, могут меняться от варианта к варианту. Такого рода особенности выделяются и в ПС знаках; их легко заметить на табл. I.

Составление репертуара знаков позволило выделить единичные формы: фигуры, встречающиеся лишь в одной надписи, обычно при ненадежном чтении, и резко отличные по форме от известных знаков. В некоторых случаях удается выяснить, что такая форма представляет собой ошибку писца (№ 20 = 365) или позднейшие царапины на кинжале, принятые за черты знака (№ 27); по-видимому, такие же или близкие причины вызвали появление и других единичных форм.

Репертуар знаков позволяет выделить в ПС письмо три резко очерченные группы знаков. К первой относятся семь букв, встречающихся чаще — не меньше чем в 19 надписях (см. табл. I, № 1—7). Это рисуночные (№ 1—2, 5—6), геометрические или символические (№ 3—4, 7) знаки¹⁶,

¹⁵ Направление письма в ПС надписях неустойчиво: наряду с направлением сверху вниз встречается и написание справа налево и, вероятно, также слева направо (№ 28 — каменная плитка из Сихема). Иногда надпись, начатая вертикально, затем загибается вправо или влево (№ 2 = 346, № 12 = 357). Может быть, с этой особенностью текстов связана неопределенность в положении знака по отношению к строке.

¹⁶ Такие характеристики знаков условны. Непосредственно внешний вид знака представляет собой просто геометрическую фигуру, чаще неправильную (№ 3, 4, 9). Однако его сравнение со схематично-рисуночными знаками других семитских консонантных алфавитов часто позволяет раскрыть в нем схематичное изображение предмета, известного по названию семитской буквы (например, № 3 lamd «посох» или № 2 bayt «дом») или символическое изображение понятия (№ 4 mau «вода» или № 7 tau «знак»), а иногда и вполне реалистичский рисунок (№ 17 dalt «дверь»), причем границы между этими категориями нечетки. И наоборот, некоторые вполне «рисуночные» знаки оказываются результатом графической эволюции формы, не имеющей ничего общего с «изображаемым предметом», см., например, ниже, о знаке № 13 «человек?», восходящем к рисунку hēt «забор, ограда» (см. табл. II).

достаточно четкие и единообразные. Их формы стабильны и пишутся без существенных вариантов, которые искажали бы общий облик знака. Знаки написаны с разной степенью аккуратности, рисунки иногда неумелы, но всегда достаточно узнаваемы. В наскальных надписях знаки зачастую написаны небрежно, с вариациями в размере и положении, но такое явление обычно для наскальных надписей, выполненных не профессионалами. Особенно сильно варьируется положение знака в строке. Так, например, знак «голова быка» (№ 1) может быть повернут как вправо, так и влево¹⁷. Знак № 3 может быть расположен и вертикально, с завитком как вправо, так и влево, и горизонтально, также с разным положением завитка, даже завитком вниз (см. табл. I). По-видимому, положение знака не всегда зависит от направления письма. Однако обычно положение связано с направлением строки и знак при поворотах, как правило, сохраняет свою характерную форму.

Вторую группу составляют десять знаков, встречающихся в нескольких текстах (от 4 до 13) в четком написании и хорошо читающихся (см. табл. I, № 8—17). Эти знаки также носят в основном рисуночный характер, хотя среди них есть и схематичные (№ 9, 15, 17) и даже чисто геометрические (№ 10); впрочем, граница схематичных и рисуночных знаков весьма условна. Эти знаки также достаточно единообразны, и варианты обычно несущественны; наибольшее разнообразие форм дают знаки со сложным рисунком (№ 8, 11, 14). Расположение знаков по отношению к строке и направлению письма также свободно.

Этим практически исчерпывается репертуар знаков ПС письма, засвидетельствованных в известных памятниках. Можно обнаружить еще 30—35 форм, встречающихся в единичных текстах часто в ненадежном чтении. Иногда три-пять таких форм можно предположительно объединить в один знак (см. табл. I, № 18—22), но варианты такого знака будут значительно отличаться друг от друга, часто сомнительны и ненадежны. По-видимому, эти знаки действительно отражают несколько букв ПС алфавита (вероятно, три-пять букв), но выделить эти буквы и даже установить их форму не удастся. Отметим, что все эти формы весьма схематичны и ни одна из них не имеет рисуночного характера.

Эти знаки можно назвать гипотетическими: и каждая отдельная форма, и предположительно выделяемый знак могут оказаться, как это уже не раз случалось в истории дешифровок ПС, либо ошибкой чтения, либо вариантом другой, уже известной буквы (например, знак № 18 может быть вариантом знака № 12, а знак № 22 — вариантом знака № 16), либо объясняться повреждением знака, исказившим его форму. В еще большей степени это касается тех единичных форм, которые не группируются даже в гипотетические знаки. Так, например, знак в надписи № 7 = 351, который А. Ван ден Бранден толкует как \dot{g}^{18} , является, по-видимому, просто соединением знаков № 7 и № 19, а знак в надписи № 9 = 353, который В. Олбрайт читает как \dot{g}^{19} , в действительности представляет собой знак № 2. Первый знак надписи на бронзовом кинжале из Лахиша (№ 27), который В. Олбрайт интерпретирует как t , а А. Ван ден Бранден как \dot{g}^{20} , определяется как знак № 3, где позднейшие царяпины на кинжале были приняты за составную часть знака²¹.

Подобные единичные формы нельзя рассматривать как знаки ПС алфавита; это сильно меняет наши представления о ПС письме, так как среди

¹⁷ В надписи на каменной плитке из Сихема (№ 28) он вообще написан «вверх ногами» и сильно стилизован. Это — особый вариант знака, близкий скорее к Ф букве. Однако прочие знаки этой надписи заставляют рассматривать ее письмо как ПС; видимо, она отражает локальный или хронологический вариант ПС письма.

¹⁸ *Van den Branden. Nouvel Essai...*, p. 179, 200—202.

¹⁹ *Albright. The Proto-Sinaitic Inscriptions...*, p. 21—22, fig. 5.

²⁰ *Ibid.*, fig. 1; *Van den Branden. Nouvel Essai...*, p. 181, 235 f.

²¹ *Driver G. R. Semitic Writing. L., 1948, pl. 39.*

23 знаков, выделяемых В. Олбрайтом, четыре (его g, h, ḡ и š) известны лишь по единичным формам, а среди 25 букв, выделяемых А. Ван ден Бранденом, таких насчитывается уже шесть (его z, y, ḡ, p, q и q). В действительности в ПС письме надежно выделяется лишь 17 знаков, и не более четырех-пяти знаков можно выделить гипотетически.

Возникает предположение, что ПС письмо насчитывало не больше 22—23 знаков, т. е. что оно отражает не полный набор прасемитских согласных древней стадии, как У и ЮС алфавиты, содержащие 27—29 знаков, а более краткий, свойственный семитским языкам средней стадии, как Ф письмо в 22 знака. Семитские языки средней стадии известны лишь с конца II тыс. до н. э., что сразу же ставит вопрос о датировке ПС надписей, однако мы вернемся к этому ниже.

Обратимся к анализу выделенных знаков. В противоположность обычному представлению о ПС письме как о рисуночном из 17 надежных знаков лишь 12 имеет рисуночный характер (№ 1—2, 5—6, 8, 11—17), да и то не всегда очевидный (№ 12—13, 15—16). Три-четыре знака можно назвать символическими (№ 3—4, 9), а два носят чисто геометрический характер (№ 7 и 10). Если учесть, что из гипотетических знаков (№ 18—22, см. табл. I) ни один не имеет рисуночного характера, выясняется, что ПС письмо является менее рисуночным, чем другие семитские алфавиты II тыс. до н. э. Оно даже менее рисуночно, чем Ф, где, видимо, все знаки имели схематично-рисуночный характер, и, несомненно, менее рисуночно, чем протоалфавит (ПА), где схематично-рисуночный характер можно установить для всех знаков, названия которых сохранились²².

В то же время рисуночные знаки ПС не схематичны. Их рисунок реалистичен, имеет конкретные детали и позволяет легко опознать изображаемый предмет. Можно сказать, что в ПС письме рисуночный элемент резко выделен, хотя и касается лишь части знаков. Это отличает ПС от других семитских алфавитов, в которых рисуночность знаков завуалирована и является лишь с большим трудом.

Выделенные знаки ПС письма обнаруживают большое сходство с буквами семитских алфавитов по своей форме. Однако совпадение знаков только по форме не доказывает их родства и близости фонетических значений, так как при этом не исключена возможность случайного совпадения. Примеры графического тождества знаков разных систем хорошо известны и многочисленны. Но для знаков ПС известна лишь их внешняя форма, так что иной способ сравнения кажется невозможным.

Для букв семитских алфавитов известны три стабильных признака, характеризующих каждую букву: форма, значение и название. Только совпадение по меньшей мере двух признаков позволяет говорить об идентичности знаков разных алфавитов. Это открывает путь для определения ПС знаков.

Хотя для ПС письма известна лишь внешняя форма знаков, но характер рисуночных знаков, их реалистичность и легкая узнаваемость позволяют гипотетически реконструировать «название» знака, т. е. изображаемого предмета, которое можно сравнить с семитскими названиями букв (см. табл. II, № 1—2, 5—8, 11—16.)

Совпадение предмета, изображаемого ПС знаком, и семитского названия обнаруживается в семи случаях из одиннадцати, причем оно сопровождается и большой близостью формы знаков. Несовпадение в оставшихся четырех знаках может объясняться различными причинами, в частности нашей неправильной интерпретацией рисунка ПС знака. Так, например, мы определили два знака, № 11 и 13, как рисунок человека. Однако, учитывая акрофонический характер названий семитских букв, одинаковый по значению рисунок (название) могут иметь лишь варианты одного знака (или знаки-омофоны). Хотя обе эти возможности не исклю-

²² См. Лундин А. Г. О происхождении алфавита.— ВДИ, 1982, № 2, с. 17—29.

	ПС	Ф	У	У лин	ЮС	Название	ПА	Значе- ние ПС
1						alp бык		а
2						bayt дом		б
3						lamd посох		л
4						may вода		т
5						nahas змея nup		п
6						'ayn глаз		с
7						taw знак		т
8						za's голова		г
9						šinn зуб		ш
10						zayt олива		з
11						šade ?		š?
12						kapp ладонь		к
13						het ограда		х
14						šumk рыба		с
15						tawt клубок		т?
16						[pa'n нога]		р
17						dalt дверь		д

Таблица II. Протосинайские знаки и их соответствия в семитских алфавитах (ПС — протосинайский; Ф — финикийский; У — угаритский; У лин. — линейная праформа угаритского; ЮС — южносемитский; ПА — протоалфавит; СС — северо-семитский).

ЮС знаки в квадратных скобках восходят к знакам, отличающимся от СС; при совпадении формы, но не значения указывается значение буквы в данном алфавите.

чаются, более вероятно, что мы неточно определяем рисунки, имевшие более частное значение.

Один из случаев несовпадения можно объяснить. Хотя в семитских алфавитах нет названия буквы «нога», но можно установить, что в протоалфавите (ПА) существовал знак «нога», сохранившийся в Ф и У в значении р под названием рē «рот», а в ЮС — в значении г под названием га's «голова». Видимо, ПА знак «нога» имел северосемитское название ра'п «нога» (которое и дало ему значение р) и южносемитское название gīl «нога» (что дало ему значение г)²³.

Таким же способом можно сравнить и некоторые символические или схематические знаки: № 3, 4, 7, 17 (табл. II). Здесь наблюдается такое же совпадение изображаемого или «символизируемого» предмета и его семитского названия, причем совпадает даже характер символики. Если сравнить эти знаки со знаками семитских алфавитов также и по форме, то обнаруживается очень большое сходство формы, часто доходящее до полного совпадения. Таким образом, сравнивая ПС знаки с буквами семитских консонантных алфавитов по двум признакам — по форме и названию для семитских букв и форме и изображаемому предмету для ПС, можно установить совпадение этих признаков для 12 знаков из 15²⁴.

Совпадение 12 знаков убедительно доказывает родство ПС с другими семитскими консонантными алфавитами — У, Ф и ЮС. Поэтому остальные знаки можно сравнивать уже по одному параметру, по форме, не опасаясь случайного совпадения. Однако предварительно следует уточнить соотношение формы уже отождествленных ПС знаков с соответствующими знаками Ф, У и ЮС.

Уже отмечалось, что ПС знаки более реалистичны и детализированы; примером может служить знак «ладонь» на остраконе из Гезера (№ 26), где на ладони тщательно вырисованы все пальцы, или знак г «голова» на таблице из Сихема (№ 28). При этом иногда обнаруживается даже отсутствие непосредственной графической связи между ПС знаками и знаками линейного алфавита. Так, знак п «змея» в ПС обязательно изображает голову животного, а изображение тела иногда сводится к слабо изогнутой или даже прямой линии (№ 15 = 360, № 21 = 367, № 26 — см. табл. I). Напротив, Ф и ЮС знаки передают характерный изгиб тела, совсем не изображая головы (см. табл. II). Точно так же ПС знак г «голова» изображает голову человека с различными деталями лица (нос, глаз, ухо) и совсем не изображает шеи (№ 8 = 352, № 9 = 353), тогда как Ф и У знаки изображают голову крайне схематично, без всяких деталей, но шея является необходимым, характерным элементом знака (см. табл. II). Ни Ф и ЮС п, ни Ф/У г нельзя представить себе как результат чисто графической эволюции ПС знака. Столь же велика разница и в форме знака р «нога»: Ф/У знак изображает бедро и голень, тогда как ПС — стопу и часть голени (см. табл. II). Пятипалая кисть руки в ПС вряд ли может быть исходной графической формой для трехпалой кисти Ф, У и ЮС алфавитов. Для всех этих знаков маловероятным представляется и обратный путь эволюции от схематичных форм консонантных алфавитов к рисуночным формам ПС.

Происхождение рисуночных знаков ПС можно представить себе как намеренную стилизацию букв с усилением рисуночного элемента. Такая стилизация представляется вполне возможной под влиянием египетской культуры и особенно египетского иероглифического письма, которое сохраняло рисуночные формы многих знаков. При этом создатели форм исходили иногда из формы знака ПА (№ 1 — «голова быка», № 2 — «дом-

²³ См. *Лундин*. О происхождении алфавита, с. 27; *Lundin A. G.* Quelques lettres des alphabets sémitiques. — In: *Mélanges M. Rodinson*. P., 1982.

²⁴ Знак samk «рыба» применяется в Ф для обозначения сибиллянта s, а в ЮС и, видимо, в У (северосемитском — СС) — латерального сибиллянта š; в ПС возможно любое из этих близких значений.

и т. д.), а иногда — из его названия, т. е. значения рисунка (№ 5 — «змея», № 6 — «глаз» и т. д.).

Неясные знаки № 11, 13 и 15 можно назвать «вторично-рисуночными». Они возникли, несомненно, в ходе того же процесса стилизации с усилением рисуночного элемента. Однако, по-видимому, в этих знаках исходная форма уже утратила рисуночный характер, а название, может быть, утратило свое значение. Поэтому форма знака получила новую интерпретацию, не связанную с названием буквы. Такие вторично-рисуночные формы, как и геометрические знаки ПС, следует сравнивать со знаками семитских алфавитов просто по форме.

Сравнивая форму еще не определенных знаков ПС со знаками других семитских алфавитов, можно легко обнаружить явное графическое сходство знака № 9 с буквой š — šinn «зуб» и № 10 с буквой z — zaṭt «олива» (исходный рисунок — дерево), а также, может быть, и № 15 с буквой ṭ — ṭaṭt «клубок» (см. табл. II). При этом знак № 9 представляет собой просто форму с плавным (закругленным) написанием линии по сравнению с угловатой в Ф или ЮС, написанной отдельными штрихами, т. е. разница заключается лишь в манере письма. Для знака № 10 ясен путь графической эволюции: от ПА z, наиболее близкого к У, через ЮС к Ф и к наиболее курсивной ПС форме, превратившейся уже в геометрическую фигуру²⁵.

Для знака № 15 также весьма вероятен путь графической эволюции от У/Ф знака ṭ «клубок» с пересечением линий в круге через ЮС геометризованную форму прямоугольника, пересеченного линией, к курсивной ПС форме лежащей «восьмерки»²⁶.

Наиболее сложен знак № 13, для которого ни Ф, ни ЮС, ни реконструированные линейные формы У²⁷ не дают близких графических параллелей. Однако для нескольких У букв линейные прототипы не были реконструированы из-за сложности знака и отсутствия в дешифрованных алфавитах надежных контрольных форм. Привлечение ПС позволяет поставить задачу реконструкции линейной праформы У ḥ.

Угаритская буква ḥ имеет сложную форму и состоит из двух обычных клиньев, вертикального и горизонтального, расположенных под прямым углом, и двух угловых клиньев. По выявленным закономерностям передачи линейных форм клинописной графикой²⁸ угловой клин передает круг, а клинья, расположенные под прямым углом, — пересечение линий (ср. те же элементы в знаке ṭ, табл. II). Расположив эти элементы в порядке их написания, т. е. слева направо, получим знак, совпадающий с ПС № 13, но повернутый на 90° по отношению к строке. Такой поворот часто встречается в У знаках (см. ʾ, d, k, табл. II). Совпадение У и ПС форм позволяет отождествить эти знаки и определить ПС знак № 13 как букву ḥ²⁹.

Таким образом, из 17 известных букв ПС письма не отождествляется со знаками семитских алфавитов лишь одна, № 11. Совпадение 16 знаков позволяет с полной уверенностью говорить, что ПС письмо — ветвь семитского консонантного алфавита. Сопоставление ее с другими ветвями

²⁵ Отдельные ПС надписи содержат архаичные формы, подтверждающие такой путь эволюции. Так, форма, совпадающая с реконструированной ПА, сохранилась в надписи на кинжале из Лахиша (№ 27) и, может быть, форма, совпадающая с Ф — в № 13 = 358 (чтение ненадежно).

²⁶ Но интерпретация знака остается сомнительной, так как имеющиеся контексты не позволяют проверить чтение.

²⁷ См. *Лундин*. О происхождении алфавита, табл. I.

²⁸ См. там же, с. 22—24.

²⁹ У — ПС знак, несомненно, тождествен Ф ḥ/ЮС d, отличаясь только манерой письма, как в знаке š (№ 9): Ф — ЮС форма — угловатая, из отдельных штрихов, а ПС — У — округленная, написанная одной линией без отрыва инструмента. Промежуточную форму содержит архаичная Ф надпись XII в. до н. э. на бронзовом наконечнике копья: *Martin M. A Twelfth Century Bronze Palimpsest. — RdSO, XXXVI, 1962, 175—193, tav. I.*

показывает, что эта ветвь с сильно измененными формами букв довольно далеко отошла от протоалфавита. Некоторые знаки явно прошли уже значительный путь эволюции в сторону беглости письма, другие подверглись стилизации путем усиления рисуночного элемента.

Наличие 16 отождествленных знаков позволяет определить место ПС письма среди известных ветвей протоалфавита. Уже в XV в. до н. э. протоалфавит разделился на южносемитскую и северосемитскую (СС) ветви; к последней относятся Ф и У алфавиты. Различия между СС и ЮС довольно велики и охватывают добрый десяток знаков. Это прежде всего «зеркальные» знаки, имевшие одно фонетическое значение в ЮС и другое — в СС; к ним относятся буквы h/w и w/h , h/d и d/h , s/g и g/s , а также буква p/r ³⁰. Кроме того, знак ' в СС обозначается рисунком головы быка, а в ЮС — рисунком быка; знак у в СС изображает руку, согнутую в локте, а в ЮС — вытянутую руку.

Из различающихся знаков для ПС известны ρ , r и h , причем все они следуют СС образцам, изображая голову быка (а не быка), ногу (а не рот) и голову (а не ногу). Буква h (№ 13) совпадает по форме с Ф—У h и с ЮС d , но по значению, как мы увидим ниже, с Ф h . Таким образом, надежно устанавливается принадлежность ПС к СС ветви алфавитов.

Сложнее установить отношение ПС к ветвям СС — Ф и У³¹. Главным критерием различения этих систем служит число знаков — 22 в Ф³² и 27—28 в У³³, однако этот критерий неприменим к ПС письму, число знаков в котором точно не известно. Репертуар знаков ПС позволяет предположить, что общее число знаков не превышало 22; это предположение подтверждается и тем, что среди 16 отождествленных знаков нет ни одного, который не входил бы в краткий 22-значный алфавит. Звуки, существовавшие в семитских языках, но не отраженные в Ф письме, никак не отражены и в ПС. Но и этот аргумент не может считаться достаточно доказательным³⁴.

Очень невелико различие между Ф и У для тех знаков, которые сохранились в Ф: звук s выражается в У знаком s , как в ЮС, а в Ф — знаком s — sak «рыба», который в ЮС обозначает латеральный сибилант \acute{s} . В ПС из этих двух знаков встречается только знак «рыба», который, вероятно, и является выражением обычного сибиланта. Таким образом, в этом случае ПС система совпадает с Ф в отличие от У.

Из известных знаков ПС различие между Ф и У можно проследить еще в знаке h : в У этот звук отличается от звука h , обозначаемого специальной буквой, тогда как в Ф эти звуки слились и знак h отражает как прасемитское h , так и прасемитское h . Таким образом, зная фонетическое значение ПС h , можно определить его сходство с Ф или У знаком.

³⁰ Лундин. О происхождении алфавита, с. 27 и табл. II.

³¹ Здесь термином У мы обозначаем не только клинописный алфавит в 30 знаков, но и его линейную праформу в 27 знаков.

³² Кроме линейного Ф, существует и краткий клинописный алфавит, видимо также насчитывавший 22 знака. Этот алфавит известен по нескольким табличкам из Угарита и примерно такому же числу памятников из разных мест Палестины; однако о его месте среди других систем алфавита судить рано. См. *Herdner A. A-t-il existé une variété palestinienne de l'écriture cunéiforme alphabétique? — Syria, 1946—1948, XXV, p. 165—168.*

³³ Клинописный У насчитывает 30 знаков, но три из них — дополнительные: ρ , ρ и \acute{s} . Знаки ρ , ρ — новообразования для обозначения разных гласных в сочетании с согласной ρ ; они вообще выпадают из системы консонантного алфавита и были, вероятно, введены для передачи начальной гласной в несемитских словах. Образцом для них послужил ЮС или ПА знак ' «бык». Между собой эти знаки различаются лишь положением в строке. Неясны причины и источник заимствования \acute{s} (s_2), буквы, которая в У не имеет специфического значения и употребляется как дублет к знаку s . Дополнительные знаки могли появиться при создании клинописной системы, но могли существовать и в линейной праформе У.

³⁴ Статистика встречаемости букв в текстах объемом 30—35 знаков сближает ПС надписи с Ф и набатейскими в отличие от У и южноаравийских и, видимо, также свидетельствует в пользу алфавита в 22 знака, но недостаточный объем материала делает этот вывод ненадежным.

Буква h (№ 13) встречается в девяти ПС надписях, но в трех случаях чтение ненадежно (№ 6 = 350, № 8 = 352, № 10 = 354), а еще в трех случаях неясен контекст и нельзя надежно выделить слово (№ 5 = 349, № 18 = 363 и № 24)³⁵. Лишь в трех случаях выделяется слово 'rht (№ 9 = 353, № 20 = 365, № 23 = 375). Это слово несомненно восходит к прасемитскому 'arh «телка»³⁶. Таким образом, выясняется, что ПС знак № 13 выражает звуки h/h , как и Ф h .

Таким образом, во всех случаях расхождения У и Ф письма ПС алфавит следует Ф, обнаруживая очень большую близость к этой системе. По существу ПС алфавит является вариантом Ф алфавита в 22 знака. Однако возникновение Ф обычно датируется XIII — XII вв. до н. э., тогда как ПС надписи относят к XV, XVII и даже XIX вв. до н. э. Датировать возникновение краткого консонантного алфавита этим периодом вряд ли возможно, ибо даже для XV в. очень мало вероятно существование семитского языка, уже потерявшего целый ряд согласных из первоначальной общесемитской консонантной системы³⁷. Это заставляет подробно остановиться на вопросе о датировке ПС надписей.

Непосредственно раскопки на Синае не дали достаточно надежного материала для датировки ПС надписей. Ни один из текстов не был найден в датируемом археологическом слое или в комплексе с хорошо датированными предметами. Поэтому датировка ПС текстов по существу определяется датировкой египетских надписей или вещей, найденных на Синае.

Материалы раскопок рудников Синая и египетские надписи из этих раскопок позволяют выделить три периода присутствия египтян на этих рудниках: в XIX в., затем в XVII и XV—XIV вв. до н. э.³⁸ К каждому из этих периодов и относили ПС надписи, однако все приводимые аргументы, основывающиеся на датировке того или иного египетского памятника, оказывались в конечном итоге сомнительными³⁹.

Уже А. Гардинер установил, что египетские надписи, найденные на Синае, никак не связаны с ПС надписями, даже со сделанными на тех же предметах. Напрашивается вывод, что ПС надписи появились в результате вторичного использования этих предметов в то время, когда рудники на Синае были оставлены египтянами и находились в заброшенном состоянии. А. Ван ден Бранден отмечает еще один характерный факт: ПС надписи были обнаружены рядом с теми рудниками, около которых отсутствуют египетские надписи⁴⁰. Он делает из этого вывод, что одновременно с египетскими рудниками существовали и рудники, принадлежавшие местному семитскому населению. Однако гораздо более вероятно, что местное население начало самостоятельную разработку рудников после того, как они были оставлены египтянами, т. е. в XIII в. до н. э. Именно в этот период и появились ПС надписи, высеченные на скалах близ рудников, на сфинксах и на других предметах, оставленных египтянами в священных местах близ заброшенных египетских храмов. Из этого следует, что памятники ПС письма, найденные на Синае, следует датировать XIII—XII вв. до н. э.

Вряд ли заслуживают серьезного внимания теории, связывающие создание ПС письма непосредственно с Синаем и приписывающие его рабам-

³⁵ В надписи № 5 = 349,4 В. Олбрайт и А. Ван ден Бранден одинаково выделяют слово 'hn (в их чтении — 'hn), но Олбрайт толкует его как собственное имя, а Ван ден Бранден — как мн. число от 'h «брат»: *Albright. The Proto-Sinaitic Inscriptions...*, p. 18; *Van den Branden. Nouvel Essai...*, p. 195—197.

³⁶ *Fronzaroli P. Studi sul lessico comune semitica*, VI. — *Accademia Nazionale dei lincei. Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche*, XXIV. Roma, 1969, p. 21, 30; *Albright. The Proto-Sinaitic Inscriptions...*, p. 38. А. Ван ден Бранден возводит слово к тому же корню, но к вторичному значению др.евр. 'orhah «караван»: *Van den Branden. Nouvel Essai...*, p. 208.

³⁷ *Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии*. М., 1967, с. 367.

³⁸ *Van den Branden. Nouvel Essai...*, p. 155—159.

³⁹ *Ibid.*, p. 159—164.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 159.

	ПС	Ф	У	Улин	Название	ПА	Значение
№18	У	У	-		[yad рука]	УУУ	у?
19	о	Ф	→	о	qof ушко иглы	о	q?
20	У	У	→	У	shaw крюк	У*	ш?
21	Е	Э	Е	Е	he ?	Е*	h?
22	Л	^	У	Г	gatl верблюды	^	g?

Таблица III. Гипотетические знаки протосинайского и их соответствия в северо-семитских алфавитах

сеμίтам, работавшим в рудниках, или персоналу храма Хатор⁴¹. Находки ПС надписей в Геэре, Лахише и Сихеме показывают его широкое распространение на территории Ближнего Востока, в Сирии, Финикии и Палестине. Надписи ПС письмом, найденные в Палестине, также обычно датируются первой половиной II тыс. до н. э.⁴², но эти даты, как правило, определяются по палеографии текстов, т. е. прямо зависят от принятой датировки ПС письма и крайне ненадежны⁴³.

ПС письмо было, несомненно, создано в одном из крупных городов Ближнего Востока; внешняя форма письма свидетельствует о сильном египетском влиянии, о стилизации букв под египетские иероглифы и заставляет думать об одном из городов, тесно связанных с Египтом (например, о Газе), и, вероятно, о времени наибольшего египетского влияния, т. е. о XIII—XII вв. до н. э.

Но в XIII—XII вв. до н. э. уже существовал Ф алфавит, причем в форме, достаточно близкой к классическому Ф письму надписей из Библа X в. до н. э., как это показывает ostrakon из Избет Сарта, датируемый примерно 1200 г. до н. э.⁴⁴ Протосинайское письмо представляет собой вариант финикийского алфавита, стилизованный под египетское иероглифическое письмо, подобно тому как угаритский алфавит представляет собой вариант линейного северосемитского алфавита, переведенный в клинописную графику. В истории семитского консонантного алфавита оно выступает как один из вариантов краткого алфавита в 22 знака наряду с Ф и кратким клинописным алфавитом⁴⁵.

⁴¹ Ibid., p. 168—169.

⁴² Albright. The Proto-Sinaitic Inscriptions..., p. 10; Van den Branden. Nouvel Essai..., p. 234—237.

⁴³ См., например, Szymer M. L'origine de l'alphabet sémitique.— In: L'espace et la lettre. P., 1977, p. 93. Бронзовый кинжал с ПС надписью из Лахиша обычно датируют 1600—1550 гг. до н. э. Однако параллельный археологический материал надписного оружия — кинжалов или наконечников копий — с вавилонскими, египетскими, финикийскими и угаритскими надписями заставляет датировать его XII—XI вв., во всяком случае, не ранее XIII в. до н. э.

⁴⁴ Kochavi M. An Ostrakon of the Period of the Judges from 'Izbet Sartah.— Tel-Aviv, 1977, 4, p. 1—13.

⁴⁵ Памятники краткого клинописного алфавита также относятся к XIII—XII вв.: Pritchard J. B. Sarepta. A Preliminary Report on the Iron Age. Philadelphia, 1975, p. 102—104.

Установив несомненное родство ПС и Ф письма, можно определить значение всех ПС знаков, включая и гипотетические, исходя из их формального сходства со знаками северосемитских алфавитов. Эта возможность обуславливается тем, что теперь можно исключить знаки, не сохранившиеся в кратком алфавите, а при различном значении одного знака в СС и ЮС алфавитах можно с большой долей вероятности избрать значение, свойственное СС.

Полное совпадение форм обнаруживается в следующих знаках: № 15 — t , № 19 — q , № 20 — w , № 21 — h и № 22 — g (см. табл. III). Некоторые сложности возникают лишь с двумя знаками, № 11 и 18. Знак № 18 совпадает по форме с ПА k , точнее — с той его формой, которая изображает руку с растопыренными пальцами и сохранилась, вероятно, в ЮС; она встречается и в Ф надписях, но лишь с IX в. до н. э. (например, надпись Меши), а также в остраконе из Избет Сарта. Но в ПС хорошо засвидетельствована другая форма k , знак № 12 «ладонь». Поэтому возникает предположение, что «дублетная» форма ПА k «рука с растопыренными пальцами» получила в ПС иное истолкование — просто «рука» — и соответственно иное фонетическое значение — y . Это предположение можно подтвердить и тем фактом, что знак uad «рука» в ранних системах алфавита был довольно неустойчив: в ЮС он имел форму вытянутой руки, сжатой в кулак, а в СС — форму руки, согнутой в локте. Точно так же был неустойчив и знак k «ладонь»: в некоторых локальных вариантах Ф он изображался как ладонь, в других — как рука с растопыренными пальцами. Вполне вероятно существование еще одного локального варианта, не отраженного сохранившимися памятниками и послужившего исходной формой для ПС, где знак k изображался как ладонь (карр), а знак y — как рука с растопыренными пальцами (uad).

Остается один не отождествленный знак — № 11 — и одна не определенная буква Ф алфавита — s — sade (значение названия неизвестно). Методом исключения знак № 11 можно определить как s ; действительно, в форме этого знака выявляется значительное сходство с ЮС s , хотя и нет близости к Ф — У s (см. табл. II) ⁴⁶. Такой случай сходства ПС знака с ЮС при общей близости ПС к СС ветви еще раз подтверждает происхождение обеих ветвей от общего предка — протоалфавита.

Таким образом, удаётся установить полный состав ПС консонантного алфавита в 22 знака, хотя в отношении пяти букв остаются сомнения, так как они недостаточно засвидетельствованы в имеющихся текстах (гипотетические знаки № 18—22), и для них, а также для знака № 15 возможны еще три-четыре альтернативных отождествления, например в том случае, если еще какой-нибудь знак следует ЮС, а не СС прототипу. Такие неточности, однако, уже не составляют предмета дешифровки письма и будут постепенно устраняться в ходе интерпретации текстов.

Дешифровка письменности и интерпретация текстов — различные, хотя и тесно связанные между собой процедуры. Как правило, дешифровка должна предшествовать интерпретации, однако обычно эти работы проводятся параллельно, а в принципе возможна и обратная последовательность. Эту возможность лучше всего демонстрирует история изучения ПС текстов, где последовательные неудачи дешифровки сопровождались значительным прогрессом в чтении текстов. Так, уже работа А. Гардинера при явной ошибочности исходного положения дешифровки (происхождения ПС знаков из египетских иероглифов) содержала правильную интер-

⁴⁶ Знак s относится к числу «зеркальных» знаков ПА, когда два знака имеют два; разных фонетических значения, но эти значения отражены «зеркально» в СС и ЮС так, в паре s/g Ф $\text{s} = \text{Y s} = \text{ЮС g}$, а ЮС $\text{s} = \text{Y g}$ (g в Ф отсутствует): см. *Лундин*. О происхождении алфавита, с. 27 и табл. II. Отождествление ПС знака № 13 как s показывает совпадение ЮС $\text{s} = \text{Y g} = \text{ПС s}$ (см. табл. II). Это — единственный случай совпадения значений ПС и ЮС в отличие от Ф — У. Такое отклонение от общего правила показывает сложность восстановления ранней истории алфавита.

интерпретацию слова b¹lt «госпожа» как наименования местной богини, эквивалента египетской Хатхор. Даже явно фантастическая дешифровка Х. Гримме способствовала успешной интерпретации ряда текстов. При всей ненадежности, методической и логической непоследовательности дешифровок В. Олбрайта и А. Ван ден Брандена их работы сильно продвинули вперед интерпретацию надписей.

В то же время важно подчеркнуть, что именно в области интерпретации текстов были достигнуты наибольшие результаты; особенно велика здесь заслуга А. Ван ден Брандена. Если В. Олбрайт в 1966 г. писал о «девяти знаках (', b, h, l, m, n, ' , r, t), значения которых довольно очевидны и общеприняты», и сам правильно интерпретировал 11 букв, то А. Ван ден Бранден правильно читал уже 14 знаков⁴⁷. В настоящее время, когда предложен принцип интерпретации знаков — по сходству со знаками семитских консонантных алфавитов, в первую очередь финикийского, и отождествления всех 22 знаков, возможен, кажется, некоторый прогресс и в чтении текстов. Однако для этого требуется прежде всего надежное чтение надписей, т. е. тщательная непосредственная проверка чтения каждой надписи и каждого знака.

Разделяя дешифровку письменности и интерпретацию текстов, следует еще раз подчеркнуть исключительные трудности, которые ставит перед исследователем характер ПС надписей, их явно недостаточный объем и количество. Достаточно сказать, что только в одном случае исследователь имеет перед собой заведомо полный и неповрежденный текст — надпись на бронзовом кинжале из Лахиша (№ 27), да и этот текст содержит всего четыре буквы. Все остальные тексты либо фрагментарны и неполны, либо повреждены и плохо читаются. В таких условиях можно предложить интерпретацию надписи, но почти невозможно обнаружить и привести доказательства ее правильности. Примером может послужить надпись № 21 = 367. Это стела с краткой надписью в шесть знаков, содержащей собственное имя с компонентом b¹l; В. Олбрайт читал его y^hnb¹⁴⁸; более правильное чтение предложил А. Ван ден Бранден — gdnb¹⁴⁹, однако первый знак № 22 можно рассматривать и как вариант знака № 16 и читать pdnb¹.

Поскольку предлагаемая дешифровка сознательно создавалась в отрыве от материала надписей и результатов интерпретации текстов, чтение текстов может послужить независимым критерием для ее оценки. В настоящее время, когда установлено фонетическое значение и форма 17 знаков (сомнительно лишь для двух, № 11 и 15) и предложена гипотетическая реконструкция остальных пяти букв, возможен, видимо, и некоторый прогресс в чтении и понимании текстов. Однако для этого требуется специальное эпиграфическое исследование, отвечающее современным методическим требованиям, и прежде всего тщательная проверка чтения каждой надписи *in situ* или непосредственно в музеях и публикация надежных воспроизведений. Лишь уверенно читаемый и полный (не сегментированный) текст достаточного объема может дать внутренние критерии для убедительной проверки предложенной дешифровки.

А. Г. Лундин

⁴⁷ Van den Branden. *Nouvel Essai...*, p. 225.

⁴⁸ Albright. *The Proto-Sinaitic Inscriptions...*, p. 31. Он ошибался при этом лишь в чтении одного знака (сго h, знак № 11).

⁴⁹ Van den Branden. *Nouvel Essai...*, p. 174.

The Proto-Sinaitic (PS) script remains undeciphered. Despite the successful reading by A. Gardiner in 1916 of the word *b⁹tu* «lady», part at least of his conclusions are presumed to be erroneous. The decipherment proposed here is based on the hypothesis that the alphabetic character of PS is akin to the Ugaritic, Phoenician and South Semitic alphabets. The author identifies 17 signs (plus 4 or 5 hypothetical ones), which suggests that PS had a short alphabet, some 22—24 signs in all. Of the 17 letters most are pictographic. By comparing names of Semitic letters with PS drawings he was able to decipher 12 signs: ʔ, n, ʕ, r, k, s, d, p, b, l, m, t. Comparison of the remaining signs in respect to their shapes adds another 3, the total number coming to more than 3/4 of the alphabet. The identified signs show that the PS script is an offshoot of the Semitic consonantal alphabet and make it possible to determine the relationship of PS to other branches of Semitic. With the separation of South and North Semitic from one another PS always follows North Semitic (ʔ, h, p, r). With the separation of Ugaritic and Phoenician PS follows the Phoenician (number of letters, shape of the sign for *samk* «fish»). The PS script is an offshoot of the Phoenician alphabet, outwardly stylised on the Egyptian hieroglyphic model, as Ugaritic is an offshoot of the North Semitic alphabet, using the cuneiform type of writing. The beginnings of PS should be dated in the 13th or 12th century B. C. Once the close relationship of PS to Phoenician is established it is possible to interpret all the signs in the PS alphabet, including the hypothetical ones.

Е. Е. Кузьмина

О «ПРОЧТЕНИИ ТЕКСТА» ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

*Методика анализа памятников*¹

Во второй четверти I тыс. до н. э. ираноязычные народы, расселившиеся на просторах евразийских степей от Дуная до глубин Центральной Азии и известные грекам под собирательным именем скифов, а персам эпохи Ахеменидов под именем саков, создали своеобразное искусство звериного стиля².

Кроме эстетической нагрузки каждое произведение изобразительного творчества несет определенную смысловую нагрузку. Форма служит лишь средством выражения содержания, обусловленного мировоззрением общества³, к которому принадлежит и для которого работает художник.

Художественный стиль — это устойчивая, повторяющаяся совокупность изобразительных приемов (элементов) трактовки определенного круга образов на определенной территории и в определенную эпоху.

¹ Основные положения этого раздела были изложены в докладе «Проблема реконструкции идеологических представлений сако-скифов» на Всесоюзной конференции «Идеологические представления древних обществ» (Тезисы докладов). М., 1980, с. 75—79.

² Термин «сакский» употребляется в статье для противопоставления ираноязычного населения азиатских степей причерноморским скифам. Термин «иранский» используется мной для характеристики всех народов, говоривших на иранских языках, а не только населения Ирана.

³ *Arnheim R. Art and Visual Perception*. Berkeley, 1954, p. 47 f., 122 f.: «Художественное произведение есть суждение о сущности действительности» (p. 47).

Проблема формирования самостоятельного стиля в искусстве имеет три аспекта: технологический, стилистический и семантический. Отличительная черта стиля евразийских степей раннежелезного века — господство зооморфных образов, почему он и называется «звериным стилем». Однако говорить о нем как об особом стиле можно не потому, что в нем преобладают звериные образы (что известно и для других территорий в другие эпохи) ⁴, не потому, что изображено, а потому, как, какими художественными средствами выполнено изображение.

Для скифского звериного стиля характерна передача не чувственного, мгновенного впечатления, восприятия конкретного зверя, а понятия, идеи об определенном *виде* животного. Это понятие передается путем подчеркивания и утрировки некоторых наиболее характерных частей тела данного вида животного (для орла — это зоркий глаз, клюв, коготь, для хищника — пасть, когтистые лапы и поза готовности к нападению, для оленя — рога и поза летящего галопа и т. д.) ⁵.

Для передачи зооморфного образа скифы использовали определенный набор изобразительных элементов. Стилистический анализ показывает, что некоторые из них (например, трактовка бедра, лопатки) применялись независимо от изображаемого вида животного, т. е. являлись характерным стилистическим приемом скифского искусства.

Я. А. Шер назвал эти неизменяющиеся элементы инвариантными ⁶. По Я. А. Шеру, изображения животных разных видов составляли путем различной комбинации нескольких, образующих «стандартные блоки», изменяющихся и неизменных (инвариантных) элементов.

Е. В. Переводчикова ⁷ выявила иерархию изобразительных элементов скифского искусства, показав на примере келермесской секиры, что наряду с признаками, общими для всех изображений, существуют значимые признаки, общие для изображений только всех хищников (трактовка лап, пасти) или всех копытных (поза летящего галопа, трактовка шерсти, уха), наконец, признаки, специфичные для каждого вида.

Таким образом, для выделения стиля важна повторяемость не отдельного элемента (который может присутствовать в разных стилях, — например, «запятая» на крупе), а повторяемость сочетания элементов, стандартных блоков.

Скифский звериный стиль может быть охарактеризован как устойчивая совокупность ограниченного количества образующих стандартные блоки изобразительных элементов, использовавшихся для передачи важнейших частей тела ограниченного круга зооморфных и полиморфных образов, создававшихся в евразийских степях в VII — IV вв. до н. э.

Как сформировался этот стиль? У предков скифов, обитавших в евразийских степях, искусство было по преимуществу неизобразительным, аниконическим, в нем господствовал геометрический стиль ⁸. Поэтому

⁴ Это положение подчеркивал еще Э. Герцфельд, избегавший термина «звериный стиль» (*Herzfeld E. Iran in the Ancient East. L., 1942, p. 167 f.*).

⁵ Это концептуальный подход, при котором «цель художника — не буквальное воспроизведение объекта, а изображение универсального и легко узнаваемого символа путем подчеркивания самых существенных черт объектов, какими их знает разум, а не какими их видит глаз» (*Rowland R. Art in East and West. N. Y., 1954, p. 9; Arnheim. Op. cit., p. 130—132*). Ср. еще: «За целое (т. е. за сущность, качественную определенность предмета) принимается важнейшее» (*Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. — ТЭС. I. Тарту, 1964, с. 62*).

⁶ Шер Я. А. Алгоритмы распознавания стилистических типов в петроглифах (К теории стиля в первобытном искусстве). — В кн.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977, с. 136—138; *он же*. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980, с. 28—32.

⁷ Переводчикова Е. В. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля. — В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979, с. 150, табл.

⁸ В восточной части пояса степей еще в эпоху бронзы под влиянием южносреднеазиатских областей создавались изображения животных на петроглифах, в металле и, возможно, в дереве. Наиболее популярными персонажами были конь, горный баран, горный козел, двугорбый верблюд, лось, олень, птица (см. *Артамонов М. И. Сокро-*

скифское искусство формировалось в основном на чужеродной основе. Многие технологические приемы, элементы стилистической трактовки, зооморфные образы и даже целые композиции были заимствованы скифами из изобразительного творчества древнего Востока.

На первом этапе, который представлен в Зивие и Келермессе, адаптированные переднеазиатские элементы еще не подверглись полной переработке. В. Г. Луконин удачно назвал это «стилем цитат», — т. е. прямых заимствований в основном из мидийского, а также урартского и малоазиатского искусства⁹. Позднее заимствованные элементы были трансформированы и из них созданы устойчивые блоки, комбинируя которые по определенным выработанным законам, скифы создавали образы звериного стиля. Нет необходимости подробно останавливаться на вопросе о его формировании в Причерноморье, поскольку он исследован в работах Б. Б. Пиотровского, М. И. Артамонова, В. Г. Луконина и др.¹⁰ Иначе происходило сложение стиля изобразительного искусства народов Средней Азии, Казахстана и Сибири. Начиная с эпохи бронзы они поддерживали длительные и регулярные контакты с земледельческими народами юга Средней Азии и Афганистана, имевшими давние традиции изобразительного творчества, которые в последние годы стали известны благодаря исследованиям в Бактрии и Маргиане¹¹.

По-видимому, именно входившая в зону переднеазиатских цивилизаций Бактрия оказала решающее воздействие на сложение искусства степняков — саков¹². Об этом свидетельствуют некоторые технологические приемы, стилистические особенности, иконография образов и весь bestiарий, представленные в глиптике, короластике и торевтике Бактрии во II тыс. до н. э. — все это получает в дальнейшем продолжение и развитие в степях Средней Азии и Казахстана и обуславливает некоторые особенности сакского искусства по сравнению со скифским в пределах единого искусства звериного стиля Евразии.

Хотя на западе — в Причерноморье — этот стиль формировался на мидийско-урартской основе, а на востоке — в Средней Азии — на бактрийской, большинство заимствованных элементов оказалось весьма сходно. Это произошло, во-первых, потому, что они восходили к единому переднеазиатскому истоку, во-вторых, потому, что постоянные контакты евразийских кочевников в открытой степи способствовали установлению общности стиля, его унификации, а главное же, потому, что заимствования отнюдь не были механическими. Единство этого стиля на огромном пространстве Евразии обусловлено единством идеологических представ-

вища саков. М., 1973, с. 86—90; Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 47—48; Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афраснаба. М., 1977, с. 117—119; Кузьмина Е. Е., Винник Д. Ф. Второй каракольский клад. — КСИА, вып. 167, 1981).

⁹ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана (Основные этапы). — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 107.

¹⁰ Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток. — СА, 1954, XIX; он же. Ванское царство. М., 1959; Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифского искусства. — СГЭ, 1962, XXII; он же. К вопросу о происхождении скифского искусства. — In: Omagiul lui George Oprescu... a 80 de ani. București, 1962; Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.

¹¹ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977; Amiet P. Antiquités de Bactriane. — La revue du Louvre et des Musées de France, 1978, XXVIII.

¹² Кузьмина. В стране Кавата и Афраснаба, с. 39, 41, 117—119; она же. Древнеиранские и переднеазиатские элементы в искусстве ираноязычных народов первой половины I тыс. до н. э. — ИАИ, с. 42—45. Определяющая роль бактрийского влияния в центральноазиатских степях доказывается тем, что весь bestiарий сакского звериного стиля — это фауна Бактрии: бактрийский благородный олень, верблюд — бактриан, конь ахалтекинской породы, горный козел, горный баран, снежный барс, тигр, волк. Из Бактрии мог быть заимствован и образ льва, известный в древнебактрийском искусстве. Находки в древнейших сакских памятниках Аржане, Уйгараке и Тагискене импортных тканей, бус, изделий с лазуритовой и бирюзовой инкрустацией, южносреднеазиатской гончарной посуды свидетельствуют о контактах с южносреднеазиатскими областями.

лений, для выражения которых он был создан ираноязычными кочевниками.

Из всего разнообразия переднеазиатской иконографии ираноязычные народы отобрали то и только то, что могло быть использовано для выражения их собственного мировоззрения. Заимствованные образы и композиции подвергались реинтерпретации в духе скифских идей¹³.

По Г. К. Вагнеру, перенося в свое искусство изображение грифона, льва и т. д., скифы усваивали вовсе не мифологическое их содержание, а символическое. Многогранность символа способствовала избирательному акцентированию, генерализации. «При генерализации избирается, усваивается не все содержание старого образа, а наиболее актуальное его свойство, грань, сторона. Поэтому семантика не может оставаться неприкосновенной»¹⁴. Таким образом, если изобразительная сторона скифского стиля формировалась под переднеазиатским воздействием, на содержательном уровне это стиль иранский.

Искусство ираноязычных народов первой половины I тыс. до н. э. было закономерным выражением их идеологических представлений и концепций, особой знаковой системой, в которой описание мира давалось не вербально-логическими конструкциями, а при помощи символических образов, часто териоморфных. Эта знаковая система была хорошо понятна бесписьменным ираноязычным народам.

Если толковать каждое произведение скифского изобразительного искусства в семиотическом смысле как текст особой знаковой системы, то каким ключом может быть дешифрован этот текст современным исследователем? По каким принципам должна реконструироваться идеологическая система скифов, запечатленная их искусством?

До недавнего времени в интерпретации скифского изобразительного творчества господствовали две концепции — тотемическая¹⁵ и магическая¹⁶, иногда переплетавшиеся в представлениях одного исследователя. Эти концепции в трактовке древнего, в том числе и скифского, искусства сложились в археологии в первой четверти XX в. под влиянием трудов этнографов, прежде всего Д. Фрезера, систематизировавшего этнографические материалы о роли тотемизма и магии в мировоззрении примитивных народов.

Сторонники тотемической и магической концепций характеризовали скифов как народ крайне примитивный и дикий; сцены с изображением скифов на произведениях боспорских торевтов традиционно толковались как картинки скифского быта, некие этнографические зарисовки эллинов, а в сценах терзания видели отражение хищности и жестокости варваров.

¹³ *Пиотровский*. Скифы и древний Восток; *Артамонов*. К вопросу о происхождении...; *Луконин*. Искусство древнего Ирана.

¹⁴ *Вагнер Г. К.* Судьбы образов звериного стиля в древнерусском искусстве.— ССЗС, с. 250—252.

¹⁵ *Гольмстен В. В.* Из области культуры древней Сибири.— В кн.: Из истории докапиталистических формаций. М.— Л., 1933, с. 114 сл.; *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М., 1965, с. 56, 136 сл.; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 129; *Грач А. Д.* Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этно-культурных зон азиатских степей.— III КССА, с. 30; *Alföldi A.* Die Theriomorphe Weltbetrachtung in den hochasiatischen Kulturen.— AA, 1931.

¹⁶ *Schefold K.* Der Skythische Tierstil in Südrussland.— ESA, 1938, XII, S. 64; *Andersson J.* Hunting Magic in the Animal Style.— BMFEA, 1934, IV; *Carter D.* The Symbol of the Beast, The Animal Style Art of Eurasia. N. Y., 1957; *Яценко И. В.* Искусство скифских племен Северного Причерноморья.— В кн.: История искусства народов СССР. Т. I. М., 1971, с. 118; *Федоров-Давыдов Г. А.* О сценах терзания и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства.— УСА, вып. 3, Л., 1975, с. 23—28; *он же*. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, с. 190; *Хазанов А. М.* Золото скифов. М., 1975, с. 82—83; *Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства.— III КССА, с. 53; *они же*. Социальные и религиозные основы скифского искусства.— ССЗС, М., 1976, с. 45.

Сторонники тотемической концепции трактовали присущие скифскому искусству зооморфные образы как изображения родовых тотемов, а популярны сцены борьбы зверей — как изображение битвы двух родов или фратрий в виде борьбы тотемов. Последователи же магической концепции видели в образах животных магические талисманы, призванные защитить владельца и наделить его качествами изображенных зверей. И те, и другие подкрепляли свои интерпретации произвольно и бессистемно выбранными примерами из этнографии то сибирских и центральноазиатских народов, то аборигенов Австралии или Океании. В настоящее время оба эти подхода следует признать методически неверными и не соответствующими современному уровню науки. Во-первых, скифы стояли на гораздо более высокой ступени развития, чем первобытные и современные примитивные народы. У них была развита мифологическая система и четко оформленный пантеон, о чем свидетельствуют Геродот и другие античные авторы. Во-вторых, благодаря успехам в изучении истории человеческого интеллекта, достигнутым представителями различных научных дисциплин (физиологии высшей нервной деятельности, семиотики, лингвистики, палеоэтнологии), современными исследователями принципиально иначе, чем прежде, оценивается роль тотемизма и магии.

К. Леви-Строссом установлено, что тотемизм есть явление гораздо более сложное, чем представлялось ранее: он выступает как классификационная система, базирующаяся на бинарных оппозициях: природа — культура, сырое — вареное, чужой — свой и т. д., формирующих отношение коллектива к окружающему миру и социуму¹⁷, причем предпосылкой этих бинарных оппозиций при восприятии является сама структура человеческого мозга¹⁸, разделенного на правое и левое полушария, имеющие разные функции. Психофизиологическое объяснение найдено и для таких явлений, как ассоциативное мышление, диссоциация образа (часть вместо целого), метафора, гипербола, характеризующих психологию творчества не только первобытных художников, но и современных¹⁹.

Углубленный анализ палеолитического искусства позволил А. Леруа-Гурану и его последователям показать, что уже в первобытном анимализме доминантой является не магический аспект, как считали раньше, а аспект плодородный, основанный на глубоких познаниях биологии промысловых животных и восприятии человеческого коллектива как части экологической системы, жизнь которой подчинена биологическим ритмам²⁰.

Коль скоро коренным образом пересмотрены роль тотемизма и магии в первобытном обществе и палеолитическом искусстве, основанные на устаревших представлениях тотемическая и магическая концепции в применении к гораздо более развитому скифскому искусству тем более должны быть оставлены²¹.

Наряду с господствующими тотемической и магической концепциями в скифологии существовало и третье направление интерпретации скифского искусства — мифологическое. Однако его методологические установки не были выработаны. При реконструкции семантики образов изо-

¹⁷ Lévi-Strauss C. Le totémisme aujourd'hui. P., 1962.

¹⁸ Иванов В. В. Чет и нечет. М., 1978; Гарднер У. Этот правый, левый мир. М., 1966; Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природа симметрии. М., 1974.

¹⁹ Выгодский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960; он же. Психология искусства. М., 1968.

²⁰ Leroi-Gourhan A. Les religions de la préhistoire. P., 1964; Фролов Б. А. Мотивы первобытного анималистического творчества.— В кн.: Звери в камне. Новосибирск, 1980.

²¹ По представлениям К. Леви-Стросса, тотемизм есть одна из ранних ступеней мифологического моделирования мира. Такое толкование дает возможность нового подхода к изучению зооморфных образов скифского искусства, на что недавно обратил внимание Д. С. Раевский в рецензии на книгу: Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.— НАА, 1981, № 6.

бразительного творчества скифов исследователи использовали мифологические представления различных народов. Л. Дьюла предпринял попытку расшифровать несколько скифских композиций на основании финно-угорской мифологии и образов традиционного искусства сибирских угров²². М. П. Грязнов увидел в сценах борьбы на сибирских бляхах отражение сюжетов героического эпоса тюрков²³. Тем же путем пошла Э. Фаркаш, пытаясь объяснить некоторые сюжеты скифского искусства на основании верований примитивных сибирских народов²⁴. Однако эти истолкования не могут быть приняты, поскольку, во-первых, в свете современной этнопсихологии механический перенос идеологии одного этноса на другой не правомерен, во-вторых, народы Урала и Сибири в XVIII — XIX вв. по уровню социально-экономического развития и мировоззрения находились на иной ступени развития, чем скифы VI — IV вв. до н. э.²⁵

Гораздо более перспективным оказался подход к реконструкции скифской идеологии, предложенный еще М. И. Ростовцевым. По М. И. Ростовцеву, основывавшемуся на античных письменных источниках и археологических данных, общество скифов достигло уровня государственности, а их мировоззрение было религиозным²⁶.

Мифологическая концепция была развита некоторыми советскими исследователями. М. И. Артамонов вскрыл за антропоморфными изображениями сюжеты скифской мифологии, реконструируемой по греческим источникам²⁷. Б. Н. Граков, подчеркивая высокий уровень идеологических представлений скифов, говорил о сложении государственности в царстве Атея и увидел в популярной сцене борьбы героя со львом образ родоначальника скифов Геракла-Таргитая²⁸.

Предвосхищения Б. Н. Гракова в последние годы получили серьезное обоснование в работах Д. С. Раевского. Исходя из данных Геродота и других античных авторов о религии скифов, он предложил ряд интересных интерпретаций так называемых жанровых сцен скифского быта как иллюстраций скифских мифов²⁹.

²² *Dyula L.* L'art de nomades. Budapest, 1972.

²³ *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири.— АСГЭ, Л., 1961.

²⁴ *Farkas A.* Interpreting Scythian Art, East and West.— *Artibus Asiae*, 1977, t. XXXIX, 2. Критический разбор статьи см.: *Раевский Д. С.* Об интерпретации памятников скифского искусства.— НАА, 1979, № 1.

²⁵ Народы лесной полосы Сибири испытали прогрессивное воздействие более развитой скифской культуры, что нашло яркое отражение в их идеологии. У ираноязычных народов были заимствованы главные ритуалы, основные мифологические персонажи: боги Мир-Сусне-Хум (= Митра), Хуршет (Сияющее солнце), богиня с двумя белыми конями, волшебный олень Шарабха, шаманские камлания (*Герценберг Л. Г.* Шаманизм у иранцев и угрофиннов.— В кн.: *Финноугорские народы и Восток.* Тарту, 1975; *Топоров В. Н.* К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии.— Там же; *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1974; *Yoki A.* Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973). Это позволяет использовать при реконструкции скифской модели и финноугорский материал, но с крайней осторожностью и в той мере, в какой это допускают лингвистические обоснования.

²⁶ *Ростовцев М. И.* Эллинизма и иранство на юге России. Пг., 1918. Следует отметить, что М. И. Ростовцев модернизировал скифское общество, видя в нем черты феодализма, и переоценивал близость скифской религии к иранскому зороастризму.

²⁷ *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов.— АСГЭ, Л., 1961. Однако М. И. Артамонов полагал, что скифская религия была очень примитивна, пантеон аморфен, а функции божеств не дифференцированы, что не подтверждается новейшими исследованиями.

²⁸ *Граков Б. Н.* Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, вып. XXXIV. (На одной из композиций, видимо, изображен Аполлон, отождествлявшийся с Гойтосипром. См. *Онайко Н. А.* Аполлон Гиперборейский.— ИКАМ, с. 153—159.)

²⁹ *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеология царства Атея.— СА, 1970, № 3; *он же.* О семантике одного из образов скифского искусства.— В кн.: *Новое в археологии.* М., 1972; *он же.* Очерки идеологии скифосакских племен. М., 1977; в разделе «Об интерпретации памятников» (с. 75—76) Д. С. Раевский ответил на некоторые возражения Ж. Дюмезиля (*Dumézil G.* *Romans de Scythie et d'alentour.* P., 1978, p. 198—199) против его толкований. Реинтерпрета-

Такой подход к реконструкции идеологии скифов и ее отражения в изобразительном искусстве представляется методически правильным и весьма плодотворным. Однако крайняя скудость и отрывочность античных данных о религии скифов ограничивают возможности этого метода и побуждают искать другой материал для сопоставления. Некоторые исследователи, начиная с М. И. Ростовцева, спорадически приводили иранские параллели отдельным образам и сюжетам скифского искусства³⁰. Важной вехой в развитии скифологии явился переход от случайных иранских аналогий к системному анализу скифской духовной культуры как части индоиранской.

Начало этому направлению положила работа Э. А. Грантовского³¹, рассмотревшего вслед за Ж. Дюмезилем социальную структуру скифского общества на широком сравнительно-историческом индоиранском фоне.

В 1972 г. мной было предложено интерпретировать образы скифского искусства на основании скифской идеологии, которая рассматривалась как часть индоиранской³².

В работе Г. М. Бонгарда-Левина и Э. А. Грантовского³³ развивались идеи о родстве скифов и индоиранцев, анализировались индийские предания о северной прародине, сопоставлялись данные о шаманизме и использовании экстатических напитков, подробно рассматривался вопрос о влиянии индоиранцев на сложение мифологии финно-угорских народов и — что особенно важно для нашей темы — были предложены интересные толкования некоторых образов скифского искусства: грифона, птицы, оленя, сцены инвеституры и др.

Встреченные вначале скептически³⁴, эти идеи сейчас нашли развитие в работах советских исследователей, прежде всего Д. С. Раевского, а также А. К. Акишева, Б. Н. Мозолевого, С. С. Бессоновой и др.³⁵

Идея греческих сюжетов скифами рассматривается в работах: Раевский Д. С. «Скифское» и «греческое» в сюжетных изображениях на скифских древностях. — ААТ, с. 63—70; *он же*. Эллинские бсги в Скифии? — ВДИ, 1980, № 1.

³⁰ Ростовцев М. И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. — ИАК, вып. 49, СПб., 1913, с. 37—63; Раевский Д. С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. — В кн.: Искусство и археология Ирана. М., 1971, с. 268—280; Кузьмина Е. Е. Цилиндрическая печать из Мерва со сценой единоборства. — ИИГК, с. 184—189; *она же*. Навершие со всадниками из Дагестана. — СА, 1973, № 2, с. 187—189; Блаватский В. Д. Сцена инвеституры на Карагодеуашском ритоне. — СА, 1974, № 1.

³¹ Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов. — В кн.: XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.

³² Кузьмина Е. Е. О синкретизме образов скифского искусства в связи с особенностями религиозных представлений иранцев. — III КССА, с. 51—52; *она же*. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. — ССЗС, с. 52—65; *она же*. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе. — СА, 1976, № 3; *она же*. Рец.: Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи по материалам Уйгарака. М., 1973. — СА, 1975, № 2; *она же*. В стране Кавата и Афрасиаба; *она же*. Конь в религии и искусстве саков и скифов. — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 96—119; *она же*. Древнеиранские и переднеазиатские элементы в искусстве ираноязычных народов первой половины I тыс. до н. э. — В кн.: Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. М., 1979, с. 42—45; *она же*. Сцена терзания в искусстве саков. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 78—83; *она же*. Проблема реконструкции... с. 75—79.

³³ Бонгард-Левин, Грантовский. От Скифии до Индии.

³⁴ Хазанов, Шкурко. Социальные и религиозные основы..., с. 43; Farkas. Op. cit., p. 124.

³⁵ Раевский. Очерки идеологии..., с. 14—17 и др.; *он же*. Из области скифской космологии. — ВДИ, 1978, № 3; *он же*. Об интерпретации...; Акишев А. К. Идеология саков Семиречья. — КСИА, вып. 154, 1978; *он же*. Искусство и идеология саков Семиречья. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 1980; Мозольский Б. М. Синтез скифо-античной думки. — Всесвіт, 1978, № 2; *он же*. Товста могила. Київ, 1979, с. 214—226; Бессонова С. С. Религиозные представления населения степной Скифии. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. Киев, 1979; *она же*. Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я. — Археологія, 1977, № 23; *она же*. Золотой налобник из Волковоцкого кургана. — В кн.: Новые открытия советских археологов (Тезисы). Ч. II. Киев, 1975, с. 14—15.

На чем основана правомерность привлечения индоиранских аналогий при изучении идеологии и искусства скифов?

Лингвистами установлено, что диалекты скифского (сакского) языка принадлежат к индоиранской семье индоевропейских языков. Скифы являются предками современных осетин, родственниками ираноязычных народов Средней Азии и потомками древних индоиранцев.

По письменным переднеазиатским источникам известно, что группа индоиранцев, в середине II тыс. до н. э. пришедших в Митанни, поклонялась Индре, Митре, Варуне и близнецам Насатъя (и, может быть, Сурье и Агни) — божествам, засвидетельствованным в Ригведе и частично в Авесте³⁶. Следовательно, развитая мифологическая система и пантеон божеств сложились у индоиранцев еще на прародине до распада индоиранской общности и расселения на удаленных территориях. А значит, все индоиранские народы — в том числе и скифы — должны были унаследовать общие индоиранские представления. Этот вывод, принципиально важный для исследования духовной культуры скифов, надежно подтверждается разными группами источников.

1. Еще в XIX в. было бесспорно установлено генетическое родство древнейшего пласта религиозных представлений, отраженных в Авесте иранцев и Ригведе индийцев. Последующие работы позволили уточнить и конкретизировать эти заключения³⁷.

2. У дардов и кафиров — группы индоиранцев, рано оторвавшейся от основного массива племен и расселившейся на северо-западе Индостана еще до прихода в Индию индоариев, сохранились очень архаичные черты в языке, трехчленная индоиранская структура общества, почитание предков, культ индоиранских доведийских божеств, иногда имеющих зооморфный облик, — Ямы, Индры, Гавешы («собираателя коров»), богини молока и плодородия Дхишаны, практика жертвоприношений, восходящих к индоиранской древности, и камлания использующих можжевеловый шаманов, больше всего напоминающие действия скифских жрецов³⁸.

3. В языке и этнографии ираноязычных народов Средней Азии выявлены пережитки древних индоиранских представлений и ритуалов³⁹.

4. В реконструируемом иранском эпосе, создание которого большинством исследователей приписывается восточноиранским (в том числе — степным) народам, выявлены сюжеты, роднящие его с древнеиндийским и скифским эпосом, что позволяет считать эти сюжеты общим индоиранским наследием⁴⁰.

5. Наконец, первостепенное значение имеют исследования языка и фольклора потомков скифов — осетин, начатые В. Ф. Миллером и продолженные В. И. Абаевым и Ж. Дюмезилем⁴¹.

³⁶ Konow S. The Aryan Gods of the Mitanni People. Oslo, 1924; Thieme P. The Aryan Gods of the Mitanni Treaties.— JAOS, 1960, v. 60; Mayrhofer M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966; idem. Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? Wien, 1974.

³⁷ Oldenberg H. Die Religion des Veda. B., 1894; Benveniste E., Renou L. Vṛtra et Vṛṣagna. P., 1934; Thieme P. Mitra and Aryaman. New Haven, 1957.

³⁸ Fussman G. Pour une problématique nouvelle des religions indiennes anciennes.— JA, 1977, p. 21—70; Jettmar K. Die Religionen des Hindukusch. Stuttgart, 1975.

³⁹ Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956; Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарс. Душанбе, 1968; Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969; Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

⁴⁰ Бартольд В. В. К истории персидского эпоса.— ЗВОРАО, 1915, т. XXII, вып. 3—4; Wikander S. Sur le fond commun indo-iranien des épopées de la Perse et de l'Inde.— La nouvelle Clio, 1950, № 7; Лелеков Л. А. Ранние формы иранского эпоса.— НАА, 1979, № 3; Болдырев А. Н. Отражение древних культурных традиций в классической литературе Ирана.— ИИГК; Воусе М. Zariadres and Zarer.— BSOAS, 1955, v. XVII, № 3.

⁴¹ Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. I. М., 1884; он же. Черты старины в сказаниях и быте осетин.— ЖМНП, 1882, т. ССХХII; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949; он же. Дохристианская религия алан.— XXV Международ-

В результате этих исследований надежно установлено, что целый ряд ритуалов и мифологических представлений осетин продолжает скифскую традицию (погребальный обряд, ритуал посвящения коня, культ очага, жертвоприношения), вместе с тем в мировоззрении осетин, отраженном в «Нартовских сказаниях» и других фольклорных текстах, отчетливо выявляются очень архаичные индоиранские верования и мифологические персонажи: таковы представления о загробном мире и пути туда умершего, фантастические перевоплощения героев в зверей и стихии, волшебный конь, колесо, чаша героев. Анализ семантики имен позволяет восстановить персонажи древнего пантеона и целые мифы: осетинский герой Батраз — это индоиранский бог победы Индра Вртраган/Веретрагна — скифский Арес; прекрасная Ацдырухс — «божественный свет» — это индийская дочь солнца Тапати — скифская богиня очага Табити; три рода нартов — Алагата, Ахсартагата и Бората — это три социальные группы: жрецы, воины и общинники, соответствующие трем скифским родам, воспроизводящим трехфункциональную модель скифского общества.

Следовательно, этнография и фольклор осетин являются важным источником для реконструкции скифской мифологии и выяснения ее генетических связей с индоиранской мифологической системой.

Таким образом, сопоставление различных групп источников позволяет считать твердо обоснованной правомерность привлечения индоиранских данных для реконструкции идеологических представлений ираноязычного населения евразийских степей VI—IV вв. до н. э. Разумеется, речь идет только о том, чтобы считать доказанным, что скифы находились на стадии мифологического мышления, что их картина мира, представления о времени и пространстве, природе и социуме были родственны древнеиндоиранским, что уровень развития их интеллекта был близок уровню создателей Ригведы и древнейших Яштов Авесты. Что же касается конкретных мифологических сюжетов, то на протяжении многовековой истории индоиранских народов, разошедшихся на сотни километров, каждый сюжет и образ, естественно, претерпел существенную трансформацию, и мы не вправе ожидать в сохранившихся иранских, индийских, осетинских, памирских памятниках прямой передачи скифских сюжетов; конкретная реконструкция последних в каждом случае требует тщательнейшей проверки и сопоставления разнородных источников. Значение же индоиранских материалов при изучении скифской мифологии состоит в том, что они позволяют воссоздать общую систему мифологического мировоззрения, доставшуюся скифам в наследство от индоиранских предков.

Следующий уровень исследования скифской мифологии составляет поиск индоевропейских параллелей. Лингвистами и религиоведами установлено, что в мифологии и фольклоре индоевропейцев есть ряд общих образов и представлений, специфичных только для этой группы народов. Среди них особое место принадлежит конным и колесничным мифам: солярные и небесные божества индоевропейского пантеона предстают на колеснице, запряженной конями, герои общемирового мифа — два близнеца — в индоевропейских традициях ассоциируются с двумя конями и т. д. В реконструкции общеиндоевропейских сюжетов особая заслуга принадлежит Ж. Дюмезилю, Вяч. Вс. Иванову и В. Н. Топорову ⁴².

ный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; *он же*. Культ семи богов у скифов. — В кн.: Древний мир. М., 1962; *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1971; *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976; *Dumézil. Romans de Scythie et d'alentour.*

⁴² *Иванов В. В.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. — ТЗС, 1969, IV; *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; *он же*. Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Ivanov V. V., Toporov, V. N.* Le mythe indo-européen du dieu de l'orage poursuivant le serpent. — In: *Mélanges offerts à C. Lévi-Strauss.* V. 2. P., 1970; *Dumézil G.* Jupiter, Mars, Quirinus. I—IV. P., 1941—1966; *idem.* Mitra-Varuna. P., 1946; *idem.* L'idéologie tripartite des Indo-

Благодаря их исследованиям появилась возможность уверенно говорить о том, что в мифологии скифов, принадлежавших к индоевропейской семье народов, должны были существовать некоторые сюжеты и персонажи, о которых источники, касающиеся непосредственно скифов, молчат, но которые представлены во всех других индоевропейских традициях, т. е., значит, восходят к поре индоевропейского единства, а следовательно, мы вправе предполагать наличие их в мифологии скифов. Выявление общеиндоевропейских мифологем — это еще один важный источник изучения духовной культуры скифов.

Наконец, следующий путь реконструкции скифской идеологии — это обращение к общим исследованиям мифологии и фольклора. В этой области за последние десятилетия получены замечательные результаты, связанные с успешным использованием К. Леви-Строссом⁴³ в этнологии метода структурного анализа, разработанного Р. Якобсоном применительно к языку.

В России имеется своя давняя традиция изучения сказки и мифа, восходящая к А. Н. Веселовскому, успешно продолженная В. Я. Проппом и О. М. Фрейденберг и развиваемая в новейших исследованиях Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Е. М. Мелетинского и др.⁴⁴ В их работах установлено, что для мифологического мышления характерна целостная картина мира. Мифология — это упорядоченная система представлений о природе и обществе. По О. М. Фрейденберг, «миф — жанр, а непосредственная форма познавательного процесса»; «мифологические образы представляют собой форму, в которой выражаются восприятия окружающего, форму, исторически предшествующую понятийному сознанию»⁴⁵.

По Е. М. Мелетинскому, «глобальное концептирование» осуществляется при помощи «мифологических классификаций, имеющих познавательное значение»; «мифология скрепляет еще слабо дифференцированное синкретическое единство бессознательно-поэтического творчества, первобытной религии и зачаточных донаучных представлений об окружающем мире»⁴⁶.

Поэтому понятие «мифология» не должно противопоставляться другим формам общественного сознания. Непонимание целостности мифологического моделирования приводит к принципиальным ошибкам в оценке скифской идеологии⁴⁷.

Для мифологической стадии мышления характерны синкретизм, конкретно-образное, а не абстрактно-логическое восприятие, отсутствие причинно-следственного ряда, большая роль бинарных оппозиций, циклическое представление о времени и антропоцентрическое представление о пространстве: человек, его социум и культура находятся в центре мироздания, ограниченного четырьмя сторонами света и имеющего три (или семь и т. д.)

Européens. Bruxelles, 1958; *idem*. La religion romaine archaïque. P., 1966; *idem*. Mythe et épopée. I — III. P., 1968—1973; Некоторые положения теории Ж. Дюмезиля оспариваются исследователями.

⁴³ *Lévi-Strauss*. Le totémisme aujourd'hui; *idem*. Mythologiques. I—IV. P., 1964—1971. Критический анализ см. Мелетинский Е. М. Клод Леви-Стросс и структурная типология мифа. — ВФ, 1970, № 7, с. 165—173.

⁴⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; *он же*. Морфология сказки. М., 1969; *он же*. Фольклор и действительность. М., 1976; Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936; *она же*. Миф и литература древности. М., 1978; Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». — ТЗС, V, 1971; *он же*. К реконструкции мифа о мировом яйце. — ТЗС, III, 1967; Иванов, Топоров. Славянские... системы; *они же*. Исследования...; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.

⁴⁵ Фрейденберг. Миф и литература..., с. 24, 28, 29, 43.

⁴⁶ Мелетинский. Поэтика..., с. 163.

⁴⁷ Хазанов, Шкурко. Социальные и религиозные основы..., с. 40—50; *они же*. Семантика скифского искусства и проблема ее интерпретации. — ИАИ, с. 83—84; *они же*. Рец.: Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. — СА, 1979, № 3, с. 311—319. Критику точки зрения А. М. Хазанова см. Раевский Д. С. К проблеме системности скифской мифологии. — В кн.: Античная балканистика, III. Тезисы докладов. М., 1980, с. 49—51.

сферы по вертикали. Эта модель вселенной находит отражение в универсальном образе мирового дерева и в основном мифе о борьбе героя со змеем.

Таким образом, идеологические представления ираноязычных кочевников евразийских степей могут реконструироваться на нескольких уровнях⁴⁸: I — универсально-мифологическом; II — индоевропейском, поскольку скифы принадлежали к индоевропейской семье народов и должны были унаследовать общие индоевропейские представления; III — индоиранском, поскольку скифы входили в индоиранскую общность и должны были сохранить важнейшие особенности индоиранской мифологии; IV — собственно скифском, поскольку скифы длительное время развивались самостоятельно, в ином окружении и в иной хозяйственно-географической среде, чем другие индоиранцы.

Эти уровни могут (и должны) последовательно применяться при дешифровке каждого произведения скифского искусства и всего скифского изобразительного творчества, рассматриваемого как особая знаковая система.

Привлечение данных индоевропейского и индоиранского уровней представляет очень большие трудности; хотя несомненно, что скифы, будучи индоевропейцами и индоиранцами, должны были унаследовать некоторые идеологические представления, присущие их предкам, они длительное время развивались самостоятельно и могли утратить или существенно трансформировать часть этого общего наследия. Как отмечает Д. С. Раевский, «трудность состоит в разграничении особенного и единичного, т. е. в определении того, какие именно особенности мифологии иранского (или индоиранского) народа можно предполагать и у других народов этой группы, а какие являются ее сугубо индивидуальным (единичным) признаком»⁴⁹. Поэтому «перенос на скифский материал данных о мировоззрении других индоиранцев справедлив лишь при реконструкции основных религиозно-космологических концепций и особенностей мышления», анализ же каждого конкретного сюжета и образа требует большой осторожности и строгого отбора и взаимопроверки привлекаемых аналогий⁵⁰. Только в том случае, если какая-то скифская композиция имеет широкий круг соответствий в искусстве других индоевропейских народов, причем повсеместно она интерпретируется одинаково, мы вправе ожидать, что она так же воспринималась и скифами. Только если трактовка какого-то образа, реконструируемого на индоиранском уровне, подтверждается данными осетинского или таджикского фольклора, мы вправе утверждать, что этот образ в соответствующем значении бытовал у скифов.

При этом в каждом конкретном случае необходимо отмечать, до какого уровня мог быть доведен семантический анализ, чтобы при реконструкции отделить от общих представлений специфически скифские⁵¹.

⁴⁸ Уровни, названные мной «общечеловеческим», «индоевропейским», «индоиранским» и «собственно скифским» (см. Кузьмина. Скифское искусство..., с. 52—53; она же. Проблема реконструкции..., с. 76—79), Д. С. Раевский, оперируя общеполитическими категориями, характеризует как «всеобщее», «особенное» (индоиранское) и «единичное» (скифское) и подчеркивает, что «соединение этих методов должно дать наиболее полное объяснение содержания скифского искусства» (Об интерпретации..., с. 72—73). Поскольку в работах А. К. Акишева, Б. Н. Мозолева, С. А. Бессоновой уже утвердилось понятие индоиранского уровня и поскольку мне важно подчеркнуть, какие именно конкретные уровни, входящие в понятие «особенное» (индоевропейский, индоиранский, восточноиранский и т. д.), используются в каждом конкретном случае при интерпретации памятников скифского искусства, мне кажется целесообразным сохранить эту прикладную классификацию, отметив, что она не противоречит классификации Д. С. Раевского, а конкретизирует ее.

⁴⁹ Раевский. Об интерпретации..., с. 73.

⁵⁰ Кузьмина. Скифское искусство..., с. 62.

⁵¹ А. К. Акишев в очень интересном исследовании (Идеология саков Семиречья, с. 39—47) реконструирует систему только на индоиранском уровне; выделить специфически сакское автору пока не удается.

APPROACHES TO THE INTERPRETATION
OF SCYTHIAN REPRESENTATIONAL ART

Ye. Ye. Kuz'mina

The 6th to 4th centuries B. C. saw the development in the Eurasian steppes of the so-called animal style, whose principal feature is the predominance of zoomorphic figures. The Scythians took some iconographical elements and whole compositions from Ancient Oriental representational art, but this was no mechanical transfer. Near Eastern elements were modified by Scythian concepts. In Scythian hands the animal style reflected Scythian views of the world and can be regarded as a specifically Scythian sign-system. The author's approach to the interpretation of the signs is based on her recognition that at this time the Scythians were at the mythological stage of thought and had a developed pantheon.

Reconstruction of Scythian mythology is possible at several levels by means of various methodological approaches. *First*, by analysis of material directly bearing on the problem, the accounts of Scythian religion in the ancient Greek literary sources, a method which has been well developed, for example, by M. I. Rostovtzeff, M. I. Artamonov, B. N. Grakov, D. B. Shelov. Methodologically this approach is sound, but its potential is limited by the sparseness of Greek testimony. *Second*, by approaching Scythian culture as a part of Indo-Iranian culture, a method proposed by E. A. Grantovsky (1960) for studying the structure of Scythian society and, by the present author (1972), G. M. Bongard-Levin and E. A. Grantovsky (1974), for studying the semantics of Scythian art. *Third*, reconstruction of the Scythians' ideology by adducing the evidence on Indo-European mythology collected by J. Dumézil, V. V. Ivanov and V. N. Toporov. The I. E. analogy is justified by the fact that the Scythians belonged to the I. E.-speaking group. The *fourth* approach to reconstruction of Scythian ideology is based on study of mythological material and ideas common to all mankind at the mythopoetic stage. This material has been studied by, among others Cl. Lévi-Strauss, Ye. M. Meletinsky, V. N. Toporov and V. V. Ivanov. The last two methods have been discussed by the present author (1972, 1976) and D. S. Rayevsky (1979) and have been successfully applied by a number of Soviet scholars.

О ВОЗМОЖНОМ ПЕРСИДСКОМ ИСТОЧНИКЕ
ФУКИДИДОВА ОПИСАНИЯ ПЕРВОГО ПОХОДА
АФИНЯН В ЕГИПЕТ*

Сознательно ограниченная тема и величайшая внутренняя сосредоточенность труда Фукидида предопределили скромность места, занимаемого в нем известиями о восточных, в частности, странах, которые и упоминаются лишь постольку, поскольку они участвовали в событиях эллинской истории. Между тем Фукидид не мог быть несведущ в восточных делах. Точное знание обстановки в мире — неперемнное условие успеха практического политика, и человек, для которого составление истории было, пожалуй, лишь своего рода заменой недоступной более военной и политической деятельности, не мог относиться к событиям на Востоке с дилетантским пренебрежением. К тому же кругозор аристократа-полуфракийца, несомненно чуждого многим чисто эллинским предрассудкам, не был, конечно, ограничен родными Афинами.

* Пользуемся случаем выразить глубокую признательность А. И. Зайцеву, который любезно ознакомился с рукописью настоящей заметки и сделал ценные замечания, и А. Л. Вассоевичу, благодаря помощи которого мы смогли привлечь восточный материал.

Мы можем предполагать, что свидетельствами достаточно обширной осведомленности Фукидида являются — при всей их внешней незначительности — и упоминания о Египте в его труде. Большая их часть падает на рассказ о походе афинян на помощь восставшему против персов Египту (462/1—454/3 годы, по К. Белоху ¹), ценный в первую очередь тем, что он дает для восстановления картины событий в Египте в одну из темных эпох его истории. Этот рассказ может восходить к следующим источникам.

1. *Афинская устная традиция* ². Возвести непосредственно к ней какие-либо места в чрезвычайно сжатом изложении Фукидида невозможно.

2. *Документы*. Знакомства с ними Фукидид не обнаруживает, хотя вовсе не знает их не мог. Он не только не приводит ни общепринятого ³, ни собственного объяснения цели и причин похода, но и умалчивает, в сущности, о самом ощутимом для государства последствии его — потере целого войска и множества кораблей ⁴. Доводы *ex silentio* — последнее прибежище филолога, но в данном случае легко представить себе, что умолчание о размерах и частностях афинского вмешательства могло быть вызвано использованием источника, противоречившего официальным, не зависимо от них и не менее, чем они, надежного в глазах Фукидида.

3. *Сообщения Зоппра* — бежавшего в Афины внука знаменитого Зоппра, взявшего некогда Вавилон для царя Дария ⁵. Афинский Зоппр был сыном Мегавиза, разбившего афинян в Египте ⁶, и, возможно, сам участвовал в египетском походе своего отца ⁷.

¹ *Beloch K.-J. Griechische Geschichte. 2. Aufl., 2. B., I. Abt. B.—Lpz, 1927, S. 151 ff.; 2. B., 2. Abt. Strassburg, 1916, S. 200 ff.*

² Если следовать Памфиле (ар. *Aulum Gellium XV, XXIII, 1—2*), то к 455 г. Фукидиду уже было около 15 лет. Привычка отказывать Памфиле в доверии — застарелый предрассудок времен гиперкритицизма.

³ В условиях Афин общепринятое объяснение причин и цели похода должно было в значительной степени отразиться в официальных документах, из которых нам известны по крайней мере *ψηφισματα* с их обосновывающей частью. Работа с аттических источниками во фракийском изгнании была, конечно, для Фукидида затруднена, но не настолько, чтобы он не мог пользоваться — в копиях и т. д. — хотя бы столь доступными документами, как те же *ψηφισματα*. Следовательно, отсутствие следов использования аттических документов приходится объяснять тем, что, зная как афинянин и политик в общих чертах афинскую версию истории похода, историк настолько мало интересовался ею, что не стал утруждать себя отысканием соответствующих документов. Если места вроде I, 77, 6 суть *vaticinia post eventum*, а не свидетельства удивительной прозорливости историка, то можно предполагать, что некоторые, в том числе близко от разбираемой расположенные, части I книги (или вся она) почти несомненно перерабатывались Фукидидом после окончания войны и, значит, после возвращения на родину. В случае, если перерабатывалась вся книга, вопрос о доступности аттических источников отпадает, и становится достаточно ясным, что историк ими не пользовался сознательно. О нежелании Фукидида «считаться с усвоенными афинской народной массой представлениями» см. *Доватур А. И. Фукидид и мегарская псефизма Перикла.* — ВДИ, 1982, № 1, с. 129—134.

⁴ По точному смыслу свидетельств древних, потери достигли едва ли не 250 кораблей (считая 50 вспомогательных, погибших позже) со всем экипажем, не считая немногих спасшихся (*Thuc.*, I, 104, 2; 109, 4; 110; *Isocr.*, de pace, 86). Ктесия говорит о действиях в Египте 40 афинских кораблей (*Ctes.*, 29, cap. 32). Фукидид назвал поход *μεγάλη στρατεία* (I, 110, 5). Критическая оценка свидетельств: *Beloch. Op. cit.*, 2. B., 1. Abt., S. 173, Anm. 1. Близкую к исчерпывающей информацию о потерях давали документы хотя бы вроде знаменитой (коллекция маркиза de Nointel) надписи на могиле 174 граждан флота Ерефиды (IG, I, 433), относящейся как раз к разбираемым событиям.

⁵ *Herod.*, III, 153—158. Геродот, заинтересовавшись бегством Зоппра в Афины, ничего не говорит о не менее примечательной гибели его в рядах афинского войска, осаждавшего Кавн (в 100 км от родного историка Галикарнасса). Это ничего не доказывает, но, проявив привычное пристрастие к свидетельству Ктесии, можно было бы попытаться продлить век Зоппра до предполагаемого времени последней авторской правки «Истории» Геродота. О пребывании Зоппра в Афинах см. *Wells J. The Persian Friends of Herodotus.* — *Studies in Herodotus. Oxf.*, 1923.

⁶ *Herod.*, III, 160, 2.

⁷ Около 450 г. Зоппр сражается в рядах мятежного войска своего отца против царского полководца Усириса (*Ctes.*, 29, cap. 37). Примирение с царем стоило Мегавизу пятилетней опалы, окончившейся около 443 г. (*Wells. Op. cit.*, p. 103). За годы опалы

Уже давно предполагали, что рассказами Зопира пользовался Геродот⁸. Не с меньшим, хотя и не с большим, основанием можно допустить, что знатный эмигрант был осведомителем Фукидида, принадлежавшего к тем кругам афинского общества, в самых добрых отношениях с которыми Зофир был заинтересован⁹. В пользу такого предположения говорят некоторые обстоятельства:

1. История Египетского похода афинян излагается Фукидидом с персидской точки зрения, что можно утверждать в силу нижеследующего:

1. Рассказывая ход предприятия лишь в самых общих чертах, без подробностей, Фукидид находит место для описания персидской интриги в Лакедемонии в пору наибольших успехов афинян (I, 109, 2). Весьма характерны расхождения между Фукидидом и заведомо греческим, от Фукидида в данном случае не зависящим, источником Диодора (с традиционной точки зрения — Эфор).

А. Диодор пишет (XI, 74, 5): 'Αρταξέρξης... ἀπέστειλέ τινας τῶν φίλων μετὰ πολλῶν χρημάτων εἰς Λακεδαίμονα. Самый факт прибытия в Спарту персидской миссии скрыть было, очевидно, невозможно, но в тайне осталось, кто именно в нее входил (непоказательно, к сожалению, молчание обычно щедрого на имена Ктесии — судьба восстания в Египте и экспедиции туда афинян интересуют его лишь в связи с историей придворных интриг). Знать поименно состав посольства мог лишь очень узкий круг лиц в Лакедемонии и Персии: Καὶ βασιλεὺς πέμπει εἰς Λακεδαίμονα Μεγαζάζον ἄνδρα Πέρσην χρήματα ἔχοντα (I, 109, 2). Вряд ли Фукидид имел очень высокопоставленных спартанских осведомителей — этому противоречил бы, в частности, несколько враждебный Спарте подбор фактов в нашем месте — и мы имеем, следовательно, некоторое право предположить здесь влияние источника, близкого к персидскому двору. Разница между фукидидовским посланцем царя «персом Мегавазом», знатность которого никак не подчеркивается, и созданными патриотической фантазией источника Диодора «царскими друзьями» также показательна и может предполагать несколько особый характер осведомленности Фукидида.

Б. Диодор вслед за своим источником утверждает, что миссия персов в Спарте закончилась τῶν Λακεδαιμονίων οὕτε χρήματα δοξαμένων οὕτε ἄλλως προσηρόντων τοῖς ὑπὸ Πέρσων ἀξιοῦμένοις (XI, 75, 4). Для того чтобы сделать такой вывод, было достаточно знать, что спартанцы не вторглись тогда, несмотря на наущения персов, в Аттику, и не стремиться истолковывать в неблагоприятном для них духе всякий сомнительный случай. Иначе у Фукидида: Μεγαζάзовы деньги тратятся зря (ἄλλως ἀνηλοῦτο, I, 109, 3), что вовсе не свидетельствует о том, что спартанцы от них отказывались. Противоречие легко устранить: впадавшим в изнеженность нравов потомкам Геракла было невыгодно распространяться о собственном корыстолюбии, скрыть же его — сравнительно легко, ибо суть переговоров с Мегавазом сохранялась, конечно, в тайне. Предполагаемый персидский осведомитель Фукидида Зофир знал, безусловно, закулисную сторону

отца, как и за краткое время, прошедшее от его смерти до бегства Зопира в Афины, последний вряд ли мог приобрести значительное влияние (особенно — во внешних сношениях). Между тем осажденные в Кавне видят в Зофире силу, ибо предпочитают сдать ему, а не афинянам непосредственно (Ctes., 29, сар. 43). Очевидно, Зофир приобрел вес еще в годы, предшествующие мятежу отца, и, следовательно, ко времени Египетского похода был зрелым человеком. Можно привести и другие соображения. Мегавиз умер около 442 г. (Wells. Op. cit., p. 103) в возрасте 76 лет (Ctes., 29, сар. 141). Именем знаменитого деда естественно было назвать первенца; в таком случае Зофир должен был родиться в 90-х годах.

⁸ Wells. Op. cit., passim.

⁹ Следует, конечно, помнить, что от времени смерти Зопира при Кавне в 440—439 г. (Wells. Op. cit., p. 104) до того времени, когда Фукидид приступил к составлению своего труда, прошло много лет. Возможно, историк опирался на какой-нибудь промежуточный источник: мы не знаем, например, не прибыл ли с Зофиром в Элладу его дети и не остались ли там. Личное знакомство кажется более вероятным.

переговоров и, будучи гостем Афин, не имел причины заботиться о добром имени спартанцев¹⁰.

2. Рассказывая о войне в Египте, Фукидид явно предпочитает говорить о персах: единственное, что мы узнаем о действиях афинян, — это то, что они ἐπέμεινον в Египте и τὸ πρῶτον ἐχράτουσαν τῆς Αἰγύπτου (Thuc., I, 109, 1—2). Во всех остальных случаях афиняне и египетско-ливийские повстанцы Инароя — лишь объект действий армии под командованием отца Зопира Афинского.

II. Некоторые особенности изложения Фукидида легче всего объяснить наличием источника не просто персидского, но и связанного с родом Зопира.

1. Фукидид умалчивает о том, что в Египте Мегаваз имел коллегу по командованию¹¹. Сыну Зопира Вавилонского одному принадлежит, таким образом, заслуга подавления опасного восстания. Умолчание легко объяснить тем, что историк использовал рассказы Зопира Афинского, который, надо думать, не прочь был несколько преувеличить роль своих предков в событиях прошлого.

2. Фукидид обнаруживает намного меньшую осведомленность в египетских делах, если в тот момент, о котором он пишет, в Египте не было никого из родичей Зопира. В 449 г., например, в Египте уже нет Мегавиза¹²; сообщение Фукидида о состоявшемся в том же году (втором) походе афинского флота от берегов Кипра в Египет кратко и глухо. История похода изложена так, как она могла бы представляться, скажем, гребцу: вместо причин назван повод (Ἀμυρταίου μεταπέμψουτος Thuc., I, 112, 3), восточная предыстория экспедиции отсутствует, о ходе событий мы вообще ничего не узнаем. Может быть, Фукидид опять не удовлетворен тем, что мог узнать в Афинах? И поскольку Зофир не мог в данном случае сообщить что-либо существенное, а иных независимых источников под рукой не было, не предпочел ли историк ограничиться изложением достоверно известных каждому вещей, тем более что поход мог быть предпринят — по условиям военного времени и благодаря вдохновляющей удаленности от Афин — военным командованием в обход народного собрания и не оставить в документах заметных следов?

3. Фукидид сообщает, что Инарой — ливийский царек, возмутивший Египет против персидского владычества, — был изменнически схвачен и распят, очевидно, вскоре после пленения (Thuc., I, 110, 3). Спрашивается: при каких обстоятельствах, кем, за что был распят ливиец? (Мятежником он, очевидно, считаться не мог¹³). Иначе излагает ход событий Кте-

¹⁰ Оставляем в стороне более важное различие между сообщениями Фукидида и Диодора — различие в изложении цели посольства Мегаваза, рассчитывая обратиться к этой важной частности в статье, специально посвященной источнику диодоровского рассказа о походе афинян в Египет.

¹¹ Diod., XI, 74, 6.

¹² Ctes., 29, cap. 40.

¹³ Персы делали различие между врагами и мятежниками (см. Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968, с. 237, прим. 91), хотя это и плохо согласовалось с имперской политической доктриной, вручавшей царю — избраннику Ахурамазды — власть над миром и тем самым превращавшей всякого врага в мятежника. Независимость Инароя от персов, как нам кажется, у Фукидида предполагается: начало событий в Египте изображено едва ли не как вторжение извне ὀρμώμενος ἐκ Μαρείας..., ἀπέστλησεν Αἰγύπτου τὰ πλεῖα ἀπὸ βασιλείας Ἀρτοξέρξου — Thuc., I, 104, 1; слова ὀρμώμενος ἐκ Μαρείας — по: Herod., II, 30 Μαρεια была пограничным городом — следует понимать как обозначение места, «von wo aus ein Feldherr mit seinem Heere ausrückt, von wo aus er seine Operationen beginnt» — *Kreuzsler O.* In: Passow'sche Handwörterbuch der griechischen Sprache, 2. B., 2. Abt., Lpz, 1852, 5. Aufl., S. 530. Инарой назван царем Λιβύων τῶν πρὸς Αἰγύπτῳ (Thuc., I, 104, 1) без каких-либо оговорок о верховенстве персов; если, далее, даже египетская Марей тяготеет к Ливии, и жители ее во времена господства персов не прочь была объявить себя ливийцами (Herod., II, 18; Wiedemann A. Herodots Zweites Buch mit sachlichen Erläuterungen. Lpz, 1890, S. 98, comm. ad loc.), то независимость ливийцев, обитавших западнее, становится почти несомненной. Наконец, по известию Ктесии, Мегавиз, побе-

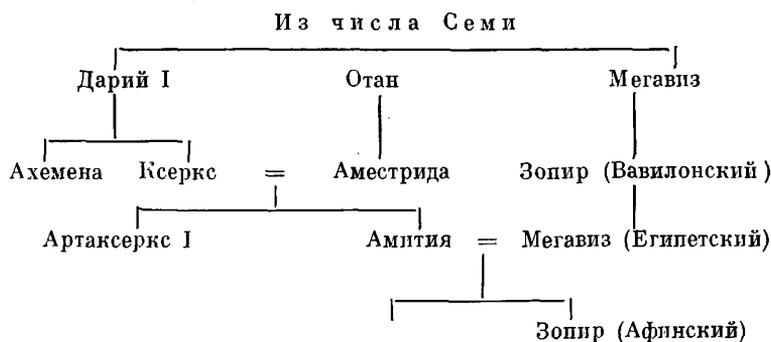
сия: пленному Инарою сохранена жизнь, вместе с пленными греками он отправлен заложником в Персию. Там через пять лет его распинают, а 50 пленных эллинов обезглавливают по проискам царицы Аместриды¹⁴. Эту версию нельзя просто сбрасывать со счетов: в том, что касается дворцовых интриг, Ктесия — беспорядный авторитет. Вводящую в заблуждение тему ноту высказывания Фукидида может прояснить то обстоятельство, что Аместрида — виновница смерти бывшего ливийского царя — была родной бабушкой нашему Зопиру¹⁵. История смерти Инароя потому, видимо, и изложена так кратко, что Зопиру вряд ли было удобно говорить об участии ближайших своих родственников в истреблении верного союзника тех людей, с которыми он имел сейчас дело: это могло подорвать его репутацию наследственного¹⁶ друга афинян. Если предположить, что история рода, к которому принадлежал Зофир, здесь ни при чем, то неясность Фукидидова сообщения необъяснима.

III. Фукидид употребляет в применении к известному Амиртею выражение $\acute{o} \epsilon\nu \tau\omicron\iota\varsigma \epsilon\lambda\epsilon\sigma\iota \beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$, являющееся точным соответствием восстанавливаемому по клинописной передаче эпохи ассирийского завоевания Египта ($\text{šar}^{\text{al}}\text{Na-at-ḥu-ú}$, «царь „Болот“») египетскому титулу $\text{gr.}^{\text{c}} \text{t} \text{h}^{\text{c}} \cdot \text{tj}^{\text{c}} \text{nN}^{\text{c}} \text{-jdhw}$ «областной князь „Болот“»¹⁷ и, очевидно, переводом этого титула. Выражение это — по конструкции не совсем обычное —

див Инароя, заключил с ним договор, что вряд ли было допустимо для победоносного царского полководца в сношениях с мятежником. Инарой, следовательно, таким и не был.

¹⁴ По мнению Ктесии (*Ctes.*, 29, cap. 26), она мстила за гибель от руки Инароя своего сына — Ахемены. Эта запоздавшая месть могла быть просто удобным предлогом для политического убийства, стоявшего, может быть, в связи с борьбой мнений при персидском дворе накануне заключения Каллиева мира. У Ктесии говорится, собственно, об Амипти, которая, будучи моложе Ахемены (см. схему в прим. 15), матерью ему быть не могла, да и вряд ли строила козни против бывшего союзника Афин, ибо благосклонность ее к афинянам славилась (*Ctes.*, 29, cap. 43). Со времен по крайней мере К. Мюллера здесь привыкли видеть опisku: Ἄμῖτις вместо Ἀμεστρίς . Аместрида — вдова и мать царей — могла бы называться матерью Ахемены хотя бы в иерархическом смысле. Для наших рассуждений все это, впрочем, несущественно: если Аместрида была бабушкой Зофира, то Амиптия — его матерью.

¹⁵ Вот родословная Зофира (по Геродоту и Ктесии; некоторые не упомянутые в статье имена опущены):

¹⁶ *Ctes.*, 29, cap. 43.

¹⁷ В призме Рассамы упомянут, например, $^{\text{m}}\text{U-na-mu-nu šar}^{\text{al}}\text{Na-at-ḥu-ú}$ (Rm I, 97), т. е. «Ун-амун, царь „Болот“» (детерминатив *goroda!*), — ср. егип. $\text{n}^{\text{c}}\text{-jdh(w)}$ — *Das Delta-land, die Sümpfe* по указанию Берлинского словаря (*Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. В. I., В., 1955, S. 155), а также греч. Ναθῶ (-ῶ) — название области на С — В Дельты — *Herod.*, II, 165. Видеман (*Op. cit.*, S. 575) ссылается еще на *Ptol.*, IV, 5, 52 — Νεοῦτ и *Notit. dignitat.*, I, 25 — *Naithu*. Аналогичному выражению $^{\text{m}}\text{Pa-ak-ru-ru šar}^{\text{al}}\text{Pi-šab-tu}$ (Rm I, 93) соответствует, например, егип. $\text{gr.}^{\text{c}} \text{t} \text{h}^{\text{c}} \cdot \text{tj}^{\text{c}} \text{n}^{\text{c}} \text{Pr-špd-w P}^{\text{c}}\text{-qrr}$ «областной князь Пе-сотпа Пе-крур» (Стела сна, ст. 36). Подобные примеры и позволяют реконструировать наш титул. Корректность сопоставления нарушается различием грамматической структуры греч. и егип. выражений: греч. предложной конструкции соответствует егип. *nota genitivi*. Очень важный вопрос о соотношении егип. $\text{n}^{\text{c}}\text{-jdh(w)}$, греч. Ναθῶ (в данном контексте) τᾶ ἔλη нуждается в специальном исследовании.

нигде больше, насколько нам известно, в греческой словесности не встречается, и, следовательно, его появление у Фукидида желательно объяснить; при этом снова вспоминается Зопир, который лучше другого мог знать частности, касающиеся человека, против которого сражался в Египте его отец.

Отдавая себе отчет в том, что ни один из приведенных нами доводов не может — по крайней скудости источников и малой разработанности вопроса — считаться решающим, мы позволим себе, однако, предположить, что Фукидид мог знакомиться с историей Египетского похода афинян из аутентичного восточного источника и — поскольку писал *ἕως δυνάτων ἀκριβεία* — вряд ли пренебрег этой возможностью.

Р. А. Гимадеев

A POSSIBLE PERSIAN SOURCE FOR THUCYDIDES'S DESCRIPTION OF THE FIRST ATHENIAN EXPEDITION TO EGYPT

R. A. Ghimadeyev

When composing his account of the Athenian expedition in aid of the Egyptian rebellion against Persian rule (462/1—454/3 B. C.: Thuc. I 104, 109—110) Thucydides, the author suggests, may have made use of information provided by the Persian nobleman Zopyros, who had emigrated to Athens (Herod. III 160.2). In support of this thesis the author puts forward two principal arguments: (1) that in these passages Thucydides shows excellent knowledge of what went on in the Persian camp and says nothing about events in the camp of the insurgents and the Athenians, whereas the reverse would have been natural; (2) Thucydides's brief statement (I 110.3) on the fate of Inaros, king of the Libyans and a leader of the revolt — that Inaros was «taken by treachery and crucified» — could directly reflect what Zopyros told the historian personally: clearly Thucydides' source had thrown a veil over the part taken by the relatives of Zopyros in effecting the destruction of this friend of Athens.

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ПАЛАКИЯ

Раскопки позднескифского городища, расположенного в устье р. Альмы, изучение хоры Херсонеса и выяснение некоторых аспектов взаимоотношений скифов и греков на северо-западном берегу Крыма наряду с исследованием Неаполя Скифского позволяют высказать предположение о локализации скифской крепости Палакий, упомянутой в источниках.

Но прежде несколько слов об истории вопроса. Все исследователи в настоящее время сходятся в том, что на месте городища Керменчик в юго-восточном районе совр. Симферополя была столица позднескифского государства. Большинство ученых локализуют здесь Неаполь Скифский. Однако против этого выступила О. Д. Дашевская¹. Ее аргументация сводится к следующему:

1. Страбон, перечисляя скифские крепости, первым называет Палакий; следовательно, он был столицей скифского государства.

2. В декрете в честь Диофанта Палакий не назван среди скифских царских крепостей, покоренных греками; значит, столица не была ими захвачена.

3. Последнее обстоятельство, с точки зрения О. Д. Дашевской, под-

¹ Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упомянутых Страбонам. — ВДИ, 1958, № 2. Там же см. литературу вопроса.

тверждается археологическими данными — раскопки показали, считает она, что столица не пострадала в период войн Диофанта: были разрушены оборонительные стены, нетронутым остался мавзолей.

Недавно к этой точке зрения присоединился Д. С. Раевский². Развивая положение О. Д. Дашевской, он обращается к термину ПАА, упомянутому Диодором, связанному с этниконом Πάλοι и сопоставленному Э. И. Соломоник с названием крепости Палакий³. Д. С. Раевский, исходя из того, что скифское общество делилось на «роды» и на «народы», привлекая иранские параллели и данные лингвистики (В. И. Абаев трактует термин «палы» как «военная сила», «дружина»⁴), приходит к выводу, что термин ПАА Диодора служил для обозначения определенного социального слоя — воинов, военной аристократии, которая проживала в столице, т. е. в крепости воинов — Палакии.

Заметим попутно, что О. Н. Трубачев, вероятно исходя из свидетельства Плиния, называет Παλάκιον городом тавров и сопоставляет это слово с древнеиндийским pāḷaka — страж, защитник⁵.

Но обратимся к декрету в честь Диофанта. Для правильного подхода к вопросу о локализации скифских крепостей нельзя обойти вниманием, как это делают О. Д. Дашевская и Д. С. Раевский, то место в декрете, где говорится, что «царские крепости Хабеи и Неаполь» находились в середине Скифии. В декрете дважды называются Хабеи и Неаполь в той же последовательности, что, по-видимому, означает последовательность завоевания крепостей.

В Юго-Западном, Западном и Северо-Западном Крыму, вплоть до Неаполя Скифского, если следовать от Херсонеса, т. е. на предполагаемой территории военных действий Диофанта, нам известны три скифских городища, которые могут быть претендентами на царские крепости, указанные в источниках. Это Керменчик — отождествляемый с Неаполем, Кермен-Кыр — городище, находящееся в 4 км на северо-запад от Неаполя, на территории совхоза «Красный», и Усть-Альминское — на западном берегу Крыма. Все они благодаря каменным стенам или земляным валам представляли собой хорошо защищенные крепости. По площади после Неаполя на втором месте стоит Усть-Альминское городище — 6 га. В древности его размеры, очевидно, были значительно больше, так как сейчас плато городища сильно размывается морем (об этом см. ниже)⁶. На третьем — Кермен-Кыр — 4 га.

Каждое из перечисленных городищ являлось важным стратегическим пунктом в системе позднескифского государства. Само собой понятна роль Неаполя Скифского, занимавшего центральное место среди городищ и селищ Крыма. Усть-Альминское городище было самым большим приморским укреплением, основанным на границе с хорой Херсонеса. Его связывали сухопутные дороги со столицей государства и Херсонесом, а мимо шел морской путь из Херсонеса в Керкинитиду и Ольвию. С момента своего основания этот город становится форпостом на западном рубеже Скифского государства. Все сказанное позволяет предположить, что такой важный стратегический пункт не был обойден греками во время войны со скифами.

Что же касается Кермен-Кыра, то он, видимо, возник как защитный рубеж на подступах к столице с северо-запада. Городище находилось всего в 4 км от Неаполя на перекрестке путей, идущих с северо-запада от поселений хоры Херсонеса и севера из Приднепровья через Перекоп в центр Крыма.

² Раевский Д. С. Неаполь или Палакий? — ВДИ, 1976, № 1.

³ Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, с. 12.

⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М., 1949, с. 160.

⁵ Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье. — Вопросы языкознания, 1977, № 6, с. 17.

⁶ Примечательно, что О. Д. Дашевская и Д. С. Раевский игнорируют существование этого крупного центра позднескифского государства, что само по себе мешает объективно оценить события Диофантовых войн.

Из этих трех крепостей Керменчик и Кермен-Кыр расположены в центральной части полуострова, т. е. в середине древней Скифии. Следовательно, на одном из них должен был находиться Неаполь, на другом — Хабеи, в то время как Палакий, не упомянутый в декрете, по-видимому, действительно не был захвачен греками. Однако его жители участвовали в войне, об этом сообщает херсонесское надгробие неизвестного, «погибшего около Палакия», II в. до н. э. ⁷

Что же касается городища на р. Булганак, предположительно отождествленного П. Н. Шульцем ⁸ и Д. С. Раевским ⁹ с Хабеями, то площадь его невелика, всего 2,5 га, к тому же, судя по плану, опубликованному П. Н. Шульцем ¹⁰, создается впечатление, что к небольшому (в 3000 кв. м) акрополю примыкало обнесенное валом селище. Аналогичная система обороны — защищенное валом и рвом укрепленное поселение и селище — наблюдается на городище в устье р. Альмы, но площадь последнего была значительной. Поэтому Булганакское городище вряд ли может быть отнесено к царским крепостям, хотя лежало оно в середине полуострова, возможно, на пути Диофанта.

Неаполь сильно пострадал во время войн Диофанта, слои пожара, разрушений относятся ко II—I вв. до н. э. Мавзолей уцелел лишь потому, что он был выстроен после войны, в период реконструкции всей оборонительной системы, когда возникла так называемая «протейхизма» и восточная привратная башня ¹¹.

Таким образом, основные положения О. Д. Дашевской в пользу Керменчика-Палакия не подтверждаются археологически. Что же касается последовательности перечисления городов, то надо учесть, что Страбон при описании той или иной местности не выделял на первый план главный город. Так, говоря о наместничестве Тианитида в Каппадокии, он называет сначала город Тиан, расположенный у подошвы Тавра, а затем Мзаки — главный город племени (XII, II, 7). При описании Вифинии он пишет: «В глубине Вифинии лежит Вифиний, затем Никея — столица Вифинии на Асканийском озере» (XII, IV, 7). Можно умножить количество примеров, показывающих, что политическая значимость городов не служила для Страбона критерием, определяющим порядок их описания. Для него важно географическое расположение. Очевидно, этот же принцип был им соблюден при перечислении скифских крепостей: Палакий, Хабеи, Неаполь, идя от Херсонеса в глубь Скифии. Из названных городов ближе всего к Херсонесу находился Палакий. На это обратила внимание Э. И. Соломоник, считая, что такое перечисление соответствует направлению движения войск Диофанта от Херсонеса на север и в срединную часть Крыма ¹². Следовательно, и этот аргумент О. Д. Дашевской должен быть снят.

Остается довод Д. С. Раевского о столице — крепости воинов Палакии. Несомненно, в столице проживала дружина, военная аристократия, но название главного города государства вовсе не обязательно должно происходить при этом от военного термина. Наименование крепости Палакий, скорее всего, восходит к этнику *Πάλοι*, в этом нельзя не согласиться с Э. И. Соломоник.

Небезынтересно также учесть, что Усть-Альминский могильник по своему обряду и погребальным сооружениям выделяется среди синхронных некрополей поздней Скифии. Мы относим это за счет племенных особенностей населения, жившего в устье р. Альмы. Из свидетельства Плиния

⁷ Соломоник. Ук. соч., с. 96.

⁸ Шульц П. Н. Скифский город на реке Булганак. — Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. вып. I, Киев, 1967, с. 118.

⁹ Раевский. Ук. соч., с. 106.

¹⁰ Шульц. Ук. соч., с. 117.

¹¹ Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979, с. 50.

¹² Соломоник. Ук. соч., с. 96.

известно, что в Крыму жили различные племена, он называет их число — 30 (Plin., N. h. IV, 85 = SC, II, с. 173).

В этой связи уместно рассмотреть еще один момент в истории поздне-скифского государства. Успешные раскопки Северо-Западного Крыма позволили не только выявить греческие усадьбы и скифские поселения на этом берегу, но и уточнить время их существования. Изучение городища «Чайка» установило, что оно погибло в середине I в. н. э.¹³ С этим же временем связана гибель Южно-Донузлавского городища, Беяуса¹⁴. Жизнь здесь замирает на несколько столетий или прекращается совсем. В то же время на Усть-Альминском городище серединой I в. н. э. датируется слой пожара, разрушений; однако после этого город восстанавливается, начинает жить очень интенсивно, возрастает его население.

До сего времени у исследователей северо-западного побережья нет единого мнения о причинах гибели в середине I в. н. э. расположенных здесь городищ. О. Д. Дашевская одно время считала, что они погибли в период победы Боспорского царства над скифами в I—II вв. н. э.¹⁵ Но последующие работы установили гибель поселений в середине I в. н. э. Таким образом, точка зрения о боспорском завоевании северо-западного побережья Крыма отпадает. Б. Ю. Михлин, публикуя фибулы беяусского могильника, высказал предположение о возможной связи этого явления с походом Т. Плавтия Сильвана в середине I в. н. э.¹⁶ Однако подкрепить эту гипотезу какими-либо аргументами наука в настоящее время не может.

Нам кажется возможным объяснить гибель ряда поселений Северо-Западного Крыма результатом междоусобной борьбы скифских племен, населявших западный и северо-западный районы полуострова. Со слов Плиния известно, что палеи (палы) боролись с напеями (напами) и уничтожили последних (Plin., VI, 50). Может быть, именно в этом следует видеть события, происшедшие в середине I в. н. э. на западном и северо-западном берегу Крыма, и связать с ними гибель городищ «Чайка», Южно-Донузлавского, Беяуса и пожар на Усть-Альминском. Если наше предположение о том, что в устье Альмы жили палы, верно (хотя оно нуждается в подтверждении), то мы получим еще один аргумент о связи названия города Палакий с этником Πάλοϊ.

Недавно в связи с интерпретацией «Естественной истории» Плиния по поводу Палакия (Плакия у Плиния) высказала свою точку зрения М. В. Скржинская (примечательно, что Плиний называет Палакий civitas — город). Она присоединяется к старой точке зрения Ф. К. Бруна о локализации этой крепости между Херсонесом и Балаклавой¹⁷, не учитывая при этом, что такое предположение не подтверждается археологически и давно опровергнуто исследователями¹⁸. По мнению М. В. Скржинской, сведения, которые приводит Страбон при упоминании Палакия, «позволяют довольно точно определить время освоения города». Она считает, что он мог возникнуть после первого похода Диофанта, когда скифы снова стали теснить Херсонес. В доказательство приводится фрагмент херсонесского надгробия, поставленного погибшему около Палакия¹⁹. Однако Э. И. Соломоник вслед за В. В. Латышевым, исходя из палеографических особенностей надписи, помещает ее древнее декрета в честь

¹³ Яценко И. В., Попова Е. А. Исследования западных кварталов скифского поселения в Евпатории. — АО — 1975. М., 1976, с. 413.

¹⁴ Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. — КСОГАМ 1962, 1964, с. 54.

¹⁵ Дашевская О. Д. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий. — ПСА, М., 1971, с. 151.

¹⁶ Михлин Б. Ю. Фибулы Беяусского могильника. — СА, 1980, № 3, с. 211.

¹⁷ Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977, с. 72.

¹⁸ Дашевская. Скифы..., с. 144.

¹⁹ Скржинская. Ук. соч., с. 72 сл.

Диофанта²⁰. Борьба за Палакий, полагает она, видимо, началась до прибытия Диофанта в Крым. М. В. Скржинская к тому же игнорировала свидетельство Страбона (VII, 4, 7), которое в новом переводе Э. И. Соломоник приобрело иное звучание: «...крепости, которые укрепил Скилур и его сыновья»²¹. Отсюда следует, что Палакий, Хабеи и Неаполь существовали до Диофантовых войн и были укреплены в период подготовки скифов к войне. Эти данные особенно важны для нас, так как есть все основания думать, что Усть-Альминское городище возникло незадолго до начавшейся борьбы скифов с греками.

А. Н. Щеглов на основании координат Птолемея и свидетельств Аммиана Марцеллина локализует на Усть-Альминском городище древнюю Дандаку²². При этом он опирается на В. И. Абаева, который производит наименование *Δανδάκη* от слова «зуб». Аргументом в пользу локализации здесь Дандаки А. Н. Щеглову служит также конфигурация плато на левом берегу реки: мыс треугольной формы, обращенный вершиной в сторону моря, напоминающий зуб, кстати, не такой уж «грандиозный», как полагает А. Н. Щеглов. Но это весьма шаткий аргумент, так как плато, на котором расположено городище, сложено из плиоценовых глин, подверженных интенсивному абразионному процессу. По подсчетам геоморфологов, сейчас ежегодно уничтожается 0,6 м береговой полосы. Мыс мог образоваться в результате размывания берега морем, уничтожившим часть городища. Какую конфигурацию имело плато в древности, мы не знаем; на картах конца XVIII — начала XIX в. береговая линия к северу от устья р. Альмы и к югу до мыса Лукулл не имеет каких-либо выступов в море. К тому же «зуб» — это не единственная этимология слова. О. Н. Трубочев производит *Δανδάκη* от таврского слова *dandā* — палка, *dandana* — вид тростника²³.

А. Н. Щеглов не сомневается в том, что в устье р. Альмы было расположено одно из трех крупных скифских городищ, «считая Неаполь и Красное (Кермен-Кыр)»²⁴. Однако он убежден, что название этого пункта нигде не упоминается до Птолемея²⁵, т. е. до второй половины II в. н. э.

Но известно, что этот город возник до Диофантовых войн, он занимал большую площадь, жил интенсивной жизнью, вел широкие торговые связи, особенно процветал в I — первой половине II в. н. э. Исходя из этого полагаем, что он еще до Птолемея имел наименование. А. Н. Щеглов отмечает, что Аммиан Марцеллин называет Дандаку в числе трех наиболее крупных городов Таврики. Следовательно, Дандака не только существовала, но и процветала во времена Аммиана Марцеллина, в IV в. н. э. В то же время все материалы, полученные в результате раскопок городища в устье Альмы за последние 15 лет, и данные Усть-Альминского некрополя с полным основанием позволяют говорить о гибели города в середине III в. н. э. Если к этому добавить, что мы не знаем, какой стадией пользовался Птолемей, то нельзя безоговорочно локализовать Дандаку в устье Альмы, ее нужно искать в другом месте древней Таврики.

Итак, Усть-Альминское городище было крепостью, портом, стратегическим пунктом, сыгравшим важную роль в охране западных рубежей Скифского государства. Судя по его размерам и оборонительным сооружениям, можно утверждать, что здесь находилась одна из скифских крепостей, указанных в источниках. Город, как мы говорили, был расположен на перекрестке морского и сухопутного путей из Херсонеса в Ольвию, он находился рядом с владениями Херсонеса, с его хорой. Надо полагать,

²⁰ Соломоник. Ук. соч., с. 96.

²¹ Там же, с. 14 сл.

²² Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. — ВДИ, 1965, № 2, с. 110.

²³ Трубочев. Ук. соч., с. 16.

²⁴ Щеглов А. Н. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. — СХМ, вып. II, Симферополь, 1961, с. 80.

²⁵ Щеглов. Заметки..., с. 112.

что Диофант во время своего похода в Северо-Западный Крым не миновал этой крепости, возможно, ее жители сражались с херсонеситами еще до начала похода Диофанта. В пользу такого предположения свидетельствует мощный слой пожара, прослеженный на городище и датированный фрагментами родосских амфор II—I вв. до н. э. Эта крепость не могла называться Неаполем или Хабаями, так как последние находились в середине Скифии.

Все вместе сказанное позволяет в гипотетической форме локализовать на месте Усть-Альминского городища скифскую крепость Палакий, связанную с расселением одного из скифских племен и названную, вероятно, в честь сына Скилура — Палака ²⁶.

Т. Н. Высотская

LOCATING THE SITE OF PALACIUM

T. N. Vysotskaya

Excavations at Ust'-Al'minskoye and study of the Chersonesan *chora* and Scythian Neapolis enabled the author to propose a solution to the problem of locating the site of the Palacium Fort mentioned in the written sources. Most modern opinion puts Neapolis — the capital of the later Scythian state — at Kermenchik. At one time O. D. Dashevskaya opposed this idea, placing ancient Palacium at the Kermenchik site, but her arguments do not stand up against criticism. D. S. Rayevsky agrees, but his idea, based on interpretation of the word Palus in Diodorus (II 43, 3—4), that Palacium was the Scythian capital, does not solve the main problem. One must not forget the passage in the decree honouring Diophantos (*IosPE* I² 352, 12—13) where it is implied that the «royal (forts) Chabaei and Neapolis» were in the middle of Scythia. Along the way travelled by Diophantos from Chersonesus to Neapolis three Scythian sites are known which might be candidates for the royal forts: Neapolis, Kermen-Kyr and Ust'-Al'minskoye. Each one of them was a strategically important base, strongly protected against enemy attack by walls, ramparts and ditches. Of these, Neapolis and Kermen-Kyr were in central Scythia, while Ust'-Al'minskoye is on the western coast of Crimea. The results of excavations at Ust'-Al'minskoye give grounds for supposing that the area at the mouth of the river Al'ma may have been inhabited by one of the Scythian tribes, namely the Pali, who fought with their brother tribe, the Napae. The name of the fort at the mouth of the Al'ma may derive from the ethnicon of the tribe that settled there, the Pali. A. N. Sheglov thinks this was the site of the Dandaca of Ptolemaeus and Ammianus Marcelinus. Analysis of the written sources and the archaeological data lead the author to locate Palacium Fort at the mouth of the Al'ma.

²⁶ О последнем в литературе уже шла речь. П. Н. Шульц считает, что Палак получил от Скилура во владение город Палакий, названный его именем. См. Шульц П. Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. — КСИИМК, XII, 1946, с. 52; Соломоник Э. И. О Скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. — В кн.: Археология и история Восточного Крыма, Симферополь, 1952, с. 123.

ПТОЛЕМЕЕВА КАРТА КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ И УРОВЕНЬ КАСПИЯ

(Постановка вопроса. Системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков)*

Задача этой статьи — тройкая.

Ее основная цель: ознакомить читателя с предварительными результатами предпринятой нами локализации рек и населенных пунктов Кавказской Албании, изображенных на III карте Азии Клавдия Птолемея или (что то же самое) перечисленных в 11-й главе V книги его «Географии»¹.

Ее вторая — «побочная» — цель: продемонстрировать преимущества такого рода исследований метода, благодаря которому эти результаты были получены, а именно — системного анализа. Чтобы возможности этого метода предстали в полном объеме, мы сознательно ограничились им, отказавшись до поры до времени от привлечения ряда внешних данных, также могущих пролить свет на исследуемую проблематику. Этими данными мы воспользуемся позже, чтобы проверить, уточнить и дополнить выводы, к которым нас привел системный анализ. Именно поэтому мы говорим пока лишь о предварительных результатах.

Наконец, третья цель этой работы: определить стратегию дальнейших поисков, предполагающих не только проверку предлагаемых локализаций, но и согласования всех наших выводов (и, в частности, самого удивитель-

* Основное содержание настоящей работы было изложено нами 22 апреля 1981 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР (Ленинград), 22 мая 1981 г. — на заседании Ученого совета Института истории АН Армянской ССР (Ереван) и 2 июня 1981 г. — на авторско-читательской конференции «Вестника древней истории».

¹ Насколько нам известно, кроме А. Яновского, специально локализацией топонимов Кавказской Албании Птолемея никто всерьез не занимался, хотя касались этой темы весьма многие, и в гипотезах — порой весьма экстравагантных — относительно современных названий Птолемеевых рек и локализации некоторых Птолемеевых селений нет недостатка. Нижеследующий список литературы отнюдь не претендует на полноту (в нем, например, отсутствуют все западноевропейские работы прошлого века, на которые ссылается Б. Дорн, — отчасти из-за их недоступности, но более всего ввиду их несостоятельности) и содержит лишь наиболее интересные работы из тех, с которыми мне удалось ознакомиться. Обзоры литературы см. в нижеприведенных работах К. В. Тревер и С. М. Молла-заде (в последней из коих, однако, немало неточностей и ляпсусов). Яновский А. О древней Кавказской Албании. — ЖМНП, ч. 52, 1846, отд. II, с. 97—136, 161—203; Дорн Б. Древняя Албания по Птолемею. — Дополнение I к его же кн.: Каспий. О походе русских в Табаристан... (Приложение к 26-му тому Записок Имп. Акад. наук, № 1). СПб., 1875, с. 323—351; Tomaschek W. Albania. — RE, 1/1 (1893), col. 1303—1304; Claudii Ptolemaei Geographia, ... recogn. etc. S. Müllerus, perfcit C. Th. Fischer, v. 1, pars 2. Parisiis, 1901, подстрочные примечания к тексту Птолемея; Ковалевский С. А. Лик Каспия (Палеогеография моря в четвертичное время). Баку — Москва, 1933, с. 101—109; он же. «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия. — Известия ВГО, т. 85, вып. 1. Л., 1953, с. 31—48; Крымский А. Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (Классическая Албания) [I. Кабала]. — В сб.: С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934, с. 289—305; [II. Шеки]. — В сб.: Памяти акад. Н. Я. Марра. М. — Л., 1938, с. 369—384 [= Крымский А. Ю. Твори в п'яти томах. Т. IV. Київ, 1974, с. 587—602]; Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании. — Исторические записки. Т. I. М., 1937, с. 129—148; Еремян С. Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. — ВДИ, 1939, № 1 (6), с. 79—97; он же. Армения по «Ашхарауццу» — Армянская география VII в. Опыт реконструкции на современной картографической основе. Ереван, 1963, passim и с. 105 и отдельная карта (на арм. яз.); он же. «Ашхарауцц» (Армянская география VII в.), выдающийся памятник географии и картографии древнего мира. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1968, № 5, с. 43—60; он же. Карта «Государство Великая Армения в IV веке (298—385 гг.)». Ереван, 1979 (на арм. яз.); Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. — Л., 1959, с. 137—142; Алиев К. Кавказская Албания (I в. до н. э. — I в. н. э.). Баку, 1974, с. 13, 98—100; Молла-заде С. М. Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979, с. 23—35.

ного из них — относительно уровня Каспийского моря в момент составления карты) с данными, полученными из других источников и добытых другими науками.

1. Текст и карта Птолемея

Приводим в русском переводе главу «Географии», посвященную Албании (№ 1), и относящиеся к этой стране пассажи из других глав (№ 2—5). Перевод выполнен с последнего имеющегося издания V книги (Мюллер — Фишер, 1901 г.)². Наличие существенных разночтений в рукописях, касающихся орфографии топонимов и значений их координат, отмечено звездочками, которые отсылают к табл. I и II. В переводе использованы чтения, пользующиеся consensus'ом большинства основных рукописей³.

№ 1

Птолемей, «География», кн. V, гл. 11.

- (1) Албания граничит: на севере — с описанной частью Сарматии [т. е. с Азиатской Сарматией, см. гл. 8 и ниже, № 2—4]; на западе — с Иберией, по указанной линии [см. № 5]; на юге — с частью Великой Армении от границы Иберии до Гирканского моря, к устьям реки Кюр, имеющим координаты 79°40' 44°30'; а на востоке — с частью Гирканского моря, простирающейся отсюда [т. е. от устьев Кюра] до реки Соана [см. № 2], согласно следующему описанию:

За устьем реки Соаны, имеющим следующие координаты:

86° 47'

- (2) [следуют]:

город Телайба *	85°	46°40' *
устья реки Герр	84°30'	46°30'
город Гелда *	83°	46°30'
устья реки Кайсий *	82°30'	46°
город Албана	81°40'	45°50' *
устья реки Албан	80°30'	45°30' *
[и] город Гайтара *	79°30'	45° *
за которым [следуют] устья реки Кюр *	79°40'	44°30'*

- (3) Города же и села Албании, [находящиеся] между Иберией и рекой, [стекающей] с Кавказа [и] впадающей в Кюр (который течет вдоль всей Иберии и Албании, отделяя от них Армению), суть:

Тагѳа *	77°30'	46°50' *
Бакѳния *	77°	46°30' *
Сануа	77°40'	46°40' *
Дѳгланѳ *	77°20'	45°45' *
Нига *	77°20'	45°15';

- (4) между упомянутой рекой и рекой Албан, которая тоже стекает с Кавказа, —

² Claudii Ptolemaei Geographia.... p. 928—931 (№ 1), 911—914 (№ 2, 3), 920 (№ 4), 926 (№ 5). Текст главы об Албании (№ 1) мы также сверили с более старыми изданиями Вильберга — Грасхофа (Claudii Ptolemaei Geographiae libri octo, ed. F. G. Wilberg, socio adiuncto C. H. F. Grashofio, fasc. V. Essendiae, 1844, с. 352—354) и Ноббе (Claudii Ptolemaei Geographia, ed. C. F. A. Nobbe, tom. 2, Lipsiae, 184 [=1898], с. 46—48), а также с текстом В. Латышева (Scythica et Caucasia..., ed. V. Latychev. T. 1. Вып. 1. СПб., 1890, с. 242—243), который пользовался изданием Вильберга.

³ О критике текста (орфографии топонимов и значениях координат) см. ниже, § 2.2, прим. 9—14 и табл. I—II. Использованная нами русская транскрипция (с добавлением латинских букв h и w) отражает древнегреческое произношение, но без суффикса муж. р. -ос, который (в отличие от суффиксов ж. р. -α/-η, а возможно, и -ς) не отражал местного произношения, а был добавлен к именам, оканчивавшимся либо на согласный, либо на какой-то местный суффикс (последнее, правда, маловероятно, ибо этот суффикс должен был к тому же восприниматься и греками как суффикс), чтобы приблизить их к греческой норме.

Мосёга	79°	47° *
Самунис *	79°	46°40' *
Иобула *	78°	46°20'
Иуна	79°	46°
Эмболайя *	78°30'	45°40' *
Адиабла *	79°	45°30' *
Аблиана *	78°	45°15' *
Мамекһия *	79°45'	45°40' *
Осика *	77°30'	44°45'
Сиода	78°15'	44°40' *
Барука	79°20'	44°40'
(Албанские * же ворота, как уже сказано [см. № 3], имеют координаты	80°	47°);
(5) между рекой Албан и рекой Кайсий —		
Кһабала *	80°	47° *
Кһобота *	80°30'	46°45' *
Бозиата *	80°	46°20'
Мисия *	81°	46°20'
Кһадакһа *	81°	46°
Алам *	82°	46°15';
между рекой Кайсий и рекой Герр —		
Тһиауна	82°15'	46°40' *
Тһабилака	82°45'	46°50' *;
а между рекой Герр и рекой Соана —		
Тһилбис *	84°15'	46°50' *;
(6) Близ Албании находятся два болотистых острова, пролив между которыми имеет координаты	87°30'	45° *.

№ 2

Там же, гл. 8, § 5—6.

- (5) ... Отсюда [т. е. от устья реки Коракс] [южная] граница [Азиатской Сарматии доходит] до предела Колхиды: 75° 47°,
затем до конца Иберии, где также находятся
Сарматские ворота 77° 47°,
а оттуда — до устья реки Соана 86° 47°.
- (6) На востоке [Азиатская Сарматия ограничена] начинающейся здесь частью [берега] Гирканского моря, на котором [расположены], за устьем реки Соана (положение коего уже было указано):
устье реки Алонт 86°30' 47°40'
устье реки Удон 87° 48°20'
устье реки Ра [Волги] 87°30' 48°50'.

№ 3

Там же, § 9.

- ... [оконечности] Кавказа [имеют координаты]: 75° 47° *
и 85° 48°
... а Албанские ворота 80° 47°

№ 4

Там же, § 13]

... у [Сарматского, т. е. северо-западного] берега Каспийского моря [обитают] уды, олонды, исонды и герры.

№ 5

Там же, гл. 10, § 1.

Иберия ограничена: на севере — частью Сарматии, которую мы описали [см. гл. 8 и выше, № 2—4]...; на юге — частью Великой Арме-

нии, идущей от сопредельной с Колхидой границы до точки, положение которой определяют координаты $76^{\circ} 44'40''$, а на востоке — Албанией, по линии, соединяющей вышеуказанную точку с точкой $77^{\circ} 47''$.

Имеет смысл привести также те места из «Географии» Плиния Старшего, в которых говорится о главном городе Албании и о ее стекающих в море реках ⁴.

№ 6

Плиний, «Естественная история», кн. VI, гл. 29

Всю равнину [к северу] от самого Кюра занимает народ албанов, а далее — иберов, отделенный от первых рекой Алозоном, стекающей с Кавказских гор [и впадающей] в Кюр. Главные города: Албании — Кабалака, Иберии — Армастис [Армазтихе]...

№ 7

Там же, гл. 39

Через Албанию стекают реки: в море — Касий и Албан; затем Камбюс, берущий начало в Кавказских горах; наконец, Кюр, [берущий его] в Кораксийских горах, как мы уже говорили [гл. 26]. Агриппа утверждает, что все побережье (от Касия — недоступное из-за большой высоты берегов) имеет протяженность в 425 миль [ок. 620 км] ⁵.

С помощью данных «Географии» Птолемея нетрудно построить карту Кавказской Албании, ни в чем существенном не отличающуюся от тех, которыми снабжены некоторые из сохранившихся средневековых рукописей этого произведения (рис. 1). Единственное важное отличие нашей карты от рукописных: обозначение на ней всех известных нам приемлемых вариантов координат каждого пункта, встречающихся в манускриптах и в *editio princeps*, и вытекающих из них вариантов начертания морского берега и течения рек ⁶.

2. Система «Албания Птолемея» (внутрисистемный анализ)

2.1. Общая характеристика

Вкратце Албания Птолемея может быть описана следующим образом (см. рис. 1 и 2, а).

⁴ *Pliny. Natural History* (Loeb). V. II/Ed. & transl. by H. Rackham. L., 1961, ad loc.

⁵ В этом переводе (№ 7) мы попытались показать, что из текста Плиния не следует неизбежно: 1) что Камбюс (т. е. Иори, см. ниже, прим. 29) впадает в море и 2) что албанский берег Каспия высок на протяжении 425 миль (хотя возможно и такое понимание). Иными словами, мы предполагаем такую пунктуацию оригинала: «*Flumina per Albaniam decurrunt: in mare Casius et Albanus; deinde Cambyses, in Caucasiis ortus montibus; mox Cyrus, in Coraxicis, ut diximus. Oram omnem (a Casio praealtis rupibus inaccessam) patere CCCXV mill. passuum auctor est Agrippa*».

⁶ О происхождении этих средневековых карт мнения расходятся, но независимо от того, восходят ли они к Птолемеевым оригиналам или к таинственному Агатодаймону или заново начертаны на основании указаний текста, они не блещут точностью, не содержат никаких достоверных элементов помимо упомянутых в этом тексте и зачастую даже уступают тексту в отношении локализации некоторых пунктов, расходясь порой с указаниями тех самых рукописей, которые они иллюстрируют (см. *Schnabel. Op. cit.*, S. 78-118). На нашей карте и на схемах (рис. 1, 5—8) для простоты мы использовали прямоугольную сетку и приняли соотношение 1 : 1 между птолемеевскими градусами широты и долготы, хотя на широте Кавказа оно у Птолемея равно 1 : 2/3 (см. *Berthelot A. L'Asie ancienne, centrale et sud-orientale d'après Ptolémée. P., 1930, p. 118 suiv.*). Хорошую краткую характеристику основных этапов изучения и использования сведений «Географии» Птолемея с перечислением источниковедческих проблем, учет которых необходим в исследованиях по локализации конкретных пунктов, см. теперь в написанной Ф. В. Шеловым-Коведяевым второй части работы: *Романовская М. А., Шелов-Коведяев Ф. В., Шелов А. Н. Городище Рудь — Мэтоний Птолемея? — ВДИ, 1981, № 4, с. 126—133.*

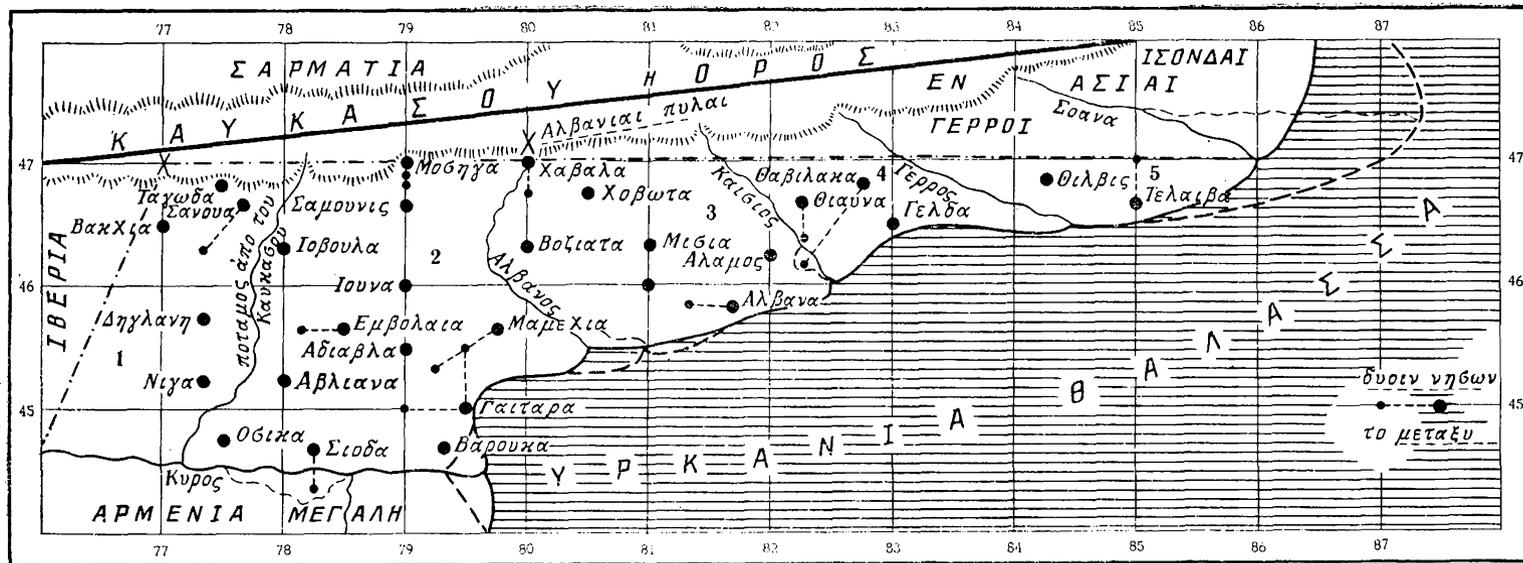

Рис. 1. Карта Албании Птолемея (реконструкция). См. § 1 и прим. 6; ср. табл. II

На севере ее почти параллельно экватору тянется Кавказский хребет. С его южного склона в южном или юго-восточном направлении стекают пять рек. Самая западная из них впадает в еще одну реку, текущую с запада, — Кюр. Остальные реки, в том числе и сам Кюр, вливаются в Гирканское море. Албанское побережье этого моря имеет общее направление ЗЮЗ — ВСВ, но на своем западном конце (близ устьев Кюра) сворачивает прямо к югу, а на восточном (близ устья Соаны) — к северу.

С запада на восток территория Албании Птолемея делится на пять зон, ограниченных соответственно: *первая* — восточной границей Иберии, Кавказом, анонимной рекой впадающей в Кюр, и Кюром; *вторая* — анонимной рекой, Кавказом, рекой Албан, Кюром и морским берегом от устьев Кюра до устьев Албана; *третья* — Кавказом (а точнее — южной границей Азиатской Сарматии, проходящей по 47-й параллели: см. № 2, § 5), реками Албан и Кайсий и берегом моря между их устьями; *четвертая* — 47-й параллелью, реками Кайсий и Герр и берегом между их устьями; *пятая* — все той же параллелью, рекой Герр и берегом между ее устьями и устьем Соаны (которая, заметим, только тут соприкасается с Албанией, а сама течет по южной части Азиатской Сарматии).

Каждая из этих пяти зон имеет свои города и села: в первой их 5, во второй — 12, в третьей — 7, в четвертой — 3, а в пятой — 2 (итого 29). причем указаны координаты каждого из них, а о четырех городах (Гайтаре, Албане, Гелде и Телайбе) известно также, что они стояли если не на самом берегу моря, то во всяком случае в непосредственной близости от него. Кроме городов указаны координаты: 1) устьев всех рек, впадающих в море (но не анонимной реки, вливающейся в Кюр); 2) обоих концов Кавказского хребта (№ 3) и двух перевалов на нем — Сарматских⁷ и Албанских ворот (№ 1, 2 и 3); 3) обоих концов границы между Иберией и Албанией (№ 5).

Координаты приморских городов и устьев рек позволяют себе составить некоторое общее представление об очертаниях берега (например, о наличии залива в районе Гелды), но нельзя забывать, что, кроме этих точек, все остальное есть интерполяция. То же можно сказать и о конфигурации Кавказа, об общем направлении которого (З — В от 75-го до 80-го меридиана, ЗЮЗ — ВСВ от 80-го до 85-го) мы можем судить лишь по четырем точкам. Хуже всего обстоит с течением рек, о местоположении истоков и изгибов которых (равно как и об устье анонимной реки) мы можем судить лишь по координатам поселений, между которыми они протекают⁸. На нашей карте (см. рис. 1) мы условно провели их примерно на одинаковом расстоянии от ближайших населенных пунктов, но следует помнить, что некоторые из этих пунктов вполне могли стоять и на их берегу.

2.2. Детальный анализ и критика вариантов координат

Вышеприведенная общая характеристика обща еще и в том смысле, что описывает систему «Албания Птолемея», представленную всеми рукописями «Географии» и сопровождающими их картами, отвлекаясь от частных особенностей, которые их разделяют. Среди этих особенностей, малозначительных при общем описании системы, особое место занимают расхождения относительно координат некоторых пунктов.

При детальном анализе системы, т. е. при рассмотрении ее подсистем (перечисленных выше пяти зон), и в особенности при изучении взаимоположения всех пунктов, этими расхождениями пренебречь уже никак нельзя. Необходимо сперва отсеять все явно ошибочные варианты и выделить сомнительные.

⁷ Речь здесь идет только о тех Сарматских воротах, которые Птолемей помещает на Главном Кавказском хребте; у него есть еще и другие, помещенные им на стыке Керавнских гор и выступа Главного хребта, в точке с координатами 81° : 48'30" (V, 8, 9).

⁸ Но см. ниже, § 2.2 (в конце), об истоках Албана.

Чрезвычайно полезен в этом отношении (а также и в отношении вариантов написания топонимов) обычный метод критики текстов — изучение рукописной традиции «Географии» Птолемея и составление генеалогического древа (стеммы) манускриптов и их чтений. Он позволяет «механически» исключить разночтения всех вторичных рукописей (списанных с других, также сохранившихся, первичных). Благодаря работам Мюллера, Кунтца, Рену, Й. Фишера, Шнабеля и Ронки⁹ мы сейчас располагаем достаточно хорошо обоснованной стеммой всех известных рукописей «Географии», числом около 45, из коих, в частности, следует, что при критике текста Птолемея можно пренебречь чтениями всех греческих кодексов, кроме одиннадцати¹⁰ (равно как и всеми латинскими изданиями, вышедшими до и одновременно с греческой editio princeps). Но, к сожалению, во-первых, два весьма важных манускрипта из числа этих одиннадцати были неизвестны Мюллеру и Фишеру¹¹, авторам единственного по сей день критического издания V книги «Географии» (издания Вильберга и особенно Ноббе «критическими» названы быть не могут); во-вторых, в аппарате у Мюллера — Фишера приведены далеко не все чтения даже тех рукописей, которыми они пользовались¹²; наконец, в-третьих, некоторые из приведенных у них чтений либо ошибочны (приведены неверно, отнесены не к тем манускриптам), либо противоречат отдельным выводам позднейших исследователей относительно преемственности кодексов (требуют допущения других контаминаций помимо трех, уже отмеченных в стемме)¹³. Отсюда необходимость остерегаться поспешных выводов¹⁴. Тем не менее имеющихся сведений оказалось до-

⁹ См.: Müller C. Rapport sur les manuscrits de la Géographie de Ptolémée. — Archives des missions scientifiques et littéraires, 2e série, 4. P., 1867, p. 279 suiv.; Cuntz O. Die Geographie des Ptolemaeus: Galliae Germania Raetia Noricum Pannoniae Illyricum Italia. Handschriften, Text und Untersuchungen. B., 1923, S. 1—37; Renou L. La Géographie de Ptolémée: L'Inde (VII, 1—4). P., 1925; Fischer J. De Claudii Ptolemaei vita operibus geographia praesertim eiusque fatis (= Claudii Ptolemaei Geographiae Codex Urbinas Graecus 82 phototypice depictus, &c., tomus prodromus), Pars I, Commentatio. Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1932, p. 209 sqq.; Schnabel P. Text und Karten des Ptolemäus (Quellen und Forschungen zur Geschichte der Geographie und Völkerkunde, B. 2). L., 1939, S. 5—77, 120; Ronca I. Ptolemaios, Geographie 6, 9—21, Ostiran und Zentralasien. Tl. I. Rom, 1971, S. 5—11.

¹⁰ Но см. ниже в тексте и прим. 14. Речь идет о рукописях X A Z C R V W O U K N (пользуясь обозначениями Шнабеля и Ронки, которым у Вильберга, Мюллера, Рену и Кунтца соответствуют X Г Z C R V W Ω Uг — N). Они распадаются на два семейства: Э = XAZ и Ω = CRVWOUKN, причем последнее делится в свою очередь на две группы: Π = CRVW и Δ = OUKN. Поскольку же рукописи A и Z (семейство Э) независимо друг от друга подверглись контаминации со стороны группы Π (семейства Ω), а рукопись O (группа Δ, семейство Ω) — со стороны какого-то предка Z (семейства Э), то редакция Э представлена в чистом виде лишь рукописью X, а редакция Ω — рукописями CRVW (=Π) и KNU. К рукописи A восходит манускрипт, использованный для греческой editio princeps (Basiliae, 1533), подготовленной Эразмом Роттердамским.

¹¹ A именно — древнейшая из них, U, и K. Если чтения U доступны благодаря ее лейденскому факсимильному изданию (Claudii Ptolemaei Geographiae Codex Urbinas Graecus 82 phototypice depictus &c. Tomus prior, Pars I, Textus cum appendice critica Pii Franchi de Cavalieri. Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1932) в изд. Мюллера — Фишера они представлены чтениями рукописей, восходящих к U, т. е. aLdDxw, то относящиеся к нашей главе чтения K (Constantinop. Seragl. Gr. 57) до сих пор не опубликованы и потому не смогли быть использованы.

¹² Например, отсутствует какое-либо упоминание варианта координат Khabaly, засвидетельствованного еще Вильбергом для рукописей aDf (= ADF) и наличествующего также в U (стало быть, и в потомках U, известных Мюллеру — Фишеру, т. е. Ldxw, равно как и в N, близко родственном f), 80° : 46° 45' (вместо 80° : 47°).

¹³ Укажем на варианты координат пп. Мосега и Khabala и на варианты в написании топонимов «Осика» и «Кхобота», которые нам не удалось согласовать со стеммой Шнабеля и Ронки (см. Ronca. Op. cit., S. 10).

¹⁴ Так, мы предпочли не включать те чтения, которые, на наш взгляд, дисгармонируют со стеммой Шнабеля и Ронки, т. е. совпадают с чтениями не «своего», а «чужого» предка из числа упомянутых (в прим. 10) 11 рукописей. Мы также сохранили упоминаемые у Мюллера — Фишера разночтения editio princeps, поскольку в аппарате у них отсутствуют какие-либо упоминания рукописи A (= Γ) (см. выше, прим. 10).

статочно, чтобы исключить ряд несомненно вторичных разночтений и сосредоточить внимание на тех, которые восходят (или могут восходить) к обоим основным редакциям дошедшего до нас текста. (Исключенные варианты в таблицах не отражены.)

Помимо генеалогического мы располагаем еще двумя критериями оценки разночтений, касающихся координат, причем оба они связаны со спецификой Птолемеевского труда. Первый — картографический — есть адекватность каждого чтения той системе, элемент которой он характеризует. С этой точки зрения варианты координат делятся на «системные» и «внесистемные», причем внесистемны те, в результате принятия которых нарушается система, например устья Албана оказываются восточнее Кайсия и Герра ($86^{\circ}30' : 45^{\circ}30'$, рукопись *N*), а п. Дёглав — в той же точке, что и п. Нига ($77^{\circ}20' : 45^{\circ}15'$, рукопись *Z*). Эти явные описки кописистов тоже можно смело исключить. (В таблице II они обозначены двумя звездочками, а на картах и схемах не учтены.)

Второй дополнительный критерий — порядок изложения материала в тексте «Географии». Сам Птолемей писал во вступительной ее части, посвященной способу воссоздания карт на основе его указаний: «Мы предпочли [при перечислении географических единиц] следовать определенному порядку, заботясь всячески об удобстве начертания карт, т. е. порядку, согласно которому мы будем перемещаться вправо таким образом, чтобы рука переносилась с уже обозначенных пунктов к еще не обозначенным. Это достигается нанесением более северных пунктов прежде более южных и более западных — прежде более восточных, ибо с точки зрения рисующих карту или пользующихся ею более северные пункты обитаемой земли помещены нами вверху, а более восточные — справа как на глобусе, так и на картах» (II, 1, 4; I/1, с. 72 Мюллер) ¹⁵. Правда, этот порядок соблюден с некоторыми отклонениями, ибо, во-первых, Птолемей строит определенную иерархию географических единиц (I — части света, II — области в пределах каждой части, III — страны в пределах каждой области, IV — провинции или географические зоны в пределах каждой страны) и соблюдает указанную последовательность при описании единиц одного уровня лишь в пределах единицы более высокого уровня; во-вторых, пункты, расположенные на берегу моря или у рек, перечисляются в порядке их следования вдоль береговой линии или реки (причем в последнем случае зачастую без того, чтобы нахождение их на берегу реки было оговорено); в-третьих, поскольку на плоскости нет и не может быть однозначного линейного порядка точек, то в зависимости от геометрической формы территории (вытянутой в направлении С — Ю или, напротив, З — В) преобладает порядок либо сверху вниз (С → Ю) независимо от колебаний по долготе, либо слева направо (З → В) независимо от колебаний по широте (оба критерия действуют вместе лишь тогда, когда соседние пункты стоят на одной параллели или на одном меридиане).

Нетрудно заметить в связи с вышесказанным, что (если отвлечься от четырех приморских городов) населенные пункты зон 1, 2 и 3 перечислены в направлении С → Ю, а пункты в зоне 4 — в направлении З → В (о зоне 5 ничего сказать нельзя, поскольку в ней только один континентальный пункт). При этом, однако, оказывается, что в большинстве рукописей пп. Сануа (1-я зона), Мамекхия (2-я) и Алам (3-я) названы после, хотя помещены севернее, соответственно пунктов Бакхия, Адиабла-

Следует, однако, отметить, что, несмотря на все неясности, состояние текста нашей главы, отраженное основными рукописями, вполне удовлетворительное, поскольку, как мы увидим, указанные большинством из них координаты всех пунктов, кроме одного или двух, могут рассматриваться как правильные (соответствующие Птолемею оригиналу), а почти все ошибки в написании топонимов — древнее общего архетипа всех наличных рукописей, т. е. могут даже восходить к самому Птолемею или к его источнику об Албании.

¹⁵ См. Claudii Ptolemaei Geographiae libri octo, recogn. C. Müller, v. 1, pars 1. Parisiis, 1887, p. 72.

Аблиана и Кһадакһа. (Эти отклонения и подобные им, но засвидетельствованные лишь в отдельных первичных или, возможно, первичных рукописях, отмечены в таблице II одной звездочкой.)

Но из этих трех отклонений необъяснимо только первое. Причиной второго могло быть нахождение Мамекһии на берегу Албана (т. е. Птолемей сперва перечислил все внутренние пункты от Мосеги до Аблианы, затем назвал пункт, находившийся на берегу Албана, наконец, пункты, стоявшие на берегу Кюра), а третьей — либо опять-таки нахождение Алама на берегу реки (Кайсия), либо просто незначительность разницы между широтами Алама и Кһадакһи (15') при значительности разницы между их долготами (1°).

Что касается п. Сануа, сюда, по-видимому, вкралась ошибка: либо перестановка названий *Σαυοα* и *Βακχία*, либо перестановка их координат, либо искажение координат Сануа¹⁶.

Порядок описания Птолемеем своей карты Албании сообщает нам еще одну ценную подробность. Албанские ворота, имеющие те же координаты или, во всяком случае, ту же долготу, что п. Кһабала, упомянуты в составе не 3-й зоны, куда входит Кһабала, а между 2-й и 3-й зонами. Это означает, что их можно отнести как к одной, так и к другой, т. е. что граница между этими зонами (река Албан) начиналась именно там, где находятся эти ворота. Таким образом мы узнаем местонахождение истоков Албана.

В остальном взаимоположение населенных пунктов (включая некоторые варианты) в пределах каждой зоны непротиворечиво (см. рис. 1).

3. Сопоставление систем «Албания Птолемея» и «современный Восточный Кавказ»

3.1. Главные несоответствия между ними

Поскольку совершенно несомненно, что *Καυκάσου ὄρος* есть Большой Кавказский хребет (точнее — восточная его часть), *Ἐρυθρὰ θάλασσα* — Каспийское море, *Κῦρος* — Кура, *Ἰβηρία* — Восточная Грузия (Картли), а *Ἀρμενία Μεγάλη* — Великая Армения, имевшая в качестве северной границы Куру, карта Албании Птолемея несомненно изображает Восточный Кавказ и прилегающие к нему районы, расположенные к северу от Куры. Однако даже при весьма поверхностном рассмотрении обнаруживается три поразительных несоответствия между системой «Албания Птолемея» (§ 2.1; рис. 2, а) и системой «физическое строение современного Восточного Кавказа» (рис. 2, б).

Во-первых, Б. Кавказский хребет тянется не параллельно экватору, а в направлении СЗ — ЮВ.

Во-вторых, все реки, стекающие с его южного склона, кроме двух (Пирсагата и Сумгаита), впадают не в море, а в Куру, а все реки, стекающие с него в море, кроме тех же двух, берут начало не на южном, а на северном его склоне.

В-третьих, направление Каспийского побережья к северу от дельты Куры — отнюдь не ЗЮЗ — ВСВ, а сперва, на небольшом отрезке (до Апшерона), — ЮЮЗ — ССВ, а затем ЮВ — СЗ.

Согласовать эти две разные типологии Восточного Кавказа невозможно, не пожертвовав какими-то существенными деталями одной из них. Поскольку же строение современного Кавказа налицо, так сказать, «в оригинале», и, стало быть, бесспорно, а карта Птолемея есть лишь весьма несовершенная графическая модель этого оригинала, построенная два тысячелетия тому назад, жертвовать вроде бы можно лишь деталями последней.

¹⁶ Можно, правда, предположить, что и Сануа, и Деглане, и Нига в отличие от Тагоды и Бакһии стояли на берегу анонимной реки, но эта гипотеза опровергается дальнейшими нашими выводами (см. § 4.2.1).

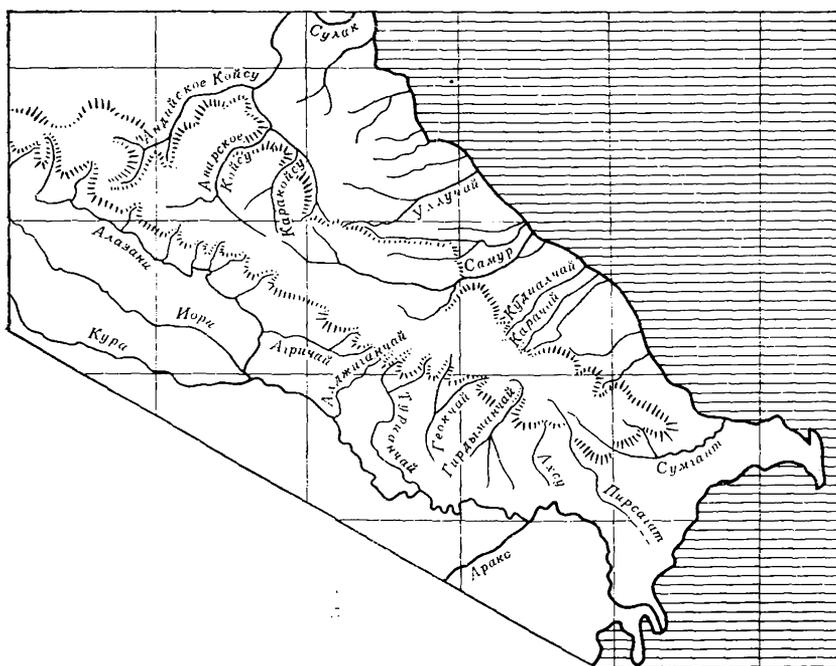
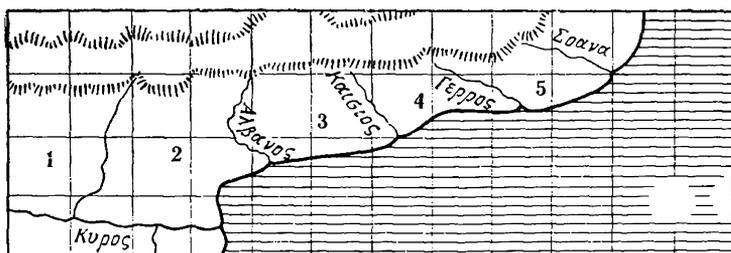

Рис. 2. Оро- и гидрографическая типология Кавказской Албании по Птолемию (а) и современного Восточного Кавказа (б). См. § 2.1 и 3.1

3.2. Два взаимоисключающих решения

До сих пор пытались это делать, принимая либо, что реки, обозначенные у Птолемея как текущие с южного склона и впадающие в море, на самом деле текут с северного склона, либо, что они на самом деле впадают не в море, а в Куру. И в том, и в другом случае, разумеется, ориентация береговой линии и ориентация Кавказского хребта у Птолемея отбрасывались как ошибочные. Третьего решения, казалось, не дано.

Допустим, мы избрали первое решение (реки текут с северного склона и впадают в море). Немедленно вслед за этим мы должны подобрать из числа рек, впадающих в Каспий севернее устьев Куры, каковых превеликое множество¹⁷, те, которые лучше всего бы соответствовали Птолемеевым Албану, Кайсию, Герру и Соане. Кроме того, нам также нужно найти реку, стекающую с Кавказа в Куру где-то между Грузией и Каспием (таковых тоже немало)¹⁸, с которой можно было бы отождествить

¹⁷ С Ю на С: в Азербайджане — Пирсагат (ныне до моря не доходит), Джейранкечмаз и Сумгаит (обе полувысохшие), Атачай, Гильгильчай, Вельвеличай, Карачай, Кудиялчай, Кусарчай; в Дагестане — Самур, Гюльгерычай, Рубас, Уллучай, Артозень, Гамриозень, Инчхеозень, Параулозень, Шураозень. Сулак (= Койсу), Акташ, Аликазган, Терек (Новый и Старый), Таловка, Средняя, Прорва и Кума, не считая более мелких речушек (крупные реки выделены курсивом).

¹⁸ С З на В (без притоков Алазани): Иори (Габырры), Алазани (Ганых), Алджиганчай (Алиджанчай), Турианчай-Карасу, Геокчай, Гирдыманчай и Ахсу (последние три ныне разбираются на орошение, не достигая Куры).

Птолемеев *ποταμός ἀπὸ τοῦ Καυκάσου*. Наконец, необходимо локализовать помещенные между этими реками древние населенные пункты.

Но если в отношении рек мы имеем l'embarras du choix, то локализацию городов и селений мы вынуждены признать принципиально невозможной. Действительно, единственный несомненно опознанный город из Птолемеева списка — Кхабала, т. е. Кабала (Cabalasa Плиния [см. № 6], Капалак или Кхавалак армянских источников)¹⁹, раскопки которого ведутся уже много лет азербайджанскими археологами²⁰, — находился километрах в восьми от села Нидж Куткашенского р-на, рядом с селом Чухуркабала, между речками Бумчай и Гамзаличай (иначе — Карачай и Карасу), воды которых вливаются немного южнее в текущий с севера чуть западнее их Турианчай. Иными словами, древняя Кабала, Кхабала Птолемея, находилась между Турианчаем и Геокчаем, или — шире — между Алджиганчаем и Гирдыманчаем. Но все названные реки впадают в Куру, а у Птолемея Кхабала помещена между Албаном и Кайсием, которые оба впадают в море! Вывод: либо урочище Чухуркабала не есть историческая Кабала (но все прочие литературные и археологические данные говорят об обратном)²¹, либо Птолемеева Кхабала — не историческая Кабала, а какая-то другая (о которой равным счетом ничего не известно), либо, наконец, речь идет об одной и той же Кабале, но Птолемей ошибочно локализовал ее не между Иберией и Албаном (как следовало бы ожидать в рамках данной интерпретации), а между последним и Кайсием, т. е. где-то севернее Пирсагата или Сумгаита. Но если столь неверно локализована Кабала, то можно ли надеяться на сколько-нибудь правильную локализацию Птолемеем остальных 28 пунктов?

Тем не менее большинство исследователей как прошлого, так и нынешнего века пошло именно по этому пути²². В результате мы располагаем целым калейдоскопом идентификаций Птолемеевых гидронимов и (в меньшей мере) других топонимов, ценность которых весьма невелика ввиду отсутствия каких-либо надежных критериев отождествления²³.

¹⁹ См.: *Крымский. Ук.* [в прим. 1] соч. [I], с. 193; *Тревер. Ук. соч.*, с. 253, и указанная там литература. Старейшее известное нам указание в научной литературе на точное местоположение Кабалы см. у А. Шифнера (*Schiefner A. A. Versuch über die Sprache der Uden. St. Pétersbourg, 1863, S. 5* [= *Mémoires de l'Académie impériale des sciences, VIIe série, t. VI, № 8*]). Но уже в 1846 г. А. Яновский (ук. соч., с. 119) помещал ее на берегу Турианчая, что тоже верно, если отождествлять с его истоками истоки Бумчай или Гамзаличая.

²⁰ См.: *Казиев С. М.* Из истории Кабаллинского магала. — В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962; *он же.* Историко-археологическое обследование городища Кабалы. — МКА V, Баку, 1964 (на азерб. яз.); *он же.* Первые итоги археологических разведок и раскопок в городище Кабала. — МКА VI, Баку, 1965; *Казиев С. М., Бабаев И. А.* Раскопки древней Кабалы. — АО, 1967 г. М., 1968; *они же.* Раскопки Кабалы. — АО 1968 г. М., 1969; *Казиев С. М., Бабаев И. А., Османов Ф. Л.* Работы Кабаллинской экспедиции. — АО 1969 г. М., 1970; *Бабаев И. А., Казиев С. М.* Кабаллинский клад монет эллинистической эпохи. — НЭ, IX, 1971; *Халилов Дж. А., Бабаев И. А.* О городах древней Кавказской Албании. — СА, 1974, № 4, с. 100—103.

²¹ См. прим. 19 и 20.

²² Еще А. Яновский писал: «Из рек Албании: одни принимают Соану за Терек, другие за Сулак, а Герус за Терек. Название Казису относят то к Койсу, то к Менасу, а Камбизеса к Парсагату и Иоре. Из городов: Баку называют: одни Албаною, другие Гетарою, а третьи Барукою, а Албану относят к Дербенту. Албанскими воротами некоторые именуют Дербентский, иные Дарьяльский проходы, или тот, что у Бешбармака, и пр. и пр.» (ук. соч., с. 99—100). Эти слова, увы, столь же актуальны через 135 лет после того, как были написаны. Несколько примеров наугад. По С. А. Ковалевскому (Лик Каспия, с. 104), Соана — Сулак, Герр — Уллучай, Кайсий — Самур, Албан — Сумгаит, безымянная река — Алазани, Гангара (т. е. Гайтара) — Баку, Гелда — Дербент и т. п.; по С. В. Юшкову (ук. соч., с. 135—136), Кайсий — Койсу (Сулак), Герр — Аксай, Соана — Терек, Албан — Сумгаит, а Кхабала находилась .. между Сулаком и Самуром (!); по К. Алиеву (ук. соч., с. 99), Удон — Терек, Алонт — Сулак, Соана — Самур, о Герре же, Кайсии и Албане он определенно не высказывается. Подобные примеры можно было бы умножить.

²³ Все они исходят из такого умозаключения: «Если Ра — это Волга, а Кюр — это Кура, то... между этими реками имеется несколько гидронимов, нуждающихся в локализации. Обратимся к современной карте и проследим все более или менее многоводные

По другому пути (реки Птолемея текут с южного склона) пошел еще в первой половине прошлого века А. Яновский. Он пренебрег только одним — правда, весьма существенным — моментом Птолемеевой карты: впадением рек в Каспий. Кроме Соаны (Сумгаита), утверждал он, все остальные реки Птолемея впадают в Куру. «Известно, что все речки Дагестана текут в море, но там их не три, а до 20. Напротив, в Шеке число речек соответствует указанию Плиния²⁴; но эти речки впадают не в море, а в Кур, и, судя по местоположению, не могли изменить своего течения» (ук. соч., с. 108).

Типологические преимущества этой точки зрения очевидны: впадающие в Куру реки текут, как у Птолемея, с одного и того же южного склона Кавказа; они текут более или менее параллельно, к югу или юго-востоку, что тоже хорошо согласуется с Птолемеевой схемой; наконец, все они (кроме Алджиганчая) образуют (сухие) дельты, что хорошо сходится с Птолемеевым множественным числом ἐξβολαί — «устья» (ед. ч. ἐξβολή у него применено лишь для устья Соаны). К сожалению, Яновский недостаточно последовательно провел свою точку зрения, пренебрег некоторыми указаниями Птолемея (в частности, о положении Кабалы, хотя приблизительное местоположение древнего города ему было известно, а также о городах за анонимной рекой) и слишком увлекся фонетическими сходствами, что не помешало ему, однако, сделать несколько удачных отождествлений. Но ахиллесовой пятой его подхода была его неспособность ответить на следующее веское возражение: «Если реки, текущие в Шеки, с одной стороны лучше могли служить к более достоверному определению по ним положения местностей Албании, упомянутых древними писателями, то пришлось бы предположить, что Птолемей и Плиний очень ошиблись, говоря, что упомянутые реки впадают в море. Но это в высшей степени неправдоподобно»²⁵.

Это возражение, видимо, приходило на ум и самому Яновскому, равно как и единственно возможный ответ на все вопросы, ибо в одном месте он мимоходом замечает: «Форма моря обрисована на ландкарте Птолемея неверно, и скорее можно допустить эту неверность, нежели и з м е н е н и я е г о в н а т у р е» (прим. на с. 134, разрядка наша.— С. М.).

3.3. Третье решение

А ведь разгадка в том как раз и состоит, чтобы признать «изменение моря в природе»! Карта Птолемея изображает Восточный Кавказ, каким он был бы (и по всей видимости, действительно когда-то был), если бы уровень Каспия весьма отличался от нынешнего и *большая часть Кура-Араксинской низменности находилась под водой* (рис. 3).

При таком допущении все кричащие противоречия между типологиями систем «Албания Птолемея» и «современный Восточный Кавказ» снимаются и правильность подхода Яновского становится очевидной²⁶.

реки, текущие в Каспийское море...» (см. Алиев. Там же). Логически безупречное, оно, как мы увидим, исходит из ошибочного молчаливого допущения, что современная карта адекватно представляет геоморфологическое состояние и двухтысячелетней давности.

²⁴ Яновский имеет в виду реки, упомянутые Плинием (№ 7), которые он отождествляет с реками, упомянутыми у Птолемея. Правда, делает он это весьма странным образом, поскольку, по нему, Камбюс Плиния — это Герр Птолемея, Албан Плиния — Кайсий Птолемея, а Каспий Плиния — Албан Птолемея! (ук. соч., с. 120).

²⁵ См. Дорн. Ук. соч., с. 330. Сам Дорн определенно не высказывается, хотя склоняется к Дагестанскому варианту, и приводит длинный список чужих локализаций, лишённых какого бы то ни было интереса.

²⁶ Любопытно, что историк С. В. Юшков начинает свою статью 1937 г., специально посвященную Албании Птолемея и высмеивающую «шекинскую» теорию Яновского, с весьма здравых рассуждений о том, что «Каспийское море должно было за две тысячи лет сильно изменить свои береговые очертания», в частности, из-за «понижения уровня вод» и «высыхания Каспия». Причем «большая часть побережья, которая сейчас находится ниже уровня моря (т. е. Мирового океана.— С. М.), была покрыта водой», в том числе и «нижнее течение... Куры», добавляет он (ук. соч., с. 130), не замечая, что такое предположение устраняет единственное веское возражение, выдвинутое еще

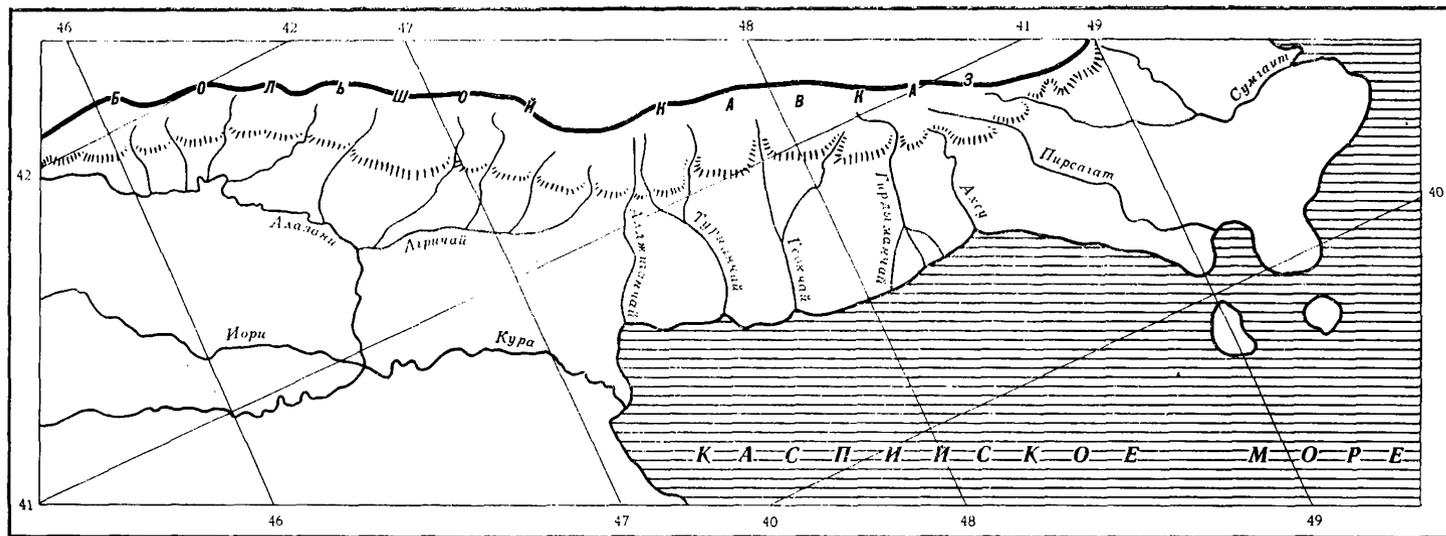

Рис. 3. Типология левобережья среднего и нижнего течения Куры при трансгрессии Каспия до абс. отметки + 15/20 м.
См. § 3.3; ср. рис. 1

Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить карту Албании Птолемея с картой Левобережного Азербайджана, каким бы он был, если бы воды Каспия заливали нынешнюю Кура-Араксинскую низменность до абсолютной отметки, помещающейся где-то между нулем и 20 м над уровнем океана (ср. рис. 1 и 3)²⁷. Единственное существенное расхождение, которое при этом не устраняется, — неверная ориентация Б. Кавказского хребта и соответственно всей территории Албании по направлению З — В вместо правильного СЗ — ЮВ (ср. координатные сетки на рис. 1 и 3). Здесь, и в самом деле, нужно признать ошибку Птолемея²⁸, но ошибку, не идущую ни в какое сравнение с теми грехами, которые ему незаслуженно вменялись в вину.

Действительно ли воды Каспия заливали в историческое время почти всю Кура-Араксинскую низменность? Если да, то когда именно? До какой отметки? Эти и подобные им вопросы мы пока оставляем открытыми. Для нас будет довольно того, что при таком предположении не только оказывается легче согласовать карту Албании Птолемея с современной картой Восточного Кавказа, но становится возможной и более или менее точная локализация практически всех 29 населенных пунктов, перечисленных у древнего географа. Если же предлагаемые ниже отождествления подтвердятся хотя бы частично, это будет веским аргументом в пользу реальности изображенной у Птолемея береговой линии и предполагаемой ею высокой трансгрессии Каспия.

4. Локализация рек и населенных пунктов

4.1. Метод. Локализация рек

Как уже говорилось, Албания Птолемея делится на пять зон, ограниченных Кавказом, морем (ныне Курой), Курой и пятью реками: анонимной, Албаном, Кайсием, Герром и Соаной (§ 2.1). Идентификация этих зон упирается в идентификацию перечисленных рек. На соответствующей современной территории их можно насчитать девять основных, текущих с Б. Кавказского хребта и впадающих в Куру или Каспийское море: Иори (Габыры), Алазани (Ганых), Алджиганчай (Алиджанчай), Турианчай-Карасу, Геокчай, Гирдыманчай, Ахсу, Пирсагат и Сумгаит. Кроме того, мы знаем, что Птолемея Кабала (историческая Кабала) находилась между Турианчаем и Геокчаем (§ 3.2 и прим.). Следовательно, теоретически возможны следующие идентификации рек (см. табл. III).

Решить а priori, какая именно современная река имеется в виду под каждой из пяти Птолемея рек, невозможно. Поэтому был использован метод перебора вариантов, благо их число невелико. Для каждой реки принимались по очереди каждая из трех или двух возможных ее идентификаций, и каждая из получавшихся таким образом зон сопоставлялась (с точки зрения наличной в ней топонимики) с соответствующей территорией Грузинской или Азербайджанской ССР. Так, первая зона Птолемея в принципе сопоставима: 1) с междуречьем Куры и Иори, 2) с междуречьем Куры и Алазани и 3) с «междуречьем» Куры и Алджиганчая. Сличение ее топонимики с современной топонимикой этих территорий

Дорном (см. выше в тексте), против мнения Яновского. Аналогичным образом, но по другим причинам геолог С. А. Ковалевский в книге, специально посвященной разбору античных свидетельств об изменениях уровня Каспия, приходит к выводу, что карта Птолемея требует, «чтобы уровень Каспийского моря опустился на 50 м ниже уровня океана, или на 24 м ниже своего современного горизонта» (Лик Каспия, с. 102). Дело в том, что С. А. Ковалевский опирался лишь на один факт: наличие у реки Ра (Волги) второго поворота в том, по-видимому, месте, где в настоящее время находится ее устье, и не учитывал «локутного» характера Птолемея карты Каспийского моря (ср. Ковалевский С. А. Карта Птолемея...).

²⁷ На наших схемах древний берег проведен весьма приблизительно вдоль 15—20-метрового изогипса на основаниях, о которых см. ниже, в § 4.3.

²⁸ Вопрос о причинах этой ошибки и о ее следствиях для формы Гирканского моря у Птолемея — предмет для особого разговора.

позволило довольно определенно идентифицировать все пять названных у Птолемея пунктов, причем четыре из них оказались в междуречье Иори и Алазани (т. е. Куры и Алазани), а один — между Алазани и Алджиганчаем. Подобная же операция в применении ко второй зоне Птолемея показала, что все ее топонимы (кроме одного неопознанного) сопоставимы с современными названиями пунктов, находящихся между Алазани и Алджиганчаем. Из этого был сделан вывод, что анонимная река — это Алазани, а Албан — Алджиганчай и что единственно противоречащий этому топоним оказался у Птолемея в первой зоне по ошибке (см. § 4.2.1). В конечном итоге мы пришли к следующим локализациям Птолемеевых гидронимов:

Анонимная река	= Алазани
Албан	= Алджиганчай
Кайсий	= Геокчай (или Гирдыманчай)
Герр	= Пирсагат (?)
Соана	= Сумгаит (?) ²⁹

Колебания между Геокчаем и Гирдыманчаем объясняются тем, что ни один из пунктов третьей и четвертой зон не был локализован между этими реками. Но поскольку неидентифицированное поселение Тиауна, скорее всего, находилось именно в этом междуречье, а также ввиду локализации Алама Кайсий вероятнее все же отождествить с Геокчаем. Относительно Пирсагата и Сумгаита сомнения иного свойства. Дело в том, что имеются веские причины подозревать, что оба топонима пятой зоны Птолемея оказались там, где они у него помещены, в силу какого-то недоразумения, вследствие чего восточная граница четвертой зоны оказалась «размытой», а реальность Соаны — под большим вопросом (см. § 4.2.4).

4.2. Локализация населенных пунктов

При локализации населенных пунктов (которая, напомним, на данном этапе лишь **п р е д в а р и т е л ь н а я**) мы исходили из следующего правила. Современный топоним отождествим с древним, если он: 1) с ним фонетически и палеографически сопоставим, 2) находится в той же, что и тот, зоне, 3) занимает относительно других локализованных пунктов

²⁹ Для сравнения приводим идентификации гидронимов Птолемея по Яновскому (ук. соч., с. 97, 120):

«Река с Кавказа»	(не упоминается)
Албан	= Алджиганчай
Кайсий	= Турианчай
Герр	= Геокчай
Соана	= Сумгаит.

Относительно албанских рек Плиния (тексты № 6 и 7, ср. прим. 24) вряд ли подлежит сомнению (вопреки Яновскому), что его Албан=Албану Птолемея, а его Касий (Cassius) — Ка(й)сию Птолемея. Что касается Алозона и Камбюса (первый из коих упоминает еще Страбон, XI, 3, 2, под именем Алазоний, а второй — Дион Кассий, 37, 3, и Аммиан Марцелин, XXIII, 6, 40), они давно уже идентифицированы с Алазани и Иори (древнеарм. и древнегруз. Камбеч, азерб. Габырры). Любопытно, что как греческое название Иори, *Καμβύσης*, так и греческое название Куры, *Κύρος*, суть точные омонимы греческих написаний имен ахеменидских царей Камбиза (др. перс. *Kambūjiya*) и Кира (др. перс. *Kuruš*); поскольку же арм. Камбеч легко выводимо из **kambūjiya*, а арм. *Кур* — из **kuruš*, то напрашивается вывод о существовании какой-то связи между обоими гидронимами и соответствующими царскими антропонимами. Трудно сказать определенно, какова эта связь и что первичнее, но скорее всего все-таки антропонимы восходят к гидронимам, а не наоборот: ср. Страбон, XV, 3, 6, где о Кире сказано, что он взял себе имя реки *Кюр*, *Κύρος* (но не нашей, а протекающей подле Пасаргад), и довольно правдоподобную этимологию гидронима **kur* (—), выводимого из какого-то древнего дагестанского языка, связанного с современными языками лезгинской и пезской групп (ср. крыз., будух. *kur* 'река', уд. *kur* 'овраг', гинух. *кога* 'ручей', 'овраг', гуиз. *kuro* 'ручей' и др.). Какая-то река *Куруш* фигурирует и в «Авесте». Что касается варианта *Корос*, упоминаемого Страбоном (XI, 3, 2) как более древняя форма, чем *Κύρος*, то это скорее всего орфографический вариант (где *o* = *ou* «*spu-riš*») старого, или диалектального, греческого произношения *kuros* (неубедительно объяснение, предложенное у *Lassere F. Strabon, t. VIII, ad loc.*). Ср. след. прим.

этой зоны примерно такое же положение, какое указано у Птолемея; а в случаях несоблюдения одного из вышеприведенных условий, 4) если предполагаемое отклонение поддается рациональному и — предпочтительно — системному (т. е. касающемуся сразу нескольких взаимосвязанных названий) объяснению.

4.2.1 Первая зона (рис. 4)

Первая зона занимает пространство между Кюром и анонимной рекой, т. е. Курой и Алазани, и соответствует современным Цителкарройскому, Сигнахскому, Гурджаанскому и Телавскому районам Грузинской ССР, а также, в принципе, и левобережной части Казахского, Таузского, Шамхорского и (частично) Ханларского районов Азербайджанской ССР, хотя реки Иори—Габырры (древнего Камбюса) Птолемей либо не знает, либо помещает ее совершенно превратно³⁰. Однако все указанные в первой зоне населенные пункты, кроме одного, сосредоточены в Гурджаанском и Сигнахском районах.

Тагоду в пределах первой зоны идентифицировать не удалось (но см. ниже).

Бакхния, или скорее **Бакрия*³¹ (*ΒΑΚΡΙΑ → ΒΑΚΧΙΑ) [см. рис. 8 (1)] — это либо Бакурцихе, либо Вакири — пункты, расположенные на дороге Гурджаани — Сигнахи.

Сануа, или скорее **Санора* (*ΣΑΝΟΡΑ → ΣΑΝΟΥΑ) [см. рис. 8 (2)]³², отождествима с Цнори — станцией, находящейся в нескольких километрах к В от Сигнахи.

Деглане — первоначально, по-видимому, **Дзигаане* (*ΔΖΙΓΑΑΝΗ → ΔΗΓΛΑΝΗ) [см. рис. 8 (3)] или тому подобное — трудно не сопоставить с современным Джугаани, пунктом, стоящим к ЮВ от Цнори, почти рядом с ним.

Наконец, Нига, или, возможно, **Нага* (*ΝΑΓΑ → ΝΙΓΑ) [см. прим. 40 и рис. 8 (4)], соответствует и по названию, и по положению пункту Анага, но не тому Анага, который рядом с Вакири, а Дзвели Анага (что значит «старый Анага»), находящемуся к ЮВ от Цнори и Джугаани, рядом с Тибаяни.

Нетрудно заметить, что взаимное расположение трех из четырех опознанных пунктов и в действительности, и на карте Птолемея почти одинаковое. Единственное исключение — **Санора*. Но мы уже знаем (§ 2.2, в конце), что дошедшие до нас координаты этого пункта противоречат порядку перечисления поселений первой зоны: будучи названа после **Бакрии*, **Санора* должна лежать южнее, а не севернее ее. В силу этого следует признать более правдоподобными координаты, приведенные в editio princeps: 77°20' : 46°20'. При такой ее локализации взаимное рас-

³⁰ У Птолемея (VI, 2) есть река Камбюс в Мидии, берущая начало в «Каспийских горах» [= Талыш?] (80° : 41°) и впадающая в Каспийское море южнее Кюра и Аракса (81° : 42° 45'), южнее которой впадает в Каспий другой Кюр (84°40' : 42°). Ср. предыдущее прим.

³¹ Это чтение нам было подсказано (увы!) опечаткой в тексте Латышева (ук. соч., с. 242): насколько можно судить по изданиям, чтение *Вахри* рукописями не засвидетельствовано. С Бакурцихе Бакхнию отождествлял и С. Т. Еремян, но впоследствии изменил свое мнение. Палеографическое обоснование всех предполагаемых нами ошибок см. на рис. 8, где нами использованы греческие литературные и особенно курсивные почерки первых веков до н. э. (некоторые описки, несомненно, восходят к источнику Птолемея или суть плод неверного его прочтения самим Птолемеем) и н. э.; см. *Maunde Thompson E. An Introduction to Greek and Latin Palaeography. Oxf., 1912, p. 144—147, 191—194.*

³² Кавказская Санора (Sanora) есть и на Tabula Peutingeriana, и у Равеннского анонима. С. Т. Еремян (Торговые пути..., с. 84 сл.) ее читает **Sinora*, возводит к греч. *σινωρος* 'пограничный' и локализует у современного Иджевана. Санору-Цнори можно также сопоставить с этнонимом «анары», носители которого, судя по древним грузинским и арабским источникам, обитали в окрестностях Дарьяльского (Крестовского) перевала, но имели также непосредственное отношение к созданию Кахетского княжества (Кахетия по-арабски — Санария).

Зоны Албании по Птолею (а) и современное состояние соответствующих территорий Грузии и Азербайджана (б) (рис. 4—7)¹

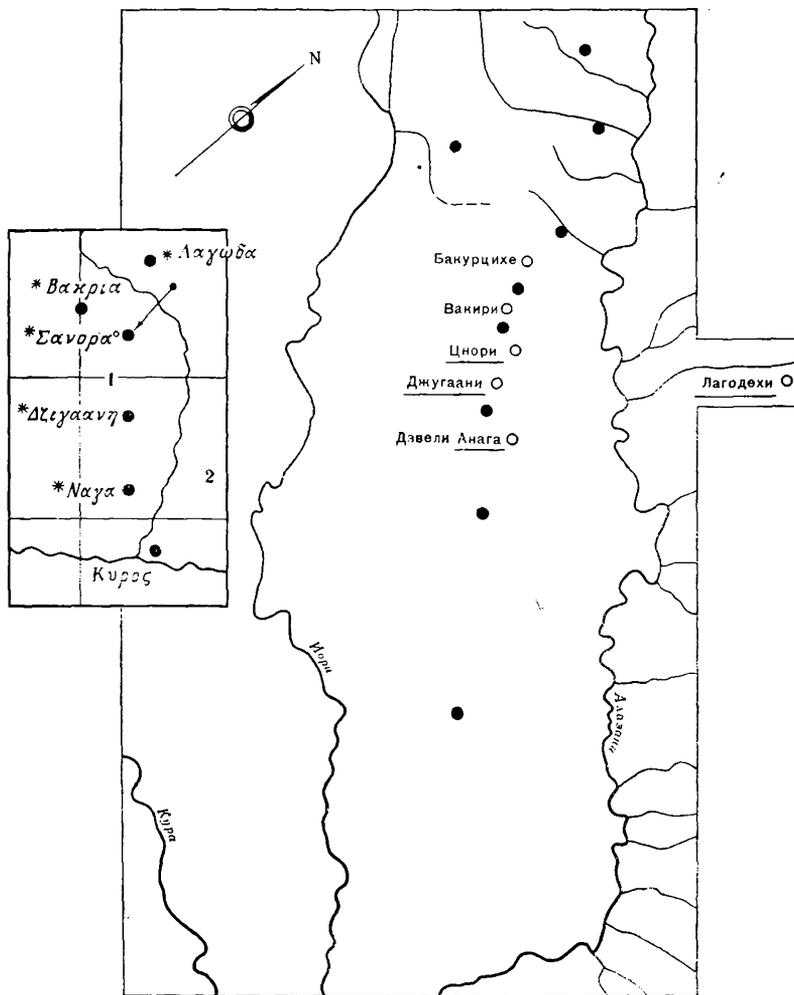

Рис. 4

¹ Звездочкой в начале отмечены Птолемеевские топонимы с исправленным чтением, кружочком в конце — переставленные. Пунктиром на схемах б обозначено примерное положение береговой линии при трансгрессии Каспия до + 15/20 м абс.

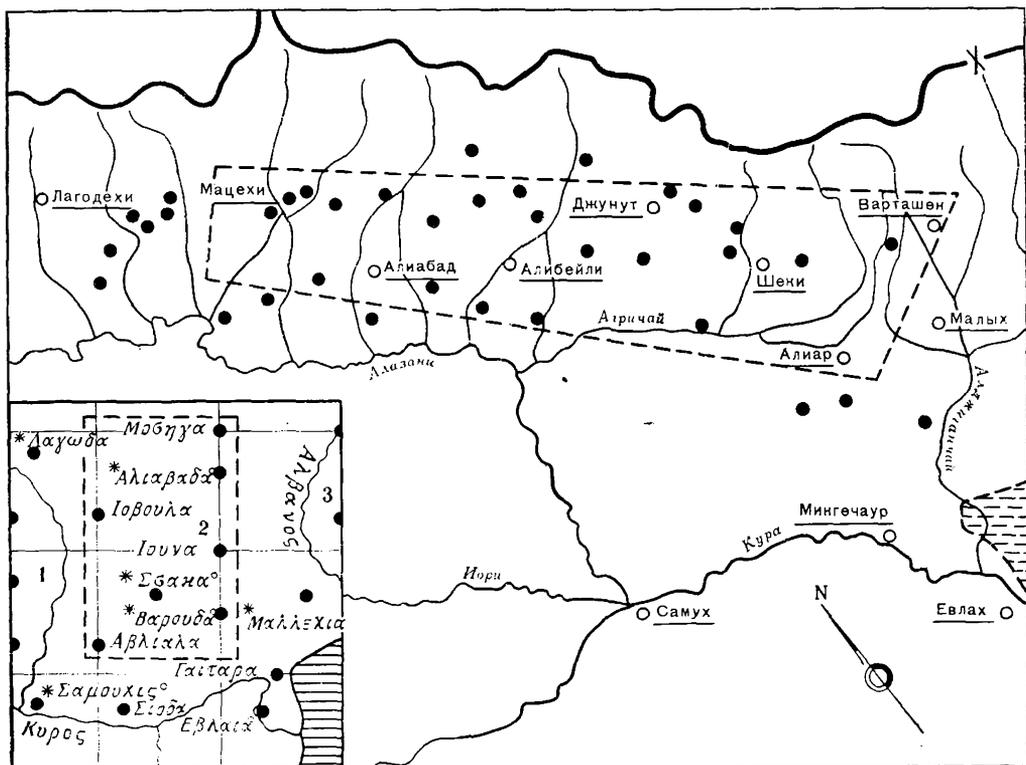

Рис. 5. Вторая зона

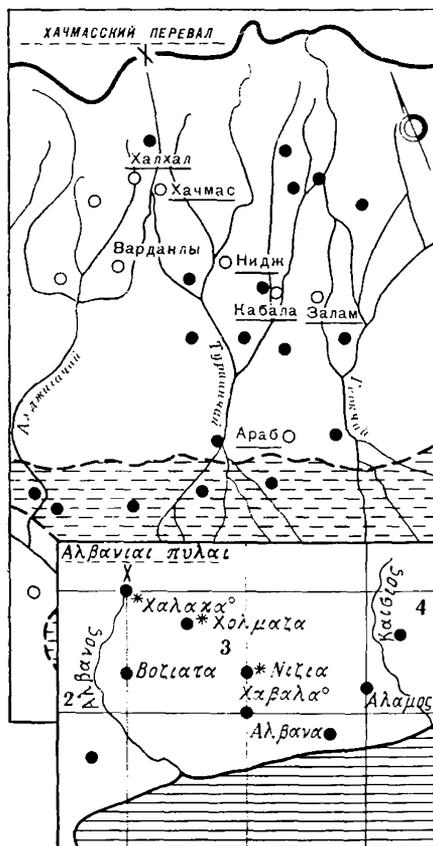

Рис. 6. Третья зона

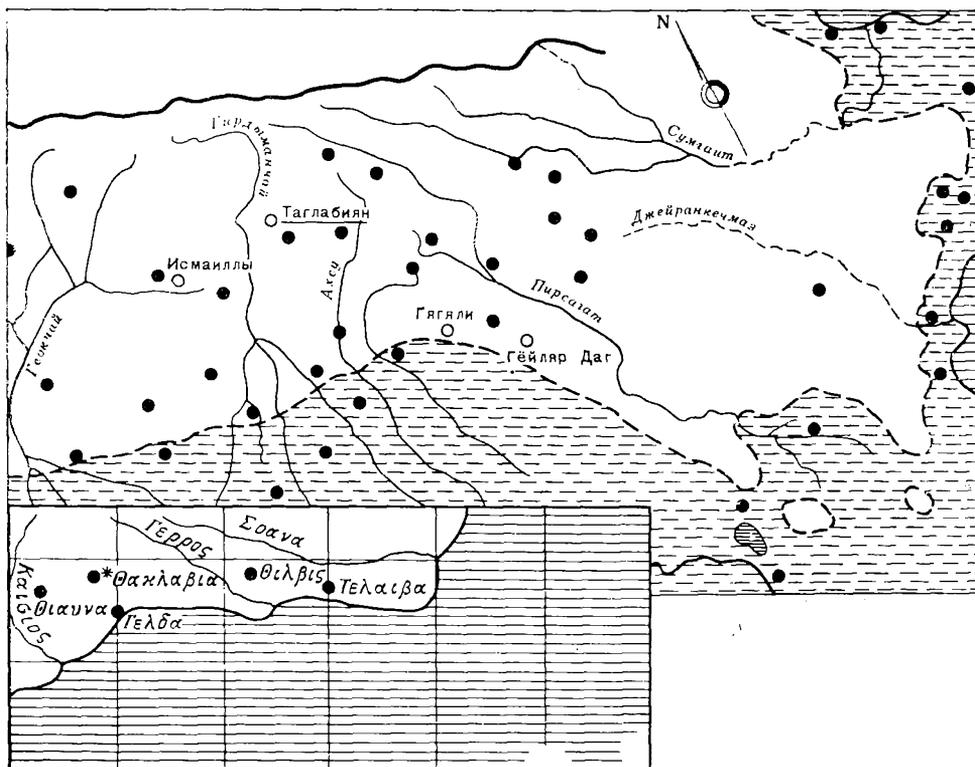

Рис. 7. Четвертая и пятая зоны

положение всех четырех пунктов и у Птолемея, и на современной карте практически одинаково.

Первая зона Птолемея грешит против истины в других отношениях. Во-первых, в ней явно не соблюден масштаб, даже относительный: расстояние Бакурцихе — Дзвели Анага (километров 25 по прямой) несопоставимо с длиной Алазани, а у Птолемея оно практически растянуто вдоль всей этой реки. Во-вторых, цепочка пунктов от *Бакрии до *Наги неверно ориентирована вдоль меридиана, в то время как в действительности линия Бакурцихе/Вакири — Дз. Анага имеет направление СЗ — ЮВ. Оба эти искажения имеют одну общую причину. Птолемей (или его информатор) знал, что все эти пункты тянутся вдоль правого края Алазанской долины, а о самом Алазани — только то, что он стекает с Кавказа и вливается в Куру. О том же, что большая часть течения Алазани параллельна Кавказу, он и не подозревал.

С этим незнанием, возможно, как-то связана и третья ошибка у Птолемея: помещение Тагоды в первую зону. Достаточно провести анонимную реку не перпендикулярно Кавказу, а отчасти и вдоль него (от истоков и до промежутка между *Бакрией и Тагодой), т. е. фактически перевести Тагоду на ее левый берег, во вторую зону, чтобы этот топоним расшифровался без труда. Тагода, а точнее *Лагода (*ΛΑΓΩΔΑ → ΤΑΓΩΔΑ) [см. рис. 8 (5)], — это, конечно, Лагодехи, ныне центр наиболее восточного района Грузии у подножия Большого Кавказа³³. Эта ошибка могла произойти только до составления текста «Географии», во время создания карты-оригинала Птолемея или какой-то ее предшественницы, по-видимому, вследствие неправильного нанесения течения анонимной реки.

³³ К этому выводу мы пришли во время путешествия по «Птолемеевским местам» Азербайджана и Восточной Грузии (сентябрь 1980 г.). Несколько месяцев спустя (в начале 1981 г.) к тому же заключению независимо от нас пришел и С. Т. Еремян (устное сообщение С. Т. Еремяна).

4.2.2 Вторая зона (рис. 5)

Вторая зона (между анонимной рекой и Албаном, т. е. Алазани и Алджиганчаем) соответствует современным Белоканскому, Закаतालскому, Кахскому, Шекинскому и отчасти Варташенскому и Мингечаурскому районам Азербайджанской ССР, а также (если верны наши выводы относительно Тагоды — *Лагоды) Лагодехскому району Грузии (§ 4.2.1).

Очертания этой самой обширной и населенной из Птолемеевских зоны сильно искажены, опять-таки из-за неправильного представления о течении Алазани как перпендикулярном Б. Кавказскому хребту. Эта ошибка — причина неверной ориентации не только всех поселений первой зоны, но и большей части поселений второй зоны, которые у Птолемея расположены параллельно реке (верно), но перпендикулярно Кавказу (ложно). Остальные пункты второй зоны, как увидим, привязаны к течению Алджиганчая и Куры и ориентированы более точно.

Но на это искажение наслочилась во второй зоне еще одна ошибка, которая очень долго мешала разобраться в расстановке ее населенных пунктов.

Все 12 перечисленных Птолемеем пунктов распадаются на две группы. Шесть поселений, если мы их верно опознали, расположены достаточно правильно (при учете, разумеется, вышеописанного искривления пространства зоны).

Мосега без труда расшифровывается как Мацехи³⁴, большое село у подножья Кавказа, расположенное рядом с г. Закаталы.

Иобулу следует, по-видимому, отождествить с современным селом Алибейли (Алибегло), расположенным недалеко от Кахи, на левом берегу Курмухчая. Современная тюркская форма названия (от имени собственного «Алибег», «Алибей»), по-видимому, плод позднейшего переосмысления³⁵.

Иуна сопоставима с Джунутом, скорее чем с Гейнюком (как предполагал Яновский, с. 117), будь то Верхним (Баш Г.) или Нижним (Ашагы Г.), хотя все три селения расположены по соседству друг с другом, к СЗ от Шеки, т. е. имеют подходящие координаты. Фонетическая трансформация [ju] — [ʒu] хорошо засвидетельствована во многих языках (ср. лат. *iunius* → итал. *giugno* 'июнь').

Аблиану — или, вернее, *Аблиалу* — еще Яновский (ук. соч.) предложил отождествить с Аблияром/Алияром, селом, находящимся у «локтя»

³⁴ В. Л. Гукасян (устное сообщение) выводит Мацехи (в форме *Macixe) из уд(инского) *maçi* — 'белый, -ая, -ое' + *xe* — 'вода'. Однако, на наш взгляд, такая этимология сопряжена с некоторыми трудностями: 1) она требует метатезы гласных е и i; 2) она не учитывает распространения окончания на -х || -хи (второй вариант, скорее всего, картвельский) в топонимике региона (ср. Лагодехи, Мацех(и), Катех(и), Мухах, Ках(и), Курмух, Малых и др.); 3) название «Белая вода» больше подходит в качестве гидронима (ср. многочисленные *Afсу* и *Afгај*, *resg. Karасу* и *Kарачај* современного Азербайджана). Правда, ни одна из этих трудностей не непреодолима. Учитывая засвидетельствованную Птолемеем древнюю форму *Mosęga*, можно было бы также сопоставить этот топоним с уд. *maçi eуel* 'белый баран', что весьма подходит в качестве топонимического родового имени, перешедшего на место обитания данного рода.

³⁵ Другой современный топоним, фонетически даже более близкий к Иобуле, Гей Булак, не подходит как по своему положению (километрах в 18 к Ю от Шеки, на левом берегу Агричая), так и ввиду прозрачности своей (тюркской) этимологии: «голубой источник» [километрах в 6 к В от него имеется другой «источник» — «каменный»: селение Даш Булак]. Из форм *Iobula* и *Alibeglo* || — *beјli* мы склонны реконструировать (правда, с большим вопросительным знаком) форму **ala-bul-a*, сопоставимую с уд. *bul-ala* 'вверх головы' и понимаемую в переносном значении 'гордый', 'непреклонный' или т. п. Примеры аналогичной инверсии порядка слов в сравнении с современным удинским мы, по-видимому, находим в таких восточнокавказских топонимах, как Белоканы (**bel oqin*, ср. уд. *oqin bel* 'на нижнем конце') и *Belalus* (*Tabula Peutingeriana*) (**bel alun*, ср. уд. *alun bel* 'на верхнем конце'). Ср., однако, *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента X — XI вв. М., 1963, с. 33; *Молла-заде* Ук. соч., с. 30.

самого восточного рукава системы Агричая (на старых картах он обозначен как Дашагылчай) ³⁶.

Мамекхия — или скорее **Мал(л)екхия* (*МАЛ(Λ)ΕΧΙΑ→ΜΑΜΕΧΙΑ) [см. рис. 8 (7)], — судя по ее положению и названию, тождественна селению Малых, находящемуся у р. Алджиганчай, недалеко от села Дашагыл ³⁷ (не путать с Баш Дашагылом!), к Ю от Варташена.

Наконец, к Гайтаре — или **Гайтауре* (*ΓΑΙΤΑΥΡΑ)? — несомненно восходит современное название Мин-гечаур-а ³⁸.

К этим шести надо, пожалуй, добавить и Сиоду, сомневаться в правильности координат которой у нас нет оснований, но для которой мы не смогли найти подходящего топонима ³⁹.

Пять топонимов второй группы более прозрачны, зато с их координатами обстоит явно неладно.

Адиабла — безупречная анаграмма Алибад, названия села, расположенного километрах в 15 к Ю от Закатал, на левом берегу Карачая, и мы можем смело восстановить чтение *ΑΛΙΑΒΔΑ или даже *ΑΛΙΑΒΑΔΑ (→ΑΔΙΑΒΔΑ→ΑΔΙΑΒΛΑ) [см. рис. 8 (8)], разумеется, если не отождествлять элемент *Али* с именем зятя Пророка (или с тюркским обозначением полусотни).

Осика, первоначально, возможно, писавшаяся **Саака* (*ΣΣΑΚΑ→ΟΣΙΚΑ) [см. рис. 8 (9)], — это, как предположил еще А. Е. Крымский, современный город Шеки (б. Нуха), которому недавно было возвращено его древнее название ⁴⁰.

Для Баруки, или **Баруды* (*ΒΑΡΟΥΔΑ→ΒΑΡΟΥΚΑ) [см. рис. 8 (10)], нет более подходящего «потомка», чем современный Варт-а-шен (что по-армянски означает «деревня роз»). Под греч. **Варода*, видимо, скрывается иран. (авест.) *варѳа* ‘роза’ или родственная форма ⁴¹.

³⁶ Быть может, как-то связано с перс. *ab lewar* ‘речной песчаный вал на берегу’, что хорошо согласовывалось бы с географическим положением А(б)лиара.

³⁷ На противоположном берегу притока Алджиганчая, обозначенного на старых картах как Керчай.

³⁸ -гечаур сопоставимо с уд. *кеҫ-иг-(их)* ‘каменные стены’ (а *мин-* — с уд. *таӀн* ‘черный’). Та же Гайта(w)ра/-гечаур скрывается, по-видимому, за албанским топонимом *Gəwğaw* (Армянская география VII в., с. 28—29, Soukry), где мы, скорее всего, имеем искажение первоначального **Gəiǰawr*.

³⁹ С. Т. Еремян (устное сообщение, октябрь 1981 г.) предложил нам сопоставить топоним «Сиода» с современным топонимом «Судагилан», названием городища близ Мингечаура, где в 40—50-х годах проводились раскопки, давшие богатые находки (в частности, знаменитый каменный христианский алтарный престол с албанской надписью, о которой см. *Муравьев С. Н.* Три этюда о кавказско-албанской письменности. — Ежегодник иберийско-кавказского языковедения, VIII. Тбилиси, 1981, с. 265—270). Эта гипотеза, несомненно, заслуживает рассмотрения.

⁴⁰ См. *Крымский*. Ук. соч., с. 589. Это исправление предполагает первоначальное написание топонима *Саака беглым греческим курсивом III—II вв. до н. э., в котором буква *альфа* часто писалась в виде простого острого угла (см. рис. 8, [4] и [9]) и походила на курсивную *iota* I—II вв. н. э. Подобное смешение *α* с *ι* мы имеем и в случае *ΝΑΓΑ→ΝΙΓΑ. (Ср. *Maunde Thompson*. Op. cit., p. 185 f., 191—192 [таблицы].) Двойная *sigma*, разумеется, обозначает особый, негреческий характер спиранта: [s], [ʃ] или т. п. Такое чтение имеет еще то ценное преимущество, что позволяет сохранить написавшуюся этимологию Шеки [арм. *Sak'ē*, азерб. *Шәки* (где *ә* обозначает звук [æ]), возводящую этот топоним к этнониму (тотемическому названию) скифского племени саков (из иран. *saka* ‘олень’), обитавших, в частности, в древней области Сакасене (*Strabo*, XI, 7, 2; *Ptol.*, V, 12, 4; арм. *Sakašen*), находившейся на правом берегу Куры, напротив Шеки, в районе современного Кировабада (бывш. Гянджа).

⁴¹ Если *vard* ‘роза’ не более позднее (V—VII вв.) армянское переосмысление первоначального местного названия с иной семантикой. Ср., например, слова лезгинских и даргино-лакских языков, обозначающие Луну: цахур. *va(rd)z*, лак. *barz*, лезг. *varz*, табасар. *vadz*, *vaz*, *vazu*, дарг. *vadz*, арч. *baʃ||bas*, агул., рутул, крыз., будух., хиналуг. *vas* (ср. *Strabo*, XI, 4, 7). Если элемент *vart-* в топониме Варташен восходит к общедарг. **hardz*° (см. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М. 1971, с. 193), то греч. *Варода*, быть может, лучше исправлять в **Вароца*/**Варζουα*. — Фонетически Варташен — **Варода* сопоставим с Варутхой (Ὀβάρουθα), городом Великой Армении (73°: 43° — *Ptol.*, V, 12, 5), а этимологически (если верна наша первая гипотеза) — с колхидским городом Вар(д)цихе (греч. Ῥοδῶπολις).

Самунис, а точнее *Самухис (*ΣΑΜΟΥΧΙΣ→ΣΑΜΟΥΝΙΣ) [см. рис. 8 (11)], как понял уже Яновский (ук. соч., с. 116), тождествен Самуху — поселку, находившемуся у слияния Иори и Алазани с Курой.

Наконец Эмболайя, или лучше — *Эблайя* (первая форма явно переосмысляет вторую под влиянием греческого слова ἐμβολή 'устье'), практически неотличима фонетически от современного Евлаха. (Если два последних отождествления справедливы, из этого следует, что и *Самухис, и Эблайя в отличие от Самуха и Евлаха нашего времени находились на левом берегу Куры, ниже слияния с ней Алазани. Такое «перемещение» допускает два объяснения: изменение русла рек [весьма частое явление в этих местах] и распространение названия на противолежащее поселение ⁴².)

Беда только в том, что все эти населенные пункты помещены у Птолемея «не там, где следовало бы», судя по нашим идентификациям. Но при более внимательном (и притом системном) анализе обнаруживается любопытная закономерность: Эблайя «просится» на место *Баруты, *Барута — на место *Алибады, *Алибада — на место *Самухиса, *Самухис — на место *Ссаки, а *Ссака — на место Эблайи, т. е. если пронумеровать и названия этих пяти городов, и их координаты от 1 до 5 в том порядке, в каком они приведены у Птолемея, от *Самухиса (1) до *Баруты (5), то достаточно «сдвинуть» все названия на два номера «вверх» относительно номеров координат, а «вытесненные» № 1 и 2 поместить в освободившиеся места № 4 и 5:

$$\begin{pmatrix} 1 & - & 1 \\ 2 & - & 2 \\ 3 & - & 3 \\ 4 & - & 4 \\ 5 & - & 5 \end{pmatrix} \rightarrow \begin{pmatrix} 1 \\ 2 \\ 3 & - & 1 \\ 4 & - & 2 \\ 5 & - & 3 \\ & - & 4 \\ & - & 5 \end{pmatrix} \rightarrow \begin{pmatrix} 3 & - & 1 \\ 4 & - & 2 \\ 5 & - & 3 \\ 1 & - & 4 \\ 2 & - & 5 \end{pmatrix}, -$$

чтобы относительное положение каждого населенного пункта достаточно хорошо согласовывалось с относительным положением того современного «потомка», которого мы ему нашли. Напрашивается вывод, что на какой-то стадии работы Птолемея (или кого-либо из его предшественников) над картой, например при наклеивании ярлычков с названиями поселений в отмеченные заранее места ⁴³, произошло произвольное смещение пяти из них.

Но даже при учете этого смещения карта второй зоны далека от совершенства — из-за уже отмеченного искривления ее пространства. Селения *Лагода и Мосега ориентированы достаточно верно — параллельно Кавказскому хребту, у подножья которого они находятся. Зато пункты *Алибада, Иобула, Иуна, *Ссака, *Баруда и Аблиана расположены уже не параллельно Кавказу, а перпендикулярно ему, вдоль Алазани (и Агричая, который для этого приходится «примыслить»). Наконец, *Малекния помещена, как ей и полагается, у самого Албана, недалеко от *Баруды (но неизбежно — совсем не с той стороны), а *Самухис, Сиода (?), Гайтара и Эблайя — вдоль Куры (которая, стало быть, была далеко не столь прямолинейна на первоначальной карте, как ее рисуют на основании скупых указаний Птолемея).

Отметим, что при трактовке второй зоны мы обошлись без исправления каких-либо координат (положение Малекнии [§ 2.2, в конце] действитель-

⁴² Нужно также иметь в виду, что современный город Евлах возник у одноименной железнодорожной станции и потому не обязательно стоит на том самом месте, что давнее ему свое имя поселение, местоположение которого нами пока не установлено (в ст.: *Пассек Т. Джафарханский могильник.* — ВДИ, 1946, № 2, с. 176, прим. 1, упоминается и река Евлах, определить точное положение которой нам также пока не удалось).

⁴³ На некоторых средневековых картах Птолемея названия пунктов помещены в своеобразные рамки в виде ярлычков, изображающих городские зубчатые стены (у главных городов — с башнями).

но объясняется ее близостью к Албану—Алджиганчаю), хотя зона эта, несомненно, выиграла бы от перенесения *Алиабады (б. Самунис) с 79-го на 78-й меридиан.

4.2.3 Албанские ворота и третья зона (рис. 6)

Третья зона лежит между Албаном (Алджиганчаем) и Кайсием (Геокчаем или — хотя вряд ли — Гирдыманчаем) и соответствует восточной части Варташенского района и Куткашенскому району Азербайджана. (Если Кайсием считать Гирдыманчай, в эту зону входит и большая часть Исмаиллинского района.)

Хотя никакие значительные искривления пространства ее не искажают, третья зона тоже изображена небезупречно у Птолемея. Сразу бросается в глаза не совсем верное положение Кхабалы: не где-то в середине зоны, а у истоков Албана и входа в Албанские ворота (ср. § 3.2, 2.2, в конце). Судя по тождеству названий ворот и реки, их близость на карте — не случайность. Наиболее близкий к истокам Алджиганчая перевал — Хачмасский, от которого берет начало речка Агчай, бифурцирующая на уровне села Хачмас || Хачмаз (не путать с Хачмасом, районным центром в Северном Азербайджане) и вливающаяся одним рукавом в Алджиганчай (недалеко от Малыха), а другим — в Турианчай (южнее Синджана). Ввиду удаленности обоих Салаватских перевалов (соответственно у истоков Мурдара и Вандамчая) нужно согласиться с Яновским (ук. соч., с. 179), что Хачмасский лучше всего «соответствует тем Албанским воротам, кои показаны на ландкарте Птолемея». Правда, сам Алджиганчай (который в своей верхней части называется также Халхалчай) берет начало не в Хачмасском, а в соседнем, более западном Халхалском ущелье, в начале которого стоит село Халхал, но такую мелкую неточность (от Хачмаса до Халхала по прямой не более 5 км) Птолемею можно простить.

Нетрудно заметить, что Птолемеевой Кхабале в действительности больше соответствует либо Халхал, либо Хачмас, а не городище Кабалы. Но обращает на себя внимание и то, что самому этому городищу на карте Птолемея лучше всего соответствует Кнадакха, т. е., разумеется, ... *Кхалакха (*ХАЛАХА→ХАДАХА) [см. рис. 8 (12)]⁴⁴. Сомнений здесь не может быть никаких: у Птолемея перепутаны названия *Кхалакха и Кхабала. Если их поменять местами, вопрос о других локализациях решается просто.

Кнобота, стоящая к В от псевдо-Кхабалы (т. е. *Кхалакхи-Халхала), есть, вероятнее всего, Хачмас (из ХОВОТА можно палеографически восстановить форму *ХОЛМАЗА, в которой как будто ошибочно буква Л на третьем месте, однако нет и уверенности в том, что первый слог этого топонима уже в языческое время звучал [ха^с], что по-армянски и по-удински значит «крест»; [см. рис. 8 (13)]⁴⁵.

⁴⁴ Халхāl по-персидски значит «ожерелье» (от хāl 'родинка', 'бусина'). Этот топоним весьма распространен в Иране (так, например, есть Халхал в Шахруде). В самой Кавказской Албании в V в. н. э. был другой Халхал, расположенный недалеко от Куры, близ границы Иберии, «который был зимней резиденцией царей Албанских» (см. *Эллисе*, О Вардане и войне армянской. Ереван, 1957 (на др. арм. яз.), с. 75 — с. 77 русского перевода (Ереван, 1971). С. Т. Еремян помещает его сейчас в низовьях Акстафы (см. Карта...).

⁴⁵ Не исключено, что оба азербайджанских Хачмаса (наш и районный центр в Северо-Восточном Азербайджане) являются христианизированными (при помощи слова ха^с 'крест') эквивалентами персидских топонимов Хормоз, Хормозд, Ормузд и т. п., восходящих к имени Ахура Мазды, главного древнеперсидского и зороастрийского божества (имя Ахура Мазда←груз. Армаз носила и древнегрузинская крепость Армазцихе [Птолемея hАрмастика, Плиниев hАрмастис, совр. Армази] близ Мцхеты). Поскольку Ахура Мазда значит «Владыка Мудрость», то *Хач Маз(да) означало бы «Крест Мудрость». Если это предположение верно, то искаженное рукописное ХОВОТА у Птолемея скорее всего отражает редуцированную форму *Хорма(з)д, или, возможно, учитывая древнеперсидское неразличение [r] и [l], — Холма(з)д. Ср. албанский гавар Хоlмаl в «Армянской географии VII в.», который С. Т. Еремян читает Хоlмаз (Карта...).

Мисия, стоящая к ЮВ от Кхоботы—Хачмаса и к С от псевдо-Кхадакхи (т. е. Кхабалы), должна, по-видимому, читаться *Низия (*NIZIA → MIZIA) [см. рис. 8 (14)] и соответствует, конечно, современному удинскому селу Нидж.

Алам, расположенный восточнее *Низии и Кхабалы и, вероятно, на берегу Кайсия-Геокчая (§ 2.2, к концу), мы вслед за Яновским (ук. соч., с. 119) отождествим с селом Залам, стоящим, правда, на берегу не самого Геокчая, а его наиболее западного притока. (Нужно ли исправлять АЛАМОС в *ЗААМОС, пока не ясно.)

Городу Албане, помещенному Птолемеем между меридианами *Низии и Алама, но южнее обоих, на берегу моря, ближе всего соответствует и по положению, и по названию современный Араб. Естественно, полной уверенности в правильности такого отождествления в отсутствие подтверждающих данных у нас быть не может, и, однако, переименование города Албаны (в его албанском звучании) в близкозвучащий Араб как следствие завоевания Албании арабами представляется вполне возможным. Как бы то ни было, Албану, несомненно, надо искать между Турианчаем и Геокчаем, на северной границе Ширванской равнины.

Бозиату или Бозиати на современных картах обнаружить не удалось⁴⁶. Судя по карте Птолемея, искать ее следует где-то у современного села Варданлы (BOZIATA ← *BOPZIANA? ср. прим. 41).

4.2.4 Четвертая и пятая зоны. Острова (рис. 7)

Четвертая зона простирается от Кайсия (Геокчая или Гирдыманчая) до Герра (Пирсагата?), а пятая — от Герра до устья Соаны (Сумгаита?), т. е., в принципе, речь идет об Исмаилинском, Ахсуинском и Шемахинском районах и о южной части Апшеронского.

Из пяти топонимов, приведенных у Птолемея, только два, входящих в четвертую зону, поддаются (довольно гипотетической) локализации.

Тхабилака, если допустить в этом названии случайную метатезу К ⇌ ВІ, т. е. читать его *Тхаклабия (*ΘΑΚΛΑΒΙΑ → ΘΑΒΙΛΑΚΑ)⁴⁷, почти тождественна совр. Таглабияну (километрах в 8 к югу от Лагича).

Гелда, судя по ее положению относительно *Тхаклабии и Каспийского моря (т. е. Ширванской равнины), должна была находиться где-то недалеко от совр. населенных пунктов Гягяли или Гёйляр Даг (ГЕЛДА → ГЕ<Й>Л<АР>ДА<Г>? — переосмысление — «расшифровка?»).

Тиаишну мы на современной карте обнаружить не смогли. Искать ее следует, по всей видимости, между Геокчаем и Гирдыманчаем, не севернее Миджана и Исмаиллы⁴⁸. (Если это так, то отождествление Кайсия с Гирдыманчаем отпадает полностью.) Но в свете того, что нам предстоит сказать чуть ниже о пунктах пятой зоны, необходимо добавить, что М. Г. Джанашвили сблизил Тиаишну с грузинским городком Тианети (вернее

⁴⁶ А. Яновский, а вслед за ним и С. Т. Еремян усматривают связь между Бозиатой и современным оронимом Боз-Даг (тюрк. «серая гора»), что возможно (ср. вариант *Bozdağ*), но лишь в том случае, если современная форма трактуется как переосмысление какого-то дотюркского топонима.

⁴⁷ О причинах этой метатезы трудно что-либо сказать ввиду многообразия возможных объяснений: от фонетико-психологических (ошибка внутреннего диктанта) до графико-«механических» (так, чтение *Θαβιλακα* может быть получено, если написать *Θακλαβα кругообразно —

	θ	
Α		Α
	ΒΙ	Κ
	Λ	Α

— и прочесть в обратном направлении).

⁴⁸ Быть может, это античное городище у Моллаисаглы?

Тхионети — из *Тхиавн-ети), ныне — районным центром, на Верхней Иори, к С от Тбилиси ⁴⁹.

Наиболее загадочны оба пункта пятой зоны, причем не столько потому, что их не удалось локализовать, сколько по самой своей «природе».

Пытаясь опознать *Тхилбис*, Яновский (ук. соч., с. 122) сопоставил его с армянским городом Пайтакараном, находившимся на правом берегу Куры (в Мильской степи) и носившим по некоторым сведениям второе название Тифлис.

Со своей стороны К. В. Тревер (ук. соч., с. 139) вслед за М. Г. Джанашивили ⁴⁹ усмотрела фонетическое сходство между топонимами *Телайба* и... Телапи.

Если в отдельности каждое из этих сопоставлений вряд ли заслуживает внимания, то трудно считать случайным следующий «пучок» наблюдений: 1) Тхиавна почти неотличима от картлийского Тхионети, а Тхилбис — от картлийского Тбилиси; 2) Телайба весьма напоминает кахетинское Телапи; 3) оба последних пункта помещены рядом с рекой Соаной, носящей название картвельского народа — сванов (у Страбона — Σοάνες); 4) за этой рекой Птолемей поселяет племя исондов, под которыми тоже можно не без основания усматривать тех же сванов ⁵⁰. Все это вряд ли случайно. Но вопрос о том, по недоразумению ли попали сюда все эти колхидско-иберийские топонимы и этнонимы, относящиеся не к Албании, а к Иберии ⁵¹, или же какие-то картвельские племена действительно населяли восточную оконечность Албании, — этот вопрос придется оставить открытым.

Но даже если здесь произошла ошибка, это вовсе не означает, однако, что сами пункты, носящие у Птолемея иберийские названия, отсутствовали в указанных им местах. Мы уже имели возможность убедиться, что связь между определенным названием и определенными координатами у Птолемея не очень жесткая, в результате чего вполне реальные поселения получают у него чужие имена. Если это так, то псевдо-Тхилбис надо, пожалуй, искать где-то в Кобустане, скажем, у Чеильдага, а псевдо-Телайбу — на его границе, где-нибудь в районе нынешней станции Гобустан. Соану можно продолжать отождествлять с Сумгаитом и либо видеть в путанице между ее истинным древним названием (каким-нибудь *Суам-) и названием какой-то «Сванской реки» причину «картвелизации» всей Восточной Албании Птолемея, либо просто выводить ее современное название из древнего.

Остается сказать о двух островах, пролив между которыми Птолемей помещает в точке, стоящей на линии, продолжающей русло Герра, но довольно далеко от берега. Если мысленно поднять уровень Каспия до отметки 15—20 м над уровнем океана, то, судя по современным картам рельефа, два довольно больших острова, действительно, как будто должны образоваться к В от города Али-Байрамлы, там, где теперь имеются две

⁴⁹ См. *Царевич Вахушти*. Ук. соч., с. 131, прим. 421.

⁵⁰ Эти исонды упомянуты у Птолемея в Азиатской Сарматии между геррами (ср. р. Герр), с одной стороны, и олондами (ср. р. Алолт) и удами (ср. р. Удон) — с другой (см. текст № 2); поскольку же эти народности отнесены как раз к той территории Азиатской Сарматии («у Каспийского моря» — *παρὰ τὴν Κασπίαν θάλασσαν*, где протекают соответствующие реки, должна была существовать какая-то связь и между этнонимом Ἰσονδαί и гидронимом Σοάνας, и не исключено, что καὶ Ἰσονδαί нужно исправить в καὶ Σοάνας [или т. п.] (ΚΑΙΣΟΑΝΑΙ → ΚΑΙΣΟΝΔΑΙ), где начальная *iota* — плод диттографии конечной *iota* слова καὶ, а окончание -ονδαί внесено под влиянием предшествующего Ὀλύβδα). Со сванами также отождествляют иногда упоминаемых у Птолемея (V, 8, 13) в Азиатской Сарматии (между Гипшическими и Керавинскими горами) суранов (Σουρανοὶ *pléique codd.*, Σουροϋανοὶ X, Σοῦανοὶ ed. gr.), поскольку они (как колхидские сваны у Прокопия, *Bell. goth.*, IV, 2) соседствуют у него со скимнитами и (как колхидские сваны у Страбона, XI, 2, 14 [ср. 2, 1]) живут южнее фтейрофагов-«вшееедов» (V, 8, 12).

⁵¹ В этом случае мы здесь будем иметь древнейшие упоминания Тианети, Тбилиси и Телапи.

	А		В	
1	βακρια	ΒΑΚΡΙΑ I/X	-κx-	-κx- I/X
2	σαγορα	ΣΑΝΟΡΑ I/X	-ουα	-ΟΥΑ II
3	διτγααμη	ΔΖΙΓΑΑΝΗ -III	ΔηΓΛΑ-	ΔΗΓΛΑ- -II/+V
4	Νιγi	ΝΑΓΑ -III	NI-	NI- I/VIII
5	λαγωαε	ΛΑΓΩΔΑ -II/+I	τα-	ΤΑ- I/VIII
6	αβλιααε	ΑΒΛΙΑΛΑ VI/VII	-να	-ΝΑ VI/X
7	μαλληα	ΜΑΛΛΕΧΙΑ -III/+VIII	-μ-	-Μ- -III/+X
8	αλιαβααα	ΑΛΙΑΒΑΔΑ -III/+VIII	-δι-	-ΔΙ- -III/+X
9	σσηα	ΣΣΑΚΑ -III	οσι-	ΟΣΙ- I/VIII
10	βαροταε	ΒΑΡΟΥΔΑ -III/+III	-κα	-ΚΑ I/VI
11	σεμογχιε	ΣΑΜΟΥΧΙΣ V/VIII	-χιε	-ΧΙΣ V/X
12	χαλαха	ΧΑΛΑΧΑ -III/+VIII	-ααα-	-ΑΔΑ- -III/+X
13	χολмгга	ΧΟΛΜΑΖΑ VII/X	-ллт-	-ΒΩΤ- VIII/X
14	μζια	ΝΙΖΙΑ -III	μιε-	ΜΙΣ- -III/+X

Рис. 8. Палеографическое обоснование предложенных исправлений Птолемеевских топонимов. А — исходное (предположительно — верное) написание; В — ошибочное прочтение исходного написания. Римскими цифрами обозначены века (до н. э. — со знаком минус), в течение которых данное написание (resp. прочтение) было палеографически возможным

возвышенности, образующие оконечности хребта Харамы и Алятской гряды. Поскольку это, по-видимому, бывшие грязевые вулканы, их тождество «болотистым» островам Птолемея выглядит вполне правдоподобным, хотя, разумеется, остается достаточно гипотетичным.

4.3 Уровень Каспия, имплицитруемый картой Птолемея

Выше мы ориентировочно определяли высоту предполагаемой трансгрессии Каспия как +15/20 м над уровнем океана. На чем основывалась эта цифра?

Согласно карте Птолемея, Алджиганчай (Албан) должен вливаться в море, а не в Куру, а города Евлах (Эблайя) и Мингечаур (Гайтара) — стоять на берегу Куры, недалеко от моря. У нынешнего Евлаха Кура течет на 15-метровой абсолютной отметке, а Алджиганчай вливается в нее несколько выше (километрах в 7 по прямой), т. е. на еще более высокой отметке (около 20 м, но точных данных у нас пока нет). В нынешних условиях, чтобы достичь устья Алджиганчая, море должно было бы залить Ев-

лах. Но нельзя забывать, что две тысячи лет тому назад ситуация несомненно была иной, ибо под руслом обеих рек и их берегами не было всех тех отложений, которые они нанесли с тех пор (ср. также прим. 42). У нас нет точных данных, чтобы оценить мощность этих наносов, но того, что мы знаем, достаточно, чтобы заключить, что они особенно значительны там, где падение уровня (уклон) Куры резко сокращается, т. е. как раз после Мингечаура, и притом должны исчисляться метрами, а не сантиметрами. Т. е., даже если Алджиганчай тек к морю по своему нынешнему руслу (что вовсе не обязательно), его ложе и берега (как и ложе и берега Куры) были значительно ниже теперешнего их уровня и море, приняв Куру у Евлаха, могло простираться оттуда к северу и «перехватывать» Алджиганчай где-то не доходя до современного Верхнеширванского канала. Поэтому принятая нами цифра в +15/20 м, скорее, преувеличена, чем занижена. Вообще же решение вопроса о линии берега этой трансгрессии (буде ее реальность подтвердится) требует дальнейших исследований, в том числе, по-видимому, и полевых.

5. *Вместо заключения: стратегия дальнейших поисков.*

Итак, при всем предварительном характере полученных результатов гипотеза о высоком уровне Каспия в эпоху составления архетипа Птолемеевой карты Албании оказалась, как нам кажется, в высшей степени продуктивной. Тем не менее и она, и полученные благодаря ей локализации остаются пока что лишь гипотезами. Чтобы придать им достоверность, необходимо подтвердить их при помощи независимых данных, почерпнутых из других источников.

5.1 *Верификация локализаций топонимов*

Она должна идти по крайней мере в трех направлениях.

Первое: привлечение данных других античных, средневековых и более поздних (греко-римских, византийских, армянских, грузинских, арабских, персидских, азербайджанских, западноевропейских, русских и других) литературных памятников о топонимике Албании и других возникших на ее территории государств с тем, чтобы, в частности, используя более поздние варианты упоминаемых Птолемеем топонимов, проследить, елико возможно, пути их развития до нашего времени и уточнить (или исправить) их локализацию.

Второе (практически неотделимое от первого): лингвистический анализ всех топонимов Птолемея и их возможных оригиналов и позднейших форм с целью установления в меру возможности их принадлежности к той или иной языковой семье или группе и раскрытия их первоначального значения. (Несколько робких опытов в этом направлении читатель нашел в примечаниях к этой статье.)

Третье (самое надежное, но и самое трудоемкое): археологическое обследование наиболее многообещающих мест в локализованных пунктах или вблизи их ⁵². Разумеется, древнее название селения археологически

⁵² Читатель заметил, что мы воздержались выше от каких-либо попыток перевести расстояния, направления и координаты Птолемея в современные их эквиваленты. Хотя подобные расчеты действительно могут оказаться полезными при сопоставлении данных Птолемея с археологической обстановкой — как это блестяще продемонстрировано в третьей части (написанной А. Н. Щегловым) упомянутой выше (прим. 6) работы о Матонии Птолемея, — к нашему случаю они явно неприменимы, поскольку при учете всех погрешностей, связанных как с самим методом Птолемея, так и с нашей неполной осведомленностью о нем (например, относительно длины использованного им стадия или характера использованной им проекции), приводят к гораздо менее определенным выводам, чем простое системно-типологическое сопоставление древней карты с современной. Так, только что упомянутые подсчеты А. Н. Щеглова приводят его к заключению, что «Матоний следует искать в пределах примерно двухсоткилометрового (!) отрезка среднего течения Днестра», и если такого результата оказывается достаточно, чтобы отождествить его с городищем Рудь, то только потому, что «на указанном участке по берегам Днестра нет других синхронных крупных поселений» (с. 137). Для срав-

установить можно только на основании надписей, найденных при раскопках (на что надежды мало), но подтвердить существование древнего поселения, определить его значение и — главное — время его основания и расцвета археологи умеют хорошо.

Работы во всех этих трех направлениях несомненно позволяют не только выявить наши ошибки и уточнить наши догадки, но и многое прояснить в истории Албании и Азербайджана, а также, возможно, и Восточной Грузии.

5.2. Верификация гипотезы о трансгрессии Каспия

Здесь тоже следует различать по крайней мере три направления поисков.

Первое — историко-филологическое — предполагает, во-первых, тщательный анализ всех античных сведений о Каспии на предмет выявления косвенных свидетельств о возможных изменениях его уровня; во-вторых, установление источника данных Птолемея (а также Плиния и Агриппы) об Албании с тем, чтобы датировать время составления оригинала его карты и, стало быть, и изображенной на ней трансгрессии (наиболее интересная гипотеза — связывающая создание карты Албании с известной экспедицией Патрокла 285—280 гг. до н. э.⁵³).

Второе — археологическое — заключается в анализе всех имеющихся данных полевой археологии прикаспийских низменностей, относящихся к I тыс. до н. э., при условии, что находки верно датированы и что известна абсолютная высота их залегания. Пространственно-временные параметры трансгрессии, если она имела место, проявятся в виде отсутствия на определенной территории в течение определенного времени каких-либо признаков человеческого обитания. При этом надо иметь в виду, что трансгрессия совсем не обязательно должна была смыть следы пребывания, оставленные человеком до ее наступления, а также что чем выше абсолютная отметка, тем короче было время, в течение которого данная местность лежала под водой.

Наконец, третье направление — палеогеографическое — требует анализа данных, добытых геологами, геоморфологами, океанологами, палеонтологами и представителями других наук о прошлом земли, относительно колебаний уровня Каспийского моря. К сожалению, хотя вопрос этот исследуется весьма интенсивно с XIX в., и особенно с тех пор, как уровень Каспийского моря стал стремительно опускаться (30-е годы нашего века), и накоплен большой фактический материал, нельзя сказать, чтобы исследователи пришли к какому-либо единогласному мнению о точном числе, амплитуде и времени трансгрессий Каспия в голоцене⁵⁴. К тому же создается впечатление, что используемые ими методы (в частности, изучение

нения: 200 км — это примерное расстояние по прямой от Лагодехи до Исмаиллы, т. е. от *Лагоды до *Тиавапы Птолемея, между которыми у него на карте помещено не менее семи других пунктов (если ограничиться теми, которые имеют примерно одинаковую широту). Ясно, что при такой разрешающей способности перевод Птолемеевых параметров в современные — в большинстве случаев пустая трата времени. Скорее наоборот: полученные независимо от него результаты могут пролить свет на методику работы самого Птолемея. Так, если Рудь действительно Мэтоний, то (хотя он этого и не говорит) из подсчетов А. Н. Щеглова следует, что в данном случае в зависимости от использованной им проекции Птолемей пользовался стадием в 177,8 или в 210 м.

⁵³ В пользу столь ранней датировки нашей карты говорят, в частности, и некоторые отмеченные нами (см. прим. 40) палеогеографические особенности реконструируемых оригинальных форм топонимов [ср. рис. 9 (3, 4, 9, 14)], а также передача губно-губного звука [v/w] не через *ou* (как стало обычным — под влиянием латинского языка — после присоединения эллинистических государств к Римской империи: ср. у того же Птолемея иберийские топонимы *Ουααδα* и *Ουάρια* [V, 10, 2] и армянские *Ουαρούα* и *Αρμαουρα* [V, 12, 5]), а через *β* (ср. *Βεζαλα*, *Βαρούα*, *Τελαβα*), но только, естественно, если это [v/w] — исконное, а не продукт позднейшей спирантизации.

⁵⁴ Последние выводы представителей различных наук относительно колебаний уровня Каспия см. в сб.: *Колебание увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене*. М.: Наука, 1980.

бывших береговых террас и фаунистических — моллюсковых — отложений) обладают недостаточной «разрешающей способностью» и тем меньше способны «замечать» даже такие внушительные события, как предпологаемая трансгрессия, чем стремительнее те были. Отсюда и тенденция представителей наук о земле: когда речь идет об исторических временах, самим обращаться к свидетельствам древних писателей, старых карт и старых архитектурных памятников, о которых известно, на каком расстоянии от моря они стояли в определенное время, а также к некоторым данным археологии. Увы, пользуются они этими данными и свидетельствами далеко не всегда достаточно критично и компетентно. (В их оправдание уточним, что филологи и историки, в том числе и историки древней географии, проблемы колебаний Каспийского моря в историческое время вовсе не пренебрегли.)

К некоторым из перечисленных вопросов мы надеемся вернуться.

Таблица I

*Топонимика Кавказской Албании по Птолемею: разночтения в рукописях и в ed(itio) pr(insep)s его «Географии» (по аппаратам изданий Мюллера-Фишера и Вильберга-Грасхофа и по факсимильному изданию кодекса Urbinas 82 [= U]; условные обозначения — по работам П. Шнабеля и И. Ронки). А — чтение всех, или большинства, известных Мюллеру-Фишеру первичных рукописей кроме приведенных под В; В — разночтения отдельных первичных (в некоторых случаях, — и вторичных [см. прим. 14]) рукописей. Звездочкой * обозначены несомненно (или почти несомненно) поздние описки копийщиков, крестиком + — разночтения, могущие восходить к архетипу и соперничать с чтениями, приведенными под А. Акцентуация топонимов, ввиду ее нерелевантности, не учтена. Подробности см. § 2.2 и прим. 2 и 9—14.*

А	В	А	В
1. ΤΑΓΩΔΑ 2. ΒΑΚΧΙΑ	ΤΡΑΓΩΔΑ (CW) * ΒΑΚΧΕΙΑ (ed. pr.) * [ΒΑΚΡΙΑ hab. Latych.]	15. ΣΙΟΥΔΑ 16. ΒΑΡΟΥΚΑ 17. ΓΑΙΤΑΡΑ	ΓΑΓΓΑΡΑ (X, ed. pr.) + ΓΕΤΑΡΑ (L) * ΓΑΙΤ-, ΓΑΡΤ-, ΓΑΓΓ-, ΤΑ(Ρ)Ι'Α (VIII, 19)
3. ΣΑΝΟΥΑ 4. ΔΗΓΛΑΝΗ 5. ΝΗΓΑ	ΔΙΓΛΑΝΗ (CRVW=Π) * ΔΗΧΛΑΝΗ (ed. pr) * ΝΗΓΑ (ed. pr.) *?	18. ΧΑΒΑΛΑ 19. ΧΟΒΩΤΑ	ΧΑΛΑΒΑ (N) * ΧΟΒΑΤΑ (U et LaDow [<U], Cp [<Π]) * ΧΟΒΕΝΤΑ (N) * ΧΩΒΑΤΑ (ed. pr.) * ΒΟΖΙΑΓΑΙ (X) + ΜΟΖΙΑΤΑ (Z) * ΜΕΙΣΙΑ (ed. pr.) * ΧΑΔΑΚΑ (ed. pr.) * ΑΛΑΝΟΣ (X) +
6. ΜΟΣΗΓΑ 7. ΣΑΜΟΥΝΙΣ 8. ΙΟΥΟΥΛΑ 9. ΙΟΥΝΑ 10. ΕΜΒΟΛΑΙΑ	ΣΑΜΟΝΙΣ (X) + ΙΟΥΟΥΛΑ (V) *	20. ΒΟΖΙΑΤΑ 21. ΜΙΣΙΑ 22. ΧΑΔΑΧΑ 23. ΑΛΑΜΟΣ 24. ΑΛΒΑΝΑ	25. ΘΙΑΥΝΑ 26. ΘΑΒΙΛΑΚΑ 27. ΓΕΛΔΑ
11. ΑΔΙΑΒΛΑ 12. ΑΒΛΙΑΝΑ	ΕΒΛΑΙΑ (X, ed. pr.) + ΕΜΒΟΛΑΙΟΝ (Z) * ΑΔΙΑΒΔΑ (X, ed. pr.) + ΑΔΙΑΒΛΙΑ (N) * ΑΒΛΙΑΜΑ (X) + ΑΒΛΙΑΛΑ (ed. pr.) + ΑΒΛΑΝΑ (Z) *	28. ΘΙΑΒΙΣ 29. ΤΕΛΑΙΒΑ	ΧΕΛΔΑ (X) + ΘΑΑΒΙΣ (ed. pr.) * ΤΕΛΕΒΑ (RVW O) *
13. ΜΑΜΕΧΙΑ 14. ΟΣΙΚΑ	ΚΑΜΕΧΙΑ (ed. pr) * ΟΣΙΜΑ (Lw[<U], VR[<Π], n¹) * ΟΣΣΙΜΑ (VIII, 19 teste Wilbergio)	1. ΣΑΡΜΑΤΙ- ΚΑΙ ΠΥΛΑΙ 2. ΑΛΒΑΝΙΑΙ ΠΥΛΑΙ	ΑΛΒΑΝΕΙΑΣ ΠΥΛΑΙ (ed. pr) *
1. ΣΟΑΝΑ 2. ΓΕΡΡΟΥ 3. ΚΑΙΣΙΟΥ	ΚΑΣΙΟΥ (X, ed. pr.) + ΣΙΟΥ (U) *	4. ΑΛΒΑΝΟΥ 5. ΚΥΡΟΥ	ΚΥΡΡΟΥ (ed. pr.) * ΚΑΙ ΑΡΑΕΟΥ (add. X [11,2]) *

Таблица II

Координаты географических объектов Какавказской Албании по Птолемею (1 — населенные пункты, 2 — гидрография и орография); разночтения в рукописях и в ед. его «Географии» (по тем же источникам и с теми же обозначениями, что в табл. I). А — чтения всех, или большинства, первичных рукописей кроме приведенных под В; В — разночтения отдельных первичных (иногда — вторичных) рукописей. Простой звездочкой * обозначены чтения координат, противоречащие порядку перечисления пунктов в тексте (С → Ю); двойною ** — картографически невозможные чтения. См. § 2.2 и прим. 2 и 9—14.

	А	В
1. Tagoda	77°30' : 46°50'	77°10' : 46° ed. pr.*
2. Bacchia	77° : 46°30'	77° : 46°10' ed. pr.*
3. Sanua	77°40' : 46°40'*	77°20' : 46°20' ed. pr.
4. Deglane	77°20' : 45°45'	77°20' : 46°15' Z**
5. Niga	77°20' : 45°15'	
6. Mosega	79° : 47°	79° : 46°55' (i. e. 1/2 + 1/3 + 1/12) ULOf 79° : 46°50' (i. e. 1/2 + 1/4 + 1/12) adDwNVW 79° : 46°50' (i. e. 1/2 + 1/3) R 79° : 47°40' X** 79° : 46°10' ed. pr.*
7. Samunis	79° : 46°40'	79° : 46°10' ed. pr.*
8. Iobula	78° : 46°20'	
9. Iuna	79° : 46°	
10. Embolaea	78°30' : 45°40'	78°10' : 45°40' X 78° : 45°20' ed. pr.* 79° : 45°10' ed. pr.*
11. Adiabla	79° : 45°30'	78°15' : 44° ed. pr.**
12. Abliana	78° : 45°15'	79°15' : 45°20' ed. pr.
13. Mamechia	79°45' : 45°40'*	
14. Osica	77°30' : 44°45'	
15. Sioda	78°15' : 44°40'	78°15' : 44°20' ed. pr. 78°15' : 41°15' X**
16. Baruca	79°20' : 44°40'	
17. Gaetara	79°30' : 45°	79° : 45° Nd 79°30' : 45°30' RVW
18. Chabala	80° : 47°	80° : 46°45' f (teste Wilb.) U
19. Chobota	80°30' : 46°45'	80°10' : 40°10' ed. pr.**
20. Boziata	80° : 46°20'	
21. Misia	81° : 46°20'	
22. Chadacha	81° : 46°	
23. Alamus	82° : 46°15'*	
24. Albana	81°40' : 45°50'	81°20' : 45°50' ed. pr
25. Thiauna	82°15' : 46°40'	82°15' : 46°20' ed. pr.
26. Thabilaca	82°45' : 46°50'	82°15' : 46°10' ed. pr.
27. Gelda	83° : 46°30'	
28. Thilbis	84°15' : 46°50'	81°15' : 46°20' ed. pr.**
29. Telaeba	85° : 46°40'	85° : 47° X
1. Soanae os	86° : 47°	87°20' : 47°20' ed. pr. (8, 5)
2. Gerrhi ostia	84°30' : 46°30'	
3. Caesii ostia	82°30' : 46°	
4. Albani ostia	80°30' : 45°30'	81° : 45°30' X 86°30' : 45°30' N**
5. Cyri ostia	79°40' : 44°30'	79°20' : 44°30' ed. pr. (11, 2) 79°40' : 44° V (11, 1)**
Insularum Palustrium medium	87°30' : 45°	87° : 45° ed. pr.

	A	B
1. Caucasi terminus I	75° : 47°	75° : 45° ed. pr.**
terminus II	85° : 48°	
2. Portae Sarmaticae	77° : 47°	
Albaniae	80° : 47°	

Таблица III

Георетически возможные идентификации рек Кавказской Албании Птолемея (K = городище Кабала; Kh = Кхабала Птолемея)

	Иори	Алазани	Альбинганчай	Турианчай	Гокчай	Гирдыманчай	Аксу	Пирсагат	Сумгаит
Анонимная река	+	+	+						
Албан		+	+	+					
Кайсий					+	+	+		
Герр						+	+	+	
Соана							+	+	+

Kh

K

С. Н. Муравьев

PTOLEMY'S MAP OF CAUCASIAN ALBANIA
AND THE LEVEL OF THE CASPIAN SEA

S. N. Mouraviev

In Ptolemy's description of Caucasian Albania (Geogr. V, 11) all the rivers but one (the anonymous) flow into the Hyrcanian Sea, and all the rivers but one (the Cyrus = Kura) take their source on the southern slope of the Great Caucasus and run southwards (Fig. 1). This is incompatible with the present day situation (cf. Figs. 3a and 3b) unless one admits that at the time when the source of Ptolemy's map was drawn the Kura-Araxes depression was almost entirely submerged by the waters of the Caspian Sea (Fig. 3). On this assumption it becomes possible to locate and identify not only the 7 Albanian hydronyms of the map, but almost all (24 out of 29) of its Albanian oconyms and even its two «marshy» islands (actually hills) as well (see Figs. 4—7). Yet these identifications must remain hypothetical until new literary, archaeological, geomorphological and palaeogeographical evidence is found.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ОПТИМАТОВ И ПОПУЛЯРОВ В КОНЦЕ 90—80-Х ГОДОВ I В. ДО Н.Э.

Большинство современных ученых, исследовавших финансовое положение в период Поздней республики, считает финансовые мероприятия римского правительства конца 90—80-х годов I в. до н. э. хаотическими¹, непонятными², проводившимися преимущественно *ad hoc*³. Иной точки зрения придерживается Т. Франк, который утверждает, что в финансовой политике римской аристократии имелась ярко выраженная тенденция. Эту тенденцию Франк называет «политикой инфляции»⁴. Следует отметить, что никто из авторов, занимавшихся этой проблемой, в сущности, не рассматривал финансовые мероприятия римского правительства в конце 90—80-х годов I в. до н. э. целиком, во всей их совокупности. Весьма подробно, но в полном отрыве друг от друга изучались либо меры, связанные исключительно с денежным обращением⁵, либо меры, непосредственно направленные на облегчение долгового бремени, включая сюда и порчу монеты⁶. Такое фрагментарное исследование заранее исключало возможность установления какой-либо связи между всеми имевшими место в этот период изменениями в римской финансовой системе. Кроме того, никто из ученых, хотя бы выборочно рассматривавших финансовые мероприятия римского правительства в этот период, практически не принял во внимание демократический переворот 87 г.⁷

Попытаемся рассмотреть финансовые мероприятия этого периода целиком, во всей их совокупности, учитывая при этом, что в данном случае мы имеем дело, в сущности, с двумя сменявшими друг друга римскими правительствами: до 87 г. до н. э. — с аристократическим, после 87 г. до н. э. — демократическим, которое в 82 г. до н. э. снова было свергнуто аристократами. Только такой подход к проблеме позволит, с нашей точки зрения, выяснить, насколько финансовые меры, принятые в интересующий нас период, диктовались чисто финансовыми причинами и в какой степени на проведение этих мер влияли иные факторы, например, социального и политического характера.

Наиболее четко и полно состояние римской государственной казны в период со 101 по 44 г. до н. э. характеризует Кроуфорд⁸. По его, на наш взгляд справедливому, мнению, наметившаяся политическая активность марьянцев (особенно в отношении Галлии) требовала весьма больших расходов⁹: в 100 г. до н. э. Цепион утверждал, что государственная казна не выдержит затрат, связанных с осуществлением аграрного законопроекта Сатурнина и Мария¹⁰. В конце Союзнической войны римская казна была совершенно пуста: в 89 г. до н. э. государственное казначейство все свои надежды возлагало на военную добычу, которую сулило взятие Аускула. Не получив этой добычи, казначейство принуждено было прибегнуть к продаже земли в Риме (*Oros.*, V, 18, 26—27; *Plut.*, *Pomp.* 1 и 4)¹¹. В период с 88 по 63 г. до н. э. римская казна постоянно испытывала острую

¹ Nicolet C. *L'ordre équestre à l'époque républicaine*. I. P., 1966, p. 382.

² Sydenham E. A. *The Coinage of the Roman Republic*. L., 1952, p. XXVIII, not. 1; Crawford M. N. *Roman Republican Coinage*. I. Cambr., 1974, p. 616.

³ Crawford. *Op. cit.*, p. 625.

⁴ Frank T. *On Some Financial Legislation of the Sullan Period*. — *AJPh*, № 54, 1933.

⁵ Sydenham. *Op. cit.*; Crawford. *Op. cit.*

⁶ Frank. *Op. cit.*; Nicolet. *Op. cit.*

⁷ Т. Франк (ук. соч.) сделал попытку рассмотреть финансовую политику римской аристократии в этот период, но совершенно игнорировал финансовые мероприятия популяров с 87 по 83 г. до н. э.

⁸ Crawford. *Op. cit.*, p. 628—637.

⁹ *Ibid.*, p. 640, 628—629.

¹⁰ *Ibid.*, p. 636.

¹¹ *Ibid.*, p. 636—637; ср. Nicolet. *Op. cit.*, p. 381 (о финансовом кризисе в Риме во время Союзнической войны).

нужду¹², хотя, возможно, в 86 г. до н. э. ею были получены весьма значительные средства от царя Птолемея Александра I¹³.

Суммируя общее состояние финансов Римской республики от Ганнибаловых войн до убийства Цезаря, Кроуфорд делает вывод, что римская государственная казна была совершенно пуста дважды: в 213—212 гг. до н. э. и в 89 г. до н. э. Между 88 и 63 г. до н. э. часто случалось, что расходы значительно превышали доходы. По его мнению, государственные доходы в этот период никогда не были достаточно велики, чтобы создать сколько-нибудь значительный запас денежных средств. Кроуфорд допускает, что некоторый финансовый резерв удалось создать лишь после 62 г. до н. э., но он безусловно был растрочен в конце 44 г. до н. э.¹⁴

Попытаемся на фоне этой общей картины состояния финансов республики рассмотреть финансовые мероприятия римского правительства до 87 г. до н. э., т. е. от того момента, когда аристократов-нобилей у власти сменили популяры. Для этого периода известны следующие финансовые мероприятия римского правительства.

I. Закон Друза (вероятнее всего, М. Ливия Друза Младшего, трибуна 91 г. до н. э.), предусматривавший официальную порчу серебряной монеты путем примешивания к ней одной восьмой части меди (Plin., Н. п. XXXIII, 46). Некоторые современные ученые полагают, что речь шла не о равномерной порче всей выпускаемой государством серебряной монеты, но о выпуске монетными дворами на каждые восемь полноценных серебряных денариев одного плакированного¹⁵. Другие ученые совершенно исключают возможность государственного выпуска плакированной монеты в период республики¹⁶. Большинство авторов считает, что эта денежная реформа Ливия Друза, как и все прочие его законопроекты, была отменена еще до проведения в жизнь¹⁷. Кроуфорд допускает, что сообщение Плиния об этой реформе Друза является искаженной реминисценцией о реально имевшей место в начале 87 г. до н. э. официальной порче государственной монеты Л. Рубрием Доссенсом¹⁸.

Относительно причин выдвижения Друзом такого проекта денежной реформы Кроуфорд пишет: «Причины проведения такого закона остаются совершенно непонятными. Рим был в состоянии и в следующем году, и несколько лет подряд после этого чеканить огромное количество полноценной серебряной монеты»¹⁹. Кроуфорд чисто гипотетически допускает, что Друз мог выдвинуть этот законопроект с целью облегчить казне предстоящие в будущем расходы, связанные с его аграрными проектами²⁰. Однако имеется и другое объяснение. Т. Франк и Э. Габба считают, что этой реформой Друз положил начало «политике инфляции», которую римская аристократия, находившаяся в этот период у власти, проводила затем вполне последовательно²¹. Действительно, всякая порча монеты и связанное с этим падение денежного курса, как правильно отмечал Т. Франк²², объективно были выгодны римскому нобилитету, римским крупным зем-

¹² Crawford. Op. cit., p. 637.

¹³ См. Badian E. The Testament of Ptolemy Alexander. — Rheinisches Museum, CX, 1967, с. 178—192; нельзя все же считать совершенно бесспорным вывод Бадьяна, что в данном случае у Цицерона (L. agr. II, 41 sq.) речь идет о Птолемеи Александре I.

¹⁴ Crawford. Op. cit., p. 640.

¹⁵ См. Grueber H. A. Coins of the Roman Republic. I. L., 1910, p. 42; 200; Frank, Op. cit., p. 54—55; Sydenham. Op. cit., p. XLIII.

¹⁶ См., например, Crawford. Op. cit., p. 560.

¹⁷ Sydenham. Op. cit., p. XLIII; Crawford. Op. cit., p. 616.

¹⁸ Crawford. Op. cit., p. 569, 616; RE, s. v. Rubrius, № 17 (не исключен также полностью № 4).

¹⁹ См. Crawford. Op. cit., p. 616; действительно, эта мера была принята, когда в Риме не было никаких явных признаков финансового кризиса.

²⁰ Ibid.

²¹ Frank. Op. cit., p. 54—55; Gzbbba E. (ed.). Appianus (Bibl. di st. super.). Firenze, 1958, p. 159.

²² Frank. Op. cit., p. 54—58.

левладельцам, которые в рассматриваемый период были крайне обременены долговыми обязательствами ²³.

II. Закон Папирия (*lex Papiria semiunciaria*), введший полуунциальный стандарт для бронзовой монеты (Plin., Н. н. XXXIII, 46). Относительно датировки этого закона имеются некоторые разногласия: Кроуфорд считает, что закон этот был принят в 91 г. до н. э. ²⁴, Сайденхем датирует его 90 г. до н. э. ²⁵, Николе относит его к 89 г. до н. э. ²⁶. Бесспорно, что этот закон, предусматривавший снижение весового стандарта, был последней девальвацией асса ²⁷ и, как все предшествующие девальвации римского асса, имел целью облегчить положение должников ²⁸. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что в любом случае закон Папирия, кроме всего прочего, был выгоден обремененному в то время долгами римскому нобилитету и весьма невыгоден кредиторам (ср. Plut., Sull. 8).

Кроуфорд, вступая в область весьма вероятных предположений, считает, что римское казначейство производило свободный обмен бронзовой монеты на серебряную ²⁹. Новая тарификация асса по закону Папирия привела к изменению обменного курса асса: серебряный денарий стоил теперь не 10, а 16 ассов ³⁰. Однако при выплате жалования солдатам, производившейся серебром, сохранялся прежний курс денария, равный 10 ассам (Plin., Н. н. XXXIII, 45). По мнению Сайденхема, существование такого «двойного» курса монеты было совершенно невозможно, так как столь ненормальная система вызвала бы невероятную путаницу, не имеющую оправдания даже при самых острых финансовых кризисах ³¹. Однако Кроуфорд полагает, что это сообщение Плиния вполне достойно всяческого доверия ³². Действительно, нет никаких серьезных причин брать под сомнение сообщение Плиния на том лишь основании, что современный исследователь не понимает значения этого мероприятия. Как будет видно из дальнейшего, эта мера имела, кажется, весьма глубокий политический смысл, не говоря уже о том, что она ограждала римскую армию от весьма неприятных для всех остальных граждан, получавших заработную плату или проценты, последствий девальвации асса.

Кроуфорд считает одной из причин этой последней девальвации асса и изменения курса денария переход около середины II в. до н. э. от бронзовой монеты — как основного средства денежного обращения — к серебряной ³³. Этот переход произвел перемену в системе оплаты армии: солдатам стали платить серебром. В результате этого цена асса неофициально понизилась и за денарий стали давать не 10, а 16 ассов ³⁴. Таким образом, закон Папирия, по мнению Кроуфорда, имел целью покончить с дезорганизацией денежного обращения и фиксировать уже имевшее место

²³ Ср. закон о сенаторских долгах, проведенный Сульпицием Руфом в 88 г. до н. э., когда удар, направленный им против Сената в целом, носил конкретную форму изгнания из Сената всех его членов, имевших более 2000 денариев долга (Plut., Sull. 8). Это свидетельствует о массовой задолженности римского нобилитета в этот период: долговые обязательства отягчали в это время в Риме главным образом людей, имеющих солидную недвижимость, годную для залога (см. САН, IX, р. 492): неимущим никто не давал в долг, так как они не могли представить залог, а долговая кабала в Риме давно была отменена законом Петелия. В силу этого широко распространено мнение, что долгами в Риме в конце республики были обременены прежде всего массы городского плебса (см. Nicolet. Op. cit., p. 382), не выдерживает критики: такое мнение основывается на неправомерном отождествлении римского люмпен-пролетариата с современным рабочим классом и городской мелкой буржуазией.

²⁴ Crawford. Op. cit., I, p. 11, 77; II, p. 596, 611, 620.

²⁵ Sydenham. Op. cit., p. XXXIV.

²⁶ Nicolet. Op. cit., p. 381.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ср. Festus, 468 L. (Sextantari ases); 87 L. (Grave aes).

²⁹ Crawford. Op. cit., p. 614; cf. p. 626; cf. Plin., Н. н. XXXIII, 45.

³⁰ Crawford. Op. cit., p. 620, 625.

³¹ Sydenham. Op. cit., p. XXVIII.

³² Crawford. Op. cit., p. 622.

³³ Ibid., c. 625.

³⁴ Ibid.

в практике обесценение бронзовой монеты. Однако сохранение при этом «двойного» курса денария, которое признает Кроуфорд³⁵ (одного курса для солдат и другого для гражданских лиц), должно было только усилить дезорганизацию денежного обращения и привести к еще большему колебанию и даже к падению курса монеты, что и имело место в действительности³¹. Кроуфорд считает, что колебание курса серебряного денария было вызвано самим снижением унциального стандарта асса до полуунциального по закону Папирия, а также Союзнической и Митридатовой войнами и борьбой партий в Риме, закончившейся демократическим переворотом 87 г. до н. э.³⁷ Однако при этом Кроуфорд несколько ниже (с. 625) утверждает, что сам закон Папирия был результатом колебания неофициального курса денария, начавшегося задолго до упоминаемых здесь Кроуфордом внутривнутриполитических и внешнеполитических событий. Что же касается колебаний курса денария после принятия закона Папирия, то здесь не было надобности ни в Союзнической, ни в Митридатовой войне, не нужно было даже борьбы римских политических партий: вполне достаточно было «двойного» обменного курса денария³⁸, сохраненного Папирием в полном противоречии с теми целями, которые приписывает ему Кроуфорд³⁹. Все это приводит нас к убеждению, что цель закона Папирия состояла отнюдь не в ликвидации дезорганизации денежного обращения, имевшей место уже после 150 г. до н. э. Если бы последняя девальвация асса имела именно эту цель, римское правительство вряд ли сочло бы возможным тянуть с проведением этого мероприятия со 150 по 91 г. до н. э. Более того, общеизвестно, что закон Папирия не только не покончил с дезорганизацией денежного обращения в Риме, но фактически даже еще больше усилил ее⁴⁰. Совершенно очевидно также, что недостаточная эффективность мер, принятых Папирием будто бы в целях ликвидации дезорганизации денежного обращения, никак не может быть объяснена объективными трудностями: известно, что несколькими годами позже Марий Гратидиан сумел покончить с этой дезорганизацией, находясь перед лицом не менее, если не более, сложной ситуации, чем Папирий⁴¹. Следовательно, дело было, если можно так выразиться, не в объективных трудностях, а в наличии «доброй воли» у законодателя. Создается впечатление, что римское аристократическое правительство в период принятия закона Папирия было скорее заинтересовано в сохранении дезорганизации денежного обращения, чем в ее ликвидации.

Кроуфорд приводит еще одну возможную причину, повлиявшую на принятие закона Папирия: это — страх римского правительства перед возможным в будущем истощением запасов бронзы в связи с надвигающейся угрозой Союзнической войны⁴². Однако сам же Кроуфорд далее указывает, что у римского правительства не было сколько-нибудь реальных оснований для такой «перестраховки»: запасы бронзы в Риме в этот период были столь огромны, что их с избытком хватило на весь период Союзнической войны⁴³. Таким образом, обе причины, приведенные Кроуфордом для объяснения закона Папирия, не выдерживают серьезной критики: а) официальный «двойной» курс денария, сохраненный Папирием в противоречии с приписываемыми ему Кроуфордом целями покончить с дезорганизацией денежного обращения, лишь усиливал эту уже существовавшую примерно со 150 г. до н. э. дезорганизацию и в конечном счете вел

³⁵ Ibid., p. 620.

³⁶ См. *Cic.*, De off. III, 80; *Plin.*, H. n. XXXIII, 132.

³⁷ *Crawford*. Op. cit., p. 620.

³⁸ См. *Sydenham*. Op. cit., p. XXXVIII.

³⁹ *Crawford*. Op. cit., p. 620—625.

⁴⁰ *Cic.*, De off. III, 80; *Plin.*, H. n. XXXIII, 132.

⁴¹ Ср. *Cic.*, De off. III, 80; *Plin.*, XXXIII, 132; XXXIV, 27; *Senec.*, De ir. XVIII, 1; *Nicolet*. Op. cit., p. 381; *Sydenham*. Op. cit., p. XXXIV; *Crawford*. Op. cit., p. 620.

⁴² *Crawford*. Op. cit., p. 596.

⁴³ Ibid., p. 610.

к падению денежного курса, к повышению цен и к расстройству кредита ⁴⁴; б) что касается боязни римского правительства оказаться перед лицом истощения запасов бронзы из-за угрозы Союзнической войны, то здесь Кроуфорд сам признает, что «lex Parīgia нельзя объяснить недостатком бронзы» ⁴⁵.

Учитывая все сказанное, можно с большой долей уверенности утверждать, что: 1) закон Папирия, предусматривавший девальвацию асса, был принят главным образом в интересах должников ⁴⁶, наиболее могущественную и влиятельную часть которых составляли увязшие в долгах сенаторы-нобилы (Plut., Sull. 8); 2) сохранение «двойного» курса денария (Plin., Н. п. XXXIII, 45) само по себе, даже без таких дополнительных факторов, как Союзническая война и война с Митридатом, вело к расстройству денежного обращения ⁴⁷ и в конечном счете к падению денежного курса, которое также было выгодно прежде всего должникам.

Если принять представляющуюся в целом правильной точку зрения Т. Франка, что в период с 91 г. до н. э. вплоть до окончания диктатуры Суллы римские нобилы были кровно заинтересованы в том, что Франк называет «политикой инфляции», т. е. в падении денежного курса и в порче монеты ⁴⁸, — представляется более чем вероятным, что закон Папирия прежде всего преследовал те же финансовые и политические цели, что и совсем немного предшествующий ему по времени законопроект Друза Младшего. Девальвация асса при сохранении двойного курса денария, предложенная Папирием, как и проект Друза об официальной порче серебряной монеты, должна была, хотя иными средствами и в более скрытой форме, облегчить положение отягченных долгами крупных землевладельцев и, в первую очередь, нобилей-сенаторов, стоявших в то время у власти в Риме. Кроме того, нанося ущерб кредиторам, среди которых наиболее влиятельную и, вероятно, наиболее многочисленную часть составляли римские всадники-ростовщики, Папирий в какой-то мере продолжал политику Друза Младшего, направленную в целом на ослабление возраставшего могущества римского всадничества. Поэтому приемлемой кажется наиболее ранняя датировка закона Папирия, предложенная Кроуфордом: если законопроект Друза Младшего был почти безусловно выдвинут в начале 91 г. до н. э., то закон Папирия, вероятнее всего, был принят в конце этого года. Угроза Союзнической войны и возможное в будущем истощение запасов бронзы могли быть в глазах римского общественного мнения прекрасным формальным предлогом для снижения весового стандарта асса ⁴⁹.

III. В 89 г. до н. э., в разгар Союзнической войны, когда римская казна была совершенно пуста ⁵⁰, претор Семпроний Азеллион сделал попытку ограничить ростовщический процент и облегчить положение должников ⁵¹. Кажется, Азеллион пытался провести это мероприятие, угрожая в противном случае возобновить действие древнего закона против ростовщичества, который не применялся на практике уже в течение 200 лет. Напуганные кредиторы-ростовщики обратились за помощью к трибуну Л. Кассию. Во время возникших в связи с этим беспорядков Азеллион был убит ростовщиками-финансистами (App., В. с. 1,54). Т. Франк, на наш взгляд, совершенно основательно полагает, что в данном случае претор Азеллион защищал интересы увязших в долгах крупных землевладельцев-нобилей, а трибун — интересы всадников-финансистов ⁵². Убийцы Азеллиона не были разысканы и наказаны. Вероятнее всего, это было связано с тем, что

⁴⁴ Sydenham. Op. cit., p. XXVIII.

⁴⁵ Crawford. Op. cit., p. 610.

⁴⁶ Ср. Frank. Op. cit.; Festus, 468L; 87L.

⁴⁷ Sydenham. Op. cit., p. XXVIII.

⁴⁸ Frank. Op. cit., p. 54—58.

⁴⁹ Crawford. Op. cit., p. 596; cf. 610.

⁵⁰ Ibid., p. 640.

⁵¹ App., В. с. I, 54; Liv., Epit. 74; Val. Max., 9.7.4; Frank. Op. cit., p. 55—56.

⁵² Frank. Op. cit., p. 56; Gabba. Op. cit., p. 159.

в этот период в республике усилилось влияние популяров, которые в значительной мере опирались на всадников-финансистов (*Ascon.*, 69 St.)⁵³. Это усиление популяров наиболее ясно выразилось в решении народного собрания вопреки конституции устранить от командования в войне с Митридатом Суллу и заменить его Марием.

IV. Законопроект Сульпиция Руфа об удалении из Сената всех его членов, имевших более 2000 денариев долга (*Plut.*, Sulla, 8). В сущности, этот законопроект нельзя отнести к числу чисто финансовых мероприятий. Однако он настолько ясно показывает финансовое положение римского нобилитета в этот период вообще и сенаторов, в частности, что представляется совершенно необходимым внести его в перечень мер, характеризующих экономическое положение и интересы некоторых слоев римского общества. Законопроект Сульпиция был принят в 88 г. до н. э., после того как партии популяров удалось, хотя и на весьма короткое время, добиться решающего влияния на весь ход государственных дел. Не вызывает сомнений, что все мероприятия Сульпиция Руфа в этот период носили ярко выраженный антисенатский характер. Объединившийся вокруг Сульпиция кружок всадников открыто назывался «Антисенатом» (*Plut.*, Sull. 8). Совершенно очевидно, что и законопроект о задолжавших сенаторах носил ту же антисенатскую направленность: имелась в виду «чистка» Сената с последующим пополнением его сторонниками партии популяров, которых, видимо, предполагалось рекрутировать из состава всадников, входивших в «Антисенат». Законопроект Сульпиция не был проведен в жизнь из-за аристократического переворота, произведенного Суллой, двинувшим в том же 88 г. до н. э. на Рим свою армию. Самое существенное в законопроекте Сульпиция состоит в том, что он с несомненностью свидетельствует о массовой неоплатной задолженности сенаторов-нобилей в этот период: видимо, большая часть господствовавшей в Сенате аристократической партии оптиматов, от которых хотел избавиться популяры Сульпиций, не только имела значительно более 2000 денариев долга, но и не имела ни малейшей реальной возможности расплатиться со своими кредиторами в сколько-нибудь определенный срок.

V. После того как в 88 г. до н. э. Сулла захватил Рим и восстановил власть римского нобилитета и Сената, он среди некоторых прочих изменений прежнего порядка провел следующие мероприятия, касающиеся финансов: 1) отменил закон Сульпиция Руфа против задолжавших сенаторов (*Plut.*, Sull. 8), 2) частично аннулировал долговые обязательства, а также 3) ограничил ростовщические проценты⁵⁴. Не вызывает никаких сомнений, что Сулла, лидер аристократической партии оптиматов, действовал в данном случае прежде всего в интересах римского нобилитета. Эти факты также могут служить подтверждением вывода Т. Франка о массовой тяжелой задолженности римского нобилитета в этот период.

VI. В 87 г. до н. э. (до демократического переворота, происшедшего несколько позже в том же году), еще в период господства римской аристократии, власть которой была восстановлена Суллой в 88 г. до н. э., Л. Рубрий Доссенс вполне официально выпустил испорченную примесью меди серебряную монету⁵⁵. Это мероприятие, в сущности, было осуществлением законопроекта Друза Младшего, предложенного им еще в 91 г. до н. э. (*Plin.*, Н. н. XXXIII, 46)⁵⁶. Представляется несомненным, что это мероприятие также было проведено в интересах нобилитета, так как

⁵³ *Ascon.*, 69 St.: *Equester ordo pro Cinnanis partibus contra Syllam steterat, multique pecunias abstulerant: ex quo saccularii erant appellati, atque ob eius rei invidiam post Syllam victoriam erant interfecti.* Cp. *Dig.*, 47, 11, 7 (*Ulp.*): *Saccularii, qui vetitas in sacculis artes exercentes, partem subducunt, partem subtrahunt, ... plus quam fures puniendi sunt.*

⁵⁴ *Festus.* *Unciaria lex*, 516 L.; *Frank.* *Op. cit.*, p. 54—58; Cp. *Nicolet.* *Op. cit.*, p. 382.

⁵⁵ *Crawford.* *Op. cit.*, p. 569, 608; cf. p. 603, 616; *RE*, s. v. *Rubrius*, № 17.

⁵⁶ *Crawford.* *Op. cit.*, p. 569, 608.

облегчало выплату долгов. Кроме того, оно было направлено против настроенных в этот период весьма радикально всадников-финансистов⁵⁷. Характерно, что сразу же после демократического переворота в том же 87 г. до н. э. пришедшее к власти правительство популяров возобновило чеканку полноценной серебряной монеты⁵⁸. Это может служить неоспоримым доказательством того, что порча монеты Л. Рубрием Доссенсом была вызвана не столько положением государственного казначейства, сколько весьма корыстными интересами стоявшей в то время у власти римской землевладельческой аристократии.

Таким образом, анализ финансовых мероприятий аристократического правительства и контрмер, принятых популярами в период с 91 г. до н. э. до демократического переворота 87 г. до н. э., полностью подтверждает вывод Т. Франка, который поддерживает и Э. Габба, — о том, что в это время римский нобилитет в своей основной массе был тяжело обременен долгами⁵⁹ и стремился избавиться от них, используя находившуюся в это время в его руках политическую власть. Правительство оптиматов прибегало, с одной стороны, к прямым законодательным мерам, облегчавшим бремя долгов, с другой, — к девальвации и даже к прямой порче монеты: любая дезорганизация монетного обращения и связанное с этим неизбежное падение денежного курса были выгодны задолжавшим нобилитетам. Вместе с тем такая тенденция в финансовой политике наносила тяжелый ущерб как той части плебса, которая получала звонкую монету, так и всадникам-финансистам (*generatores*), терпевшим ущерб от частичной отмены долговых обязательств, от снижения ростовщических процентов и от получения их в испорченной или обесцененной монете. Весьма вероятно, что, облегчая этими финансовыми мерами свое собственное положение, римская аристократия одновременно вполне сознательно стремилась ослабить экономически римское всадничество: от финансовых мер аристократического правительства страдали не только всадники-финансисты, но отчасти и откупщики, терпевшие убыток при взимании налогов испорченной или обесценивавшейся монетой⁶⁰. Характерно, что «пионером» этой финансовой политики выступил именно лидер оптиматов, трибун 91 г. до н. э. М. Ливий Друз Младший, вся политическая программа которого была направлена на усиление господства римского нобилитета и на ослабление и раскол всадничества⁶¹. Не следует забывать, что такой реставратор господства нобилитета и оптиматов, как Сулла, был, в сущности, продолжателем дела Друза Младшего⁶². Естественно, что эта финансовая политика оптиматов, наряду со многими другими факторами, толкала римских всадников на сближение с популярами, усиливая тем самым позиции римских демократов⁶³.

Закономерно возникает вопрос, какие причины могли привести римский нобилитет к такому финансовому положению, которое сложилось к концу 90-х до конца 80-х годов I в. до н. э.?

Статья Т. Франка, касающаяся финансовой политики оптиматов в этот период, содержит следующие положения: 1) частичная отмена долгов, проведенная Суллой в 88 г. до н. э., была проведена в интересах крупных римских землевладельцев-нобилей, пострадавших от Союзнической войны⁶⁴; 2) нобилитет в это время был заинтересован в инфляции, а плебс требовал качественной монеты; причина состояла в том, что с 90 по 89 г.,

⁵⁷ Cp. *Ascon.*, 69 St.

⁵⁸ *Crawford.* Op. cit., p. 603, 608; RE, s.v. *Memmius*, № 6, № 14.

⁵⁹ *Frank.* On Some Financial Legislation..., p. 54—55; *Gabba.* Op. cit., p. 159. Cp. *Plut.*, Sull. 8.

⁶⁰ Cp. RE, s. v. *Licinius (Lucullus)*, № 104, Sp. 380; *Cic.*, imp. Pomp. 19.

⁶¹ См. *Nicolet.* Op. cit., p. 559—570; cp. *App.*, B. c. 1, 35.

⁶² *Gabba E. M.* Livio Druso e le Riforme di Silla. — *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Ser. II, v. XXXIII, fasc. 1—2, 1964, p. 11—15.*

⁶³ См. *Ascon.*, 69 St.; cp. *Cic.*, S. Rosc. 140—141.

⁶⁴ *Frank.* On Some Financial Legislation..., p. 54—58; cf. *Fest.*, 516L.

во время Союзнической войны крупные землевладельцы потеряли доходы со своих имений от Пицена до Лукании и влезли в долги. Всадническое сословие, не желавшее инфляции, выступило поэтому на стороне демократа Цинны против аристократа Суллы (с. 55; ср. *Ascon.*, 69 St.), проводившего политику инфляции и ограничения ростовщичества; 3) именно лидер римского нобилитета Ливий Друз Младший в 91 г. до н. э. начал портить монету и положил начало политике инфляции⁶⁵.

Однако Франк в этой своей статье не объясняет, зачем понадобилась инфляция нобилиям-оптиматам в 91 г. до н. э., во времена Друза Младшего, когда имения римской знати еще не страдали от Союзнической войны. В другой своей работе⁶⁶ Франк утверждает, что Друз начал портить монету, чтобы оплатить расходы, связанные с его реформами. Однако известно, что реформы Друза никогда не были проведены в жизнь и поэтому не потребовалось никаких расходов на их проведение. Тем не менее закон Папирия, предусматривавший девальвацию асса и проведенный скорее всего в конце того же 91 г. до н. э.⁶⁷, как мы уже говорили выше, преследовал в конечном счете те же цели, что и законопроект Друза: облегчить бремя долгов, тяготившее нобилитет. Таким образом, есть все основания полагать, что нобилитет залез в долги еще до Союзнической войны и уже до него сделал попытку выйти из затруднительного финансового положения. Иными словами, ни расходы, связанные с реформами Друза Младшего, ни Союзническая война не могли быть истинными причинами весьма последовательной финансовой политики оптиматов. Союзническая война лишь усилила финансовые затруднения римского нобилитета, но не могла быть их причиной. Нам представляется, что эти причины заключались прежде всего в общем характере развития римского хозяйства в послегракханский период.

Уже в начале II в. до н. э. в Италии сложились условия для появления рабовладельческих имений, поставляющих сельскохозяйственные продукты на рынок, приносящих их собственникам или владельцам определенный доход и создающих прочную основу для высокого положения в обществе⁶⁸. Вследствие этого в течение II—I вв. до н. э. происходит постепенная концентрация земельной собственности⁶⁹. Эта концентрация даже во II в. до н. э. происходит в значительной мере за счет покупки земли, и такой способ создания крупной земельной собственности был, видимо, особенно характерен для римского нобилитета, однако во II в. до н. э. у римских нобилей «наличных денег было еще мало»⁷⁰. После аграрных законов Гракхов и особенно после того как принятые ими меры для сохранения мелкого землевладения (прежде всего — неотчуждаемость наделов мелких собственников) были отменены, потребность в наличных денежных средствах у римских нобилей должна была еще более увеличиться сравнительно с началом II в. до н. э.: «Создавались иные условия для концентрации земельной собственности: не через оккупацию общественной земли, а за счет скупки земельных владений»⁷¹. Такое положение сохранялось, видимо, до Союзнической войны⁷². В этих условиях порча монеты и дезор-

⁶⁵ *Frank. On Some Financial Legislation...*, p. 54; cf.; *Plin.*, XXXIII, 46; *Grueber. Op. cit.*, p. 42; 200.

⁶⁶ *Frank. An Economic Survey...*, p. 231.

⁶⁷ *Crawford. Op. cit.* I, p. 11, 77; II, p. 596, 611, 620.

⁶⁸ Кузицин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии. М., 1976, с. 19—20.

⁶⁹ Там же, с. 20, 40, 56—57, 62.

⁷⁰ Там же, с. 40, 43—44.

⁷¹ Там же, с. 72. Это положение должно было усугубиться в связи со стремлением Друза Младшего как можно большую часть общественной земли превратить в частную собственность (ср. *Vir. ill.*, 36). Вероятно, начавшаяся по его инициативе порча монеты была связана с этой стороной его реформ и имела целью облегчить нобилиям скупку не только крестьянских наделов, но и общественной земли.

⁷² Кузицин. Ук. соч., с. 72—74.

ганизация денежного обращения должны были облегчить крупным землевладельцам (и в первую очередь нобилиям) скупку земли у мелких собственников: за скупаемую землю платили неполноценной монетой, перекладывая тем самым весьма значительную часть расходов покупателей — крупных землевладельцев — на плечи продавцов-крестьян. В то же время купленная за обесцененные деньги земля давала нобилиям вполне реальные ценности в виде сельскохозяйственных продуктов, цены на которые в условиях дезорганизации денежного обращения должны были непрерывно возрастать. Это позволяло крупным землевладельцам кое-как расплачиваться с долгами, неизбежными при ведении товарного хозяйства ⁷³ и при массовой скупке земли. Иными словами, порчу монеты и дезорганизацию денежного обращения нобилитет, стоявший у власти в Риме, должен был рассматривать как весьма выгодное финансовое предприятие. Вероятнее всего, именно этим объясняется не только попытка Друза узаконить в 91 г. до н. э. выпуск испорченной монеты, но и тот факт, что со 150 г. до н. э. и вплоть до принятия закона Папирия римское правительство не принимало никаких мер к преодолению дезорганизации денежного обращения, вызванной переходом на серебряную монету как основное средство обращения ⁷⁴. Девальвация асса, проведенная по закону Папирия, как уже говорилось выше, не только не преодолела, но еще более усилила эту дезорганизацию.

Встает вопрос, почему римские аристократы начинают предпринимать особенно энергичные меры в целях увеличения дезорганизации монетного обращения именно в конце 90-х годов I в. до н. э.?

Скорее всего это было в значительной мере связано с той борьбой, которую в это время оптиматы вели против сословия римских всадников ⁷⁵. Естественно, что свои проекты социального и политического характера, направленные против всадничества, М. Ливий Друз должен был дополнить подобной же мерой финансового порядка: порча монеты и дезорганизация денежного обращения наносили весьма серьезный ущерб римскому всадничеству ⁷⁶.

Возможно также, что финансовое положение нобилитета сильно осложнилось наметившимся, кажется, в то время расстройством кредита и связанным с этим повышением процентной ставки. Цицерон в речи «О предоставлении империя Помпею» (VI, 15) говорит, что не раз не только сама война, но даже лишь распространение слухов о возможной военной опасности мешало взиманию налогов и лишало Рим в течение года доходов с целых провинций. Далее Цицерон вспоминает (*ibid.*, VI, 19), что в связи с началом войны в Азии против Митридата многие всадники-откушники потеряли в Азии большие капиталы и вследствие этого в Риме были приостановлены платежи и упал кредит. Если вспомнить, что в последние годы II в. до н. э. Рим вел тяжелую войну с кимврами и тевтонами, а в 100 г. до н. э. популяры готовились к активным действиям не только в Галлии, но и на Востоке против Митридата ⁷⁷, если учесть, что на это же время приходится наивысший подъем движения Сатурнина, то не будет чрезмерно смелым предположить, что в этот период кредит в Риме не мог быть особенно прочным. Вероятно, он несколько укрепился после подавления движения Сатурнина и «согласия», установившегося на некоторое время между всадни-

⁷³ Там же, с. 19—20, 42, 67.

⁷⁴ *Crawford*. *Op. cit.*, p. 625.

⁷⁵ *Sm. App.*, B. c. I, 36; *Cic.*, S. Rosc. 140—141; *Cat.* IV, 15; *Nicolet*. *Op. cit.*, p. 559—570.

⁷⁶ *Frank*. *On Some Financial Legislation...*, p. 55—56; *cp. App.*, B. c. I, 54.

⁷⁷ *Sm. Stuart Jones H.* A Roman Law Concerning Piracy. — *JRS*, 1926, p. 160—172; *Bloch G.* — *Carcopino J.* Histoire Romaine. II. P., 1940, p. 341—342; *Passerini A.* Caio Mario come uomo politico. — *Athenaeum*, XII, 1934, fasc. II, p. 134—135; *Gabba E.* Il ceto equestre e il senato di Sylla. — *Athenaeum*, XXXIV, 1956, fasc. I—II, p. 74—76; *Селецкий Б. П.* Римские всадники в последний период движения Сатурнина. — *ВДИ*, 1973, № 1, с. 151—152.

ками и нобилитетом ⁷⁸. Однако в 92 г. до н. э. это «согласие» между сенатом и всадниками было нарушено процессом П. Рутилия ⁷⁹. Не исключено, что ясная всем перспектива предстоящей борьбы между всадничеством и сенатом могла отразиться в этот момент весьма неблагоприятно на кредитных операциях в Риме. Не исключено также, что всадничество в этот момент могло в качестве санкции применительно к нобилитету начать кампанию отказа в кредитах и начать более жестко, чем прежде, взыскивать долги. В этом случае порча государственной монеты, предложенная Друзом в 91 г., в общей системе мер, направленных против всадников, приобретает вполне понятное объяснение.

В любом случае в финансовых мероприятиях оптиматов начиная по крайней мере с 91 г. до н. э. и, как мы увидим далее, по период диктатуры Суллы включительно просматривается вполне определенная, весьма четкая линия, которую, как нам кажется, можно с полным правом назвать финансовой политикой.

Попытаемся теперь рассмотреть финансовые мероприятия демократического правительства популяров, пришедших к власти в Риме в 87 г. до н. э.

I. После демократического переворота в 87 г. до н. э. марианцами, братьями Луцием и Гаем Меммиями сразу же был восстановлен выпуск полноценной серебряной монеты ⁸⁰. Кроуфорд отмечает, что избрание братьев Меммиев на должность наблюдателей за монетным двором было столь же экстраординарной мерой, как избрание вождей популяров, Маррия и Цинны, консулами на 86 г. до н. э. ⁸¹ Из этого следует, что популяры придавали чеканке полноценной монеты настолько большое значение, что ради этого готовы были пойти на нарушение обычного порядка управления монетным двором. Кроме того, как уже говорилось выше, выпуск Меммиями полноценной монеты сразу после демократического переворота бесспорно доказывает, что порча монеты в том же году (до переворота) ставленником аристократии Л. Рубрием Доссенсом не была вызвана затруднениями римского казначейства, не была продиктована чисто финансовой необходимостью государства, ибо нашлась же у демократов Меммиев возможность в том же самом году чеканить полноценную серебряную монету. Из этого следует, что порча монеты сторонником оптиматов Л. Рубрием Доссенсом производилась целиком в интересах увязшего в долгах римского нобилитета.

II. В начале 86 г. до н. э. Валерий Флакк, выбранный консулом на место умершего Маррия, провел закон, облегчавший положение должников. Согласно этому закону, можно было погасить задолженность, выплатив лишь четверть долга ⁸², причем можно было уплатить долг медной монетой (Sall., Cat. 33,2) ⁸³. Это позволило римскому правительству погасить значительную часть государственного долга (Cic., Font. 1, 2). Кажется, этот закон оставался в силе еще в 81 г. до н. э., т. е. после свержения демократического правительства, при диктатуре Суллы ⁸⁴.

По свидетельству некоторых источников закон Флакка был весьма непопулярен ⁸⁵. Этот закон представляется тем более неожиданным и не-

⁷⁸ См. Nicolet. Op. cit., p. 639--640; САН, IX, p. 173; Селецкий. Ук. соч., с. 152, прим. 46; ср. Cic., Rab. perd. 2; 4; Oros., V, 17,6; Cic., Brut. 115. См. Селецкий В. II. О социальном и политическом значении формулы consensus (consensio) bonorum в «Переписке» Цицерона. — ВДИ, 1975, № 1, p. 114—151.

⁷⁹ Liv., Epit. 70; Vell. Pat., II, 13, 2; Val. Max., 2, 10,5; 6, 4, 4; Dio, lrg. 97; Cic., De Orat. I, 229—230; Brut. 115.

⁸⁰ Crawford. Op. cit., p. 603; RE, s. v. Memmius, № 6, № 17.

⁸¹ Crawford. Op. cit., p. 603.

⁸² Vell. Pat., II, 23, 2—3; Frank. An Economic Survey..., I, p. 232.

⁸³ См. Frank. On Some Financial Legislation..., p. 56—57; Nicolet. Op. cit., p. 382; RE, s. v. L. Valerius Flaccus, № 178.

⁸⁴ Cic., Quinct. 17; ср. Nicolet. Op. cit., p. 382.

⁸⁵ См., например, Vell. Pat., II, 23,2; ср. историю с претором Азеллионом в 89 г. до н. э. — App., B. c. I, 54.

оправданным, что, кажется, именно в 86 г. до н. э. римская казна получила в свое распоряжение весьма значительные средства⁸⁶. Поэтому трудно объяснить эту меру состоянием римского казначейства. Франк пытается объяснить принятие этого закона стремлением популяров привлечь на свою сторону хотя бы часть нобилитета⁸⁷. Однако, если именно такова была цель правительства, то она явно не была достигнута: судя по всему, именно в 86 г. до н. э. началось массовое бегство римской знати на Восток в армию Суллы (*Vell Pat.*, II, 23, 3).

III. Видимо, именно непопулярностью закона Флакка объясняется то, что в конце этого же 86 г. до н. э. или в начале 85 г. до н. э. был вынесен эдикт претора Мария Гратициана, восстановивший твердый курс денежного обращения в Риме⁸⁸. Кроуфорд отмечает, что до времени Цезаря эдикт Гратициана был единственным случаем непосредственного вмешательства республиканских магистратов в выпуск монеты⁸⁹. Это ясно показывает, какое огромное значение придавало римское демократическое правительство восстановлению твердого денежного курса.

Относительно деталей эдикта Мария Гратициана у современных ученых не существует единого мнения. Сайденхем полагает, что, согласно эдикту Гратициана, изымалась из обращения выпускавшаяся ранее государством плакированная монета и был восстановлен общественный кредит⁹⁰. Кроуфорд считает, что Гратицианом были «предприняты шаги к усилению официального надзора за правильным обменным курсом (16 ассов за 1 денарий) и преторы, возможно, обещали компенсацию каждому, кто пострадал от неправильного определения курса при обмене»⁹¹. Обменный курс денария, созданный новой тарификацией асса в 91 г. до н.э. по закону Папирия и подтвержденный эдиктом Гратициана, официально оставался в силе, по мнению Кроуфорда, до самого конца чеканки денария в Риме⁹². Как бы то ни было, «эдикт Гратициана охранял права всех тех, кто получал звонкую монету (кредиторы, но также наемные рабочие, солдаты и т. п.)»⁹³. О том, что эдикт Гратициана был издан в интересах популяров и рассматривался оптиматами как чрезвычайно вредный для нобилитета, свидетельствует свирепая расправа, которую учинили над ним аристократы после победы Суллы в 82 г. до н. э. (*Q. Cic., De Petit. cons.* III, 10; *Ascon., in toga cand.* 84 St.): за Гратицианом не числилось никаких других особых заслуг во время господства популяров, кроме его эдикта. Только этим он мог вызвать несправедливую ненависть нобилитета. Отсюда ясно, что римская землевладельческая аристократия более всего боялась в этот период установления в Риме твердого курса денежного обращения.

Рассматривая финансовую политику популяров после переворота 87 г. до н. э., нельзя не прийти к выводу, что римские демократы прежде всего стремились восстановить твердый курс денежного обращения. Однако, если учесть, что популяры в этот период пользовались поддержкой всадников-ростовщиков⁹⁴, такая мера, как закон Валерия Флакка, весьма облегчавшая долговое бремя и нанесящая несомненно серьезный ущерб кредиторам, выглядит несколько неожиданным. Как говорилось выше, Т. Франк объясняет это тем, что в тот момент популяры пытались завое-

⁸⁶ *Badian.* The Testament..., p. 178—192; *Crawford.* Op. cit., p. 605, 637.

⁸⁷ *Frank.* On Some Financial Legislation..., p. 56—57.

⁸⁸ *Cic., De off.* III, 80; *Plin., H. n.* XXXIII, 132; XXXIV, 27; *Senec., De ira* XXIII, 1; *Crawford.* Op. cit., p. 603; *Sydenham.* Op. cit., p. XXXIV; *Nicolet.* Op. cit., p. 381—382. Имеющиеся сведения не дают ясного представления о деталях реформы Мария Гратициана (*Sydenham.* Op. cit., p. XXXIV). Ясность может быть внесена лишь решением спорного вопроса: выпускало ли римское правительство плакированную монету (ср. *Sydenham.* Op. cit., p. XLIII; *Crawford.* Op. cit., p. 560).

⁸⁹ *Crawford.* Op. cit., p. 620; cf. p. 560.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 614; cf. Sp. 620; *Cic., De off.* III, 80.

⁹¹ *Crawford.* Op. cit., p. 620.

⁹² *Ibid.*, p. 614.

⁹³ *Nicolet.* Op. cit., p. 381—382.

⁹⁴ *Frank.* On Some Financial Legislation..., p. 55—56; *Ascon.*, 69 St.

вать симпатии хотя бы части сенаторов⁹⁵. Действительно, после смерти Мария среди популяров, кажется, возобладало более умеренное политическое течение (ср. *Plut.*, *Sert.* 5—6). Однако смягчение политического климата, по-видимому, не распространилось на нобилитет: наоборот, именно в 86 г. до н. э. началось, как указывалось выше, массовое бегство римской знати на Восток в армию Суллы. Нам кажется, что закон Флакка имел иные причины и цели, чем те, на которые указывает Т. Франк. На наш взгляд, причиной известной непоследовательности финансовой политики популяров является неоднородность интересов и социального состава римского всадничества, которое в этот период в основной своей массе поддерживало демократов (*Ascon.*, 69 *St.*).

Цицерон выделяет в составе всаднического сословия три основные группы (*Att.* VII, 7, 5): ростовщиков (*leneratores*), откупщиков (*publicani*), крупных землевладельцев (*agricolae*)⁹⁶. Естественно, что от финансовой политики оптиматов, узаконивших порчу монеты, пересматривавших долговые обязательства, поддерживавших дезорганизацию денежного обращения, наибольший ущерб несли ростовщики, давшие некогда в виде долгосрочного займа полноценную монету и получавшие при возврате долга или процентов испорченную или обесцененную колебанием и падением денежного курса. Они же более всех других проигрывали от государственных мер, направленных на облегчение долгового бремени.

Сильный ущерб от поступления налогов в испорченной и обесцененной монете терпели также римские откупщики. Это усугублялось еще тем, что римские откупные товарищества довольно часто выступали и в роли ростовщиков⁹⁷.

Менее всего от финансовой политики римских аристократов страдали *agricolae* — та часть всадников, основные доходы которых поступали с их земельных владений⁹⁸. Их интересы в значительной мере совпадали с интересами римского нобилитета⁹⁹. Порча монеты, падение денежного курса, государственные меры по облегчению долгового бремени не только не отражались на их доходах, заключавшихся прежде всего в продуктах земледелия и скотоводства, цены на которые в условиях расстройств денежного обращения должны были возрастать, но и позволяли сравнительно легко разделяться с долгами, неизбежными при ведении товарного хозяйства, каким было в то время римское крупное рабовладельческое хозяйство¹⁰⁰. Поэтому финансовую политику оптиматов, начатую в 91 г. до н. э. Ливием Друзом Младшим, должны были приветствовать не только

⁹⁵ *Frank. On Some Financial Legislation...*, p. 56.

⁹⁶ Не вызывает сомнений, что речь в данном случае идет именно о всадниках, так как их и сенаторов Цицерон, как правило, определяет термином *boni* (*Att.* VII, 54; см. *Селецкий*. О социальном и политическом значении формулы «*consensus (consensio) bonorum*», с. 144—151; *он же*. Социальное и политическое значение слова «*bonus (boni)*» в «Переписке» Цицерона. — ВДИ, 1976, № 2, с. 142—156; ср. *Hellegouarc'h. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République*. P., 1963, p. 489—492).

⁹⁷ *App.*, *Mithr.* 63; *Plut.*, *Luc.* 70; 20; ср. *Sull.* 25; *Luc.* 4; *Diod.*, XXXIV, 3, 1; ср. *Cic.*, *Rab. Post.* 4; *Hatzfeld J. Les trafiquants italiens dans l'Orient Hellenique*. P., 1919, p. 242—243).

⁹⁸ Войны и их угроза (*Cic.*, *imp. Pomp.* 15—16) наносили непосредственный ущерб лишь тем из всадников-землевладельцев, чьи имения находились в местностях, бывших или могущих стать театром военных действий. Всадники-*agricolae*, владевшие землей в других частях Римской державы, никакого ущерба не терпели. Наоборот, вызванное войной расстройство денежного обращения было в конечном счете им выгодно, так как они обладали «реальными» ценностями в виде сельскохозяйственной продукции.

⁹⁹ *Greenidge A. H. J. A History of Rome during the Later Republic and Early Empire*. I. L., 1904, p. 478; *Frank. Op. cit.*, p. 54—58.

¹⁰⁰ См. *Кузицин*. Ук. соч., с. 19—20. Основная масса римских землевладельцев того времени вела хозяйство руками рабов. Мелкая аренда (и арендная плата деньгами) была явлением крайне редким и не играла тогда серьезной роли в балансе римских крупных землевладельцев: см. *Simões de Paula. As origens do latifundio: da «villa» romana aos egenhos e fazendas do Brasil colonial*. — *Revista de Historia*, XLI, 1970, p. 289—295.

римские нобили, но и та часть всадников, основной источник доходов которой составляли крупные земельные владения.

Известно, что планы Друза Младшего состояли в том, чтобы расширить социальную и политическую базу оптиматов, расколоть римское всадничество и привлечь на сторону знати верхушку всаднического сословия (App., В. С. I, 35; Liv., Erit. 71). Несомненно, в основной своей массе эта верхушка состояла из крупных землевладельцев, какими были, например, предки Гн. Помпея Великого, и многие другие ¹⁰¹. Однако, как мы знаем, эта политика не увенчалась успехом, и в 87 г. до н. э. римское всадничество в основной своей массе выступило на стороне популяров (Ascon., 69 St.; ср. Cic., pro Rosc. 140; Cat. IV, 15). Это объясняется тем, что всадничество в целом было недовольно пассивной внешней политикой оптиматов ¹⁰². Римские всадники, в общем, были несравнимо больше, чем нобилитет, заинтересованы в эксплуатации провинций и в агрессивной политике, направленной к увеличению числа этих провинций ¹⁰³. Это относилось полностью и к всадникам — крупным землевладельцам: их владения находились главным образом в провинциях, так как римский нобилитет в основном монополизировал италийское крупное землевладение ¹⁰⁴.

Именно в силу этой заинтересованности в активной внешней политике римские всадники уже в 88 г. до н. э. вместе с плебсом попытались вместо оптимата Суллы выдвинуть на пост командующего в войне с Митридатом Мария ¹⁰⁵. Установление господства популяров, как показывал опыт прошлого, гарантировало активизацию римской внешней политики ¹⁰⁶. Оптиматы же опасались расширения Римской державы ¹⁰⁷. Не следует забывать, что, несмотря на все свои громкие победы над Митридатом, Сулла по Дарданскому миру 83 г. до н. э. не более как лишь восстановил status quo, не приобретя ни вершка новой территории.

В 88 г. до н. э. Сулле удалось силой оружия восстановить власть нобилитета и добиться командования в войне против Митридата. Но сразу же после его удаления на Восток в 87 г. до н. э. в Риме произошел демократический переворот. Он был активно поддержан всеми слоями римского всадничества. Особенно рьяно поддержали демократов всадники-ростовщики, недовольные не только внешней, но и внутренней финансовой политикой оптиматов (Ascon., 69 St.). Естественно, что, придя к власти, популяры прежде всего постарались покончить с дезорганизацией денежного обращения и порчей монеты. Это отвечало интересам не только всадников-финансистов, но и городского плебса ¹⁰⁸. Однако этими мерами демократическое правительство ущемляло не только интересы нобилитета, но и всадников — крупных землевладельцев. Представляется наиболее вероятным, что закон Флакка об облегчении долгового бремени был попыткой компенсировать всадникам-землевладельцам тот ущерб, который наносило им установление твердого денежного курса. Однако, судя по конечным результатам, эта мера не только не удовлетворила всадников-землевладельцев, но и, возможно, оттолкнула от демократов часть всадников-ростовщиков. Во всяком случае, когда в 83 г. до н. э. Сулла вернулся с Востока и начал насильственно восстанавливать власть римской аристократии, известная часть всадников, среди которых ведущую роль играла значительная часть этого сословия, всадники — крупные землевладельцы, стала на

¹⁰¹ Ср. Nicolet. Op. cit., p. 559—570 Ср. также App., В. с. I, 35; Liv., Erit. 71.

¹⁰² Bloch G. M. Aemilius Scaurus. — Université de Paris. Bibliothèque de la Faculté des Lettres, XXI, 1909, p. 41—47; Gabba E. Le origini della Guerra Sociale e la vita politica Romana dopo 89 a. c. — Athenaeum, 1954, XXXII, fasc. I—II, p. 77; Селецкий Б. П. К вопросу о социально-политической борьбе в Риме в период Югуртинской войны. — ВДИ, 1970, № 4, с. 112—123.

¹⁰³ Он же. Римские всадники..., с. 153.

¹⁰⁴ Он же. К вопросу..., с. 114.

¹⁰⁵ Gabba. Le origini..., p. 77.

¹⁰⁶ Ibid.

¹⁰⁷ Bloch. Op. cit., p. 41—47.†

¹⁰⁸ См. Nicolet. Op. cit., p. 381.

сторону будущего диктатора ¹⁰⁹. Таким образом, Сулла сумел выполнить политическую программу Ливия Друза Младшего: расколоть римское всадничество и привлечь на сторону нобилитета значительную часть этого сословия ¹¹⁰. Характерно, что и в финансовой политике в период своей диктатуры Сулла продолжал политическую линию, начатую Друзом. По словам Т. Франка, после 82 г. до н. э. Сулла вернулся к начатой в 91 г. до н. э. Друзом политике «инфляции». Специальным законом Сулла если и не санкционировал прямо выпуск государством испорченной монеты, то во всяком случае узаконил ее обращение в качестве платежного средства. Это не могло не привести к дезорганизации денежного обращения и понижению денежного курса, что, несомненно, в первую очередь было выгодно должникам ¹¹¹. Наряду с этим Сулла жестоко преследовал частную фабрику фальшивой монеты ¹¹². Эта последняя мера должна была, кроме всего прочего, создать также видимость того, что диктатор прилагает все усилия к ликвидации расстройств денежного обращения. Таким же лицемерием отличались мероприятия Суллы, регулировавшие отношения между кредиторами и должниками. После прихода к власти в 82 г. до н. э. Сулла не восстановил свой собственный *lex uncia*, принятый им в 88 г. до н. э., отмененный популярами в 87 г. и явно направленный к облегчению положения запутавшихся в долгах сенаторов ¹¹³. С другой стороны, он оставил в силе, по крайней мере до 81 г. до н. э., закон М. Валерия Флакка, принятый в 86 г. до н. э. популярами и, кажется, облегчавший положение должников в значительно большей мере, чем его собственный закон 88 г. до н. э. ¹¹⁴ Из этого видно, что Сулла полностью продолжал финансовую политику оптиматов, выгодную крупным землевладельцам, как нобилем, так и всадникам. Таким образом, удается, как нам кажется, с известной долей уверенности определить основные компоненты социальной базы диктатуры Суллы: это были прежде всего римские нобили и отчасти всадники-землевладельцы, хотя эти последние не могли быть вполне довольны внешней политикой Суллы и оптиматов, избегавших новых завоеваний ¹¹⁵.

Такой взгляд на финансовую политику оптиматов и популяров и на социальные и политические причины и следствия этой политики позволяет разрешить серьезное затруднение, стоящее перед современными авторами, изучающими этот период истории Рима.

В источниках твердо засвидетельствован тот факт, что Сулла с ненавистью относился к всадническому сословию (*Cic.*, *Cluent.* 151) и что в борьбе между популярами, возглавляемыми Цинной, и оптиматами, вождем которых был Сулла (*Liv.*, *Epit.* 79; 80; 84; cf. 85), сословие всадников стояло на стороне популяров и Цинны (*Ascon.*, 69 St.). Однако в последнее время в работах некоторых современных ученых появилась тенденция пересмотреть это совершенно недвусмысленно звучащее утверждение источников. Рассматривая состав учрежденных Суллой сенаторских судов, Николе приходит к выводу, что новые сулланские сенаторы рекрутировались в основном из всадников, и считает, что «это служит доказательством того, что так называемая ненависть Суллы к всадническому сословию — не более как литературное преувеличение. Его ненависть распространялась только на „марианцев“» ¹¹⁶. По мнению

¹⁰⁹ *Gabba*. *Il ceto equestre...*, p. 133.

¹¹⁰ *Idem*. *M. Livio Druso...*, p. 11—15.

¹¹¹ *Frank*. *On Some Financial Legislation...*, p. 54—55, not. 3; cf. *Paulus*, *Sent.* V, 25, 1.

¹¹² *См.* *Sydenham*. *Op. cit.*, p. XLIV (*lex Cornelia de falsis.*).

¹¹³ *Festus*, 516L; *Frank*. *On Some Financial Legislation...*, p. 57; *idem*. *An Economic Survey...*, I, p. 270; cf. *Plut.*, *Sull.* 8.

¹¹⁴ *См.* *Vell. Pat.*, II, 23, 2—3; *Sall.*, *Cat.* 33, 2; *Frank*. *An Economic Survey...*, I, p. 232; *Nicolet*. *Op. cit.*, p. 382; cf. *Cic.*, *Font.* 1, 2.

¹¹⁵ *Bloch*. *Op. cit.*, p. 41—47; *Gabba*. *Le origini...*, p. 77; *Селецкий*. *К вопросу...*, с. 112 сл.

¹¹⁶ *Nicolet*. *Op. cit.*, с. 577.

Бранта, тот факт, что Сулла хотя и лишил всадников судебной власти, но взамен ввел в Сенат новых членов из сословия всадников (Liv., Epit. 100; App., В. с. I, 100), «показывает, что Сулла имел друзей во всадническом сословии»¹¹⁷. Той же примерно точки зрения придерживается и Габба¹¹⁸. Эти выводы подтверждаются серьезным анализом просопографических данных. Однако никто из этих ученых не пытается определить, что представляли собой друзья и враги Суллы во всадническом сословии с точки зрения социальной, к какому из слоев римского всадничества они принадлежали. Вместе с тем их выводы совершенно невозможно совместить с тем фактом, что в 66 г. до н. э., когда еще живы были современники и участники событий, связанных с установлением диктатуры Суллы, Цицерон публично, не боясь обвинений в грубом искажении истины, которые свели бы на нет всю его защитительную речь, заявил о ненависти Суллы ко всему сословию всадников (Cluent. 151).

Это противоречие можно, кажется, примирить, если принять во внимание, что: 1) как финансовая и налоговая политика Суллы¹¹⁹, так и его репрессии в значительной мере были направлены против всадников-финансистов и откупщиков, составлявших влиятельнейшую часть, если не большинство, всаднического сословия¹²⁰, а всадники-землевладельцы в конечном счете, как уже говорилось выше, не могли быть довольны внешней политикой диктатора; 2) сторонники Суллы, из числа которых большинство, несомненно, составляли всадники-землевладельцы, сразу же после победы Суллы были возведены в сенаторское звание и не могли уже считаться всадниками; 3) до гибели Цинны в начале 84 г. до н. э. в Анконе формально именно на его стороне начиная с 87 г. до н. э. стояло все сословие всадников: открытый переход на сторону Суллы его сторонников в Италии начался только после его высадки на полуострове в 83 г. до н. э. Только такое положение дел могло позволить Цицерону сделать в 66 г. до н. э. свое формально правильное, а по существу неверное утверждение: действительно, при жизни Цинны формально *equester ordo pro Cinnanis partibus contra Syllam steterat* (Ascon. 69 St.).

Б. П. Селецкий

THE FINANCIAL POLICIES OF THE OPTIMATES AND POPULARES IN THE 90's AND 80's B. C.

B. P. Seletsky

In the 90's the Roman nobility, deep in debt, began to conduct a consistent policy designed to reduce the debt burden. With this aim they resorted to debasing the coinage and otherwise weakening its exchange value; they even had laws passed to curtail indebtedness. The sufferers from this policy were the city plebs, money-lending knights and taxfarmers. This situation, together with the traditional passivity of optimate foreign policy, brought the knights to go over en masse to the populares. The government of the populares, when it came to power, took several measures designed to steady the exchange rate. How-

¹¹⁷ Brunt P. A. Sulla and the Asian Publicans. — Latomus, XV, 1956, p. 23.

¹¹⁸ Gabba. Il ceto equestre..., p. 133.

¹¹⁹ Frank. On Some Financial Legislation..., p. 54—58.

¹²⁰ Там же; ср. Flor., II, 1, 6 (о том, что данный текст Флора представляет собой отрывок или переклад речей Гая Гракха de promulgatis legibus, см. Haerke N. C. Sempromionii Gracchi... fragmenta... München, 1915; Malcovati E. Oratorum Romanorum fragmenta liberae reipublicae. 2. ed., Torino, 1955, p. 130); Liv., Epit. 70; Dio, fr. 97; Val. Max., II, 10, 5; Cic., Font. 17; 38; Diod., XXXVII, 5, 1—5; Cic., Flacc. 14; Plin., XXXIII, 34. О том, что откупщики были главным образом всадниками и что слово *publicanus* в Риме было синонимом слова «всадник», см. Cic., Verr. II, 174; III, 72; 178; Planc. 23; Pison. 41; Att. VI, 1, 5; Q. fr. II, 13; о случаях решающего влияния политической позиции откупщиков на поведение всего всаднического сословия см. Селецкий Б. П. О социальном значении формулы «*satis boni*» в «Переписке» Цицерона. — ВДИ, 1974, № 2, с. 178—182.

ever, in their efforts to keep on their side the land-owning knights, whose financial interests fully coincided with those of the nobility (they objected only to the passive foreign policy), the populares took some steps to lighten the debt burden. This inconsistency in the financial policy of the populares, which was evoked by the social motley represented by the equestrian order, led in 82 B.C. to the desertion of part of the knights (especially the land-owning members of that order) to the optimates and Sulla.

ДВУГЛАВЫЙ ЯГУАР И ЖЕЗЛЫ НАЧАЛЬНИКОВ

(Символы власти и социальные функции в доколумбовой Америке)

Одно из направлений в изучении идеологии древних обществ заключается в выявлении тех социальных функций и — как проблема более узкая и рассматриваемая несколько под другим углом — тех аспектов власти руководителя, которые осознавались людьми в эпоху сложения цивилизаций и государств. Ныне оно связано прежде всего с исследованиями по культуре и языку индоевропейских народов¹. Ж. Дюмезиль и другие ученые реконструируют трехчастность социальных явлений в представлениях индоевропейцев, различавших феномены, относящиеся к господству и управлению (магико-юридическая функция), к физической силе (военная функция), к плодородию и богатству (экономическая функция). Царь то связан преимущественно с одной из функций, то стоит над ними, находясь в фокусе всей социальной жизни². Ж. Дюмезиль подчеркивает уникальность трехфункциональной индоевропейской системы³. Сходные идеи у соседних народов, например угро-финнов, явно заимствованы⁴.

На наш взгляд, рассматриваемая проблема включает две вполне самостоятельных: во-первых, выделение дискретных социальных функций и, во-вторых, числовая символика, свойственная тому или иному этносу или ареалу. В самих индоевропейских традициях нередко выделяются не три, а две функции⁵. Объяснять это искажением более ранней трехчастности бессмысленно: пока миф остается мифом, любые его версии равно аутентичны. Вероятно, возможны и четырехчастные системы, например, при разделении первой функции на собственно магическую и юридическую (Один и Тюр).

Числовая символика, основанная на тройке, со своей стороны не ограничивается сферой социальной классификации. Принцип троичности пронизывает различные стороны и уровни культуры как индоевропейцев и их потомков, так и многих других народов⁶. Возможно, что древнейшая числовая символика повлияла на характер классификации социальных явлений, а та в свою очередь способствовала еще более широкому внедрению принципа троичности.

¹ Dumézil G. L'idéologie tripartite des Indo-Européens. — Collection Latomus, v. XXXI, Bruxelles, 1958; *idem*. Du mythe au roman. La saga de Hadingus. P., 1970, и мн. др. См. также Myth and Law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European Comparative Mythology. Publications of the UCLA Center for the Study of Comparative Folklore and Mythology. I. Berkeley — Los Angeles — London, 1970.

² Dumézil. L'idéologie..., p. 32—33.

³ *Ibid.*, p. 16—17, 32.

⁴ Tally J. E. The threefold death in Finnish lore. — In: Myth and Law..., p. 143—146.

⁵ Ward D. J. The separate functions of the Indo-European divine twins. — In: Myth and Law..., p. 193—202.

⁶ Гоноров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах. — В кн.: Структура текста. М., 1980, с. 21—22.

Чтобы оценить специфику индоевропейских представлений как в том, что касается выделения дискретных и сопоставляемых социальных функций, так и в отношении чисел, определяющих, сколько именно функций осознается, желательнее привлечь сравнительные материалы по другим ареалам.

Поиск типологически сходных явлений в культурах Южной и Центральной Америки, контакт с которыми индоевропейцев заведомо исключен, представляет несомненный интерес. Предваряя дальнейшее изложение, отметим, что и здесь в эпоху древних цивилизаций можно говорить о выделении особых социальных функций. Разница состоит в том, что южноамериканские индейцы осознавали, как правило, наличие не трех, а двух главных функций. В статье речь идет не о том, чтобы в очередной раз отметить существование в культуре индейцев двоичных противопоставлений. Хотелось, однако, обратить внимание на преобладание в Южной Америке двоичных структур и там, где мы традиционно привыкли видеть иные, троичные.

Одним из важных источников для суждений об индейской социальной классификации служит выявление различных аспектов власти руководителя. Мы рассмотрим структуру власти не только в ее отношении к социальным функциям, но и в связи с разделением на мужскую и женскую линии.

Жезл как символ власти

Мы начнем обзор с материалов небольшого могильника культуры мочика, обнаруженного в 1946 г. на северном побережье Перу, в долине Виру, у подножья пирамиды Уака-де-ла-Крус. Он датируется примерно VI в. н. э., т. е. временем господства мочикской культуры в этой долине, первоначально в зону ее распространения не входившей. Американскими археологами были раскопаны коллективное захоронение с человеческими жертвами (так называемое погребение «воина-жреца»), три женские и три детские могилы, а также несколько полностью или частично разграбленных захоронений⁷. Все могилы, в том числе детские, были богаче мочикских погребений, исследованных в 1960-х годах К. Доннаном в долине Санты⁸. По-видимому, могильник в Виру принадлежал какой-то элитарной группе. Сколько-нибудь подробная интерпретация его материалов в интересующем нас плане не проводилась.

Так называемое погребение «воина-жреца», судя по обилию инвентаря в могиле (сосуды, медные украшения и пр.) и наличию сопроводительных жертв (две женщины, мужчина и мальчик), принадлежало лицу, занимавшему важный пост в местной иерархии⁹. Возраст покойного точно не определен, но ясно, что это был глубокий старик. Так как его одежда и положение тела соответствовали одежде и позе антропоморфного божества, чье изображение найдено на одном из предметов в могиле (навершии землекопалки), можно не сомневаться, что захороненный отождествлялся с этим божеством. Внутри тростникового гроба, на дне которого лежал старец, находились три деревянных предмета — наиболее ценная и интересная часть сопроводительного инвентаря.

Самый большой из этих предметов — жезл с навершием в виде стоящей фигуры совы (его длина 183 см, диаметр стержня 4,5 см). На шее совы изображено ожерелье — признак мифологического существа. Бог-сова — один из главных персонажей пантеона мочика, входящий в немногочисленную группу высших божеств¹⁰. Как и резные навершия других дере-

⁷ Strong W. D., Evans C. Cultural Stratigraphy in the Viru Valley, Northern Peru. — Columbia Studies in Archaeology and Ethnology, 1952, v. IV, p. 139 — 167, 175 — 176.

⁸ Donnan C. B. Moche Occupation of the Santa Valley, Peru. — Univ. of California Publ. in Anthropology, 1973, v. 8, p. 50 — 52.

⁹ Березкин Ю. Е. Из истории древнего Перу: социальная структура мочика сквозь призму мифологии. — ВДИ, 1978, № 3, с. 46.

¹⁰ Там же, с. 45 — 46.

вянных предметов из могильника в Уака-де-ла-Крус, изображение совы было некогда инкрустировано кусочками раковин, в основном выпавшими еще в древности. Для подобных целей обычно служили раковины *Spondylus*, которые привозили из Эквадора, высоко ценили и использовали в ритуалах¹¹. Некоторые детали фигуры откололись, а затем были присоединены с помощью клея и деревянных штифтов. Эти повреждения и починки указывают на то, что предмет долго был в употреблении и представлял значительную ценность. Жезл был вырезан из твердого дерева альгарроба, из куска близ сердцевины ствола. Подобная работа при примитивных (в лучшем случае медных) инструментах того времени должна была быть весьма трудоемкой. Конец жезла, противоположный навершию, был заострен. Некогда на нем имелась медная насадка длиной 12 см. В погребение предмет попал уже без нее, но от насадки сохранился след и отверстия для заклепок. Кроме того, аналогичные медные острия завершали концы других деревянных предметов, о которых пойдет речь ниже. Наличие медных деталей на предметах из могильника Уака-де-ла-Крус — дополнительное подтверждение их большой ценности и ритуального назначения¹².

Так как мочика не знали колющего оружия, жезл с заостренным концом не может считаться чем-то вроде ритуального копья. Скорее всего, острый конец нужен был, чтобы вонзять его в землю. Известна роспись, на которой изображены знатная персона и пленники. Рядом в землю воткнуты два жезла и к ним подвешены оружие и одежда пленников¹³. На одном из жезлов — человеческая голова, собственно мочикских предметов с подобным навершием пока не найдено. Второй завершается фигурой бога-совы с распростертыми крыльями и поднятыми человеческими руками.

Среди предметов, находка которых документирована, жезл из могилы «воина-жреца» уникален. Однако опубликованы несколько деревянных мочикских жезлов неизвестного происхождения, сопоставимых с рассматриваемым жезлом. Так, в журнале, издающемся в Доминиканской Республике, в 1978 г. появилась фотография навершия деревянного жезла с фигурой зооморфного существа за подписью «образец искусства тайно» (тайно — коренные обитатели Гаити)¹⁴. Поза, головной убор (с изображением птицы) и видовые особенности персонажа не оставляют сомнений в том, что жезл перуанского происхождения, а его навершие представляет бога-игуану из пантеона мочика. Как и сова, бог-игуана входит в группу высших божеств (он спутник и помощник одного из антропоморфных персонажей).

Навершие другого мочикского деревянного жезла изображает голову

¹¹ Paulsen A. C. The Thorny Oyster and the Voice of God: *Spondylus* and *Strombus* in Andean Prehistory. — AAq, 1974, v. 39, № 4, part 1, p. 597—607.

¹² Судя по частым находкам медных предметов в могилах, мочика получали этот металл в довольно большом количестве. Они умели выплавлять его из руд, содержащих медные окислы (*Patterson C. C. Native Copper, Silver and Gold Accessible to Early Metallurgists.* — AAq., 1971, v. 36, № 3, p. 305—312). В то же время многие предметы сделаны из самородной меди (*Friedman A., Olsen E., Bird J. B. Moche Copper Analysis: Early New World Metal Technology.* — AAq, 1972, v. 37, № 2, p. 254—258). Тигли для плавки были малы (50—60 куб. см), а процесс выплавки, по-видимому, трудоемким и малопродуктивным (*Shimada I. Economy of prehistoric urban context: commodity and labor flow at Moche V Pampa Grande, Peru.* — AAq, 1978, v. 43, № 4, p. 581). Все крупные мочикские медные изделия (ручные топоры, «долота», кубки, жезлы-погремушки, украшения для одежды) скорее всего связаны с ритуальным употреблением, и лишь мелкие (иглы, крючки, небольшие лезвия типа резцов или стамесок) использовались в практических целях. Особо можно отметить изредка находимые в могилах навершия палиц, ритуальное и практическое употребление которых трудно разграничить (*Dornan. Moche occupation...*, p. 119—120, tabl. 13 a; *Doering H. U. Bericht über archäologische Feldarbeiten in Peru, II.* — *Ethnos*, 1959, B. 24, № 1—2, S. 20).

¹³ Kutscher G. Nordperuanische Keramik. — MA, 1954, B. 1, Abb. 23.

¹⁴ Boletín del Museo del Hombre Dominicano, № 11, año VII, 1978, p. 284.

антропоморфного клыкастого божества ¹⁵, еще одно навершие — стоящего воина в полном вооружении; так как божества мочика не всегда имеют явные отличительные признаки, возможно, что и этот воин — мифологический персонаж ¹⁶. Навершия остальных известных мне мочикских жезлов сделаны в виде обнаженных пленников. Большая их часть (если не все) найдена под пластами гуано на прибрежных островках, куда мочика, по-видимому, ездили на лодках за удобрением для полей. Эта группа предметов стоит особняком, и мы не будем ее касаться.

Итак, не исключено, что резные навершия мочикских жезлов всегда делались в виде фигуры одного из высших божеств, хотя это предположение требует проверки. Внешний вид жезлов не содержит указаний на то, что этот предмет восходит к какому-либо орудью или оружию, имевшему практическое назначение. Видимо, уже изначально жезл имел чисто ритуальное употребление.

Самые ранние свидетельства о существовании жезлов в Южной Америке относятся к началу I тыс. до н. э.: на изображениях позднего этапа культуры чавин жезлы держит антропоморфное божество ¹⁷.

В могилах инкского и прединкского периода на побережье Перу найдено множество деревянных жезлов с навершиями в виде фигур мифологических персонажей ¹⁸. Обстоятельства этих находок неизвестны, но недостаток документации отчасти восполняют превосходные зарисовки других вскрытых погребений того же времени, сделанные архиепископом города Трухильо Б. Мартинесом Компаньоном во второй половине XVIII в. На них представлены знатные персоны, захороненные лежа на спине или сидя; в руках у двоих — жезлы (у одного, возможно, палица с очень длинной рукоятью), у третьего — землекопалка ¹⁹.

Церемониальный жезл был, несомненно, знаком и собственно инкской традиции. Согласно как этногенетическому преданию инков, так и современным кечуанским мифам, Манко (либо его сестра Мама Уако, либо демиург Инкарри) несколько раз бросает золотой жезл, чтобы определить место для поселения, и там, где жезл входит в землю, основывает Куско ²⁰.

У современных кечуа департамента Аякучо жезлы служат символами власти лиц, занятых в системе деревенского самоуправления, которая, по крайней мере частично, восходит к доиспанской эпохе. Жезлы высших иерархов делаются из дорогого, особо твердого дерева чонта и украшены серебром. Жезлы запрещено класть горизонтально — они всегда должны либо находиться в руках владельцев, либо стоять прислоненными к стене ²¹. Это последнее обстоятельство особенно интересно. Возможно, что у мочика существовал аналогичный запрет — отсюда заостренные концы жезлов из погребения «воина-жреца», предназначенные для вонзания в землю. По-видимому, горизонтально жезлы можно было класть лишь в могилу.

¹⁵ Kelemen P. *Medieval American Art*. N. Y., 1956, pl. 196 f.

¹⁶ Anton F. *Alt Peru und seine Kunst*. Lpz., 1962, Taf. 117 f. Похожая фигура вооруженного воина нередко увенчивает навершия ритуальных медных ручных топоров и «долот», а также концы керамических горнов (Nelson E. W. *Metal arts of the Indians*. — «Natural History», 1947, v. 56, № 1, p. 80, вверху слева; Schmidt M. *Kunst und Kultur von Peru*. B., 1929, S. 543; Wegner R. N. *Indianer-Rassen und vergangene Kulturen*. Stuttgart, 1934, S. 193, Taf. 81-1, 2). В этих случаях рот персонажа расширяется в углах, что предполагает наличие ягуарьих клыков — признака явно мифологического.

¹⁷ Rowe J. H. *Chavin Art. An Inquiry into its Form and Meaning*. N. Y., 1962, p. 20.

¹⁸ Schmidt. *Op. cit.*, S. 419—425.

¹⁹ Oberem U. *La obra del obispo Don Baltasar Jaime Martínez Compañon como fuente para la arqueología del Perú septentrional*. — *Revista de Indias*, Madrid, año XIII, № 52—53, 1953, fig. 20, 31.

²⁰ Серов С. Я. *Динамика этногенетического мифа инков*. — В кн.: *Этническая история и фольклор*. М., 1977, с. 36, 46, 58—59.

²¹ Isbell B. J. *To Defend Ourselves. Ecology and Ritual in Andean Village*. — *The Univ. of Texas at Austin, Institute of Latin American Studies, Latin American Monographs*, № 47, 1980, p. 85.

Знатного человека с жезлом изображали древние колумбийцы (муиски²², сину²³). Коллекционерам хорошо известны золотые навершия сину, украшенные фигурами животных (вероятно, мифологических персонажей²⁴). Эти навершия насаживались на концы каких-то длинных деревянных предметов, которые сами не сохранились во влажной почве Северной Колумбии. Скорее всего предметы были знаками власти тех лиц, в могилах которых найдены навершия. Каменные вотивные жезлы (длиной 30—40 см) найдены в кладках на одном из главных поселений культуры тайрона на северо-востоке Колумбии²⁵.

Этнографически жезлы зафиксированы у племен коги (кагаба), которые до прихода испанцев жили рядом с тайрона и находились, по-видимому, в зависимости от них²⁶. Когии сохранили до наших дней многие особенности культа и ритуала доколумбовой эпохи. Их деревянные жезлы с резным навершием в виде мифологического персонажа (верховой богини-матери или одного из первопредков) очень похожи на жезлы мочика. У когии жезл служит символом власти жреца, руководящего как делами, связанными с культом, так и повседневными, практическими²⁷. Жезл вручается жрецу при посвящении. Церемония сопровождается танцем и песней, в которой повествуется, как жезл был изготовлен великой матерью (Гаутебван) для одного из первых жрецов и вот теперь вручается имяреку, дабы он заботился о (подчиненных ему) людях, сиротах и вдовах²⁸.

У индейцев нонамá и чокó на северо-западе Колумбии жезлы с одного или обоих концов завершаются изображением человеческой головы, а посредине на стержне краской нарисованы антропоморфные фигуры. Резная голова служит вместилищем духа-помощника шамана, росписи же изображают злых демонов. Шаман получает жезл при посвящении и хранит всю жизнь²⁹.

В соседней Панаме у куна жезлы с антропоморфной фигурой на конце тоже широко используются в шаманской практике. Ныне фигура представляет человека в европейской одежде, в связи с чем автор публикации Г. Вассен даже предполагал, что эти предметы появились только после Колумба и были заимствованы от привезенных в Панаму рабов-африканцев³⁰. Аналогии с другими индейскими племенами региона позволяют, однако, предполагать, что с появлением белых и негров изменилась лишь иконография изображений, но что сама традиция достаточно древняя. Жезлы подобного типа употребляются и знахарями нонамá.

²² *Lapiner A. C. Pre-Columbian Art of South America*. N. Y., 1976, pl. 838; *El Dorado, Museo del Oro Catalogue*. Bogotá, 1975, № 82, 12065.

²³ *Anton F. Die Kunst der Goldländer*. Lpz, 1974, Taf. 239.

²⁴ *El Dorado, Museo del Oro...*, № 6405, 6444, 7503, 7504; *El Dorado, Colombian Gold*. Australian Art Exhibition Corporation, 1978, fig. 175—180; *Emmerich A. Sweat of the Sun and Tears of the Moon. Gold and Silver in Pre-Columbian Art*. Seattle, 1965, fig. 90, 91.

²⁵ *Mason J. A. Archaeology of Santa Marta, Colombian. The Tairona Culture*.— *FMNH ASP*, 1936, v. 20, № 2, pl. 78—81, p. 171—175. *El Dorado, Colombian Gold...*, fig. 233. Эти жезлы имеют раздвоенное навершие — иногда такое же, как у тех, которые держат в руке правители или жрецы муисков. У муисков жезл в одном случае, по-видимому, вонзен в землю перед сидящей фигурой; вероятно, его нижний конец заострен так же, как у мочикских жезлов.

²⁶ *Preuss K. T. Forschungsreise zu den Kagaba. Mödling bei Wien*, 1926, S. 41—43. Язык тайрона сохранился как сакральный, жреческий язык когии.

²⁷ *Park W. Z. Tribes of the Sierra Nevada de Santa Marta, Colombia*.— *HSAI*, 1946, v. 2, p. 882; *Reichel-Dolmatoff G. Training for the priesthood among the Kogi of Colombia*.— *In: Enculturation in Latin America: an Anthology*. Los Angeles, 1977, p. 271.

²⁸ *Preuss*. *Op. cit.*, S. 88—89, 333—334, Abb. 27—29.

²⁹ *Nordenskiöld E. Les rapports entre l'art, la religion et la magie chez les Indiens Cuna et Choco*.— *JSA*, t. 20, № 1, p. 145, fig. 1; *Wassen H. Notes on Southern Groups of Choco Indians in Colombia*.— *ES*, 1935, v. 1, p. 108—114, fig. 33.

³⁰ *Wassen H. An Analogy between South American and Oceanic Myth Motif and Negro Influence in Darien*.— *ES*, 1940, v. 10, p. 76—79.

У костариканских индейцев (брибри и кабэкар) жезлы вождей и шаманов изготовлялись до конца XIX в. и, переходя из поколения в поколение, до сих пор используются знахарями. Деревянное древко предметов заканчивается резной антропоморфной фигурой. Подобные вещи были найдены археологами в горной Коста-Рике. В мифах кабэкар и брибри шаманский жезл служит одним из главных атрибутов верховного божества, средоточием его силы ³¹.

К востоку от Анд жезлы с резными антропоморфными изображениями известны мне только у макиритаре (екуана) Южной Венесуэлы, причем они скомбинированы там в одно целое с шаманской погребушкой (две резные человеческие фигуры увенчивают деревянную рукоять). Фигуры изображают шаманов, живущих на небе, т. е., по-видимому, помощников земного шамана — владельца жезла-погребушки ³².

У ряда племен Чако и Амазонии известны жезлы вождей и шаманов без изображений — в виде простой палочки, украшенной перьями (колл. МАЭ, № 764, 1379 и др.).

Таким образом, если жезлы вообще были распространены как в Андах, так и к востоку от них, служа знаками достоинства разных по функциям лиц, то предметы с фигурным навершием в виде божества отмечены в пределах более узкого ареала (Перу, Колумбия, Венесуэла, Центральная Америка) и во всех случаях, фиксируемых этнографами, принадлежали не вождям, а жрецам или шаманам. Резная фигура мыслилась вместилищем шаманского духа-покровителя. Это исходное значение, однако, уже почти скрыто у кого, чья духовная культура (вероятно, в результате былого влияния их высокоразвитых соседей, тайрона), более других приближается к моделям, типичным для цивилизаций, а не для первобытных обществ. Вероятно, и у мочика резное навершие тоже не воспринималось непосредственно как вместилище духа, а истолковывалось в более отвлеченных категориях.

Социальное положение «воина-жреца»

Приведенные выше сравнительные данные как будто заставляют предполагать, что жезл с фигурой совы из интересующего нас погребения был знаком именно жреческого достоинства. Есть, однако, некоторые дополнительные соображения, указывающие на то, что как символика самого предмета, так и функции должностного лица, которому он принадлежал, не были связаны исключительно с культовой сферой.

Еще в начале 60-х годов Т. Зойдема пришел к заключению, что инкским государством правила не одна, а одновременно две параллельных династии, состоявшие из предводителей «верхнего» (Hanan) и «нижнего» (Hurin) Куско (эта система восходит к двум фратриям со стоящими во главе них вождями) ³³. В последние годы выводы Т. Зойдемы были поддержаны и развиты другими специалистами в области социальной истории индейцев Анд ³⁴.

Помимо деления на «верх» и «низ», в древнем Куско (как и в современных кечуанских общинах) существовало четверичное деление на *suyu* (по два *suyu* в обоих подразделениях). Половины и четверти противопоставлялись друг другу на основе разных критериев, типичных для дуаль-

³¹ Stone D. The Talamanca Tribes of Costa Rica. — Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Cambr. Mass., v. 43, p. 42, fig. 12.

³² Koch-Grünberg. T. Vom Roroima zum Orinoco. B. 3. Stuttgart, 1923, S. 381, Taf. 49, 6.

³³ Zuidema R. T. The Ceque System of Cuzco. The Social Organization of the Capital of the Incas. — International Archives of Ethnography. Supplement to v. L. Leiden, 1964.

³⁴ Duviols P. La dinastía de los Incas: ¿monarquía o diarquía? Argumentos heurísticos a favor de una tesis estructuralista. — JSA, 1979, t. 66, p. 81—82; Sherbondy J. Les réseaux d'irrigation dans la géographie politique de Cuzco. — JSA, 1979, v. 66, p. 45—66.

ных классификаций у разных народов мира, но, в частности, как подразделение правителей и воинов, с одной стороны, и жрецов, с другой ³⁵. Отнесение одной из социальных единиц к «жрецам» не означало, что ее члены исполняли только культурные обязанности: все подразделения были в основном сходны по внутренней структуре и объединяли лиц разной социальной принадлежности; классификация имела не столько реальный, сколько символический характер. Глава подразделения «жрецов» мог, по-видимому, выступать в трех качествах: 1) как действительно верховный жрец, 2) как соправитель и помощник верховного Инки, его «segunda persona», 3) как глава группы родов, осуществляющий не только культурное, но и верховное гражданское и военное руководство в пределах своего подразделения.

Весьма вероятно, что и в древности у мочика знатные лица, занимавшие то же положение, что и человек, захороненный в могиле в Уака-де-ла-Крус, также возглавляли какие-то социальные подразделения, относимые в символической классификации к «жрецам», но выполняли при этом разнообразные функции ³⁶. Такое предположение обосновывается рядом обстоятельств.

Во-первых, бог-сова, в виде которого сделано навершие жезла, выступает в мочикской мифологии и как военачальник, и как жрец, и, может быть, как шаман, лично занимающийся магической практикой. Во-вторых, тот жезл с фигурой совы на конце, который изображен на упомянутой выше мочикской росписи (см. прим. 13), показан скорее в батальной, а не в церемониальной контексте. В-третьих, антропоморфное божество на навершии землекопалки (о ней подробнее далее), с которым отождествлялся погребенный на мочикских изображениях, может быть истолковано именно как *segunda persona* и одновременно как верховный жрец при главном правителе.

Сцены, в которых запечатлены оба божества, были первоначально интерпретированы мной как противопоставляющие царя и подчиненного ему более мелкого правителя ³⁷ (божество-двойник старца из могилы в Уака-де-ла-Крус направляется к главе пантеона, воздев руки в жесте адорации; фигуры обоих персонажей равны по размеру и больше всех остальных). В свете привлекаемых теперь инкских аналогий новое толкование выглядит предпочтительнее. Оно позволяет объяснить, почему обе фигуры равны по размеру, почему интересующий нас персонаж на росписях всегда единичен и почему на нем подчеркнута жреческое церемониальное облачение в отличие от простого воинского костюма на верховном божестве-правителе (мелкие сюзерены, подчиненные крупному, были бы скорее показаны меньше его по размеру и по крайней мере в ряде случаев не единично, а как группа персонажей одного ранга). В ходе многих церемоний правитель-жрец выполняет те же функции, которые в иных случаях присущи правителю-воину. Именно такое дублирование можно было бы ожидать от *segunda persona*.

Сказанное позволяет заключить, что жезл с фигурой совы являлся скорее всего общим символом власти и достоинства персонажа, осуществлявшего не только жреческие, но и иные обязанности. Диапазон его функций мог соответствовать диапазону функций его мифологических покровителей — антропоморфного клыкастого божества и бога-совы.

³⁵ Zuidema. Op. cit., особенно p. 101, 104, 111—113, 138, 156, 163—170, 206, 212, 243—246.

³⁶ Поскольку долина Виру не занимала центрального положения в пределах ареала мочикской культуры, а рассматриваемое захоронение не может быть отнесено к категории «царских», погребенное должностное лицо, безусловно, исполняло при жизни свои обязанности не на высшем, а на каком-то провинциальном уровне иерархии. Однако структурно разные уровни были скорее всего схожи, подобно тому как социальное устройство небольших кечуанских селений во многом воспроизводит организацию древнего Куско (см. Zuidema. Op. cit., p. 83, 93, 97, 100, 114—118, 173—174 и др.).

³⁷ Березкин. Из истории древнего Перу..., с. 51—52.

Наряду с жезлом в том же захоронении лежали два других культовых предмета, уточняющие сферы деятельности, с которыми был связан погребенный иерарх. Рассмотрим эти предметы теперь подробнее.

Палица и землекопалка.

Связь жертвоприношений с аграрными культами

Палица и землекопалка, как и жезл, были вырезаны из альгарробы и имели фигурные навершия, инкрустированные кусочками раковин (в значительной мере выпавшими к моменту захоронения)³⁸. Кусок землекопалки в древности откололся и был снова прикреплен медными гвоздиками. Длина землекопалки 174 см, диаметр рукояти 4 см. В пижней части рукояти переходит в плоское лезвие (шириной 4 см), снабженное медной накладкой (длиной 17 см). Палица (ее длина 143 см, диаметр рукояти 3 см) снизу завершалась острой медной (вероятно, литой) насадкой длиной 28,5 см. Конструкция и внешний облик жезла, палицы и землекопалки имеют много общего, хотя они вряд ли были сделаны одним мастером. Весьма возможно, что все три предмета составляли комплект еще до того, как были положены в могилу.

Ритуальные палица и землекопалка в этом комплекте имеют в отличие от жезла вполне определенные практически полезные прототипы. Определение семантики этих предметов не вызывает особых трудностей.

Землекопалка выражает экономический аспект деятельности руководителя, но в то же время и собственно жреческий, магический аспект. В южноамериканских мифах способность в короткий срок обработать участок и получить с него урожай — одно из обычных испытаний, призванных выявить магические способности вождя, первопродка, шамана и обнаружить бессилие ложного претендента³⁹. Во время полевых работ «воин-жрец», вероятно, лично вскапывал небольшой священный участок, работая той самой землекопалкой, которую потом положили ему в могилу. Позже, в Куско, имелся священный участок, на котором работали инки царской крови⁴⁰.

У современных кечуа сохраняется должность традиционного жреца и предсказателя — пако. Основная его обязанность — руководить аграрными церемониями. Пако может стать лишь человек, рядом с которым ударила молния⁴¹.

Ритуал обработки священного поля сложился, по-видимому, еще до того, как в Андах появились первые цивилизации. Во всяком случае, он зафиксирован у первобытных индейских племен, например пиароа Южной Венесуэлы. У каждой общины пиароа есть особый участок, на котором выращиваются образцы всех тех растений, которые используются племенем. Участок находится под наблюдением шамана (но не вождя), и он лично работает там, заботясь о тех растениях, которые действуют как наркотики и используются в шаманской практике⁴².

На навершии мочикской землекопалки изображено то антропоморфное божество, с которым ассоциировался погребенный старец. Оно само запечатлено с подобным инструментом в руках, прокладывая борозды на

³⁸ Strong, Evans. Op. cit., p. 156—158.

³⁹ Hissink K., Hahn A. Die Tacana. Stuttgart, 1961, S. 104—105; Métraux A. Mitos y cuentos de los Indios Chiriguano. — Revista del Museo de la Plata, t. 33, La Plata, 1932, p. 175—177; Nimuendaju C. Serente Tales. — Journal of American Folklore, 1944, v. 57, № 225, p. 187, и мн. др.

⁴⁰ Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства Инков. Л., 1974, кн. 5, гл. 2, с. 272; Murra J. V. La organización económica del Estado Inca. México, 1978, 40—41; Pizarro P. Relación del descubrimiento y conquista de los Reinos del Perú. — Col. de documentos inéditos para la hist. de España, t. 5, Madrid, 1844, p. 266.

⁴¹ Gorbak G., Lischetti M., Muñoz C. P. Batallas rituales del Chiaraje y del Tocto de la provincia de Kanas (Cuzco — Perú). — RMN, 1962, t. 31, p. 277—281.

⁴² Boglar L. Chieftainship and the religious leader; a Venezuelan example. — Acta Ethnographica, Budapest, 1971, v. 20, № 3—4, p. 335.

поле. У ног стоит мальчик, держащий мешочек с зернами для посева. Ребенок, принесенный при погребении в жертву и положенный у ног старца, явно отождествляется с ребенком-сеятелем.

В одном из частных собраний США хранится еще одна мочикская землекопалка (длинной 138 см) с резным инкрустированным навершием, но без медной накладки на лезвии⁴³. Навершие изображает ягуара, терзающего обнаженного, откинувшегося навзничь человека (по-видимому, принесенного в жертву плепника). Данный сюжет хорошо известен в мочикской иконографии. На правах мизансцены он входит в композицию, на которой изображена так называемая церемония передачи кубка, или представительства. По моему мнению, она связана с периодическим подтверждением отношений господства-подчинения между правителем и подданными⁴⁴. Однако сопровождавшие передачу кубка жертвоприношения, по-видимому, имели отношение и к аграрным культам, что может объяснять выбор именно сцены терзания жертвы для изображения на рукоятке землекопалки.

Есть еще один деревянный предмет, который мог быть ритуальным землекопным орудием⁴⁵. Правда, это толкование не бесспорно, так как по конструкции он отличается от двух землекопалок, описанных выше. Резная фигура находится посередине, вниз от нее отходит круглая в сечении рукоять, вверх — слегка расширяющееся к заостренному концу лезвие. Размеры в источнике не указаны, но, судя по детализировке резьбы, они примерно соответствуют размерам остальных упоминаемых в статье деревянных предметов. Резная фигура изображает то же божество, которое представлено на навершии землекопалки из погребения «воина-жреца»⁴⁶. На этот раз в одной руке персонажа ручной топор, употреблявшийся при жертвоприношениях, в другой — отрубленная человеческая голова. Позади две перекрещенные полосы, значение которых неясно⁴⁷.

Историко-этнографические данные указывают на то, что у народов Центральных Анд связь человеческих жертвоприношений с аграрными культами была особенно тесной, можно сказать, прямолинейной. Севернее Эквадора семантика жертвоприношений не столь однозначна. В некоторых районах Эквадора, Перу и Боливии до сих пор сохраняется обычай устраивать перед началом сельскохозяйственного сезона ритуальные битвы⁴⁸. Убитые в них рассматриваются как жертвы божеству, необходимые для получения обильного урожая⁴⁹. За них нельзя мстить и не принято огорчаться из-за их смерти. В прошлом победитель собирал кровь убитого и окроплял ею свое поле⁵⁰. Другой кечуанский обряд заключается в том, что после сбора урожая молодую девушку опрокидывают на спину и длинными стеблями травы привязывают к земле⁵¹. Ныне ее через некоторое время освобождают, но в древности, по-видимому, приносили в жертву. Хорошо известны жертвоприношения детей у каньяри Южного

⁴³ Anton. Alt Peru..., Taf. 49; Disselhoff H. D. Alltag im alten Peru. München, 1966, S. 30.

⁴⁴ Березкин. Из истории древнего Перу..., с. 48—50.

⁴⁵ Harcourt R. de, Nique J. La sarbacane, l'élevage des oiseaux et la tête réduite chez les peuples Mochica. — JSA, 1934, v. 26, № 1, tabl. II-2.

⁴⁶ Тождественность этого божества на разных изображениях рассматривается в статье: Березкин Ю. Е. Божество земледелия на изображениях мочика (Перу). — Сб. МАЭ, XXXVII, Л., 1981.

⁴⁷ Ср. аналогичные изображения на металле из раннемочикского могильника Лома Негра: Lapiner. Op. cit., pl. 350, 363, 382.

⁴⁸ Alencastre A., Dumézil G. Fêtes et usages des Indiens de Langui. — JSA, 1953, v. 42, p. 2—38; Brownrigg L. A. El papel de los ritos de pasaje en la integración social de los Sañaris Quichuas del Austral acuatoriano. — 39 Congreso Internacional de Americanistas (далее CIA), v. 6, Lima, 1972, p. 92—99; Gorbak, Lischetti, Muñoz. Op. cit., p. 239—304; Hartmann R. Otros datos sobre las llamadas «batallas rituales». — 39 CIA, v. 6, p. 125—135; Hocquenghem A. M. Les combats mochicas. — BA, 1979, B. 26, p. 127—157.

⁴⁹ Hartmann. Op. cit., p. 130.

⁵⁰ Brownrigg. Op. cit., p. 97.

⁵¹ Alencastre, Dumézil. Op. cit., p. 78.

Эквадора, совершавшиеся перед жатвой. Трупы зарезанных детей оставляли наполовину зарытыми в землю⁵² (ср. жертвоприношение ребенка при погребении «воина-жреца», непосредственно связанное с земледельческой обрядностью).

Обратимся теперь к палице. Ассоциативный круг этого предмета достаточно определен. Его навершие украшено рельефом с силуэтами сражающихся воинов. Сверху над ними вырезана фигура морского орла — зооморфного персонажа, на мочикских изображениях преимущественно выступающего в образе бога-воина. Как и жезл, палицу, вероятно, острым концом вонзали в землю. Изображений подобным образом закрепленной палицы очень много. По-видимому, она служила знаком власти военачальника. Один из сосудов в Берлинском музее народоведения увенчан трехмерной фигурой сидящего человека в костюме воина, вытянувшего вперед правую руку, в которой он держит палицу. Роспись на тулове сосуда передает батальную сцену⁵³. На палице «воина-жреца» из могильника в Уака-де-ла-Крус вырезаны изображения сражающихся воинов, а ниже — фигура, сидящая на возвышении, и перед ней меньшая фигура воина, преклонившего колени (на фотографии эта часть рельефа плохо различима).

Тема жертвоприношений связана с батальной: почти повсеместно в древней Америке одним из главных стимулов для ведения войн было стремление овладеть пленниками, чтобы принести их в жертву. Таким образом, она объединяет военную и аграрную функции руководителя в единый идеологический комплекс. Однако эта тема прямо не отражена в иконографических материалах из погребения «воина-жреца», фиксирующих внимание на двух аспектах его деятельности, взятых обособленно.

Три ритуальных предмета, положенных в могилу «воина-жреца», вместе составляют набор символов, характеризующих общественное положение данного иерарха. Землекопалка указывает на его обязанности организатора (или магического покровителя) сельскохозяйственных работ, палица — на роль военачальника. Жезл мог быть символом юридической функции, либо (что кажется более вероятным) — знаком с широким значением, выражающим власть должностного лица в ее разных аспектах.

Естественно, что взятые изолированно материалы одного погребения еще не дают оснований говорить о паличии в идеологии древних обитателей Нового Света сколько-нибудь отчетливых соответствий индоевропейской идее социальных функций. Однако в свете других подобных фактов такая интерпретация уже не выглядит натянутой.

Представления о загробных мирах у ацтеков. Связь растительного плодородия и болезней

О выделении двух социальных функций — военной, с одной стороны, и экономической, магической, аграрной — с другой, свидетельствуют ацтекские представления о загробных мирах⁵⁴. Они особенно показательны ввиду того, что и в Старом Свете трехфункциональность ярче всего проявляется в погребальном ритуале.

Первый из миров — Миктлан. В него идут души тех, кто умер неспецифической смертью. Заметна тенденция противопоставить Миктлан остальным мирам, как ад — раю, но не известно, давала ли она себя знать и в древних текстах или была привнесена с христианством. Второй мир — Тлалокан (Тлалок — имя бога дождя). Туда идут души утонувших и уби-

⁵² Verneau R., Rivet P. Ethnographie ancienne de l'Equateur. — Mission du service géographique équatorial en Amérique du Sud. T. 6, P., 1912, p. 33.

⁵³ Schmidt. Op. cit., Taf. II.

⁵⁴ Krickeberg W. Märchen der Azteken und Inkaperuaner, Maya und Muisca. Jena, 1928, S. 27—34.

тых молнией (ср. кечуанского *пако*, который может стать руководителем аграрных церемоний только после удара молнии). Кроме того, Тлалокан предназначен для больных, особенно такими болезнями, которые сопровождаются опухольми и язвами (водянка, подагра, сифилис), а также для умерших от заразных болезней. После смерти всех этих людей нельзя сжигать, а надо зарывать в землю. В третий загробный мир, «Обитель Солнца», попадали павшие в бою воины, умершие от родов женщины (приравняемые к воинам) и люди, принесенные в жертву (пронзенные, с вырванным сердцем, сожженные).

Ацтеки (по крайней мере жрецы) связывали человеческие жертвоприношения не столько с плодородием земли, сколько с поддержанием небесного огня, солнца, пищей которого считались сердца, а питьем — кровь жертв⁵⁵. Согласно мифу, само появление солнца на небе — акт жертвоприношения⁵⁶. Поэтому тема жертвоприношений в Мексике теснее, чем в Перу, связана именно с военной функцией. Что же до представлений о связи растительного плодородия с болезнями, то они подтверждаются и андскими данными.

В некоторых долинах Перу эндемичны верруга и тропический лейшманиоз, вызывающие нарывы, язвы и опухоли. В тех же долинах произрастают лучшие сорта картофеля (по крайней мере, так принято считать). Шишки на клубнях местные жители ассоциируют с шишками на лице. Больные не только не жалуются на свое уродство, но даже гордятся им. Ни в каких видах социальных взаимоотношений, включая отношения между полами, подобные телесные изъяны не понижают престиж человека. Более того, на рынке, куда из пораженных болезнью деревень привозят на продажу картофель и фрукты, уродство продавца считается гарантией высокого качества товара и обеспечивает спрос на него⁵⁷.

На изображениях культуры мочика духи картофеля также показаны в виде антропоморфных существ, больных лейшманиозом или верругой (слепых, безносых, безгубых). Эти же уродства встречаются и у людей, главным образом у тех, кто носит определенные типы одежды и головных уборов; из содержания росписей следует, что люди в подобной одежде имели отношение к церемониям, но не как руководители или рядовые участники, а скорее как организаторы «технической» стороны дела. По размеру их фигуры обычно меньше других, что скорее всего объясняется низким социальным рангом⁵⁸. В некоторых случаях у соответствующих персонажей отсутствуют конечности; это явно следы экзекуции, так как эндемичные перуанские болезни к атрофии конечностей не приводят⁵⁹.

⁵⁵ *Ibid.*, S. 22. Жертвоприношения солнцу, «поедающему» выставленные на скалах трупы отданных ему людей, были распространены и в Колумбии (*Simón P. Noticias históricas de las conquistas de Tierra Firme*. T. 2. Bogotá, 1891, p. 123—127). Представления мусков о загробных мирах также во многом близки ацтекским: умершие неспецифической смертью шли в «ад», а скончавшиеся от болезней, павшие в битве и женщины, умершие от родов, — в «рай» («Los que morían de calenturas, dolor de costado, cámaras de sangre, ó en la guerra, ó las mujeres que morían de parto, los dejaban con esperanzas de que habían ido á descansar al cielo, pero sin ellas que iban al infierno los que morían de otra manera»: *Simón*. Op. cit., p. 323—324). То, что у мусков «рай» не разделен, может объясняться просто краткостью или неосведомленностью Педро Симона. Вообще связь умерших определенной смертью с тем или иным божеством и разделом потустороннего мира — идея, присутствующая в Америке далеко не одной лишь мексиканской мифологии. Например, у чикито Восточной Боливии посмертная судьба усопших зависела от того, умерли ли они дома, в лесу или же утонули в реке (*Fernández P. Relación histórica de las misiones de Indios Chiquitos*.— *Collección de libros raros o curiosos que tratan de América*, t. 20, Madrid, 1895 (первое издание: 1726), p. 281). Однако в этом случае разные виды смерти и разделы загробных миров не связаны с определенными социальными группами и функциями; соответствующие представления, по-видимому, появляются лишь в цивилизациях.

⁵⁶ *Krickeberg*. Op. cit., S. 15—19.

⁵⁷ *Weiss P.* La asociación de la uta y verruga peruana en los mitos de la papa, figurados en la cerámica mochica y chimú.— *RMN*, 1964, t. 30, p. 65—77.

⁵⁸ *Березкин*. Из истории древнего Перу..., с. 57.

⁵⁹ *Weiss*. Op. cit., p. 65.

Не исключено, что и повреждения на лице наносились искусственно, но при этом имитировались следы болезни. О том, что подобные жестокие обычаи были действительно знакомы индейцам, свидетельствуют источники времен конкисты. Так, у правителя о-ва Пуна (в заливе Гуаякиль близ границы Эквадора и Перу) находились в подчинении слуги-евнухи, которым отрезали также губы и нос⁶⁰.

Таким образом, перуанские материалы указывают, что в сознании индейцев болезни, растительное плодородие, хозяйственно-административная деятельность и зависимое социальное положение были ассоциативно связаны. Все это — проявления экономической или магико-экономической функции, противопоставленной функции военной. Реальность подобного противопоставления наглядно доказывается анализом изображений так называемых иноплеменников в искусстве мочика.

Народ шаманов и народ воинов

На изображениях культуры мочика «иноплеменниками» принято считать людей, чья одежда, оружие и украшения последовательно отличаются от обычных. Сражаясь с мочика, «иноплеменники» всегда проигрывают, чем и обусловлена их интерпретация как «чужих». В статье, опубликованной ранее, я пришел к выводу, что мочикские «иноплеменники» — это мифический народ, существовавший до появления «настоящих» людей и затем частично истребленный божествами⁶¹. Выделяются две группы «иноплеменников», имеющих, впрочем, важные общие черты. «Иноплеменники» по крайней мере одной из групп обладают сходными признаками с людьми культуры рекуай — соседями мочика в горах и, вероятно, их предшественниками на побережье в южной части того ареала, который культура мочика занимала в период расцвета. Облик людей рекуай известен по их собственным изображениям.

В последнее время проблема «иноплеменников» в иконографии мочика привлекает усиленное внимание американистов⁶². Похоже, что это один из ключевых вопросов для реконструкции мочикской исторической и мифологической традиции. Многочисленные новые материалы, которые удалось учесть, ни в коем случае не отвергая старой интерпретации (иноплеменники — древний мифический народ), дают возможность рассмотреть весь вопрос с принципиально иной точки зрения.

Прежде всего оказалось, что изображения «иноплеменников» в мочикском искусстве многочисленнее, чем можно было думать. Их явные, резко отличные от обычных признаки (подвешенные к шее и локтю даже во время сражения сумочки для сосудов с наркотической смесью; украшающие шлем отрубленные человеческие руки; уменьшенные до размеров кулака человеческие головы-трофеи, прикрепленные к сумочке, головному убору или подбородку, и пр.) коррелируют с некоторыми другими, специфика которых первоначально была неясна.

Эти новые признаки таковы: 1) дисковидные подвески в ушах⁶³; 2) шахматный орнамент на рубашке и сумочке; 3) стриженная голова с чубом над лбом; 4) головная повязка с «ушками» по бокам; 5) расходящиеся вверх и в стороны украшения над лбом в форме плодов ульчю

⁶⁰ Verneau, Rivet. Op. cit., p. 33.

⁶¹ Березкин Ю. Е. Две группы иноплеменников на изображениях мочика (Перу). — СЭ, 1978, № 1, с. 126—137.

⁶² Benson E. P. The men who have bags in their mouths (эта статья была любезно прислана мне Э. Бенсон в рукописи); Schuler-Schömgig I. von. Die sogenannte Fremdkrieger und ihre ikonographischen Bezüge in der Moche-Keramik. — 43 CIA, Vancouver (в печати); idem. Die «Fremdkrieger» in Darstellungen der Moche-Keramik. — BA, B. 27 (1979), 1980, Hft. 1, S. 135—213.

⁶³ Видимо, лишь у «иноплеменников» первой группы; у представителей второй группы — подвески в форме гусиной лапки, у собственно мочика — вставки в мочку уха.

(разновидность авокадо?), являющиеся, по мнению Э. Бенсон⁶⁴, сознательной имитацией этих плодов; 6) некоторые специфические формы раскраски лица и тела; 7) у «иноземцев» значительно чаще, чем у собственного мочика, показаны усы и борода.

Оказалось, что «иноземцы» изображались не только в батальных сценах. Соответствующие атрибуты имеют люди и мифологические существа, совершающие приватно, вне многолюдных церемоний, различные ритуальные действия, т. е., вероятно, жрецы или шаманы. Они употребляют коку и имеют при себе мешочки и сосудики для наркотической смеси⁶⁵, особым образом жестикулируют (перекрещенные, простерты вперед или сложенные в жесте адорации руки)⁶⁶, демонстрируют предметы, скорее всего являющиеся приношениями оракулу, святыне и т. п. (орнаментированная рубашка, небольшое животное или птица)⁶⁷, держат низки семян эспинго (*Nectandra?*), до сих пор употребляемых в Андах в знахарской практике⁶⁸.

Таким образом, «этническая» группа «иноземцев» в значительной мере совпадает с социальной группой жрецов или шаманов. Для более ранних изображений (периодов II—III, согласно принятой для культуры мочика пятичленной шкалы) это совпадение, возможно, полное. В период IV появляются фигуры с культовыми предметами (шаманская погремушка, бич, ожерелье из эспинго), не всегда имеющие прежние специфические особенности⁶⁹. Историческая реальность людей, облик которых напоминал облик «иноземцев», вполне вероятна. Они могли составлять субстратное население южной и центральной части мочикской территории и в дальнейшем войти в состав мочикского этноса. Основания для подобного предположения следующие.

Фигуры людей и божеств на древнейших мочикских сосудах и изделиях из металла (периодов I и, по-видимому, начала II) лишены признаков «иноземцев». Найдены эти предметы главным образом на крайнем севере Перу, в долине Пьюры⁷⁰. Происходящие из более южных долин Чикама, Моче и Санта предметы, выполненные в стиле мочика I, единичны и найдены при неизвестных обстоятельствах. Судя по тому, что под основанием «Пирамиды Луны» в долине Моче был обнаружен клад вещей

⁶⁴ Benson E. P. «Salesmen» and «sleeping» warriors in Mochica art.— 41 CIA, v. 2, México, 1976, p. 28. Плоды ульчу изображены во многих ритуальных сценах и, видимо, имели для мочика сакральное значение.

⁶⁵ Anton. Alt Peru..., 72; Baessler A. Altperuanische Kunst. B.— Lpz, 1902—1903, Abb. 199; Disselhoff, Alltag..., S. 47; Donnan C. B. Moche Art and Iconography.— UCLA LAS, v. 33, 1976, fig. 74; Kutscher G. Chimú: eine altindianische Hochkultur. B., 1950, Abb. 26; Larco Hoyle R. Los Mochicas. T. 2. Buenos Aires, 1938—1939, tav. XXIX; Montell G. Dress and Ornaments in Ancient Peru, Göteborg, 1929, fig. 15; Schmidt. Op. cit., S. 141, Abb. 2; Wassermann B. J. Cerámicas del antiguo Perú de la colección Wassermann — San Blas. Buenos Aires, 1938, fig. 395, 419—424.

⁶⁶ Hagen V. W. von. The Desert Kingdoms of Peru. L., 1965, fig. 17; Kroeber A. L. The Uhle Pottery Collections from Moche.— UCPAAE, 1925, v. 21, № 5, pl. 54 g; Wassermann. Op. cit., fig. 386, 443, 444.

⁶⁷ Benson. «Salesmen»..., fig. 1—3; Disselhoff, Alltag..., S. 84; Dräger L. Das alte Peru. Lpz, 1964, Taf. 1; Hocquenghem A. M. Quelques projections sur l'iconographie des mochica.— BA, B. 25 (1977), 1978, tabl. 3, 7; Kutscher. Chimú..., Taf. 17; Larco Hoyle. Los Mochicas, t. I, fig. 33; Montell. Op. cit., fig. 4; Osborn H. South American Mythology. Feltham, 1968, p. 133; idem. Testimonianze d'arte delle culture peruviane primitive. Milano, 1974, fig. 48; Valcárcel L. Dioses, hombres y bestias.— Cuadernos de arte antiguo del Perú, Lima, 1937, № 5, fig. 6; Wassermann. Op. cit., fig. 433—435, 457—460, 462.

⁶⁸ Hagen. Op. cit., fig. 79; Hocquenghem. Quelques projections..., tabl. 4; Montell. Op. cit., fig. 40; Schuler-Schömig. Die «Fremdkrieger»..., S. 148—149, Abb. 7; Wassermann. Op. cit., fig. 384, 403.

⁶⁹ Donnan. Moche Art..., fig. 84; Hocquenghem A. M. Les représentations de chamans dans l'iconographie mochica.— NP, 1977, № 15, fig. 25, 27, 28; Larco Hoyle. Los Mochicas, t. 2, fig. 190, 205, 209; Montell. Op. cit., fig. 41; Schmidt. Op. cit., S. 147, Abb. 2.

⁷⁰ Disselhoff H. D. Vicus. Eine neu entdeckte altperuanische Kultur.— MA, 1971, B. 7, Taf. 16, 19, 20; Lapiner. Op. cit., p. 112—115, pl. 245 f.

периода II ⁷¹, строительство этого монументального сооружения в будущей мочикской столице не могло начаться раньше этого времени. С конца же периода II именно в Чикаме, Моче и Санте находятся главные центры культуры.

Среди находок из Пьюры есть, по-видимому, не только вещи периода I, но и более поздние. Однако и они не дают изображений «иноплеменников». Видимо, появление подобных изображений только на юге обусловлено тем, что лишь там мочика столкнулись с субстратным населением.

Как именно складывались взаимоотношения двух этносов, мы не знаем. Но даже если часть прежних жителей мочика истребили или вытеснили, они не могли не включить какие-то их группы в свой состав. Зубчатые наверхия палиц и сумочки в виде распластанной шкуры животного, на изображениях представленные только у «иноплеменников» или у имеющих соответствующие атрибуты божеств, найдены при раскопках в мочикских могилах ⁷². Кроме того, историческая сторона дела — далеко не главное, что нужно учитывать при толковании изображений. Используя некоторые исторические факты, миф комбинирует их в соответствии с собственными законами.

На изображениях «иноплеменники» выступают в качестве чужаков лишь в строго ограниченном контексте: во время сражений. Особняком стоит сцена избияния людей ожившими предметами, рассмотренная мною в другой статье ⁷³. В прочих сюжетах (шествие воинов ⁷⁴, вооруженный воин в торжественной позе ⁷⁵, шаман) ничто не говорит об отрицательном отношении мастера к своему объекту. Подобных изображений очень много; предполагать, что на всех них представлены в буквальном смысле чужаки, враги, «инородцы», вряд ли допустимо.

Мы уже говорили, что не только знахари, но и «иноплеменники»-воины обладают шаманским атрибутом: принадлежностями, связанными с употреблением коки. Признак этот специально выделен и, можно сказать, утрирован: вряд ли во время настоящего сражения к локтю размахивавшего палицей воина могла быть подвешена сумочка. По-видимому, художник стремился изобразить борьбу воинов с жрецами или шаманами, т. е. сцену из мифа, а те или иные внешние особенности участников битвы суть лишь знаки, позволяющие отнести персонажей к соответствующей группе. Сами по себе атрибуты «иноплеменников» являются реальными этническими признаками, специфичными для какой-то части населения мочикской эпохи, но «иноплеменники» как группа — не исторический, а легендарный народ.

Война двух этносов, каждый из которых олицетворяет определенную социальную функцию, напоминает войну асов и ванов в эддической традиции. Мне кажется, что подобная параллель точнее всего передает сущность мочикской мифологии. Индоевропейские соответствия подчерки-

⁷¹ Uhle M. Die Ruinen von Moche.— JSA, 1913, t. X, S. 109. См. фотографии предметов изклада: Anton F. Peru; Indianerkunst aus präkolumbische Zeit. München, 1958, Abb. 18; Disselhoff H. D. Geschichte der altamerikanischen Kulturen. München, 1953, Taf. 25; Lehmann W., Doering H. U. Kunstgeschichte des alten Peru. Zürich, 1924, S. 24, Abb. 20, Taf. 107—108; Seler E. Archäologische Reise in Süd- und Mittel-Amerika.— ZE, 1912, B. 44, Abb. 6. Датировка аналогичных предметов (глиняные урны) предложена К. Доннаном (Donnan C. B. Moche Ceramic Technology.— NP, 1965, v. 3, pl. 1—9).

⁷² Donnan. Moche Occupation..., pl. 13 a; Mujica Gallo M. Gold in Peru. Recklinghausen, 1959, pl. 32—33.

⁷³ Березкин. Две группы иноплеменников..., рис. 12.

⁷⁴ Baessler. Op. cit., Abb. 182; Kutscher. Nordperuanische Keramik, Abb. 18; Mortimer W. C. Peru: History of Coca. N. Y., 1901, p. 81.

⁷⁵ Altamerikanische Kunst. Mexico — Peru. München, 1977, Abb. 162; Antze G. Metallarbeiten aus dem nördlichen Peru.— Mitteilungen aus dem Museum für Völkerkunde in Hamburg, Abb. 67; Baessler. Op. cit., Abb. 197; Hentze C. Objets rituels, croyances et dieux de la Chine antique et de l'Amérique, 1936, fig. 225; Montell. Op. cit., fig. 10, 61; Schuler-Schomig. Die «Fremdkrieger»..., Abb. 22.

ваются тем, что у мочика каждый из мифических этносов имеет свое божество. Народу воинов, по-видимому, близок персонаж А — герой, победитель чудовищ, народу шаманов — персонаж Б, который сам обладает шаманскими атрибутами и запечатлен с «иноплеменниками» в одних сценах ⁷⁶. Если он и показан сражающимся, то только с божеством А ⁷⁷.

Аналогии мочикским материалам у муисков и кечуа

Мы предполагаем, что в том же плане надо рассматривать оппозицию божеств Бочики и Чибчачума у колумбийских муисков. Согласно сообщению Педро Симона, «хотя они были всеобщими божествами, но Бочика был, в частности, богом касиков и военачальников, а Чибчачум — торговцев (которых всегда высоко ценили эти индейцы), ювелиров и земледельцев, и, как люди богатые, они делали им приношения только золотом» ⁷⁸. Убедительной интерпретации этот отрывок пока не получил. На мой взгляд, речь идет о божествах — выразителях двух социальных функций: военной (связанной с юридической) и экономической. Эти данные тем более ценны, что между Бочикой и мочикским персонажем А и между Чибчачумом и персонажем Б существуют, по-видимому, не только общие типологические соответствия. Борьба божеств муисков заканчивается тем, что Бочика заставил Чибчачума поддерживать на плечах землю; у мочика персонаж с атрибутом «иноплеменников» (украшение над лбом в виде расходящихся плодов ульючу) изображен поддерживающим небесный свод.

Весьма точное соответствие предложенной здесь реконструкции сюжетов мочикских изображений содержат данные инкской традиции и материалы по современным кечуа в интерпретации Т. Зойдемы (см. прим. 35). Как уже было сказано, различные социальные подразделения в инкской символической классификации противопоставлены как «правители» и «жрецы». Кроме того, к «жрецам» примыкают другие категории населения, противопоставленные правителям-воинам, а именно роды, ведущие происхождение от чужаков, аборигенов неполноправных и иноплеменных групп. В мифологической традиции «жрецы» по сути дела отождествляются с «иноплеменниками», что полностью совпадает с иконографической характеристикой «иноплеменников» у мочика, одновременно сопоставимых и с создателями чужой культуры (рекуай), и с исполнителями культовых действий, т. е. с группой внутри мочикского этноса.

Нынешняя социальная структура мыслится возникшей в результате древней войны, в которой «правители» одержали верх над «жрецами» и «иноплеменниками», тогда как раньше господствовали «жрецы». Описания исторических войн в инкской традиции в той или иной мере «подогнаны» под схему этой войны-прецедента. В нынешних ритуальных новогодних сражениях у кечуа также, по-видимому, воспроизводится мифологическая война: некоторые информаторы утверждают, что сражения устраиваются в память борьбы индейцев с испанцами, происходившей в годы конкисты и восстания Туака Амару ⁷⁹. Однако, поскольку события XVI—XVIII вв. давно приняли в памяти перуанских индейцев вполне мифоло-

⁷⁶ Березкин Ю. Е. Идентификация трех антропоморфных мифологических персонажей на изображениях мочика (Перу). — В кн.: Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979, с. 142—155.

⁷⁷ Хотя нет уверенности в тождестве бога «иноплеменников» — шаманов с противником божества А в сценах единоборства двух божеств, несомненно, что персонажи А и Б принадлежат к разным, в ряде случаев враждующим группам божеств.

⁷⁸ «Aunque eran dioses universales de todos, más en particular era el Bochica de los Caciques y Capitanes, y el Chibchachum de los mercadores (de que se preciaron siempre mucho estos indios), plateros y labradores, y como de gente rica, no querían les ofreciesen sino oro» (Simón. Op. cit., not. 4-a, cap. IV, p. 287). Далее в том же тексте кратко характеризуются другие божества.

⁷⁹ Gorbak, Lischetti, Muños. Op. cit., p. 289.

тический облик и дальше в глубь времен традиция вообще не уходит⁸⁰, можно предполагать, что оппозиция «индейцы — испанцы» лишь заменила более древнее противопоставление «правителей» «жрецам» и т. п.

Добавим, что структурно миф о победе «правителей» над «жрецами» очень сходен с преданиями о первоначальном господстве в обществе женщин, чья власть была затем свергнута мужчинами. Подобные мифы распространены у племен Амазонии и Огненной Земли, в частности у тукуна⁸¹, мундуруку⁸², камаюра⁸³, банива⁸⁴, макуна⁸⁵, она⁸⁶, яганов⁸⁷. Возможно, что в историческом плане первый миф есть прямое развитие второго, тем более, что группа жрецов в ряде случаев оказывается в таком же положении по отношению к группе мужчин-воинов (в символической классификации), в каком находятся женщины⁸⁸.

Три приведенных примера (семантика жезлов из погребения «воина-жреца», представления о загробных мирах у ацтеков, перуанский миф о борьбе воинов с шаманами) доказывают реальность выделения создателями древних цивилизаций Америки дискретных социальных функций. Это выделение не было повсеместным и не всегда проявлялось в столь четких формах, как у индоевропейцев. Но в отдельных случаях сознательное противопоставление военной и нерасчлененной магико-экономической функции чрезвычайно вероятно. Одной из причин, почему этот факт не был замечен ранее, может быть отсутствие у этих классификаций привычной троичной структуры.

Двойка и тройка в индейских мифологических текстах

По материалам Старого Света известно, что у народов с преобладанием троичных классификаций в сфере социальных отношений этим же числом определяется структура многих словесных и изобразительных текстов (трехглавый змей и три брата волшебной сказки, три первопредка и т. п.). В Южной и Центральной Америке в типологически сходных случаях отмечены в основном двоичные системы (или более сложные, но кратные двум). Я не стану приводить бесконечные примеры с парой близнецных персонажей; они не очень показательны, так как подобная пара встречается и у индоевропейцев. В Евразии, однако, хорошо известна и тройка персонажей, тогда как среди примерно двух тысяч просмотренных индейских текстов мне удалось отыскать не более полутора десятков таких, в которых действовали бы не двое, а трое братьев или сестер⁸⁹.

⁸⁰ *Arguedas J. M. Puquio, una cultura en proceso de cambio.* — Estudios sobre la cultura actual del Perú, Serie Problemática del Perú, 2, Universidad Nacional Mayor de San Marcos. Lima, 1964, p. 221—272; *Niñez del Prado B. The Supernatural World of the Quechua of Southern Peru as Seen from the Community of Qotobamba.* — In: Native South Americans; Ethnology of the Least Known Continent. Boston — Toronto, 1974, p. 238—250.

⁸¹ *Nimuendaju C. The Tucuna.* — УСПААЕ, 1952, v. 45, p. 77—78, 134.

⁸² *Kruse A. Mundurucu moieties.* — Primitive Man, 1934, v. 7, № 4, p. 55, 57; *Murphy R. F. Mundurucu Religion.* — УСПААЕ, 1958, v. 49, № 1, p. 89—91.

⁸³ *Villas Boas O. and C. Xingu: the Indians, Their Myths.* N. Y., 1973, p. 111—114, 119—120, 257, 266.

⁸⁴ *Saake W. Die Juruparilegende bei den Baniwa des Rio Issana.* — 32 ICA, Copenhagen, 1958, S. 271—279.

⁸⁵ *Arhem K. Observations on life cycle rituals among the Makuna: birth, initiation, death.* — Göteborgs Etnografiska Museum, Årstryck 1978, Göteborg, 1980, p. 21—22.

⁸⁶ *Gustinde M. Die Feuerland-Indianer, B. 1.* — Die Selk'nam, Mödling bei Wien, 1931, p. 599—603.

⁸⁷ *Idem. Die Feuerland Indianer. B.2.* — Die Yamana. Mödling bei Wien, 1937. S. 1337, 1345.

⁸⁸ *Zuidema.* Op. cit., p. 112—113.

⁸⁹ Это тексты варрау (устье Ориноко: *Wilbert J. Folk Literature of the Warao Indians.* — UCLA LAS, 1970, v. 5, 223—227), арекуна (Гвiana; *Koch-Grünberg.* Op. cit., B. 2, 1924, S. 63—68), мундуруку (см. прим. 82), два мифа журуна (верховья Шингу; *Villas Boas O. and C.* Op. cit., p. 97, 232—240), тексты ленка (Гондурас; *Krickeberg.* Op. cit., S. 211), мопан (Белиз; *Thompson J. E. S. Ethnohistory of the Mayas*

Еще более четко и последовательно различия выступают при описании многоглавого или многоликого противника героев. В Новом Свете такому чаще всего бывает не змей, а ягуароподобное существо.

На мочикских изображениях запечатлен демон, имеющий два лица с клыкастым ртом спереди и сзади. Кроме того, вправо и влево от его головы отходят две оскаленные звериные пасти⁹⁰. Янусовидный демон описывается и в мифах коги⁹¹ и майя-поциль⁹², в то время как в мифах журуна двуликость присуща шаману, вовремя замечающему приближающихся врагов благодаря второй паре глаз на затылке⁹³. В мифах юракаре (Восточная Боливия)⁹⁴ и журуна⁹⁵ рассказывается о двуликом ягуаре. Сосуд культуры ла-толита (Эквадор) вылеплен в виде четырехглазого каймана⁹⁶.

В разных частях континента (Центральная Мексика, Панама, Боливия) встречаются изображения антропоморфного существа, имеющего одно тело и две головы⁹⁷. У чиригуано⁹⁸, живущих южнее юракаре, и варрау⁹⁹ описываются двуглавый и четырехглавый ягуары, с которыми сражаются герои. Варрау рассказывают также о двуглавом стервятнике¹⁰⁰, а изображения подобной птицы найдены на южном побережье Перу¹⁰¹. В мифе, записанном в XVI в. близ Лимы, упоминается двуглавая жаба, вызывающая болезни¹⁰².

Зато в мифическом bestiarii южноамериканских индейцев почти нет трехглавых существ. Мне встретился лишь один текст (варрау), где наряду с двуглавыми ягуарами действуют трехглавые¹⁰³. Замена трех- или семиглавого чудовища дву-или четырехглавым — одна из тех особенностей южноамериканских мифов, которые сразу же обращают на себя внимание.

Весьма показательное сравнение евразийского и южноамериканского вариантов образов мирового древа — связующей оси между ярусами мироздания. В первом случае древо четко трехчленно: хтонические животные, особенно змеи, обитают у его корней, птица сидит на вершине, другие существа (белка, пчелы, копытные), находятся посередине, на стволе. Некоторые индейские представления поразительно близки этой схеме. Так, согласно мифу каяпо (Восточная Бразилия), во время потопа над водами возвышалась пальма. Когда воды схлынули, человек, спрятавшийся на ее вершине, стал обезьяной, другой, державшийся за ствол, превратился в гнездо пчел, а ребенок, положенный в ступку и оставленный на земле, — в лягушку¹⁰⁴. В тексте куна Панама лягушки, ягуары и змеи живут у подножья древа, а белка поднимается по стволу¹⁰⁵. Индейцы макиритаре

of Southern and Central British Honduras. — FMNH ASP, 1930, v. 17, № 2, p. 119—123) и несколько односюжетных текстов чельталь и поциль (Чианап; *Gossen G. Chamulas in the World of the Sun. Cambr. Mass., 1974, p. 312, 325 f., 338; Guiteras-Holmes C. Perils of the Soul. Chicago, 1961, p. 183—185; Laughlin R. Of Cabbages and Kings. — Smithsonian Contributions to Anthropology. Washington, 1977, № 23, p. 40—41; Nash J. In the Eyes of the Ancestors. New Haven, 1970, p. 198—201).*

⁹⁰ Schmidt. Op. cit., S. 161 и многие другие изображения.

⁹¹ Preuss. Op. cit., S. 85, 195 f.

⁹² Laugklin. Op. cit., p. 73.

⁹³ Villas Boas O. and C. Op. cit., p. 143, 232.

⁹⁴ D'Orbigny A. D. Voyage dans l'Amérique méridionale. T. 3. P., 1844, p. 209—214.

⁹⁵ Villas Boas O. and C. Op. cit., p. 232.

⁹⁶ Lapiner. Op. cit., pl. 752.

⁹⁷ Anton. Die Kunst der Goldländer, Taf. 99; Bernal J. The Mexican National Museum of Anthropology. L., 1968, fig. 15; Wegner R. N. Altperuanische Landwirtschaftsgeräte. — Die Umschau, 1938, 42 Jg., № 21, Abb. 7.

⁹⁸ Nordenskiöld E. Indianerleben. El Gran Chaco (Südamerika). Lpz., 1912, S. 272—273.

⁹⁹ Wilbert. Op. cit., тексты № 51, 148, 186.

¹⁰⁰ Ibid., текст № 149.

¹⁰¹ Березкин Ю. Е. Ранние земледельцы побережья Перу. — В кн.: Ранние земледельцы. Л., 1980, с. 102.

¹⁰² De Avila F. Dioses y hombres de Huarochirí. Lima, 1966, p. 39.

¹⁰³ Wilbert. Op. cit., текст № 197.

¹⁰⁴ Dreyfus S. Les Kayapo du Nord. Paris — La Haye, 1963, p. 193.

¹⁰⁵ Nordenskiöld E. Anthropological and Historical Survey of the Cuna Indians. Göteborg, 1938, p. 177—179; Wassen H. Mitos y cuentos de los Indios Cunas. — JSA, 1934, t. 26, № 1, p. 3—4.

Южной Венесуэлы при постройке общинного дома прикрепляли на конце центрального столба, символизирующего мировую ось, изображение птицы (заменив его ныне деревянной или алюминиевой моделью самолета)¹⁰⁶.

Однако, как ни интересны эти примеры, в основном в южноамериканской мифологии образ мирового древа скорее двучастен (простая связь земли и неба без специального обособления центральной зоны), а точнее, его членение вообще не разработано, а оценочная характеристика верха и низа подчас противоречива. Например, если обычно враждебные героям существа, мешающие срубить дерево (чтобы достать его плоды или осветить мир, если крона задерживает свет), обитают у подножья, то в мифе тукуна (Средняя Амазонка) подобную роль выполняет чудовищный ленивец, живущий наверху¹⁰⁷.

В самих социальных классификациях южноамериканских и особенно перуано-бolivийских индейцев принцип троичности, несомненно, присутствует. В Андах часто предусматривается деление коллектива (понимаемого в разных пределах — от жителей данной деревни до человечества в целом) на *кольяна* (группа *эго*, свои), *пайян* (потомки от смешанных браков) и *кайао* (чужие)¹⁰⁸. Правители и воины-завоеватели попадают в группу *кольяна*, жрецы, иноплеменники и несвободные — в *кайао*, завоеванное автохтонное население, земледельцы — в *кайао* и в *пайян*. Возможно, что на основе подобной системы могла бы в принципе возникнуть именно та трехчастная классификация, которая реконструируется для общества индоевропейцев. Однако в Андах этого не случилось: при наложении на трехчленную систему независимо от нее существующей дву/четырёхчленной группой *пайян* размывается (кланы *кольяна* связываются с «верхом», *кайао* — с «низом», а *пайян* примыкает то к той, то к другой группе, не занимая самостоятельной позиции; «земледельцы» в отличие от «жрецов» и «воинов/правителей» не осознаны как особая социальная единица и бывают противопоставлены другой группе лишь как незнатные — знатным).

Таким образом, в духовной культуре южноамериканских индейцев преобладают двоичные системы, троичные же сравнительно редки. Однако различия в числовой символике, характерной для социальных классификаций у народов Америки и Евразии, не должны помешать увидеть существенные общие признаки, имеющиеся у сравниваемых систем.

Мужская и женская линии власти

Некоторые этнографические материалы свидетельствуют о том, что в индейских обществах Южной Америки женщины при известных обстоятельствах могли составлять организованную социальную группу, сопоставимую не с мужской частью коллектива в целом, а с одной из нескольких мужских организаций. У восточнoбразильских шеренте по наблюдениям, сделанным в 30-х годах, имелось четыре ассоциации, по которым распределялись все члены племени мужского пола старше восьми лет, и одна женская ассоциация. Так как, согласно мифу, одна из мужских ассоциаций возникла позже и при других обстоятельствах, нежели первые три и женская, то последняя должна рассматриваться скорее как четвертый, а не пятый член системы, т. е. она вполне равноценна остальным. Мужские ассоциации шеренте восходят к возрастным классам, но утратили это значение и состоят из людей разного возраста¹⁰⁹. Проецируя гипотетически социальную структуру шеренте на общество, находящееся на ином уровне развития, можно было бы допустить, что разные группы ока-

¹⁰⁶ De Barandiarán D. El habitado entre los Indios Yekuama.— *Anthropológica*, 1966, № 16, p. 37.

¹⁰⁷ Nimuendaju. The Tucuna, p. 123—124.

¹⁰⁸ Zuidema. Op. cit., p. 42, 59, 63—66, 92, 95, 101, 104 et passim.

¹⁰⁹ Nimuendaju C. The Serente.— *Publications of the Frederick Welb Hodge Anniversary Publication Fund*, v. IV. Los Angeles, 1942, p. 43—66.

зались бы связаны с разными социальными функциями и женщины, как одна из таких групп, — с особой «женской» функцией.

В свете сказанного вернемся к ритуальным предметам из могильника в Уака-де-ла-Крус. Жезл, палица и землекопалка из погребения старца должны быть дополнены четвертым предметом, который, судя по его виду, входил в тот же комплект символов, отражающих структуру и функции власти в древнем коллективе. Речь идет о жезле, прототипом которого мог быть инструмент для расчесывания пряжи или иное орудие, связанное с прядением или ткачеством. Жезл лежал в погребении знатной женщины неподалеку от могилы «воина-жреца»¹¹⁰. Длина жезла 71 см, диаметр стержня 3 см; острый нижний конец завершается медной насадкой. Вместе с жезлом были найдены сосуды, хлопковая пряжа, корзиночка с ткацкими принадлежностями. Следов сработанности на нем не обнаружено.

Нижнюю половину жезла составляет рукоять, верхнюю — четыре слегка расходящихся стержня, а в месте их соединения находится резная фигура. Она изображает сидящую на возвышении у стены женщину, что определяется по косам и накидке, ниспадающей с головы, — признакам, которые не встречаются у мужчин-мочика. Поверх рубашки — оплечье, в ушах — дисковидные вставки; вторая из этих особенностей не характерна для женских изображений и, по-видимому, связана с высоким статусом персонажа. Перед женщиной — две маленькие склоненные человеческие фигуры.

По аналогии с божеством на навершии землекопалки, двойником которого считался старец, можно полагать, что на ткацком инструменте представлена либо сама захороненная женщина, либо соответствующее ей божество.

Так как оба погребения найдены в пределах одного небольшого могильника и более или менее синхронны (вся керамика относится к периоду мочика IV, скорее всего к его второй половине), закономерен вопрос об отношении двух знатных лиц (точнее, их позиций в местной иерархии) друг к другу. Анализ мочикских росписей позволяет высказать на этот счет некоторые предположения.

Рисунки на двух сосудах изображают пленников, которых подводят к правителю, а затем приносят в жертву¹¹¹. Правитель сидит внутри здания, находящегося на вершине пирамиды, и держит в руках кубок. Перед ним стоит лицо более низкого ранга. К зданию подбегают обнаженные пленники, несущие в носилках своих вождей (также обнаженных, один с веревкой на шее). В стороне или ниже нарисованы отрубленные головы и конечности, лежащие распростертые тела, человек, падающий в пропасть. Рядом со зданием, в котором находится правитель, стоит другое, поменьше, без массивного стилобата и не столь богато украшенное, но однотипное, т. е. с возвышением у задней стены — в точности таким же, какое показано на ритуальном ткацком инструменте из погребения знатной дамы. На этом возвышении сидит женщина, перед ней стоит другая (ее фигура меньше), передающая сидящей кубок. Пол персонажей определяется по прическе и одежде. На одной из росписей перед зданием нарисован обнаженный пленник.

Сцена с участием женщин вне всякого сомнения повторяет такую же сцену с участием мужчины-правителя, только разворачивается церемония не столь пышно. Если в правителе можно видеть персону, занимавшую такое же общественное положение, что и «воин-жрец» из погребения в Уака-де-ла-Крус¹¹², то в его женском двойнике — знатную даму, в чью могилу надлежало положить ритуальные предметы, связанные с ткаче-

¹¹⁰ Strong, Evans. Op. cit., p. 148.

¹¹¹ Donnan. Moche Art..., fig. 15; Larco Hoyle R. A cultural sequence for the North Coast of Peru.— HSAI, 1946, v. 2, fig. 20 c.

¹¹² Сопоставление подтверждается тем, что клыкастое божество, с которым отождествлялся старец, само нередко принимает на росписях кубок, стоя на пирамиде.

ством. Весьма вероятно, что дама — жена правителя¹¹³. Чрезвычайно высокое положение супруги правителя у народов андской области — факт, хорошо известный на примере инков, у которых наследник женился на сестре, так как «не следовало допускать, чтобы величие быть королевой доставалось бы какой-либо женщине, которая не имела бы на него своего собственного законного права»¹¹⁴. Однако инкские материалы не позволяют ясно судить о функциях койи (жены инки), как «должностного лица». Данные о политической организации восточноевропейских чикито, которая оставалась гораздо более архаичной, помогают понять ситуацию. Верховный вождь чикито считался обладающим полнотой власти, но в то же время делил ее с женой и сыном. Сын был предводителем юношей и по достижении зрелости занимал место отца. Жена повелевала женщинами, т. е., по-видимому, осуществляла контроль за женскими работами¹¹⁵. Подобная постаршая структура, вероятно, типична для социальных систем, находящихся в процессе перехода от первобытного эгалитаризма (половозрастная дифференциация) к государственной организации (социальная дифференциация).

Положение жены правителя в обществах перуанского побережья иллюстрируют фольклорные и иконографические материалы XV—XVI вв. На одном из сосудов культуры чиму (поздний прединкский или инкский период) изображены держащиеся за руки мужчина и женщина (пол определяется по одежде, причёске и относительным размерам фигур)¹¹⁶. Вставки в ушах женщины и роскошный головной убор мужчины указывают на высокое социальное положение обоих. Свободной рукой каждый держит жезл с фигурным навершием и острым нижним концом. Жезл в руке мужчины заканчивается головой человека, сверху обрамленной полумесяцем. Скорее всего это лунный символ (бог луны главенствовал в пантеонах мочика и чиму). Шишак над головой самого мужчины тоже имеет полулунную форму. Аналогичным образом жезл в руке женщины увенчан изображением человеческой головы, на этот раз с характерным прогибом посередине в причёске или головном уборе. Подобный прогиб имеют изображения одной из богинь чиму¹¹⁷. Вся картина в целом (мужской и женский жезлы, навершия, изображающие божеств) чрезвычайно напоминает материалы могильника в Уака-де-ла-Крус.

После конкисты на побережье был записан миф, который заканчивается рассказом о появлении современных людей. С неба были посланы три яйца — золотое, серебряное и медное. Из первого вышли знатные, из второго — их жены, из третьего — простолюдины¹¹⁸. Миф содержит два самостоятельных противопоставления: «знатные — простолюдины» (драгоценные металлы — медь) и «знатные мужчины — знатные женщины»

¹¹³ Что касается женщин, удуренных шнурками и положенных в могилу «воина-жреца», то это, вероятно, наложницы, может быть, пленницы. На многочисленных примерах известно, что в индейских обществах статус главной жены и наложниц принципиально различался. Первая занимала почетное положение, будучи представительницей той же этнической группы, что и правитель. Вторые часто происходили из других групп. Там, где практиковалось людоедство, их поедали либо вскоре после рождения ребенка (вместе с ребенком), либо когда они старились. См. Métraux A. Religions et magies indiennes d'Amérique du Sud. P., 1967, p. 45—78; Trimbom H. Vergessene Königreiche. — In: Studien zur Völkerkunde und Altertumskunde Nordwest-Kolumbiens. Braunschweig, 1948, S. 68—71.

¹¹⁴ Инка Гарсиласо де ла Вега. Ук. соч., кн. 4, гл. IX, с. 212.

¹¹⁵ «Al cacique... le rinden entera obediencia y vasallaje... Las mujeres rinden también obediencia á la mujer principal del cacique... El Gobierno va por sucesión, y el hijo primogénito del cacique gobierna á los jóvenes... y cuando llega a edad de manejar los negocios públicos, gobierna en lugar de su padre.» (Fernández. Op. cit., p. 263—264).

¹¹⁶ Baessler. Op. cit., Abb. 241.

¹¹⁷ Бережкин Ю. Е. Сосуд из перуанской коллекции МАЭ. — Сб. МАЭ XXXV, 1980, с. 183—187.

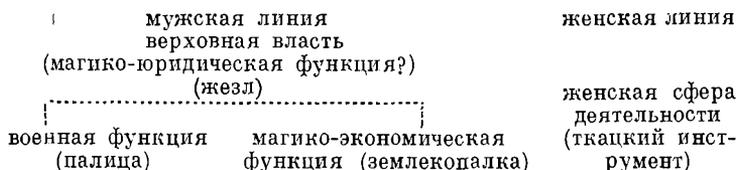
¹¹⁸ De La Calancha A. Coronica moralizada del orden de San Agustin en el Peru, con sucesos egenplares en esta monarquia. Barcelona, 1638, p. 413—414; Rivero M. E., von Tschudi J. D. Antigüedades peruanas. Viena, 1851, p. 108.

(золото — серебро). Вторая оппозиция вызывает также ассоциации с противоположением солнца луне¹¹⁹. Для простолудинов происхождение обоих полов одинаково, но в отношении представителей власти (*los Curacas, los Caziques, i los nobles que llaman segundas personas i principales*) оказалось существенным упомянуть и сопоставить мужчин и женщин особо.

В заключение упомянем, что, по данным Б. Исбель, в системе деревенского самоуправления современных кечуа еще недавно существовала параллельная мужской женская иерархия, члены которой были связаны с отправлением определенных культов¹²⁰.

* * *

Перечисленные материалы позволяют утверждать, что в древнем Перу супруга правителя занимала специфическое, только ей принадлежащее место в потестарной системе. В некоторых случаях это разделение власти на мужскую и женскую линии переплетается с идеей социальных функций, с которыми связаны различные аспекты власти правителя. Женской линии соответствует особая женская сфера деятельности наряду с деятельностью мужской, делящейся в свою очередь на экономическую и военную. Именно к такому заключению приводят материалы могильника в Уакаде-ла-Крус, демонстрирующие очень емкую по значению систему вещественных символов — знаков власти:

Палица, землекопалка и ткацкий инструмент противопоставлены в этой системе как символы с более ясным и узким значением жезлу, не вызывающему явной ассоциации с каким-либо конкретным видом деятельности.

Хорошо известно, что процесс сложения цивилизации связан с появлением и усложнением разнообразных знаковых систем. Четыре ритуальных предмета из могильника в Уакаде-ла-Крус и есть одна из таких систем, особенно, по-видимому, характерная для цивилизации бесписьменной.

Саму социальную классификацию можно понять как новый, свойственный цивилизации способ осмыслить и зафиксировать окружающую реальность. Его важная особенность — признание за всеми элементами системы самостоятельной ценности и необходимости (что не исключает их иерархию). Типологически более ранние классификации, известные у первобытных племен Америки, основаны на противопоставлении явлений (и олицетворяющих их персонажей) по трем линиям: «свой — чужой», «владеющий — не владеющий магической силой», «мужской — женский». Такая система, свойственная небольшим замкнутым коллективам, имеет ярко выраженный оценочный характер. Главное назначение второго элемента (отрицательного) — оттенить достоинства первого, положительного. В новых классификациях, характерных для цивилизаций, оценочный элемент ослабевает. Внимание фокусируется на определении внутренней структуры общества, а не на противопоставлении его чужакам. По-

¹¹⁹ Ассоциация солнца с мужчиной и женщины с луной при противопоставлении светил по признаку пола в Южной и Центральной Америке распространена повсеместно. Ср. обоснование женитьбы Инки на сестре мифологическим прецедентом — браком Солнца и Луны (Инка Гарсиласо де ла Вега. Ук. соч., с. 212).

¹²⁰ *Isbell. Op. cit.*, p. 93.

являются пантеоны, члены которых восходят как к «своим» первопредкам, так и к «чужим» духам-хозяевам, как к мифологическим героям, так и к мифологическим неудачникам; в эти пантеоны легко принимаются первоначально иноплеменные божества. Общество, которое раньше только противопоставляло себя внешнему окружению, теперь стремится его освоить (и духовно, и вполне материально — путем завоеваний), распространить себя на весь космос. Концепции тождества макро- и микромира, сопоставления их частей, космогонические мифы, описывающие возникновение мира в целом, а не происхождение отдельных явлений и предметов, — все это появляется лишь с древними цивилизациями, т. е. одновременно с идеей социальной (точнее, социально-космической) классификации.

Таким образом, принцип этой классификации можно считать универсальным и, вероятно, обнаружить его — в более или менее явных формах — в любой древней цивилизации.

Ю. Е. Березкин

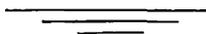
POWER SYMBOLS AND SOCIAL FUNCTIONS IN PRE-COLUMBIAN AMERICA

Yu. E. Berezkin

According to G. Dumézil and his followers the concept of three social functions (magico-judicial, military, economic) is specific to ancient Indo-European-speaking people. The present author finds similar notions in the early civilisations of pre-Columbian America, with the difference that here the classification usually involved only two functions, the military and the magico-economic. In support of his thesis the author adduces: (1) material from a burial ground at Huaca de la Cruz in the Viru valley of Peru (a set of ritual objects from the grave of a «warrior-priest»); (2) the Aztecs' ideas about the after-life; (3) depictions of «alien tribesmen» on Moche-culture pottery (Peru) in which, the author believes, «warrior people» are opposed to «shaman people», each of these mythical tribes having its own god. Similar notions are attested for the Kechua (overthrow of priestly domination in the Inca tradition) and for the Muisca in Colombia (counterposition of the god Bochica to the god Chibchachum, who were regarded as protectors of different «professional» groups). In Peru, Mexico and Ecuador it was popularly supposed that plant fertility, diseases, and probably also organised husbandry, were linked to one another. The people of the Central Andes made a particularly strong and close connection between human sacrifice and agrarian cults.

From the Huaca de la Cruz material, taken together with archaeological, ethnographic and folklore data on other Peruvian, Bolivian and Colombian culture groups, the author infers that the staff was held to be a mark of authority in its various aspects and that in ancient Peru, parallel to the predominant male line, power was also transmitted through the female line. The concept of two lines of succession to rule is intertwined with the notion of discrete social functions and the kinds of authority corresponding to them. In the Huaca de la Cruz material these concepts are expressed by a system of symbols, including the staff, the digging-stick, the mace and also apparently by a ritual object connected with spinning or weaving.

The concept of discrete social functions is a form of social-cosmic classification specific to civilisation and substantially differs from the classifications of the earlier, primitive epoch.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. И. ЦИБУКИДИС. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850—1974 гг.). М.: Наука, 1981

Рецензируемая книга посвящена анализу греческих исторических концепций эллинистического мира, создававшихся на протяжении более чем ста лет. Автор выделяет основные направления греческой историографии нового времени, критикует буржуазных историков и в то же время прослеживает влияние марксистских идей на современную историческую науку в Греции. Следует отметить, что в греческой науке нет историографических исследований по избранной автором тематике, а советской историографии почти неизвестны труды греческих историков по эллинистической эпохе.

Выбор тематики для анализа — отношение греческих историков нового времени к проблеме взаимодействия Греции и восточных стран в период завоеваний Александра (а также к идеологической подготовке этих походов) — представляется достаточно интересным. При исследовании этой исторической эпохи с наибольшей остротой проявлялись реакционные тенденции в греческой историографии; в то же время эта тематика являлась своего рода оселком и для прогрессивных историков, высказывавших свои взгляды на отношения Эллады и Востока.

Для второй половины XIX в. Д. И. Цибукидис выделяет два основных направления в греческой историографии: эпигонизм и эллиноцентризм, которые получили дальнейшее развитие уже в XX в. Эпигонизм — почитание античной древности вообще, стремление идеализировать и в известной мере возродить политические и социальные институты древней Греции и Рима. Эллиноцентризм — утверждение универсальности древнегреческой культуры и ее особой роли в культуре мировой. Между этими двумя направлениями, как отмечает автор книги, нет четких границ, но по ряду проблем подходы сторонников этих направлений различны.

Своеобразно построение книги: автор рассматривает не отдельные исследования греческих историков, а некоторые проблемы эллинистической истории, при трактовке которых наиболее четко прослеживаются основные направления греческой историографии. Д. И. Цибукидис выделяет три таких проблемы, этим проблемам соответствуют три главы книги: «Литературные источники по истории эллинизма и их оценка греческой историографией», «Идеологические предпосылки похода на Восток в освещении греческой историографии», «Оценка греческой историографией социальных движений».

Автор подробно рассматривает нарративные источники по истории эллинизма и их использование в трудах греческих историков XIX—XX вв. Он отмечает, что для греческого источниковедения в целом характерно не критическое отношение к свидетельствам античных историков, увлечение личностью Александра и культурными аспектами эллинистической эпохи, отрыв последних от социально-экономических условий. Автор книги показывает, что представители различных направлений в греческой историографии XIX—XX вв. анализируют не все имеющиеся в их распоряжении источники в равной мере, но выделяют те, чьи сведения и трактовки в большей степени соответствуют их концепциям. Так, последователи эпигонизма в связи со своим восприятием античной (греко-римской) эпохи как единого целого исходят прежде всего из Полибия и Ливия. Эллиноцентристы обращаются преимущественно к Плутарху — выразителю, с их точки зрения, национального эллинского духа, Арриану, Аппиану. Оба эти подхода существуют и в современной историографии: так, И. Тулумакис и

М. Сакеллариу вслед за Полибием подчеркивают, что Рим выступил в роли спасителя восточных греков; римская цивилизация явилась наследницей греческих традиций, деградировавших на Востоке. Идеи Плутарха широко используются современным историком К. Вуверисом, обращающим особое внимание на «чистоту» эллинской культуры, которая только заимствовалась другими народами, но не перерабатывалась. Он намечает несколько линий культурного заимствования от греков к римлянам, к христианству, Византии, к европейскому Возрождению и от него к современной эпохе. Некоторые сторонники эллиоцентризма подчеркивают антиримскую направленность произведений ряда греческих авторов, например Арриана, — так, современный историк В. Лаурдас стремится доказать, что сочинения Арриана — одна из форм протеста против засилия римлян.

Анализ греческого источниковедения приводит автора книги к выводу о том, что основное количество исследований посвящено вопросам деятельности Александра и диодохов; все они следуют традиции античной историографии, приписывающей македонскому завоевателю и его преемникам великие задачи распространения цивилизации на «варварском» Востоке. Греческие буржуазные авторы восприняли и такие особенности греко-римской историографии, как преимущественное отражение военно-политической истории, веру в особую роль одаренной личности, в предопределенность. Для большинства греческих историков конца XIX — начала XX в., по мнению Д. И. Цибукидиса, методологической основой явилось отрицание взаимодействия культур Запада и Востока, использование теории циклического развития как древних, так и современных обществ. Наиболее консервативные греческие историки на примере истории эллинизма пытались обосновать тезис о неполноценности народов Востока. Однако автор книги не только критикует реакционные буржуазные концепции греческих историков эллинизма; бесспорной его заслугой представляется то, что он показывает появление и развитие в греческой историографии прогрессивных тенденций, которые наметились в послевоенный период. В частности, Д. И. Цибукидис подробно разбирает интересные работы Г. Кордатоса «История древнегреческой философии» и «История эллинизма». Последняя, как отмечает автор книги, была первой попыткой рассмотреть проблематику эллинистической эпохи с позиций социально-экономических изменений в Восточном Средиземноморье. Г. Кордатос определяет эллинизм как социально-экономическое явление античного мира, выявляет его отличие от классического периода. Правда, по мнению Цибукидиса, Кордатос не избежал идеализации образа Александра; при анализе экономических отношений эпохи эллинизма он не рассмотрел подробно проблемы рабства. Несмотря на это, работы Кордатоса, на мой взгляд, представляют значительный интерес и, в частности, его тезис о том, что народы Востока, смешиваясь с греками, передали последним многое из своей культурной традиции. Важным представляется анализ проблемы эллинистического полиса, проделанный Г. Кордатосом: он отмечает, что более уместно проводить различие между городами эллинистического Востока и классической Греции, чем указывать на сходство их организации. Исследования Кордатоса заслуживают более подробного рассмотрения.

Заслуживают внимания тенденции, выявленные автором книги в греческой историографии по отношению к афинской демократии и македонскому завоеванию Греции. Если для второй половины XIX в. характерна идеализация античной демократии (в частности, в работах К. Папарригопулоса), то в новейшей греческой историографии появляются тенденции к отрицательной ее оценке. Некоторые авторы говорят о вырождении греческой демократии уже в эпоху Перикла (например, историк Н. Куракис считает, что правление Афин при Перикле носило лишь видимость демократии), что привело в конечном счете к подчинению Греции Филиппу II. С этими оценками афинской демократии связана и наметившаяся в последние десятилетия у греческих историков тенденция чрезмерно возвеличивать Филиппа. Так, например, А. Керамоулоу, С. Готзаманис, Х. Налчис считают Филиппа II величайшей фигурой всемирной истории, которому Александр обязан своими победами.

Другая тенденция в историографии, также связанная с умалением значения греческой демократии, проявилась в 60—70-х гг. в форме преклонения перед «эллинохристианством». Сам этот термин, как показал автор книги, появился еще в конце прошлого века, но трактовался по-разному. У ряда современных греческих историков содержатся утверждения, что все лучшее в европейской культуре сводится к эллино-

христианству, т. е. к такому учению, где эллинское представление о свободе индивида сочетается с христианским представлением о всеобщей справедливости. Современные сторонники теории «эллинохристианства» в своих исторических работах отрицают роль восточных народов и восточных культур в становлении эллинистической, а затем и христианской культуры и идеологии.

Специальную главу Д. И. Цибукидис посвящает анализу проявлений классовой борьбы в эллинистическую эпоху и оценке их в исследованиях греческих историков. Автор показывает, что многие из них не уделяют достаточного внимания фактам выступлений против македонцев во время похода Александра, в частности, исключают возможность организованной антимакедонской борьбы среднеазиатских племен. Характерно также отрицательное отношение греческой немарксистской историографии к движению в Спарте времени деятельности Агиса и Клеомена (например, в работах Х. Галчаса и П. Гиоксиса, которые считали причиной обнищания масс необоснованные требования черни и демагогические притязания отдельных царей).

В то же время автор рецензируемой книги показывает и появление противоположных тенденций в греческой историографии, проявление интереса к положению народных масс в эллинистических государствах, социальной борьбе этого времени. Эти вопросы нашли свое отражение в работах Г. Кордатоса, который полагает, что македоняне ухудшили положение класса основных производителей: к засилью местной знати прибавилось угнетение со стороны завосвателей. В послевоенный период появились исследования П. Лекацаса, посвященные восстаниям рабов в эллинистическую и римскую эпохи.

Я затронула только некоторые историографические проблемы из рассмотренных в книге Д. И. Цибукидиса. Один только список работ греческих историков, использованных автором книги, занимает шесть с половиной страниц. Следует все же заметить, что рецензируемая книга, на мой взгляд, не свободна от недостатков. Так, мне кажется, что отдельные разделы книги (особенно это относится к III главе) перегружены фактическим материалом в ущерб анализу новогреческой историографии: автор слишком увлекается собственным анализом событий похода Александра на Восток. Большого внимания, по моему мнению, заслуживает коллективная работа «История греческого народа», а также исследование А. Калагеропулоса о походе Александра, которое упомянуто в прим. 38 в III главе. Не со всеми оценками исторических событий в изложении автора книги можно согласиться: так, при характеристике отношения граждан к варварам и рабам в Греции (с. 131) не учтена позиция софистов, преувеличено значение труда рабов в эллинистических государствах, спорной представляется положительная оценка тирании Набиса и т. д. Вместе с тем нельзя забывать, что книга Д. И. Цибукидиса посвящена не истории эллинизма, а греческой историографии, и поэтому как бы ни относился читатель к отдельным, собственно историческим наблюдениям и выводам автора, следует отметить ценность его книги, которая познакомила советского читателя с различными направлениями историографии античности в современной Греции.

И. С. Свенцицкая

НОВЫЙ ТРУД О ДРЕВНЕЙШЕЙ ИТАЛИИ

Археологическое изучение Италии, естественно, стимулирует интерес к ее древнейшей истории. Благодаря именно археологическим данным были переосмыслены свидетельства античной традиции, что позволило рассматривать древнейшую Италию не как объект легенд, а как подлинно историческое явление. В последнее время в историографии, особенно итальянской, все более значительное место занимает глоттология. Это направление наиболее отчетливо и плодотворно представлено в работах известного лингвиста Э. Перуцци. Он декларирует принцип комплексного использования источников различных типов и неуклонно следует этому принципу в целой серии своих

трудов, которая пополнилась теперь новой книгой «Микенцы в раннем Лацин»¹. В ней затрагиваются проблемы, бывшие ранее предметом изучения Перуцци, однако новая монография отнюдь не является повторением предшествующих, и круг затронутых в книге вопросов шире, чем в прежних работах.

Книга состоит из двух частей. Главы I (Древние источники, с. 1—32) и II (Лингвистические критерии, с. 33—56) образуют раздел «Традиция и лингвистика». Главы III—VIII объединены темой «Аспекты микенской культуры в Лацин». Затем следуют два Приложения, имеющие характер самостоятельных очерков. Э. Перуцци свойственно осторожное отношение к сообщениям источников и их тщательная обработка в сопоставлении с другими видами памятников. Он обычно оговаривает разные возможности их интерпретации, прежде чем вынести окончательное суждение, и это способствует убедительности основных выводов.

В качестве выдумки древних рассматривались сведения о том, что жившие в глубине материка аркадцы пустились в морскую экспедицию и достигли Италии. Э. Перуцци напомнил, что и в троянском походе жители Аркадии участвовали, отправившись туда на аргивских кораблях, что могло иметь место и в случае с миграцией аркадцев совместно с аргивянами в Италию. В самом деле среди спутников Эвандра упомянут Анторес, а во главе его флота — Катилл, сын Амфиарая, которому приписывается основание Тибура. Нам кажется особенно показательным, что в римских Аргеях и Argea Issa прослеживается связь с аргивянами.

Так же как и ранее, Э. Перуцци останавливается на сомнительном сообщении древних о необычном долголетии аркадцев: Никострата была убита в возрасте 110 лет, а иные доживали и до 300 лет. Привлекая свидетельство Плиния о том, что у некоторых народов каждый годовой сезон считался за год, исследователю удается объяснить это подозрительное неправдоподобие рассказа.

Э. Перуцци делает также ряд новых важных наблюдений. Поскольку греческие колонии были, как теперь известно, основаны в Италии в VIII в. до н. э. в месте, ранее уже известном грекам, можно думать, что и группа Эвандра отправлялась не в неизвестность. Это находит подтверждение в сообщении Дионисия (II, 12) о том, что Лаций до Эвандра уже посетили элотры, которых галикарнасцев считает аркадским племенем, а также в свидетельствах того же Дионисия (I, 31) и Аврелия Виктора (Ог. 5, 3) о том, что аркадский герой последовал совету своей пророчицы-матери, которая могла знать о поселении Палацум и рассматривала это как хорошее предзнаменование: название Палация напоминало аркадцам название их родного Палантейона. Очень существенны соображения Перуцци относительно других причин привлекательности этого места для аркадцев. Как отмечает Перуцци, Via salaria шла в сабинскую землю не от моря, а именно из Рима, от Коллиньских ворот. Между тем соль добывалась в устье Тибра, где, как считают, Анк Марций учредил соляные промыслы. Но они несомненно существовали и раньше, так как уже Ромулу приписан их захват у вейентов (Dionys., III, 41). До Анка Марция, по традиции, порта на Тирренском побережье у римлян не было, и суда поднимались вверх по реке вплоть до римских холмов. Вероятно, не случайно у Porta Portuensis в Риме находились соляные склады (salinae). Таким образом, микенские торговцы действительно могли достигать месторасположения будущего Рима на своих судах, где был известный им эмпорий. Отсюда делается правомерное предположение, что Палатин мог быть местом, откуда микенское культурное влияние распространялось не только на туземных аборигенов, но и на альбанцев и сабинян, которые, как считает Перуцци, были более восприимчивы к культурным достижениям микенцев².

Очень интересен в книге анализ имен аркадских героев. На наш взгляд, Перуцци более обоснованно, чем прежде³, доказывает, что имя Эвандра в обеих частях — ми-

¹ *Peruzzi E. Mycenaean in Early Latium. With an Archaeological appendix by Lucia Vagnetti. Roma: Dell'Antenone e Bizzari, 1980, 184 p., pl. XII.*

² В предыдущих своих работах исследователь также отмечал культурное превосходство сабинян, опираясь преимущественно на биномический характер их имен и на почетное положение женщин в их обществе (*Peruzzi E. Origini di Roma. V. I. Bologna, 1970, p. 34*). Нам представляются эти соображения по меньшей мере спорными.

³ *Idem. Aspetti culturali del Lazio primitivo. Firenze, 1978, p. 48—51.*

кенское. Что же касается Никостраты, то безоговорочно микенской является вторая половина ее имени. Для признания микенского характера Νίχη данных недостаточно. Однако гораздо важнее, с точки зрения исследователя, то, что мать Эвандра была отождествлена греками с нимфой Фемидой. У Гомера (Od. II, 68—69; II. 20, 4) Θέμις имеет значение не только божественной справедливости, аналогичной римской Fās, но и значение оракула, что во времена Дионисия греками было уже забыто. Из этого Э. Перуцци делает остроумный вывод о том, что Θέμις было прозвищем Эвандровой матери, обладавшей пророческим даром, и как раз этим и объясняется ее латинское имя Кармента (от carmen < *carmen < cano).

Дионисий (I, 31) передает, что Фемида была аркадской нимфой, но в греческой мифологии она была богиней. Стало быть, замечает автор книги, греки называли Фемиду нимфой в первоначальном значении этого слова — «невеста», в то время как Θέμις было превращено в теоним. Соотвествие этого слова лат. Карменте доказывает существование у греков традиции об Эвандре и Никострате в архаические времена, т. е. до Гомера, когда Θέμις еще означало «оракул», «пророчество». Римская версия, как показывают два варианта имени Эвандра (εὐάνδρος > *Euandros > Euandrus > Euander), — более поздняя, но греческие имена, с которыми знакомилась римская публика, вначале видоизменялись, а затем среди образованных людей вновь употреблялись в первоначальной форме. Перуцци приводит тому бесспорные свидетельства. Ограничимся здесь одним примером. Бог Аполлон, согласно Павлову извлечению из словаря Феста, раньше назывался в Риме Apello в полном соответствии с дорийской формой Ἀπέλλων, что позволяет исследователю полагать, что эта форма, подобно осской (известен род. пад. Appelluneis), была воспринята в Центральной Италии от итальянских греков. Но в компендиуме Павла говорится, что существовал еще один вариант этого теонима — Apeḡta, который объясняется в традиции народной этимологии тем, что оракулы (responḡa) бога даются с открытого треножника. Привычная нам литературная форма Appollo — это возврат к форме, близкой греческому оригиналу в письменной передаче греческого имени божества. Apeḡta свидетельствует об устной его передаче и о более раннем его появлении в латинском обиходе.

Весьма интересным, с точки зрения истории раннего Лация и в источниковедческом плане представляется выявление собственно латинских элементов в саге, например победа Эвандра над пренестинцами и убийство царя Эрула.

Завершая рассмотрение традиции об аркадском поселении на Палатине, Перуцци обращает внимание на то, что: 1) она не носит этиологического характера (а это, по мнению автора, должно настаивать исследователь) и 2) аркадцы в ней фигурируют как малочисленная группа отнюдь не первых иммигрантов, запомнившаяся прежде, всего в силу своего культурного превосходства над аборигинами (главное, что их сделало достойными памяти, отмечает Перуцци, — это письменность и музыка).

Исследователь отдает себе отчет в том, что «чудо письменности» — весьма уязвимая часть предания: трудно представить, чтобы о нем помнили в бесписьменной среде, каковым был Лаций в конце бронзового и начале железного века. Но стихи из «Илиады» (VI, 168—170) упоминают тирийского царя Пройта, который по навету своей жены, безуспешно пытавшейся соблазнить Беллерофонта, решил погубить юношу и послал его к ликийскому царю с письмом, в котором просил убить Беллерофонта. Ссылка на Гомера дает повод Перуцци утверждать, что народ может очень долго помнить об утраченной письменности, и нет оснований думать, считает автор, что Лаций был в этом смысле исключением. Но о какой аркадской письменности может идти речь? Ведь в Греции известны две стадии развития графической культуры: 1) линейное В и кипрское силлабическое письмо, 2) алфавитное, введенное, по легенде, Кадмом. Перуцци напоминает, что и в древнейшей Италии были известны две стадии развития письменности: 1) эгейская, представленная на керамике культуры Милаци (1400—1200) на Эолийских о-вах, по-видимому, в виде каких-то клейм; 2) греческое алфавитное письмо, документированное находками в Питекуссе, как минимум, VIII в. до н. э. Перуцци подметил, что в итальянской традиции обычно говорится не об изобретателе письма, а о введении Эвандром, Геркулесом или пеласгами уже существующего. Причем все источники приурочивают введение письменности к тому времени, которое можно определить приблизительно как XIII в. до н. э. Поскольку эта дата для алфавитного письма является слишком ранней, а для линейного А слишком поздней, Перуцци приходит

к закономерному выводу о том, что письменность, введенная аркадцами, должна была быть линейным письмом В.

Итак, на основании ряда заключений в книге формулируется положение о том, что традиция об аркадском поселении Эвандра не может считаться выдуманной. Вместе с тем Перуцци не считает ее достаточно подтвержденной археологически. На наш взгляд, неправомерно игнорировать множество археологических свидетельств греческого присутствия для всей Италии, в том числе для сопредельных Риму районов, и полагаться, как это делает автор книги, только на местные находки микенского происхождения. До недавнего времени их вообще не было, сейчас они есть, но крайне малочисленны, и оценивать их значение следует, по нашему мнению, во всеиталийском контексте, подобно тому как это делает К. Остенберг для тосканского города Луни⁴.

Конечно, закономерности лингвистических законов перехода звуков при заимствовании слов одного языка другим или в выявлении их общих предшественников игнорировать не приходится. Поэтому установление автором лингвистических критериев — очень важная и ценная часть его работы. Прежде всего из анализа языкового материала выявляется правило исчезновения предконсонантного *s* в латинских заимствованиях из греческого микенского времени. При этом в начале слова *φ* переходит в латинское *f* (σφίδες > fides), а в середине происходит замена *φ* на *p*. Последнее параллельно переходу срединного и.-е. *bh- в греческое *φ* и лат. *b*, что отличает латинский язык от умбского и осского, обнаруживающих развитие и.-е. *bh- в *f*. Аналогичную альтернативность развития и.-е. *bh- в *f* в начале слова и в *p* в середине дает и сабинский язык. Вместе с тем указанный параллелизм, по мнению Перуцци, не предполагает того, что греческие слова пришли в латинский через посредство сабинского, хотя совсем исключить этого нельзя.

Кроме важного факта установления микенского происхождения ряда слов, свидетельствующих об определенном культурном уровне населения, Перуцци видит в регулярных звуковых соответствиях этих слов ключ к определению относительной хронологии многих грецизмов в латыни. Переход типа σφίδες > fides, т. е. *φ* > *f* в первом слоге, предшествует переходу типа Φοῖνιξ > Roenus, т. е. *φ* > *p*. Первый вариант относится ко времени между существованием общего и.-е. языка (который реконструируется) и документированными языками Центральной Италии (так называемая II архаическая фаза).

В качестве третьего показателя микенской принадлежности латинских слов в книге предлагается соответствие греческого π латинскому *b* типа στύπος > tubus, πύρρος > >burgus, при наличии микенского pu-wo (purswos), и Πύξος > buxus при pu-co-so (puksos).

Лингвистическая методика дает положительные результаты и для прояснения этнической ситуации в раннем Риме. Язык Рима XIII в. до н. э. неизвестен. Но свет на решение этой проблемы бросает подмеченное Перуцци соответствие между микенским *phorg^w* и латинским *forb-ea* (пища), *g^woukaṛā* > *bucar* (сосуд), **wlux^w* *arkádes* > *lupercales*, т. е. *g^w* > *b*, *k^w* > *p*, хотя для латинского характерен переход *g^w* > *u*. Переход *g^w* > *b* присущ осскому, и поэтому автором делается заключение, что такое важное для скотоводческого Рима слово, как *bos*, могло войти в язык будущих римлян вместе с приходом носителей аналогичного диалекта на притибрские холмы. Перуцци считает возможным объяснить подобные явления также различием между городской и сельской жизнью. Так как на месте Рима города еще не было, городская латынь могла прийти только из Альбы (так, *bos* и *lupus* происходят не из отдаленных районов, тем более что в самнитском «волк» обозначался словом *hirpus*). Указанные слова, по мнению автора книги, принадлежат диалекту местных пастухов, пасших в районе будущего Рима скот альбанских «лендлордов» (с. 55). Заметим в связи с этим, что если нельзя не согласиться с установлением разных элементов в языке древнейшего Рима в соответствии с его этнической мозаичностью, то употребление термина «лендлорд» вряд можно признать удачным. Для столь глубокой древности ни о каком частном землевладении в Альбе, как показывает пример Рима, речи быть не может.

В последующих главах Перуцци с успехом применяет свою комплексную методику использования источников для выяснения уровня развития примитивного Лация и воздействия на него микенских греков в конкретных областях практической деятельности.

⁴ *Ostenberg C. E. Luni sul Mignone e problemi della preistoria d'Italia. Lund, 1967.*

Важным показателем развития материальной культуры является вооружение, и этой теме автор посвящает III главу своей книги (с. 57—68). Если ранее Перуцци сумел доказать влияние и в этой области греков на Лаций VIII в. до н. э.⁵, что теперь подтверждено данными археологии⁶, то в рецензируемой работе он обращается ко II тысячелетию до н. э. Немногочисленные свидетельства античной традиции позволяют судить о том, что аборигины были удивлены аркадским вооружением. Поскольку археология пока не предоставляет материалов для проверки сообщений античных авторов, Перуцци обращается к лингвистическому анализу. В латинском языке существуют два слова, образованные от и.-е. *skwoi — в значении «шип, колючка»: это *spica* (колос) и *spina* (колючка). В обоих словах имеет место замена $p < kw$, что характерно для аборигинского субстрата в районе Рима. Вместе с тем, в латыши есть два слова, обозначающие острие метательного снаряда, — *cuspis* и *spiculum* (уменьшительное от *spica*). По мнению Перуцци, безостый колос (*spica*) похож на наконечник, острие (*spiculum*) из оббитого камня. Поскольку лат. *cuspis*, продолжает автор, происходит от микенского *k^w siphos, деривата k^w siphos пилосского архива (нож с металлическим лезвием), можно думать, что с приходом микенцев в Лацию распространились металлические наконечники стрел и копий взамен каменных.

Всестороннему анализу подвергается и слово *balteum*, i, n, или *balteus*, i, m (пояс, перевязь для оружия). Варрон (*de l. l. V, 116*) связывал его с этрусским словом *bul-latum* (то, на чем носится булла). Современные лингвисты, замечает Перуцци, следуют за Варроном, не обращая внимания на то, что звонкое *b* чуждо этрусскому языку. Правда, Эрну порой оговаривает для слов неясного происхождения только этрусское посредничество, но не происхождение. Это касается и целого ряда латинских существительных на *-eo*. Но в Риме *eo < и.-е. *eyo* — самый обычный суффикс в словах, заимствованных из греческого; этрускам такой суффикс абсолютно чужд. При заимствованиях из греческого в этрусский слов на *-eus* обычно происходит замена этого элемента на *-e*, *-es*. Если иметь в виду соответствие $b \sim \pi$, то *balteum* идентичен $\pi\alpha\lambda\tau\text{-}\acute{o}\nu$ (дротик копьё), оружие микенской эпохи. Перуцци замечает, что в кносской геральдике встречается *pa-ta-ja* (*paltaiā*), множественное число среднего рода наряду с идеограммой в виде заостренной палки, т. е. дротика. Пилосская таблица подтверждает, что *paltaiā* означало метательный снаряд с металлическим острием. Все это, по мнению автора, доказывает микенское происхождение *balteum* и вместе с тем влияние микенской военной техники на ранний Лаций.

Лингвистический анализ латинских терминов военной сферы подводит Перуцци к вопросу об истории металлургии в Центральной Италии. Он исследует пилосскую таблицу *In 750* с именами кузнецов-бронзистов (*Khalkewes*), которые обозначены в совокупности словом (*pa-ga-ke-te-e-we*) и указанием количества обрабатываемого металла (*talansian ékhontes*). Аналогичные слова находятся на другой пилосской таблице. Учитывая закономерность $\pi \sim b$, Перуцци устанавливает соответствие *pa-ga-ke-te-a* и *bractea* (тонкая металлическая пластинка) с типичным в заимствованных из иностранного латинских слов переходом множественного числа среднего рода в единственное число женского рода. Из лингвистического анализа Перуцци вытекает его закономерный вывод о внедрении микенской металлургической техники в экономику Центральной Италии, что явилось следствием развития торговли в Западном Средиземноморье.

Множество металлических пластинок, заготовок для наконечников стрел было обнаружено Эвансом на Крите и на Балканском п-ове. Их небольшие размеры объясняет термин *k^w sphis > *cuspis*.

Достоверность традиции об основании поселка на месте будущего Рима аркадцами, прибывшими с Эвандром, также проверяется Перуцци с помощью свидетельств лингвистики в IV главе его книги (с. 69—84). Автор исходит из верной посылки, что указанный факт должен быть подтвержден наличием микенских элементов в латинской архитектурной, строительной терминологии. В свое время Эванс выдвинул положение о том, что сходство построек в древнейшем Лации и в эгейском мире может быть объяснено существованием общих для этих районов предшественников. Развивая эту мысль, Пе-

⁵ Peruzzi E. *Origini di Roma. V. 2. Bologna, 1973, p. 55—79.*

⁶ Scavi e scoperte.— SE, v. 45, 1975, p. 434—435.

Перуцци подчеркивает, что факт заимствований и здесь получит подтверждение лишь при условии соотнесения археологических материалов с соответствующими их латинскими наименованиями и свидетельствами о культурном развитии Лация. Исходя из этого, исследователь рассматривает сообщения Дионисия (I, 79) и Витрувия (II, 1, 5—6) о хижине Ромула на Капитолии.

Согласно Витрувию, строились такие хижины с помощью вертикально поставленных одного в центре и остальных по периметру вилообразных столбов (*furgae*), между которыми вставлялись менее массивные брусья. Такой каркас затем покрывался глиной. Это описание, как известно, получило подтверждение в обнаруженных остатках хижин эпохи раннего железа в грунте Палатина и в урнах-хижинах, дополнивших представления о примитивных римских постройках прежде всего за счет двускатной тростниковой крыши, державшейся на брус, покоившемся на центральном столбе.

Перуцци отмечает, что слово *furca* параллельно греч. *φόρκα*, винительный падеж единственного числа (соответственно во множественном *furgas* и *φόρκας*), и является продолжением греческого слова с заменой *φ* на *f*, характерном при заимствованиях латинского языка из микенского. Латинский вокабулярий знает много терминов кроме *furca*, обозначающих столбы, а именно — *pālus, stipes, sudis* и т. д. На характер заимствования, по мнению Перуцци, указывает и то, что *φόρκα* употребляется в значении «столбы вообще», а *furgae* — в качестве обозначения одного из видов столбов (закрепление узкого специального значения — специфическая черта заимствованных слов).

В рецензируемой книге подвергается всестороннему анализу ряд слов, обозначающих различные части примитивных латинских хижин, как, например, широкое окно, расположенное обычно слева от входа в хижину. Латинское название окна — *fenestra* или *festra* — содержит элемент *-stra*, присущий техническим терминам, заимствованным из греческого (*orchestra, palaestra* и т. п.), и, как полагает Перуцци, тоже перенято от микенцев, вероятно, вместе с названием, в котором *φ* было закономерно заменено на *f*. Перуцци отвергает современную этимологию *fenestra* от *φάινω*, восходящую к Ноннию Марцеллу, и приводит сохраненное Макробием (*Sat. III, 128*) свидетельство современника Цицерона о том, что Эниий употреблял слово *festra* для обозначения небольшого отверстия в святилище. Перуцци стремится доказать, что развитие *festra* > *fenestra*, как и *fenestra* > *festra*, лингвистически невозможно. Эти слова, по его мнению, должны иметь общего предшественника в каком-то трехсложном слове и теоретически его можно представить в виде либо *fehestra*, либо *feuestra*, либо *fewestra*. Если обратиться к греческому наименованию окна, а по Гесихию, «отверстие, окно» — *φωστήρ· θυρίς* то надо, по мнению Перуцци, остановиться на *φάος* < **φαFος* род. пад. *φάεος* < *φάFεος* (атт. *φός, φωτός* «свет»). Его аргондское производное — *φαστήρ, ἡ ρος*, дающее представление о более ранней форме **φαFεσ-τήρ*, т. е. о слове с суффиксом, несущим значение действующей силы, вещества или инструмента, засвидетельствованном в микенском. Наиболее близким к **φαFεστήρα*, винительным падежом единственного числа является теоретически возможный предшественник слов *fenestra* и *festra*, т. е. **fewestra*. Таким образом, заключает Перуцци, заимствование латинского слова из микенского произошло по обычной модели, в форме винительного падежа, как это бывает при устном употреблении слов.

В этой связи хотелось бы отметить еще одно содержащееся в книге соображение: каждая из двух форм — *festra* и *fenestra* — циркулировали в Риме одновременно, но в разной среде. В ученном языке жрецов удерживался близкий к подлиннику вариант *festra*, а в народном языке, вероятно в связи со словом *fenum* (сено, солома), утвердился вариант *fenestra*, потому что дома древних поселенцев Лация покрывались тростником или соломой.

В дополнение к этому Перуцци касается слова *trabs* (брус.) Как явствует из находок урн-хижин, иногда верхние концы *furgae* связывались с поперечными брусьями, что обеспечивало прочное крепление столбов и поддерживало стропила соломенных крыш. Но в некоторых моделях встречается горизонтально положенный на коньке крыши брус, к которому прикреплялись концы стропил обоих скатов крыши. Этимологию *trabs* связывают в науке обычно с греч. *τράβηξ* — брус в осадной машине, планшир для уключины весла. Гесихий приводит другие диалектные формы, например, *τράπεξ* (копье), *τράφηξ τρέπηξ*, (последние происходят от *τράπος*, аттестованного Мосхом III в. до н. э.). Этим словом и поныне называют на Эвбее изогнутые брусья, на которые кла-

дут бочки. Τράπεζε является диалектным вариантом τρόπηξ, предполагающим предшественника в * τράπος (брус). На этом основании Перуцци высказывает предположение, что лат. trabs может восходить к греческому предшественнику с заменой b < π, специфичной для заимствований из языка микенцев.

К строительному вокабулярию относится и слово clavīs (ключ). Греческие слова для ключа — это дор. κλαῖς, ἴδος и дор. κλάξ, κλαϊκός,¹ представленные двумя основами, которые являются развитием предшествующей основы на -d, засвидетельствованной в микенском ka-ḡa-wi-ro-ḡo, т. е. носитель ключа, очевидно жреческая должность на Пилюсе — klāwiphoros. Другое возможное слово — klāwid-iskos/κλαῖδισκος, подобное микенск. ti-ri-po-di-ko (tripodískos). Микенск. klawi-phoros имеет то же значение, что и жреческие титулы в алфавитном греческом — κληῖδοφόρος и κλακφόρος, но отличается от них по форме. Несмотря на сходство звучания лат. clavis (ключ) и clavus (гвоздь), исследование устройства запора урны-хижины приводит Перуцци к заключению о том, что это семантически различные предметы. Но микенское слово *klāwis (ключ) идентично латинскому clavis (ключ) и по значению и по форме, что дает ему право считать последнее заимствованием из греческого микенской эпохи, вероятно от вин. пад. ед. ч. klāwin.

Приведенные рассуждения подкреплены подмеченным еще Эвансом фактом удивительного сходства между урнами-хижинами Крита, а также Лация и Этрурии раннего железного века. Но Эванс, как известно, считал это результатом независимого, параллельного развития примитивных обиталищ. Теперь арсенал археологических свидетельств значительно расширился. Перуцци получил возможность учесть следующее: 1) на Палатине в районе Гермала обнаружены следы хижины меньшего размера, чем остальные, и без углубления для центрального столба, что говорит о наличии более примитивного типа жилищ в раннем Лации;² 2) и в Южной, и³ в Центральной] Италии, и на прилегающих островах имеется множество предметов, импортированных из Эгейского мира, а также изготовленных по их образцу, что сделало прямые культурные связи этих районов Средиземноморья несомненными; 3) самые ранние урны-хижины восходят по меньшей мере к X в. до н. э., но их появление связано с определенными погребальными] обрядами и представлениями о загробной жизни, так что реальные хижины-жилища безусловно древнее самой ранней урны.

То обстоятельство, что урны-хижины засвидетельствованы на Крите для позднемикенской, но не для микенской эпохи, может, по мнению исследователя, быть объяснено религиозными представлениями. Все это в совокупности с результатами лингвистического анализа и позволяет Перуцци обоснованно утверждать, что аркадские пришельцы оказали на примитивный Лаций неоспоримое влияние в области строительства.

В V главе книги, посвященной тканям (с. 85—100), Перуцци замечает, что традиция и лингвистические свидетельства говорят в пользу аркадского происхождения римской тоги, полукруглого одеяния, в отличие от прямоугольного греческого гиматия, соответствующего латинскому паллию. Для середины VI в. закругленные плащи были засвидетельствованы в произведениях этрусского изобразительного искусства, и в связи с сообщением Плиния (NH, VIII, 195) стало общепризнанным рассматривать пурпурную тогу в качестве неотъемлемого элемента этрусской культуры. Перуцци, однако, склонен более доверять свидетельствам античных авторов, относящих тогу к одежде Ромула и к салиям, учрежденным Нумой. О доромуловом обычае носить тогу говорит, по мнению автора книги, cinctus Gabinus, особый способ ношения этого одеяния у древних латинян.

Римляне и этруски, как известно, называли греческий полукруглый плащ τῆβυλλος (Dionys. III, 61). Автор II в. н. э. Артемидор (Oneir. II, 3) называл тебенной римскую одежду по сходству с манерой ношения аркадцем Теменосом своей короткой мантии (χλαμύς). У грамматика II в. н. э. Поллукса (VII, 61) говорится, что статуи Битона и Клеобиса в Аргосе, созданные в VI в. до н. э., облачали в архаическое одеяние на манер римской тоги, называемой τῆβυλλίς. Упоминание Аргоса, морских ворот аркадцев, по мысли] Перуцци, согласуется с античным рассказом о ввозе тоги в Италию через Ионический залив, где у Япигского мыса (совр. Санта Мария ди Леука) высадился Певкет и где сейчас найдено множество микенской керамики. Эти данные исследователь сопоставляет с данными кносской, пилюсской и фиванской эпиграфики о женщинах,

тканых шерсть, te-re-ja. Слово это связано с te-ra, означающим плотную шерстяную ткань. В лексиконе Суды сказано, что аркадская одежда, ввозимая в Италию, называлась χλαρίς, т. е. была шерстяной, но и римская тога была из белой шерсти. Это наталкивает Перуцци на признание микенского происхождения римского плаща, получившего свое латинское наименование от tego (покрываю).

Отношение между лат. līnum (лен) и прилагательным linteus автор монографии решает не внутри латинского языка, в котором термин имеет ī, и не с помощью алфавитного греческого, в котором «лен» имеет ἰ. Микенское название льна gi-no, но прилагательное «льняной» образовано, судя по кносской табличке, от другой основы, λιτ, что обозначало льняную ткань. Это, как полагает Перуцци, произошло потому, что сначала женщины, изготовлявшие льняные ткани, называли gi-ne-jo (lineiai), что совпадало с обозначением самого материала, а позднее их стали называть λινοοργῶι. Вместе с введением культуры льна аркадцами в Ладии было заимствовано и латинское слово linteus.

Далее Перуцци напоминает, что в римских религиозных ритуалах было множество пережитков, восходящих к эпохе неолита и бронзового века. Запрет носить льняные одежды для римских жрецов, по мнению Перуцци, указывает на древнее, чужеземное, т. е. микенское, происхождение этих одеяний. В качестве дополнительного и очень убедительного аргумента он приводит второе название льна в латинском, sagbasus < κάρπασος с характерным переходом b < π.

Также с помощью лингвистического анализа выявлен в книге микенский предшественник лат. слова gūdens, -entis (веревка, корабельный канат). Этимология этого слова неясна; его корень не связан с gaudus или gūdus (щебень). Римляне связывали gūdens с глаголом gūdo «реветь, рычать», но это семантически не оправдано. Перуцци присоединился к мнению Эрну — Мейе о заимствованном характере gūdens, подобно другим латинским терминам, связанным с мореплаванием, а также согласился с интерпретацией gu-de-a₂ («ремни») микенской таблицы PYUb 1318 Чадвиком, что подтверждается глоссой Гесихия: ρυδεῖ· περιπλέχεται, т. е. «обвивает». Отсюда Перуцци восстанавливает *ρυδεῶ > ρυδῶ, глагол, происходящий от слова с основой на сигму, подобно τελῶ < гомер. τελέω ~ τελεῖω < *τελεσ-ιω. Значит, заключает Перуцци, и ρυδῶ происходит от существительного (а не наоборот) в значении «связывать с помощью rudos», что позволяет констатировать сходство латинского и микенского слова не только по форме, но и по смыслу.

Отталкиваясь от традиции о том, что Эвандр получил от Фавна землю на Палатине, Перуцци в VI главе, посвященной агрикультуре (с. 101—117), исследует словарь латинских терминов, относящихся к сельскому хозяйству. В частности, в поле его зрения попадают три слова неизвестного происхождения, начинающиеся с veru-: 1) veruex (verbex, berbex) — выхолощенный барац, 2) veru — окружать, 3) veruastum — земля под паром. С точки зрения формы veruastum может предшествовать *vorvastom, явно связанное с греч. φόρφος ἀκτιτός или φόρφος ἀκτιτον, где ἀκτιτός, ον — «необработанный». В фонетическом плане этимология, по мнению Перуцци, безупречна, и тому же латинский продолжает реческое выражение в винительном падеже, что указывает на заимствование из разговорного языка в устной форме.

Исследователь демонстрирует безупречность предложенной этимологии и в семантическом плане, сопоставляя данные алфавитного греческого языка и микенского. В первом *φόρφος > ὄρος — граница поля, межевой знак, во втором wogwos употреблялось в смысле «граница, ограниченная земля, т. е. участок». Есть в микенском и прилагательное, определяющее земельный участок: a-ki-ti-to (aktitos). Из общего смысла пиловских табличек (PY 424) выявляется его значение земельной площади. Но пиловские тексты (PYN926) представляют случай, когда wogwos связывается с подсчетом ожидаемой продукции. Это вызывает возражение Чадвика против понимания aktitos как невозделанной земли. Однако Перуцци учитывает, что в латинском различаются veruastum — земля, находящаяся под паром часть года, и novale — земля, засеваемая через год. Поэтому, как считает автор, микенское прилагательное связано с латинским выражением *vorvom ak(ti)tom > veruastum непосредственно, аналогия которому в позднем греческом, т. е. в сочетании обоих элементов, не встречается.

Микенское происхождение veruastum позволяет Перуцци объяснить этимологию veruō — окружать. Павел Диакон упомянул, что это слово употреблено Энием

в переносном смысле определения площади города путем проведения борозды. Значит, *vergō* относится к ритуалу основания города, называемому этрусским, но, по мнению автора, этот ритуал восходит к бронзовому веку, во всяком случае он предшествует IX в. до н. э. и основанию первой греческой колонии в Питекуссе. В пользу этого толкования исследователь приводит свидетельства традиции: Ромул следовал этрусскому обычаю, но его плуг имел бронзовый, а не железный лемех; сам же он, исполняя ритуал, был облачен в тогу на манер *sinctus Gabinus* (Plut., R. II, 1—2).

Следует упомянуть еще одно замечание Перуцци. Латинское *vorvus* обозначало издревле и площадь города, ограниченную бороздой, и саму эту борозду. Но в латинском имелось еще одно слово для обозначения борозды — *sulcus*, которое употреблялось в обыденной речи, в то время как *vorvus* использовалось в качестве специального термина эпохи Августа для названия борозды, проводимой при основании колоний.

Употребление таких слов, как *vervactum*, *novale*, *restibilis*, свидетельствует, по мнению автора книги, о практике севооборота и одновременно о влиянии микенцев на агрикультуру Лация. Эти лингвистические данные подтверждают сохраненные Аврелием Виктором (Ог. 5, 3) сведения о том, что Эвандр первым познакомил Италию с тщательной практикой посева и с пахотой с помощью упряжки волов. Поскольку *seō* («сеять») — подлинно латинское слово, было бы неверным считать сеяние чужеземным нововведением, и, видимо, роль Эвандра, по мысли Перуцци, заключалась в введении регулярного севооборота, повышавшего урожайность. Данные традиции, относящие ритуал проведения борозды к бронзовому веку, позволяют исследователю предполагать, что именно Эвандр ввел в Италию упряжку волов. Это предположение Перуцци подкрепляется доказательством использования пары рабочих быков в микенском сельском хозяйстве⁷. Представляет интерес в этой связи установление автором соотношения между кносским сокращением *ze* = ζεβυος и латинским *iugum*.

В книге отмечается еще один латинский сельскохозяйственный термин, происходящий от микенского, — *forbea*, древнее название пищи, которое уже в античности связывалось с греч. φορβή. Перуцци отвергает эту связь с переходом *f* в *f* как лингвистически несостоятельную: по его мнению, φορβή имеет предшественника в микенском обиходе (PUn138.2): *po-qa* (*phog^{wa}* «пища»). То, что *forbea* содержит суффикс *-eo-* и является по сути субстантивированным прилагательным со значением «предназначенное в пищу», может указывать, считает автор, на микенское влияние относительно способа хранения провизии в Лации. Итак, приписанные Эвандру нововведения, а точнее, усовершенствования в области экономики, т. е. агрикультуры, получили в работе Перуцци лингвистическое подтверждение, что представляет существенным для характеристики античных источников и способствует более полному воссозданию картины жизни древнейших латинян.

Специальный интерес Перуцци вызывает область религии, которой посвящена глава VII (с. 119—132). Автор еще раз обращается к Потнии, самой главной богине микенского мира, которую обычно называли «госпожой» (например, «госпожа Афин», «госпожа коней», «госпожа зерен» и т. п.). Из пилосских и кносских текстов выявляется ее покровительство ремеслам, художественным и обслуживающим военное дело, что позволило Чадвику считать Потнию предшественницей Афины. На основании микенских, пилосских, кносских и фиванских табличек Перуцци выявляет, что место почитания богини называлось *woikos Potniās*. Рассматривая затем сведения Дионисия (I, 32) о сакральных традициях аркадцев на Палатине, исследователь отмечает, что наиболее важным божеством после Пана была Ника. Первый храм римской Виктории на Палатине был выстроен лишь в 294 г. до н. э., но почитание этой богини восходит к началу царского времени (Plut., R. 24). В связи с этим Перуцци принимает предположение Г. Виссоны о том, что более позднее имя Виктории заменило имя неизвестной богини, с которой ее идентифицировали. Поскольку святилище на Велли на месте Валериева дома у Ливия и Плутарха именуется святилищем Вики Поты, а у Аскония вслед за Гигином — Виктории, Перуцци приходит к заключению, что неизвестной богиней была именно Вика Пота. На ее былую мощь наводит

⁷ Peruzzi E. Agricoltura micenea nel Lazio.—*Minos*, N. S. 14, f. 1,2, 1973, p. 166—171.

упоминание ее праздника в доюлианском календаре из Анция, а также ее определение в «Отыквлении» как матери бога *Dies piter*, т. е. Юпитера. Почетное положение Вики Поты и обусловило наименование ее Никой и Викторией. Перуцци отмечает, что *Vica* имеет $\bar{i} < ei$, а *woikos* [стоит в цепи] развития: и.-е. **woikos* > лат. *woikos* > *veicus* > *vicus*. Он высказывает мысль о том, что имя Вики Поты является народной адаптацией микенского обозначения места культа Потнии, т. е. *woikos Potniās*, что для не знающих микенского языка обитателей примитивного Лация казалось двойным именем богини, подобно знакомым им *Anna Perenna* или *Panda Cela*. Это тем более вероятно, что, по мнению Перуцци, из сходства черт микенской Потнии и Афины вытекала связь *woika* с *victoria*: *perf. vici* < *weikei* < **woikai*. Соотнесение имени божества с *perfectum* не единично, как свидетельствует название бога — *Aius Locutius* (Gell. 16, 17, 2). Связь *vinco* с *potior* Перуцци удостоверяет ссылкой на Цицерона: «...если придумывать имена (божеств), то лучше выбрать имя Вики Поты...» (de leg. 2, 11, 28). По контексту следует заключить, что оно связано с укрепляющими дух явлениями (победа, овладение).

В книге отведено место и анализу Луперкалий, которые уже ранее подробно рассматривались автором⁸. Лингвистически *Lupercaliae* характеризуется как продолжение **wluk^w-arcades*, **λυκ-αρκαδες*, т. е. волки-аркадцы. *Lupercaliae* не могли, по мысли Перуцци, быть местной, латинской формой не только потому, что латинскому чужды сложные, составные слова, но и потому, что *ǵ* в сложном латинском слове должно было бы претерпеть изменение в *i* или *e* по образцу *ago* (**ad-ago* > *adigo*) или *gradior* (**adgradior* > *aggredior*).

Изучая производные от *Lupercaliae*, исследователь останавливается на слове *Lupercus*: оно было не именем почитавшегося в *Lupercal* божества, каковым являлся Фавн или Пан, но эпитетом бога, выступающего в качестве отвратителя волков (*lupus* и *arceo*), или бога сберегающего (*lurus*, *a*, и *rago*), так как Луперкой называли волчицу, вскормившую Ромула и Рема.

Подтверждение аркадского происхождения римских Луперкалий Перуцци видит в греческом происхождении слова *februm*, *februum* (очистительное средство, обряд), восходящем к греч. *σφεδρῶν*, поскольку луперкам была присуща функция очищения, искупления.

В ряду терминов сакральной сферы стоит *busag*, объясненное Фестом (у Павла) как род сосуда. Этимология этого слова неясна; Эрну — Мейе предполагают его связь с греч. *βούκερος*, которую Перуцци, однако, считает несостоятельной. В анализе слова он исходит из того, что среди серии предметов, перечисленных на пиловской табличке Та 711, 2—3, значится кувшин с ручкой — *qe-ka-na* с определением *qo-uka-ka* (в переводе Вентриса — «с бычьей головой»). Данную группу слогов можно прочесть в нескольких вариантах, но первым ее элементом, по утверждению Перуцци, является *g^wou* = *βου* (бык), а вторым — идентичное или близкое *xāra* (голова). Таким образом автор книги устанавливает возможность *busag* < микен. **g^wou-ka* или **g^wou-ka-ro* (*ǵ-ka-ro*). При этом лингвистический анализ подтверждается наличием в Кноссе и в Микенах ритонов в форме бычьей головы, что убедительно доказывает заимствование ритуального сосуда в раннем Лации из микенского мира. Поскольку археологические аттестации влияния микенского мира в религиозной сфере в виде глиняных статуэток женских божеств или жриц, относящихся к III микенскому периоду (1425—1025), имеются только на Липарах, а в Центральной Италии пока отсутствуют, Перуцци обращает внимание на важное значение лингвистических методов для исследования истории примитивного Лация.

После проведения конкретных исследований, в главе VIII «Перспективы изучения истории латинян» (с. 133—136) Перуцци останавливается на том, что определение заимствований латинским языком из микенского открывает новые перспективы в изучении истории латинян. Но значение таких заимствований обратно пропорционально их числу, что, по мнению автора, обусловлено следующими причинами: 1) недостаточностью лингвистического материала в имеющихся текстах линейного письма B; 2) ограниченностью данных в сохранившейся традиции; 3) трудностями определения имен-

⁸ Peruzzi. *Aspetti culturali...*, p. 29—31.

но микенского предшественника среди слов латинского языка, безусловно заимствованных из греческого, только по формальным признакам.

В качестве важнейшего показателя заимствования Перуцци выдвигает культурное влияние, которое отражает воспринятый латинским языком термин. Обычно он обозначает либо новый для Лация предмет, либо изменение, усовершенствование известного. И все же это не абсолютный критерий, потому что не всякое новшество обогащает язык новым словом. Исследователь приводит тому ясный пример: воспринятое латынью кельтское слово *caucus* стало применяться ко всем видам повозок, вплоть до современного автомобиля.

Отмечая ограниченный характер данных традиции и археологии, используемых в качестве источников, Перуцци вместе с тем осознает и недостаточность применения одних лишь лингвистических критериев. Как и Остенберг⁹, он допускает, что носители апеннинской культуры в Италии были не в состоянии воспринять достаточно высокий уровень микенской культуры; более того, продолжает автор, цивилизованные микенцы растворились в аборигинской среде (ср. *Dionys.*, I, 44), поэтому латинский словарь и не удержал значительного количества микенских слов. Это же, по мнению Перуцци, объясняет, почему принесенная Эвандром письменность не стала органической частью культуры латинян, оставив по себе лишь смутное воспоминание, подобно тому как это произошло на Эолийских островах с элементами эгейской культуры.

Признавая влияние микенских, а также последующих пришельцев на культуру Лация раннего железного века, исследователь одновременно предостерегает против безоговорочного соотнесения данных археологии с определенными этно-лингвистическими группами. В этом Перуцци следует принципам итальянской научной школы, четко сформулированным П. Лавиозой-Замботти¹⁰. Автор книги постепенно подводит читателя к выводу, что лишь комплексное использование источников позволяет устанавливать микенское происхождение культурных влияний у аборигенов Лация. Вместе с тем выявление именно микенских истоков словарных заимствований обеспечивает исследователей хронологическими данными древнейшей истории латинян и позволяет, согласно Перуцци, реконструировать древнейшие формы их языка.

Исключительный интерес представляют собой Приложения. В первом — «Микенцы и этруски» (с. 137—150) — Перуцци рассматривает античную традицию об аркадах в Этрурии у поздних авторов — у комментатора Вергилия, Пропа (I в. н. э.) и у Иоанна Лида (VI в. н. э.). Проб сообщает, что название аркадского города Тегея в Тусции (Этрурии) было дано городу, основанному аркадцами-изгнанниками (*Geogr.* I, 16). Иоанн Лид рассказывает о гаруснике Тархоне, обнаружившем во время пахоты в борозде крохотного, но взрослого Тагета (*Ost.* 3). Намереваясь получить от удивительного человека знание каких-то сакральных тайн, Тархон стал задавать ему вопросы, а затем записал ответы. Вопросы задавались жрецом на обычном языке этрусков-италийцев, отвечавший же говорил на ином, непонятном Тархону языке, существовавшем еще до прибытия в Этрурию Эвандра. Перуцци предполагает, что эти сведения восходят к этрусской дисциплине и зафиксированы в *libri Tagetici*. Личное местоимение *ἑμῖν* в отрывке Лида позволяет говорить о почти дословном цитировании рассказа Тархона, а упоминание Эвандра позволяет автору книги датировать загадочные «этрусские» письма примерно XIII в. до н. э. Эти тексты, по-видимому, были доалфавитными, поскольку введение алфавита древними ошибочно приписано Эвандру (*Tac.*, *Ann.* XI, 14).

Кроме упоминания в античной традиции об Эвандре в Этрурии Перуцци обращает внимание на само имя Тагет (в греческой передаче *Τάγης*, от которого образовано прилагательное *Ταγητικός*). Известно, что в ранних текстах суффикс *-ικός* встречается почти исключительно у прилагательных, образованных от этнонимов: *Τρώς* > *Τρωικός*, *Πελασγός* > *Πελασγικός*; *Ἀχαιός* > *Ἀχαιικός*; *Τεγεαίτης* > *Τεγεατικός*, *Τεγεητικός*. Поскольку, согласно традиции, аркадцы основали в Этрурии город Тегею, можно думать, что священные тексты на непонятном этрусском языке, которые были сообщены Тархону Тагетом, назывались *Τεγεατικοί*, а в латинизированном виде — *Tagetici*.

⁹ *Ostenberg. Op. cit.*, p. 254.

¹⁰ *Laviosa-Zambotti P. Le origini della civiltà di Villanova secondo le più recenti interpretazioni.* — *Civiltà del ferro.* Bologna, 1960, p. 78.

Стало быть, личное имя Тагет, заключает автор, — местное, италийское определение тегейца. Таким образом, античные предания об этрусской Тегее и о книгах Тагета рассматриваются Перуцци в качестве фрагментов одной и той же традиции об аркадцах, поселившихся в Этрурии, и существовавшей параллельно с традицией об аркадцах, пребывавших на Палатине. Любопытно, что в обеих сагах аркадцы фигурируют в качестве изгнанников, а местом их исхода являются Паллантейон и находящаяся в 10 км от него Тегея. Это своего рода две волны одной и той же миграции, и, обосновывая свое предположение, Перуцци ссылается на то, что в обоих случаях за аркадцами признается культурное превосходство, отмечается пророческий дар участников экспедиций, чьи личные имена утрачены и заменены прозвищами — Тегеец, Карментис, т. е. Прорицательница. И в Лации, и в Этрурии, подчеркивает автор, традиция фиксирует внимание на привнесенном пришельцами «чуде письменности», датировка знакомства с которой жителей Италии несколько отстоит от введения линейного письма *B* в микенском мире.

Думается, что представление об аркадском присутствии на территории будущей Этрурии уже получило подкрепление в археологии. Об этом свидетельствуют найденные остатки эгейских предметов микенской керамики в трех этрусских центрах бронзового века — в Сан Джовенале, Луни на Мицьоне и в Монте Ровелло. Немногочисленность находок заставляет предполагать микенский импорт, который, следуя К. Остенбергу, осуществлялся греками на греческих судах, что обеспечивает реальность присутствия микенцев в районе Тосканы¹¹.

Привлекая свидетельства Иоанна Лиды, Перуцци пытается объяснить наличие точек между словами и внутри слов в этрусских текстах VII—IV вв. из Южной Этрурии и Кампании. В расстановке точек видна определенная система: они стоят либо после согласных в закрытых слогах (tar', halx'), либо после гласных, образующих слог (a'ra, i'ton). Такой же принцип силлабической пунктуации встречается и в венетской письменности, ведущей, по-видимому, начало от этрусского алфавита. Видные этрускологи уже обращали внимание на этот феномен. В частности, Феттер истолковал наличие этих точек как показатель того, что этруски пользовались первоначально каким-то слоговым письмом, созданным не для их языка. Однако какой была эта письменность, остается неясным: во всяком случае, некоторые считают, что это не было кипрское или линейное письмо *B*. По мнению Перуцци, Иоанн Лид, упоминая доэвандровы тексты, косвенно указывает именно на линейное письмо *B*. В качестве второго косвенного свидетельства Перуцци приводит лекиф из могилы Реголини-Галасси (VII в. до н. э.) с декорровкой в виде разделенных на слоги строк типа *ci sa ci se, vi va ue* и т. п. Оба приводимых Перуцци аргумента представляются нам заслуживающими внимания.

В небольшом экскурсе Перуцци касается вопроса о системе скорописи у римлян. Так, Валерий Проб, автор I в. н. э., рассказал о привычных сокращениях слов при записывании прений в сенате. Конкретные примеры сокращений в тексте песен Салиев привел Фест. Характерно, что они состояли не только из одной буквы, но и из группы начальных букв, т. е. слогов, типа *pa-parte*, *po-potissime* и т. п. Грамматик II в. н. э. Теренций Скавр писал, что буква *K* в латинском алфавите сохраняется в его время лишь потому, что служит привычным сокращением таких слов, как *Caput*, *Kalumpia*, *Kalendae*, *Caeso* (имя собственное). По свидетельству Скавра, сокращения производились в «слоговой цепи», т. е. в любом месте слова, а не обязательно в начале. Наблюдая подобное явление в монументальных надписях, Линдсей еще в прошлом веке предположил, что элементы скорописи отражают пережитки слогового письма у латинян, этрусков и венетов. Этрусколог Рикс высказал мнение о том, что этрусская пунктуация связана не с алфавитной, заимствованной у греков системой письма, а с иной, основанной не на фонеме, а на слоге. Следы этой системы письма Рикс безуспешно искал в финикийской и эгейской среде. Принимая во внимание, что ранние этрусские тексты обходятся без точек внутри слова, Перуцци приходит к заключению, что этрусская пунктуация не связана с силлабической письменностью. Она развилась с целью сокращений написания, подобно тому как это было и в Риме, на базе алфавитного письма. Именно это обстоятельство не позволяет связать этрусские ре-

¹¹ *Ostenberg. Op. cit., p. 248.*

лигивные тексты с пунктуацией эгейской слоговой письменности, что убедительно подкрепляет гипотезу Перуцци о присутствии греков в Этруррии в конце II тыс. до н. э.

Нам представляется, что значение рецензируемой работы выходит далеко за рамки отдельных частных выводов. Вероятное знакомство доэтрусской Тосканы с линейной письменностью В в сочетании с обнаруженными там микенскими керамическими и бронзовыми изделиями позволяет говорить о существенном культурном вкладе греков в развитие этого района и заставляет учитывать это обстоятельство при исследовании процесса формирования этрусской культуры.

Второе Приложение (с. 151—168) содержит полную сводку материалов микенского импорта в Центральную Италию, выполненную Лючией Ваньетти. Ею описаны археологические находки в Сан Джовенале, Луни на Миньоне, Монте Ровелло в Этруррии, в Пьедилуко-Контильяно в Умбрии, а также в Кампании, Апулии, Калабрии, на Эолийских островах, в Сицилии, Сардинии, в Северной Италии; составлена географическая карта находок, прослежена динамика развития контактов микенского мира с областями Апеннинского п-ова.

Большой интерес представляют зарисовки и фотографии фрагментов микенских и эгейско-кипрских предметов, обнаруженных в Италии, пилосских табличек, ритона и фрески, а также латинских урн-хижи и следов палатинской жилой хижины.

В заключение хотелось бы высказать некоторые замечания по поводу интересной и содержательной книги Э. Перуцци и прежде всего коснуться вопроса о культурном соотношении аборигинов и сабинян, трактовка которого, на наш взгляд, в книге Перуцци не вполне убедительна. Тем не менее обращение Перуцци к этой проблематике заставляет исследователей вновь сосредоточить внимание на решении вопросов, посвященных культурному значению сабинян в конце бронзового и начале железного века. Вызывает некоторое сомнение безоговорочное употребление автором таких этнонимов, как, аборигины и этруски. Дело в том, что из-за разноречивых свидетельств античной традиции аборигины трактуются в науке далеко не однозначно, и, вероятно, автору книги следовало бы оговорить свое понимание аборигинов. Относительно этрусков из контекста видно, что Перуцци определяет этрусскую принадлежность людей или элементов культуры в географическом смысле, но и на этом следовало бы остановиться специально. Иначе у читателя складывается впечатление, что этруски были современниками Эвандра, т. е. сосуществовали с микенскими греками, а если это так, то исследователь придерживается точки зрения об абсолютной автохтонности этрусков. Коротко говоря, хотелось бы, чтобы исходная позиция автора была более четко сформулирована. Вместе с тем, несмотря на ряд замечаний, необходимо отметить, что Перуцци настоящим исследованием внес существенный вклад в этрусскую проблему, собрал важный материал, характеризующий сложность и неоднородность этрусской культуры, доказал неоспоримое влияние микенского мира на Тоскану конца II тыс. до н. э. На основании подробного анализа разнородных источников с широким привлечением лингвистических данных Перуцци удалось осветить многие стороны жизни доримского Лация и доэтрусской Тосканы.

И. Л. Маяк

Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Fasc. XX. 25° Anniversario della decifrazione della Lineare B (1953—1978). Roma, 1979

Институт микенских и эгео-анатолийских изысканий при Национальном Исследовательском Совете Италии отметил 25-летие дешифровки линейного письма В изданием отдельного тома (70-го по счету) серии «Incunabula Graeca», посвятив его Майклу Вентрису. Опубликованная им в 1953 г. в содружестве с Джоном Чэдвиком статья «Свидетельство о греческом диалекте в микенских архивах»¹ ознаменовала рождение микенской филологии.

¹ Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives.— JHS, v. 73, 1953, p. 84—103.

Представляя юбилейный выпуск читателю, директор института проф. А. Саккони отмечает, что в нем собран материал, характеризующий успехи, достигнутые микенологией за истекшие 25 лет в различных областях критской письменности и древнейшей греческой цивилизации (с. 9). В небольшой вступительной статье «Свидетельство, спустя 25 лет» Дж. Чэдвик резюмирует итоги нелегкого пути, проложенного М. Вентрисом и пройденного за истекший период наукой. Дешифровка характеризуется им как величайшее достижение в области грецистики на всем протяжении нашего столетия. Касаясь уточнений, внесенных в последующие годы в «Экспериментальную силлабическую решетку» Вентриса, Чэдвик указывает, что из первоначально определенных для 65 слоговых знаков лишь четыре значения были подвергнуты сомнению. Знак *58 был определен как ϕ₂ вместо su; еще один знак до сих пор не уточнен: 79 как z?o₂; знак *16 сначала получил значение pa₂ и только впоследствии qa. В области морфологии внесено за рассматриваемый период мало изменений. Не было опровергнуто и большинство обнаруженных диалектных архаизмов, в том числе сравнительная степень прилагательных и активное причастие перфекта. Относительно немногие из идентифицированных греческих слов оказались под сомнением, хотя значение определенной их части до сих пор остается неясным. Так, например, термин wa-to, интерпретируемый ранее как *Waotós* «горожанин», теперь уточнен: это скорее название какой-то местности. Не очень расширился также список слов, обозначающих имена богов. Не произошло существенных перемен в определении позиции «микенского» диалекта. Следует считаться с наличием двух основных диалектных типов во II тыс.: «микенского», как такового, и общего предка дорийской диалектной группы, поскольку эолийский и ионийский диалекты уже послемикенского происхождения. Чэдвик высказывается за замену первоначального определения «микенского» диалекта как «древнеахейского» новым более нейтральным термином (с. 14). Основной вывод «Свидетельства» о том, что крито-микенские тексты написаны на греческом языке, по сей день остается непоколебимым.

Оставляя в стороне статьи диалектологического и лингвистического характера (М. Лежена, с. 53—68; Ж. Руэйга, с. 69—89; Э. Риша, с. 91—111; А. Баргонека, с. 112—130; П. Илиевского, с. 161—169; О. Семереньи, с. 207—226), попытаемся рассмотреть содержащиеся в рецензируемом томе вопросы, более близкие читателю-историку.

Проблеме издания крито-микенских текстов посвящено сообщение А. Саккони (с. 15—26). Идея создания корпуса критских документов принадлежит Эвансу, но оказалась осуществленной лишь частично: первый том «*Scripta Minoa*» был издан в 1909 г., второй — в 1952 г., третий вовсе не увидел света. Позднейшие открытия и особенно дешифровка линейного В вновь поставили в порядок дня вопрос о полной публикации как иероглифических текстов, так и текстов, написанных на линейном А и В. Прошло более 20 лет со времени принятия на первом микенологическом коллоквиуме во Франции (1956 г., Жиф-Сюр-Ивет) решения об издании корпуса текстов линейного В. Настало время осмотреться и оценить, что удалось выполнить. Корпус критских иероглифических текстов находится в процессе подготовки. Над его созданием трудится коллектив ученых в составе Ж. Пурса, Л. Годара и Ж. Оливье. Тексты на линейном А были изданы в 1945 и переизданы в 1963 г. Г. Каррателли. Впоследствии были найдены новые документы в Закросе, Арханес и Хании. Л. Годар и Ж. Оливье приступили к работе над подготовкой полного издания текстов линейного А в пяти томах. Первый будет содержать документы, обнаруженные до 1970, второй — материалы 1975 и 1976 гг. Особого внимания заслуживает положение с изданием надписей на линейном В.

Кносские тексты издавались четырежды, однако и последнее издание 1971 г.², охватывающее около 3200 табличек, является в настоящее время неполным, поскольку обнаруживаются все новые их обломки. Над созданием корпуса кносских текстов работают английские и итальянские микенологи во главе с Дж. Чэдвиком и А. Саккони. Пилосские таблички, впервые опубликованные в 1951 г. Э. Беннеттом, были переизданы им же в 1955 г. и К. Галлаотти и А. Саккони — в 1961 г. В настоящее время най-

² The Knossos Tablets. Fourth edition by J. Chadwick, J. T. Killen and J.-P. Olivier. Cambr., 1971.

более полным является двухтомное издание 1973—1976 гг., подготовленное Э. Беннеттом и Ж. Оливье³. Первыми дождался своего корпуса микенские тексты. Он охватывает таблички, обнаруженные на протяжении почти 18 лет (1950—1968 гг.). Подготовленное А. Саккони, это (пятое по счету) издание содержит впервые полную информацию о микенских текстах, включая их фотографии, транслитерацию и критический аппарат⁴. Что касается фиванских табличек, то они были изданы Л. Годаром и А. Саккони в 1978 г.⁵ В Тиринфе вплоть до 1977 г. было обнаружено лишь шесть фрагментов. Надписи на линейном *B*, найденные на вазах, были впервые опубликованы Г. Каррателли (1945 г.), затем Ж. Рэзоном (1968 г.). Издание, осуществленное А. Саккони в 1974 г., учитывает новый эпиграфический материал и содержит все сведения, представляющие интерес для историка и филолога⁶.

Л. Годар рассматривает в своей статье проблему линейного письма *A* (с. 27—37). Автор констатирует, что попытка слепого применения фонетических значений линейного *B* к соответствующим знакам линейного *A* оказалась безуспешной. Нет уже сомнения, что это две разные письменности, использованные двумя различными народами, в разное время появившимися на Крите. В то же время необходимо считаться и с некоторыми новыми научными данными. По мнению Эванса, иероглифическое письмо было первым критским письмом и на его основе возникли позднейшие *A* и *B*. Однако, как показали раскопки в Маллии (1923 и 1978 гг.), а также анализ архивных материалов из Феста (1955 г.), линейное письмо *A* произошло не из иероглифического. Оно имеет свое собственное лицо и существовало самостоятельно с начала критской дворцовой цивилизации. Сосуществование двух видов письменности — иероглифической и линейного *A* — было обусловлено различием в их использовании. Иероглифическое письмо применялось в Кноссе для дворцовых печатей из камня (около 70% всех надписей), а фестские документы на линейном *A* представляли собой глиняные таблички хозяйственного назначения. Когда исчезла потребность в печатях, иероглифическое письмо оказалось излишним, в то время как линейное *A* продолжало применяться вплоть до появления в Кноссе греческих владык. Эта новая концепция позволяет лучше объяснить ряд вопросов, связанных с интерпретацией и характером сохранившихся документов. Напоминаю, что линейное письмо *A* имеет много общего с линейным *B* (90% основных силлабограмм, одинаковые идеограммы и десятичная система), автор задается вопросом, откуда появилась эта общность. Он высказывает предположение, что линейное *B*, возникшее на греческом материке (при содействии минойских колонистов из Арголиды) за несколько столетий до падения микенских дворцов, имело более длительную историю, чем критское *B*, поскольку им пользовались в Микенах [в то время, когда минойские писцы продолжали писать на линейном *A* в канцеляриях Кносса, Закроса, Феста и Хании. Графическое единство линейного *B* в Микенах, Тиринфе, Фивах и Пилосе было связано с главенствующей ролью Микен не только в экономической и политической, но и в культурной жизни микенского мира; именно отсюда линейное *B* проникло в Мессению, Беотию и другие области греческого материка.

Говоря о попытках прочтения Фестского диска, Годар присоединяется к мнению Э. Барбер: дисковой текст слишком мал, чтобы дать основание для его достоверной дешифровки и интерпретации⁷. Одновременно Годар категорически возражает против сближения письма фестского диска с линейным *A*, к которому оно не имеет никакого отношения. Автор высказывается также против предположения о близости линейного *A* к кипроминойскому письму и считает, что остров Кипр не имел никаких контактов с Критом в середине II тыс. до н. э.

Происхождение линейного письма *B* — тема статьи Ж.-П. Оливье (с. 43—52). Автор напоминает, что начиная с Эванса среди исследователей утвердилось мнение о параллельном восхождении обеих систем критского письма — линейного *A* и *B* — к иероглифическому и относительно позднему образованию линейного *B*, более развитого и совершенного. Оба письма обслуживали один и тот же язык, а замена одного

³ Bennett E. L., Olivier J.-P. The Pylos Tablets Transcribed. I—II. Roma, 1973—1976.

⁴ Sacconi A. Corpus delle iscrizioni in lineare B di Micene. Roma, 1974.

⁵ Godart L., Sacconi A. Les tablettes en linéaire B de Thèbes. Roma, 1978.

⁶ Sacconi A. Corpus delle iscrizioni vascolari in lineare B. Roma, 1974.

⁷ Barber E. J. W. Archaeological Decipherment. Princeton, 1974.

другим объяснялась сменой династий в Кноссе. Вскоре выяснилось, и в этом немалая заслуга Э. Беннетта, что язык, обозначаемый линейным *A* и *B*, не один и тот же, хотя графическое сходство между ними несомненно. Оливье считает, что в настоящее время невозможно доказать и восхождение линейного *A* и *B* к иероглифической критской письменности, по крайней мере непосредственное. Стремясь пролить свет на происхождение линейного *B*, автор рассматривает последовательно три вопроса. Первый — когда возникло линейное *B*. Исходя из предположения, что потребность в письме могла возникнуть у микенских правителей лишь на довольно высоком уровне экономического развития, т. е. спустя несколько столетий после проникновения эллинских племен в материковую Грецию, относимого примерно к 2000 г., Оливье приходит к заключению, что линейное письмо *B* не могло быть создано ранее XVI в. до н. э. Второй вопрос — где возникло это письмо. Автор отклоняет распространенное мнение, будто бы линейное *B* было создано на греческом материке или островах Эгейского моря. Он полагает, что первая греческая письменность ведет свое начало от греческой торговой конторы или экономической миссии, действовавшей на Крите, возможно в окрестностях Кносса, приблизительно с 1600 г. до н. э. Для своих коммерческих нужд греки воспользовались одной из архаических форм линейного письма *A*, приспособив ее в XV в. к особенностям своего языка. Так возникло линейное *B*. Перенесенное затем на материк из этого единственного источника, оно, естественно, отличается единообразием в Пилосе и Микенах, Фивах и Тиринфе. Что касается текстов на линейном *B* из Кносса, то они на 70—100 лет моложе и в них ощущаются некоторые графические варианты, возникшие, надо полагать, в тот период, когда микенцы стали господствовать на Крите (1450 г.). Третий вопрос — почему греки изменили взятый ими за образец вариант линейного *A*. Линейное письмо *A* не было единым, оно использовалось в десятках разных местностей на протяжении более 250 лет. С какой из его разновидностей было связано линейное *B*, установить сегодня невозможно. Изменения имели место в числе и форме знаков (около 20 знаков линейного *A* было заменено в линейном *B*), в системе идеограмм и системе чисел (незначительные), в системе дробей (существенные), в формате табличек и их оформлении. Представляется вполне закономерным, что греки, обосновавшиеся в начале XVI в. до н. э. на Крите и испытывая нужду в письменности, обратились к находившемуся тогда в обращении линейному письму *A*. Внеся ряд модификаций, они приспособили его к специфике родного языка. Все эти «усовершенствования» произошли до перенесения линейного *B* на материк.

В сообщении Л. Баумбах подчеркивается рассмотрению вклад микенологии в изучение греческой религии бронзового века (с. 143—159). Несмотря на хозяйственно-архивный характер крито-микенских текстов, они оказались весьма полезными и для изучения ряда вопросов, относящихся к греческой религии. Неожиданными оказались, прежде всего, имена олимпийских богов, обнаруженные в табличках: Геры, Артемиды, Афины, Гермеса и Диониса. Имя Зевса в Пилосе и Кноссе служит подтверждением синкретизма критской и материковой религии. Процесс этот находился, однако, еще в стадии становления. Об этом свидетельствуют эпитеты будущих олимпийских богов: Аполлона — *Paiawon* и Ареса — *Eualios*. Встречаются и имена богов, относившихся к догреческому субстрату, — *Manasa* и *Pipituna*. До дешифровки бог Дионис считался поздним пришельцем в греческом пантеоне. К удивлению исследователей, его имя было обнаружено в пилосских табличках XIII в. до н. э. и, возможно, имело отношение к вину. Ученым пришлось отказаться от принятой этимологизации некоторых имен богов (например, Геры и Гермеса). Несомненным является присутствие в табличках имени Посейдона, хотя имеются предположения, что он был первоначально «владыкой земли». Привлекло внимание обнаруженное в табличках имя богини *Potnia*, известное в греческой литературе как эпитет богинь («царица, владычица»). Некоторые исследователи склонны отождествлять это имя с Деметрой (имени ее пока не обнаружено), иные с Артемидой или Афиной. Термины *ijegeu* «жрец» и *ijegeja* жрица указывают на присутствие служителей культа. В то же время нет в табличках сведений о самой культовой практике, об атрибутах и функциях богов.

Д. Маркоцци и М. Синатра анализируют круг вопросов, относящихся к географии Крита и, в частности, вклад микенологии в изучение географической ситуации на острове в период поздней бронзы (с. 171—182). На первом этапе дешифровки основное внимание было уделено интерпретации микенских терминов. Вентрису удалось иден-

тифицировать такие критские топонимы, как Кносс, Аптара, Фест, Амнис, Тилисс и др. В дальнейшем число обнаруженных топонимов достигло 50. Г. Гарт, анализируя расположение кносских топонимов, попытался установить их относительную связь и места расположения (1965 г.). Л. Пальмер выяснил наличие критских топонимов на микенских материковых вазах (1972 г.). А. Вильсон использовал сведения исторического и экономического характера для прояснения топонимической картины Крита и, в частности, определения его 27 важнейших местностей (1977 г.). На основании полученных данных удалось установить, что контроль со стороны кносского дворца осуществлялся главным образом над западной, центральной и южной областями острова.

Развитию микенской археологии посвящена статья *С. Хиллера* (с. 183—205). Дешифровка линейного письма В открыла новые горизонты не только для решения филологических, но и многих археолого-исторических проблем. Одна из них — время появления греков на материке. Поскольку тексты из микенских метрополий — Микен, Тиринфа, Пилоса и Фив — относятся приблизительно к XIII, а кносские — к XV столетию, стало очевидным, что присутствие греков в этом регионе следует относить скорее к началу II тыс. до н. э., чем к его середине. Дешифровка подтвердила присутствие дорийцев в микенском мире в период расцвета ахейских династий не только в Пилосе, Спарте и Микенах, но и в Аттике, Беотии, Фессалии и на островах. Был сделан новый шаг в изучении вопроса о распространении микенской культуры в северных и северо-западных областях Греции, о его однородности (в отличие от позднейшей разнородности), нашедшей подтверждение не только в археологическом материале, но и в обнаруженном языковом койне. Взаимодействие археологии и филологии в изучении выдвинутых микенологией вопросов представляется автору статьи весьма плодотворным и перспективным.

Заключительная статья «История у Гомера» принадлежит перу *А. Хойбека* (с. 227—250). Автор задается вопросом, насколько дешифровка линейного В способствовала подтверждению или опровержению «историзмов» гомеровского эпоса. Не подтвердилось основанное на так называемом Каталоге кораблей предположение о наличии прочного панахейского единства в период троянского похода. Существование независимых одно от другого дворцовых хозяйств (в Пилосе и Микенах, Кноссе и Фивах) говорит о том, что троянский поход был скорее временным военным союзом ряда самостоятельных греческих центров. Гомеровский каталог кораблей весьма неточно отражает реальное состояние политико-территориальной картины микенского мира и, как видно, он не имел отношения к микенским источникам. Этот вывод основан на сопоставлении гомеровских сведений о Мессении с данными крито-микенских текстов о пилосском царстве. В ряде случаев на изображении деталей троянской войны у Гомера сказывается более поздняя реальность VIII в. до н. э.: это относится к сфере военных действий, спортивных состязаний, к употреблению некоторых политических, социальных и хозяйственных терминов. Автор приходит к заключению, что сведения Гомера о микенской эпохе, как показали крито-микенские тексты, были зачастую весьма смутными и отрывочными. Поэт восполнял их своей богатой фантазией, а также заимствовал недостававшие сведения из более доступной ему послемикенской действительности.

Публикация юбилейного тома в ознаменование 25-летия дешифровки линейного письма В — явление отрадное в ряде отношений. Оно служит убедительным подтверждением научной ценности вентрисовского открытия, подводит итоги огромной работы, проделанной исследователями многих стран по изучению крито-микенских документов, и одновременно показывает, какое плодотворное влияние оказала дешифровка на развитие науки об античности в целом. Нет в настоящее время ни одной области знаний, соприкасающейся с изучением раннего греческого общества, где не использовались бы данные микенологии. Вместе с тем подведение итогов ее четвертьвекового становления позволило вновь напомнить о слабых местах дешифровки, невыясненных еще вопросах и нерешенных пока проблемах. Материалы юбилейного тома нацеливают исследователей на более тщательное изучение имеющихся источников, на углубление анализа полученных данных.

В заключение следует отметить, что рассмотренное издание — дань признательности выдающемуся исследователю. Систематическое обобщение бесценного вклада микенологии в изучение античности остается пока делом будущего. *Н. С. Гринбаум*

Книга канадских исследователей Эллен и Нила Вуд отличается от традиционных изложений истории греческой политической мысли. Одну из своих задач авторы видят в том, чтобы опровергнуть широко распространенный в науке взгляд на сократиков как на наиболее ярких выразителей идей афинской демократии. Подобная точка зрения, отмечают авторы, могла возникнуть лишь при отвлеченном подходе к изучению философии как системы идей, не имеющих отношения к реальной эпохе, в которой — и для которой — они возникли. Отчасти это вызвано высочайшим взлетом политической мысли Греции именно в период расцвета афинской демократии, отчасти — разграничением сфер истории, изучающей факты и особенности каждого периода, и философии, имеющей непреходящую ценность. Между тем, по мнению авторов, исторический анализ должен предшествовать философскому — непонимание этого приводит исследователи или к простому комментированию текста, или даже к его модернизации. Согласно этому выводу, в первой главе книги Э. и Н. Вуд предваряют изучение политических доктрин Сократа, Платона и Аристотеля кратким очерком истории становления древнегреческого полиса, основываясь на ряде работ послевоенной англо-американской историографии.

По мнению авторов, утверждение В. Эренберга о том, что сущность полиса представлена в творениях великих философов¹, противоречит его же взгляду на полис как единство граждан и государства, которое неизбежно предполагало равноправие и вело к установлению демократии². Демократия и равенство, выступающие в качестве конечной цели (*telos*) полиса, отсутствуют в трудах Платона и Аристотеля, которые сущность полиса связывали с аристократией и иерархией; их умозрительная модель идеального полиса представляла собой по сути ответную реакцию на принципы и социальные отношения реального полиса. Для доказательства этой мысли авторы обращаются к рассмотрению периода формирования государства в древней Греции, противопоставляя ойкос, определявший структуру общества в гомеровский период, и полис как зарождающийся общественно-политический и экономический центр.

На протяжении всей истории греческого полиса, отмечается в книге, можно наблюдать два тесно связанных между собой процесса: политизацию, становление гражданского общества, и демократизацию. Развитие специализированного общественного разделения труда и образование классов в древней Греции, как и везде, было враждебно родоплеменной организации; влияние демоса усиливалось по мере вытеснения принципа родовой общности новым, политическим принципом объединения. В то же время сохраняющиеся институты родового строя были орудием в руках правящего класса и опорой аристократической власти. Земледельческий ойкос сохранял многочисленные пережитки родового строя: объединение по принципу кровного родства, строгую иерархичность, верховную власть главы семьи в распределении продуктов труда или в праве суда над категориями зависимых людей. Аристократическая верхушка общин укрепляла свое господство монополией на землю и образовывала изолированную правящую группу, связанную узами гостеприимства и взаимопомощи. В то же время ойкосная система, основанная на территориальных связях, более разобщенная, чем родовая, отражала процесс индивидуализации собственности и способствовала формированию новой общности, основанной на принципах гражданства.

Авторы книги считают, что по мере роста экономического значения полиса как центра ремесленного производства и торговли он становится ареной борьбы демократических сил, подрывающих могущество глав общин. Подобно тому как ойкос был оплотом землевладельческой аристократии, полис становился постепенно источником экономического могущества и политической власти демоса.

Анализируя реформы Солона и Клисфена, авторы приходят к выводу, что они были направлены на подрыв родовых институтов, играющих ведущую роль в сплочении аристократии, и усиление позиций демоса. Этому способствовало установление статуса

¹ Ehrenberg V. *The Greek State.* 2nd ed. L., 1969, p. 101 f.

² *Ibid.*, p. 88.

гражданина, замена власти глав родов системой гражданского суда и зафиксированных законов, а также полное уничтожение долгового рабства.

Таким образом, утверждают Э. и Н. Вуд, аристократический по происхождению полис представлял собой тип социальной организации, отличающейся не только от предшествующей ему ойкосной структуры архаической Греции, но и от любого другого государственного объединения древности. Дворец или правитель в полисах Эллады были заменены общностью свободных граждан, не аристократическая элита, а совокупность гражданского населения представляла теперь государство; рост индивидуальной независимости был непосредственно связан с развитием полиса.

Греческое государство было уникальным не только по форме, но и по цели объединения. Во всех известных цивилизациях древнего мира государство служило практическим средством организации и присвоения результатов труда зависимого населения, обеспечивало господство класса эксплуататоров над классом непосредственных производителей. По утверждению авторов книги, демократический полис был первой в истории формой государства, в основе которого лежал прямо противоположный принцип. Греческий полис развивался не как организация для подавления трудящихся масс демоса, а как общность, консолидировавшаяся в борьбе угнетенного класса за свое освобождение. Авторы не отрицают роли государства — особенно спартанского — в организации господства над зависимым населением, и тем не менее, считают они, было бы неверным считать эту функцию государства наиважнейшей.

Ни один из греческих полисов никогда не обладал сложным и разветвленным бюрократическим аппаратом, использовавшимся в древневосточных государствах для контроля над подвластным населением и перераспределением общественного богатства. По мнению авторов, прямая демократия Афин служила наиболее полным выражением интересов гражданского коллектива, состоявшего в основном из мелких свободных производителей — крестьян, ремесленников, наемных рабочих.

В отличие от Спарты политические реформы в Афинах не провели резкой грани между зависимым угнетенным населением и высшим классом. Переворот в Афинах привел к образованию класса производителей, чья независимость основывалась не на свободе от труда, а на свободе выбора труда и на участии в самоуправлении. Рабовладение же было не причиной, а следствием особенностей развития Афинского государства: рабство стало играть важную роль в экономике именно потому, что другие формы зависимости были исчерпаны, — значение рабовладения росло вместе с прогрессом демократии.

Критически переосмысляя теории западных исследователей античности³ и пытаясь связать материал источников с некоторыми положениями марксистской философии, авторы при рассмотрении процесса становления древнегреческого полиса постоянно противопоставляют аристократию и демос в качестве классов — в то время как реальные отношения социальной действительности, по всей вероятности, были сложнее.

Первое, что следует отметить в рецензируемом исследовании, — это постоянное смещение классической и архаической Греции, полиса с развитой классовой структурой и общества, где едва ли можно говорить о сложившихся классах, но скорее о процессе их образования. Подход исследователей к изучению социальной структуры Афин во многом объясняется однозначной трактовкой процесса становления древнегреческого полиса: указанный авторами путь эволюции полиса был далеко не единственным и не основным.

Представление о зарождении полиса первоначально как своеобразного общественного центра, господствующего над сельской округой, где вершили суд и утверждали свою власть аристократические главы родов, дает авторам лишний аргумент для их концепции переворота, произведенного создающим свое государственное объединение демосом. Между тем данные археологии неопровержимо свидетельствуют о том, что у истоков раннегреческого полиса лежало рядовое земледельческое поселение со слабо

³ В работе, в частности, нашли отражение взгляды М. Финли (*Finley M. I. The Ancient Economy. Berkeley—Los Angeles, 1973*), А. Джонса (*Jones A. H. M. Athenian Democracy. Oxf., 1969*), В. Эренберга (*Ehrenberg V. The People of Aristophanes. N. Y., 1962*), Р. Моссе (*Mosse C. Athens in Decline. L., 1973*), В. Коннора (*Connor W. R. The New Politicians of Vth Century Athens. Princeton, 1971*).

выраженными различиями в застройке, «демократичной» по своему характеру ⁴. В основе формирования полиса был сивойкизм — слияние небольших первичных сельскохозяйственных общин в более крупные политические образования, — вызванный как экономическими факторами, так и необходимостью консолидации населения в ответ на угрозу извне. Эти уточнения не снижают значения вывода авторов об особенностях развития полиса на раннем этапе, в котором центральную роль сыграло сплочение различных групп демоса в борьбе против аристократии. Тем не менее следует подчеркнуть, что мы не вправе говорить здесь о классовом антагонизме с предельной поляризацией устремлений — мы можем только отметить, что в период сложного процесса классового образования в древней Греции победа демоса положила предел его закабалению аристократией и способствовала преодолению экономического неравенства между рядовым общинником и главой рода ⁵. Таким образом, произошел не распад общества на два враждебных класса, но приближение демоса к уровню аристократии и окончательное оформление единства гражданской общины как верховного земельного собственника, того уникального общественного организма, каким явился античный полис ⁶.

Следуя логике своих построений, Э. и Н. Вуд, на наш взгляд, допускают еще одну существенную ошибку: противопоставляя аристократию городским слоям демоса (причем в данное понятие включаются и мелкие ремесленники, и богатые предприниматели), авторы «забывают» о земледельческом демосе: он фигурирует только в главе, посвященной борьбе за отмену долгового рабства в эпоху Солона.

Видя в полисе прежде всего городскую структуру, в основе которой лежали ремесло и обмен, авторы книги невольно преуменьшают значение полиса как организации свободного крестьянства. Отсюда и проводимое ими резкое различие внутреннего устройства земледельческого ойкоса и полиса как двух типов организации экономики. В действительности же земледельческий демос был основной социальной опорой полисного строя, а ойкос являлся простейшим звеном, «кирпичиком», из которого складывалось хозяйство полиса.

Формирование системы ценностей античного полиса происходило в период его становления, поэтому в первую очередь в ней отразились мировоззрение и этические идеалы земледельческого демоса: *patrios politeia*, нравы предков, оставались высшим мерлом доблести и в последующие столетия ⁷. Мировоззрение классического полиса являло собой противоречивый и разновременный сплав идей: в нем, как неоднократно указывают сами авторы, могло сочетаться восхищение мастерством ремесленника с традиционной недооценкой его роли в экономике полиса, принижением роли образа жизни городского демоса по сравнению с соответствующим законам природы и независимым от других людей автаркичным хозяйством земледельца.

Стремясь проследить единую линию становления греческой политической теории от софистов и Сократа до школы Аристотеля, в отличие от ряда исследователей политической теории Греции ⁸, авторы не ограничиваются пересказом идей Аристотеля, комментированием и установлением связей его политических доктрин с кругом представлений античной философии. Их изложение подчинено задаче определить влияние политической борьбы IV в. до н. э. на формирование мировоззрения Аристотеля, проявившегося в идеологической направленности «Политики». Анализируя это произведение, авторы делают ряд интересных наблюдений о сложном характере социальной структуры Афинского общества, каким оно представлено в «Политике», о значении экономического фактора в жизни полиса, о столкновении различных категорий граждан внутри его. Однако общая оценка политической теории Аристотеля как аристократической, направленной против афинской демократии, не всегда позволяет авторам книги правильно интерпретировать эти данные.

⁴ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 25—31.

⁵ Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древних обществ. — В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1964, с. 3, 4; Зельин К. К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964, с. 249.

⁶ Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978, с. 55, 96.

⁷ Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979, с. 12, 13.

⁸ Barker E. Political Thought of Plato and Aristotle. N. Y., 1959; Sinclair T. A. A History of Greek Political Thought. Cleveland. N. Y., 1968.

В частности, авторы отмечают, что описываемая в I книге «Политики» модель ойкоса не является типичной для Афин IV в. до н. э., она далека от обычной организации хозяйства рядового афинянина. Из этого вывода следует, утверждают они, что Аристотель уделяет земледельческому ойкосу столь большое внимание потому, что он является необходимым условием существования аристократической системы родственных связей, унаследованной земельной собственности, всей организации жизни, не противоречащей законам природы. Между тем представления эти много шире, чем просто мировоззрение аристократии, и коренятся в общей системе ценностей полиса, аграрного по происхождению. Поэтому так много общего оказывается у патриархального ойкоса с организацией идеального полиса: принципы, лежавшие в основе первоначальной земледельческой гражданской общины, оказались смещенными по мере развития экономической жизни государства, и философ пытается воссоздать их в своем проекте наилучшего объединения граждан.

Указывая на черты сходства ойкоса и идеального полиса, авторы тем не менее проводят резкую грань между ними и реальным демократическим полисом, где широко были развиты ремесла и торговля и городской демос обладал значительными политическими правами. В рецензируемой книге они предстают как два диаметрально противоположных и враждебных друг другу принципа организации экономики и политической жизни. Этим объясняют авторы двойственную трактовку хрематистики как искусства приумножения состояния в I книге «Политики» Аристотеля. Аристотель недаром объединяет различные виды экономической деятельности одним понятием. Противоречия между собственностью, связанной с «природосообразными» формами хозяйства, и богатством, воплощенным в деньгах, не являются непримиримыми. Аристотель не мог не видеть проникновения товарно-денежных отношений в жизнь полиса. Автаркию, которую философ считал совершенным состоянием государства, невозможно было полностью осуществить на деле. Закономерно возникает обмен между отдельными семьями — он становится необходимым и на более высокой ступени государственного объединения. Архаическое государство земледельцев, ведущее на лоне природы жизнь, не знающую разрушительного влияния денег и торговли, остается идеальным образом прошлого. Для истинно независимого и процветающего государства оказывается нужной деятельность не только земледельца и воина, но и ремесленника и торговца⁹. Проект наилучшего государства у Аристотеля не является попыткой восстановления старой натуральной основы хозяйства полиса — для этого философ слишком реалистически настроен. Он призывает только помнить о высшей цели существования полиса — иначе государство может превратиться в своего рода торжище, и под влиянием корыстолюбия станут портиться нравы его граждан, что будет угрожать самому существованию правильной формы государственного строя; таким образом, философ пытается примирить противоречия в обществе, свидетельства о которых он донес до нас.

В заключение отметим, что, хотя не со всеми выводами авторов можно согласиться, исследование Э. и Н. Вуд затрагивает сложный комплекс проблем, не нашедших пока окончательного решения в науке об античности: образование системы ценностей полиса и ее трансформация в ходе исторического развития, а также вопросы взаимосвязи умозрительных философских построений с реальной действительностью в произведениях Платона и Аристотеля.

Е. В. Кувшинская

⁹ *Arist.*, Pol. IV, 3, 11 1290b 38—1290a 10; IV, 5, 2 1391b 15—18.

50-Й ТОМ «L'ANNÉE PHILOLOGIQUE»

Это общепризнанно: ни один серьезный специалист, работающий в области так называемых «классических древностей», будь то филолог, археолог, этнограф, языковед, литературовед, палеограф, папиролог, эпиграфист, нумизматолог, метролог, сигиллограф, историк античных обществ, древней философии, науки, религии, греческого и римского права, искусства и т. д. — короче, ни один серьезный античник не может обойтись в своей работе без библиографического ежегодника «L'Année philologique»,

50-й том которого (за 1979 г.) недавно увидел свет¹. Вот уже более полувека, как в этом ценнейшем справочнике приводятся сведения о практически любой выходящей в мире работе, прямо или косвенно относящейся к древней Греции и древнему Риму, включая все географические ареалы, куда проникало их влияние, — от Ирландии на западе до Индии на востоке, от Скифии на севере до Верхнего Египта на юге, и все времена, к ним относящиеся, — от предистории Балканского полуострова и Лациума до начала западного и византийского средневековья (условно отнесенного к 800 г. н. э.).

Все эти сведения тщательным образом расположены по рубрикам, темам, областям знания и т. д. Ежегодник состоит из двух больших частей. В первой, «Авторы и тексты», все работы, касающиеся сочинений тех или иных древних авторов (включая и издания этих сочинений), расположены в алфавитном порядке имен последних (причем имеются и коллективные авторские рубрики, например *Античная комедия*, *Комментаторы Платона*, *Латинская антология*, *Оракулы* и т. п. — всего около 100 рубрик), что позволяет мгновенно узнать все, что вышло нового об определенном писателе или тексте. Вторая часть подразделяется на 10 больших глав, в свою очередь распадающихся на более мелкие рубрики: I. История литературы, II. Лингвистика и филология, III. История текстов (сюда входят палеография, папирология и критика текстов), IV. Antiquités (т. е. археология, эпиграфика, нумизматика и др.), V. История, VI. Право, VII. Философия, VIII. Науки, техника, производство, IX. Les études classiques (гуманизм и его история; преподавание, развитие и центры наук об античности; библиография, учебники) и X. Сборники смешанного содержания. Часто одна и та же работа упоминается в нескольких местах, поскольку подпадает под несколько рубрик. Данные о статьях, вышедших в одном из изданий, перечисленных в «Указателе просмотренных периодических изданий» в начале ежегодника (их число перевалило за 900!), сопровождаются краткими аннотациями об их содержании, а названия книг — ссылками за все вышедшие рецензии о них. Ежегодник снабжен шестью указателями: коллективных рубрик первой части, древних имен, географических названий, имен гуманистов и представителей классической традиции, авторов работ.

Судить о нынешнем объеме «Анне филологик» позволяют следующие цифры: том XLVIII (за 1977 г.) сообщает о 13111 работах, том XLIX (1978) — о 12294, том L (1979) — о 12294 работах.

«Анне филологик» была основана Ж. Марузо в 1928 г. в качестве продолжения его «Десяти лет классической библиографии»², охватывавших 1914—1924 гг. Первый том (за 1924 г.) насчитывал 370 страниц (в 49-м их 970, в 50-м — 833). Уже через год, в 1929 г., Марузо перепоручил своей бывшей студентке Жюльетте Эрнст сначала часть работы, а затем и всю работу по составлению ежегодника. С тех пор и до настоящего времени доктор наук Ж. Эрнст — бессменный составитель и редактор «Анне филологик» (хотя Ж. Марузо и оставался почти до конца своих дней, до 1964 г., административным директором издания). Переоценить огромность проделанной ею за эти годы работы невозможно: сперва совсем одна (причем во время войны и оккупации Франции — невзирая на всевозможные трудности и препоны, отсутствие финансов и нарушение связей между учеными воюющих стран), затем, с начала 50-х годов, — при поддержке нескольких помощников, а в последнее время — благодаря бескорыстной помощи ученых и научных центров разных стран, она в течение 52 лет сумела обеспечить и до сих пор обеспечивает бесперебойный выход ежегодника³, т. е. своевременное опо-

¹ L'Année philologique. Bibliographie critique et analytique de l'Antiquité grecolatine (fondée par J. Marouzeau), publiée par Juliette Ernst et par Viktor Poeschl et William C. West, avec la collaboration de Marianne Duvoisin-Bammate, Pierre Langlois, Ingrid Robbe-Grillet, Claude-Lise Foult, Pierre-Paul Corsetti et Helga Gaertner. Tome L, Bibliographie de l'année 1979 et compléments d'années antérieures. Paris, Société d'édition «Les Belles Lettres», 1981, LXII + 833 p. Помимо своих обычных рубрик этот том содержит материалы, посвященные юбилею, в том числе статьи: *Grimal P.* Du bon usage des bibliographies (p. XVII—XX); *Ernst J.* L'Année philologique, notre aventure (p. XXI—XXXI), а также список библиографических работ Ж. Эрнст (с. XXXI—XXXII).

² Dix années de bibliographie classique (années 1914 à 1924), par J. Marouzeau, I et II parties. P., 1927—1928. 461 et 824 p.

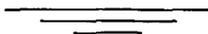
³ Исключением: тома XV (вышел в 1943 г.) и XVI (в 1946 г.), содержавшие библиографию за 1940—1941 и 1942—1944 гг. соответственно.

вещение ученого мира обо всем новом, что появляется в науке. Это ли не научный подвиг!

В 1965 г. «Анне филоложик» интернационализируется: создается ее Американское бюро (в Chapel Hill, при университете штата Северная Каролина), а затем, в 1972 г., — ее Гейдельбергское отделение (ФРГ). В первом обрабатываются работы, выходящие в США, Великобритании, Ирландии и в странах, входивших и входящих в (б. Британское) Содружество наций, во втором — работы, публикуемые в ФРГ, ГДР и Австрии. Со временем ежегодник приобрел постоянных помощников и в других странах: в Италии, Испании, Швейцарии, а с недавних пор — и в нашей стране. Начиная с тома XLVIII (за 1977 г.) пишущий эти строки в меру своих сил и возможностей составляет для «Анне филоложик» библиографию работ советских античников, до этого крайне плохо отраженных, так как лишь небольшая часть их попадала в поле зрения составителей.

До войны у ежегодника была соперница — «Bibliotheca philologica classica» (бывшая, однако, в отличие от детища Ж. Марузо и Ж. Эрнст *только* справочником), но в 1942 г. она прекратила свое существование. С этих пор и до настоящего времени «Анне филоложик» — единственное в мире издание, дающее быструю (с отставанием всего лишь на полтора-два года) и, главное, исчерпывающую и тщательно обработанную («критическую и аналитическую») библиографическую информацию о переднем крае наук, изучающих античность. Пожелаем же новых больших успехов этому не имеющему себе равных (как по количеству вложенного в него труда, так и по приносимой им пользе) изданию.

С. М.

НОВАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ЕГИПТОЛОГИИ

Библиографический обзор

XXI серия

1. РАСКОПКИ

- Aly el-Khouly. Excavations at the Pyramid of Userkaf, 1976: Preliminary Report.*— JEA, 64, 1978, p. 35—43; 1979 — JEA, 66, 1980, p. 46—47.
- M. Basta. Excavations West of Kôm Firin (1966—1967).*— CdE, 108, 1979, p. 183—196.
- M. Bietak. Tell el-Dab'a II. Der Fundort im Rahmen einer archäologisch-geographischen Untersuchung über das ägyptische Ostdelta.* Wien, 1975, 236 S.
- D. G. Jeffreys, E. Strouhal. North Saqqâra 1978—1979: The Coptic Cemetery Site at the Sacred Animal Necropolis. Preliminary Report.*— JEA, 66, 1980, p. 28—35.
- B. J. Kemp. Preliminary Report on the El-^cAmarna Survey, 1977—*JEA, 64, 1978, p. 22—34; 1978 — JEA, 65, 1979, p. 5—12.
- B. J. Kemp. Preliminary Report on the El-^cAmarna Expedition, 1979.*— JEA, 66, 1980, p. 5—16; 1980 — JEA, 67, 1981, p. 5—20.
- J. Leclant. Fouilles et travaux en Egypte et au Soudan, 1977—1978.*— Or, 48, 1979, 3, p. 340—412; 1978—1979.— Or, 49, 1980, 4, p. 340—420.
- G. T. Martin. Excavations at the Memphite Tomb of Horemheb, 1977. Preliminary Report.*— JEA, 64, 1978, p. 5—9; 1978 — JEA, 65, 1979, p. 13—16.
- «Preliminary Report of Czechoslovak Excavations in the Mastaba of Ptahshepses at Abusir». Prague, 1976, 126 p.
- H. S. Smith, D. G. Jeffreys. The North Saqqâra Temple-Town Survey: Preliminary Report for 1976/77.*— JEA, 65, 1978, p. 10—21.
- H. S. Smith, D. G. Jeffreys. The «Anubeion», North Saqqâra: Preliminary Report, 1977—1978.*— JEA, 65, 1979, p. 17—29; 1978—1979 — JEA, 66, 1980, p. 17—27.
- M. Valloggia. La Fouille du mastaba V de Balat (Oasis de Dakhleh)* — BSFE, 84, 1979, p. 6—20.
- M. Verner. Excavations at Abusir. Season 1978/1979: Preliminary Report.*— ZÄS, 107, 1980, 2, p. 158—169.
- M. Verner, V. Hašek. Die Anwendung geophysikalischer Methoden bei der archäologischen Forschung in Abusir.*— ZÄS, 108, 1981, 1, S. 68—84.
- P. Vernus. Douch Arraché aux sables.*— BSFE, 85, 1979, p. 7—21.
- A. P. Zivie. Une tombe amarnienne à Saqqârah.*— BSFE, 84, 1979, p. 31—32.

II. ПУБЛИКАЦИИ

- B. Adams. Egyptian Objects in the Victoria and Albert Museum.* Warminster, 1977.
- Aly El-Khouly. An Offering Table of Sesostrie I from El-Lisht.*— JEA, 64, 1978, p. 44.
- H. Altenmüller (Rec.): A. Badawy. The Tomb of Nyhetep-Ptah at Giza and the Tomb of Ankhmahor at Saqqâra (Berkeley, 1978, 61 p.).*— BiOr, 36, 1979, 5/6, p. 311—315.
- R. D. Anderson, W. Y. Adams et alii. Qasr Ibrîm 1978.* — JEA, 65, 1979, p. 30—41.
- Al. Badawy. The Tombs of Heti, Sekhem-^cnh Ptah and Kaemnofert at Giza.* Los-Angeles — London, 1976, 36 p.
- J. Berlandini. La Pyramide «ruinée» de Sakkâra — Nord et le roi Ikhaouhor-Menkaouhor.*— RdE, 31, 1979, p. 3—28.
- M. Bietak, E. Reissner-Haslauer. Das Grab des Anch-Hor: Oberst-hofmeister der Gottesgemahlin Nitokris.* Wien, 1978.
- K. Bosse-Griffiths. Some Egyptian Bead-work Faces in the Wellcome Col-lection at University College, Swansea.*— JEA, 64, 1978, p. 99—106.

- K. Bosse-Griffiths. Two Lute-Players of the Amarna Era.*— JEA, 66, 1980, p. 70—83.
- A. Brack. Das Grab des Tjanuni. Theben № 74.* Mainz a. R., 1977, 112 S. (BJI).
- E. Brešciani. Un nuove usciabti del preposto al sigillo Horsaisi soprannominato Psamtek-em-akhet.*— SCO, XXX, 1980, p. 57—60.
- H. Bruñner (Rec.): T. G. James. Corpus of Hieroglyphic Inscriptions in the Brooklyn Museum.*— WO, VIII, 1976, 2, S. 319 (BJI).
- W. Brun sch. Holzbrett BM 29423: Abrechnung über Ziegel.*— Or, 50, 1981, 3, p. 246—248.
- R. Burleigh, J. Clutton-Brock. A Sacrificial Bull's Head from Illahun.*— JEA, 66, 1980, p. 151—152.
- W. V. Davis. Two Inscribed Objects from the Petrie Museum.*— JEA, 67, 1981, p. 175—177.
- C. E. Derriks, J. Quaegebeur. La situle décorée de Nesnakhetiou au Musée Royal de Mariemont.*— CdE, 107, 1979, p. 26—57.
- D. Devauchelle. Un cautionnement démotique: P. Dém. Leconte.*— RdE, 30, 1978, p. 67—73.
- D. Devauchelle. Le papyrus démotique Louvre E 9415. Un partage de biens.*— RdE, 31, 1979, p. 29—35.
- J. McDonald. An Eighteenth-Dynasty Linen in the Museum of Fine Arts, Boston.*— JEA, 67, 1981, p. 56—60.
- C. J. Eyre. An Account Papyrus from Thebes.*— JEA, 66, 1980, p. 108—119.
- T. H. M. Falkes. An Egyptian Mummy in the Bijbels Museum, Amsterdam.*— JEOL, 26, 1979/1980, p. 35—38.
- A. Farid. Blocks from Temple of Thutmosis III at Dakka.*— CdE, 107, 1979, p. 1—7.
- F. Filce Leak. Eutropius Niloticus.*— JEA, 64, 1978, p. 121—122.
- F. Filce Leak. Observation on a Collection of Crania from the Mastabas of the Reign of Cheops at Giza.*— JEA, 66, 1980, p. 36—45.
- H. G. Fisher. Two Old Kingdom Inscriptions Restored.*— JEA, 65, 1979, p. 42—46.
- H. G. Fisher. Deux stèles villageoises du Moyen Empire.*— CdE, 109—110, 1980, p. 13—16.
- H. G. Fisher. Notes on Two Tomb-chapels at Giza.*— JEA, 67, 1981, p. 166—167.
- E. Freier. Vier Siegel der Frühzeit im Leipziger Museum.*— ZÄS, 107, 1980, 1, S. 52—56.
- I. Gamber-Wallert (Rec.): 1) —J. Assmann. Das Grab des Basa (nr. 389) in der thebanischen Nekropole.*— WO, IX, 1977, 1, S. 155; 2) —W. Barta. Untersuchungen zur Göttlichkeit des regierenden Königs.— Ibid., S. 157; 3) —E. Edel. Die Felsgräbernekropole der Qubbet et Hawa bei Assuan.— Ibid., S. 158. (BJI).
- R. Gillam. A Statuette of the God Kek at University College. London.*— JEA, 67, 1981, p. 185—187.
- H. Gutsch. Das Grab des Benjagen. Pahegamen. Theben, Nr. 343.* Mainz, 1978, 51 S., Ill.
- J. Gwyn Griffiths. The Striding Bronze Figure of Osiris-I'ah at Lyon.*— JEA, 65, 1979, p. 174—175.
- R. Hart (Rec.): R. W. Smith, D. B. Redford. The Akhenaten Temple Project. Vol. I: Initial Discoveries.*— CdE, 107, 1979, p. 85—89.
- S. Ho dj a sch. Ein Skaraboid mit einer weiblichen Sphinx aus dem Staatlichen Puschkin-Museum, Moskau.*— ZÄS, 106, 1979, 2, S. 132—137.
- S. I. Ho dj a sch, O. D. Berlev. A Market-scene in the Mastaba of Dodo-meh (Tp-m-nh).*— Altorientalische Forschungen, 1980, 7, S. 31—49.
- M. A. Hoffmann. A Rectangular Amratian House from Hierakonpolis.*— JNES, 39, 1980, 2, p. 119—138.
- R. M. Hall. Two Linen Dresses from the Fifth Dynasty site of Deshashe...*— JEA, 67, 1981, p. 168—170.
- Ch. In sle y. A Bronze Statuette of Unnūfer, Choachyte of King F'arsi-se, in the Fitzwilliam Museum.*— JEA, 65, 1979, p. 167—169.

- M. J o n e s.** *The Royal Lion-hunt Scarab of Amenophis III in the Grosvenor Museum, Chester (Chester 429.F./1930).*— JEA, 65, 1979, p. 165—166.
- L. K á k o s y.** *Amulette avec représentations de décans au Musée de Beaux-Arts.*— BMHB, 52, 1979, p. 3—10 (= *Dekán amulett a Szépművészeti Museumban.*— Ibid., p. 109—113).
- B. J. K e m p.** *Wall Paintings from the Workmen's Village at El-Amarna.*— JEA, 65, 1979, p. 47—53.
- K. A. K i t c h e n.** *Documentation additionnelle sur Iouny (RdE, 28, 156—8).*— RdE, 30, 1978, p. 168.
- W. K ö r n f e l d.** *Neues über die phönikischen und aramäischen Graffiti in den Tempeln von Abydos.* Wien, 1978, 12 S. 11 Taf.
- B. L a v e r g r e n.** *Reconstruction of a Shoulder Harp in the British Museum.*— JEA, 66, 1980, p. 165—167.
- B. L e t e l l i e r.** *La cour à pérystyle de Thoutmosis IV à Karnak.*— BSFE, 84, 1979, p. 33—49.
- M. A. L i t t a u e r, J. C r o u w e l.** *An Egyptian Wheel in Brooklyn.*— JEA, 65, 1979, p. 107—120.
- A. B. L l o y d.** *Two Figured] Ostraca from North Saqqâra.*— JEA, 64, 1978, p. 107—112.
- D. A. L o w l e.** *Two Monuments of Perynefer, a Senior Official in the Court of Ramesses II.*— ZAS, 107, 1980, 1, p. 57—68.
- J. M á l e k.** *Imset (I) and Hepy (H) Canopic Jars of Neferseshem-psammethetk.*— JEA, 64, 1978, p. 138—140.
- J. M á l e k.** *A Shawabti of the Draughtsman Pay of Deir el-Medinâ.*— RdE, 31, 1979, p. 153—156.
- J. M á l e k.** *«Good as New» Canopic Jars.*— CdE, 109/110, 1980, p. 64—66.
- J. M á l e k.** *Two Problems Connected with New Kingdom Tombs in Memphite Area.*— JEA, 67, 1981, p. 156—165.
- A. J. M i l l s.** *Two Sekhmet Statues at Trewithen in Cornwall.*— JEA, 65, 1979, p. 166.
- J. M o n t a g u.** *One of Tutankhamun's Trumpets.*— JEA, 64, 1978, p. 133.
- K. M y ś l i w i e c.** *An Illustration of the Coffin Text on a Roman Cartonnage.*— JEA, 66, 1980, p. 171—172.
- S. A. N a g u i b.** *A Middle Kingdom Stela in Oslo.*— CdE, 109/110, 1980, p. 17—22.
- L. M c. 'N a u g h t.** *A Small Inscribed Vessel of Senenmut.*— JEA, 65, 1979, p. 163—164.
- J. R. O g d o n.** *A Bes Amulet from the Royal Tomb of Akhenaten at El-Amarna.*— JEA, 67, 1981, p. 178.
- R. A. P a r k e r, J. L e c l a n t, J.-C. G o y o n.** *The Edifice of Taharqa by the Sacred Lake of Karnak.* L., 1979, X + 95 p., ill., 22 pl.
- W. H. P e c k.** *Two Seated Scribes of Dynasty Eighteen.*— JEA, 64, 1978, p. 72—75.
- S. P e r n i g o t t i.** *Addendum à Ciennehebu.*— AEgyptus, 58, 1978, I/II, p. 102—105.!
- B. P e t e r s o n.** *Ein Kuschitischer Osiris.*— OS, 27/28, 1978/1979, p. 28—30.
- P. P o s e n e r - K r i é g e r.** *A Letter to the Governor of Elephantine.*— JEA, 64, 1978, p. 84—87.
- P. R a m o n d.** *Un Socle pour une Statuette de Thot (Collection Pierre Ramond no. 70—146).*— JEA, 65, 1979, p. 169—171.
- J. D. R a y.** *Observations on the Archive of Hor.*— JEA, 64, 1978, p. 103—120.
- J. R u f f l e.** *A Staff of the Princess's Butler, Thutmosis.*— JEA, 64, 1978, p. 132.
- G. R ü h l m a n n.** *Altägyptische Skarabäen.*— Altertum, 27, 1981, 3, S. 177—185.
- M.-L. R y h i n e r.** *Un fragment d'inscription hiéroglyphique trouvé à Leptis Magna.*— RdE, 30, 1978, p. 172—174.
- M. S a l e h.** *Three Old-Kingdom Tombs at Thebes. I. The Tomb of Unas-Ankh № 413; II. The Tomb of Khenty № 405; III. The Tomb of Ihy № 186.* Mainz a. R., 1977, 280 p., pl. (BJJ.)

- A. M. A. H. *S a y e d*. *The Recently Discovered Port on the Red Sea Shore*.— JEA, 64, 1978, p. 69—71.
- A. M. A. H. *S a y e d*. *Observations on Recent Discoveries at Wādī Gawīss*.— JEA, 66, 1980, p. 154—156.
- A. R. *S c h u l m a n*. *Two Unrecognized Monuments of Shedjuneferem*.— JNES, 39, 1980, 4, p. 303—312.
- E. J. *S h e r m a n*. *Djedhor the Saviour, Statue Base OI 10589*.— JEA, 67, 1981, p. 82—102.
- H. S. *S m i t h*. *The Fortress of Buhen: The Inscriptions*. L., 1976, XII + 255 p., 42 pl.
- H. M. *S t e w a r d*. *Egyptian Stelae, Reliefs and Paintings from the Petrie Collection, p. I.— The New Kingdom*. Warminster, 1976, X + 72 p.
- E. *S t r o u h a l*. *Comment on the Paper of J. J. Castillos (RdE, 28, 48—60)*.— RdE, 31, 1979, p. 157.
- S. *T r o l l e*. *An Egyptian Head From Camirus*.— AcOr (København), 49, 1979, p. 139—150.
- B. *V a c h a l a*. *Ein weiterer Grabkegel Mentuemhets*.— ZÄS, 107, 1980, 1, S. 87.
- B. *V a c h a l a*. *Ein interessantes Relieffragment mit Familienszene aus Abusir*.— ZÄS, 107, 1980, 1, S. 88.
- B. *V a c h a l a*. *Neue Salbölpaletten aus Abusir*.— ZÄS, 108, 1981, 1, S. 61—67.
- E. *V a r g a*. *Un cercueil anthropoïde de la Basse époque*.— BMHB, 51, 1978, 41—54. (= *Egy Késői kori mumiakoporso*.— Ibid., p. 185—191).
- J. *V e r c o u t t e r*. *Mirgissa III. Les nécropoles. Deuxième partie*. P., 1976, 314 p.
- P. *V e r n u s*. *Un hymne à Amon, protecteur de Tanis, sur une tablette hiéroglyphique (Catro, J. E. 87889)*.— RdE, 31, 1979, p. 101—119.
- W. A. *W a r d*. *The Scarabs from Tholos B. at Platanos*.— AJA, 85, 1981, 1, p. 70—73.
- Z. *W y s o c k i*. *The Upper Court Collonade of Hatshepsut's Temple at Deir el-Bahri*.— JEA, 65, 1980, p. 54—59.
- J. *Y o y o t t e*. *Un Souvenir d'un grand-prêtre memphite en Cyrénaïque*.— RdE, 30, 1978, p. 174—175.
- C. *Z i e g l e r*. *La fausse-porte du prince Kanefer «fils de Snefrou»*.— RdE, 31, 1979, p. 120—134.
- A. P. *Z i v i e*. *Une empreinte de sceau d'Époque Sainte*.— RdE, 30, 1978, p. 175—177.
- A. P. *Z i v i e*. *Une Tombe d'époque amarnienne à Saqqârah*.— BSFE, 1979, 84, p. 21—22.
- A. P. *Z i v i e*. *La Tombe d'un officier de la XVIIIe dynastie à Saqqâra*.— RdE, 31, 1979, p. 135—151.
- J. M. J. *Z o n h o v e n*. *The Inspection of a Tomb at Deir el-Medinâ (O. Wien Aeg. I.)*.— JEA, 65, 1979, p. 89—98.

ИСТОРИЯ

- F. *k r i A. H a s s a n*. *Radiocarbon Chronology of Archaic Egypt*.— JNES, 3), 1980, 3, p. 203—208.
- E. *E n d e s f e l d e r*. *Beobachtungen zur Entstehung des altägyptischen Staates*.— EAZ, 22, 1981, 2, S. 233—240.
- W. *B a r t a*. *Die Chronologie der 1. bis 5. Dynastie nach den Angaben des rekonstruierten Annalensteins*.— ZÄS, 108, 1981, 1, S. 11—23.
- M. *S m i t h*. *A Second Dynasty King in demotic Papyrus of the Roman Period*.— JEA, 66, 1980, p. 173.]
- W. B. *E m e r y*. *The Tombs of the First Pharaohs*.— In: *Hunters, Farmers, and Civilizations. Old World Archeology*. San Francisco, 1979, p. 218—224.
- W. *H e l c k*. *Die Datierung der Gefäßaufschriften aus der Djoser-Pyramide*.— ZÄS, 106, 1979, 2, S. 120—132.
- G. *M a t t h i a e S c a n d o n e*. *Su un Titolo di Snofru*.— SCO, XXX, 1980, p. 139—142.
- N. *K a n a w a t i*. *The Egyptian Administration in the Old Kingdom: Evidence on its Economic Decline*. Warminster, 1977, III + 165 p.

Ж. Леклан. Влияние Азии и Африки на Египет в период Нового Царства.—Новости ЮНЕСКО. П., 1981, № 4, с. 1—3.

M. L. Bierbrier. *The Date of the Destruction of Emar and Egyptian Chronology*.—JEA, 64, 1978, p. 136.

C. J. Eyre. *The Reign-Length of Ramesses VII*.—JEA, 66, 1980, p. 160—170.

C. A. R. Andrews. *A family for Anhai?*—JEA, 64, 1978, p. 88—89.

D. Henige. *Generation-counting and Late New Kingdom Chronology*.—JEA, 67, 1981, p. 182—183.

A. Sayed. *Relations de l'Égypte avec le reste de l'Afrique*.—NGA, p. 133—152.

R. Givon. *The Impact of Egypt on Canaan*.—Göttingen, 1978, 134 p.

G. Hölbl. *Die Ausbreitung ägyptischen Kulturgutes in den ägäischen Raum vom 8. bis zum 6. Jh. v. Chr.*—Or, 50, 1981, 2, p. 186—192.

J. v. Beckerath. *Zur dritten Zwischenzeit, Ägyptens*.—OLZ, 74, 1979, 1, S. 5—9.

B. L. Coff. *Symbols of Ancient Egypt in the Late Period: The Twenty-first Dynasty*. The Hague, 1979, XXV + 309 p., 44 pl.

W. Witkowski. *The Origins of the Jewish Colony at Elephantine*.—OS, 27—28, 1978, p. 34—43.

T. Holm-Rasmussen. *On the Statue Cult of Nektanebos II*.—AcOr (Copenhagen), XL, 1979, p. 11—20.

H. Maehler, ed. *Das Ptolemäische Ägypten (Akten des Int. Symp. 27—29 Sept. 1976 in Berlin)*. Mainz am Rhein, 1978, 281 S., 26 pl.

J. K. Winnicki. *Ptolemäerarmee in Thebais*. Wrocław, 1978, 108 p.

J. W. Barns. *Egyptians and Greeks*. Bruxelles, 1978, 23 p. (BJI).

G. Nachtergaeel. *Bérénice II, Arsinoë III et l'offrande de la boucle*.—CdE, 109/110, 1980, p. 140—153.

J. D. Ray. *Harmachis the High Priest in Memphis: Wilkinson's Copy of BM 391*.—JEA, 66, 1980, p. 170—171.

J. Quaegebeur. *Les prêtres éponymes des années 230/229 et 171/170 av. J. C.*—CdE, 109/110, 1980, p. 254—261.

G. Bastianini. *Successioni nella prefettura d'Egitto*.—AEgyptus, 58, 1978, I/II, p. 168—171.

Н у б и я

M. Sherif Nagm-el-Din. *La Nubie avant Napata (3100 à 750 avant notre ère)*.—HGA, p. 259—294.

K.-H. Priese. *Matrilineare Erbfolge im Reich von Napata*.—ZÄS, 108, 1981, 1, S. 49—53.

T. Säve-Söderbergh. *The Scandinavian Joint Expedition to Sudanese Nubia: A. J. C. Jacobsen Memorial Lecture*. København, 1979, 53 p., ill.

W. Y. Adams. *Ecology and Economy in the Empire of Kush*.—ZÄS, 108, 1981, 1, p. 1—11.

B. J. Peterson. *Ein kuschitischer Osiris*.—OS, 27/28, 1978—1979, p. 28—30.

A. J. Spalinger. *Abu Simbel and other Ramesside Temples in Nubia*.—JEA, 1980, p. 83—99.

«Курьер ЮНЕСКО», 33, 1980, март-апрель: 1) Т. Сэве-Сёдерберг. *Нубия от исторических времен до фараонов*; 2) У. И. Адамс. *От царства Куш до эпохи ислама*; 3) Ф. Домà. *Таинство Исиды и Осириса*; 4) Ж. Веркуттер. *Затопленные крепости Нубии*; 5) Хр. Дерош-Ноблькур. *Величие Абу-Симбела*; 6) Ш. А. Мохаммед. *Памятники Нубии спасены: Судан*. 20 стр., илл.

S. Wenig. *Africa in Antiquity. The Arts of Ancient Nubia and the Sudan*.—EAZ, 21, 1980, 1, S. 151—153.

A. Spalinger. *Addenda to «Reign of King Chabbash: An Interpretation» (ZÄS, 105, 1978, p. 142—154)*.—ZÄS, 107, 1981, 1, p. 87.

L. Török. *To the History of the Dodekaskhænenos between ca. 250 B. C. and 298 A. D.*—ZÄS, 107, 1980, 1, p. 76—88.

F. W. H i n k e l. *Pyramiden im Sudan. Der Königliche Nordfriedhof von Meroe.*— *Altertum*, 26, 1980, 2; S. 77—88.

C h. O n a s c h. *Das Meroitische Pantheon. Untersuchungen zur Religion in Kusch.*— *EAZ*, 21, 1980, 2, S. 259—265.

S t. J a k o b i e l s k i. *Nubian Christian Architecture.*— *ZÄS*, 108, 1981, 1, p. 33—48.

/ . M. D e m i c h e l i. *I regni cristiani di Nubia et i loro rapporti col mondo bizantino.*— *AEgyptus*, 58, 1978, I/II, p. 177—208.

Общие труды

A. A b u B a k r. *L'Égypte pharaonique.*— *HGA*, p. 73—106.

C. A l d r e d. *Le temps des Pyramides. De la préhistoire aux Hyksos.* P., 1978, 353 p., ill.

L. C a s s o n. *Ägypten. Die Pharaonenreiche.* Hamburg, 1978, 188 S., ill. (Ереван. Респ. Биб-ка).

C h. A. D i o p. *Origine des anciens égyptiens.* *HGA*, p. 39—72.

A. D o b r o v i t s. *Egyptom és az antik világ.* Вр., 1979, 202 p. (ВГБИЛ, сб. ст. о Египте).

I. G a m m e r - W a l l e r t (Rec.): C. V a n d e r s l e y e n. *Das alte Ägypten.*— *WO*, X, S. 117.

L. K á k o s y. *Re fiai: Az okori Egyiptom tortenete és kultúrája.* Вр., 1979, 446 p., ill., 58 pl. (ВГБИЛ. Ист. и культура Египта).

B. J. K e m p. *Egyptian Radiocarbon Dating: a Reply to James Mellaart.*— *Antiquity*, 54, 1980, № 210, p. 25—28.

G. M o k h t a r, ed. *Afrique ancienne.*— *HGA*, v. 2, p. 1980, 925 p., ill.

B. R u s z c z y c. *Dziecko w starożytnym Egipcie.*— *Meander*, 34, 1979, 5/6, s. 229—235.

R. T e f n i n. *Image et histoire. Reflexions sur l'usage documentaire de l'image égyptienne.*— *CdE*, 108, 1979, p. 218—244.

A. W e i g a l l. *Histoire de l'Égypte ancienne.* P., 1979, 247, p., ill.

V. Z a m a r o v s k y. *Bohové a králové starého Egypta.* Praha, 1979, 405 p., ill. (ВГБИЛ).

IV. ЭКОНОМИКА. ПРАВО

S. A l l a m. *Un droit Pénal Existait-il Stricto Sensu en Égypte Pharaonique?* — *JEA*, 64, 1978, p. 65—68.

S. A l l a m. *Quelques aspects du mariage dans l'Égypte ancienne.*— *JEA*, 67, 1981, p. 116—135.

I. B i e ž u ň s k a - M a ł o w i s t. *L'esclavage dans l'Égypte Gréco-Romaine. Pt. 2. Période Romaine.* Wrocław, 1977, 198 p.

R. B o g a e r t, *Les reçus d'impôts thébain en argent des IIe et IIIe siècles.*— *CdE*, 109/110, 1980, p. 284—305.

C. C h a d e f a u d. *Donations de terres et culte des statues pharaoniques au Nouvel Empire (1580—1085 av. J. C.).*— *Information historique*, 41, 1979, 3, p. 107—114.

E. C r u z - U r i b e. *A Sale of Inherited Property from the Reign of Darius I.*— *JEA*, 66, 1980, p. 120—126.]

F. D a u m a s. *Les textes géographiques du trésor du temple de Dendara.*— *STE*, 2, 1979, p. 689—705.

E. E n d e s f e l d e r. *Zu einiger Aspekten der ökonomischen Entwicklung in der frühdynastischen Zeit Ägyptens.*— *Altorientalische Forschungen*, 1980, 7, S. 5—29.

I. F. F i c h m a n. *Die spätantike ägyptische Stadt Oxyrhynchos. Ein sozialökonomischer Abriss.*— *Altertum*, 25, 1979, 3, S. 177—182.

H. G o e d i c k e. *Cult-temple and «State» during the Old Kingdom in Egypt.*— *STE*, 1, p. 113—131.

J. J. J a n s s e n. *Kha'emtöre, A Well-to-do Workman.*— *OMRO*, LVIII, 1977, p. 221—232.

J. J. J a n s s e n. *The Role of the Temple in the Egyptian Economy during the New Kingdom.*— *STE*, 2, 1979, p. 505—515.

- J. M. Kruchten. L'évolution de la gestion domaniale sous le Nouvel Empire Egyptien.*— STE, 2, p. 517—525.
- D. Lorton. Towards a Constitutional Approach to Ancient Egyptian Kingship.*— JAOS, 99, 1979, 3, p. 460—465.
- E. Martin-Pardéy. Untersuchungen zur ägyptischen Provinzialverwaltung bis zum Ende des Alten Reiches.* Hildesheim, 1976, XX + 246 S.
- D. Meeks. Les donations aux temples dans l'Égypte du Ier millénaire avant J.-C.*— STE, 2, 1979, p. 605—687.
- O. Montevecchi. Endogamia e cittadinanza in Egitto.*— Aegyptus, LIX, 1979, I — II, p. 137—144.
- R. El-Nadoury. Le legs de l'Égypte pharaonique.*— HGA, p. 153—190.
- G. M. Parassoglou. Imperial Estates in Roman Egypt.* Amsterdam, 1977, 117 p., ill.
- P. Posener-Kriéger. Les papyrus d'Abousir et l'économie des Temples funéraires de l'Ancien Empire.*— STE, 1, 1979, p. 133—151.
- F. Steinmann. Untersuchungen zu den in der handwerklich-künstlerischen Produktion beschäftigten Personen und Berufsgruppen des Neuen Reichs.*— ZÄS, 107, 1980, 2, S. 137—157.
- M. Valloggia. Recherche sur les «messagers» (wpwtwy) dans les sources égyptiennes.* P., 1976, XXVIII + 316 p.
- St. V. Wångstedt. Demotische Quittungen über Salzsteuer.*— OS, 27/28, 1978/1979, S. 5—27.
- St. V. Wångstedt. Demotische Quittungen über Ölsteuer.*— OS, 29, 1980, S. 5—26.
- J. Yoyotte. Égypte pharaonique. Société, économie et culture.*— HGA, p. 107—108.

V. РЕЛИГИЯ

- J. Assman. Eine Traumoffenbarung der Göttin Hathor.*— RdE, 30, 1978, p. 22—50.
- H. Altenmüller (Rec.): J. Assman. Zeit und Ewigkeit im Alten Ägypten.*— WO, X, 1979, S. 115. (БЛ).
- J. F. Aubert. Chaoubtis, chabtis et ouchebtis.*— CdE, 107, 1979, p. 57—72.
- P. Barquet. Remarques sur quelques scènes de la salle du sarcophage de Ramses VI.*— RdE, 30, 1979, p. 51—56.
- W. Barta. Funktion und Lokalisierung der Zirkumpolarsterne in den Pyramidenexten.*— ZÄS, 107, 1980, 1, S. 1—4.
- E. Blumenthal (Rec.): W. Barta. Zur Göttlichkeit des regierenden Königs in Ägypten.*— OLZ, 73, 1978, 6, S. 533.
- B. Briar, M. V. L. Bennet. Autopsies on Fish Mummies.*— JEA, 65, 1979, p. 128—133.
- Fr. Le Corsu. Isis. Mythe et Mystères.* P., 1977, X + 318 p. (Rec: V. Wessetzky. BiOr, 34, 1979, 1/2, p. 34—35).
- W. J. Darby, P. Chalioungui, L. Grivelet. Food: The Gift of Osiris, v. 1—3.* L., 1977, 877p.
- Ph. Derchain. Miettes (suite).*— RdE, 30, 1978, p. 57—66.
- M. T. Derchain-Urtel. Synkretismus in ägyptischer Ikonographie: die Göttin Tjebbet.* Wiesbaden, 1979, 86 S. (БЛ).
- M. Dewachter. Le type n°2 du Corpus des cones funéraires.*— RdE, 31, 1979, p. 152—153.‡
- J. van Dijk. The Birth of Horus According to the Ebers Papyrus.*— JEOL, 26, 1979/1980, p. 10—25.
- M. Dorresse. Le dieu voilé dans sa chaise et la fête du début de la décade (suite).*— RdE, 31, 1979, p. 36—65.
- R. Giveon. Resheph in Egypt.*— JEA, 66, 1980, p. 144—150.
- E. Graefe. Noch einmal Osiris-Lunus.*— JEA, 65, 1979, p. 171—173.
- W. Guglielmi. Lachen und Weinen in Ethik, Kult und Mythos der Ägypter.*— CdE, 109/110, p. 69—86.

- L. K á k o s y. *Egyptom: es antik csillaghit.* Вр., 1978, 347 p. (ВГБИЛ. Астрология в Египте).
- L. K á k o s y. *A Memphite Triad.*— JEA, 66, 1980, p. 48—55.
- H. K e e s. *Der Götterglaube im alten Ägypten.* 3. Auflage. B. 1977, XIV + 501 S., 5 Taf., ill. (ВГБИЛ).
- B. E. K l a k o w i c h. *Osirian funeral Concept in an Etruscan Tomb.*— Or, 48, 1979, 3, p. 332—334.
- J. L a u f f r a y. *Karnak d'Égypte: Domaine du divin. Dix ans de recherches.* {P., 1979, 246 p., ill.
- U. L u f t. *Beiträge zur Historisierung der Götterwelt und der Mythenschreibung.* Budapest, 1978, 278 S.
- M. J. M a a r t e n. *Papyrus-sheaths and Ptah-Sokar-Osiris Statues.*—OMRO, LIX/LX, 1978/1979, p. 251—297.
- J. M á l e k. *A Non-existent Epithet of Memphite Hathor.*— JEA, 67, 1981, p. 184.
- A. S. M e r c a t a n t e. *Who's who in Egyptian Mythology.* N. Y., 1978, XXI + 231 p. (ГПИБ).
- «Pears Encyclopedia of Myths and Legends». [3]: S h. S a v i l l. *The Orient.* L., 1977, 247 p., 4 pl., ill.
- S. P e r n i g o t t i. *A Proposito di Sais e delle sue divinita.*— SCO, XXVIII, 1978, p. 223—235.
- B. B. P o w e l l. *What Juvenal Saw in Egyptian Religion and Antropophagy in «Satire».*— Rheinisches Museum für Philologie (Frankfurt a. M.), 122, 1979, 2, S. 185—189.
- B. V. R i n s v e l d. *La prophétie du moribond. Naissance et mort d'un mythe.*— Aegyptus, 60, 1980, I—II, p. 73—92.
- D. R o s a l i e. *Cult of the Sun: Myth and Magic in Ancient Egypt.* Dent, 1980, 208 p., ill., XII pl.
- H. S c h l ö g l. *Der Sonnengott auf der Blüte. Eine ägyptische Kosmogonie des Reiches.* Genève, 1977, 72 p.
- C h. S e e b e r. *Untersuchungen zur Darstellung des Totengerichtes im Alten Ägypten.* München — Berlin, 1976, 271 S. (ГПИБ).
- D. E. S m i t h. *The Egyptian Cults at Corinth.*— Cambridge (Mass.). Harvard Theological Review, 70, 1977, 3/4, p. 201—250.
- F. S o l m s e n. *Isis among the Greeks and Romans.* L., 1979, XI + 157 p.
- S. T h o m a s. *The «Well» in King's Tombs of Bibân el-Molúk.*— JEA, 64, 1978, p. 80—83.
- C. T r a u n e c k e r. *Manifestations de piété personnelle à Karnak.*— BSFE, 85, 1979, p. 22—31.
- H. t e V e l d e. *Towards a Minimal Definition of the Goddess Mut.*— JEOL, [26, 1979/1980, p. 3—9.
- H. t e V e l d e. *A Few Remarks upon the Religious Significance of Animals in Ancient Egypt.*— Numen, 27, 1980, 1, 76—82.
- B. V a n d e W a l l e. *Survivances mythologiques dans les coiffures royales de l'époque atonienne.*— CdE, 109/110, 1980, p. 23—36.
- R. V a n W a l s e m. *The psš-kf, An Investigation of an Ancient Funerary Instrument.*— OMRO, LIX/LX, 1978/1979, p. 173—250.
- L. B o n g r a n i - F a n f o n i. *Intorno uno strumento funerario arcaico: il psš-kf.*— SCO, XXVIII, 1978, p. 133—140.
- J. A. W e s t. *Serpent in the Sky: the High Wisdom of Ancient Egypt.* L., 1979, 253 p., ill.
- W. W e s t e n d o r f, hrsg. *Aspekte der spätägyptischen Religion.* Wiesbaden, 1979, 115 S.
- G. W i s s a - W a s e f. *Les rites funéraires en Égypte.*— Afrique et Asie, 1980, 127, p. 56—62.
- R. E. W i t t. *Isis in the Graeco-Roman World.* L., 1971, 336 p.
- J. Y o y o t t e. *Apopsis et la Montagne Rouge.*— RdE, 30, 1978, p. 147—150.
- L. W. Ž a b k a r. *Adaptation of Ancient Egyptian Texts to the Temple Ritual Philae.*— JEA, 66, 1980, p. 127—136.

Л и т е р а т у р а

- J. A s s m a n. Harfnerlied und Horussöhne.*— JEA, 69, 1979, p. 54—77.
E. B l u m e n t h a l. [Die Lehre für König Merikare.— ZÄS, 107, 1980, 1, S. 5—41.
E. B l u m e n t a l. Darstellung und Selbstdarstellung des Ägyptischen Königtums. Untersuchungen zur Schriftlichen Überlieferung des Mittleren Reiches.— EAZ, 20, 1979, 1, S. 79—94.
H. B r u n n e r. Zur Datierung der «Lehre eines Mannes an seinen Sohn».— JEA, 64, 1978, p. 142.
H. B r u n n e r. Vita brevis, ars longa.— ZÄS, 107, 1980, 1, S. 42—45.
A. C o d y. O. S. B. The Phoenician Ecstatic in Wenamun.— JEA, 65, [1979,] p. 99—106.
J. L. F o s t e r. Sinuhe: The Ancient Egyptian Genre of Narrative Verse.— JNES, 39, 1980, 2, p. 89—118.
J. L. F o s t e r. The Conclusion to the Testament of Ammenemes, King of Egypt [OIC 13 636].— JEA, 67, 1981, p. 36—45.
M. V. F o x. Two Decades of Research in Egyptian Wisdom Literature.— ZÄS, 107, 1980, 2, p. 120—135.
M. V. F o x. The Cairo Love Songs.— JAOS, 100, 1980, 2, p. 101—110.
M. V. F o x. «Love» in the Love Songs.— JEA, 67, 1981, p. 181.
V. L. D a v i s. Remarks on M. V. Fox's «The Cairo Love Songs».— JAOS, 100, 1980, 2, p. 111—115.
M. G i l u l a. Pyr. 604c—d and Westcar 7/17—19.— JEA, 64, 1978, p. 45—51.
E. I v e r s e n. The Chester Beatty Papyrus, № 1, Recto XVI, 9 — XVII, 13.— JEA, 65, 1979, p. 78—88.
D. B. R e d f o r d. A Note on Shipwrecked Sailor 147—8.— JEA, 67, 1981, p. 174.
A. S h i s h a - M a l e v y. A propos of a New Edition of the Instruction for King Merikare.— Or, 49, 1980, 2, p. 195—198.
P. V e r n u s. Littérature et autobiographie. Les Inscriptions de S3—Mwt surnommé Kyky.— RdE, 30, 1978, p. 115—146.
R. J. W i l l i a m s. The Sages of Ancient Egypt in the Light of Recent Scholarship.— JAOS, 101, 1981, 1, p. 1—20.
A. P. Z i v i e. Les carrières et la butte de Yak.— RdE, 30, 1978, p. 151—162.¶

А р х и т е к т у р а

- L. R. B o r c h a r d t. Die Wohnhäuser in Tell el-Amarna. B., 1980, 350 S. (БЛ).*
M. D e w a c h t e r. A propos de quelques édifices méconnus de Karnak — Nord.— CdE, 107, 1979, p. 8—25.
P. L a c a u, H. C h e v r i e r. Une Chapelle d'Hatshepsout à Karnak. P., 1977.
O. N e u g e b a u e r. On the Orientation of Pyramids.— Centaurus, 24, 1980, ¶ p. 1—3.
J. O b a d á k. Einige Erkenntnisse über die Pyramide von Medum. Ein Diskussionsbeitrag.— ZÄS, 107, 1980, 1, S. 63—71.

И з о б р а з и т е л ь н о е и с к у с с т в о

- E. S. B o g o s l o v s k y. Hundred Egyptian Draughtsmen.*— ZÄS, 107, 1980, 2, p. 89—116.
W. M. D a v i s, Plato on Egyptian Art.— JEA, 65, 1979, p. 121—127.
W. M. D a v i s, Egypt, Samos, and the Archaic Style in Great Sculpture.— JEA, 67, 1981, p. 61—81.
M. D e w a c h t e r. A propos de deux groupes monumentaux de Karnak.— BSFE, 87/88, 1980, p. 18—30.
E. F i n k e l s t a e d t. Regional Painting Style in Prehistoric Egypt.— ZÄS, 107, 1980, 2, p. 116—120.
H. G. F i s h e r. Quelques prétendues antiquités de l'ancien Empire.— RdE, 30, 1978, p. 78—95.
G. A. G a b a l l a. Narrative in Egyptian Art. Mainz am Rhein, 1976, XII + 167 p.

S. A. Goudsmit. *The Backview of Human Figures in Ancient Egyptian Art.*— JNES, 40, 1981, 1, p. 43—46.

E. Iversen. *Canon and Proportions in Egyptian Art.* Warminster, 1975, 94 p.

H. W. Peck. *Drawings from Ancient Egypt.* L., 1978, 208 p., ill. (БЛ).

B. de Rachewiltz. *Incontro con l'arte egiziana.* Milano, 19—, XII, 209 p., ill., 55 pl.

A. Roccati (Rec.): M. Malaise, *Les Scarabées de cœur dans l'Égypte ancienne.*— Or, 49, 1980, 4, p. 421—422.

C. Vandersleyen. *De l'usage du relief dans le creux à l'époque ramesside.*— BSFE, 86, 1979, p. 16—38.

Р е м е с л о

P. Charvát. *The Bes Jug. Its Origin and Development in Egypt.*— ZÄS, 107, 1980, 1, p. 46—52.

M. H. Gale, Z. A. Stos-Gale. *Ancient Egyptian Silver.*— JEA, 67, 1981, p. 103—115.

J. B. Lambert, D. M. Laughlin. *Analysis of Early Egyptian Glass by Atomic Absorption and X-Ray Photoelectron Spectroscopy.*— Archaeological Chemistry, Washington, 1978, vol. II, p. 189—199.

T. Martini. *Mosaic Glass: a Correction.*— JEA, 64, 1978, p. 141.

E. Teeter. *Enameling in Ancient Egypt?*— AJA, 85, 1981, 3, p. 319.

M. Vilimkova. *Pektorialien in Form von Tutankhamuns ersten Namen Nbhprw-R^c und ihre Varianten.*— In: Annales of the Naprstek Museum, (Praha), 1980, p. 163—168.

VII. ЯЗЫК

G. Andreu, S. Cauville. *Vocabulaire absent du Wörterbuch (II).*— RdE, 30, 1978, p. 10—21.

G. Andreu. *An Etymological Problem.*— JEA, 65, 1979, p. 166—167.

A. M. Bakir. *Some Remarks on Nominal Patterns in Middle-Egyptian.*— JEA, 64, 1978, p. 130.

M. L. Beirbrier. *Terms of Relationship at Deir el-Medfna.*— JEA, 66, 1980, p. 100—107.

D. Bonneau. *Souscription Greque du F. Dém. Leconte 1.*— RdE, 30, 1978, p. 74—77.

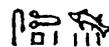
J. F. Borghouts. *A New Grammar of Late Egyptian.*— BiOr, 36, 1979, 1/2, p. 3—10.]

F. de Cénival. *Le Système verbal démotique.*— CdE, 109/110, 1980, p. 87—101.

J. E. Borghouts. *Relative Clause Formation in Late Egyptian.*— JNES, 40, 1981, 2, p. 99—118.

E. Doret. *The Reading of the Negation* .— JEA, 1979, p. 161—163.]

E. Doret. A] *Note on the Egyptian Construction «Noun + sdm•f».*— JNES, 39, 1980, 1, p. 37—46.

E. Edel. *sipw «Springer»,⁵ als Berechnung der Mugiliden. Der älteste Beleg für die Anlage von Mugilidenteichen zur Vorratshaltung.*— Or, 1980, 2, p. 204—207.

R. O. Faulkner. *«Liaison» n between -n and wi.*— JEA, 64, 1978, p. 129.

R. O. Faulkner. *Coffin Texts III, 317 r.: a Correction.*— JEA, 65, 1979, p. 161.

R. O. Faulkner. *Abnormal, or Coptic Writings in the Coffin Texts.*— JEA, 67, 1981, p. 173.

H. G. Fisher. *Another Example of the Verb nh «Shelter».*— JEA, 64, 1978, p. 131.

H. G. Fisher. *An Important Lacuna in Ranke's «Personennamen»: the Tomb of Rnnl.*— JEA, 66, 1980, p. 157—159.

H. G. Fisher. *Addenda to «Five Inscriptions of the Old Kingdom» (ZÄS, 105, 1978, p. 42—59).*— ZÄS, 107, 1980, 1, p. 86—87.

M. G. *Peasant B[141—145].*— JEA, 64, 1978, p. 129.

- M. G ö r g. *Lexicalisches zum Papyrus Berlin 10463*.— JEA, 66, 1980, p. 160.
- M. G r e e n. *Aspects of inn*.—Or, 1980, 1, p. 1—29.
- W. H e l c k. «200 persea-Bäume» im Pflanztempel von Memphis?— JEA, 64, 1978, p. 157.
- F. J u n g e. «Emphasis by anticipation» im Mittelägyptischen Verbalsatz.— RdE, 30, 1978, p. 96—100.
- M. K o r o s t o v t s e v (Rec.): P. J. Frandsen. *An Outline of the Late Egyptian Verbal System*.— BiOr, 34, 1977, 3/4, p. 171—174.
- A. L e a h y. «Harwa» and «Harbes».— CdE, 109/110, 1980, p. 43—63.
- J. M á l e k. *Spt in Urk. IV, 23,9*.— RdE, 30, 1978, p. 168—171.
- J. M á l e k. *Chicago, Or. Inst. 8798, 3/4 and Cairo CG 34057, 12—13*.— JEA, 66, 1980, p. 168.
- A. N i b b i. *The STT Sign*.— JEA, 64, 1978, p. 56—64.
- M. A. N u r - e l - D i n. «Liaison» n Reconsidered.— JEA, 66, 1980, p. 153.
- O. P e r d u. *La proposition hft et les temporelles non-concomitantes*.— RdE, 30, 1978, p. 101—114.
- P. A. P i c c i o n e. *In Search of the Meaning of Senet*.— Archaeology, 33, 1980, 4, p. 55—58.
- R. K. R i t n e r. *Khababash and the Satrap Stela — a Grammatical Rejoinder*.— ZÄS, 107, 1980, 2, p. 135—137.
- G. R o b i n s. *The Relationships specified by Egyptian Kinship Terms of the Middle and New Kingdoms*.— CdE, 108, 1979, p. 197—217.
- G. R o s a t i - C a s t e l l u c c i. *L'onomastica del Medio Regno come mezzo di datazione*.— Aegyptus, LX, 1980, p. 3—72.
- B. S c h m i t z, *Zur Bedeutung von* (u. ä.) *hrd.f.*— ZÄS, 108, 1981, 1, S. 53—60.
- D. P. S i l b e r m a n n. *An Emphasized Object of a Nominal Verb in Middle Egyptian*.— Or, 49, 1980, p. 199—203.
- A. J. S p e n c e r. *Two Enigmatic Hieroglyphs and their Relation to the Sed-Festival*.— JEA, 64, 1978, p. 52—54.
- P. S p e n c e r. *Sbht as a Term for Wooden Screen*.— JEA, 66, 1980, p. 161—163.
- A. S p a l i n g e r. *The Negative* and *in the Piye (Piankhy) Stela*.— RdE, 31, 1979, p. 66—80.
- M. T h i r i o n. *Notes d'onomastique. Contribution à une révision de Ranke, PN*.— RdE, 31, 1979, p. 81—96.
- M. V e r n e r. *Neue Papyrusfunde in Abusir*.— RdE, 31, 1979, S. 97—100.
- W. A. W a r d. *The Middle Kingdom Title T}w, «Journeyman, Trainée»*.— ZÄS, 107, 1980, 2, p. 170—174.
- W. A. W a r d. *Middle Egyptian sm}yt «archive»*.— JEA, 67, 1981, p. 171—172.

Коптский язык

- R. G. C o q u i n. *Le «Corpus Canonum» copte. Un nouveau complément: le ms IFAO, copte 6*.— Or, 50, 1981, 1, p. 40—86.
- R. G. C o q u i n (Rec.): J. Leroy. *Les manuscrits coptes et copte-arabes illustrés*.— BiOr, 34, 1977, 3/4, p. 184—190.
- J. G. G r i f f i t h (Rec.): W. Schenkel, *Kultmythos und Märtyrerlegende. Zur Kontinuität des ägyptischen Denkens (Wiesbaden, 1977, 135 S.)*.— BiOr, 34, 1979, S. 36—27.
- E. L u c c h e s i. *Un «hapax» grec retrouvé en copte (shenoutien)*.— JEA, 64, 1978, p. 141.
- O. F. A. M e i n a r d u s. *Eine koptische Darstellung des Sündenfalls*.— OS, 29, 1980, S. 27—31.
- S. P e r n i g o t t i. *Il codice copto [Nuovi papiri magici]*.— SCO, XXIX, 1979, p. 19—54.

H. M. Schenke (Rec.): A. Böhlig, F. Wisse Nag Hammadi Codices III, 2 und IV, 2. *The Gospel of the Egyptians*.— OLZ, 74, 1979, 1, S. 18—23.

A. Shisha—Halévy. A Shenoutean Pun and the Preservation of a Precoptic Lexemic Distinction.— JEA, 64, 1978, p. 141.

A. F. Shore. Extracts of Besa's Life of Shenute in Sahidic.— JEA, 65, 1979, p. 134—143.

VIII. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Библиография

C. Balconi e. a. l. *Bibliografia metodica degli studi di egiptologia e di papirologia (№ 4564—5901)*.— Aegyptus, LX, 1980, p. 289—336.

C. Balconi e. a. l. *Testi Recentemente pubblicati... Testi literari copti; testi magici copti; documenti copti (№№ 15647—15663)*.— Aegyptus LX, 1980, p. 264—265.

F. Le Corsu. *Bibliographie de Michel Malinine*.— RdE, 30, 1978, p. 7—9.

C. McEvedy. *The Penguin Atlas of Ancient History*. Harmondsworth, 1979, 96 p.

H. Fischer. *Bibliographie von Arbeiten zur Wirtschafts- und Socialgeschichte des Altertums*.— Jahrb. fur Wirtschaftsgeschichte, 1980—1981, S. 213—234.

I. Gammerr-Waller. *Nofretari, Eine Dokumentation der Wandgemälde ihres Grabes*.— WO, VIII, 1975, 1, S. 110 (БЛ).

J. J. Janssen. *Annual Egyptological Bibliography*. 1975. Leiden, 1979, 252 p.

W. Helck. *Lexicon der Ägyptologie. Bd. 2*. Wiesbaden, 1975—1979. (ЛБАН).

A. B. Lloyd. *Indexes of Journal of Egyptian Archaeology. V. № 55—55*.— JEA, 65, 1979, p. 176—192.

«Luxor Museum of Ancient Egyptian Art, Catalogue». Cairo, 1979, XV + 219 p. (БЛ).

E. P. Uphill. *The Bibliography of Thomas Eric Peet (1882—1934)*.— JEA, 65, 1979, p. 144—150.

«Varia: A): — Authors and Articles; B) — Books Reviewed; C) — Words and Phrases Discussed».— JEA, 65, 1979, p. 193—203.

История науки

E. Blumenthal. *Ägyptologie in Leipzig bis zum Zweiten Weltkrieg*.— WZKMU, 28, 1979, 1, S. 119—110.

M. Bietak. *The Present State of Egyptian Archaeology*.— JEA, 65, 1979, p. 156—160.

M. Dewachter. *L'Histoire moderne du papyrus de Neferoubenef (P. Louvre № 3092 + E. 35565)*.— CdE, 109/110, 1980, p. 37—42.

J. M. Goby. *Ingénieurs, «temoins utiles» de l'expédition d'Égypte (1798—1801)*.— In: *La France du Nord de 1610 à nos jours*. P., 1978, p. 255—268.

H. Kischkewits. *Die Ägyptologen Richard Lepsius, Heinrich Brugsch und Georg Ebers und ihre Stellung zu Zeitfragen*.— SMB FB, 20/21, 1980, S. 89—100.

B. Peterson. *Ein Besucher in Tell el-Amarna 1837*.— OS, 27/28, 1978/1979, p. 31—33.

K. M. Pickavance. *The Pyramids of Snofru at Dashur. Three XVIIth Century Travellers*.— JEA, 67, 1981, p. 136—147.

G. Poethke. *Georg Ebers und Jena*.— [ZAS, 107, 1980, 1, S. 71—76.

Д. Вара. *У начала истории письменности*. Пер. с венгерского. Будапешт, 1979, 159 с.

Хроника

«Editorial Foreword».— JEA, 64, 1978, p. 1—4; 65, 1980; p. 1—4; 66, 1981, p. 1—4; 67, 1981, p. 1—4.

G. T. Martin, W. V. Davies. *Current Research for Higher Degrees in Egyptology, Coptic and Related Studies in the United Kingdom, № 3*.— JEA, 64, 1978, p. 148—149; № 4 — JEA, 65, 1979, p. 145.

J. Leclant. *Bilan du IIe Congrès International des égyptologues Grenoble, 10—15 septembre 1979*.— BSFE, 86, 1979, p. 8—16.

J. L e c l a n t. *Troisième symposium de la Société des Etudes Nubiennes, Cambridge, 3—8 Juillet 1978.*— Or, 1979, 4, p. 529—530.

«Liste des thèses V» [1978—1979].— BSFE, 85, 1979, p. 32; BSFE, 86, 1979, p. 39—44.

T. O r l a n d i. *Second International Congress of Coptic Studies.*— Or, 48, 1979, 4, p. 531.

G. P o s e n e r. *Le Papyrus Vandier: Lecture faite dans la séance publique annuelle du 24 novembre 1978.* P., 1978, 12 p.

W. B. R e i n e c k e, ed. *First International Congress of Egyptology. Cairo. October 2—10, 1976.* B., 1979, 704 p., 50 pl. (БЖ).

«Information: The 3^d International Congress of Egyptology in Toronto, Canada, 5—6 September 1982».— JEA, 67, 1981.

Музеи

D. O' C o n n o r, D. S i l v e r m a n n, D. B. [R e d f o r d, E. B r i n t o n, J. R. C o x e a. o. *The University Museum in Egypt.*— Expedition, 21, 1979, 2 [Special Number]: I. The PAST: Introduction; 1. The University, the Museum, and the Study of Ancient Egypt; 2. The Museum in the Field; 3. The Egyptian Collection; 4. The Egyptian Antiquities Organization — p. 4—45. II. The PRESENT: 1. Abydos: The University Museum and Yale University Expedition; 2. The U. M. Expedition to Dra Abu El Naga; 3. The U. M. Excavations at the Palace-City of Malkata; 4. The Akhenaten Temple Project and Karnak Excavations; 5. The Pennsylvania-Yale Giza Project — p. 46—63.

J. B o u r r i a u. *Egyptian Antiquities Acquired in 1976 by Museums in the United Kingdom.*— JEA, 64, 1978, p. 123—127; in 1977 — JEA, 65, 1979, p. 151—155; in 1978 — JEA, 66, 1980, p. 137—143; in 1979 — JEA, 67, 1981, p. 149—155.

E. B r e s c i a n i. *La collezione egizia nel Museo Civico di Bologna.* Ravenna, 1978.

«Guide to the Petrie Museum of Egyptian Archaeology». L., Univ. College, 1978, 18 p.

W. M ü l l e r. *Ägyptisches Museum und Papyrussammlung.*— SMB FB, 20/21, S. 640—642.

«Staatliche Sammlung Ägyptischer Kunst. Neuerwerbungen».— MJBK, XXX, 1979, S. 199—206; XXXI, 1980, S. 259—264.

C h. K. W i l k i n s o n. *Egyptian Wall Paintings: The Metropolitan Museum's Collection of Facsimiles.*— MMAB, XXXVI, 1979, 4, p. 1—56, ill.

Некрологи

E. B r e s c i a n i. *In memoria di Michela Schiff Giorgini († 3.VII.1978).*— SCO, XXIX, 1979, p. 13—14.

H. S. S m i t h. *The Reverend Dr. Anthony J. Arkell († 26.II.1979).*— JEA, 67, 1981, p. 143—148.

Н. Е. Семпер

Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром» в древности и средневековье»*

7—12 декабря 1981 г. в Москве состоялась Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье», организованная Государственным музеем искусства народов Востока и Всесоюзным научно-исследовательским институтом реставрации Министерства культуры СССР. Конференция была приурочена к 20-летию работы совместной экспедиции Института востоковедения АН СССР, Института археологии АН УзССР и учреждений Министерства культуры СССР на Кара-тепе (буддийский культовый центр первых веков н. э. на городище Старого Термеза, Узбекская ССР). Этому же событию была посвящена и выставка «Древности Кара-тепе», открытая в Гос. музее искусства народов Востока.

В работе конференции приняли участие специалисты из республик Средней Азии (Ташкент, Ашхабад, Душанбе), Закавказья (Баку, Ереван, Тбилиси), РСФСР (Уфа, Махачкала, Орджоникидзе, Ростов-на-Дону, Краснодар), научных центров Москвы и Ленинграда. За время работы конференции было прочитано и обсуждено 65 докладов.

Пленарное заседание открыл *Б. Я. Ставиский* (Москва), который посвятил свое выступление основным итогам работ 1961—1981 гг. на Кара-тепе. За это время были получены данные, позволившие установить характер памятника и поставить ряд общих вопросов. В результате исследований удалось выяснить, что этот буддийский культовый центр Термеза кушанского времени включал десятки отдельных комплексов со сложной системой пещерных и наземных помещений. Докладчик отметил, что расположение буддийского комплекса под защитой внешней стены Термеза, а также некоторые эпиграфические находки позволяют говорить о связи Кара-тепе с высшей кушанской властью. Свидетельством этого является и богатое убранство помещений комплекса. Айваны дворцов и пещерные храмы Кара-тепе нередко украшала монументальная орнаментальная и сюжетная живопись. В святилищах, храмах и дворах найдены фрагменты каменной, ганчевой и глиняной скульптуры, а также каменные архитектурные детали (среди них декоративные пилястры, капители, часть раскрашенной колонки и т. п.). Раскопки Кара-тепе обогатили науку большим числом эпиграфических находок. Здесь открыты надписи на бактрийском языке кушанским письмом, индийские надписи письмом *кхарошти* и *брахми*, среднеперсидские надписи и др.

Вопросам религиозно-идеологических представлений северокавказских гуннов был посвящен доклад *С. Г. Кляшторного* (Ленинград) «Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии». Освещая проблему становления религиозно-мифологической системы древних тюрков, автор доклада пришел к выводу о том, что в окончательном виде она складывается в Центральной Азии (III в. до н. э. — II в. н. э.). *М. Н. Погребова* (Москва) в докладе «О некото-

* Доклады, посвященные проблемам культурных взаимосвязей народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в средневековье, здесь не рассмотрены.

рых общих элементах в культуре Закавказья и Ближнего Востока во II—I тыс. до н. э.» рассмотрела ряд вопросов, связанных со сходством мифологических представлений у народов, населявших Иран и Закавказье в указанный период.

На заседаниях трех секций, выделенных по хронологическому признаку, были прочитаны доклады, посвященные более частным проблемам.

В докладе «О трактовке изображений на серебряных сосудах из Майкопского кургана» *Е. В. Антонова* и *Д. С. Раевский* (Москва) предложили новую интерпретацию изображений на этих сосудах, относя их к числу мифологических текстов. Воздерживаясь от определенных выводов относительно этнокультурной принадлежности исследуемых памятников, докладчики ограничились постановкой связанных с этой проблемой вопросов, требующих дальнейшей углубленной разработки. С докладом «Дольмены Западного Кавказа в свете изучения западноевропейских мегалитических камерных гробниц» выступил *В. А. Дмитриев* (Ленинград). О стилистической общности пластики Южного Кавказа и хетто-хуритского круга эпохи бронзы и раннего железа говорила в своем выступлении *В. В. Блаж* (Ленинград). *В. А. Коренько* (Москва) в докладе «Курган у села Новозаведенное на Ставрополье (К проблеме находок ассирийских вещей в курганах раннескифского времени)» высказал мнение, что помещения предметов ассирийского происхождения в раннескифские погребальные комплексы следует датировать не VII в. до н. э., а первой половиной VI в. до н. э. (т. е. после возвращения скифов из Передней Азии). Это мнение было подвергнуто аргументированной критике в выступлениях *В. Г. Петренко* и *А. М. Лескова*.

Доклад «О некоторых формах переднеазиатских топоров в Армении» предложили вниманию присутствующих *С. А. Есян* и *А. С. Пилипосян* (Ереван). Переднеазиатские топоры, которые с ранних пор проникали в Армению и Закавказье, свидетельствуют, по мнению авторов, о связях Армении с Передней Азией. В докладе были рассмотрены типы этих топоров начиная с эпохи ранней бронзы (III тыс. до н. э.) вплоть до I тыс. до н. э. Авторы особо остановились на тех формах, которые послужили основой для создания местных типов.

Вопрос о бронзах лчашенского типа и их аналогиях в металлопластике Передней Азии был темой выступления *Л. Г. Арутюняна* (Ереван). На основе анализа стилистических особенностей докладчик пришел к выводу, что, несмотря на близость бронз лчашенского типа к изделиям отдельных районов Передней Азии, металлопластика памятников Лчашена развивалась самостоятельно, опираясь на местные традиции предшествующего периода. В докладе *М. Маммаева* (Махачкала), посвященном культурным контактам древнего населения Дагестана со скифо-савроматским миром в середине I тыс. до н. э., говорилось, что в результате длительного контакта населения Северо-Восточного Кавказа со скифо-савроматским миром была подготовлена почва для внедрения в материальную культуру этого края элементов скифо-сарматской культуры и проникновения ираноязычного населения степей Поволжья в центральные и предгорные районы Северного Кавказа. По материалам декоративно-прикладного искусства сделали доклад *Р. Г. Кузев*, *А. Х. Пшеничнюк*, *В. А. Иванов* (Уфа), в котором сообщалось об этнокультурных связях народов Южного Урала с Центральной и Средней Азией в древности и средневековье.

Н. В. Аифимов (Краснодар) в докладе «Экспансия Боспора в Западном Прикубанье (К вопросу о меото-боспорских отношениях)», опираясь на данные археологических памятников, сделал вывод об активном проникновении Боспора в Западное Прикубанье намного раньше правления Левкона I (хотя, судя по эпиграфическим памятникам, боспорская экспансия в Западное Прикубанье начинается с его правления), уже в период Спартокидов.

Большую группу импортной тары с могильника городища № 2 у хут. им. Ленина Динского р-на Краснодарского края классифицировал в докладе «Античный керамический импорт IV—III вв. до н. э. из Среднего Прикубанья» *А. З. Аптекарев* (Краснодар). Рассмотренный им материал пополняет сведения об античном импорте с Боспора в Среднее Прикубанье в IV—III вв. до н. э. и дает дополнительные данные о связях Боспорского царства с различными центрами Средиземноморья и Южного Причерноморья в это время. Вопрос об античном импорте в степном Прикубанье во II в. до н. э. был посвящен доклад *И. Н. Аифимова* (Краснодар), основанный на материа-

лах погребального комплекса близ хут. Элитного, в котором значительное место занимают изделия, происходящие из различных регионов античного мира.

Основой доклада *И. Б. Брашинского* (Ленинград) «Об одном феномене предкавказского импорта IV в. до н. э.» стало рассмотрение уникальных находок амфоры так называемого финикийско-пунийского типа и комплекса остатков украшений в виде полихромных антропоморфных подвесок из финикийской стеклянной пасты на Елизаветовском поселении. Найденные предметы ставят ряд новых проблем культурно-экономических взаимодействий населения предкавказского региона в скифское время. Как отмечалось в докладе, помимо установления самого факта уникального восточного импорта следует более точно локализовать его, выяснить пути проникновения и т. д. *Ю. М. Десятников* (Москва) в докладе «Митридат Боспорский и Зорсин Сиракийский» коснулся истории сирако-боспорских отношений в середине I в. н. э., основываясь на 15—21-й главах XII книги *Анналов Тацита*.

О тесных взаимосвязях Иберии с греко-римским миром, которые особенно ярко проявились в культурно-бытовой сфере, свидетельствуют раскопанные на территории городища Дзалиса бани (I—III вв. н. э.) и сюжеты обнаруженных там мозаичных полов. С результатами этих раскопок ознакомили присутствующих *А. В. Болочадзе* и *Н. Г. Мирианашвили* (Тбилиси) в докладе «Античное городище Дзалиса». На основе изучения нумизматических данных *М. М. Расулова* (Баку) в своем выступлении говорила о связях Кавказской Албании с Парфией во II—I вв. до н. э., объясняя широкое распространение парфянских монет на территории Кавказской Албании со времен Митридата I ее возросшим торговым потенциалом, вовлечением ее в сферу экономического влияния государства Аршакидов. Выступление *Г. Г. Грекиной* (Баку) было посвящено изучению религиозных представлений кавказских албанцев в древности и средневековье.

Датировке «Перипла Эритрейского моря» — важного нарративного источника, овещающего связи Римской империи с Востоком, — был посвящен доклад *А. Г. Лундина* (Ленинград). Результаты анализа южноаравийских материалов «Перипла» позволили автору доклада датировать окончательную редакцию памятника началом III в. н. э. С докладом «Сакский панцирь и его роль в развитии защитного вооружения Евразии» выступил *М. В. Горелик* (Москва), который считает ошибочным мнение некоторых исследователей о том, что тяжелое защитное вооружение распространилось из Средней Азии на юг и восток. Проследив историю возникновения и распространения сакского панциря в различных регионах древнего мира, *М. В. Горелик* пришел к выводу, что сакский панцирь становится основным типом доспеха в Центральной Азии лишь в первой половине I тыс. н. э. До этого времени там существовали местные типы тяжелого вооружения. *И. Т. Кругликова* (Москва) и *В. А. Лившиц* (Ленинград) посвятили свой доклад исследованию изображений на буллах из Джига-тепе (Северный Афганистан), относящихся к кушано-сасанидскому периоду. Всестороннему изучению подверг *С. А. Узянов* (Москва) статуэтку богини в докладе «Серебряная статуэтка, найденная на Такти-Сангине». Результаты исследований металлических изделий из Такти-Сангина были изложены в докладе *М. С. Шемаханской* (Москва). *В. Г. Шкода* (Ленинград), выступивший с докладом «Пенджикентские храмы и кушанское наследие», говорил о посреднической роли кушан в распространении иранских и индийских элементов в согдийском искусстве. *В. А. Мешкерис* (Ленинград) посвятила свое выступление вопросам, связанным с классификацией и художественным анализом терракот кушанской Бактрии. Анализ музыкальных инструментов в росписях Топрак-калы был посвящен доклад *Ю. А. Рапопорта* (Москва).

Исследованию различных археологических памятников на территории Средней Азии, их датировке и исторической интерпретации были посвящены доклады *Б. И. Вайнберг* (Москва) и *Х. Ю. Юсуповой* (Ашхабад) «Культовый комплекс древних скотоводов на Узбое», *О. В. Обельченко* (Москва) «Кочевники Зарафшана и Сибирь», *В. Н. Пилипко* (Ашхабад) «Памятник раннежелезного века Гарры-Кяриз I» и *Г. Л. Седовой* (Москва) «Археологические исследования комплекса Кабадана середины IV—V в. н. э.». С результатами исследований отдельных археологических памятников, связанных с буддизмом, ознакомили слушателей *Т. И. Займаль* (Ленинград). *Б. И. Тургунов* (Ташкент) в докладе «Новые данные к истории Айртама», проанализировав характер погребений теперь уже полностью изученного Айртамского могиль-

ника, особо отметил интереснейшую находку — скульптурный блок с надписью. Это пока первая монументальная бактрийская надпись, найденная на территории Средней Азии, и первая бактрийская надпись, сопровождающая скульптуру. Надпись имеет первостепенное значение для понимания истории создания Айртамского культурного комплекса и его датировки.

В отдельную группу можно выделить доклады, посвященные всестороннему изучению Кара-тепе. Докладчики рассматривали конкретные вопросы архитектуры, живописи, эпиграфики этого памятника. В результате архитектурно-археологических исследований комплекса *О. А. Туманова* (Ленинград) выявила некоторые изменения в композиционной планировке Кара-тепе, а также закономерности в декоративном оформлении помещений, о чем говорилось в ее докладе «Архитектурные работы на Кара-тепе». В своем выступлении *М. А. Витренко* (Москва) говорила о художественных особенностях сюжетной живописи Кара-тепе, истоки которой она видит в эллинизированном искусстве Бактрии. С итогами изучения индийских надписей и надписей неизвестным письмом из Кара-тепе ознакомила участников конференции *В. В. Вертоградова* (Москва). На основе анализа иконографии кара-тепинского будды *Г. И. Еремин* (Москва) в своем выступлении говорил о значении Кара-тепе для изучения культурно-исторических евразийских связей I—IV вв. н. э. *Ю. Н. Полев* (Москва) выступил с докладом «О мифологии Великой Змея в храмовом искусстве буддизма в связи с раскопками на Кара-тепе. (К постановке вопроса)».

На заключительном пленарном заседании с докладом «Проблематика истории и культуры буддизма в Средней Азии» выступил *Б. А. Литвинский* (Москва). Он подчеркнул, что среднеазиатский буддизм со своей доктриной — это интегральная часть древнего мира. Буддийские учреждения явились важными элементами социальной и экономической структуры Кушанского государства и посткушанских государственных образований. Буддизм явился «проводником» индийской культуры в Среднюю Азию.

Взаимоотношениям Алании и Византии был посвящен доклад *В. А. Кузнецова* (Орджоникидзе) «Алания и Византия». Докладчик определил основную территорию византийского влияния на Северном Кавказе (западная часть Алании) и, выделив четыре этапа в алано-византийских отношениях, проследил историю их развития от зарождения контактов до крушения Алании в результате нашествия татаро-монголов. С докладом «Шедевры искусства храма Окса как источник информации о внешних культурных контактах Бактрии» выступил *И. Р. Пичикян* (Москва). На основании анализа археологического материала он пришел к выводу, что в Бактрии конца IV—II в. до н. э. существовало несколько местных скульптурных школ. Находки в храме Окса свидетельствуют, по мнению докладчика, о длительных и широких контактах Северной Бактрии с Ираном, Индией, Афганистаном и античным Средиземноморьем.

«Первый год работы Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ» — так назывался совместный доклад сотрудников экспедиции, который прочитал ее руководитель *А. М. Лесков* (Москва). Докладчик сообщил, что получен богатый археологический материал, характеризующий культуру населения Закубанья от эпохи бронзы до позднего средневековья. Работы на грунтовом могильнике под ст. Новосвободная дали материал VIII—VII вв. до н. э. (оружие, конские уборы, украшения). Богатый комплекс женского средневекового погребения (ткани, золотые украшения) был открыт в одном из курганов возле г. Теучежка. Там же был выявлен интересный сарматский комплекс с оружием, бронзовой, керамической и стеклянной посудой импортного производства, украшениями из золота (местными и импортными) и полудрагоценных камней. Наибольший интерес представляют исследования кургана в ауле Улян. Здесь был обнаружен богатый погребальный комплекс скифского времени, также представленный находками оружия, бронзовой утвари местного (котлы) и импортного производства (большой таз с фигурными ручками, украшенными врезными пальметками, и сосуд с вьюгой ручкой и атташем в виде головы кабана под ней) и многочисленными золотыми украшениями в скифском «зверином стиле». Кроме того, найдены шесть остродонных амфор круга Фасоса, которые можно датировать первой половиной IV в. до н. э. Уникальны находки образцов скульптуры: фигурок оленя и кабана, выполненных в технике сочетания трех материалов: дерева, серебра, золота. Такое сочетание встречается в погребениях скифского времени впервые. Эти находки проливают новый свет на культуру и искусство скифского времени.

И. В. Ксенофонтова

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

О ПРИРОДЕ БОГОВ

MARCI TULLII CICERONIS

DE NATURA DEORUM

Перевод и комментарии *Т. А. Лапиной*

Под редакцией *В. И. Кузнецова*

(XLV) Все это удивительно, но удивительнее всего устойчивость мира и его постоянная внутренняя связь, так что мы не можем представить себе ничего прочнее его. Все части мира со всех сторон стремятся с одинаковой силой к центру. Тела накрепко соединены между собой, словно скованные некой опоясывающей их цепью. Это делает природа, которая пронизывает вселенную и устраивает все в соответствии с разумом и рассудком; все внешние части она обращает и поворачивает к центру. (116) Мир шарообразен и все части его по этой причине повсюду однородны и замыкаются в себе. Это же нужно сказать и о земле: во всех частях ее, обращенных к центру (т. е. к внутреннему центру сферы) нет ничего, что могло бы нарушить или поколебать ее тяжесть и вес. По этой же причине и море, хотя оно расположено на поверхности земли, но устремляется к земному центру. Оно равномерно сгущается, никогда не разливаясь и не высыхая. (117) Соприкасающийся с морем воздух устремляется вверх благодаря своей легкости и распространяется во всех направлениях. Он соединен и связан с морем, а природа возносит его в небо. Там он смягчается благодаря небесной разреженности и теплу и затем дает живительное и благотворное дыхание живым существам. Верхняя часть неба, которая называется эфирной, охватывает его и, удерживая свой жар, чистый и не отягощенный никакой примесью, соединяется с крайней областью воздуха. (XLVI) В эфире вращаются звезды; они сгустились в шар собственными силами и бла-

годаря своей форме и очертаниям поддерживают все движение. Они ведь круглы, а эта форма, как я кажется уже говорил, менее всего подвержена повреждениям¹⁰². (118) Звезды по своей природе огненные; поэтому они питаются испарениями земли, моря и вод, поднимающимися с согреваемых солнцем полей и вод¹⁰³. Звезды и весь эфир, накормленные и воскрешенные этими испарениями, изливают их опять и вновь берут, так что почти ничего не гибнет; и звездный огонь, и эфирное пламя пожирают очень многое. Поэтому-то, по мнению стоиков, и произойдет событие, по поводу которого, как говорят, Панетий был в сомнении: весь мир в конце концов должен сгореть¹⁰⁴. Ведь когда вся влага будет выпита, земля не сможет уже питаться, а воздух не будет обращаться: он уже не сможет возникнуть, так как вся вода высохнет. Значит не останется ничего, кроме огня, а он — живое существо и бог — вновь воскресит мир и создаст ту же красоту.

(119) Я не хочу показаться вам навязчивым в рассуждении о звездах, особенно же о тех, которые, как говорят, блуждают. Я добавлю одно: при неравномерном движении их взаимная гармония так велика, что в то время как самая высокая Сатурнова звезда навевает холод, средняя Марсова сжигает, а лежащая между ними Юпитерова освещает и умеряет. Две звезды ниже Марса подчинены солнцу; само же солнце наполняет мир своим светом, а озаряемая им Луна посылает беременность, плод и своевременные роды. Таково сцепление вещей, таков союз, как бы заключенный ради целостности мира. Если найдется человек, которого это не трогает, я уверен — он просто никогда не задумывался об этом.

(XLVII, 120) Но давайте от небесного перейдем к земному. Здесь повсюду проявился разум мыслящей природы. Сначала о растениях, чьи корни уходят в землю и придают устойчивость стволу, который поддерживают. Корни высасывают из земли соки; ими питаются поддерживаемые корнями стволы. Стволы покрыты лыком и корой, это защищает растение от холода и жары. Действительно, виноград охватывает подпорку усиками, словно руками, и подымается вверх, будто живое существо. А если рядом с виноградом посадить капусту, он, говорят, даже бежит от нее и не прикасается к ней, словно к зачумленной и вредоносной. (121) А как разнообразны животные! Что за могущественная сила заставляет их сохранить свой собственный вид! Одни из них покрыты только кожей, другие одеты шерстью, третьи — щетинятся иглами. У одних мы видим перья, у других — чешую; одни вооружены рогами, другим даны, чтобы улететь, крылья. Природа щедро и в изобилии приготовила животным пищу, каждому свою. Я мог бы перечислить, что в строении тела животного приспособлено для ловли и добычи пищи, и рассказать, как искусно и красиво расположены части тела, как изумительно строение членов. Ведь все внутренние органы созданы и расположены столь совершенно, что нет ничего лишнего, ничего, что не было бы необходимым для поддержания жизни. (122) Природа наделила зверей чувствами и стремлениями. Стремления помогают им добыть естественную для них пищу; чувства же помогают им различать полезное и вредное. В самом деле, одни животные приближаются к еде шагом, другие ползком, третьи летают, четвертые плавают. Одни, раскрывая пасть, хватают пищу зубами, другие — цепкими когтями, третьи кривым клювом; одни сосут ее, другие щиплют, третьи пожирают, четвертые жуют. Одни так малы, что без труда хватают с земли пищу клювом; тем же, кто выше ростом, как гуси, лебеди, журавли и верблюды, помогает их длинная шея. А слону дана даже рука, ведь его огромное тело затрудняет ему доступ к пище.

(XLVIII, 123) Тем же зверям, которые питаются животными другого вида, природа дала силу или быстроту. Некоторые наделены даже своего

¹⁰² См. II, 18, 47.

¹⁰³ Ср. 15, 40; 33, 58.

¹⁰⁴ О гибели мира ср. *Diog. Laert.*, VII, 141.

рода хитростью и искусством. У паучков одни ткнут как бы некую сеть, чтобы съесть тех, кто к ней прилипает; другие же незаметно наблюдают и, когда кто-нибудь попадается, хватают его и пожирают. Пина¹⁰⁵ же (так называют ее греки), состоящая из двух больших раковин, заключила словно бы союз для добывания пищи с маленьким крабом. Когда маленькие рыбешки заплывают в раскрытую раковину, пина, предупрежденная крабом, захлопывает раковины. Так самые непохожие зверюшки добывают пищу совместно. (124) При этом следует спросить себя — объединились ли они, каким-то образом общаясь между собой, или от самого рождения соединены природой. Изумление вызывают также водяные животные, которые рождаются на земле, как, например, крокодилы, речные черепахи и некоторые змеи. Появившись на свет на суше, они, как только смогут двигаться, ползут к воде. Мы часто подкладываем курице утиные яйца. Родившиеся из них птенцы сперва питаются тем же, что и высидевшая и взлелеявшая их мать. Затем оставляют ее и бегут вперед, пока не увидят воду, словно свое естественное обиталище. Такое стремление к самосохранению дала природа животным. (XLIX) Я даже читал в одном сочинении, что есть какая-то птица, называется она пеликан. В поисках пищи она подлетает к птицам, которые ныряют в море. Когда же они вынырнут, держа рыбу, она, вцепившись клювом в их голову, сжимает ее до тех пор, пока они не отпустят схваченную добычу, на которую и набрасывается сам пеликан¹⁰⁶. Пишут, что эта же птица имеет обыкновение наедаться моллюсками, а переварив их желудочным теплом, выплевывает и так очищает наполненный пищей желудок. (125) Лягва, как говорят, обычно зарывается в песок и движется вблизи от воды, а когда рыбы приближаются к ней, принимая ее за пищу, лягва хватает их и пожирает. А между коршунами и вбронами идет словно бы некая естественная война. Поэтому если один из них где-нибудь натолкнется на яйца другого, то разбивает их. Кто может не изумиться этому факту, замеченному, как и многое другое, Аристотелем¹⁰⁷?

Стая журавлей, когда они, направляясь в теплые страны, пересекают море, вытягивается в виде треугольника. Встречный воздух они рассекают его вершиной; затем птицы постепенно поднимаются выше, действуя с обеих сторон крыльями, словно веслами. Основание же треугольника, который, вытянувшись, образует стая, защищает от ветра, как корма. Шею и голову они кладут на спину летящего впереди, и так как сам вожак не может этого сделать, — у него ведь нет никакой опоры, — он, чтобы отдохнуть, летит назад. Место его занимает другой, один из тех, которые уже отдохнули. И такая очередность соблюдается на протяжении всего пути. (126) Я могу привести много примеров в этом роде, но вы уже видите самую суть. Еще более известно, как осторожны звери, как они поминутно оглядываются на пастбище, как прячутся в свои норы. (L) Удивительно и следующее: животные применяют средства, которые недавно, т. е. несколько веков назад, открыл гений врачей: собаки лечат желудок рвотой, а египетские ибисы очищением. У пантер, которых варвары ловят отравленным мясом, есть, говорят, какое-то противоядие, так что съев его, они не умирают. А дикие козы на Крите, пораженные ядовитыми стрелами, ищут траву, которая называется ясенец; если ее отведать, стрела выпадает из тела. (127) Лани незадолго перед родами проводят полное очищение с помощью какой-то травки, которая именуется жабрица. Мы замечаем, что каждый в минуту опасности от насилия защищает своим оружием: бык — рогами, вепрь — клыками, лев — зубами. Одни спасаются бегством, другие прячутся; каракатицы пускают черную жидкость, а скат вызывает оцепенение шок. Многие отгоняют преследователей невыносимой, омерзительной вонью.

¹⁰⁵ Ср. *Plin.*, N. H. IX, 42, 635.

¹⁰⁶ *Arist.*, An. IX, 10; ср. *Plin.*, N. H. X, 40.

¹⁰⁷ В дошедших до нас сочинениях Аристотеля этого нет.

(LI) Да, бесконечна красота мира и велика забота божественного промысла. И благодаря нему вечно будут существовать различные виды зверей, деревьев и растений, чьи корни уходят в землю. Сила семени, которую они заключают в себе, так велика, что одно семя порождает много семян. Семя заключено во внутренней части плодов, которые растут на дереве. Этими же семенами вдоволь насыщаются люди, а земля наполняется множеством возрожденных растений этого же вида. (128) Что сказать о необыкновенном расчете, проявляемом для постоянного сохранения видов животных? Во-первых, одни из них самцы, другие самки; это придумала природа для непрерывного их воспроизводства. Затем, части тела прекрасно приспособлены и для рождения, и для зачатия. А у самца и самки необыкновенная жажда к соитию. Когда же семя попадет в свое место, оно забирает себе почти всю пищу, и так животное выкармливает семя, укрытое в его чреве. Когда же детеныш выпадает из материнской утробы, то у зверей, которые вскармливают молоком, почти вся пища матери превращается в молоко. А только что родившиеся детеныши без всякого учителя под руководством природы хватают сосцы и насыщаются их содержимым. А вот чтобы мы поняли, что ничего тут нет случайного, а все это — дело предусмотрительной и искусной природы: у кого рождается многочисленное потомство, как, например, у свиней, собак, тому дано много сосков; а мало их у тех зверей, у которых и родится мало. (129) Что сказать о необыкновенной любви, которую проявляют звери к рожденным ими детям; они ведь выращивают и оберегают их, пока те не смогут защищать себя сами. Хотя рыбы, как говорят, бросают икру, которую мечут; но ведь она легко держится на воде и из нее без труда выходят мальки. (LII) А вот черепахи и крокодилы, говорят, рождают потомство на суше, зарывают яйца в землю и удаляются: и детеныши рождаются и вырастают сами по себе. А курицы и другие птицы ищут для несения яиц тихое место, строят себе домик и гнездо, застилают его как можно мягче, чтобы лучше сберечь яйца; когда же из них вылупятся цыплята, они так о них заботятся, что согревают их крыльями, чтобы им не повредил холод, а если жара, закрывают их от солнца. Когда же цыплята уже могут пользоваться крылышками, мать летит за ними, отбросив все другие заботы. (130) Кроме того, люди с искусством и тщанием оберегают и охраняют некоторые породы животных и виды растений, поднимающихся из земли. Ведь существует много пород скота и видов деревьев, которые не могли бы существовать без человеческого попечения. В разных частях земли природа посылает людям много благ, помогающих им возделывать землю и собирать урожай. Египет орошается Нилом; он заливают истомленную жарой, измученную страну, а затем отступает, оставив утучненные, покрытые илом поля. Месопотамию же плодородной делает Евфрат, каждый год как бы заново возрождающий поля. А Инд, самая большая из всех рек, не только орошает водой и взрыхляет поля, но даже засеивает их, ведь, как говорят, он приносит с собой большое количество семян, схожих с хлебом¹⁰⁸. (131) Я могу привести много других замечательных событий, происходящих в разных странах, рассказать об областях, богатых разнообразными, только там растущими плодами. (LIII) Какова же изумительная щедрость природы, родящей так много питательных вещей, столь разнообразных, столь приятных, и все это в различные времена года, чтобы мы всегда наслаждались и новизной, и обилием! Она дает столько зрелых, столько полезных плодов и не только людям, но и скоту. Наконец, для растений, которых рождает земля, она посылает ветры Этезии, дуновение которых умеряет чрезмерный жар! Благодаря им и мор-

¹⁰⁸ Инд больше всех рек Европы и Передней Азии, но в самой Индии он уступает размерами Гангу, что было уже известно античным авторам. О семенах, будто бы приносимых Индом, нам ничего не известно из других источников. Страбон, ссылаясь на Аристубула, пишет только, что в Индии есть дикорастущее растение, похожее на хлеб (*Strabo*, IV, 1, 22).

ские плавания становятся быстрыми и надежными. (132) Многое следует обойти молчанием, но много надо сказать. Ведь невозможно и перечислить удобства, которые приносят нам реки и чередующиеся приливы и отливы в море, покрытые зеленью лесистые холмы, соляные копи, расположенные далеко от морского побережья, земли, наполненные целебными средствами, наконец, бесчисленные дары природы, необходимые для питания и жизни. Даже смена дня и ночи помогает живым существам, давая время и для деятельности, и для отдыха. Итак, можно заключить, что в нашем мире всем чудеснейшим образом управляет всеобщий божественный расчет, разум, здравый смысл, заботящийся о всеобщем благе и сохранении.

(133) Здесь кто-нибудь может спросить, для кого же создано столь замечательное устройство вещей, уж не для деревьев ли и травы? Хотя они и лишены чувств, но природа поддерживает и их. И все же такое предположение нелепо. Или, может быть, для зверей? Совсем неправдоподобно, чтобы боги столько трудились ради бессловесных и ничего не смыслящих существ. Итак, ради кого же создан мир? По-видимому, для тех живых существ, которые обладают разумом. А это — боги и люди, лучше которых, разумеется, нет ничего: ведь разум — это то, что превосходит все. Следовательно, именно ради богов и людей сотворены мир и все, что он в себе заключает. (LIV) Мы лучше пойдем, как бессмертные боги заботятся о людях, если рассмотрим устройство человеческого тела и все совершенство человеческого облика. (134) Жизнь поддерживают три компонента — еда, питье и дыхание; для восприятия всего этого больше всего подходит рот, который принимает в себя дыхание, так как он соединен с ноздрями, а при помощи вставленных в рот зубов пища разжевывается и размягчается. Острые передние зубы откусывают куски пищи, внутренние же, которые называются коренными, пережевывают их. Пережевывать, по-видимому, помогает также язык. (135) Пищевод, соединенный с основанием языка, служит его продолжением; туда сначала попадает взятая в рот пища. С обеих сторон он касается миндалин, а ограничивает его внешняя и внутренняя часть нёба. Пищевод, получив еду, вытолкнувшую и словно бы прогнанную усилиями и движением языка, проталкивает ее дальше. Причем те части пищевода, которые ниже проглоточного, расширяются, а те, которые выше, сжимаются. (136) У дыхательного горла (как называют его медики) вход соединен с основанием языка немного повыше, чем связан с языком пищевод. Тянется оно до самых легких и забирает воздух, попавший с вдохом, и выдыхает и выпускает его из легких. Дыхательное горло покрыто как бы некой оболочкой, которая служит для того, чтобы дыхание не задерживалось, если что-нибудь из еды случайно повредит горло. Желудок, расположенный под пищеводом, — это вместительница еды и питья, а легкие и сердце вводят извне воздух. Многое в желудке устроено удивительным образом; состоит же он почти целиком из мышц. Он многослоен, извилист и удерживает и содержит в себе ту пищу, которую принимает, суха ли она или жидка. Там пища изменяет свою природу и переваривается. Желудок соединяет всю полученную пищу в одну массу и смешивает ее, то сжимаясь, то расслабляясь. Таким образом, уже растертая пища легко переваривается и усваивается благодаря теплу, которого много в желудке, и воздуху; затем она распределяется по всему телу. (LV) Легкие же разрежены и рыхлы, наподобие губки; это очень удобно для того, чтобы вбирать в себя воздух. Легкие то сжимаются при выдохе, то расширяются при вдохе; таким образом они вводят в организм животворящее вещество, которым более всего питаются живые существа. (137) Тот сок, которым мы питаемся, отделенный от остальной еды, из желудка течет к печени по определенным прямым пищеводам, идущим от середины желудка до так называемой воротной вены. Они доходят до печени и соединяются с ней. Отсюда они тянутся в разные части тела; по ним пища спускается в печень и распадается в ней. Когда желчь и воды, выливающиеся из почек, отделяются от пищи, остаток превращается

в кровь и устремляется к воротной вене, к которой тянутся все пищеводы. Пища, скользя по ним, вливается в вену, которая называется поллой; через нее к сердцу проникает уже усвоенная и переваренная пища; от сердца же она распределяется по всему телу через весьма многочисленные сосуды, которые тянутся во все части тела. (138) Таким же образом удаляются из организма остатки пищи, ведь желудок то сжимается, то расширяется. Объяснить все это совсем не трудно, но это следует пропустить, чтобы в речи не было ничего неприятного. Лучше рассмотрим невероятное искусство природы. Воздух, который попадает в легкие с вдохом, сначала нагревается самим вдохом, затем соприкосновением с легкими; часть воздуха выходит с выдохом, часть же забирает определенная часть сердца, которая называется сердечным желудочком; к нему присоединен другой такой же, в который втекает кровь из печени через полую вену. Таким образом кровь растекается из этих частей по всему телу через вены, а воздух — через артерии. И тех, и других много, они расположены часто и пронизывают все тело, свидетельствуя о какой-то невероятной силе искусного и божественного создания. (139) Что сказать мне о костях? Они образуют прекрасно соединенный остов тела, служат для устойчивости членов и формируют их, обеспечивая все виды движения и активность тела. Прибавь сюда еще сухожилия, которыми закрепляются суставы, и сухожильные сплетения, простирающиеся через все тело; они, как и вены и артерии, беря начало от сердца, тянутся по всему телу. (LVI, 140) Можно добавить к тому, что я сказал, о столь рассчитанном, столь искусном промысле природы еще многое другое. Так мы постигаем, какие великие, какие замечательные дары дали боги людям. Во-первых, боги подняли людей с земли и поставили их вертикально, чтобы они могли глядеть на небо и познавать богов. Ибо люди на земле не жители и обитатели, но как бы зрители высшего и небесного; зрелища этого не созерцает вместе с нами ни один другой вид живых существ. А органы чувств, этих вестников и толкователей окружающих нас вещей, расположены в голове, словно на акрополе; они прекрасно приспособлены для своих функций. Ведь глаза, словно разведчики, занимают самое высокое место, где они и исполняют свои обязанности, замечая почти все. (141) И уши, так как они должны улавливать звук, который по воле природы уносится ввысь, прекрасно расположены в верхней части тела. Ноздри тоже правильно находятся вверху, так как всякий запах возносится вверх; а поскольку именно они по большей части судят о еде и питье, то не без основания они соседствуют со ртом. А вкус, который должен различать качества нашей пищи, находится во рту, который природа сделала входом в наш организм для еды и питья. Осязание же разлито по всему телу, чтобы мы могли чувствовать удары и даже самое незначительное воздействие холода и жары. Архитектор скрывает от глаз и ноздрей хозяина вещи, которые кажутся нам отвратительными, если мы их случайно заметим; как и он, природа удаляет подобные неприятные вещи от наших органов чувств. (LVII, 142) Какой другой творец, кроме природы, самой изобретательной из всех, мог бы достичь такого искусства при создании чувств? Во-первых, она прикрыла и защитила глаза тончайшей оболочкой. Сделала же она ее прозрачной, чтобы через нее можно было смотреть, затем прочной, чтобы оберегать глаза. Природа сделала глаза быстрыми и подвижными, чтобы они легко уклонялись, если что-то им мешает, и легко поворачивались к предмету, который хотят рассмотреть. Та часть глаза, при помощи которой мы видим, — она называется зрачком — так мала, что ей легко уклониться от опасности. Веки, этот покров глаз, на ощупь очень нежны, чтобы они не вредили зрачку. Они прекрасно могут и закрыться, если что-нибудь попадет в глаз, и открыться, причем происходит это с невероятной быстротой. (143) Веки защищены как бы частыком из волос, которые, если глаз открыт, выталкивают попавшую соринку. Когда же очи смежает сон и мы перестаем видеть, ресницы словно закутывают глаза, чтобы их

ничто не тревожило. Кроме того, полезно, что глаза скрыты и окружены со всех сторон выступами. Во-первых, высокие выступы, покрытые бровями, задерживают пот, стекающий с головы и со лба. Затем, щеки, находясь под глазами и немного выступая, защищают их снизу. Нос расположен так, что кажется как бы находящейся между глаз стеной. (144) А наши уши открыты всегда; ведь мы нуждаемся в слухе даже во сне: когда мы слышим звук, то просыпаемся. Ухо имеет извилистый проход; ведь будь он простым и прямым, что-нибудь могло бы туда попасть. И предусмотрено даже вот что: если какое-нибудь насекомое попытается туда проникнуть, оно прилипнет к ушной сере, как к птичьему клею. Те части тела, которые называются ушными раковинами, выступают наружу. Это сделано для прикрытия и защиты органа чувства и для того, чтобы звук не ускользнул прочь и не блуждал бы, но сразу же воздействовал бы на наши чувства. Ушные отверстия тверды, словно сделаны из рога, и в них много изгибов, так что, отталкиваясь от них, звук усиливается. Поэтому и в струнных инструментах резонанс создается с помощью черепахового панциря или рога, и звуки из вогнутого и замкнутого пространства возвращаются усиленными. (145) Подобным же образом ноздри, которые всегда открыты, так как они постоянно нужны, имеют узкие отверстия, чтобы в них не могло проникнуть ничего вредного. В ноздрях всегда есть влага, которая очень нужна, чтобы удалить пыль и подобные ей вещи. Органы вкуса прекрасно защищены: ведь они заключены во рту — это удобно для употребления и сохраняет их невредимыми. Каждое чувство человека намного превосходит чувства животных. (LVIII) Во-первых, наши глаза судят более тонко в тех видах искусства, в которых суждение принадлежит им, а именно: в живописи, лепке, резьбе и даже в телодвижениях и жестикуляции. Они судят о прелести, порядке и, я бы сказал, достоинстве цвета и форм и о многом другом. Ведь глаза различают добродетель и порок, гневное и милостивое, веселое и грустное, сильное и вялое, дерзкое и робкое. (146) Какой-то изумительной художественной способностью суждения обладают и наши уши, которые различают в звуках голоса, в пении свирели и струн разнообразные оттенки, интервалы и тона, а также многочисленные виды голоса: голос звучный и глухой, мягкий и грубый, низкий и высокий, большого диапазона и однотонный. Все это различают только уши людей. Равным образом мы прекрасно судим при помощи ноздрей обо всем, что касается вкуса и обоняния. Для того, чтобы пленять и услаждать наши чувства, изобрели много искусств, даже больше, чем хотелось бы. Мы ведь видим, каких успехов достигли в смешении благоуханий, изготовлении приправ к пище и украшений для тела.

(LIX, 147) В самом деле, кто не видит, что сам человеческий дух, разум, рассудок, здравый смысл, предусмотрительность созданы благодаря божественному попечению, тот, мне кажется, сам лишен этих качеств. Хотелось бы мне, чтобы на время, пока я рассуждаю об этом, мне было дано твое красноречие, Котта. Как бы ты говорил об этом! Во-первых, какая у нас проникаемость; затем, способность сочетать и сопоставлять последующее с предыдущим. Мы можем заключить при помощи разума, что из чего происходит; определяем и отчетливо понимаем каждую вещь в отдельности. Из этого ясно, какую же силу имеет знание: это такое качество, что и у бога нет ничего лучше. В самом деле, как замечательна та способность, которую вы, академики, принижаете и уничтожаете: с помощью чувств и духа воспринимать и понимать то, что вне нас! (148) Сравнивая и сопоставляя все это между собой, мы создаем искусства, служащие в жизни для пользы или для услады. А как прекрасна, как божественна царяца всего — как мы обычно ее называем — сила красноречия! Во-первых, благодаря ей мы учимся тому, что не знаем, а других можем научить тому, что знаем. Затем, благодаря ей мы убеждаем, внушаем, утешаем несчастных, благодаря ей освобождаем от страха трепещущих, благодаря ей смиряем кичливых, благодаря ей умеряем страсть и ярость;

она соединила нас в общество с правом, законами, городами, она увела нас от жизни свирепой и дикой¹⁰⁹. (149) Вдумайтесь только — просто невероятно, сколько изобрела природа, чтобы мы могли пользоваться речью! Ведь, во-первых, от легких до внутренней полости рта тянется дыхательное горло, через которое идет и льется звук, рождающийся разумом. Затем во рту помещается язык, граничащий с зубами. Он формирует и упорядочивает нечленораздельный звук и, касаясь зубов и других частей рта, делает звуки голоса ясными и определенными. Поэтому наши обычно говорят, что язык подобен смычке, зубы — струнам, ноздри же — тем рогам, которые дают во время игры резонанс струнам.

(LX, 150) Природа дала людям таких помощников, столь умелых в разнообразных искусствах — руки! Ведь нам легко сжать и легко вытянуть пальцы, так как сочленения гибки и движения ничуть не затрудняют суставы. Поэтому рука, действующая при помощи пальцев, пригодна и для живописи, и для лепки, и для гравирования, и для игры на струнных инструментах или свирели. Но это — вещи, относящиеся к усладе жизни, а вот это уже касается необходимого: обработка полей, постройка домов, изготовление одежды, тканье или шитье, выделка изделий из меди и железа. Следовательно, показания наших чувств ведут нас к открытиям разума, а осуществляем мы их, приложив наши творческие руки. У нас есть города, стены, жилища, святилища, чтобы мы могли быть защищенными, одетыми, здоровыми. (151) Даже обильную и разнообразную еду доставляет нам человеческий труд, т. е. руки. Ведь руки добывают и обильные плоды, которые приносят поля, — при этом снятое или сейчас же съедается или его заготавливают впрок. Кроме того, мы питаемся зверями и земными, и водяными, и летающими, частью охотясь на них, частью выращивая. Мы даже приучили четвероногих и ездим на них: их быстрота и сила дают быстроту и силу нам самим. Некоторых животных мы навьючиваем, на других накладываем ярмо. Мы обращаем себе на пользу острейшие чувства слона, тонкое чутье собаки. Мы извлекаем из земных недр железо — вещь, необходимую для обработки полей, мы отыскиваем скрытые в глубине медные, серебряные и золотые жилы, дающие нам материалы, полезные в быту и годные для украшений. Мы рубим лес и используем дикорастущую и обработанную древесину, и, разложив огонь, греемся и варим пищу или возводим постройки, чтобы, укрывшись за их стенами, защититься от холода и жары. (152) Лес годен, кроме того, и для постройки кораблей, которые, совершая плаванья, в изобилии доставляют нам отовсюду полезные для жизни вещи. Мы знаем правильное соотношение тех стихий, которых природа создала наиболее свирепыми — солнца, моря, ветров, так как существует наука мореплавания. Поэтому мы пользуемся и наслаждаемся многими дарами моря. А уж господство над земными благами у человека полное. Мы используем поля и холмы; реки — наши, наши и озера, мы сеем хлеб, мы сажаем деревья, с помощью оросительных сооружений мы даем земле плодородие; мы запруживаем, направляем и поворачиваем реки, наконец, мы стараемся создать своими руками в природе вещей как бы новую природу.

(LXI, 153) А разве человеческий разум не проник в самое небо? Ведь мы единственные из живых существ знаем восход, заход и путь звезд; родом человеческим установлены день, месяц, год; вычислены и предсказаны солнечные и лунные затмения — какие, сколько и когда будут. Созерцая все это, дух наш познает богов, и у нас появляется благочестие. Ему сопутствуют справедливость и другие добродетели. Благодаря им мы живем блаженной жизнью, совершенно подобной жизни богов. Единственное, в чем мы уступаем небожителям, так это в бессмертии. Но оно не влияет на блаженство в жизни. Изложив все это, я, мне кажется, достаточно показал, насколько природа человека превосходит природу всех

¹⁰⁹ Ср. De or. I, 8, 30—34.

других существ. Поэтому ни очертание и расположение наших членов, ни огромная сила нашего ума и дарований не могли возникнуть случайно.

(154) Остается доказать, чтобы наконец кончить, что все в мире, все, чем пользуется человек, создано и приготовлено для него. (LXII) Во-первых, для богов и людей создан сам мир; и все в нем изобретено и приготовлено для пользы человеческой. Мир — это как бы общий дом для богов и людей или город для тех и других. Ведь они одни обладают разумом, руководствуются правом и законом. Следовательно, подобно тому как Афины и Лакедемон, конечно, построены для афинян и лакедемонян и справедливо говорят, что все в этих городах создано для их жителей, так, конечно, и в нашем мире все создано для богов и людей. (155) Даже ход Солнца, Луны и прочих звезд, хотя он и обуславливает внутреннюю мировую связь, в то же время дает людям прекрасное зрелище. Ибо нет картины замечательнее, нет ничего прекраснее и лучше для разума и искусства. Мы постигаем размеренный путь светил, своевременность и разнообразие изменения этого пути. И раз это знают только одни люди, следовательно, создано это для людей. (156) Земля изобилует плодами и различными видами стручков, которые она рождает с величайшей щедростью; так что же, она производит их для зверей или для людей? Что скажу я о виноградниках и масличных рощах? Их обильные сочные плоды вообще не нужны зверям. Ведь у скота нет искусства сева, обработки, своевременной жатвы и сбора плодов, уборки и нового посева — заботится обо всем этом и пользуется этим один человек. (LXIII, 157) Подобно тому как лиры и флейты сделаны для тех, кто может ими пользоваться, так же нужно признать, что все, о чем я говорил, уготовано только для тех, кто этим пользуется. И если какие-нибудь звери схватят и похитят что-нибудь из этих продуктов, мы не скажем, что значит это создано также и для них. Ведь люди жнут хлеб не для мышей и муравьев, но для жен, детей, близких. Итак, звери, как я сказал, пользуются всем этим тайком, господа — открыто и свободно. (158) Следовательно, все это изобилие уготовано для человека. Правда, огромное богатство и разнообразие плодов, их восхитительный вкус, да не только вкус, но и запах и вид, могут вызвать сомнение, действительно ли природа дала это все одним людям. Однако совсем непохоже, чтобы такое изобилие было создано ради зверей: мы ведь знаем, что сами звери были сотворены для людей. Зачем действительно нужны овцы? Только чтобы люди одевались, изготовив из их руна шерсть. А животные эти не могли бы ни расти, ни питаться, ни приносить какую-либо пользу без человеческого ухода и заботы. Собаки — какие они верные сторожа, как они нежны и ласковы к хозяину, какая у них ненависть к посторонним, какую чуткость проявляют они, идя по следу, какое возбуждение во время охоты! Разве из этого не ясно, что рождены они для человеческой пользы? (159) Что я скажу о быках? Сама спина их показывает, что она сделана не для несения тяжести, задривок же создан для ярма, а могучие и широкие плечи — для влечения плуга. Поэты рассказывают нам, что быки вспахали землю и провели на ней борозды во времена золотого поколения людей; тогда никто еще не причинял им вреда.

Но тогда внезапно родилось железное поколение,
Оно впервые осмелилось выковать губительный меч
И съесть прирученного людьми молодого быка ¹¹⁰.

Ведь так велика казалась польза от быков, что преступлением считалось есть их.

(LXIV, 160) Долго говорить о пользе мулов и ослов, которые, несомненно, созданы на потребу людям. Действительно, что есть у свиньи, кро-

¹¹⁰ Имеется в виду предание о пяти поколениях людей (*Hesiod.*, Theog. 109—201). Приведенные стихи принадлежат Арату (см. прим. 83).

ме мяса? Сама душа дана ей вместо соли, чтобы она не протухла, как говорил Хрисипп. Природа не создала ничего плодovitее этой скотины именно потому, что она была уготована людям в пищу. А рыба! Сколько существует разновидностей рыбы и какой у нее приятный вкус! А птицы! Они доставляют такое удовольствие, что иногда кажется, что наша Проноя — сама эпикурейка. А птиц не ловили бы, если бы не разум и ловкость человека. Хотя некоторые птицы, «дающие пророчество по полету» и «дающие пророчество по крику» — как называют их наши авгуры — созданы, я полагаю, для ауспий. (161) Охотясь, мы встречаем огромных диких зверей; мы питаемся ими и упражняемся во время охоты, подражая военным упражнениям. А укротив и выдрессировав их, мы заставляем их служить себе, как, например, слонов. Из их тел мы извлекаем много лекарственных средств от болезней и ран, как и из некоторых деревьев и трав, о пользе которых мы узнали благодаря долговому употреблению и опыту. Давайте посмотрим словно бы духовными очами на всю землю и море. Ты различишь плодородные нивы и бескрайние просторы полей, густейший покров холмов, пастбища для скота, и стремительный бег морских волн. (162) И не только на земле, но и в глубинных недрах ее скрыто огромное количество полезных вещей. Они созданы для человека и находят их одни только люди.

(LXV) Вы оба, конечно, будете критиковать науку предвидения: Котта — потому что Карнеад охотно нападал на стойков, Веллей — потому что Эпикур ни над чем так не издевался, как над предсказанием будущего¹¹¹. Но мне кажется, что именно она, пожалуй, наиболее подтверждает, что божеский промысел печется о делах человеческих. Ведь, несомненно, есть предвидение, которое проявлялось много раз во многих местах, во многих частных и особенно общественных делах. (163) Многие знают гаруспики, многие предвидят авгуры, многие разъясняют оракулы, пророчества, сны и знамения. Многие будут происходить согласно желанию человека, он получит много выгод и избежит многих невзгод, если овладеет наукой предвидения. Следовательно, эта сила, искусство или природное свойство даны бессмертными богами человеку и никому другому для знания будущего. Если на вас не подействует этот аргумент, взятый в отдельности, то все в целом, соединенное и связанное между собой, конечно, должно подействовать.

(164) Действительно, бессмертные боги всегда проявляли заботу и попечение не только о всем роде человеческом, но и об отдельных людях. Ведь всю совокупность рода человеческого можно сузить, свести ее к небольшим группам и, наконец, к отдельным лицам. (LXVI) Ибо раз мы на основании соображений, которые я приводил, считаем, что боги заботятся обо всех людях, где бы они ни жили, в каком бы краю или части того круга земель, который мы населяем, ни находились, ясно, что боги заботятся обо всех людях, которые вместе с нами возделывают все эти земли от восхода до заката. (165) Если же они заботятся об обитателях того большого острова, который мы называем кругом земель¹¹², они заботятся также и об обитателях отдельных частей этого острова, а именно: Европы, Азии, Африки. Значит они пекутся и о частях этих частей: о Риме, Афинах, Спарте, Родосе. Любят и отдельных граждан этих городов. Во время Пирровой войны они любили: Курия¹¹³, Фабриция¹¹⁴, Корункания¹¹⁵, во

¹¹¹ Диоген также сообщает, что Эпикур отрицал предвидения и не верил гаданиям (*Diog. Laert.*, X, 135).

¹¹² Ср.: «Вся та земля, которую населяете вы (люди. — Т. Л.) ... есть, так сказать, небольшой остров, омываемый морем, которое вы на земле называете Атлантическим, Великим, или Океаном» (*De re publ.* VI, 20, 21).

¹¹³ М. Курий Дентат, разбивший Пирра при Малевенте (Беневенте).

¹¹⁴ Г. Фабриций Лусцин — консул 282 г. до н. э., полководец времен Пирровой войны.

¹¹⁵ Консул 280 г. до н. э., первый верховный понтифик из плебеев, крупный правитель.

время Первой Пунической — Калатина¹¹⁶, Дуиллия¹¹⁷, Метелла¹¹⁸, Лутация¹¹⁹, во Вторую Пуническую войну — Максима¹²⁰, П. Африканского¹²¹, Марцелла¹²², а позже Павла¹²³, Гракха¹²⁴, Катона¹²⁵ и на памяти отцов — Сципиона¹²⁶ и Лелия¹²⁷. Наше государство и Греция дали много исключительных мужей, и невозможно поверить, чтобы они могли быть такими без помощи божества. (166) Эта мысль вдохновляла многих поэтов, особенно Гомера; ведь во время опасности, в решающую минуту боги сопутствуют его главным героям — Улиссу, Диомеду, Агамемнону, Ахиллесу. Кроме того, частое появление самих богов, о котором я упоминал ранее, свидетельствует, что они заботятся о государствах и об отдельных людях. Об этом же свидетельствуют предвестники будущего, которые являются нам во сне и наяву. Нас предостерегают многочисленные знамения, гадания по внутренностям и много других вещей, которые мы хорошо узнали благодаря долгому опыту; ведь возникло даже искусство предвидения. (167) Не существовало никогда ни одного великого мужа без некоего божественного вдохновения. Против этого нельзя выдвигать следующее возражение: раз так, значит, если непогода разорит кому-нибудь пашню или виноградник, если случайно погибнет у кого-нибудь жизненно необходимое, мы должны считать, что бог этого человека ненавидит или им пренебрегает. Боги заботятся о главном, но пренебрегают незначительным. Великим мужам во всем и всегда сопутствует удача, ибо величайшее богатство заключается в самой добродетели¹²⁸, как прекрасно доказали стойки и основатель греческой философии Сократ.

(LXVII, 168) Таковы приблизительно мои мысли о природе богов, которые я считал необходимым изложить. Ты же, Котта, послушайся меня: ты должен защищать наше учение; вспомни, что ты первый гражданин и понтифик. И так как вам, академикам, можно выбирать любую точку зрения, лучше уж прими нашу сторону. И отстаивай ее с тем красноречием, которое ты приобрел упражнениями в риторике и углубил занятиями в Академической школе. Ведь это дурная и нечестивая манера — рассуждать против богов, от души ли вы это делаете или притворно.

III

(I, 1) Когда Бальб сказал это, Котта, смеясь, заметил:

— Ты поздно распорядился, Бальб, что мне защищать. Ведь пока ты рассуждал, я заранее готовил, что мне сказать против, и не столько, чтобы опровергнуть тебя, сколько, чтобы понять то, что мне неясно. Ведь у каждого должно быть свое мнение, и трудно добиться, чтобы я думал так, как хотелось бы тебе.

(2) Тут вмешался Веллей:

— Ты и не подозреваешь, Котта, с каким нетерпением я хочу тебя послушать. Ведь нашему Бальбу были приятны твои речи против Эпикура,

¹¹⁶ А. Калатин — см. прим. 47.

¹¹⁷ Г. Дуиллий, консул, разбивший в 260 г. до н. э. карфагенский флот в битве при Милах.

¹¹⁸ Л. Цецилий Метелл — консул 251 и 257 гг., диктатор 222 г. до н. э., разбил Газдрубала при Панорме.

¹¹⁹ Кв. Лутаций Катул разбил карфагенян в морском сражении при Дрепанах (241 г. до н. э.).

¹²⁰ См. прим. 49.

¹²¹ Имеется в виду П. Корнелий Сципион Африканский Старший.

¹²² См. прим. 48.

¹²³ Л. Эмилий Павел — победитель Персея Македонского.

¹²⁴ Отец знаменитых трибунов, см. прим. 18.

¹²⁵ М. Порций Катон Старший Цензор, консул 195, цензор 184 г. до н. э.

¹²⁶ П. Корнелий Сципион Африканский Младший.

¹²⁷ Г. Лелий Мудрый, консул 140 г. до н. э.

¹²⁸ См. I, 7, 16.

теперь же, когда ты выступаешь против стойков, и я покажу себя твоим внимательным слушателем. (3) Ведь, я надеюсь, ты, как всегда, явился хорошо подготовленным¹.

На это Котта:

— Конечно, клянусь Геркулесом, Веллей; ведь мои взгляды не такие, как у Луцилия, и не такие, как у тебя.

— А какие же?— спросил тот.

— Мне кажется, что ваш Эпикур не очень убедительно рассуждает о бессмертных богах. Он только не осмеливается отрицать существование богов, чтобы не навлечь на себя ненависти и обвинений. Действительно, он утверждает, что боги ничего не делают, ни о чем не заботятся, неделены человеческими членами, но никак не пользуются этими членами, и, кажется, полагает, что достаточно одурачит всех, если признает, что есть некая блаженная и вечная природа. (4) А вот Бальб, как ты, конечно, заметил, сказал очень много, и все это, даже если оно и не верно, было очень связано между собой и очень подходило друг к другу; поэтому, как я уже сказал, я намерен не столько опровергать его речь, сколько разобраться в том, что мне неясно. Поэтому, Бальб, я предоставляю тебе на выбор: предпочитаешь ли ты отвечать мне на вопросы об отдельных вещах, которых я не понял, или выслушать мою речь в целом.

На это Бальб сказал:

— Я бы предпочел отвечать тебе, если ты хочешь, чтобы я что-нибудь тебе разъяснил; если же ты спрашиваешь меня не столько, чтобы понять, сколько, чтобы опровергнуть, я сделаю одно из двух, согласно твоему желанию: или тотчас же отвечу по отдельности на то, что ты спрашиваешь, или в целом, когда ты выскажешься подробно.

(5) Превосходно,— воскликнул Котта,— тогда будем рассуждать так, как нас поведет сама речь. (II) Но прежде чем мы приступим к делу, я скажу несколько слов о самом себе. Ведь на меня немалое впечатление произвели и твой авторитет, и твои слова, которыми ты закончил свою речь, увещевая меня, чтобы я вспомнил, что я — Котта и понтифик. Это значило, я полагаю, что я должен защищать те верования в бессмертных богов, которые мы получили от предков, то есть священныхдействия, церемонии и религию. И я, действительно, их всегда защищал и всегда буду защищать; и ничья ученая или неученая речь никогда не поколеблет в моей душе то представление о культе бессмертных богов, которое я получил от предков. Но когда разговор идет о религии, я следую верховным понтификам Ти. Корункапию, П. Сципиону², П. Сцеволе, а не Зенону, Клеанфу и Хрисиппу, и у меня есть Г. Лелий³, авгур и в то же время Мудрец, и я лучше послушаю, как в своей знаменитой речи говорит о религии он, чем какой угодно основатель стоицизма. Вся религия римского народа делится на священныхдействия, ауспиции, и еще добавим третью часть, когда толкователи Сивиллиных книг или гаруспики предвещают что-нибудь на основании знамений, по появлению уродов или чудовищ. Я думаю, что никогда не следует осуждать ни одну из этих частей религии, и я убежден, что Ромул благодаря ауспициям, а Нума благодаря священныхдействиям заложили основание нашего города, который, конечно, никогда не смог бы стать столь великим, если бы мы не умилоствовали бессмерт-

¹ См. кн. II, прим. 68.

² Имеется в виду не один из Сципионов Африканских, а П. Сципион Назика, сын Гнея, консул 191 г. до н. э. Когда в Рим привезли Сирийскую Мать богов, он был послан для ее встречи, так как сенат признал его добродетельнейшим человеком Рима (*Liv.*, XXIX, 14, 8; *Fin.*, V, 22, 64).

³ Прозвище Г. Лелия было Мудрый. К 145 г. до н. э. народный трибун Г. Лициний Красс предложил законопроект, по которому выборы в жреческие коллегии должны были проводиться не членами этих коллегий, а народом. Г. Лелий, тогда претор, произнес против него свою самую знаменитую речь, бывшую апофеозом религии предков. В результате законопроект был отклонен (*Cic.*, *De amic.* 25, 95; *Vrut.* 21, 83; см. также далее, III, 17, 43).

ных богов. (6). Теперь ты знаешь, Бальб, что думает Котта, что думает понтифик, сделай же, чтобы и я понял, что ты думаешь; ведь я должен получить аргументы в защиту религии от тебя, от философа, а предкам нашим я должен верить без всяких доказательств.

(III) На это Бальб возразил:

— Каких ты ждешь от меня доказательств, Котта?

— Твое деление, — отвечал тот, — было четырехчленным: во-первых, ты хотел доказать, что боги существуют; во-вторых, — показать, каковы они; в-третьих, — что мир управляется ими; в-четвертых, — что они заботятся о делах человеческих. Таково, если я правильно припомнил, было твоё деление.

— Совершенно правильно, — сказал Бальб, — но я жду, о чем ты спросишь.

(7) Давайте же, — начал Котта, — рассмотрим первый пункт: если по этому вопросу сходятся все, кроме одних нечестивцев, — а уж из моей души невозможно исторгнуть веру в существование богов, — так ведь это то же самое, в чем меня убеждает и авторитет предков, но вот почему это так, ты мне никак не доказал.

— То есть как? — спросил Бальб. — Если ты в этом убежден, что же ты хочешь узнать от меня?

— Дело в том, — объяснил Котта, — что я приступаю к нашему обсуждению так, словно я никогда ничего не слышал о бессмертных богах и ничего не знаю о них. Выслушай же меня, невежественного и несведущего ученика, и научи тому, о чем я спрашиваю.

(8) Говори же, — сказал тот, — о чем ты спрашиваешь.

— Я-то? Во-первых, раз ты сказал, что этот пункт не нуждается в доказательствах, так как это совершенно ясно и ни у кого не вызывает сомнения, почему же ты говорил об этом самом так много?

— Потому, — отвечал тот, — что я часто замечал, что на Форуме ты, Котта, говоришь точно так же, когда можешь буквально завалить судью многочисленнейшими доказательствами, если только дело представляет тебе такую возможность. И так же делают и философы, и я сделал, как умел. Ты же, говоря это, поступаешь так, как если бы спросил у меня, почему я смотрю на тебя двумя глазами и не зажмуриваю одного, хотя мог бы добиться того же эффекта, глядя одним.

(IV, 9) Есть ли тут сходство, ты увидишь сейчас сам, — возразил Котта, — ведь не в обычае у меня доказывать нечто очевидное, с чем согласны все. Ведь очевидность ослабляется аргументацией. Но если бы даже я поступал так на Форуме, я бы не поступил так в нашей простой беседе. У тебя нет никакой причины зажмуривать один глаз, так как у обоих очей зрение одинаковое и так как природа вещей, которую ты считаешь мудрой, пожелала, чтобы у нас было как бы два окна, пробитых от духа к глазам⁴. Но поскольку ты не был уверен, что это столь очевидно, как бы тебе хотелось, ты пожелал доказать существование богов при помощи многих аргументов. Мне было бы достаточно одного — что так завещали нам наши предки, но ты пренебрегаешь авторитетами, ты борешься разумом. (10) Значит, представляется возможность моему разуму состязаться с твоим. Приводя все эти доказательства существования богов, ты достигаешь, на мой взгляд, того, что благодаря твоей аргументации самая несомненная вещь становится сомнительной. Я ведь запомнил не только количество, но и порядок твоих аргументов. Первым было то, что, когда мы взглянем на небо, сейчас же понимаем, что есть некое божество, которое всем этим управляет. Отсюда стихи: «Взгляни на эту сияющую высь; ее все зовут Юпитером»⁵.

(11) Как будто в самом деле кто-нибудь из нас назовет Юпитером эту сияющую высь, а не Капитолийского бога. И разве это так очевидно и все

⁴ Такое же рассуждение о душе и органах чувств в Tusc. I, 20, 46.

⁵ См. II, 2, 4.

согласны с тем, что боги — именно они, хотя Веллей и многие другие не признают даже, что они — одушевленные существа⁶? Тебе кажется веским аргументом, что представление о бессмертных богах общераспространено и ширится с каждым днем. Но неужели вам угодно выносить суждение на основании мнения глупцов, вам, которые говорят, что они безумны⁷? (V) Но ведь нам, по вашим словам, являются боги; например, они являлись Постумию у Регильского озера, Ватинию на Солярной дороге; есть еще какой-то рассказ о битве Локров у реки Сагры⁸.

И вот ты считаешь, что те, кого ты называл Тиндаридами, то есть люди, рожденные человеком, о которых Гомер, живший вскоре после них, говорит, что они погребены в Лакедемоне⁹, так вот, ты считаешь, что они верхом на белых клячах без всякой прислуги выехали, чтобы возвестить победу римского народа, навстречу простому человеку Ватинию, а не Марку Катону¹⁰, бывшему тогда первым гражданином? Значит, ты веришь, что тот отпечаток на булыжнике, вроде как бы от копыта, который сейчас виден у Регилла, — след коня Кастора? (12) Разве не лучше верить в то, что еще можно допустить: что души знаменитых людей, какими были твои Тиндариды, божественны и вечны, чем считать, что люди, которые были сожжены, могут скакать верхом и сражаться в войске? Если же это, как ты говоришь, возможно, объясни — как, чтобы не рассказывать старушечьих басенок.

(13) Неужели это кажется тебе басенками? — возразил Луцилий. — Разве ты не знаешь, что А. Постумий освятил на Форуме храм Кастору и Поллуксу, разве тебе неизвестен сенатусконсультум¹¹ о Ватинии? А о Сагре есть даже общераспространенная греческая поговорка: «Кто может сказать, что его слова более истинны, чем события у Сагры?»¹². Неужели на тебя не действуют такие авторитеты?

— Слухами сражаешься ты со мной, Бальб,— отвечал Котта,— а я жду от тебя доказательств.

(Небольшая лагуна)

(VI, 14). . . Следовательно, это будет: ибо никто не может избежать того, что будет. Часто даже нет никакой пользы знать будущее. Ведь тяжело мучиться, ничего не предпринимая, не имея даже последнего общего утешения — надежды, так как вы особенно настаиваете, что все происходит благодаря року, и то, что на протяжении всей вечности является истиной, — это и есть рок. А тогда какую помощь нам дает знание какого-нибудь из будущих событий, какое предостережение оно нам дает, если все это наверняка будет? Далее. Откуда у нас предвидение? Кто указал на карканье вороны? На жребий? Я верю этому и не могу презирать жезл Атта Навия¹³, которого ты упомянул. Но я должен услышать от философов, как понимать это явление, особенно если все эти пророки столько раз лгали. (15) Но ведь и медики, говоришь ты, часто ошибаются. Что же сходного между медициной, основание которой я вижу, и предвидением, где я не понимаю, как оно возникает? И ты даже считаешь, что жертва Дециев

⁶ Речь идет о небесных светилах, которых стойки обожествляли, а эпикурейцы считали неодушевленными.

⁷ О том, что стойки считали всех глупцов безумными, см. *Cic.*, *Paradox.* IV.

⁸ См. II, 2, 6.

⁹ *Hom.*, II, III, 243—244. Гомер говорит, что оба брата Елены были взяты землей в Лакедемоне. Но в «Одиссее» уточняется, что они были взяты землей живыми, один день проводят в Аиде, один день — среди живых и имеют честь наравне с богами. (*Hom.*, *Od.* XI, 300—304).

¹⁰ То есть Катону Старшему Цензору.

¹¹ Кроме законов, принятых народным собранием, существовали еще *senatus consulta*. Сенат не имел законодательной власти, поэтому *senatus consulta* понимались как инструкции сената магистратам, обладающим юрисдикцией, причем предписания инструкции приводились в действие властью этих последних.

¹² Ср. *Menandr.*, fr. 17.

¹³ См. II, 3, 9.

умилостивила богов ¹⁴! Как же ужасна их жестокость, если римский народ не мог бы их умилостивить, если бы не пали такие великие мужи! Но это был военный прием императоров (греки называют это *στρατήγεια* [стратегический маневр]), тех императоров, которые, заботясь о родине, не щадили своей жизни, ибо они думали, что войско бросится за императором, который, разгорячив коня, кинется на копыта врагов. Так и случилось. Голоса Фавна я никогда не слышал ¹⁵. Тебе, раз ты говоришь, что слышал, я верю, хотя и не знаю, что такое вообще Фавн. (VII) Итак, до сих пор, Бальб, ты не смог меня убедить в существовании богов. Я-то верю, что они существуют, но стоики это ничуть не доказали. (16) Ведь Клеанф, как ты сказал, полагал, что понятие о богах формируется в душах человеческих четырьмя способами. Первый — о нем я сказал достаточно — зиждится на предвидении будущего, второй — на бурях и непогоде и прочих стихийных явлениях, третий — на гармонии в природе и обилии ее даров, которые мы видим, четвертый — на порядке звезд и постоянстве движения неба. О предвидении мы уже говорили. Что касается волнений неба, моря и земли, я не могу отрицать, что, когда они происходят, находится немало людей, которые боятся их и полагают, что происходит это по воле бессмертных богов. (17) Но вопрос ведь не в том, есть ли люди, думающие, что боги существуют, а в том — существуют ли боги или их нет. Остальные же доводы, приводимые Клеанфом, — один зиждится на обилии даров природы, которыми мы пользуемся, второй — на порядке и смене времен года и постоянстве движения неба, — мы обсудим, когда будем говорить о промысле богов, о котором, Бальб, ты сказал так много. (18) По этим же причинам мы отложим обсуждение приведенных тобой слов Хрисиппа: «Так как есть в природе вещей нечто, что не может создать человек, значит, есть что-то лучшее, чем человек». Мы отложим также твое сравнение прекрасного дома с красотой мира и обращение к гармонии и соответствию всего мира и тогда же, как я сказал, обсудим короткие и замысловатые выводы Зенона. А все, что ты сказал насчет физики, — о силе огня и того тепла, из которого, по твоим словам, рождается все, мы рассмотрим в своем месте. А также все, что было сказано тобой третьего дня ¹⁶, когда ты хотел показать, что боги существуют, так как и мир в целом, и Солнце, и Луна, и звезды обладают чувствами и разумом, мы отложим до того же времени. (19) А я еще и еще спрашиваю тебя все о том же: на основании каких соображений ты убежден, что боги существуют?

(VIII) Право же, мне кажется, что я привел доводы, — ответил Бальб, — по ты на них возражаешь так, что, когда кажется, что ты собираешься спросить меня, а я готовлюсь ответить, ты внезапно поворачиваешь речь таким образом, что не даешь мне возможности для ответа. И вот наиболее важные вопросы — о предвидении, о роке — были обойдены молчанием. Обо всем этом ты упомянул вскользь, наши же обычно рассуждают много, но это не относится к нашему вопросу, который мы сейчас обсуждаем. Поэтому, пожалуйста, не веди речь беспорядочно, чтобы в ходе нашего диспута мы смогли выяснить то, о чем спорим.

(20) Хорошо, — отвечал Котта. — Поскольку ты разделил весь вопрос на четыре части, а о первой мы поговорили, рассмотрим вторую. Мне кажется, ее изложение было таким, что, желая показать, каковы боги, ты показал, что их вообще нет. Ты сказал, что дух с огромным трудом отвлекается от зрительной привычки ¹⁷, но, так как нет ничего совершеннее бога, ты не сомневаешься, что бог есть мир, лучше которого нет ничего в природе вещей. Только бы нам осознать, что он — живое существо, или лучше даже не осознать, а различить это духом так же, как мы различаем глазами прочие предметы. (21) Но вот ты говоришь: нет ничего лучше мира.

¹⁴ См. II, 3, 10.

¹⁵ См. II, 2, 6.

¹⁶ См. кн. II, прим. 68.

¹⁷ См. II, 17, 45 слл.

Но что ты подразумеваешь под словом «лучше?» Если то, что он всего прекраснее — согласен, если то, что он более всего для нас благоприятен — согласен и с этим, но если ты подразумеваешь, что нет ничего мудрее мира, я никоим образом не могу согласиться. Уму нетрудно отвлечься от зрительных образов, но чем больше я отвлекаюсь, тем меньше понимаю, что же ты утверждаешь. (IX) Нет в природе вещей ничего лучше мира, говорите вы, а на земле — нашего города. Но неужели ты предполагаешь, что по этой причине в городе есть рассудок, мысль, разум? Или, поскольку этого нет, считаешь, что муравью следует отдать предпочтение перед нашим самым прекрасным городом, так как у города нет никаких чувств, а у муравья не только чувства, но даже ум, рассудок, память? Надо полагать, Бальб, что ты утверждаешь не то, что хочешь сам, но что тебе навязано. (22) Все это прекрасно выражено в знаменитом древнем кратком и, как тебе кажется, принципиальном изречении Зенона. Зенон ведь выводит такое заключение: «То, что обладает разумом, лучше, чем то, что разумом не обладает. А нет ничего лучше мира, следовательно, он обладает разумом». (23) Так, если тебе вздумается, ты выведешь, пожалуй, что мир, по видимому, лучше всего читает книги. Ты ведь можешь сделать, следуя Зенону, такой вывод: «То, что грамотно, лучше, чем то, что неграмотно. А нет ничего лучше мира, следовательно, мир грамотен». Таким способом мир станет оратором, математиком, музыкантом, наконец сведущим во всех науках, наконец, даже философом. Ты часто говорил, что ничего не может возникнуть без бога и нет никакой силы природы, которая могла бы создать нечто несхожее с собой. Видимо, мир не только живое существо и мудрец, но даже кифаред и флейтист, так как из него произошли люди этих профессий? Итак, этот отец стоиков ничуть не добился того, чтобы мы признали, что мир обладает рассудком и что он вообще живое существо. Следовательно, мир — не бог, и, однако же, нет ничего лучше него, ничего прекраснее, ничего благотворнее для нас, ничего красивее для глаз, ничего постоянное в движении. Итак, если мир в целом — не бог, не боги также и звезды, бесчисленное множество которых ты ввел в число богов, ибо равномерный и вечный ход их тебя восхищает и, клянусь Геркулесом, по справедливости: постоянство их движения удивительно и невероятно. (24) Но, Бальб, не во всем, что обладает определенным и постоянным движением, мы должны видеть бога, а не явления природы. (X) Как ты полагаешь, что может быть постояннее Халкидского Еврипа¹⁸, Сицилийского залива или бушующего океана во время неизменно повторяющихся отливов там, где «Стремительная волна разделяет Европу и Ливию»¹⁹? А разве могут существовать без бога морской прибой в Испании или Британии и приливы и отливы в этих же странах в определенное время? Прошу тебя, подумай; если мы будем называть божественными всякое движение и все, что сохраняет свой порядок в течение определенных промежутков времени, не придется ли нам назвать божественной трехдневную или четырехдневную лихорадку, ибо что может быть постояннее ее повторяющихся приступов? Нужно объяснить причину всех такого рода вещей; (25) поэтому-то вы, будучи не в силах этого сделать, словно к алтарю, прибегаете к богу.

Тебе кажутся пронизательными слова Хрисиппа, человека, без сомнения, изворотливого и ловкого (я называю изворотливыми тех, мысль которых быстро поворачивается, ловкими же [callidos] — тех, дух которых от употребления нагревается [concalluit], как рука от дела)²⁰. И вот он говорит: «Если есть нечто такое, что человек не может создать, создавший это — лучше человека. А человек не может создать то, что есть в мире, следовательно, тот, кто может это сделать, превосходит человека. А кто

¹⁸ Халкидский Еврип — пролив между Евбеей и Европейским материком.

¹⁹ Стих неизвестного поэта, возможно, Эвния.

²⁰ Цицерон имеет в виду, очевидно, изворотливость ума Хрисиппа и в то же время некоторую его тяжеловесность, так что мысли его как бы ворочаются с усилием и от этого нагреваются.

может превзойти человека, кроме бога? Следовательно, бог есть». Тут та же ошибка, что и у Зенона. (26) Но ведь здесь строго не определено, что значит «лучше», «совершеннее», природа не отделена от разума. Хрисипп говорит, что во всей природе нет ничего лучше человека, если богов нет. Он считает, что величайшее сомнение для человека — думать, что нет ничего лучше человека. Было бы, действительно, самомнением думать, что ты лучше мира. Но не только не самомнение, но даже скорее благоразумие — понимать, что ты имеешь чувства и разум, а Орион и Каникула ²¹ — нет. И «если есть красивый дом, мы понимаем, — говорит он, — что построен он для господ, не для мышей; следовательно, мы должны считать, что мир — дом богов». Разумеется, я так бы и считал, если бы думал, что он построен, а не создан природой, как я покажу.

(XI, 27) У Ксенофонта Сократ спрашивает, откуда бы мы взяли дух, если бы никакого духа в мире не было. А я спрашиваю: откуда мы взяли речь, ритм, песни, если, конечно, мы не предположим, что Солнце беседует с Луной, когда подходит поближе, или что мир гармонически поет, как считает Пифагор ²²? Все это свойственно природе, Бальб, природе, которая не движется, подобно искусному мастеру, как думал Зенон ²³, — это положение мы рассмотрим далее, — а приводит все в действие и возбуждает движением и изменениями. (28) Мне понравилась твоя речь о гармонии и соразмерности природы, которая, как ты сказал, как бы связала все тесной родственной связью. Но я не одобряю твоего утверждения, что этого не было бы, если бы не охватывало все единое божественное дыхание. Все это связуют и сохраняют силы природы, не богов. Есть в этом словно бы та гармония, которую греки называют *συμπάθεια* [взаимное тяготение]. Но тем меньше оснований считать созданным божественным разумом то, что велико собственными силами.

(XII, 29) А как вы опровергнете аргументы Карнеада ²⁴? Если ни одно тело не бессмертно, то ни одно живое существо не вечно, а ни одно тело не бессмертно, и нет даже атома, который не мог бы разделиться и распасться. И поскольку всякое живое существо обладает восприимчивой природой и нет среди них ни одного, которое бы могло избежать необходимости что-то брать, то есть как бы принимать и получать что-нибудь извне, и если всякое живое существо таково, то нет ни одного бессмертного. Точно так же, если всякое живое существо может разделиться и расчлениваться, из них нет ни одного неделимого, ни одного вечного, и всякое живое существо создано для того, чтобы получать и принимать внешнюю силу, следовательно, всякое живое существо непременно должно быть смертно, разложимо и делимо. (30) Если бы всякий воск был текуч, не было бы никаких изделий из воска, которые не могли бы изменяться, также никаких изделий из серебра, никаких из меди, если бы изменчивой была природа серебра и меди; подобным образом, если материал, из которого состоит все, изменчив, ни одно тело не может не быть изменчивым. А то, из чего, как вам кажется, состоит все, изменчиво, значит всякое тело изменчиво. А если бы существовало некое бессмертное тело, то не все было бы изменчивым; итак, выходит, что всякое тело смертно. Каждое тело есть вода, воздух, огонь, земля или то, что стусилось из них или из какой-либо их части. (31) И нет ни одного элемента, который не был бы подвержен разрушению. Ведь все, состоящее из земли, разделяется. Влага же так податлива, что ее легко сжать и смять. Огонь и воздух легко реагируют на каждый толчок, и они сразу же, уступая природе, быстро рассеиваются. Кроме того, все элементы разрушаются, переходя в другое состояние. Земля

²¹ Каникула (Собачка), ныне Сириус.

²² Имеется в виду знаменитая музыка сфер. Ср. *Cic.*, *De re publ.* VI, 18, 48—49.

²³ См. II, 22, 57.

²⁴ Далее Котта приводит доводы Карнеада, записанные Клитوماхом. В более полном виде они сохранены у Секста. Из сравнения с Секстом видно, что Цицерон много опускал (*Sext.*, *Adv. math.* IX, 138 sqq.).

превращается в воду, а из воды возникает воздух, из воздуха — эфир, и затем они возвращаются в прежнее состояние. Поэтому, раз разрушается то, из чего состоит каждое живое существо, ни одно живое существо не вечно.

(XIII, 32) Хотя мы и обходим это молчанием, все же нельзя найти ни одного живого существа, которое никогда не было рождено и пребудет вечно. Ведь всякое живое существо имеет чувства; значит, оно ощущает и жару, и холод, и сладкое, и горькое и не может с помощью какого-то чувства ощущать приятное и не ощущать противоположное. Значит, если оно испытывает чувство наслаждения, оно испытывает и страдание. А кто знает страдание, непременно знает и гибель. Значит, нужно признать, что всякое живое существо смертно. (33) А если и есть что-либо, не ощущающее ни наслаждения, ни страдания, оно не может быть живым существом. Если же это живое существо, оно обязательно чувствует все это; а то, что испытывает все эти чувства, не может быть вечным; всякое же живое существо их испытывает, значит, ни одно живое существо не вечно. Кроме того, не может быть ни одного живого существа, у которого от природы не было бы никаких влечений и отвращений. Влечение испытывают к тому, что согласно с их природой; отвращение вызывает противоположное. Поэтому всякое живое существо стремится к чему-нибудь и чего-нибудь избегает. И то, чего оно избегает, — противно его природе, а то, что противно его природе, имеет разрушительную силу. Значит, всякое живое существо обязательно погибнет. (34) Существует бесчисленное количество доводов, из которых можно вывести и заключить, что нет ничего, что обладало бы чувствами и не было бы обречено на гибель. Поэтому все наши ощущения — холод, жара, наслаждение, страдание и другие чувства — могут погубить нас, если слишком усилятся. А нет ни одного живого существа, не обладающего чувствами; следовательно, ни одно живое существо не вечно. (XIV) Природа живых существ или проста, то есть состоит из одной только земли, одного огня, или воздуха, или влаги (но такое живое существо невозможно представить), или она сгустилась из многих элементов, каждый из которых занимает в мире определенное место: одни — низ, другие — верх, третьи — середину. Все эти элементы могут быть связанными между собой некоторое время, но навечно никак не могут. Каждый элемент обязательно вернется на свое место. (35) Итак, ни одно живое существо не вечно. Ваши, Бальб, сводят все обычно к силе огня, следуя, я полагаю, Гераклиту. Но о нем говорить не будем, так как его не все понимают одинаково — ведь он сам не хотел, чтобы его поняли²⁵. Вы утверждаете, что всякая сила — огненная и живые существа погибают, если их тепло остынет²⁶, и во всей природе вещей полно жизни и силы лишь то, что горячо. Но разве тела гибнут, только когда угаснет жар, и не гибнут, когда уходит влага или воздух? Кроме того, погибнуть можно и от чрезмерного жара. (36) Это — общее свойство всех элементов, в том числе тепла. Посмотрим, что из этого следует. Я думаю, вы считаете, что огонь — единственное живое и чувствующее существо во всей природе вещей. Но неужели огонь больше живое существо, чем воздух [anima], из которого состоит дух [animus] одушевленных существ [animantes], почему они и называются «одушевленные» [animantes]? Так как же вы утверждаете, словно это общее мнение, что нет духа, кроме огня? Представляется более вероятным, что существует некий дух, в надлежащей пропорции состоящий из огня и воздуха. Но если огонь — живое существо сам по себе, без примеси другого элемента, ибо это он, находясь в наших телах, наделяет нас чувствами, то сам он не может не обладать ими. И снова мы можем сказать то же самое: то, что обладает чувствами, обязательно испытывает наслаждение и страдание, а к кому приходит страдание, к тому при-

²⁵ См. I, 26, 74.

²⁶ См. II, 9, 23—24.

ходит и гибель. Итак, выходит, что и огонь вы не можете сделать вечным. (37) Но вы, кроме того, утверждаете, что всякий огонь нуждается в пище и не может существовать не питаясь. Значит, солнце, луна и остальные звезды питаются водой, кто — пресной, кто — морской? И Клеанф считает это причиной того, что солнце возвращается и не удаляется по орбите далеко от точек летнего и зимнего солнцестояния, так как не хочет уходить от еды ²⁷. Позже мы вернемся к этому. Сейчас же нужно сделать вывод, что то, что может погибнуть, не бессмертно от природы; огонь же погибнет, если не будет питаться, значит, огонь не вечен от природы.

(XV, 38) Можем ли мы понять бога, не наделенного никакой добродетелью? Разве мы не наделяем бога благоразумием, которое заключается в знании доброго и злого и не доброго и не злого? Но как тот, в ком нет и не может быть ничего злого, сможет отличить добро от зла? С помощью рассудка? Или пронизательности? Мы пользуемся ими, чтобы постигать скрытое через явное, но для бога не может быть ничего скрытого. Какое отношение имеет к богу справедливость, которая воздает каждому свое? Ведь, как вы утверждаете, справедливость порождается обществом и общностью людей. Воздержанность же состоит в пренебрежении телесными наслаждениями; значит, если есть в небесах место воздержанности, есть место и наслаждению. Как можно представить себе мужественного бога? Мужественного в страданиях? В труде? В опасности? Все это богу чуждо. (39) Как же мы можем представить себе бога, не обладающего рассудком, не наделенного ни одной добродетелью? Обдумывая учение стоиков, я уже не могу свысока глядеть на несведущую толпу и на невежд. Ведь вот верования невежд. Сирийцы поклоняются рыбе ²⁸, почти все породы животных почитаются египтянами. А уже в Греции имеется много богов из числа людей: Алабанд ²⁹ у жителей Алабанд, Тенн ³⁰ у тенефов, а Левкотей, которая была раньше Ино ³¹, и ее сына Палемона ³², Геркулеса, Эскулапа и Тиндаридов чтит вся Греция, а наши соотечественники почитают Ромула и многих других, которые, как они полагают, взяты на небо как новые и приписанные граждане ³³. (XVI, 40) Так говорят неучи. А что же вы, философы? Чем вы лучше? Я обхожу молчанием то, что по крайней мере красиво; в самом деле, пусть бог — сам мир. Конечно, это — «та сияющая высь, которую все называют Юпитером». Почему же мы прибавляем еще столько богов? Как велика их толпа! Мне, действительно, кажется, что их многовато. Ведь вы причисляете к богам отдельные звезды, называя их то именами зверей, как, например, Коза, Скорпион, Бык, Лев, то названиями неодушевленных предметов, как Арго, Жертвенник, Корона. (41) Пусть даже мы согласимся с этим. Но как можно не то что согласиться, но просто понять остальное? В разговорной речи мы называем хлеб Церерой, а вино Либером, но неужели ты думаешь, что есть такой сумасшедший, который верил бы, что еда, которую он ест, — бог? Ведь

²⁷ См. II, 33, 83; 15, 40; 46, 118.

²⁸ Это богиня Атаргитис-Деркетто, главный храм которой был у реки Гал. По словам Диодора, у этой богини лицо было женское, а тело — рыбе (*Did.*, II, 4). Лукиан также ее подробно описывает (*Lucian, de Dea Syr.* 14). См. также *Xen.*, *Anab.* I, 4, 10.

²⁹ Мифический основатель карийского города Алабанд.

³⁰ Тенн — сын Кикна или, по другим свидетельствам, Аполлона. Изгнанный Кикном, он поселился на острове, который назвал по своему имени Тенедосом. Тенн пытался помешать высадке ахейцев на свой остров, за что и был убит Ахиллом (*Apollod.*, III, 23—26).

³¹ Ино — дочь Кадма и Гармонии, вторая жена Атаманта, мачеха Фрикса и Геллы. Ино воспитала Диониса, за что Гера послала безумие на мужа ее, Атаманта, который хотел убить ее и своих детей. Одного сына он убил, но Ино с другим сыном, Меликертом, бросилась в море, где Дионис спас ее и сделал морской богиней Левкотейей. В Риме она была отождествлена с Матурой.

³² Палемон — морской бог, сын Левкотейи-Ино. Пока он был человеком, носил имя Меликерт.

³³ Резко осуждал обожествление людей еще П. Сцевола (см. кн. I, прим. 113), он называет те же имена, что и Цицерон, очевидно, предполагая, что это может привести к обожествлению владык в Риме (*Aug.*, *S. D.*, 17, 27).

раз ты говоришь о людях, которые поднялись до богов, объясни, как это могло случиться и почему сейчас уже больше не происходит, — я охотно поучусь. А то теперь я не знаю, каким образом тот, для кого «Зажжены были факелы на горе Эте», как говорит Акций, из этого пламени «Вошел в вечный дом отца»³⁴. Гомер, однако, заставляет Улисса встретиться с ним, как и с другими, кто расстался с жизнью, в подземном царстве³⁵. (42) Но я, право, хотел бы знать, какого Геркулеса мы чтим более всего, ибо ученые, которые обшарили древние и скрытые тексты, передают нам, что Геркулесов много³⁶. Самый древний был рожден Юпитером, причем древнейшим Юпитером — ведь и Юпитеров мы находим много в старых греческих книгах³⁷, от него и Лисифон³⁸ произошел тот Геркулес, который, как мы знаем, спорил с Аполлоном за треножник³⁹. Другой же, как передают, — египтянин, сын Нила. Он, как говорят, написал «Фригийские книги»⁴⁰. Третий же — из Дактилей с Иды; жители острова Коса справляют по нему тризну⁴¹. Четвертый, сын Юпитера и Астерии⁴², сестры Латоны, особенно почитается в Тире. У него, как передают, была дочь Карфаген. Пятый — из Индии и зовется Бел⁴³. Шестой же — наш, сын Алкмены, которого произвел на свет Юпитер, но третий Юпитер, ибо, как я покажу, мы знаем также много Юпитеров. (XVII, 43) И раз уж речь завела меня сюда, я докажу, что понтификальное право, обычаи предков и те жертвенные чашечки, которые завещал нам Нума и о которых говорил Лелий в своей знаменитой, прелестной, поистине золотой речи, лучше выучили меня почитать богов, чем доводы стоиков⁴⁴. Ведь следуй я за вами, ну что, скажи, отвечу я тому, кто спросит меня: если боги существуют, являются ли и нимфы богинями⁴⁵? А если нимфы — богини, то, конечно, боги — паниски и сатиры? Но если не боги, значит, не богини и нимфы? Между тем их храмы сооружены и публично освящены. Значит, не боги и остальные, храмы которых освящены? Пойдем дальше. Ты причисляешь к богам Юпитера и Нептуна; значит, и Орк, их брат, — тоже бог, и те реки, которые, как говорят, текут в подземном царстве — Ахерон, Коцит, Стикс, Перифлетон, а также Харон и Цербер должны считаться богами. (44) Но это следует отвергнуть. Значит, и Орк не бог? А тогда что же вы скажете о его братьях? Так говорит Карнеад не для того, чтобы низвергнуть богов —

³⁴ Котта говорит о Геркулесе. Из какой трагедии Акция эти строки — неизвестно.

³⁵ Одиссей видит в Аиде Геракла, но «Тень лишь. А сам он с богами бессмертными вместе в счастье живет» (Od. XI, 601—603; пер. В. В. Вересаева).

³⁶ Цицерон использует здесь труды александрийских теологов. Они объединили множество местных мифов, а также привлекли иноземных богов, которых греки отождествили со своими. Чтобы объяснить возникшие при этом противоречия, они начали различать нескольких богов, носящих одинаковое имя (см. III, 21, 53 сл.). Часто александрийские теологи, а вслед за ними Цицерон пользуются мифами, нам совершенно неизвестными, так как они обращались к «древним и скрытым текстам».

³⁷ См. III, 21, 53.

³⁸ Лисифон упоминается у Иоанна Лида, где она названа дочерью Океана (De mens. IV, 45). Возможно, она же мать Диониса. У позднейших толкователей Геракл и Дионис часто идентифицируются.

³⁹ Убив в припадке безумия своего друга Ифита, Геракл спросил Дельфийского оракула, как ему искупить невольное преступление, но его изгнали из храма. В гневе герой похитил треножник. Когда же за треножником явился сам Аполлон, между ними началась битва. Примирил их Зевс.

⁴⁰ О Геракле как древнем божестве египтян в отличие от эллинского героя говорит Геродот (II, 43—45). Больше о втором Геркулесе мы ничего не знаем. Что имеется в виду под «Фригийскими книгами», неизвестно.

⁴¹ Идеиские Дактили — низшие демоны из свиты Кибелы. Обычно их насчитывали пять; один из них носит имя Геракл, но не прослеживается никакой связи между ним и знаменитым героем (Paus., V, 7, 6—9; 8,4; 14,7; VIII, 31,3; IX, 19, 5; 27, 8; Strabo, VIII, 3, 30).

⁴² Астерия — см. ниже, прим. 53. Теологи отождествляли ее с восточной богиней Астартой. Ее сын Мелькарт идентифицировался с греческим Гераклом.

⁴³ Об индийском Беле нам ничего не известно.

⁴⁴ См. прим. 3.

⁴⁵ Доводы Карнеада здесь несколько сокращены Коттой (см. Sext., Adv. math. IX, 182 и далее).

ибо что менее подобает философу? — но чтобы изобличить стоиков в том, что они ничего не разъяснили о бессмертных богах. Итак, продолжим. Если эти братья, говорит он, в числе богов, можно ли отрицать божественность отца их Сатурна, которого вплоть до западных пределов наиболее чтут в народе? А если он — бог, надо признать богом и его отца Небо. А коли так, нужно считать богами и родителей Неба — Эфир и День ⁴⁶, и их братьев и сестер, которые, согласно древним генеалогиям, называются так: Амур, Обман, Страх, Труд, Зависть, Рок, Старость, Смерть, Мрак, Несчастье, Судебные жалобы, Благодарность, Ложь, Упорство, Парки, Геспериды, Сновидения, — все это, как передают, порождения Эреба и Ночи ⁴⁷. И нужно ли признать все эти чудовища богами или отвергнуть и первое предположение? (XVIII, 45) Как Аполлона, Вулкана, Меркурия и других ты именуешь богами, а вот в отношении Геркулеса, Эскулапа, Либера, Кастора и Поллукса сомневаешься? Но и тех и этих чтут одинаково, а у некоторых даже гораздо больше почитают последних. Следовательно, рожденных смертной матерью нужно считать богами? Так почему же тогда Аристей ⁴⁸, как говорят, изобретатель оливы, сын Аполлона, Тесей, сын Нептуна, и остальные, отцы которых боги, не находятся в числе богов? А как насчет тех, чьи матери — богини? Я полагаю, они имеют даже больше прав. Ибо как по гражданскому праву сын свободнорожденной матери свободен, так и по природному сын матери-богини непременно бог. Поэтому Ахиллеса благоговейнейшим образом чтут жители острова Астипалеи ⁴⁹. А если он бог, боги Орфей и Рес ⁵⁰ — дети Музы, если только не предпочитать морские браки земным. А если они не боги — ведь им нигде не поклоняются, — почему же тогда боги те? (46) Гляди же, божеские почести воздаются добродетелям этих людей, а не бессмертию, как ты, Бальб, по-видимому, утверждаешь ⁵¹. Как ты можешь, считая Латону богиней, не считать богиней и Гекату ⁵², мать которой Астерия ⁵³ — сестра Латоны? Или она тоже богиня? Ведь мы видим в Греции ее жертвенники и храмы. Если же она богиня, почему не богини Евмениды? Это, конечно, богини, выслеживающие преступления и злодеяния и мстящие за них; им посвящена роща в Афинах и у нас (ведь я так перевожу название рощи Фурий). (47) А раз боги таковы, что участвуют в делах человеческих, следует считать также богиней Nation ⁵⁴, которой мы обычно совершаем священнодействия, обходя ее святилище в Ардейском поле. Она называется Natio от nascentibus [рождающих], так как оберегает женские роды. А раз она богиня, богами надо считать и всех, о ком ты говорил: Честь, Верность, Разум, Согласие, а значит, также и Надежду, Память и все то, что мы можем выдумать, размышляя сами с собой. И если это неправдоподобно, неправдоподобно и то предположение, откуда мы вывели все это.

⁴⁶ Здесь Цицерон пользуется теологией, отличной от господовской. Она более или менее совпадает с теогонией Гигина. По Гесиоду, породила Урана Гея (Theog. 126—127).

⁴⁷ Из этого списка детьми Эреба и Ночи являются, по Гесиоду, только Эфир, День, Обман, Рок, Старость, Смерть, Печаль, Парки, Сновидения, Геспериды (Hesiod., Theog. 128—225; 212—225). Что же касается Труда, Судебных жалоб, Лжи, то, по Гесиоду, они — внуки Ночи (ibid., 226—229), Эрос же — древнейшее божество, ровесник Хаоса (ibid., 120). Но, возможно, под Амуром Цицерон понимал не Эроса (см. ниже, III, 23, 60 и прим. 97), а Сладострастие, порождение Ночи (ibid., 224). Зависть, дочь Стикса и Палланта (ibid., 383—384), Страх, Мрак, Упорство вообще Гесиодом не упомянуты. Многие из этих существ помещены Вергилием в преддверии Орка.

⁴⁸ Сын Аполлона и нимфы Кирены.

⁴⁹ Астипалея — остров между Родосом и Наксосом.

⁵⁰ Рес — фракийский царь, от коней которого зависела судьба Трои. Он был сыном Каллионы или, по другим мифам, Евтерпы и реки Стримона (Apollo., I, 3, 4).

⁵¹ См. II, 24, 62.

⁵² Геката, согласно Гесиоду, благая богиня. Лишь позже она начала пониматься как грозное хтоническое божество (Hesiod., Theog. 411—452).

⁵³ Астерия — Титанида, дочь Титана Коя и Фебы (Hesiod., Theog. 404—409).

⁵⁴ Римская богиня — покровительница родов.

(XIX) Далее. Если боги те, кого мы знаем и чтим, почему не причисляем мы к их сонму Сераписа и Изиду? А если мы сделаем это, зачем же нам отвергать и варварских богов? И вот мы возведем в число богов быков, лошадей, ибисов, коршунов, змей, крокодилов, рыб, собак, кошек и многих других зверей. Если же мы все это отвергнем, надо отвергнуть и то положение, откуда все это выведено. (48) Так что же, пусть Ино, которую греки зовут Левкотеей, а мы Матутой⁵⁵, считают богиней, так как она — дочь Кадма, а Цирцея, Пасифая⁵⁶ и Ээт — дети Персеиды, дочери Океана и Солнца, не будут в числе богов, хотя и Цирцею благоговейно почитают наши колонисты, жители Цирцей⁵⁷? Значит, и ее ты считаешь богиней? А что ты скажешь о Мее, которая произошла от двух дедов, Солнца и Океана, от отца Ээта и матери Идии? А что — о ее брате Абсирте, который у Пакувия назван Эгиал⁵⁸? (Первое имя употребительнее в книгах древних.) Если они не боги, не знаю, что будет делать Ино, ведь все это вытекает из одного и того же источника. (49) Или, может быть, богами были Амфиарай и Трофоний⁵⁹? Наши публиканы, когда поля в Беотии, посвященные бессмертным богам, были изъяты цензорным законом, отрицали, что бессмертны те, которые когда-то были людьми. Впрочем, если они боги, конечно бог и Эрехтей⁶⁰, святилище и жреца которого мы видим в Афинах. А если мы сделаем его богом, следует ли сомневаться в божественности Кодра и остальных людей, которые пали, сражаясь за свободу родины⁶¹? И если это неправдоподобно, нельзя назвать правдоподобным и ранее сказанное; ведь из него все и вытекает. (50) Но можно догадаться, что во многих городах, чтобы доблесть возрастала, чтобы лучшие граждане охотнее шли ради государства на опасности, память о храбрых мужах увековечена божескими почестями. Ведь по этой самой причине Эрехтей и его дочери считаются в Афинах в числе богов. Равным образом в Афинах есть святилище Леонтид, которое называется Леокорион⁶². А жители Алабанд более благоговейно чтят Алабанда, который основал их город, чем кого угодно из знаменитых богов. Стратоник⁶³, будучи у них, когда какой-то докучливый человек доказывал ему, что Алабанд бог, а Геркулес нет, как всегда, не без остроумия сказал: «Ну, хорошо. Пусть на меня прогневаются Алабанд, а на тебя Геркулес!». (XX, 51) И неужели ты не видишь, Бальб, как далеко ты зашел, говоря о небе и звездах? Боги, по-моему, и Солнце, и Луна; одного греки называют Аполлоном, другую — Дианой. Поэтому, если Луна — богиня, значит, в сонме богов пребывают и Люцифер, и другие блуждающие звезды, а значит, и неподвижные. А почему же не в сонме богов радуга? Ведь она красива; и по той причине, что вид у нее изуми-

⁵⁵ См. прим. 31.

⁵⁶ Пасифая — жена Миноса, мать Минотавра.

⁵⁷ Страбон сообщает, что в Цирциях, где, по преданию, жила Цирцея, находится храм этой богини (*Strabo*, V, 3, 6).

⁵⁸ Котта говорит о трагедии Пакувия «Медус»; Абсирт, или Эгиал, — брат Медеи, умерщвленный ею (см. ниже, III, 26, 67).

⁵⁹ Трофоний и его брат Агамед — сыновья орхоменского царя Эргина. Впрочем Трофония считали сыном Аполлона. Оба брата славились как чудесные строители. Но, построив сокровищницу Гирнею, они оставили для себя тайный ход, так что число сокровищ все время уменьшалось. Тогда царь поставил капканы, куда и попался Агамед. Брат отрубил ему голову, чтобы не быть узанным, но сам был заживо поглощен землей. Он чтился как божество, и существовал его оракул (*Paus.*, IX, 37, 2—7).

⁶⁰ Эрехтей — сын Пандиона, царь Аттики. Когда он вел войну с Элевсином, Дельфийский оракул предсказал, что он победит, только если принесет богам свою дочь. Эрехтей принес в жертву младшую дочь Хтонию, а остальные дочери сами лишили себя жизни. Так Эрехтей достиг победы (*Apollod.*, III, 14, 6; 15, 4).

⁶¹ Кодр — последний аттический царь. Во время нашествия дарийцев принес себя в жертву за свою родину и тем спас Атику.

⁶² Леон — афинский герой, принесший своих дочерей в жертву и спасший этим город (*Paus.*, I, 5, 2).

⁶³ Стратоник — афинский кифаред IV в. до н. э. Ему принадлежит много острот, приводимых Афинеем (*Athen.*, VIII, 348d — 352d).

тельный, она зовется Иридой, дочерью Тавманта ⁶⁴. А если ее природа божественна, что ты скажешь об облаках? Ведь сама радуга возникает из каким-то образом окрашенных облаков. Одно из них, говорят, даже родило кентавров ⁶⁵. А если ты и облака возведешь в сонм богов, уж, конечно, надо возвести туда же и непогоды, которые освящены обрядами римского народа ⁶⁶. Следовательно, дожди, туманы, бури, вихри должны считаться богами. Наши же вожди, отправляясь в море, имели обыкновение приносить жертвы волнам ⁶⁷. (52) И если Церера — богиня, так как она приносит плоды, — ведь так ты говорил, — то богиня и сама земля, ее и считают богиней, что же другое есть Теллус ⁶⁸? А если земля, значит и море, которое ты называешь Нептуном, следовательно, и реки, и источники. Поэтому Масон ⁶⁹, приехав из Корсики, освятил храм Источнику, и в молитвах наших авгуров мы слышим имена Тиберина, Спинона, Альмона, Нодина и других соседних рек. Следовательно, это все или уходит в бесконечность, или мы не признаем все это и отвергаем этот неиссякаемый источник суеверия. Значит, все это следует отвергнуть.

(XXI, 53) А теперь, Бальб, я хочу возразить тем, кто утверждает, что боги, бывшие прежде людьми, которых мы благоговейно и свято чтим, вознеслись на небо не в самом деле, а в представлении людей ⁷⁰. Во-первых, так называемые теологи насчитывают трех Юпитеров. Из них первый и второй рождены в Аркадии, один — от отца Эфира (от него, как передают, произошли Прозерпина и Либер), другой — от отца Неба (он, говорят, родил Минерву, которую считают покровительницей войны). Третий же — критский, сын Сатурна; его могилу показывают на этом острове ⁷¹. Диоскуров также у греков называют по-разному. Первые три, которых в Афинах именуют Анактами ⁷², рождены от древнейшего царя Юпитера и Прозерпины, это Тритопадор, Евбулей и Дионис ⁷³. Следующие два — дети третьего Юпитера и Леды — Кастор и Поллукс. Третьи, — как передают некоторые, Алкон, Меламп и Тмол ⁷³ — сыновья Атрея, который был рожден Пелопсом. (54) Первые четыре Музы — Телксиноя, Аэда, Архэ, Мелета — рождены вторым Юпитером. Следующие девять произошли от третьего Юпитера и Мнемосины. Третьи же рождены Пиером и Антиопой;

⁶⁴ Ирида (Радуга) — дочь морского божества Тавманта. Это имя Котта выводит из греческого глагола θαυμάζω (удивляться, изумляться), явно пародируя аналогичные построения Бальба.

⁶⁵ Царь лапифов Иксон, отец Пейрифоя, полюбил Геру. Зевс подменил ее облаком, имевшим облик Геры. Облако родило от Иксиона всех кентавров, кроме Хирона (*Apollod.*, I, 20).

⁶⁶ Храм Непогодам освятил Л. Корнелий Сципюн, консул 259 г. до н. э., возле Капенских ворот (*Ovid.*, *Fast.* VI, 193; об этом же говорится в «Элогии» Л. Сципиона, сына Барбата; см. *Федорова Е. В.* Латинская эпиграфика. М., 1969, с. 182—183).

⁶⁷ Уже стоя на корабле, полководец молился, держа в руках внутренности жертвенного животного, а затем кидал их в воду. Об этом обычае упоминает Ливий (XXIX, 27, 6).

⁶⁸ См. II, 26, 27. Terra — земля, почитают ее под именем Tellus.

⁶⁹ Г. Папирий Масон, консул 231 г. до н. э., завоевавший Корсику.

⁷⁰ Судя по этим словам, Котта собирался далее говорить о героях, возведенных в сонм богов, — Диоскурах, Геркулесе и других. Но в действительности он рассуждает совсем о другом. Либо здесь небольшая лагуна, либо мы имеем дело со следами недоработки в тексте (см. кн. II, прим. 68). Далее Цицерон, видимо, пользуется трудами александрийских теологов (см. прим. 36 к настоящей книге).

⁷¹ О том, что на Крите показывали могилу Зевса, упоминает и Каллимах (*Нумп.* in *Jovem.* V, 8).

⁷² Анакты — владыки. Плутарх сообщает, что под этим именем чтили в Афинах Диоскуров, ибо Тиндариды в поисках своей похищенной сестры Елены взяли Афины, но позднее афиняне с ними примирились и обожествили их под именем Анактов (*Plut.*, *Thes.* 33; *Num.* 13). Павсаний же иногда называет Диоскуров Алактами независимо от того, где их чтили (II, 22, 6; 36, 6). Но в одном месте он говорит, что служение этим владыкам тайное, что никто точно не знает, имена каких богов кроются за названием Анактов. «Одни говорят, что это Диоскуры, другие, что это Куреты, те же, кто считает себя более знающим в этом деле, — Кабиры» (X, 38, 7).

⁷³ Все эти имена совершенно не ясны. *Тритопадор* — прадед, пращур.

их поэты обычно называют Пиериды или Пиерии ⁷⁴; их столько же и у них такие же имена, как у вышеупомянутых. И вот ты говоришь, что Солнце [Sol] называется так потому, что оно единственное [solus], а как много Солнц открыто теологами! Одно из них — сын Юпитера, внук Эфира, второе — сын Гипериона ⁷⁵, третье — Вулкана, сына Нила, городом которого египтяне считают тот, что зовется Гелиополем; четвертое, говорят, было рождено в героические времена на Родосе Акантом. Это отец Иалиса, Камира, Линда ⁷⁶. От пятого, как передают колхи, произошли Ээт и Цирцея. (XXII, 55) Вулканов тоже немало. Первый — сын Неба, от него и Минервы родился Аполлон; древние историки считают, что под его покровительством находятся Афины ⁷⁷. Второй рожден Нилом — Пта, так называют его египтяне; его считают защитником Египта. Третий — от третьего Юпитера и Юноны; он начальствует над Лемносской Кузницей. Четвертый рожден Меналием ⁷⁸, он владеет островами возле Сицилии, которые зовутся Вулкановыми. (56) Один Меркурий рожден отцом Небом и матерью Днем; его природа находится в непристойном возбуждении, так как он взволнован видом Прозерпины ⁷⁹. Другой — сын Валента и Корониды, а под землей он называется Трофонием ⁸⁰. Третий рожден третьим Юпитером и Майей ⁸¹; от него, как говорят, Пенелопа родила Пана. Четвертый рожден от отца Нила; египтяне считают кощунством его называть. Пятый, которого чтут фенеаты, как говорят, убил Аргуса и по этой причине бежал в Египет и дал законы и письменность египтянам. Его египтяне называют Тотом; этим именем зовется у них и первый месяц года. (57) Из Эскулапов первый — от Аполлона; его почитают аркадцы; он, как говорят, изобрел хирургический зонд и первый перевязал рану. Вторым — брат второго Меркурия; передают, что его, пораженного молнией, погребли в Киносуре ⁸². Третий — от Арсипа и Арсиной ⁸³; по рассказам, он первый изобрел очищение желудка и вырывание зубов; его могилу и священную рощу показывают в Аркадии, недалеко от реки Люсия. (XXIII) Из Аполлонов древнейший тот, который, как я сказал несколько ранее, рож-

⁷⁴ «Дети Алоя считали, что муз было числом всего три, и дали им следующие имена: Мелета, Мнема, Азда. С течением времени... прибыл... Пиер из Македонии..., установил число муз в количестве девяти и дал им те имена, которые они носят... Но есть люди, которые говорят, что у самого Пиера было девять дочерей и что их имена были те же самые, что и у богинь, и те, которых эллины называют детьми муз, были внуками Пиера» (*Paus.*, IX, 29, 2—4). Здесь Телксиноя и Архэ не названы, зато добавлена Мнема. По более распространенному мифу, Пиериями звали девять девушек, пожелавших соперничать с музами в искусстве пения и за то обращенных в птиц (*Ovid.*, Met. II, 270—330). Мимнром же различал старших муз — дочерей Урана и младших — дочерей Зевса (*Paus.*, IX, 29, 4—5).

⁷⁵ Сын Гипериона — это и есть известный нам по Гомеру и Гесиоду Гелиос. Об остальных мы не знаем ничего.

⁷⁶ Чисто родосский миф. Линда, Камира и Иалиса Пиндар называет внуками Солнца и Роды (*Ol.* VIII, 73—75).

⁷⁷ По свидетельству Климента Александрийского, об Аполлоне, сыне Гефеста и Афины, упоминает Аристотель (см. далее, прим. 86).

⁷⁸ Имя нигде более не встречается.

⁷⁹ Изображение Гермеса с поднятым фаллом имеет отношение к тайному культу кабиров. Связанный с этим миф являлся священной тайной, поэтому Геродот не решается его рассказать (*Herod.*, II, 51).

⁸⁰ Валент — имя явно латинское, между тем Цицерон использует здесь труды греческих теологов. Поэтому, вернее всего, Валент — это перевод имени греческого героя Исхиса, возлюбленного Корониды. Эта Коронида, согласно распространенному мифу, — мать Асклепия, изменившая Аполлону с Исхисом. За это Артемиды убила ее, а ребенка из погребального костра спас Гермес (*Paus.*, II, 26, 6). Далее (III, 22, 57) Цицерон называет второго Гермеса братом Асклепия. Спасение Гермесом младенца из костра — деталь, видимо, восходящая к какому-то забытому мифу, объяснявшему глубокую связь этих двух вождей. Связь между Трофонием и Гермесом по другим источникам не прослеживается.

⁸¹ Это классический Гермес.

⁸² Место в Аркадии (*Paus.*, VIII, 27, 4).

⁸³ В несохранившейся части «Теогонии» Гесиода Асклепий назван сыном Арсиной (*Paus.*, II, 26, 7).

ден от Вулкана и является хранителем Афин. Другой — сын Корибанта, рожден на Крите⁸⁴; у него, как передают, был спор за этот остров с самим Юпитером. Третий рожден третьим Юпитером и Латоной; он, как говорят, пришел в Дельфы от гиперборейцев⁸⁵. Четвертый почитается в Аркадии; аркадцы называют его Номион, так как думают, что от него они получили свои законы⁸⁶. (58) Диан тоже много. Первая — от Юпитера и Прозерпины; она, как передают, родила крылатого Купидона. Вторая более известна: она, как мы знаем, рождена третьим Юпитером и Латоной. Отец же третьей, как передают, — Упис, мать — Главка. Греки часто называют ее Упой по имени отца⁸⁷. Дионисов мы знаем много. Первый рожден Юпитером и Прозерпиной⁸⁸; второй — Нилом; он, как говорят, основал Нису. Третий — от отца Кабира; думают, что он как царь управлял Азией и это в честь него установлены Сабазии⁸⁹. Четвертый — от Юпитера и Луны⁹⁰; считают, что для него были установлены Орфические священнодействия. Пятый рожден Нисом и Тионой; полагают, что им установлены Триетериды. (59) Первая Венера рождена Небом и Днем; ее святилище мы видим в Элиде⁹¹. Другая родилась из пены⁹²; от нее и Меркурия, как мы знаем, произошел второй Купидон. Третья рождена Юпитером и Дионой; она замужем за Вулканом, но от нее и Марса, говорят, рожден Антерос⁹³. Четвертая пришла из Сирии и Кипра; зовется она Астартой, а в брак вступила, как передают, с Адонисом. Первая Мишерва, как мы говорили раньше, — мать Аполлона. Вторая рождена Нилом; ее чтут египтяне из Саиса⁹⁴. Третья — та, которая, как мы уже сказали, произошла от Юпитера. Четвертая рождена Юпитером и Корифой⁹⁵, дочерью Океана; ее аркадцы называют Корией и считают изобретательницей квадриг. Пятая — дочь Палланта⁹⁶. Она, как говорят, убила отца, пытавшегося совершить над ней насилие; ее изображают в крылатых сандалях. (60) Передают, что первый Купидон, рожден Меркурием и первой Дианой; второй — Меркурием и второй Венерой⁹⁷; третий, он же Антерос, — Марсом и третьей Венерой. Это и другое в том же духе собрано из древних преданий Греции, и ты понимаешь, что с этим надо бороться, чтобы религия не пришла в беспорядок. Ваши же не только не опровергают эти мифы, но еще укрепляют их своими толкованиями.

⁸⁴ Аполлodor, напротив, называет Аполлона отцом Корибантов (*Apollod.*, I, 3, 4).

⁸⁵ Это классический Аполлон. Гимерий, излагая прозой не дошедший до нас гимн Алкея, пишет: «Когда родился Аполлон, Зевс... послал его в Дельфы, чтобы оттуда он приносил правду и правосудие всем эллинам. Аполлон же... пустил лебедя (которым была запряжена его колесница.— *Т. Л.*) лететь к гиперборейцам. Но в Дельфах, когда узнали об этом, сочинили песнь и пеаны и, ставши вокруг треножника, закружились в хороводе, призывая бога от гиперборейцев. Он, однако, целый год был там» (прежде чем прибыл на Дельфы.— *Т. Л.*) (*Or.* XIV, 10).

⁸⁶ Эпитет на самом деле означает «пастушеский». Климент Александрийский пишет: «Аполлона Аристотель считает сыном Гефеста и Афины, другой Аполлон, на Крите,— сын Корибанта; ...четвертый, аркадский,— сын Силена» (*Protr.* II, 28, 3). Арнобий также указывает, что Аполлонов было четыре (*IV*, 15—16).

⁸⁷ О первой и третьей Дианах нам ничего не известно.

⁸⁸ Это Дионис-Загрей, чтившийся орфиками.

⁸⁹ Обо всех этих Дионисах нам ничего не известно. Кабирь — низшие демоны, чтившиеся в мистериях. Культ их был тайным, и оттого мы мало знаем о них. Сабазии — фрикийские празднества в честь Диониса и Великой Матери.

⁹⁰ В тексте, видимо, ошибка. Не Луны-Селены, а Семелы, так как именно ее сын, наиболее известный Дионис, не упомянут.

⁹¹ Об этой Венере нам ничего не известно.

⁹² Согласно Гесиоду, Афродита родилась из пены морской, куда капала кровь осклопленного сына Урана (*Hesiod.*, *Theog.* 189—198).

⁹³ Это представление восходит к Гомеру. Платон, обратив внимание на то, что существуют два мифа о рождении Афродиты, говорит, что их две: высшая — Урания и низшая — Пандемос (*Plat.*, *Sympos.* 180 d—e).

⁹⁴ Античные авторы отождествляли с Афиной «владычицу Саиса» Нейт (*Plat.*, *Tim.* 21e. См. также *Herod.*, II, 29, 59, 169, 170, 175; *Strabo*, XVII, 1, 18).

⁹⁵ Корифа, вероятнее всего, искусственное имя, выдуманное александрийцами (*Κοριφή* — по-гречески «голова»).

⁹⁶ Обычно считается, что Паллант — это гигант, убитый Афиной.

⁹⁷ Цицерон не упоминает Эроса Гесиода — древнейшее божество, современника Хаоса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
 ВФ — Вопросы философии
 ЗООИД — Записки Одесского Общества истории и древностей
 ЗРАО — Записки Русского Археологического общества
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИАК — Известия Археологической Комиссии
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 III КССА — III Всесоюзная конференция по вопросам скифо-сарматской археологии.
 М., 1972.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НАА — Народы Азии и Африки
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты Археологической комиссии
 ОНУ — Общественные науки в Узбекистане
 ПИОП — Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-
 Ата, 1980
 ПСА — Проблемы скифской археологии
 СА — Советская археология
 СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
 ССЗС — Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
 Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии. Ленинград
 СЭ — Советская этнография
 УСА — Успехи среднеазиатской археологии
 АА — *Archaeologischer Anzeiger*
 AAq — *American Antiquity*, ed. by The Society for American Archaeology
 Abh. Sächs. Akad. — *Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften*
 AcOr — *Acta Orientalia* (Copenhagen)
 AJA — *American Journal of Archaeology*
 АК — *Antike Kunst*
 BA — *Baessler-Archiv*, Berlin (neue Folge)
 BiOr — *Bibliotheca Orientalis*
 BMFEA — *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*
 BMHB — *Bulletin du Musée Hongrois de Beaux-Art*
 BSFE — *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie*
 BSOAS — *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*
 CdE — *Chronique d'Égypte*
 CIA — *Congreso Internacional de Americanistas*
 EAZ — *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift*
 ES — *Etnologiska Studier*, Göteborg
 ESA — *Eurasia Septentrionalis Antiqua*
 FMNH ASP — *Field Museum of Natural History, Chicago, Anthropological Series, Publications*
 HGA — *Histoire Général de l'Afrique*
 HSAI — *Handbook of South American Indians; Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, Bull. 143, Washington D. C.*
 IG — *Inscriptiones Graecae*
 IGBR — *G. Michailov. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*
Insch. Erythr. Klaz. — H. Engelmann, R. Merkelbach. Inschriften von Erythrai und Klazomenai
Insch. Magn. — O. Kern. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. B., 1900
Insch. Priene — F. Hiller von Gaertringen. Inschriften von Priene. B., 1906
Insc. Délos — Inscriptions de Délos

- IOSPE — *B. Latyshev*. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
- Ist. Mitt. — Istanbuler Mitteilungen
- JA — Journal asiatique
- JAOS — Journal of American Oriental Society
- JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
- JEA — Journal of Egyptian Archaeology
- JEOL — Jaarbericht «Ex oriente lux»
- JHS — Journal of Hellenic Studies
- JNES — Journal of Near Eastern Studies
- JRS — Journal of Roman Studies
- JSA — Journal de la Société des Américanistes. Paris
- LSCG — *F. Sokolowski*. Lois sacrées des cités grecques. P., 1969
- MA — Monumenta americana, Berlin
- Michel — *Ch. Michel*. Recueil d'inscriptions grecques
- M—L — *R. Meiggs, D. Lewis*. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1969
- MMAB — Metropolitan Museum of Arts Bulletin
- NP — Nāwpa-Pacha, Berkeley
- NSc — Notizie degli Scavi
- OGIS — *W. Dittenberger*. Orientis Graeci inscriptiones selectae
- Öjh — Österreichische Jahreshefte
- OMRO — Oudheidkundige Mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden
- Or — Orientalia
- OS — Orientalia Suecana
- Pouilloux*. Choix — *J. Pouilloux*. Choix d'inscriptions grecques. P., 1960
- PP — Parola dell passato
- RA — Revue archéologique
- RdE — Revue d'égyptologie
- RE — *Pauly, Wissowa, Kroll*. Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
- RMN — Revista del Museo Nacional Lima
- SBPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
- SC — Scythica et Caucasica
- Schmitt*. Staatsverträge, III — *H. H. Schmitt*. Staatsverträge des Altertums. B. III. München, 1969
- SCO — Studi classici et orientali
- SE — Studi etruschi
- SMB FB — Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte
- STE — State and Temple Economy in the Ancient Near East
- Syll. ³ — *W. Dittenberger*. Sylloge inscriptionum Graecarum. 3 ed.
- Tod — *M. N. Tod*. A Selection of Greek Historical Inscriptions
- UCLA LAS — UCLA Latin American Studies. Los Angeles
- UCPAAE — University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. Berkeley
- WO — Welt des Orients
- WZKMU — Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx Universität
- ZÄS — Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde
- ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Стучевский И. А.</i> (Москва) — «Притеснение» «первого жреца» Амуна Аменхотепа и вторжение войск «царского сына Куша» Панехси	3
<i>Виноградов Ю. Г.</i> (Москва), <i>Карышковский П. О.</i> (Одесса) — Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э. II	21
<i>Немировский А. И.</i> (Москва) — Надпись из Сатрика — опорный пункт раннеримской истории	40

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

<i>Лукин Б. В.</i> (Ташкент) — Исследования по древней истории в республиках Средней Азии (1972—1982 гг.)	52
<i>Чаплыгина Н. А.</i> (Кишинев) — Изучение древней истории в Молдавской ССР	60

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Сапрыкин С. Ю.</i> (Москва) — Золотая пластина из Горгиппи	68
---	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Луидин А. Г.</i> (Ленинград) — Дешифровка протосинайской письменности	79
<i>Кузьмина Е. Е.</i> (Москва) — О «прочтении текста» изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени	95
<i>Гимадеев Р. А.</i> (Ленинград) — О возможном персидском источнике Фукидидова описания первого похода афинян в Египет	106
<i>Высотская Т. Н.</i> (Симферополь) — К вопросу о локализации Палакия	111
<i>Муравьев С. Н.</i> (Москва) — Птолемеява карта Кавказской Албании и уровень Каспия (<i>Постановка вопроса. Системный анализ карты, предварительная локализация рек и поселений, стратегия дальнейших поисков</i>)	117
<i>Селецкий Б. П.</i> (Ленинград) — Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 90—80-х годов I в. до н. э.	148
<i>Березкин Ю. Е.</i> (Ленинград) — Двуглавый ягуар и жезлы начальников (<i>Символы власти и социальные функции в доколумбовой Америке</i>)	163

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Свенцицкая И. С.</i> (Москва) — Д. И. Ц и б у к и д и с. Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850—1974 гг.). М., 1981	185
<i>Маяк И. Л.</i> (Москва) — Новый труд о древнейшем Лацин	187
<i>Гринбаум Н. С.</i> (Ленинград) — Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Fasc. XX. 25° Anniversario della decifrazione della Lineare B (1953—1978). Roma, 1979	199
<i>Кушинская Е. В.</i> (Москва) — Ellen Meiksins Wood, Neal Wood. Class Ideology and Ancient Political Theory. Socrates, Plato and Aristotle in Social Context. Oxford: V. Blackwell, 1978	204
<i>С. М.</i> (Москва) — 50-й том «L'Année philologique»	207
<i>Семпер Н. Е.</i> (Москва) — Новая иностранная литература по египтологии. (<i>Библиографический обзор</i>)	210

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ксенофонтова И. В.</i> (Москва) — Всесоюзная научная конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье» (Москва, 7—12 декабря 1981 г.)	224
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

Марк Туллий Цицерон. О природе богов. Перевод и комментарии Т. А. Лапиной (Москва)	228
--	-----

C O N T E N T S

<i>I. A. Stuchevsky</i> (Moscow) — The «Persecution» of Amenhotep, «First Priest» of Amun, and the Incursion of the Troops of Panehsi, «King's-Son of Kush» . . .	3
<i>Yu. G. Vinogradov</i> (Moscow), <i>P. O. Karyshkovsky</i> (Odessa) — Kallinikos Son of Euxenos. From the Political, Economic and Social History of Olbia in the Second Half of the Fourth Century B. C. II	21
<i>A. I. Nemirovsky</i> (Moscow) — An Inscription from Satricum: Its Importance for Early Roman History	40

SIXTIETH ANNIVERSARY OF THE USSR

<i>B. V. Lunin</i> (Tashkent) — Research on Ancient History Conducted in the Central Asiatic Republics	52
<i>N. A. Chaplignina</i> (Kishinev) — The Study of Ancient History in Moldavia . . .	60

PUBLICATIONS

<i>S. Yu. Saprykin</i> (Moscow) — A Gold Plaque from Gorgippia	68
--	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>A. G. Lundin</i> (Leningrad) — Decipherment of the Proto-Sinaitic Script	79
<i>Ye. Ye. Kuz'mina</i> (Moscow) — Approaches to the Interpretation of Scythian Representational Art	95
<i>R. A. Ghimadeyev</i> (Leningrad) — A Possible Persian Source for Thucydides's Description of the First Athenian Expedition to Egypt	106
<i>T. N. Vysotskaya</i> (Simferopol) — Locating the Site of Palacium	111
<i>S. N. Mouraviev</i> (Moscow) — Ptolemy's Map of Caucasian Albania and the Level of the Caspian Sea	117
<i>B. P. Seletsky</i> (Leningrad) — The Financial Policies of the Optimates and Populares in the 90's and 80's B. C.	148
<i>Yu. E. Berezkin</i> (Leningrad) — Power Symbols and Social Functions in Pre-Columbian America	163

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>I. S. Svetsitskaya</i> (Moscow) — D. I. Tsibukididis. <i>Drevnaya Gretsia i Vostok. Ellinisticheskaya problematika grecheskoi istoriografii (1850—1974)</i> . M., 1981	185
<i>I. L. Mayak</i> (Moscow) — A New Work on Early Latium	187
<i>N. S. Greenbaum</i> (Leningrad) — Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Fasc. XX. 25° Anniversario della decifrazione della Lineare B (1953—1978). Roma, 1979	199
<i>I. V. Kuvshinskaya</i> (Moscow) — Ellen Meiksins Wood, Neal Wood. <i>Class Ideology and Ancient Political Theory. Socrates, Plato and Aristotle in Social Context</i> . Oxford: B. Blackwell, 1978	204
<i>S. M.</i> (Moscow) — «L'Année philologique», tome L. Paris, 1981	207
<i>N. Ye. Semper</i> (Moscow) — New Foreign Literature on Egyptology (Bibliographical survey)	210

SCIENTIFIC EVENTS

<i>I. V. Ksenofontova</i> (Moscow) — All-Union Scientific Conference on «Cultural Contacts of Central Asia and the Caucasus with the Surrounding World in Antiquity and the Middle Ages» (Moscow, 7-12 December 1981)	224
---	-----

SUPPLEMENT

<i>Marcus Tullius Cicero</i> . On the Nature of the Gods. Translation by <i>T. A. Lapina</i> (Moscow)	228
---	-----

Технический редактор *Н. Р. Торцигина*

Сдано в набор 19.11.82	Подписано к печати 24.01.83	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 22,4 вкл. Усл. кр.-отт. 104,2 тыс.	Бум. л. 8,0 Уч.-изд. л. 26,2
	Зак. 2228 Тираж 4581 экз.	

Адрес издательства: 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10